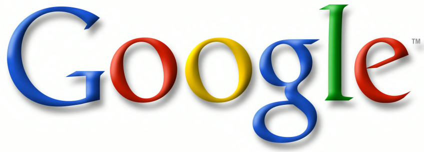
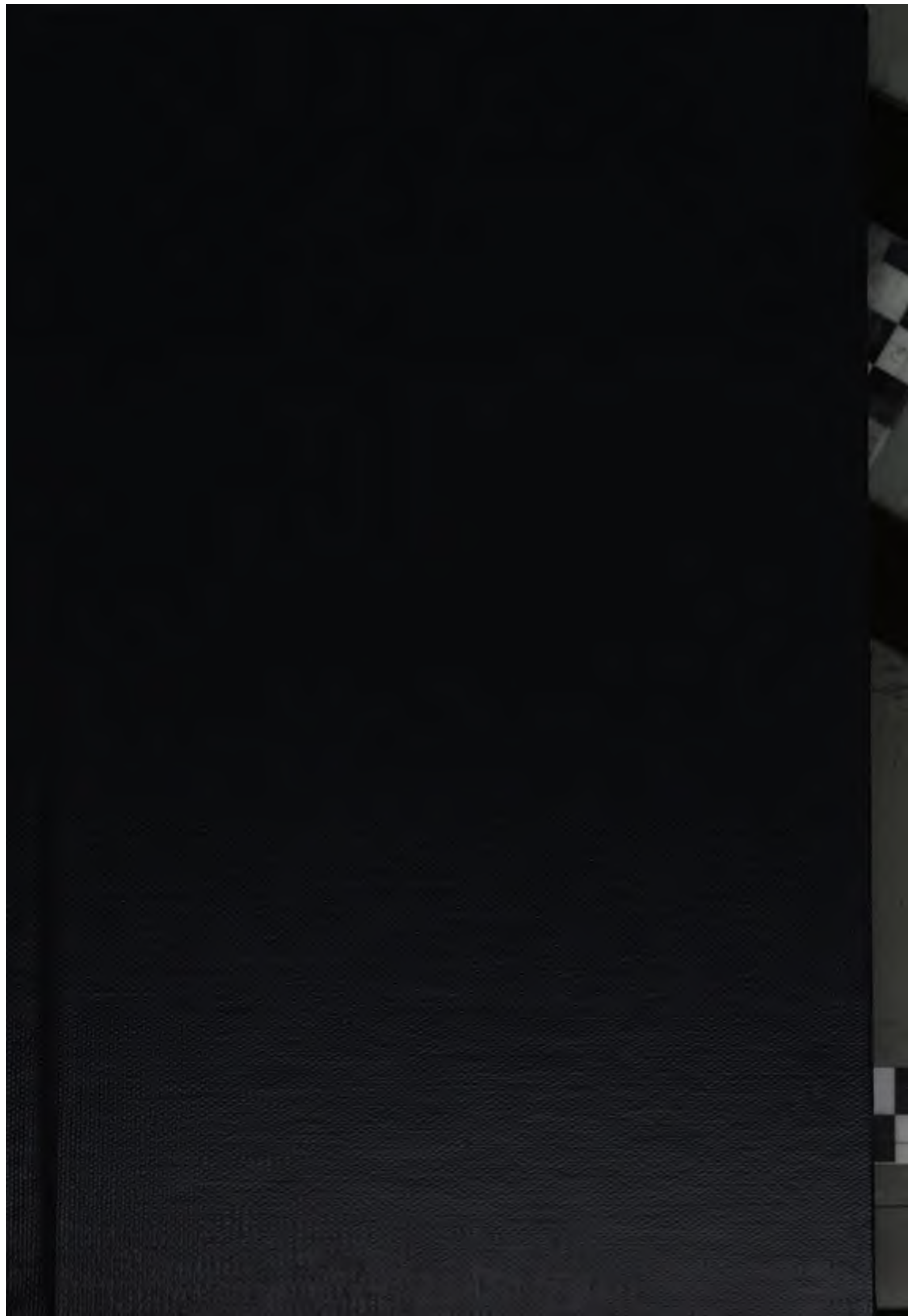
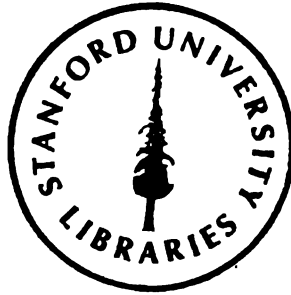

издаваемыя

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

дѣйствительнаго члена

А. В. ОРѢШНИКОВА.

№ 1

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и Ко, Леонтьевскій пер., № 5
1893

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества, 6 октября 1892 г., товарищъ предсѣдателя, Д. Н. Анучинъ, заявилъ, что въ средѣ нашихъ изслѣдователей и любителей древностей давно уже сознавалась потребность въ періодическомъ органѣ по русской археологіи, который, по возможности, частымъ своимъ появленіемъ поддерживалъ бы въ русскомъ обществѣ интересъ къ древностямъ и давалъ бы нѣкоторую возможность слѣдить за успѣхами археологіи. Попытка удовлетворить этой потребности была сдѣлана въ 1867 г. Московск. Арх. Обществомъ, начавшимъ издавать, кромѣ безсрочно выходящихъ „Древностей", „Археологическій Вѣстникъ", но это изданіе просуществовало только годъ и ограничилось лишь шестью выпусками; такою-же непрочною и недолговѣчною оказалась попытка Петербургскаго Археологическаго Общества издавать періодическій журналъ въ 60-хъ годахъ. Въ послѣдніе годы мысль объ изданіи подобнаго бюллетеня или журнала возникала неоднократно въ средѣ членовъ Московскаго Археологическаго Общества, но всякій разъ была оставляема, главнымъ образомъ, за отсутствіемъ лица, которое бы могло взять на себя редакцію такого органа и было бы расположено посвятить этому дѣлу не малое количество трудовъ и времени.

Нынѣшнею осенью, однако, условія для возникновенія подобнаго органа стали болѣе благопріятными. Дѣйств. чл. и бывшій секретарь Общества А. В. Орѣшниковъ заявилъ нѣкоторымъ членамъ Археологическаго Общества готовность пожертвовать своимъ трудомъ и временемъ на пользу подобнаго изданія, если Общество признаетъ основаніе его желательнымъ и благовременнымъ. Общество сочувственно отнеслось къ заявленію А. В. Орѣшникова, сообщенному въ засѣданіи 6 Октября Д. Н. Анучинымъ, и постановило основать, въ дополненіе къ издаваемымъ „Древностямъ", новый органъ, давъ ему названіе „Археологическія Извѣстія и Замѣтки" или другое, какое будетъ признано болѣе подходящимъ. Размѣры журнала, имѣющаго издаваться ежемѣсячно выпусками, около двухъ печатныхъ листовъ, формата in 8°, не должны превышать въ годъ 25 печатныхъ листовъ, въ количествѣ 600 экземпляровъ, при чемъ, въ случаѣ надобности, въ немъ могутъ помѣщаться рисунки—цинкографіи и фототипіи, съ тѣмъ однако, чтобы расходы по изданію не превышали, въ общей сложности, семи сотъ рублей въ годъ. Цѣна журналу должна быть не выше трехъ рублей въ годъ, при чемъ первый выпускъ долженъ быть напечатанъ въ большемъ числѣ экземпляровъ и разосланъ для ознакомленія съ изданіемъ многимъ учрежденіямъ и лицамъ. Содержаніе журнала имѣютъ составлять: самостоятельныя археологическія статьи (по одной въ каждомъ выпускѣ), извѣстія о раскопкахъ и болѣе важныхъ находкахъ въ Россіи и о пріобрѣтеніяхъ археологическихъ предметовъ музеями; библіографическія замѣтки о новыхъ русскихъ и иностранныхъ трудахъ и изслѣдованіяхъ; свѣдѣнія о дѣятельности Московскаго и, по мѣрѣ возможности, другихъ русскихъ археологическихъ Обществъ; разныя замѣтки, имѣющія прямое или косвенное отношеніе къ археологіи. Русскія древности должны занимать первое мѣсто въ журналѣ, но и важнѣйшія новости по иностранной археологіи не должны быть исключаемы. Общество, впрочемъ, предоставляетъ выработку подробностей программы редактору журнала, имѣя въ виду, что подробности могутъ лучше выясниться на основаніи опыта, послѣ изданія нѣсколькихъ выпусковъ. Члены Общества, спеціально занимающіеся тѣмъ или инымъ отдѣломъ древностей, приглашаются содѣйствовать редактору доставленіемъ библіографическихъ и иныхъ замѣтокъ, свѣдѣній о раскопкахъ и находкахъ, и другихъ извѣстій, могущихъ представлять интересъ и быть пригодными для журнала.

Основывая „Археологическія Извѣстія и Замѣтки", Общество не ставитъ себѣ задачею, давать отчетъ о движеніи и дѣятельности русской археологіи во всѣхъ отрасляхъ ея, а тѣмъ болѣе о всѣхъ важ-

нѣйшихъ явленіяхъ археологической науки вообще, но, какъ показываетъ самое заглавіе, журнала имѣетъ въ виду только содѣйствовать, по мѣрѣ силъ и возможности, распространенію между любителями древностей свѣдѣній о важнѣйшихъ новыхъ фактахъ, касающихся, главнымъ образомъ, нашей бытовой старины и отчасти письменности, и способствовать взаимному общенію русскихъ дѣятелей по различнымъ отдѣламъ археологической науки.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Желая по возможности скорѣе сообщать читателямъ всѣ новости по археологіи, редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности, церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы въ Москву, въ Историческій Музей, на Красной Площади, Алексѣю Васильевичу Орѣшникову.

I

Построеніе первой на Руси церкви въ честь Пречистой Богородицы Неопалимой Купины *).

Купиною въ Библіи именуется росшій на горѣ Хоривѣ *кустъ*, горѣвшій огненнымъ пламенемъ и не сгоравшій, въ то время, когда въ немъ явился Моисею Ангелъ Господень и самъ Господь воззвалъ къ Моисею, повелѣвая быть исходу сынамъ Израилевымъ изъ Египта.

Въ русскомъ переводѣ Библіи купина наименована *терновымъ кустомъ:* „И явился ему (Моисею) Ангелъ Господень въ пламени огня изъ среды терноваго куста. И увидѣлъ онъ (Моисей), что терновый кустъ горитъ огнемъ, но кустъ не сгораетъ“. Исх. III, 2.

По толкованію нашихъ старыхъ Азбуковниковъ „Купина есть кустъ мелкихъ древесъ. Нѣцыи же, не вѣдуще силы слова, купину камень наричютъ. Яви же ся Богъ въ купинѣ Моисею, сирѣчь въ кустѣ, а не на великомъ древѣ, да не како Евреe обоготворятъ древо то и сотворятъ отъ него идолы себѣ, вѣдяше бо искони Богъ, яко родъ Жидовескъ любодѣенъ и развращенъ есть, сирѣчь присно отступающъ отъ Бога и прилѣпляющься идоломъ“.

„А по-русски, прибавляетъ другой списокъ Азбуковника, древа тѣ сирѣчь кусты и родятся на тѣхъ кустахъ ягоды зовома яжовика“.

Большинство толкователей Св. Писанія полагаетъ, что купиною обозначенъ кустъ изъ породы мимозъ или акацій, въ изобиліи произрастающихъ въ тѣхъ пустыняхъ.

По изъясненію и ученію Отцовъ Церкви, горѣвшая пламенемъ и не сгоравшая купина въ особенности прообразовала Пресвятую Дѣву въ ея божественной пренепорочной чистотѣ дѣвства, почему поздніяРусскія объясненія, согласно пѣснопѣніямъ Неопалимой Купинѣ, уже прямо свидѣтельствуютъ, что Моисей въ купинѣ видѣлъ „Богородицу со Младенцемъ во огни стоящу и неопалиму“.

Русскіе паломники XVI столѣтія, ходившіе на Синайскую гору, описываютъ, что въ Синайскомъ Преображенскомъ монастырѣ за алта-

---

*) По этому предмету готовился на VIII Археологическомъ Съѣздѣ словесный докладъ въ отвѣтъ на поставленный вопросъ: Когда впервые стали строить на Руси церкви во имя Неопалимой Купины?—который нынѣ предлагается въ письменномъ изложеніи.

ремъ главнаго храма находился предѣлъ *) надъ Неопалимою Купиною, гдѣ Моисей видѣлъ „Богородицу со Младенцемъ во огни стоящу и неопалиму". То святое мѣсто было покрыто четыреугольною мраморною плитою, на которой помѣщенъ былъ престолъ, „въ немъ же вдѣланы два камени невелики, что опалила Неопалимая Купина". Не потому ли иные Русичи толковали, что купина значитъ камень, а не кустъ.

Купецъ Позняковъ, въ своемъ Хожденіи по святымъ мѣстамъ не упоминаетъ объ иконѣ Неопалимыя Купины и указываетъ только, что въ предѣлѣ, у престола, на правой сторонѣ, на стѣнѣ, на полотнѣ было написано Моисеево *дѣяніе*, то есть изображеніе видѣнія Моисея. Судя по его словамъ, что предѣлъ Неопалимой Купины устроенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Моисей видѣлъ Пречистую Богородицу со Младенцемъ, возможно полагать, что написанное на полотнѣ дѣяніе Моисея изображало, между прочимъ, именно икону Богородицы „во огни стоящу и неопалиму". Такъ на иконахъ Неопалимыя Купины изображается иногда и это видѣніе Моисея, созерцающаго Купину, въ которой видима Богоматерь съ Младенцемъ въ ея нѣдрахъ.

Само собою разумѣется, что Богородичная икона Неопалимыя Купины появилась въ то самое время, какъ только утвердилось упомянутое выше изъясненіе Отцевъ Церкви о высокосимволическомъ прообразовательномъ значеніи видѣнія Моисея. Икона послужила, такъ сказать, осязательнымъ изображеніемъ этого изъясненія и несомнѣнно впервые распространилась изъ Синайской обители. Оттуда она принесена и православной Руси.

Въ спискахъ чудотворныхъ иконъ, заносимыхъ иконописцами въ свои сборники разныхъ свѣдѣній по иконописному дѣлу, именно, въ такъ названномъ Алфавитѣ Азбучномъ встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующія свидѣтельства:

1) Есть образъ Пресвятыя Богородицы Неопалимыя Купины, на самомъ томъ камени написанный, идѣ же видѣ Моисей пророкъ купину огнемъ горящу и несгараему и повелѣно ему изутися и отрешити ремень сапогу его—мѣсто то свято есть, на немъ же ты стоиши. Той-же чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы стоитъ въ Благовѣщенскомъ

*) Такъ должно писать это слово вмѣсто общеупотребительнаго *придѣлъ*, которое въ старомъ Академическомъ словарѣ неправильно растолковано, что это „меньшій престолъ, *придѣланный* возлѣ большаго". Слово *предѣлъ* значитъ собственно особый отдѣлъ, какъ это объясняется лѣтописнымъ выраженіемъ: Живи на *предѣлѣ* отца своего, а злыхъ человѣкъ не слушай... извадиша зліи человѣци отъ *предѣла* его... (Тверская лѣт., стр. 478); чтобы не вступался черезъ правила въ его *предѣлъ*... (П. С. Р. Л., т. VI, 34). Здѣсь *предѣлъ* соотвѣтствуетъ слову удѣлъ и не можетъ обозначать ничего придѣланнаго, какъ и относительно предѣловъ церковныхъ.

соборѣ надъ сѣверными дверьми, въ кіотѣ съ дверцами написанными; а плита тоя врѣзана аки въ складни 8 вершковъ и до днесь видима нами. А принесенъ изъ Синайской горы палестинскими старцы въ дарѣхъ Великимъ Княземъ Московскимъ въ лѣто 6898 (1390)“.

Въ переписной книгѣ Благовѣщенскаго собора 1680—1681 года такого образа надъ сѣверными дверьми не значится. Онъ въ это время находился уже въ алтарѣ, въ числѣ другихъ иконъ, и описанъ слѣдующимъ образомъ:

„Образъ Пресвятыя Богородицы Неопалимыя Купины, рѣзной на камени, въ мѣдномъ кіотѣ; у кіота два притвора, писаны на обѣихъ сторонахъ Праздники Господскіе и Богородичны и иныя божественныя чудотворенія“ *).

2) Есть образъ Неопалимыя же Купины Пресвятыя Богородицы, за Тверскими воротами, въ церкви Рождества Богородицы, въ предѣлѣ, подъ колокольнею, на Митровкѣ. Во дни Государя Царя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи проявися сице: Егда созидаша церковь Рождества Богородицы, и въ то время идяше человѣкъ нѣкій юродивый Христа ради и сей образъ Богородицынъ несяше съ собою и пророчески вѣщая и повелѣвая обложити предѣлъ Неопалимыя Купины Пресвятыя Богородицы, еже и создаша, и той образъ и поставиша, и до днесь чудодѣйствуетъ“.

Это свидѣтельство, относящееся главнымъ образомъ къ чудотворной иконѣ, поясняется и документальными свѣдѣніями о постройкѣ упомянутаго храма.

Въ 1648 г., во время извѣстнаго Московскаго земскаго бунта (необходимымъ послѣдствіемъ котораго явилось изданіе Уложенія), мая 26, въ пятницу, Божіимъ посѣщеніемъ учинился пожаръ на Москвѣ, на Петровской улицѣ, и выгорѣло Москвы: Петровка, Дмитровка, Тверская, Никитская, Арбатъ, Чертолье (Пречистенка) и посады около Москвы всѣ безъ остатка погорѣли.

На Дмитровкѣ деревянная церковь Рождества Богородицы, какъ и всѣ дворы прихожанъ, также выгорѣли безъ остатка. Церковный причтъ и прихожане стали думать и хлопотать о постройкѣ церкви каменной и при томъ пожелали выстроить церковь во имя Неопалимой Купины, быть можетъ, въ размышленіяхъ о спасеніи отъ будущихъ столь губительныхъ пожаровъ. Живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ принялъ прибывшій въ Москву въ февралѣ 1649 года Іерусалимскій патріархъ Паисій, который не только далъ благословеніе на постройку храма, но

*) Сборникъ на 1873 г., изд. Обществомъ Древнерусскаго Искусства, М. 1873, стр. 17.

и усердно просилъ о томъ Государя, молодаго царя Алексѣя Михайловича. Сохранилась его челобитная по этому предмету, въ которой онъ излагалъ слѣдующее: „Царю Государю (т.) бьетъ челомъ богомолецъ твой государевъ святаго града Іеросалима и всея Палестины Паисѣй патріархъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 157 (1649) году били челомъ богомольцы твои тебѣ Государю, изъ-за Тверскихъ воротъ, церкви Рожества Богородицы попъ Никифоръ да дьяконъ Иванъ, чтобъ ты, Государь, пожаловалъ ихъ, богомольцевъ своихъ, велѣлъ бы, Государь, воздвигнуть церковь каменную во имя Пречистые Богородицы Святыя и Неопалимыя Купины противъ Греческаго Устава, что въ Синайской горѣ. И о томъ тебѣ, Государю, Господь Богъ извѣстилъ, пожаловалъ ты ихъ, богомольцевъ своихъ, велѣлъ имъ тое церковь воздвигнуть, а на строенье къ той церквѣ твоего Государева жалованья не пожаловано. А били они челомъ тебѣ Государю, чтобъ ты Государь пожаловалъ къ своему царьскому богомолью каменныхъ запасовъ, чѣмъ строить тое церковь, и о томъ велѣлъ ты, Государь, выписать въ Каменномъ Приказѣ, а тебя, Государя, по той выпискѣ не докладывано, потому что Государь каменные запасы въ то время всѣ въ расходѣ были, и имъ, богомольцамъ твоимъ, тое церкви твоего Государева богомолья строить нечѣмъ. А мнѣ, богомольцу твоему, о томъ вѣдомо учинилося, что Государь тое церквѣ святыя Неопалимыя Купины въ Руси нѣтъ, а велми по достоянію быть достоитъ.

„И въ нынѣшнемъ же, Государь, во 157 году Іюня въ 7 день билъ я челомъ, богомолецъ твой, тебѣ Государю, чтобъ ты, Государь, пожаловалъ меня, богомольца своего, велѣлъ бы, Государь, дать къ той церквѣ на строенье, чѣмъ тебѣ, Государь, Богъ возвѣститъ (здѣсь по ветхости бумаги одна строка остается неполною и потому неясною). И нынѣ мнѣ, богомольцу твоему, излучился путь скорый (онъ выѣхалъ изъ Москвы 7 мая) и велѣлъ (я) послѣ себя бить челомъ тебѣ, Государю, ихъ богомольцовъ твоихъ, и сю челобитную за своею рукою къ тебѣ, Государю, послалъ. Милосердый и праведный Государь (т.), пожалуй меня, богомольца своего, для Спаса и Пречистые Богородицы и для своего царскаго многолѣтняго здоровья, и для благовѣрнаго царевича и В. К. Дмитрія Алексѣевича, вели Государь дать къ своему царьскому богомолью на строенье къ той церквѣ каменныхъ запасовъ, чѣмъ тебя, Государя, Богъ извѣститъ. Царь-Государь, смилуйся, пожалуй!“ (Слѣдуетъ греческая подпись патріарха).

Какъ упомянуто, патріархъ выѣхалъ изъ Москвы 7 мая, слѣдовательно эту челобитную онъ посылалъ уже съ своего пути, который, по всему вѣроятію, слѣдовалъ по рѣкамъ полою водою изъ Москвы-рѣки въ

Оку и затѣмъ къ верховьямъ Дона, какъ обыкновенно ходили наши послы и торговые караваны. Челобитная была доложена государю 19 іюня, и докладчикъ, дьякъ Ив. Гавреневъ, помѣтилъ на ней рѣшеніе: „Государь пожаловалъ на созданіе дому Божіи и святые Божіи церкви Неопалимые Купины велѣти дать отъ Печати (изъ Печатнаго Приказа) печатнику Ѳ. Ѳ. Лихачову, дьяку Микифору Демидову *триста рублевъ* съ порукою, чтобъ къ церкви Божіи камень поставити".

Обрадованный такимъ государевымъ жалованьемъ церковный причтъ непомедлилъ представить (7 іюля) поручную запись по себѣ, то есть ручательство всѣхъ своихъ достаточныхъ прихожанъ и другихъ лицъ, особенно торговыхъ, что жалованныя деньги будутъ употреблены по назначенію.

Запись начиналась перечисленіемъ лицъ порутчиковъ и затѣмъ свидѣтельствовала, что они, порутчики, поручились „церкви Рожества Преч. Богородицы по попѣ Никифорѣ да по дьяконѣ Иванѣ, что за Тверскими вороты, въ томъ: въ нынѣшнемъ, во 157 году, по подписной челобитной за помѣтою Думнаго дьяка Ив. Гавренева, по челобитью Іерусалимскаго патріарха Паисѣи, дано имъ Государева жалованья на строенье церкви Божія во имя Преч. Богородицы святыя и Неопалимыя Купины на всякіе каменные запасы и на дѣло изъ Печатнаго Приказу триста рублевъ денегъ и тѣми деньгами за ихъ порукою тому попу Никифору и діякону Ивану, воздвигнути церковь Божію во имя Преч. Богородицы Неопалимыя Купины каменную, со всякимъ церковнымъ строеніемъ. А будетъ они, взявъ Государево жалованье на церковное строенье, деньги, церкви Божія каменныя тѣми деньгами не здѣлаютъ, или учнутъ дѣлать, а не свершатъ, а тѣ деньги истрясутъ на иные какіе расходы, и на насъ, на порутчикахъ, церковное строенье или деньги, что Государь укажетъ. А на то послуси Иванъ Шибаевъ да Василій Сахаровъ. А запись писалъ Ивановскіе Площади подъячей Ивашко Ив. сынъ Руженинъ лѣта 7157 Іюля въ 7 день".

Всѣхъ поручителей записано 40 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были дворяне, голова московскихъ стрѣльцовъ, дьякъ, сотники московскихъ стрѣльцовъ, подъячіе, серебряные мастера, торговые люди серебрянаго, москатильнаго, желѣзнаго, коробейнаго, манатейнаго рядовъ, лѣсники, книгъ печатнаго дѣла тередорщикъ, кирпичникъ, пороховщикъ, хлѣбникъ, торговцы походя, дворцовые кузнецы, телѣжникъ и другіе.

Триста рублевъ въ то время были великія деньги, но и ихъ недостало для построенія новой церкви. Въ началѣ слѣдующаго 1650 года, священникъ Никифоръ снова ходатайствовалъ о прибавкѣ къ этой суммѣ и подалъ слѣдующую челобитную:

„Царю государю (т.) бьетъ челомъ богомолецъ твой изъ за Тверскихъ воротъ церкви Рожества Богородицы, попъ Никифоръ. По твоему Государеву указу велѣно мнѣ, богомольцу твоему, строить церковь каменную Пречистыя Богородицы Неопалимыя Купины, а выдано мнѣ богомольцу твоему на строенье денегъ триста рублевъ и тѣми деньгами искуплены запасы каменные всякіе и въ остаткѣ тѣхъ денегъ ничего не осталось, а каменныхъ запасовъ на то церковное строенье мало. Милосердый Государь (т.), пожалуй меня богомольца своего, вели Государь дать на каменные запасы и на дѣло денегъ, чѣмъ тебѣ Государю Богъ извѣститъ, чѣмъ бы та церковь Божія *первоначальныя въ Руси* совершить. А ко многимъ церквамъ твое Государево жалованья на каменное строенье даютъ сотъ по семи и по осми, и по девяти, а мнѣ богомольцу твоему дано только триста рублевъ и тѣми деньгами каменные церкви не поставить. Царь Государь, смилуйся".

Челобитная была доложена государю 27 марта 1650 г. съ помѣтою думнаго дьяка Семена Заборовскаго: „Государь пожаловалъ велѣлъ дать денегъ четверты сто, противъ прежней челобитной, отъ Печати Печатнику Ѳ. Ѳ. Лихачову". Потомъ 5 апрѣля еще помѣчено: „Дать деньги съ порукою противъ прежнево".

Черезъ пять дней, 11 апрѣля, попъ Никифоръ представилъ новую поручную запись, въ которой участниками явилось пять человѣкъ торговыхъ людей Суконной сотни москатильнаго ряду, нижняго желѣзнаго ряду, серебрянаго ряду и серебряникъ Новгородской сотни, которые опять ручались за попа Никифора, „что и на это четвертое сто рублей воздвигнуть ему попу Никифору церковь каменную Преч. Богородицы Неопалимыя Купины со всякимъ церковнымъ строеньемъ, а буде, взявъ деньги, церкви не воздвигнетъ или истрясетъ на иные расходы, то на нихъ порутчикахъ тѣ деньги четвертое сто рублей и церковное строенье", такъ что они ручались не только за деньги, но и за всю церковную постройку, которая, стало быть, двигалась уже къ концу.

Однако въ записяхъ расходовъ Печатнаго Приказа въ 1652 году значится еще сто рублей, выданныхъ тому же попу Микифору на каменные запасы и на дѣло *).

Дальнѣйшихъ свѣдѣній и никакихъ подробностей объ этой постройкѣ мы не имѣемъ. Но довольно и того, что время построенія этой оригинальной по своей архитектурѣ церкви удостовѣрено оффиціальными документами.

*) Столбцы Печатнаго Приказа въ Архивѣ Министерства Юстиціи въ дѣлахъ Преображенскаго Приказа, № 39 и 40.

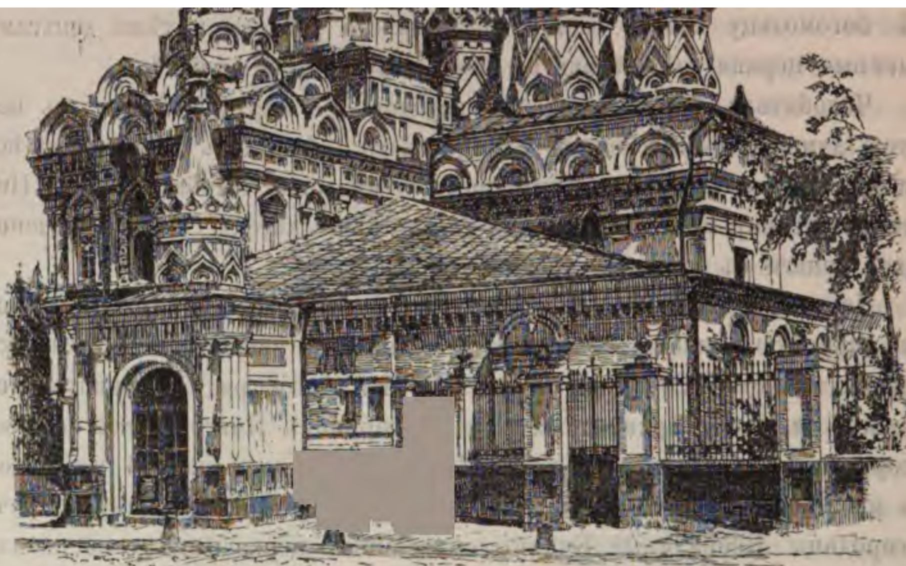

Рис. 1.

Необходимо выразить сожалѣніе, что предлагаемый здѣсь вид
церкви изображаетъ только одну юго-восточную сторону ея различных
зданій и не воспроизводитъ другихъ сторонъ, сѣверной и восточной
гдѣ архитектурныя части являются болѣе открытыми со всѣми подроб
ностями ихъ замысловатаго стиля.

Нельзя не замѣтить, что оригинальная церковь представляетъ, так
сказать, архитектурный сборникъ или совокупность въ одно цѣлое нѣ
сколькихъ отдѣльныхъ зданій. Впереди угломъ выступаетъ низменна
трапеза, заслоняющая красивый фасадъ главной церкви Рождества Бо
городицы съ тремя осьмигранными шатровыми верхами или главами в
видѣ башенокъ и фасадъ одноглавой церкви Неопалимой Купины, по
крытой круглыми закамарами или бочками. Къ этимъ тремъ зданіям

присоединено четвертое—колокольня, стоящая въ тѣснотѣ между упомянутыми церквами. И такъ все цѣлое состоитъ изъ четырехъ особыхъ зданій. Особенно примѣчателенъ по своему архитектурному складу этотъ одноглавый храмъ, первая на Руси церковь, построенная во имя Неопалимыя Купины, представляющая вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасный образецъ того архитектурнаго, своенароднаго и самобытнаго Русскаго стиля, который въ Московской области возродился и сталъ процвѣтать въ первой половинѣ XVI ст., вскорѣ послѣ нашего наученія у итальянскихъ мастеровъ дѣлать хорошій кирпичъ и складывать изъ него архитектурныя формы уже по своему замыслу, по образцу существовавшихъ своенародныхъ деревянныхъ формъ, такъ что вообще этотъ чисто Русскій стиль мы можемъ обозначать именемъ стиля деревянной рѣзьбы, или просто деревяннымъ стилемъ, если можно правильно такъ выразиться.

Какъ уже извѣстно, типичными памятниками этого стиля служатъ Покровскій соборъ (Василій Блаженный), Вознесенская церковь въ селѣ Коломенскомъ и въ Дьяковѣ церковь Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, въ Медвѣдковѣ—Покрова, не упоминая о другихъ, къ которымъ присоединяется и изображенная здѣсь церковь Неопалимыя Купины, въ полной мѣрѣ носящая въ себѣ тѣ же излюбленныя черты русскихъ своенародныхъ построекъ, изобилующія узорочною пестротою стариннаго деревянно-рѣзнаго художества. И здѣсь каменныхъ дѣлъ мастера кирпичу и камню, по старому завѣту, все-таки придавали формы деревяннаго балясника и разныхъ геометрическихъ фигуръ, ясно показывающихъ, что искони они рубились изъ дерева.

Точно также шатровые три верха другой церкви во имя Рождества Богородицы воспроизводятъ весьма обычныя формы устройства главъ-верховъ на старинныхъ деревянныхъ церквахъ, какихъ въ XVI и въ XVII ст. и въ самой Москвѣ было не мало. Три верха, поставленные въ рядъ, обозначаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и особенность въ планѣ постройки, свойственную именно деревянному ея окладу, гдѣ вмѣсто квадрата каменныхъ церквей, устроивался продольный четыреугольникъ въ направленіи отъ сѣвера къ югу, какъ сооружена и эта Рождественская церковь. Можно съ большою вѣроятностію предполагать, что она воспроизведена хотя и изъ кирпича, но по образцу здѣсь же изстари существовавшей деревянной церкви, что случалось нерѣдко, потому что старожилы прихожане всегда крѣпко держались за свою старину и за излюбленное устройство храма.

Однако съ половины XVII ст. послѣдовало патріаршее запрещеніе строить церкви с- шатровыми верхами, такъ что эта Рождественская церковь едва ли н- была послѣднею, выстроенною по старозавѣтному

образцу. Впрочемъ въ одно время съ нею была построена точно такимъ же *окладомъ*, о трехъ шатровыхъ верхахъ и другая доселѣ сохранившаяся Московская церковь Воскресенія въ Гончарахъ. Тѣже столбцы Печатнаго Приказа (№ 39) свидѣтельствуютъ, что въ 1649 году Воскресенскому попу Ерофею съ прихожаны выдано *на совершенье* каменныя церкви 30 рублей, именно на достройку трехъ верховъ.

Обращаетъ особое вниманіе и помѣщеніе колокольни не на своемъ мѣстѣ, не на обычной западной сторонѣ, а на сѣверной отъ одного и на восточной отъ другаго храма, такъ что она помѣстилась въ срединѣ, между двумя церквами. Все это обнаруживаетъ значительную неправильность въ расположеніи зданій, что могло произойти по какимъ-либо случайнымъ причинамъ.

Можетъ быть, въ числѣ этихъ причинъ первое мѣсто принадлежало, какъ видно изъ челобитной священника, недостатку потребной суммы для правильной полной постройки и строители, стѣсняясь такимъ недостаткомъ, принуждены были сооружать зданіе по частямъ, по мѣрѣ добываемыхъ средствъ, почему и колокольню они должны были поставить тамъ, гдѣ указали мѣсто стѣсненныя въ расходахъ обстоятельства.

Приведенное выше свидѣтельство, что церковь Неопалимыя Купины находится подъ колокольнею, необходимо толковать въ томъ смыслѣ, какъ выраженіе „подъ горою“, то есть подъ видимою тяжестью сосѣдняго другаго зданія, которое (колокольня) на самомъ дѣлѣ какъ бы насѣдаетъ на отдѣльный храмъ Купины и свидѣтельствуетъ, что оно поставлено въ такой тѣснотѣ уже въ послѣдствіи, когда обѣ церкви были совсѣмъ выстроены. Правильное расположеніе отдѣльныхъ частей подобнаго храма видимъ въ упомянутой выше церкви Воскресенія въ Гончарахъ.

Въ настоящее время въ Москвѣ существуютъ четыре престола во имя Неопалимой Купины:

1) Храмъ близъ Дѣвичьяго поля, построенный въ 1682 году, въ Конюшенной новой слободѣ. *Предѣлы:* 2) въ Зачатейскомъ монастырѣ; 3) на Пятницкой, въ церкви Климента Папы Римскаго и 4) у здѣшней церкви Рождества Богородицы въ Путинкахъ, первопостроенный особый храмъ, нынѣ предѣлъ.

Ив. Забѣлинъ.

II

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ, пріобрѣтеній древностей музеями и проч. въ Россіи и за границею.

—— Въ Кольскомъ уѣздѣ, Архангельской губ., близъ устья рѣки Варзуги, въ обвалившемся курганѣ найдено семь свитыхъ изъ серебряной проволоки шейныхъ гривенъ (Отч. Археол. Комм. 1888 г.).

—— Въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губ., близъ с. Редикора, найдено серебряное ведро съ 34 серебряными шейными гривнами; ведро и нѣсколько гривенъ поступили въ Историческій Музей (Отч. Комм. 1883—84 г.).

—— Въ Шадринскомъ у., въ с. Широковскомъ и въ Красноуфимскомъ у., близъ д. Шихаревой той-же губ., найдены: большой серебряный сосудъ въ формѣ ведра, украшенный орнаментами, между которыми находится изображеніе оленя съ повязкою на шеѣ; серебряное блюдо, украшенное въ центрѣ и по бокамъ большими медальонами, состоящими изъ рельефныхъ накладныхъ изображеній человѣка, сидящаго верхомъ на львицѣ и сзади нея другой фигуры, трубящей въ рогъ (въ срединѣ), звѣриныхъ головокъ съ изображеніями вооруженныхъ воиновъ между ними (въ боковыхъ); другое серебряное блюдо, мѣстами позолоченное, съ изображеніями скачущаго на конѣ всадника, стрѣляющаго изъ лука, двухъ кабановъ, одного подъ всадникомъ, а другаго сбоку, и дерева; серебряная граненая чаша, мѣстами позолоченная, съ изображеніемъ на днѣ изящной выпуклой фигуры всадника на конѣ съ колчаномъ и лукомъ; на каймѣ видны слѣды надписи; двѣ серебряныя гладкія чаши, изъ которыхъ одна имѣетъ неразобранную надпись. Всѣ эти предметы относятся къ Сассанидскимъ древностямъ (Отч. Комм. 1886 г.).

—— Въ Шадринскомъ у., той-же губерніи, близъ Брюхановскаго выселка, найдены золотыя пластинки, повидимому, отъ ноженъ мечей, рукоятка меча, серебряныя пряжки, изъ которыхъ одна украшена сердоликомъ, серебряныя кольца и проч. (Отч. Комм. 1883—84 г.).

—— Въ той-же губерніи найдена узорчатая, серебряная съ позолотою, ладунка на серебряной цѣпочкѣ, перехваченной большими овальными серебряными позолоченными бубенчиками, серебряные браслеты съ нарѣзными украшеніями, серебряныя головныя булавки, серебряная

образцу. Впрочемъ въ одно время съ нею была построена точно таким же *окладомъ*, о трехъ шатровыхъ верхахъ и другая доселѣ сохранившаяся Московская церковь Воскресенія въ Гончарахъ. Тѣже столбцы Печатнаго Приказа (№ 39) свидѣтельствуютъ, что въ 1649 году Воскресенскому попу Ерофею съ прихожаны выдано *на совершенье* каменныя церкви 30 рублей, именно на достройку трехъ верховъ.

Обращаетъ особое вниманіе и помѣщеніе колокольни не на своем мѣстѣ, не на обычной западной сторонѣ, а на сѣверной отъ одного и на восточной отъ другаго храма, такъ что она помѣстилась въ срединѣ между двумя церквами. Все это обнаруживаетъ значительную неправильность въ расположеніи зданій, что могло произойти по какимъ-либо случайнымъ причинамъ.

Можетъ быть, въ числѣ этихъ причинъ первое мѣсто принадлежало, какъ видно изъ челобитной священника, недостатку потребной суммы для правильной полной постройки и строители, стѣсняясь такимъ недостаткомъ, принуждены были сооружать зданіе по частямъ, по мѣрѣ добываемыхъ средствъ, почему и колокольню они должны были поставить тамъ, гдѣ указали мѣсто стѣсненныя въ расходахъ обстоятельства.

Приведенное выше свидѣтельство, что церковь Неопалимыя Купины находится подъ колокольнею, необходимо толковать въ томъ смыслѣ, какъ выраженіе „подъ горою", то есть подъ видимою тяжестью сосѣдняго другаго зданія, которое (колокольня) на самомъ дѣлѣ какъ бы насѣдаетъ на отдѣльный храмъ Купины и свидѣтельствуетъ, что оно поставлено въ такой тѣснотѣ уже въ послѣдствіи, когда обѣ церкви были совсѣмъ выстроены. Правильное расположеніе отдѣльныхъ частей подобнаго храма видимъ въ упомянутой выше церкви Воскресенія въ Гончарахъ.

Въ настоящее время въ Москвѣ существуютъ четыре престола во имя Неопалимой Купины:

1) Храмъ близъ Дѣвичьяго поля, построенный въ 1682 году, въ Конюшенной новой слободѣ. *Предѣлы:* 2) въ Зачатейскомъ монастырѣ; 3) на Пятницкой, въ церкви Климента Папы Римскаго и 4) у здѣшней церкви Рождества Богородицы въ Путинкахъ, первопостроенный особый храмъ, нынѣ предѣлъ.

Ив. Забѣлинъ.

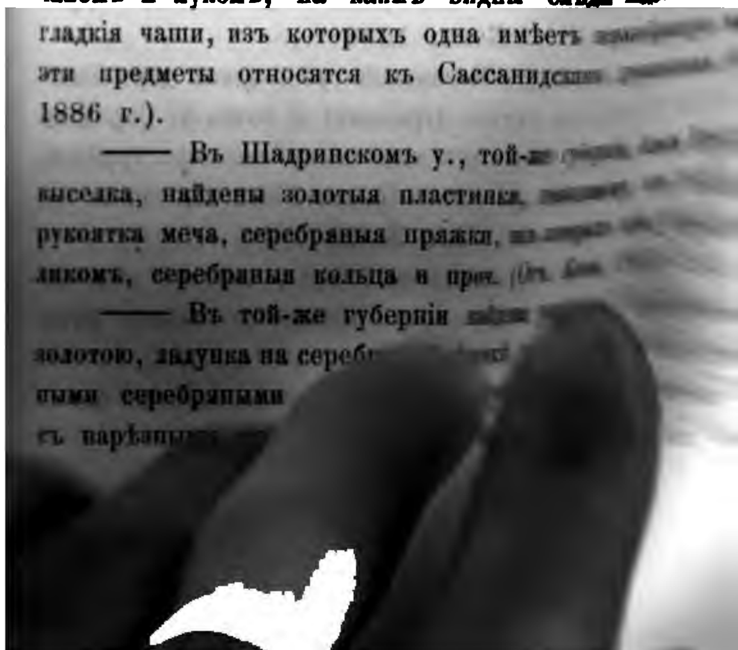
II

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ, пріобрѣтеній древносте музеями и проч. въ Россіи и за границею.

—— Въ Кольскомъ уѣздѣ, Архангельской губ., близъ устья р. Варзуги, въ обвалившемся курганѣ найдено семь свитыхъ изъ сер ной проволоки шейныхъ гривенъ (Отч. Археол. Комм. 1888 г.

—— Въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губ., близъ с. Р найдено серебряное ведро съ 34 серебряными шейными гривна и нѣсколько гривенъ поступили въ Историческій Музей (О 1883—84 г.).

—— Въ Шадринскомъ у., въ с. Широковскомъ и уфимскомъ у., близъ д. Шихаревой той-же губ., най серебряный сосудъ въ формѣ ведра, украшенный орнам которыми находится изображеніе оленя съ повязкою на ное блюдо, украшенное въ центрѣ и по бокамъ больш состоящими изъ рельефныхъ накладныхъ изображені щаго верхомъ на львицѣ и сзади нея другой фигур (въ срединѣ), звѣриныхъ головокъ съ изображеніям новъ между ними (въ боковыхъ); другое серебрян лоченное, съ изображеніями скачущаго на конѣ изъ лука, двухъ кабановъ, одного подъ всадник и дерева; серебряная граненая чаша, мѣстами женіемъ на днѣ изящной выпуклой фигуры чаномъ и лукомъ; на каймѣ видны слѣды

гладкія чаши, изъ которыхъ одна имѣетъ эти предметы относятся къ Сассанидск 1886 г.).

—— Въ Шадринскомъ у., той-же выселка, найдены золотыя пластинки рукоятка меча, серебряныя пряжки, ликомъ, серебряныя кольца и проч. (Отч.

—— Въ той-же губерніи золотою, ладунка на сереб ными серебряными съ варѣзными

позолоченная крышечка отъ сосуда съ выбитыми на ней арабесками, три серебряныхъ слитка и бронзовый сосудъ (Отч. Комм. 1883—84 г.).

—— Въ Соликамскомъ уѣздѣ, той-же губ., найдены серебряный массивный браслетъ со вставками изъ стекла, украшенный филигранью; подвѣска съ цѣпочками такой-же работы и серебряное круглое украшеніе съ яшмою (Отч. Комм. 1888 г.).

—— Въ Глазовскомъ у., Вятской губ., найдены разныя серебряныя украшенія восточнаго происхожденія и въ числѣ ихъ серебряный кувшинъ, на ручкѣ котораго находится загадочная надпись, напоминающая нѣкоторыя неразгаданныя до сихъ поръ среднеазіатскія письмена (Отч. Комм. 1883—84 г.).

—— Въ той-же губ., близъ с. Жопишуръ и д. Дондинской найдены большія серебряныя витыя шейныя гривны, изящное серебряное блюдо съ изображеніемъ на золотомъ фонѣ оленя съ большими рогами, передъ которымъ и внизу находятся змѣя и какое-то животное и другое небольшое блюдо съ изящнымъ изображеніемъ дракона, на котораго нападаетъ змѣя, ниже изображенъ кабанъ (Отч. Комм. 1886 г.).

—— Историческимъ Музеемъ пріобрѣтено небольшое серебряное сассанидское блюдо, происходящее изъ с. Кайгородскаго, Слободскаго у., Вятской губ.; въ срединѣ блюда находится рельефный жгутовой кружекъ, отъ котораго къ центру идутъ вѣтвеобразныя украшенія; средина круга позолочена.

—— Въ коллекціи древностей Н. М. Постникова, временно хранящейся въ Историческомъ Музеѣ, находятся два серебряныхъ сассанидскихъ блюда; на одномъ находится нарѣзное изображеніе упавшаго оленя со львомъ на спинѣ; другое, сильно помятое, имѣетъ нарѣзное изображеніе верблюда. Происхожденіе блюдъ неизвѣстно, но, вѣроятно, изъ Пермской или Вятской губ.

—— Въ Сарапульскомъ у., Вятской губ., найденъ кладъ куфическихъ монетъ IX—X вѣка (Отч. Комм. 1888 г.).

—— Въ Лаишевскомъ уѣздѣ, Казанской губ., близъ дер. Ташкиршень, найдено 73 монетныхъ слитка (гривенъ) и близь д. Городокъ того-же уѣзда 46 кусковъ разрубленныхъ монетныхъ слитковъ (рублей) вмѣстѣ съ 2 серебряными серьгами (Отч. Комм. 1882 г.). Такіе же слитки найдены въ Спасскомъ уѣздѣ (Отч. Комм. 1888 г.).

—— Въ Камышинскомъ у., Саратовской губ., найдены золотыя шейныя гривны, золотая пряжка, бронзовое зеркало и разныя бусы (Отч. Комм. 1887 г.).

—— Въ Царевскомъ уѣздѣ, Астраханской губерніи, найденъ бронзовый буддійскій идолъ (Отч. Комм. 1887 г.).

—— Въ Астрахани, при раскопкѣ фундамента, въ домѣ бывшаго Индійскаго общества, найдены: бронзовая статуэтка женщины, съ обнаженнымъ бюстомъ и въ египетскомъ головномъ уборѣ, вышиною болѣе $^1/_2$ аршина, и небольшая бронзовая, варварской работы, крылатая фигурка (Отч. Комм. 1888 г.).

—— Въ Челябинскомъ уѣздѣ, Оренбургской губ., въ курганахъ между деревнями Корчажинской и Черноярской, на р. Міасѣ, найдены обломки большаго бронзоваго сосуда, бронзовый кельтъ, желѣзный наконечникъ копья, золотая (дутая) шейная гривна, состоящая изъ 2-хъ спаянныхъ трубочекъ, 2 серебряныхъ блюдца (одно распалось на части), костяныя небольшія украшенія и разные желѣзные предметы. Всѣ эти предметы находятся въ Историческомъ Музеѣ (Отч. Комм. 1887 г.).

—— Съ цѣлью провѣрить свидѣтельство Новгородской лѣтописи о существованіи близь Старой Ладоги могилы Олега, который, по другимъ лѣтописнымъ сказаніямъ, былъ погребенъ въ Кіевѣ, ген.-маіоръ Н. Е. Бранденбургъ предпринялъ въ 1886 г. раскопку большаго (5 с. вышины) кургана, лежавшаго на лѣвомъ берегу Волхова, въ 8 в. выше Старой Ладоги, Новгородской губ. Насыпь кургана имѣла цѣлую груду огромныхъ камней, подошву окружала толстая каменная ограда. При раскопкѣ, у подошвы кургана, въ грунту, оказался могильникъ, существовавшій, по мнѣнію г. Бранденбурга, до насыпки кургана, съ 13 костяками, лежавшими частью въ безпорядкѣ. Около нѣкоторыхъ костяковъ лежали каменныя плиты, остатки дерева, гвоздей, бусы, предметы бытовой обстановки—желѣзные ножи съ деревяннымъ черенкомъ въ деревянныхъ футлярахъ, бронзовыя проволочныя кольца, пряжка, костяной гребень, пластинка съ грубымъ орнаментомъ, обломокъ серебряной монеты, такъ называемой вендки, X — XI в. и др. предметы. Монета позволяетъ отнести погребеніе къ XI в. Въ самомъ курганѣ, на глубинѣ 5 арш. отъ вершины, найдена вымощенная плитами площадка въ $1^1/_2$ арш. въ квадратѣ; близъ нея, на аршинъ глубже найденъ раздавленный горшокъ съ остатками бересты, которою онъ былъ, вѣроятно, накрытъ. Въ насыпи встрѣчены въ разныхъ мѣстахъ кости животныхъ и разные предметы: 2 каменныхъ долота, 2 каменныя пряслицы, желѣзная фибула, обломокъ конскихъ удилъ и др. предметы. Въ нижней части оказался слой жженыхъ костей, слой угля и части 2-хъ обугленныхъ бревенъ, вѣроятно, остатокъ погребальнаго костра. Такимъ образомъ, ожиданія найти погребеніе знатнаго лица не оправдались (Отч. Комм. 1886 г.).

—— Въ Трокскомъ уѣздѣ, Виленской губ., г. Вольтеромъ были раскопаны курганы въ имѣніи Олавѣ, принадлежащемъ г. Кейстуту-Ге-

димину; открытые костяки, въ количествѣ 150, лежали въ три ряда въ разныхъ направленіяхъ, въ болѣе древнихъ могилахъ съ Ю.-З. на С.-В.; при нихъ оказались желѣзные топоры, ножи, пряжки, гвозди, бронзовыя серьги, кольца, пуговки, поясныя украшенія и проч., серебряныя кольца, монеты XIV—XVII вв., глиняные сосуды и каменныя пряслицы. Въ томъ-же уѣздѣ, въ Слободскомъ лѣсу, г. Вольтеръ раскопалъ другіе курганы, при костякахъ найдены бронзовые кольца, браслеты, желѣзные наконечники копій, обломки щитовъ, ножи и проч. Кромѣ того, г. Вольтеръ изслѣдовалъ курганы и могилы Лидскаго уѣзда, изъ которыхъ каменныя могилы около урочища Корначихи оказались обставленными и покрытыми камнями, съ большимъ стоящимъ камнемъ въ изголовьѣ костяковъ; предметы состоятъ изъ бронзовыхъ колецъ, головнаго убора изъ трехугольныхъ бляшекъ и проволочныхъ спиралей, желѣзныхъ ножей, серебряныхъ серегъ, раковинъ и бусъ. Опановецкія могилы того-же уѣзда заключали, между прочимъ, мейсенскій грошъ XV в., желѣзные топоры, ножи, кольца, бронзовыя головныя украшенія, серьги, кольца, глиняные сосуды и проч. (Отч. Комм. 1888 г.).

—— Г. Гукъ въ „Прибавленіи“ къ Ковенскимъ Губернскимъ вѣдомостямъ (№ 26, 1892 г.) сообщаетъ о слѣдующей находкѣ: Въ концѣ февраля 1892 года двое крестьянъ Ворненской волости, Тельшевскаго уѣзда, раскапывая на починку дороги хрящъ возлѣ кладбища у м. Янополь, вырыли довольно много древнихъ бронзовыхъ туалетныхъ украшеній, часть которыхъ отобрана была у крестьянъ мѣстнымъ приставомъ и доставлена въ Ковенскій Статистическій Комитетъ Наиболѣе интересная въ находкѣ вещь—это нѣсколько обрывковъ бронзоваго, почернѣвшаго отъ времени, проволочнаго жгута, спирально свернутаго. Одинъ обрывокъ въ трехъ завиткахъ, всего длиною около аршина, другіе короткіе. Жгутъ состоитъ изъ трехъ, тоже тройныхъ, спиральныхъ проволокъ красивой, прочной работы. Концы двухъ обрывковъ склепаны и расплющены затѣмъ въ видѣ длинныхъ, изящной формы, древесныхъ листьевъ. Орнаментовка на листьяхъ довольно художественная и состоитъ изъ продольной, какъ въ настоящихъ листьяхъ, рельефной жилки, по бокамъ которой на краяхъ листа находятся по двѣ выпуклыхъ, на $1\frac{1}{2}$ вершка отстоящихъ одна отъ другой, точки и нѣсколько рѣзныхъ линій, образующихъ три ромбоидальныхъ фигуры. Жгуты эти, спирально скрученные, служили вѣроятно запястьями *). Въ находкѣ имѣются нѣсколько бронзовыхъ, разной величины, но оди-

*) Срвн. описаніе раскопокъ Ѳ. Довгерда въ Описаніи Ковенскаго уѣзда, стр. 79

наковой формы колецъ, служившихъ украшеніемъ для пальцевъ. Кольца довольно грубо вырѣзаны изъ пластинки съ расходящимися, не спаянными концами. Кольца имѣютъ верхнюю расширенную площадку; на одномъ изъ нихъ крестообразное украшеніе изъ выпуклыхъ 7 точекъ и рѣзныхъ черточекъ, на другихъ, вмѣсто точекъ, выпуклый продольный рубецъ. Кромѣ того, присланъ хорошо сохранившійся отъ большой фибулы длинный шпинекъ, съ завернутымъ и расширеннымъ верхнимъ концомъ, покрытымъ также точечнымъ орнаментомъ.

Это, вѣроятно, далеко не всѣ вещи, которыя были отрыты въ указанномъ мѣстѣ:—часть ихъ разошлась по рукамъ, такъ какъ крестьяне предполагали, что это золото, и часть вещей пожертвовали было даже въ мѣстный костелъ. Мѣсто находки, конечно, исковеркано кладоискателями.

—— Къ числу любопытнѣйшихъ памятниковъ старины въ Гродненской губерніи, по словамъ *Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, принадлежитъ искусственная круглая насыпь, находящаяся въ двухъ верстахъ отъ имѣнія Кожаны, вверхъ по Нареву, на правомъ берегу его. Насыпь эта, окруженная широкимъ рвомъ, который рѣдко пересыхаетъ, обсажена лиственными деревьями, преимущественно ольхой. По преданію, сохранившемуся среди мѣстнаго населенія, здѣсь нѣкогда стоялъ замокъ, вслѣдствіе чего и мѣстность эта извѣстна подъ названіемъ „Замчиско". По другому преданію, здѣсь нѣкогда находился литовскій языческій жертвенникъ, на которомъ горѣлъ огонь „зничъ", что подтверждается названіемъ мѣста „Олтажъ Плитня". При незначительной раскопкѣ этой насыпи найдено нѣсколько большихъ каменныхъ плитъ. Кругомъ насыпи когда-то, по словамъ преданія, росли дубы. Существованіе дубовыхъ рощъ подтверждается тѣмъ, что и въ самой рѣкѣ и ея долинѣ находятся громадные дубы, большею частью съ корнями и сучьями, а три года тому назадъ свалился послѣдній вѣковой дубъ, росшій неподалеку отъ „Замчиско". Вблизи урочища „Мосты", на правомъ берегу Нарева, находится другой курганъ, конусообразный, вершина котораго представляетъ котловину. Кругомъ кургана расположено упраздненное христіанское кладбище, поросшее хвойными деревьями. Насыпь кургана извѣстна у крестьянъ подъ именемъ „Шведска могила". Вблизи кургана найденъ въ землѣ весьма большихъ размѣровъ ружейный замокъ съ кремневымъ куркомъ. На правомъ берегу Нарева, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка пересѣкается желѣзною дорогой, находится нѣсколько кургановъ, въ которыхъ неоднократно находили человѣческія кости. На самомъ берегу рѣки, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ желѣзно-дорожной насыпи, находится довольно высокій курганъ, часть котораго раскопана. Въ немъ нѣсколько лѣтъ

тому назадъ, при раскопкѣ, найдены стальные панцыри и мечъ. Наконецъ, по другую сторону Нарева, въ верстѣ отъ желѣзнодорожной станціи Страбля, находится цѣлая группа кургановъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга довольно глубокими рвами. Мѣсто это крестьяне называютъ „Городки". (Моск. Вѣд. № 308. 1892 г.).

—— Въ Курской губ., въ Обоянскомъ уѣздѣ, близъ дер. Гридасовой, найдено шесть римскихъ серебряныхъ монетъ Антонина, Коммода, Фаустины и Адріана (Отч. комм. 1882 г.).

—— Въ 6 верст. отъ Житомира г. Гамченко изслѣдованъ могильникъ, состоящій изъ множества кургановъ, которыхъ имъ разрыто 44. Высота ихъ небольшая—отъ $^3/_4$ до $1^1/_2$ арш. Почти во всѣхъ встрѣчаются немного выше грунта слѣды кострищъ. Костяки лежали на спинѣ, съ вытянутыми руками; въ 17 курганахъ найдены остатки гробовъ съ желѣзными гвоздями, и, кромѣ того, во многихъ могилахъ рядомъ съ костяками оказались уголь и зола и разбросаны черепки глиняной посуды съ прямолинейнымъ орнаментомъ. Изъ 44 кургановъ только въ 30 найдены вещи: серебряныя и бронзовыя кольца, серебряное украшеніе въ формѣ желудя, желѣзные ножи съ деревянными и костяными ручками, бусы сердоликовыя, стеклянныя позолоченыя и посеребреныя внутри, желѣзные топоры, серпъ съ деревянною рукояткой и проч. (Отч. Комм. 1886 г.).

—— Въ развалинахъ Мстиславскаго и Успенскаго соборовъ во Владимірѣ Волынскомъ найдены остатки головныхъ уборовъ, тканей, тисненаго бархата и позумента. (Отч. Комм. 1887 г.).

—— На Мироновскомъ удѣльномъ фольваркѣ, Каневскаго уѣзда, Кіевской губ., найдены серебряныя цѣпочки, шейная гривна, браслеты, бубенчики и нѣсколько стеклянныхъ позолоченыхъ бусъ. (Отч. Комм. 1883—84 г.).

—— Въ Кіевѣ въ 1885 г., близъ Софійскаго собора, на землѣ г. Есикорскаго, былъ найденъ замѣчательный кладъ. находящійся теперь въ Эрмитажѣ, русско-византійскихъ древностей. Кладъ, лежавшій въ простомъ глиняномъ горшкѣ съ крышкою, состоялъ изъ двухъ большихъ золотыхъ подвѣсокъ съ финифтяными изображеніями сиренъ, изъ двухъ золотыхъ и шести серебряныхъ узорчатыхъ перстней, изъ серебряной витой шейной гривны, трехъ серебряныхъ браслетовъ, множества золотыхъ и серебряныхъ колецъ и привѣсокъ, девяти монетныхъ слитковъ, серебряной обдѣлки кинжала и остатковъ тканой одежды. Въ той же усадьбѣ г. Есикорскаго найдены обломки глиняныхъ и стеклянныхъ сосудовъ, глиняныхъ узорчатыхъ изразцовъ, наконечники желѣзныхъ копій и обломки шифернаго барельефа. (Отч. Комм. 1885 г.).

—— Внутри ограды Кіевскаго Михайловскаго Златоверхаго монастыря найдены золотыя, украшенныя финифтью и жемчугомъ подвѣски, длинная золотая цѣпь съ золотыми медальонами, украшенными финифтью, маленькій золотой ковчегъ съ привѣсками и золотыя пронизи и бусы. (Отч. Комм. 1887 г.).

—— Историческимъ Музеемъ въ Москвѣ недавно пріобрѣтена у частнаго лица коллекція древностей, вырытая, по словамъ продавца, крестьянами въ курганѣ с. Емчехи, въ 2-хъ верстахъ отъ мѣстечка Козина, Каневскаго уѣзда, Кіевской губ., при рѣкѣ Россавѣ, впадающей въ р. Рось, притокъ Днѣпра. Коллекція состоитъ изъ пары кругловыпуклыхъ пряжекъ изъ блѣднаго золота, украшенныхъ въ срединѣ львиными головками, окруженными орнаментомъ въ формѣ трехугольниковъ изъ мелкой зерни; такіе же трехугольники расположены по краямъ пряжекъ, вдоль жгутоваго орнамента, окаймляющаго ихъ. Съ задней вогнутой стороны, отъ средины, идетъ стержень, загибающійся въ видѣ дужки, съ бараньею головою на концѣ, по направленію ко львиной головкѣ (см. рис. 2 въ нат. вел.). Затѣмъ пары

Рис. 2.

Рис. 3.

серебряныхъ дутыхъ, но изъ довольно толстой пластинки, браслетовъ (отъ одного уцѣлѣла только незначительная часть) съ золотыми львиными головками на концахъ (см. рис. 3); бронзоваго гладкаго зеркала, большой остродонной амфоры съ двумя ручками изъ желтой глины, черепковъ отъ большой амфоры изъ черной глины, небольшаго глинянаго сосуда и куска оранжевой краски. Наибольшій интересъ представляютъ пряжки по необычности ихъ формы; по всей вѣроятности оба золотые предмета были именно пряжками, при чемъ дужки служили имъ крючками для застежки. Подобный типъ пряжекъ ни разу не встрѣчался въ находкахъ южной Россіи и, повидимому, также и въ другихъ мѣстностяхъ. Львиныя головки браслетовъ отличаются тонкостью работы хорошаго стиля, позволяющаго отнести ихъ къ III или II в. до Р. Х. Типъ подобныхъ браслетовъ новаго ничего не представляетъ: раскопки южной Россіи дали намъ браслетъ, почти схожій съ нашимъ (см. Древн. Босф. Кимм. т. II, стр. 339), затѣмъ золотой браслетъ такого-же характера былъ найденъ въ Куріумѣ, на остр. Кипрѣ (см. L. Stern, Cypern, p. 268). Что же касается стиля и работы пряжекъ, то онѣ въ обоихъ случаяхъ уступаютъ браслетамъ и носятъ нѣсколько варварскій характеръ, присущій многимъ предметамъ, которые изготовлялись греческими золотыхъ дѣлъ мастерами для древнихъ обитателей нашего юга. Судя по вещамъ, въ курганѣ была погребена женщина, но, къ сожалѣнію, неизвѣстно, всѣ ли найденные предметы попали въ Музей, или только часть; также неизвѣстны подробности погребенія.

—— Въ *Кіевскомъ Словѣ* находимъ свѣдѣнія о результтахъ раскопокъ, произведенныхъ профессоромъ В. Б. Антоновичемъ лѣтомъ 1892 года. Раскопки производились, главнымъ образомъ, въ двухъ мѣстностяхъ: въ Балтскомъ уѣздѣ, вблизи селъ Криничкн и Повиполь, и въ Ушицкомъ уѣздѣ, Подольской губерніи, въ селѣ Бакотѣ. Вблизи Криничекъ находилась группа кургановъ, которые отнесены профессоромъ Антоновичемъ къ типу скиѳскихъ, особаго варіанта. Курганы отличаются, главнымъ образомъ, тѣмъ, что гробницы были высѣчены очень глубоко въ подпочвѣ; они представляются грушеобразно расширенными, на подобіе хлѣбныхъ ямъ. При раскопкѣ найдены въ значительномъ количествѣ всѣ предметы, которые характеризуютъ скиѳскія гробницы, какъ-то: желѣзное оружіе, бронзовыя стрѣлы и украшенія, амфоры — сосуды изъ черной лоснящейся глины, и другіе предметы. Особенность одного изъ кургановъ составляли большія бронзовыя поножія, надѣтыя на голени покойника. Въ Криничкахъ была изслѣдована стоянка, по всему вѣроятію, того же времени, заключавшая множество керамическихъ издѣлій, въ томъ числѣ нѣсколько статуэтокъ.

Въ Ушицкомъ уѣздѣ, Подольской губерніи, было окончено изслѣдованіе монастыря въ с. Бакотѣ. Бакотскій монастырь существовалъ уже въ XIII столѣтіи. Въ XV вѣкѣ, во время междоусобной войны между королемъ польскимъ Владиславомъ Ягелло и братомъ его, великимъ княземъ литовскимъ, Свидригелло, былъ разрушенъ Бакотскій замокъ; затѣмъ Бакотскій монастырь опустѣлъ. Въ настоящее время профессоромъ Антоновичемъ были изслѣдованы пещеры монастырскія и расчищена площадка, составлявшая часть укрѣпленій Бакотскаго зáмка. На площадкѣ были найдены въ довольно большемъ количествѣ предметы вооруженія XIII и XIV вѣковъ: большой обоюдоострый мечъ (концеръ), кинжалы, множество стрѣлъ, наконечниковъ отъ дротиковъ, лошадиная сбруя, стремена, шпоры и пр. Въ самомъ монастырѣ обнаружена необрушившаяся задняя половина церковнаго свода. Подъ нею найдено нѣсколько предметовъ церковной утвари: чаша, дискосъ, паникадило и проч. (Моск. Вѣд. № 291, 1892 г.).

—— Въ Землянскомъ уѣздѣ, Воронежской губ., по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, производятся г. Звѣревымъ раскопки на земляхъ, принадлежащихъ крестьянамъ деревни Скакунъ. Въ этой мѣстности, въ прошломъ году, случайно найдены были однимъ крестьяниномъ два бронзовыхъ топорика, размѣромъ каждый трехъ вершковъ въ длину и немного болѣе одного вершка въ ширину, вѣсомъ по два фунта; кромѣ того, найдены полукруглое бронзовое долотцо, длиною въ $2^1/_2$ вершка и полвершка шириной, съ отточеннымъ лезвіемъ, и разломанная на двѣ части бронзовая пластинка, длиною въ три вершка. Вещи эти найдены были въ торфяникѣ, на глубинѣ трехъ аршинъ. Находка эта черезъ губернскій статистическій комитетъ была препровождена въ Императорскую Археологическую Коммиссію и признана весьма интересною въ научномъ отношеніи. Произведенными въ настоящемъ году раскопками обнаружено на той же глубинѣ трехъ саженъ мѣстонахожденія старинныхъ пней, разрушившихся при прикосновеніи, и цѣлыхъ поваленныхъ деревьевъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что здѣсь когда то былъ лѣсъ; кромѣ того, найденъ огрызокъ мозговой кости и хорошо сохранившійся остовъ животнаго, повидимому, собаки. На разстояніи тридцати саженъ отъ мѣста прошлогодней находки найдены бронзовые сѣкира, топорикъ и наконечникъ копья, несомнѣнные свидѣтели бронзоваго вѣка (Нов. Вр. № 5988, 1892 г.).

—— „Крымскій Вѣстникъ“ (№№ 243 и 251) даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о раскопкахъ въ Херсонисѣ въ 1892 году. Раскопки производились въ двухъ мѣстахъ: на городищѣ и въ некрополѣ. При разслѣдованіи южной стороны городища, у новаго собора, найдено мра-

морное подножіе статуи Віона, поставленной его сыномъ Антивіономъ, „жрецомъ Дѣвы", какъ гласитъ высѣченная на подножіи трехстрочная греческая надпись; затѣмъ мраморная капитель съ изображеніемъ трилистника. Тутъ-же найдены: обломокъ днища глазированнаго сосуда съ изображеніемъ св. Георгія въ кольчугѣ, съ копьемъ и щитомъ, множество мелкихъ вещей—обломковъ колоннъ, плитъ, мозаики, черепокъ сосуда изъ красной глины съ неяснымъ изображеніемъ креста и нѣсколькими буквами греческой надписи; бронзовые предметы: цѣпочки, пуговки, браслеты и болѣе 80 монетъ византійскаго Херсона. На юго-восточной сторонѣ городища, при раскопкахъ, обнаружился каналъ изъ каменныхъ плитъ, уходящій внизъ, подъ почву; при расчисткѣ его найдены кости животныхъ (черепъ кошки, грудная птичья кость и т. д.). Въ этомъ-же мѣстѣ оказалась стѣна, прочно устроенная, и недалеко отъ нея цистерна квадратной формы, цементированная, на днѣ которой найдена верхняя часть крышки съ грубымъ изображеніемъ мужчины съ выдавшимися глазами, заостреннымъ носомъ, длинною бородою и съ волосами, заплетенными въ три косы; голова покрыта остроконечною шляпой.

Остатки стѣнъ домовъ обнаружены въ восточномъ углу городища; тутъ найдены двѣ женскія головки—мраморная, сильно поврежденная и глиняная, хорошей работы. Въ остальныхъ мѣстахъ городища найдены: бронзовая курильница съ ручкой, обломокъ черепичной иконы Божьей Матери съ надписью, бронзовый крестъ съ надписью и заостреннымъ стержнемъ для укрѣпленія на древкѣ. Въ одномъ изъ храмиковъ обнаружена гробница съ истлѣвшимъ остовомъ, около котораго уцѣлѣли остатки ткани, золотыя нити и серебряныя части оклада Евангелія: застежки, наугольники и крестикъ. Въ другомъ храмикѣ, около „Уваровской базилики", также найдена гробница съ тремя истлѣвшими остовами и бронзовый наперстокъ. Подъ этимъ храмикомъ обнаруженъ слой древняго до-византійскаго Херсониса съ монетами Керкинитиды, Пантекапея и Амиса. Въ раскопкахъ гробницъ некрополя найдена масса вещей, въ числѣ которыхъ много золотыхъ: серегъ (до 75), медальоновъ съ камнями, перстней, привѣсокъ, индикацій и т. д., особенный интересъ представляютъ золотые листики для покрытія глазъ покойниковъ. Въ дѣтской гробницѣ найденъ кусокъ мраморнаго надгробія съ изображеніемъ мужчины, держащаго въ рукахъ птицу, которая клюетъ виноградъ; въ другой гробницѣ найдена золотая дутая головка Вакха въ плющевомъ вѣнкѣ. Въ щебнѣ насыпи найденъ предметъ изъ тонкаго золота, въ формѣ усѣченнаго конуса, съ насѣчкой; сверху припаяно широкое колечко, а снизу овальный сердоликъ съ изображеніемъ Эрота

съ жезломъ, птицы, хватающей змѣю, и съ неяснымъ предметомъ; рѣзьба камня тонкая. Изъ надгробій представляетъ интересъ одно, съ обломаннымъ верхомъ, который заключалъ цѣлую сцену, судя по уцѣлѣвшимъ ногамъ мужчины, женщины, ребенка и собаки; подъ ногами изображены: копье, щиты, шлемъ, мечъ, броня, лукъ и колчанъ; находящаяся внизу надгробія надпись гласитъ, что подъ нимъ покоился прахъ Газурія, перваго архонта, сына Митродора, скончавшагося на 50-мъ году. Недалеко отъ надгробія найдена сильно поврежденная фигура мужчины.

—— Въ Beiträge zur Anthropologie und Urgeschichte Bayerns, X B., 1892, приведенъ цѣлый рядъ извѣстій о раскопкахъ и случайныхъ находкахъ до-историческихъ древностей въ Баваріи въ теченіи 1889 и 1890 годовъ.

—— Съ Октября мѣсяца 1892 г. въ Дельфахъ начались раскопки въ присутствіи Омоля, директора французской археологической школы въ Аѳинахъ, и Бургуаня, представителя Франціи. Французы получили право отъ греческаго правительства производить раскопки въ теченіе 5 лѣтъ на всемъ пространствѣ, которое занимало дельфійское святилище, при чемъ древности остаются въ Греціи, право-же изданія находокъ предоставлено французамъ въ теченіе пяти лѣтъ, начиная со дня находки каждаго предмета.

—— Въ Микенахъ недавно открыты могилы съ плитами, покрытыми рельефами и трудно читаемыми надписями. Въ нихъ также найдены орудія древнѣйшаго времени, серебряныя и золотыя монеты и много другихъ предметовъ. Раскопки будутъ продолжаться. Къ сожалѣнію, это краткое извѣстіе о такой важной находкѣ, сообщаемое въ „Athenaeum“ № 3394, никакихъ подробностей не даетъ.

—— Въ Journal of Hellenic studies, April 1890, Тёббсъ (Tubbs) даетъ подробное описаніе раскопокъ гробницъ и найденныхъ въ нихъ предметовъ древности на остр. Кипрѣ, въ Полисъ тесъ Хрисоху, въ теченіи 1889 года. Въ одной гробницѣ (стр. 56) были найдены двѣ пластинки на ртахъ покойниковъ, одна серебряная, другая золотая, съ отверстіями въ углахъ, куда продѣты были нитки для привязи пластинокъ. На приложенномъ при статьѣ рисункѣ пластинки имѣютъ форму, но въ грубомъ видѣ, человѣческаго рта. По словамъ Тёббса, подобныя пластинки были находимы на губахъ египетскихъ мумій, а также и въ прежнихъ раскопкахъ на Кипрѣ. Этотъ фактъ крайне интересенъ для насъ по аналогіи съ подобнымъ же обычаемъ—покрывать рты покойниковъ, обнаруженномъ въ одной гробницѣ, открытой въ Ольвіи въ 1891 г. (докладъ объ этомъ былъ читанъ въ засѣданіи Моск. Арх.

Общ. и будетъ напечатанъ въ XV т. „Древностей"). Въ Херсонисѣ, при раскопкахъ 1892 года, также были найдены гробницы римской эпохи (вѣроятно III вѣка) съ костяками, имѣвшими на ртахъ и глазахъ золотыя пластинки съ очертаніями глазъ и рта; по рисунку херсонисскія пластинки мало сходны съ ольвійскими, тогда какъ кипрскія, особенно золотыя, представляютъ поразительное сходство съ ольвійскими.

—— По сообщенію газеты *Italie*, въ послѣднее время въ Римѣ производятся работы по перестройкѣ моста Эліо. При раскопкахъ на правомъ берегу Тибра сдѣлана драгоцѣнная для искусства находка частей статуй и барельефовъ, украшавшихъ, какъ предполагаютъ, мавзолей Адріана. Въ числѣ этихъ обломковъ особеннаго вниманія заслуживаютъ мраморныя головы—женская и мужская, отъ статуй, имѣвшихъ, повидимому, въ вышину около пяти метровъ (болѣе двухъ саженъ). У женской головы не хватаетъ лѣвой половины лица; предполагаютъ, что это изображеніе одной изъ богинь, украшавшихъ мавзолей; волосы у ней перехвачены лентой. Что-же касается мужской головы, то полагаютъ, что она изображаетъ кого-либо изъ членовъ императорской семьи, погребенныхъ на этомъ мѣстѣ послѣ Адріана и раньше Септимія Севера. Вмѣстѣ съ этими частями статуй найдены обломки головы отъ мраморнаго изображенія лошади и части маски Фавна.

Археологъ, профессоръ Висконти, говоритъ, что эти остатки древнихъ статуй изваяны изъ греческаго мрамора, въ грекоримскимъ стилѣ и относятся къ эпохѣ Адріана или перваго Антонина. Сами же статуи принадлежали къ числу тѣхъ, которыя были разбиты въ 537 году нашей эры во время нашествія Готовъ, когда защитники Рима воспользовались этими обломками, какъ метательными снарядами противъ осаждавшихъ. (Моск. Вѣд, № 315. 1892 г.).

—— Тунисскій провинціанальный Музей ,находящійся во дворцѣ Бардо, имѣетъ нѣсколько интересныхъ древностей, между которыми особый интересъ представляютъ древнія мозаическія изображенія; на одной мозаикѣ изображено тріумфальное шествіе Нептуна, какъ владыки морей и рѣкъ, окруженнаго всевозможными рѣчными богами, нимфами, чудовищами; на другой—изображеніе зодіака съ семью планетами, изъ которыхъ каждая испускаетъ лучи разныхъ цвѣтовъ; затѣмъ изображеніе Океана, волны котораго вздуваются четырьмя Вѣтрами, и, наконецъ, Венера съ летающими вокругъ Амурами. Изъ надписей представляетъ интересъ одна, сообщающая о похищеніи статуи Венеры въ Сиссѣ. Въ особой комнатѣ находится цѣлый рядъ стелъ, посвященныхъ Сатурну, съ надписями, дающими интересныя свѣдѣнія о существованіи культа Сутурна-Ваала.

Изъ многихъ статуй интересна одна, очень большая, изъ бѣлаго мрамора, изображающая Минерву и торсъ Аполлона, напоминающій бельведерскій. Находящійся тамъ же саркофагъ изъ позднеримскихъ временъ имѣетъ на длинныхъ сторонахъ изображеніе битвы Амазонокъ, прекрасной работы. Въ витринахъ расположены мелкія древности: статуэтки отъ древнѣйшихъ временъ (пуническія) дохристіанской эпохи, лампочки, амулеты, предметы изъ слоновой кости, интересные не съ одной археологической стороны, но и съ точки зрѣнія искусства (Berl. Phil. Woch. № 47. 1892 г.).

III

Разныя извѣстія.

—— Къ вышедшему въ 1892 г. въ Парижѣ сборнику статей о Россіи по географіи, этнологіи, исторіи, литературѣ и проч., украшенномъ многочисленными рисунками и портретами (La Russie. Paris, librairie Larousse), приложенъ исполненный фототипіею уменьшеный снимокъ съ грамоты, имѣющей для насъ русскихъ огромный интересъ, Филиппа I французскаго, на латинскомъ языкѣ, принадлежащей парижской Національной Библіотекѣ, на дарованные, по просьбѣ епископа Суассонскаго Еддо, бенедиктинскому аббатству св. Крепина Великаго въ Суассонѣ доходы съ двухъ церквей. Грамота имѣетъ подписи короля Филиппа, въ формѣ крестообразной монограммы, и его матери королевы Анны, дочери Великаго Князя Ярослава Кіевскаго, русскими буквами, передаваемыми здѣсь въ точной копіи, АНАРЪИНА — Ана рэина, (Anna Regina), т. е. Анна Королева; немного выше подписи, слѣва поставленъ, вѣроятно рукою Анны Ярославны, крестъ.

Анна Ярославна была замужемъ съ 1051 года за королемъ французскимъ Генрихомъ I, послѣ смерти котораго была соправительницею (регентшею) своему сыну Филиппу. Въ 1062 г. она сложила съ себя обязанности регенства, которыя передала Балдуину V, графу Фландріи, и вторично вышла замужъ за Рауля, графа Валуа; умерла въ 1067 или 1075 г. Въ подлинности грамоты и въ подписи Анны издатель (Кудеркъ) не сомнѣвается. Почеркъ Анны Ярославны не можетъ возбудить сомнѣній и у славянскаго полеографа: онъ вполнѣ характеренъ для XI вѣка, судя по сходству буквъ подписи съ буквами на монетахъ съ име-

Общ. и будетъ напечатанъ въ XV т. „Древностей"). Въ Херсонисѣ, при раскопкахъ 1892 года, также были найдены гробницы римской эпохи (вѣроятно III вѣка) съ костяками, имѣвшими на ртахъ и глазахъ золотыя пластинки съ очертаніями глазъ и рта; по рисунку херсонисскія пластинки мало сходны съ ольвійскими, тогда какъ кипрскія, особенно золотыя, представляютъ поразительное сходство съ ольвійскими.

—— По сообщенію газеты *Italie*, въ послѣднее время въ Римѣ производятся работы по перестройкѣ моста Эліо. При раскопкахъ на правомъ берегу Тибра сдѣлана драгоцѣнная для искусства находка частей статуй и барельефовъ, украшавшихъ, какъ предполагаютъ, мавзолей Адріана. Въ числѣ этихъ обломковъ особеннаго вниманія заслуживаютъ мраморныя головы—женская и мужская, отъ статуй, имѣвшихъ, повидимому, въ вышину около пяти метровъ (болѣе двухъ саженъ). У женской головы не хватаетъ лѣвой половины лица; предполагаютъ, что это изображеніе одной изъ богинь, украшавшихъ мавзолей; волосы у ней перехвачены лентой. Что-же касается мужской головы, то полагаютъ, что она изображаетъ кого-либо изъ членовъ императорской семьи, погребенныхъ на этомъ мѣстѣ послѣ Адріана и раньше Септимія Севера. Вмѣстѣ съ этими частями статуй найдены обломки головы отъ мраморнаго изображенія лошади и части маски Фавна.

Археологъ, профессоръ Висконти, говоритъ, что эти остатки древнихъ статуй изваяны изъ греческаго мрамора, въ грекоримскомъ стилѣ и относятся къ эпохѣ Адріана или перваго Антонина. Сами же статуи принадлежали къ числу тѣхъ, которыя были разбиты въ 537 году нашей эры во время нашествія Готовъ, когда защитники Рима воспользовались этими обломками, какъ метательными снарядами противъ осаждавшихъ. (Моск. Вѣд, № 315. 1892 г.).

—— Тунисскій провинціанальный Музей, находящійся во дворцѣ Бардо, имѣетъ нѣсколько интересныхъ древностей, между которыми особый интересъ представляютъ древнія мозаическія изображенія:
одной мозаикѣ изображено тріумфальное шествіе Нептуна, как
дыки морей и рѣкъ, окруженнаго всевозможными рѣчными бога
фами, чудовищами; на другой—изображеніе зодіака съ семью
изъ которыхъ каждая испускаетъ лучи разныхъ цвѣтовъ; за
женіе Океана, волны котораго вздуваются четырьмя Вѣтрами
Венера съ летающими вокругъ Амура [illegible]
интересъ одна, сообщающая о пох [illegible]
особой комнатѣ находится цѣ
съ надписями, дающими
Сутурна-Ваала.

медія Евдокіи мученицы. 3) *Комедія Петра Златихъ ключей.* 4) *Комедія Олофернова.* 5) *Комедія пророка Даніила.* 6) *Комедія объ итальянскомъ маркграфѣ и безмѣрной уклонности графини его.* 7) *Комедія Олундина.* 8) *Комедія Рождеству.* 9) *Комедія Андрея Первозваннаго.* 10) *Комедія о прекрасной Мелюзинѣ.* 11) *Комедія Варлаама и Іосафа.* Годъ писанія этихъ произведеній неизвѣстенъ. Въ рукописяхъ онъ не обозначенъ и можетъ быть опредѣленъ по нѣкоторымъ признакамъ только приблизительно. Я разглядѣлъ на переплетѣ книги достаточно четко написанный тропарь *Спаси Господи, люди Твоя*, въ которомъ вмѣсто словъ „побѣды благовѣрному Императору нашему“ стояло „побѣды благовѣрному царю нашему Петру Алексѣевичу“. Для приблизительнаго опредѣленія года рукописи этого указанія вполнѣ достаточно; остается только припомнить день принятія императорскаго титула Петромъ I—22 октября 1721 года, и комедіи окажутся несомнѣнно принадлежащими къ началу XVIII столѣтія. Лично я полагаю, что годы писанія этихъ произведеній должны находиться между 1701 и 1705, такъ какъ въ древне-русской литературѣ *южно-русская скоропись* уже стала исчезать съ самаго начала воцаренія Петра. Никакихъ данныхъ объ авторѣ комедій я не нашелъ. Правда, послѣ расклейки переплета на внутренней его сторонѣ оказалась довольно характерная надпись однимъ почеркомъ: „сія книжица глаголемая комедія раби Божія Георгія Кордовскаго“; ниже другимъ почеркомъ: „карлика Юрька маленькаго“. Стихотворная рѣчь встрѣчается въ комедіи только въ формѣ двустишія; вотъ образецъ размѣра и риѳмы. Два возгласа „совѣтника“ изъ комедіи *Петра Златихъ ключей*. Первый: „Здравствуй государь нашъ на многія лѣта, да дастъ тебѣ Магометъ славу и честь выше всего свѣта“. Второй: „И азъ его послѣдній рабъ государу своему поздоравляю много лѣтъ и спасенія желаю и вамъ въ толикой радости поздравляю“. Для исторіи древне русской словесности комедіи эти имѣютъ значеніе первыхъ извѣстныхъ намъ *самостоятельныхъ* русскихъ піесъ, съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ романовъ того времени. Древне-русскія піесы, до найденныхъ мною образцовъ, обыкновенно переводились съ французскаго языка, при чемъ переводъ дѣлался прежде всего на нѣмецкій, затѣмъ на польскій и потомъ уже на русскій языкъ. Одиннадцать комедій Устюжскаго собора представляютъ собою исключеніе изъ этого репертуара. Онѣ, несомнѣнно, написаны самостоятельно и, кромѣ нѣкоторыхъ заимствованныхъ фабулъ, представляютъ собою настоящій продуктъ чистѣйшаго древне-русскаго творчества. (Моск. Вѣд. № 278, 1892 г.)

—— По словамъ „Voss. Ztg.“, проф. Гарнакъ, въ только-что

немъ Владиміра и ея отца Ярослава. Фонетическія особенности подписи также указываютъ на древнѣйшую эпоху русскаго языка: написаніе имени *Анна* съ однимъ *н* обнаруживаетъ извѣстное отвращеніе древне-русскаго языка отъ удвоенныхъ согласныхъ; русское ъ, еще отличавшееся въ ту эпоху отъ *о*, вѣроятно вслѣдствіе неопредѣленности своего звука, поставлено королевой въ словѣ р ъ и н а для передачи открытаго по звуку и не смягчающаго предыдущей согласной древнефранцузскаго *е* (reine). Г. Кудеркъ говоритъ, что опредѣленіе даты грамоты представляетъ трудности, имѣя, очевидно, въ виду, что она дана годъ спустя послѣ передачи королевою обязанностей регентства Балдуину, но именно по поводу подписей Анны Ярославны вмѣстѣ съ ея сыномъ Филиппомъ Карамзинъ (II, стр. 33) говоритъ, ссылаясь на Левека (мемуары): „Сынъ ея Филиппъ царствовалъ во Франціи, имѣя къ ней столь великое уваженіе, что на всѣхъ бумагахъ государственныхъ Анна вмѣстѣ съ нимъ подписывала имя свое до самаго 1075 года“.

Французскій ученый М. Пру готовитъ каталогъ государственныхъ актовъ Филиппа I, гдѣ будетъ подробно говориться и о грамотѣ съ подписью Анны Ярославны.

—— Приватъ - доцентъ Петербургскаго университета г. Шляпкинъ сообщаетъ о слѣдующей библіографической находкѣ: Нынѣшнимъ лѣтомъ (1892 г.), говоритъ г. Шляпкинъ, мнѣ случайно удалось купить весьма рѣдкій экземпляръ описанія древностей Устюжскаго собора, составленный въ сороковыхъ годахъ протоіереемъ Румовскимъ. Въ числѣ различныхъ достопримѣчательностей собора, хранившихся въ ризницѣ и библіотекѣ, я увидалъ обозначенными въ сборникѣ одиннадцать піесъ Петровскаго времени, до сихъ поръ намъ еще совершенно неизвѣстныхъ. Я до такой степени заинтересовался этою книгой, что рѣшилъ для розысковъ ея самъ лично отправиться въ Устюгъ. Пріѣзжаю, получаю весьма любезное разрѣшеніе осматривать и искать все, что̀ угодно; роюсь нѣсколько дней и, наконецъ, гдѣ-то въ углу одной изъ книжныхъ полокъ библіотеки собора нахожу то, что̀ мнѣ нужно Я напалъ на рукопись, писанную такъ-называемою *южно-русскою скорописью* и отлично сохранившуюся вмѣстѣ съ переплетомъ. Рукопись не содержала въ себѣ ни года своего появленія на свѣтъ, ни именъ авторовъ піесъ. Впрочемъ, піесъ въ смыслѣ цѣльныхъ произведеній тамъ не было: предо мной лежало одиннадцать различныхъ ролей (съ репликами къ нимъ), помѣщавшихся подъ заглавіемъ *Одиннадцати комедій*. Рукопись, конечно, была мною прочитана, тщательнѣйшимъ образомъ переписана, копія привезена въ Петербургъ, а оригиналъ остался въ Устюгѣ. Каждая комедія имѣетъ свое названіе: 1) *Комедія Хрисанфа и Дарія*. 2) *Ко-*

медія Евдокіи мученицы. 3) *Комедія Петра Златихъ ключей.* 4) *Комедія Олофернова.* 5) *Комедія пророка Даніила.* 6) *Комедія объ итальянскомъ маркографѣ и безмѣрной уклонности графини его.* 7) *Комедія Олундина.* 8) *Комедія Рождеству.* 9) *Комедія Андрея Первозваннаго.* 10) *Комедія о прекрасной Мелюзинѣ.* 11) *Комедія Варлаама и Іосафа.* Годъ писанія этихъ произведеній неизвѣстенъ. Въ рукописяхъ онъ не обозначенъ и можетъ быть опредѣленъ по нѣкоторымъ признакамъ только приблизительно. Я разглядѣлъ на переплетѣ книги достаточно четко написанный тропарь *Спаси Господи, люди Твоя*, въ которомъ вмѣсто словъ „побѣды благовѣрному Императору нашему" стояло „побѣды благовѣрному царю нашему Петру Алексѣевичу". Для приблизительнаго опредѣленія года рукописи этого указанія вполнѣ достаточно; остается только припомнить день принятія императорскаго титула Петромъ I—22 октября 1721 года, и комедіи окажутся несомнѣнно принадлежащими къ началу XVIII столѣтія. Лично я полагаю, что годы писанія этихъ произведеній должны находиться между 1701 и 1705, такъ какъ въ древне-русской литературѣ *южно-русская скоропись* уже стала исчезать съ самаго начала воцаренія Петра. Никакихъ данныхъ объ авторѣ комедій я не нашелъ. Правда, послѣ расклейки переплета на внутренней его сторонѣ оказалась довольно характерная надпись однимъ почеркомъ: „сія книжица глаголемая комедія раби Божія Георгія Кордовскаго"; ниже другимъ почеркомъ: „карлика Юрька маленькаго". Стихотворная рѣчь встрѣчается въ комедіи только въ формѣ двустишія; вотъ образецъ размѣра и риѳмы. Два возгласа „совѣтника" изъ комедіи *Петра Златихъ ключей.* Первый: „Здравствуй государь нашъ на многія лѣта, да дастъ тебѣ Магометъ славу и честь выше всего свѣта". Второй: „И азъ его послѣдній рабъ государу своему поздоравляю много лѣтъ и спасенія желаю и вамъ въ толикой радости поздравляю". Для исторіи древне русской словесности комедіи эти имѣютъ значеніе первыхъ извѣстныхъ намъ *самостоятельныхъ* русскихъ піесъ, съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ романовъ того времени. Древне-русскія піесы, до найденныхъ мною образцовъ, обыкновенно переводились съ французскаго языка, при чемъ переводъ дѣлался прежде всего на нѣмецкій, затѣмъ на польскій и потомъ уже на русскій языкъ. Одиннадцать комедій Устюжскаго собора представляютъ собою исключеніе изъ этого репертуара. Онѣ, несомнѣнно, написаны самостоятельно и, кромѣ нѣкоторыхъ заимствованныхъ фабулъ, представляютъ собою настоящій продуктъ чистѣйшаго древне-русскаго творчества. (Моск. Вѣд. № 278, 1892 г.)

—— По словамъ „Voss. Ztg.", проф. Гарнакъ, въ только-что

появившемся изданіи французской археологической миссіи въ Египтѣ, сообщаетъ о многихъ литературныхъ памятникахъ древнѣйшаго христіанства, которые въ свое время считались подлинными въ христіанскихъ общинахъ, но позднѣе отвергнуты и забыты. Дѣло идетъ о слѣдующихъ памятникахъ: 1) Откровеніе Петра, пророческая книга, соотвѣтствующая каноническому Апокалипсису Іоанна; эта книга цитируется Климентомъ Александрійскимъ во II-мъ столѣтіи по Р. Х., какъ священное писаніе. 2) Евангеліе Петра, содержащее разсказъ о жизни Христа; оно было въ употребленіи во II-мъ вѣкѣ у общинъ въ Сиріи и сперва признавалось церковными авторитетами, но вскорѣ объявлено было еретическимъ (гностическимъ). Эти оба памятника найдены въ большей своей части. 3) Значительные отрывки изъ книги Еноха, также пророческое сочиненіе, бывшее въ большомъ уваженіи у древнѣйшихъ христіанъ. Изъ названныхъ книгъ до сихъ поръ извѣстны были только отдѣльныя выдержки и отрывки у отцовъ церкви. Мѣсто, гдѣ эти памятники такъ долго покоились—одна гробница въ верхнемъ Египтѣ, принадлежащая, повидимому, къ XII столѣтію, гдѣ нашли ихъ французскіе ученые (Нов. Вр. № 5996, 1892 г.).

—— Собраніе рукописей восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества пополнилось новою коллекціею, присланною недавно изъ Кашгара Н. Ф. Петровскимъ, и состоящею изъ рукописей санскритскихъ и фрагментовъ на берестовой корѣ и на кожѣ (Нов. Вр. № 6007, 1892 г.).

—— При министерствѣ Народнаго Просвѣщенія образована коммиссія для реорганизаціи центральныхъ архивовъ историческихъ документовъ, находящихся въ Вильнѣ, Витебскѣ и Кіевѣ. Въ составъ коммиссіи войдутъ представители отъ министерства Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ (Нов. Вр. № 6007, 1892 г.).

—— По словамъ „Новаго Времени" (№ 5964, 1892 г.), архивныя ученыя коммиссіи, выходя изъ того, что многія изъ археологическихъ находокъ, при томъ болѣе рѣдкихъ, отсылаются прямо въ Петербургъ въ распоряженіе столичнаго Археологическаго Общества (Императорской Археологической Коммиссіи?), возбудили ходатайство, чтобы всѣ такія находки предварительно поступали на разсмотрѣніе мѣстныхъ архивныхъ коммиссій.

—— Министерствомъ народнаго просвѣщенія возбуждено ходатайство объ отпускѣ изъ казны 4,000 р. на расходы по экскурсіямъ Клеменца, для изслѣдованія сѣверной Монголіи въ археологическомъ отношеніи. Экспедиція Клеменца будетъ служить продолженіемъ снаряженной лѣтомъ 1891 года Императорскою академіею наукъ, подъ начальствомъ

академика Радлова, ученой экспедиціи для изслѣдованія долины рѣки Орхона (Моск. Газ. № 312, 1892 г.).

—— Изслѣдователь запорожской сѣчи Д. И. Эварницкій находится въ настоящее время въ Самаркандѣ. Онъ, какъ сообщаетъ *Окраина*, объѣзжаетъ средне-азіятскія владѣнія по командировкѣ генералъ-губернатора для сос.авленія иллюстрированнаго археологическаго, историческаго и этногр фическаго путеводителя. Осматривая древности въ Самаркандѣ г. (арницкій пришелъ къ заключенію, что извѣстный, путешественник ' Вамбери, который ихъ описывалъ, очевидно въ Самаркандѣ не ылъ. Хотя Вамбери и говоритъ, что для того, чтобы проникнуть в' Самаркандъ, ему приходилось подвергать опасности свою жизнь и пе еодѣваться дервишемъ, но у него, какъ оказывается по провѣркѣ г. Эварницкаго, нѣтъ вѣрнаго описанія ни одной мечети. Въ мечети, напр., Шахъ-Зинде ни узкой дорожки къ ней, ни описаннаго двора, ни мраморной лѣстницы совсѣмъ не существуетъ; въ мечети Гуръ-Эмиръ, гдѣ покоится прахъ Тимура, ни одна подробность описанія Вамбери не совпадаетъ съ дѣйствительностію, начиная со двора мечети и до подземелья, куда, вмѣсто узкой и длинной лѣстницы, ведетъ лѣстница всего въ 7 ступеней. Въ описаніи зеленаго камня, который былъ въ мечети Кокъ-тажъ трономъ Тимура, гдѣ онъ принималъ своихъ вассаловъ, тоже нѣтъ ничего вѣрнаго. Камень оказывается не зеленымъ, но бѣлымъ съ сѣрыми только жилками. Вамбери говоритъ, что надъ этимъ камнемъ, съ правой стороны, есть желѣзо формы кокоса и надъ желѣзомъ надпись, тогда какъ желѣзо это, формой дыни, не справа, но слѣва, и надпись не надъ желѣзомъ, а на самомъ желѣзѣ. Такого рода всѣ описанія Самарканда даютъ поводъ полагать, что Вамбери не доѣхалъ до него и дѣлалъ ихъ по слухамъ. Изъ Самарканда г. Эварницкій поѣдетъ для изслѣдованія древностей въ Мервъ, Асхабадъ и и Геокъ-Тепе. Между прочимъ, г. Эварницкій недавно открылъ на старомъ кладбищѣ Иски - Ташкентѣ памятникъ съ надписями XIV вѣка, съ которыхъ сдѣланъ оттискъ, и окончательно пришелъ къ заключенію, что города Ташкентъ и Бинкетъ были два особые города на довольно большомъ другъ отъ друга разстояніи (Моск. Вѣд. № 274, 1892 г.).

—— Къ открытію реставрированнаго дворца царевича Дмитрія былъ доставленъ въ г. Угличъ изъ Тобольской „ссыльный колоколъ". Какъ извѣстно, колоколъ, въ которой били въ набатъ при убіеніи царевича Дмитрія, былъ взятъ изъ Углича и отосланъ въ 1593 г. въ Тобольскъ, гдѣ угличскій колоколъ и сдѣлался „часобитнымъ" на Софійской колокольнѣ. Среди угличанъ уже не разъ и давно возникала мысль о возвращеніи на родину ссыльнаго угличскаго колокола; нако

морное подножіе статуи Віона, поставленной его сыномъ Антивіономъ, „жрецомъ Дѣвы", какъ гласитъ высѣченная на подножіи трехстрочная греческая надпись; затѣмъ мраморная капитель съ изображеніемъ трилистника. Тутъ-же найдены: обломокъ днища глазированнаго сосуда съ изображеніемъ св. Георгія въ кольчугѣ, съ копьемъ и щитомъ, множество мелкихъ вещей—обломковъ колоннъ, плитъ, мозаики, черепокъ сосуда изъ красной глины съ неяснымъ изображеніемъ креста и нѣсколькими буквами греческой надписи; бронзовые предметы: цѣпочки, пуговки, браслеты и болѣе 80 монетъ византійскаго Херсона. На юго-восточной сторонѣ городища, при раскопкахъ, обнаружился каналъ изъ каменныхъ плитъ, уходящій внизъ, подъ почву; при расчисткѣ его найдены кости животныхъ (черепъ кошки, грудная птичья кость и т. д.). Въ этомъ-же мѣстѣ оказалась стѣна, прочно устроенная, и недалеко отъ нея цистерна квадратной формы, цементированная, на днѣ которой найдена верхняя часть крышки съ грубымъ изображеніемъ мужчины съ выдавшимися глазами, заостреннымъ носомъ, длинною бородою и съ волосами, заплетенными въ три косы; голова покрыта остроконечною шляпой.

Остатки стѣнъ домовъ обнаружены въ восточномъ углу городища; тутъ найдены двѣ женскія головки—мраморная, сильно поврежденная и глиняная, хорошей работы. Въ остальныхъ мѣстахъ городища найдены: бронзовая курильница съ ручкой, обломокъ черепичной иконы Божьей Матери съ надписью, бронзовый крестъ съ надписью и заостреннымъ стержнемъ для укрѣпленія на древкѣ. Въ одномъ изъ храмиковъ обнаружена гробница съ истлѣвшимъ остовомъ, около котораго уцѣлѣли остатки ткани, золотыя нити и серебряныя части оклада Евангелія: застежки, наугольники и крестикъ. Въ другомъ храмикѣ, около „Уваровской базилики", также найдена гробница съ тремя истлѣвшими остовами и бронзовый наперстокъ. Подъ этимъ храмикомъ обнаруженъ слой древняго до-византійскаго Херсониса съ монетами Керкинитиды, Пантекапея и Амиса. Въ раскопкахъ гробницъ некрополя найдена масса вещей, въ числѣ которыхъ много золотыхъ: серегъ (до 75), медальоновъ съ камнями, перстней, привѣсокъ, индикацій и т. д., особенный интересъ представляютъ золотые листики для покрытія глазъ покойниковъ. Въ дѣтской гробницѣ найденъ кусокъ мраморнаго надгробія съ изображеніемъ мужчины, держащаго въ рукахъ птицу, которая клюетъ виноградъ; въ другой гробницѣ найдена золотая дутая головка Вакха въ плющевомъ вѣнкѣ. Въ щебнѣ насыпи найденъ предметъ изъ тонкаго золота, въ формѣ усѣченнаго конуса, съ насѣчкой; сверху припаяно широкое колечко, а снизу овальный сердоликъ съ изображеніемъ Эрота

съ жезломъ, птицы, хватающей змѣю, и съ неяснымъ предметомъ; рѣзьба камня тонкая. Изъ надгробій представляетъ интересъ одно, съ обломаннымъ верхомъ, который заключалъ цѣлую сцену, судя по уцѣлѣвшимъ ногамъ мужчины, женщины, ребенка и собаки; подъ ногами изображены: копье, щиты, шлемъ, мечъ, броня, лукъ и колчанъ; находящаяся внизу надгробія надпись гласитъ, что подъ нимъ покоился прахъ Газурія, перваго архонта, сына Митродора, скончавшагося на 50-мъ году. Недалеко отъ надгробія найдена сильно поврежденная фигура мужчины.

—— Въ Beiträge zur Anthropologie und Urgeschichte Bayerns, X B., 1892, приведенъ цѣлый рядъ извѣстій о раскопкахъ и случайныхъ находкахъ до-историческихъ древностей въ Баваріи въ теченіи 1889 и 1890 годовъ.

—— Съ Октября мѣсяца 1892 г. въ Дельфахъ начались раскопки въ присутствіи Омоля, директора французской археологической школы въ Аѳинахъ, и Бургуаня, представителя Франціи. Французы получили право отъ греческаго правительства производить раскопки въ теченіе 5 лѣтъ на всемъ пространствѣ, которое занимало дельфійское святилище, при чемъ древности остаются въ Греціи, право-же изданія находокъ предоставлено французамъ въ теченіе пяти лѣтъ, начиная со дня находки каждаго предмета.

—— Въ Микенахъ недавно открыты могилы съ плитами, покрытыми рельефами и трудно читаемыми надписями. Въ нихъ также найдены орудія древнѣйшаго времени, серебряныя и золотыя монеты и много другихъ предметовъ. Раскопки будутъ продолжаться. Къ сожалѣнію, это краткое извѣстіе о такой важной находкѣ, сообщаемое въ „Athenaeum“ № 3394, никакихъ подробностей не даетъ.

—— Въ Journal of Hellenic studies, April 1890, Тёббсъ (Tubbs) даетъ подробное описаніе раскопокъ гробницъ и найденныхъ въ нихъ предметовъ древности на остр. Кипрѣ, въ Полисъ тесъ Хрисоху, въ теченіи 1889 года. Въ одной гробницѣ (стр. 56) были найдены двѣ пластинки на ртахъ покойниковъ, одна серебряная, другая золотая, съ отверстіями въ углахъ, куда продѣты были нитки для привязи пластинокъ. На приложенномъ при статьѣ рисункѣ пластинки имѣютъ форму, но въ грубомъ видѣ, человѣческаго рта. По словамъ Тёббса, подобныя пластинки были находимы на губахъ египетскихъ мумій, а также и въ прежнихъ раскопкахъ на Кипрѣ. Этотъ фактъ крайне интересенъ для насъ по аналогіи съ подобнымъ же обычаемъ—покрывать рты покойниковъ, обнаруженномъ въ одной гробницѣ, открытой въ Ольвіи въ 1891 г. (докладъ объ этомъ былъ читанъ въ засѣданіи Моск. Арх.

ходимую справочную книгу для всякаго занимающагося древностями русскаго классическаго юга, тогда какъ настоящее изданіе за недорогую, сравнительно, цѣну даетъ намъ почти полный текстъ оригинала; правда, великолѣпные рисунки таблицъ (около 90) русскаго изданія, уменьшенные почти въ половину и переданные фототипически во французскомъ изданіи, утратили мѣстами свою тонкость и чистоту, но тѣмъ не менѣе могутъ удовлетворить читателя. Особую важность французскому изданію придаетъ масса библіографическихъ ссылокъ на сочиненія и статьи, появившіяся въ промежутокъ времени отъ появленія „Древностей Босфора Киммерійскаго“ до нашихъ дней и объясняющія изданныя древности; не перечислены, однако, (за малыми исключеніями) труды нашихъ авторовъ на русскомъ языкѣ, недоступномъ г. Ренаку, и новый издатель съ сожалѣніемъ говоритъ, что les publications en langue russe se multiplient d'une maniére regrettable depuis dix ans Въ текстѣ прибавлено нѣсколько лишнихъ противъ русскаго изданія политипажей (кульобскіе медальоны съ головою Аѳины, рѣзные камни, рисунки вазъ). Текстъ надписей на камняхъ не приведенъ, но римской нумераціи надписей русскаго изданія соотвѣтствуютъ нумера труда В. В. Латышева Inscr. ant. orae sept. P. E.

Къ изданію г. Ренакъ присоединилъ полезное приложеніе—оглавленіе и указатель ко всѣмъ „Отчетамъ Императорской Археологической Коммиссіи“ по 1881 г. включительно.

Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1882—88 г. СПб. 1891 г. Съ атласомъ изъ 8 табл. Цѣна 5 р.

Отчеты о дѣятельности Археологической Коммиссіи прекратились печататься въ 1883 г. и только въ 1891 г. вновь появились за цѣлыя 7 лѣтъ. Центральное положеніе, занимаемое Коммиссіею, позволяетъ ей ежегодно, особенно въ послѣдніе года, собирать довольно многочисленный матеріалъ какъ по раскопкамъ, производимымъ на ея средства и на средства частныхъ лицъ, свѣдѣнія которыхъ доставляются въ Коммиссію, такъ и по случайнымъ находкамъ древностей въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Матеріалъ, представляемый послѣднимъ Отчетомъ, обширенъ и довольно характерно рисуетъ различныя мѣстности Россіи въ археологическомъ отношеніи. Въ виду малой распространенности Отчетовъ въ публикѣ и въ виду того, что извѣстія о многихъ находкахъ узнаются впервые только изъ Отчета, редакція „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“ представитъ въ отдѣлѣ „Обозрѣнія“ краткія выдержки о наиболѣе характерныхъ раскопкахъ и находкахъ. Къ сожалѣнію, описанія предметовъ въ Отчетѣ даются съ неравномѣрною полнотою: многія важныя находки описаны крайне сжато, тогда какъ другіе, менѣе важные предметы, описываются съ ненужными подробностями. Перечисленіе губерній, въ которыхъ были найдены монетные клады, безъ объясненій въ какой губерніи какія монеты были найдены, не имѣетъ никакого значенія для науки и на будущее время было-бы желательно видѣть въ Отчетахъ болѣе подробныя

указанія. Топографія монетныхъ находокъ имѣетъ важное значеніе для исторіи сношеній Россіи съ другими государствами, даже если находимыя монеты относятся къ ближайшимъ къ намъ вѣкамъ.

Въ концѣ отчета находятся „Приложенія", заключающія объясненія В. В. Латышева (на латинск. яз.) греческихъ надписей, найденныхъ въ 1881—88 гг. на югѣ Россіи, и описаніе, составленное подъ наблюденіемъ Н. П. Кондакова, нѣкоторыхъ древностей изъ раскопокъ въ Керчи и близь Анапы, состоящихъ изъ древнихъ золотыхъ вещей, терракотовыхъ, деревянныхъ предметовъ и рѣзныхъ камней. Изъ послѣднихъ особенно интересенъ голубой халцедонъ на золотой дужкѣ (съ руки покойницы) съ изображеніемъ вглубь фигуры Аполлона архаическаго стиля, напоминающей статую Дидимскаго Аполлона, съ лукомъ и птицею (ворономъ) въ рукахъ. Интересенъ также очень изящный деревянный саркофагъ изъ кургана Благовѣщенской станицы близь Анапы, украшенный деревянными рѣзными изображеніями Нереидъ на гиппокампахъ, тритонахъ и т. д., везущихъ доспѣхи Ахилла; археологическій интересъ этихъ изображеній представляетъ то, что, можетъ быть, онѣ воспроизводятъ утраченныя группы Скопаса, изобразившаго тотъ-же сюжетъ. Изъ золотыхъ вещей особеннаго вниманія заслуживаетъ золотая чеканная маска Аѳины съ глазами изъ бѣлой финифти, прекрасной работы, служившая украшеніемъ къ какому-то предмету. Всѣ упомянутыя вещи относятся къ III в. до Р. Х. Изъ изданныхъ въ атласѣ глиняныхъ статуэтокъ, довольно, впрочемъ, заурядныхъ, одна, изображающая Геракла на подножіи съ надписью, внушаетъ сильное сомнѣніе въ подлинности ея; подножіе сдѣлано изъ куска черепицы съ клеймомъ, носящимъ женское имя, часто встрѣчающееся на керченскихъ черепицахъ.

Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Коммиссіею.

№ 8. Византійскій памятникъ, найденный въ Керчи въ 1891 г. Изслѣдованія Іос. Стржиговскаго и Н. В. Покровскаго. СПб. 1892 г. Цѣна 2 р.

№ 9. Древности Южной Россіи. Греческія и латинскія надписи, найденныя въ Южной Россіи въ 1889—91 гг., съ объясненіями В. В. Латышева. СПб. 1892 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Археологическая Коммиссія издала цѣлый рядъ „Матеріаловъ" въ формѣ монографій объ отдѣльныхъ памятникахъ или о цѣлыхъ группахъ памятниковъ изъ одной мѣстности. Такъ, въ пяти выпускахъ были изданы Древности Геродотовой Скиѳіи, древности Сѣверо-Западнаго края, Сибирскія древности; въ двухъ выпускахъ древности Южной Россіи (Керченская христіанская катакомба 491 года и описаніе нѣкоторыхъ древностей и монетъ, найденныхъ въ Херсонесѣ въ 1888—89 гг.), и наконецъ два послѣдніе выпуска посвящены также памятникамъ Южной Россіи.

Византійскій памятникъ, объясненіемъ котораго занятъ 8-й выпускъ „Ма-

теріаловъ",—серебряный предметъ въ формѣ блюда съ выгнутою лицевою стороною, относящійся, по объясненію обоихъ авторовъ, къ числу коммеморативныхъ, подносныхъ или же декоративныхъ щитовъ. Щитъ найденъ въ 1891 г. случайно въ Керчи въ древней катакомбѣ на сѣверо-восточномъ склонѣ горы Митридатъ, въ углубленіи ложа, гдѣ онъ прикрывалъ собою небольшой серебряный сосудъ и серебряную ложечку. На лицевой сторонѣ находится гравированное съ черню изображеніе скачущаго вправо византійскаго императора съ сіяніемъ (нимбомъ) вокругъ головы, которая повязана діадимою, и съ копьемъ въ рукѣ; одѣтъ онъ въ короткую, богато вышитую, одежду, узкіе штаны и вышитые башмаки; на перевязи виситъ мечъ; императору предшествуетъ Ника—богиня побѣды, съ вѣнкомъ и пальмовою вѣтвью въ рукахъ; сзади идетъ тѣлохранитель со щитомъ, носящимъ монограмму Христа, и съ копьемъ въ рукахъ. Изображенный императоръ, по объясненіямъ обоихъ изслѣдователей, пришедшихъ каждый самостоятельно къ одному и тому-же выводу, Юстиніанъ. Работа щита константинопольская и представляетъ собою рѣдкій памятникъ въ ряду подобныхъ ему, которыхъ извѣстно до сихъ поръ семь экземпляровъ. Величина щита въ діаметрѣ около $5^1/_2$ вершковъ; фигуры всѣ, кромѣ лицъ, рукъ и ногъ тѣлохранителя и Ники, позолоченныя. Къ выпуску приложена хромолитографія съ памятника, 4 фототипіи и 9 политипажей.

Въ 9-мъ выпускѣ „Матеріаловъ" изданы съ объясненіями В. В. Латышева надписи Херсониса, Воспора, Тиры и Танаида, находокъ 1889—91 годовъ. Самое важное мѣсто между всѣми надписями этого интереснаго сборника дающаго много новаго матеріала для государственныхъ древностей и для древней географіи Крыма, занимаетъ надпись, найденная въ Херсонисѣ въ одномъ изъ христіанскихъ храмовъ, гдѣ она служила поломъ, заключающая текстъ общегражданской присяги Херсонисцевъ; изъ текста надписи, почти цѣликомъ сохранившейся, узнаемъ мы, какія обязанности налагались на всякаго гражданина Херсониса въ III в. до Р. Х. (къ этому времени относитъ В. В. Латышевъ надпись): онъ обязанъ пещись о благосостояніи и свободѣ города и гражданъ, не измѣнять отечеству, не предавать врагамъ его владѣній, не нарушать существующей формы правленія и если таковая кѣмъ нарушится, то своевременно доводить объ этомъ до свѣдѣнія власти; не выдавать государственныхъ тайнъ, не брать и не давать взятокъ и т. д. Этотъ краткій перечень нѣкоторыхъ „обязанностей" рисуетъ намъ, какой выработался идеалъ гражданина херсонисской республики; но, кромѣ этого, надпись намъ даетъ свѣдѣнія о владѣніяхъ Херсониса, которыя въ III в. не ограничивались только городомъ, но простирались на цѣлую область съ городами Керкинитидою, Колосъ-Лименомъ (т. е. прекраснымъ портомъ), крѣпостями (безъ именъ) и равниною, которая засѣявалась хлѣбомъ. Съ упоминаніемъ Керкинитиды выплываетъ наружу вновь вопросъ о мѣстѣположеніи этого города; всѣмъ занимавшимся древнею географіею Крыма, извѣстны разнообразныя мнѣнія о мѣстѣ, гдѣ лежала Керкинитида: одни ученые по-

мѣщали его внѣ Крыма, другіе въ Крыму и, наконецъ, третьи считаютъ два города одного и того-же имени; авторъ 9-го выпуска не пускается въ разборъ всѣхъ мнѣній, но замѣчаетъ, что присоединяется къ мнѣнію тѣхъ, которые считаютъ одну Керкинитиду, находившуюся въ Крыму. Прибавимъ отъ себя, что давно-бы слѣдовало снарядить экспедицію для опредѣленія мѣстоположенія Керкинитиды и Колосъ-Лимена; безъ сомнѣнія раскопка городищъ дастъ богатый матеріалъ для исторіи и археологіи древней Тавриды.

Другой памятникъ временъ первыхъ римскихъ императоровъ, къ сожалѣнію, настолько поврежденный, что не далъ возможности г. Латышеву вполнѣ возстановить его содержанія, заключаетъ декретъ въ честь какого-то гражданина Херсониса, награжденнаго за матеріальныя и нравственныя услуги городу золотымъ вѣнцомъ и мѣдною статуею, и содержитъ упоминанія о новыхъ фактахъ Херсонисской исторіи: о существованіи тиранна въ Херсонисѣ въ первыя времена Римской имперіи, о поѣздкѣ въ Римъ и хлопотахъ тамъ чествуемаго въ декретѣ гражданина о представленіи городу правъ „свободнаго города“ (впрочемъ, это мѣсто въ надписи, крайне испорченное, возстановляется г. Латышевымъ предположительно). Если послѣднее мѣсто возстановлено вѣрно, то этимъ подрывается принятіе, по исчисленіямъ Бёка, начала эры Херсониса въ 36 г. до Р. Х., къ которому пріурочено дарованіе городу свободы М. Антоніемъ.

Изъ херсонисскихъ надписей византійскаго періода одна, въ формѣ арки, содержитъ годъ 6692 (1183 по Р. Х.) кончины какого-то іеромонаха и клирика Петра; она интересна какъ свидѣтельство о существованіи города въ XII вѣкѣ.

Изъ надписей Танаида одна, временъ воспорскаго царя Т. Ю. Евпатора (155—171 по Р. Х.), свидѣтельствующая о возстановленіи въ городѣ стѣнъ,

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6

интересна по большому, высѣченному надъ надписью знаку или монограммѣ, значеніе которой авторъ, за неимѣніемъ прочныхъ данныхъ, не опредѣляетъ. В. В. Латышевъ, между прочимъ ссылается на подобные-же знаки, находящіеся на танаидскихъ надписяхъ и на уздечкѣ изъ Керчи, изд. въ „Древн. Босф. Кимм.“, табл. XXIX, 4. Въ дополненіе прибавимъ еще три небольшихъ памятника—бронзовыя пряжки изъ Керчи, имѣющія тѣ-же загадочные знаки: рис. 4 и 5 сдѣланы съ пряжекъ, находящихся въ одной частной коллекціи въ Керчи; рис. 6—съ обломка пряжки, хранящейся въ Историческомъ Музеѣ, въ Москвѣ. Подобная-же пряжка издана въ „Древн. Босф. Кимм.“ т. XXXII, 20. Присутствіе монограммы на памятникѣ II-го вѣка по Р. X., сходной съ подобными-же на издаваемыхъ пряжкахъ, позволяетъ отнести послѣднія ко времени, близкому ко II-му вѣку, что крайне важно для опредѣленія эпохи древностей, находимыхъ вмѣстѣ съ пряжками, носящими такіе-же знаки.

Основанія хронологической классификаціи и каталогъ коллекціи древностей проф. Д. Я. Самоквасова. Варшава. 1892 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Собраніе древностей, преимущественно курганныхъ, бывшаго проф. Варшавскаго Университета, нынѣ директора Московскаго Архива Юстиціи, Д. Я. Самоквасова, поднесенное въ безусловное распоряженіе Его Императорскаго Величества Государя Императора, было Всемилостивѣйше передано въ 1892 г. въ Императорскій Россійскій Историческій Музей.

Свое собраніе Д. Я. Самоквасовъ расположилъ по составленной имъ классификаціи, основы которой изложены имъ въ статьѣ „Основанія хронологической классификаціи“, предпосланной каталогу. Всѣ древности авторъ раздѣляетъ на четыре эпохи: Киммерійскую или эпоху каменной и бронзовой культуръ, занимающую пространство времени отъ древнѣйшихъ временъ до VII в. до Р. X.; скиѳскую и сарматскую отъ VII в. до Р. X. до V в. по Р. X.; славянскую съ VI в. по XI в., и половецко-татарскую съ XII по XV в. Само собою разумѣется, что на основаніи такого дѣленія, курганныя древности изъ одного и того же мѣста распредѣляются въ каталогѣ по эпохамъ на основаніи признаковъ, приводимыхъ авторомъ въ его „основаніяхъ“. Коллекція заключаетъ въ себѣ болѣе 5000 №№ (5430), при чемъ, для сравненія, въ нее вошли предметы изъ камня, глины и бронзы изъ находокъ въ Даніи (каменныя орудія) и Италіи; многія изъ тѣхъ древностей, которыя были изданы прежнимъ владѣльцемъ ихъ, и давно извѣстны археологамъ, напр. изъ кургана „Черная Могила“ въ Черниговѣ, заключавшаго, между прочимъ, два турьихъ рога (къ сожалѣнію въ обломкахъ), оправленныхъ въ серебро съ превосходною чеканною орнаментаціею X вѣка, также находятся въ этомъ обширномъ собраніи. Нѣкоторые отдѣлы, особенно изъ кургановъ и городищъ Кіевской и Полтавской губерній, заключаютъ много интересныхъ предметовъ. Каталогъ снабженъ 10-ю таблицами ксилографій.

V

Засѣданія Обществъ.

Засѣданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 6 октября 1892 г. подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Анучина.

Г. И. Куликовскій, командированный Обществомъ лѣтомъ 1892 г. на сѣверный Кавказъ, читалъ отчетъ о своей поѣздкѣ, начиная съ г. Нальчика по долинамъ рр. Черека и Чегема, по нѣкоторымъ мѣстамъ у рр. Баксана, Мелки, Подкумка, Теберды, Б. Зеленчука и Кефара. Въ долинахъ рр. Черека и Баксана встрѣчалось много кургановъ, каменныхъ бабъ съ восточными надписями, плитъ съ надписями или изображеніями, четырехугольныя башни, сходныя съ находящимися на Военно-Грузинской дорогѣ. Могилы по Кубани и Баксану имѣютъ видъ зданій до 10 саж. вышины, сложенныхъ изъ большихъ камней съ конусообразными покрытіями. На Черекѣ онѣ меньше. По склонамъ горъ на Черекѣ могилы плоскія, врытыя въ землю такъ, что видна лишь стѣна съ окномъ на Ю. или Ю.-З. На рр. Б. Зеленчукѣ, Черекѣ и Чегемѣ встрѣчаются могилы ящиками въ 1 саж. длины и 2 арш. ширины, сложенными изъ каменныхъ плитъ; покрыты онѣ землей; иногда могилы расположены въ нѣсколько ярусовъ. Подобный же типъ могилъ, но съ трехгранной крышей, встрѣчается по берегамъ Кубани. На рр. Кефарѣ и Индишѣ встрѣчаются могилы группами въ формѣ домиковъ съ крышею и окнами. Мѣстами для погребенія служили также пещеры въ горахъ по берегамъ Кубани; дольменовъ же г. Куликовскому не удалось встрѣтить, но нѣкоторые изъ описанныхъ имъ типовъ могилъ имѣютъ много сходства по конструкціи съ дольменами. Въ Кубанской области встрѣтилось г. Куликовскому нѣсколько древнехристіанскихъ памятниковъ, какъ-то: каменные кресты, иногда съ надписями, часовни, церкви цѣлыя и въ развалинахъ. Съ памятниковъ г. Куликовскимъ были сняты фотографіи и рисунки, служившіе демонстраціею къ его докладу, имѣющему быть напечатаннымъ въ „Древностяхъ". В. Ѳ. Миллеръ сообщилъ объ одной греческой надписи, найденной на р. Зеленчукѣ, относимой имъ, судя по найденному въ той-же мѣстности кресту XI вѣка, къ тому же времени, что она содержитъ нѣсколько собственныхъ осетинскихъ именъ, хотя въ этой мѣстности Осетинъ давно нѣтъ и фактъ ея находки заставляетъ думать, что христіанство было сюда занесено изъ Сухума и что, можетъ быть, здѣсь нѣкогда былъ центръ Алланской епархіи.

Другая экскурсія на Кавказъ же была совершена В. М. Сысоевымъ съ цѣлью прослѣдить существованіе дольменовъ по долинамъ рр. Афипсы и Бѣлой

(отчетъ читалъ, за отсутствіемъ автора, секретарь Общества). Въ Шапсугской станицѣ г. Сысоевъ встрѣтилъ 22 дольмена, изъ коихъ только 7 были цѣлы, изъ нихъ особенно одинъ замѣчателенъ своими огромными размѣрами; онъ состоитъ изъ камеры и большой передней ниши; на трехъ его плитахъ—на передней, верхней и на боковыхъ, оказались какіе-то рисунки или знаки. Два дольмена интересны тѣмъ, что, кромѣ верхней плиты, выдолблены изъ одного громаднаго камня. Второй центральный пунктъ дольменовъ—ст. Эриванская; затѣмъ встрѣчаются по долинамъ верхняго теченія рр. Б. Бугундвери, Антхыра, Большаго, Малаго и Общаго Хобля и др. Почти всѣ дольмены разрушены и ограблены, а плиты употребляются туземцами на жернова. Раскопки не дали никакихъ интересныхъ результатовъ. Внѣшній видъ ихъ имѣетъ форму трапеціи, рѣже круглую; задняя часть ниже передней и лицевая плита имѣетъ овальное отверстіе въ 8—9 в., закрытое иногда втулкою.

Д. Н. Анучинъ демонстрировалъ доставленную въ Общество проф. В. В. Морковниковымъ коллекцію интересныхъ бронзовыхъ предметовъ, найденную въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губ. близъ д. Ильдиряково, о которой редакція „Арх. Изв. и Зам.“ надѣется дать подробное описаніе.

Д. Н. Анучинымъ поднятъ былъ вопросъ объ изданіи при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ новаго небольшаго органа (см. подробнѣе въ началѣ этого №).

1-го ноября 1892 г., въ 1 часъ дня, въ библіотечной залѣ Историческаго Музея состоялось торжественное засѣданіе Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ проф. А. С. Павлова, въ которомъ чествовалось пятидесятилѣтіе учено-литературной дѣятельности Ивана Егоровича Забѣлина. Юбиляръ, при входѣ, былъ привѣтствованъ громкими и продолжительными аплодисментами представителей ученыхъ Обществъ и учрежденій, принимавшихъ участіе въ чествованіи Ивана Егоровича и многочисленной публики. По открытіи засѣданія, предсѣдатель произнесъ рѣчь, въ которой отмѣтилъ заслуги юбиляра, какъ историка и археолога, указалъ на связь его съ русскими университетами, въ большинствѣ которыхъ онъ состоитъ почетнымъ членомъ, а въ Кіевскомъ—почетнымъ докторомъ, и заключилъ рѣчь словами, что какъ велики заслуги юбиляра передъ русской наукой, присутствующіе услышатъ при чтеніи адресовъ и привѣтствій отъ учрежденій и ученыхъ Обществъ и отъ авторитетныхъ представителей науки. Затѣмъ началось чтеніе привѣтствій и адресовъ; первымъ было прочтено письмо Августѣйшаго президента Императорской Академіи Художествъ, Великаго Князя Владиміра Александровича, затѣмъ телеграмма Августѣйшаго предсѣдателя Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея, Великаго Князя Сергѣя Александровича; телеграмма предсѣдателя Императорскаго Общества Художествъ принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской;

адресъ Императорской Академіи Наукъ, подписанный Августѣйшимъ ея Предсѣдателемъ Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ, вице-президентомъ, непремѣннымъ секретаремъ и 32 членами Академіи. Затѣмъ начались привѣтствія депутаціи отъ учрежденій и ученыхъ Обществъ: отъ Московскаго Университета, съ ректоромъ во главѣ; отъ Румянцовскаго и Публичнаго Музеевъ, заявившая объ избраніи Ивана Егоровича въ почетные члены Музеевъ; отъ Московской Городской Думы; отъ Московской Духовной Академіи; привѣтствія: отъ архіепископовъ ярославскаго Іонафана и владимірскаго Ѳеогноста (отъ послѣдняго поднесена юбиляру икона); отъ Александровскаго братства во Владимірѣ; отъ Московскаго Донскаго монастыря; адресы: отъ Казанскаго университета; отъ Лазаревскаго института; отъ публичной библіотеки; отъ Общества Любителей Россійской Словесности; отъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея; отъ Императорской Археологической Коммиссіи; отъ Московскаго Археологическаго Общества, дипломъ котораго на званіе почетнаго члена подписанъ Государемъ Императоромъ; отъ Русскаго (Петербургскаго) Археологическаго Общества; отъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей; отъ Общества Нестора лѣтописца; отъ Общества Любителей Естествознанія и Антропологіи; отъ Этнографическаго отдѣла того-же Общества; отъ Историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ; отъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ; отъ Московскаго архива министерства юстиціи; отъ Строгановскаго училища; отъ Московской консерваторіи; отъ Московскаго архитектурнаго Общества; отъ Тверскаго музея и тверской ученой архивной Коммиссіи, поднесшихъ съ привѣтствіемъ фотографію съ Никольской, что на Звѣринцѣ, церкви въ Твери, гдѣ Иванъ Егоровичъ былъ крещенъ 19 сентября 1820 г. (род. 17 сентября); отъ Московскаго губернскаго чертежнаго отдѣла; отъ Ростовскаго музея; отъ Тульскаго древнехранилища; отъ археологическаго института; отъ Калужской, Костромской, Орловской, Таврическій и Ярославской ученыхъ архивныхъ коммиссій; отъ Библіографическаго Кружка; отъ редакціи „Библіографическихъ Записокъ“; отъ журнала „Русскій Художественный Архивъ“; отъ г-жи Шабельской, поднесшей шитую картину—выходъ русскихъ царицъ въ церковь; отъ И. Л. Силина, поднесшаго рукопись „Дѣянія Апостоловъ“. Послѣ пріема депутатовъ были прочтены телеграммы: отъ министра народнаго просвѣщенія, гр. И. Д. Делянова; отъ товарища министра кн. Волконскаго; отъ барона Бюлера; отъ Петербургскаго, Казанскаго, Харьковскаго, Новороссійскаго и Кіевскаго университетовъ; отъ Историческаго Общества при Петербургскомъ университетѣ; отъ „Вѣстника Европы“; отъ Общества Любителей Древней Письменности; отъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ; отъ Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи; отъ археографической коммиссіи; отъ Саратовской, Пермской, Тамбовской, Нижегородской ученыхъ архивныхъ коммиссій; отъ Нижегородскаго статистическаго комитета; отъ комитета Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ; отъ предсѣдателя Москов-

скаго Археологическаго Общества, гр. Уваровой, отъ президента Общества Любителей Естествознанія, Д. Н. Анучина; отъ А. Н. Пыпина, отъ А. П. Бахрушина и отъ многихъ частныхъ лицъ. Большинство учрежденій и обществъ избрало юбиляра въ свои почетные члены. По окончаніи чтеній, растроганный Иванъ Егоровичъ произнесъ приблизительно слѣдующія слова. Не имѣю словъ, чтобы высказать мою, отъ всего сердца, глубочайшую благодарность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, оказавшимъ мнѣ свое вниманіе. Никогда я не могъ помышлять, чтобы мои труды, правда усердные, но всетаки недостаточные, заслужатъ такого, въ высокой степени, сочувственнаго одобренія. Нѣтъ выше похвалы труженику науки, какъ полное сочувствія привѣтственное слово, что его труды приняты и принимаются съ одобреніемъ отъ авторитетныхъ представителей науки. Въ этомъ словѣ заключается истинное удовольствіе и истинное счастіе для скромнаго дѣятеля науки. И это истинное счастіе я испытываю теперь, исполненный глубокой душевной признательности и безграничной сердечной благодарности ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, почтившимъ меня такимъ общимъ, неоцѣненнымъ для меня сочувствіемъ. Рѣчь Ивана Егоровича была покрыта продолжительными рукоплесканіями и засѣданіе было закрыто.

17-го ноября 1892 г. въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ состоялось второе засѣданіе недавно учрежденной при этомъ Обществѣ славянской коммиссіи. Товарищъ предсѣдателя И. А. Линниченко прочелъ докладъ „О новыхъ теоріяхъ происхожденія польскаго государства и сословій въ Польшѣ“, при чемъ остановился на теоріяхъ иноземнаго происхожденія ихъ—именно, Мацѣевскаго и Шайнохи, предполагавшихъ, что начало государству положено было норманскимъ завоеваніемъ, при чемъ завоеватели составили высшій классъ въ немъ; а изъ новѣйшихъ, на теоріяхъ Бобжинскаго и Пекосинскаго, которые, признавая фактъ завоеванія, приписываютъ его лишь особому не-ляшскому племени. Такъ, по мнѣнію Бобжинскаго, высшій классъ въ Польшѣ явился вслѣдствіе наѣзда одного племени приморскихъ славянъ; у этого племени выдвинулся князь, подчинившій себѣ другія племена и ихъ князей, а вслѣдстіе отчасти веденныхъ при этомъ войнъ возникъ цѣлый рядъ классовъ, которыхъ онъ насчитываетъ семь. Но наиболѣе остроумную гипотезу образованія государства и классовъ путемъ иноплеменнаго наѣзда выставилъ археологъ Пекосинскій. Онъ замѣтилъ въ польской шляхтѣ любопытное явленіе принадлежности къ одному гербу цѣлаго ряда (иногда свыше 100) родовъ, при чемъ всѣ они признаютъ свое происхожденіе отъ одного общаго родоначальника. Съ другой стороны, онъ

утверждаетъ, что военная служба была не повинностью, а правомъ шляхты, не связаннымъ съ землевладѣніемъ; право же на землевладѣніе явилось вслѣдствіе происхожденія шляхты отъ древнихъ княжескихъ династій, имѣющихъ общее происхожденіе, и которыхъ онъ насчитываетъ 30 на основаніи тридцати военныхъ знаковъ этихъ династій, являющихся прототипомъ всѣхъ древнихъ польскихъ гербовъ. Эти военные знаки, по мнѣнію Пекосинскаго, не что иное какъ скандинавскія руны. Изъ Скандинавіи перенята и военная организанія шляхты, а произошло это такъ: въ VIII в. племя, жившее на Эльбѣ, по сосѣдству съ норманнами, и усвоившее себѣ культуру и нравы своихъ сосѣдей, уступая напору саксовъ, переселилось на Вислу и Варту, осѣло здѣсь, стало строить здѣсь города, въ которыхъ расположились пришлыя дружины и подчинили себѣ туземное ляшское населеніе. Отсюда явились классы: 1) не свободныхъ,—плѣнники, колонисты и поселяне; 2) рядовыхъ пришлыхъ воиновъ,—куда причисленъ былъ и высшій классъ туземцевъ, и 3) первоначально немногочисленной гербовой родовой шляхты—начальники пришлыхъ воиновъ. Ни воины, ни шляхта первоначально землею не владѣли. Въ XII в., при Болеславѣ Кривоустомъ, эти три класса уже осложняются подраздѣленіями, и мы находимъ: 1) гербовую шляхту, 2) рядовую, 3) княжескихъ крестьянъ, 4) приписанныхъ къ церкви, 5) лично свободныхъ (колонисты) и 6) рабовъ. Противъ этой теоріи возможны однако возраженія: 1) относительно происхожденія шляхты отъ 30 родовъ, а этихъ родовъ отъ одного княжескаго рода; 2) относительно руническаго происхожденія древнихъ гербовъ и военныхъ родовыхъ знаковъ; 3) если военная служба шляхты не зависѣла отъ землевладѣнія, если шляхта получила въ XII в. земли не въ помѣстное владѣніе, а по праву происхожденія отъ княжеской семьи, то странно, почему этотъ надѣлъ совершился такъ поздно. Въ заключеніе докладчикъ высказался въ пользу теоріи образованія государства и общественныхъ классовъ въ Польшѣ путемъ внутренняго развитія.—Послѣ этого доклада прив.-доц. П. А. Лавровъ прочиталъ рефератъ о новомъ болгарскомъ изданіи *Троянской Притчи* въ особой народной редакціи по ватиканской рукописи XIV в.

Засѣданіе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 25 сентября 1892, подъ предсѣдательствомъ В. Н. Юргевича.

Предсѣдатель читалъ докладъ о составленномъ А. Л. Бертье-Делагардомъ описаніи монетъ черноморскихъ колоній, которое рѣшено напечатать въ „Запискахъ“ Общества. Затѣмъ были демонстрированы принесенныя въ даръ Обществу г. Бертье-Делагардомъ древнія монеты и древности изъ находокъ въ Ольвіи, заключающіяся въ золотыхъ и бронзовыхъ предметахъ—серьгахъ, браслетахъ, фибулахъ, разныхъ бытовыхъ предметахъ, бусахъ, и т. д. глиняныхъ расписныхъ и простыхъ сосудахъ, и, наконецъ, коллекціи, состоящей изъ 18 географическихъ картъ XVI, XVII и XVIII вв., большая часть

которыхъ относится къ древней географіи Россіи; въ числѣ ихъ находится факсимиле двухъ картъ частей Чернаго моря XV в. (?) изъ музея Корреръ, въ Венеціи. П. О. Бурачковымъ было принесено въ даръ Обществу собраніе русскихъ монетъ и медалей. Предсѣдателемъ засѣданія были предъявлены пріобрѣтенныя у частнаго лица древности изъ раскопанной ольвійской гробницы, заключающіяся въ нѣсколькихъ сосудахъ, изъ которыхъ одинъ расписной (амфора) съ изображеніемъ грифона передъ бюстомъ женщины, лампадки (вѣроятно, глиняная лампочка) съ изображеніемъ гладіатора съ мечемъ и щитомъ и разныхъ мелкихъ золотыхъ, стеклянныхъ и костяныхъ предметовъ. Кромѣ упомянутыхъ древностей В. Н. Юргевичемъ были демонстрированы 3 греческихъ надписи: одна изъ Ольвіи и двѣ изъ Аккермана (древней Тиры). (Изъ протокола 266 засѣданія).

Въ состоявшемся 30-го октября, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, засѣданіи восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, В. Д. Смирновъ прочиталъ рефератъ „О турецкихъ лубочныхъ картинахъ". Докладчикъ представилъ собранію коллекцію этого рода картинъ, собранныхъ имъ во время путешествія по Турціи, и характеризовалъ сюжеты илюстрированной литературы турокъ, у которыхъ печатное дѣло возникло лишь съ половины прошлаго столѣтія, и вкусы ихъ удовлетворяются грубой работы литографированными эстампами. Сюжеты этихъ произведеній оказываются заимствованными изъ персидской литературы, равно какъ изъ Персіи идетъ и стремленіе къ иллюстраціи, которой, въ сущности, не допускаетъ правовѣрный исламъ. Въ томъ же засѣданіи С. Ѳ. Ольденбургъ сдѣлалъ сообщеніе о ходѣ работъ своихъ по чтенію санскритскихъ рукописей, доставляемыхъ изъ Кашгара Н. Ф. Петровскимъ, приславшимъ новую коллекцію въ количествѣ до 100 листовъ того же письма, въ томъ числѣ фрагменты на березовой корѣ и на кожѣ. (Нов. Вр. № 5991. 1892 г.).

20-го ноября 1892 состоялось засѣданіе Классическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ И. И. Стояновскаго. Доклады сдѣланы были Ѳ. Ѳ. Соколовымъ—„Замѣчанія на сочиненіе Аристотеля о государственныхъ учрежденіяхъ", и В. К. Эрнштедтомъ—„Вопросъ о львахъ въ древней Греціи", Ѳ. Ѳ. Соколовъ въ докладѣ своемъ представилъ образчикъ одного изъ тѣхъ разъясненій историческихъ свидѣтельствъ, которыя въ настоящее время возможны для науки, благодаря новооткрытому тексту сочиненія Аристотеля. Темное мѣсто Ѳукидида, который говоритъ о четырехъ совѣтахъ, управлявшихъ Беотіей, а вслѣдъ за тѣмъ только объ одномъ совѣтѣ, который рѣшалъ высшіе государственные вопросы въ этой странѣ, получаетъ надлежащее толкованіе, при сопоставленіи съ излагаемымъ у Аристотеля проектомъ олигархическаго устройства Аѳинъ (съ 411 до Р. Х.),

когда предполагалось всю власть передать въ руки 400 гражданъ не моложе 30 лѣтъ отъ роду и совершенно обезпеченныхъ. Каждые сто человѣкъ должны были поочередно править государствомъ въ продолженіе года, въ крайнихъ случаяхъ призывая на совѣтъ и остальныхъ правителей.

В. К. Эрнштедтъ, въ виду возникшихъ вопросовъ относительно самобытности микенской культуры по связи съ сюжетами, изображенными на этого рода памятникахъ, представилъ историческую справку по вопросу о томъ— были ли львы въ древней Греціи, и привелъ на этотъ счетъ свидѣтельство Геродота, который говоритъ о нападеніи львовъ на войско Ксеркса и указываетъ предѣлы мѣстности, гдѣ водятся львы, что подтверждается затѣмъ и Аристотелемъ въ его сочиненіи о животныхъ. Съ своей стороны князь П. А. Путятинъ сообщилъ о существованіи львовъ въ древней Европѣ на основаніи данныхъ доисторической археологіи. (Нов. Вр.№ 6012. 1892 г.).

Н. И. Витковскій.

(Некрологъ).

Въ Иркутскѣ, въ ночь на 24-ое сентября 1892 года, покончилъ съ собою Николай Ивановичъ Витковскій, консерваторъ музея Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Наука лишилась въ лицѣ Николая Ивановича одного изъ энергичныхъ, плодотворныхъ своихъ дѣятелей на скудно воздѣланной почвѣ сибирской археологіи. Покойный не по своей волѣ попалъ въ Сибирь,—бѣлоруссъ по происхожденію, онъ въ ранней молодости былъ сосланъ въ Кару на каторжную работу. До ссылки этотъ будущій труженикъ готовился не къ наукѣ, а къ духовному званію; но дорогою въ Сибирь онъ отдалился отъ общества сосланныхъ съ нимъ ксендзовъ и перешелъ въ среду докторовъ. На каторгѣ одинъ изъ нихъ занялся образованіемъ молодаго человѣка и прошелъ съ нимъ цѣлый гимназическій курсъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ каторжной работы, Н. И. былъ переведенъ на поселенье въ Балаганскій округъ и опять нѣсколько лѣтъ, сперва въ деревнѣ, а потомъ въ Иркутскѣ, снискивалъ себѣ хлѣбъ самою черною работою. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ объ немъ узналъ Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества и пристроилъ къ письменнымъ занятіямъ. Здѣсь онъ сошелся съ извѣстнымъ геологомъ И. Д. Черскимъ, также недавно (25-го іюня 1892 г.) нашедшимъ себѣ преждевременную смерть на отдаленномъ сѣверѣ Сибири, въ Колымскомъ краѣ, и сталъ прилежно заниматься археологическими раскопками.

Первую научную экскурсію Н. И. совершилъ вмѣстѣ съ покойнымъ

И. Д. Черскимъ въ Тункинскія и Китойскія альпы, но письменныхъ слѣдовъ отъ нея не осталось. Въ 1879 г. онъ уже избирается въ консерваторы музея, въ члены Отдѣла и въ 1881 г.—въ члены распорядительнаго комитета. Съ 1880 г. Н. И. предпринимаетъ рядъ самостоятельныхъ экскурсій съ цѣлью археологическихъ изслѣдованій, давшихъ цѣнные научные результаты и обогатившихъ музей Восточно-Сибирскаго Отдѣла интересными коллекціями предметовъ каменнаго вѣка. Многолѣтнія изслѣдованія его были сосредоточены, главнымъ образомъ, въ долинѣ р. Ангары. Найденныя имъ здѣсь, въ прибрежныхъ аллювіальныхъ отложеніяхъ, массовыя скопленія культурныхъ остатковъ открыли для науки не одну живую и правдивую страницу изъ жизни аборигеновъ этой страны въ ту отдаленную отъ насъ эпоху, когда населеніе не знало еще употребленія металла, а умѣло выдѣлывать лишь каменныя орудія. Отчеты о своихъ изслѣдованіяхъ покойнымъ даны въ слѣдующихъ статьяхъ:

1) Краткій отчетъ о раскопкѣ могилы каменнаго періода въ Иркутской губ. „Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. Общ.“, 1880 г., т. XI, №№ 3 и 4.

2) Отчетъ о раскопкѣ могилъ каменнаго вѣка въ Иркутской губ., на лѣвомъ берегу р Ангары. „Извѣстія Вост.—Сибир. Отд.“, т. XIII, №№ 1 и 2.

3) Отчетъ о раскопкѣ могилы каменнаго періода въ Иркутской губ., произведенной въ 1880 г. „Труды V Археологическаго Съѣзда“ въ Тифлисѣ, 1881 г.

4) О раскопкѣ могилъ каменнаго вѣка въ Иркутской губ., на лѣвомъ берегу р. Ангары, произведенной лѣтомъ 1881 г. „Труды V Археол. Съѣзда“ въ Тифлисѣ.

5) Аборигены Иркутской губ. Газета „Сибирь“, 1882 г., №№ 18 и 19.

6) О нѣкоторыхъ находкахъ каменнаго періода въ Вост. Сибири. „Древности“, изд. Московск. Археол. Общ., 1885 г., т. X.

7) Слѣды каменнаго вѣка въ долинѣ р. Ангары. „Извѣстія Вост.-Сибир. Отд.“, 1889 г., т. XX, №№ 1 и 2.

8) Просверленные камни. „Изв. Вост.-Сибир. Отд.“, 1890 г., т. XXI, № 4.

Отчеты эти снискали Н. И. Витковскому заслуженную извѣстность въ ученомъ мірѣ и дали право ему на почетное мѣсто въ немногочисленной семьѣ изслѣдователей Сибири. Въ послѣднее время покойный строилъ много плановъ относительно болѣе широкаго обслѣдованія слѣдовъ каменнаго періода въ Сибири, составленія карты находокъ каменныхъ орудій, объ открытіи мѣсторожденій нефрита и т. п., но преждевременная смерть прекратила плодотворную дѣятельность Николая Ивановича ранѣе, чѣмъ удалось ему осуществить эти полезные планы.

Ал. Ивановскій.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

Выходятъ 12 разъ въ годъ и составятъ томъ въ 25 листовъ. Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою ТРИ (3) рубля въ годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Историческомъ Музеѣ, на Красной Площади, у Алексѣя Васильевича Орѣшникова (ежедневно, кромѣ субботы и праздниковъ, отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня).

2) Въ антикварной книжной торговлѣ П. П. Шибанова, Москва, Петровскія линіи.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные ТРИ рубля исключительно на имя Московскаго Археологическаго Общества (Москва, Берсеневская набережная, у Каменнаго Моста, собств. домъ).

Археологическія Извѣстія и Замѣтки

издаваемыя

Императорскимъ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

[illegible]

А. В. ОРѢШНИКОВА.

№ 2

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и Кº, Леонтьевскій пер., № 5
1893

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I

О змѣевикѣ съ семью отроками.

—— Въ статьѣ гр. И. И. Толстаго „О русскихъ амулетахъ, называемыхъ змѣевиками“ (Спб. 1888; оттискъ изъ III т. „Записокъ“ И. Р. А. О.) на стр. 24—26, подъ № 22, описанъ змѣевикъ, рѣзанный на яшмѣ, съ изображеніемъ семи отроковъ Эфесскихъ. Впервые этотъ змѣевикъ отмѣченъ и изданъ Ю. Д. Филимоновымъ въ „Вѣстникѣ Общ. Древне-Русскаго искусства“ (№ 33) 1875 г. Смѣсь стр. 73; изданъ онъ по гипсовому слѣпку. Этой же копіей руководились и гр. И. И. Толстой, и Д. И. Прозоровскій. Въ настоящее время оригиналъ поступилъ въ Импер. Историческій Музей (Указатель пам. стр. 582), гдѣ я и могъ подробнѣе и обстоятельнѣе съ нимъ познакомиться. Интересенъ этотъ змѣевикъ, во первыхъ, тѣмъ, что это до сихъ поръ единственный не греческій рѣзной на камнѣ (intaglio) предметъ этого рода: всѣ остальные змѣевики русскіе сдѣланы изъ металла путемъ отливки или рѣзьбы. Во вторыхъ, этотъ змѣевикъ одинъ изъ немногихъ, гдѣ написано имя того или тѣхъ, для кого онъ назначался; мнѣ извѣстны только еще три змѣевика съ именемъ, именно: Василія, на Черниговской гривнѣ (Толстой № 1),—Евдокіи № 3 у гр. Толстаго,

и Ростислава (№ 5936 Тверскаго Музея) [1]). Въ третьихъ, ни одинъ изъ доселѣ извѣстныхъ змѣевиковъ не имѣетъ на себѣ столь длинной надписи, какъ интересующій насъ яшмовый. Въ четвертыхъ, наконецъ, просмотрѣвъ литературу объ этомъ змѣевикѣ, я нашелъ, что самая надпись читалась разнообразно (даже не всегда вѣрно), благодаря тому, что у изслѣдователей была въ рукахъ только копія, не въ достаточной степени точно передающая оригиналъ. Не лишено здѣсь также значенія и то, что первое извѣстіе о немъ появилось въ печати, 9 лѣтъ спустя послѣ находки (см. Ю. Д. Филимонова о. с.). Все это заставило меня воспользоваться случаемъ изучить змѣевикъ въ оригиналѣ и, не задаваясь полнымъ разсмотрѣніемъ вопроса, на первый разъ ограничиться установленіемъ чтенія надписи и опредѣленіемъ времени памятника, насколько позволяютъ тѣ скудныя средства, которыми до сихъ поръ обладаетъ наша палеографія и эпиграфика въ частности.

Хотя чтенія, которыя предложены были до сихъ поръ изслѣдователями змѣевика (см. примѣчанія къ № 22 у И. И. Толстаго), таковы, что даютъ возможность дѣлать различныя коньектуры, всетаки они не достаточно точно передаютъ надпись, напр. относительно пропусковъ, образуемыхъ поврежденіемъ самого камня. Кромѣ того, полагаю не лишнимъ обратить вниманіе на самые начертанія и языкъ надписи: то и другое, кажется, можетъ дать не безъинтересныя данныя, какъ для опредѣленія, хотя приблизительно, времени надписи, такъ и освѣтить нѣкоторыя особенности ея.

Прежде всего обратимъ вниманіе на надпись со стороны правописанія ея. Для установленія отношенія къ ней, думаю, важную роль долженъ играть самый характеръ памятника. Змѣевикъ прежде всего памятникъ *бытовой;* примѣненіе, употребленіе его житейское, въ обыденной жизни: это амулетъ, долженствующій предохранить, оказать помощь тому, кто имъ владѣлъ; на это указываютъ надписи, какъ на чисто греческихъ змѣевикахъ, такъ и на славянскихъ, съ нихъ сдѣланныхъ, напр. на Черниговской гривнѣ: „помози рабу твоему Василію“, на змѣевикѣ № 12: *Θεοτόκε, φρούρει, φύλαττε...*, № 27: *Θεοτόκε, βοήθει τῇ σῇ δούλῃ Μαριαμ* (?) и т. д. Стоя въ связи съ народными суевѣріями, змѣевики едва - ли могли быть памятниками, признаваемыми и принимаемыми лицами образованными (въ древней Руси, духовными по преимуществу): противъ нихъ возражали, протестовали не разъ духовныя лица: „семоу же подобна иная вина: немощь волшебноую цѣлить и наоузы...“, читаемъ въ одномъ изъ словъ „Златоустника“ (Рук.

[1]) Изданъ съ рисункомъ въ брошюрѣ: „Тверской Музей 13 Іюня 1892 г.“ (стр. 18). Змѣевикъ очень плохой сохранности.

Тв. Муз. № 3100, л. 64 об.). Въ силу этого вѣроятнѣе всего предположить, что производителями ихъ были ремесленники, мастеровые, т. е. люди не книжные или мало книжные, которые никоимъ образомъ не могли быть поставлены рядомъ съ людьми учеными и развитыми. Этимъ съ одной стороны, кажется, можно объяснить тѣ многочисленныя ошибки въ правописаніи, въ начертаніяхъ буквъ, которыя мы находимъ на змѣевикахъ, какъ греческихъ, такъ и русскихъ, напр. въ Черниговскомъ змѣевикѣ: Василигж, гдѣ рѣзавшій форму для змѣевика счелъ Ѭ за двѣ буквы; своіему тоже Ѥ—Ѥ; *πληρης*—*πιρις* (Толстой, табл. XVII, 3), *πληρηρο* (XVI, 2), *σαβαοι*—*σαβαωθ* (№ 2 у Толстаго) и т. д. [1]). Къ этой же категоріи ошибокъ относятся и такія, которыя объясняются не неумѣніемъ мастера прочесть надпись, а непониманіемъ имъ надписи, напр., когда приходилось греческую надпись дѣлать русскому мастеру, напр., на той же Черниговской гривнѣ. Этимъ объясняется и трудность возстановленія извѣстной обычной формулы: *ὕστερα μελάνη...* Другой рядъ ошибокъ можетъ быть объясненъ тѣмъ, какое значеніе имѣла надпись въ глазахъ мастера и лица, носившаго змѣевикъ; здѣсь, повидимому, точность ея, смыслъ формулы не играли первенствующей роли: важно было, что надпись есть, что предохранительныя слова присутствуютъ, а какъ они были начертаны, неважно [2]). Подтвержденіемъ этого лучше всего служитъ таже формула: *ὕστερα μελάνη...*, которая на многихъ змѣевикахъ (см. № 12, 25 Толстаго) не дописывалась; а на одномъ изъ изданныхъ (№ 13) змѣевиковъ значительная часть буквъ передана разнообразно положенными черточками, которыя и должны были изображать пзъ себя текстъ формулы [3]); на другомъ же (№ 14) рядъ буквъ, не дающихъ смысла. То же воззрѣніе подтверждаетъ частью и тотъ фактъ, что непонятная большинству греческая формула продолжала жить и воспроизводиться на змѣевикахъ и русской работы.

Вторымъ условіемъ, которое надо имѣть въ виду при чтеніи и уясненіи надписи, должно быть поставлено то, что самыя условія воспроизведенія надписи на камнѣ и металлѣ (изъ камня рѣзалась также,

[1]) На тоже ремесленное происхожденіе змѣевиковъ, а отчасти и на способъ ихъ производства (отливка въ предварительно вырѣзанную форму), указываютъ случаи обратнаго положенія буквъ въ надписи, напр. Ꙙ (bis) въ зм. № 6 (Толст.).

[2]) Ср. Гр. Толстаго о. с. 45 пр. 2.

[3]) Что это воззрѣніе на надпись таково, могу подтвердить и моимъ личнымъ наблюденіемъ. Непонятность, замысловатость надписи и словъ заклинанія сами уже представляли гарантію и вѣсъ формулы, ручались за ея дѣйствительность: извѣстная печать царя Соломона (сатор, арепо, тенет, опера, ротас.) въ Рыльскомъ уѣздѣ Курск. губ. употребляется, какъ одинъ изъ дѣйствительнѣйшихъ амулетовъ противъ лихорадки; при этомъ „колдунъ“ объяснилъ мнѣ, что языкъ надписи „египетскій“, а потому никому не понятный.

вѣроятно, и форма, служившая для отливки змѣевика) [1] — нѣсколько иныя, нежели для письма на пергаминѣ и бумагѣ. Въ рукописяхъ путемъ наблюденія мы можемъ извлечь нѣкоторыя общія правила употребленія того или другаго начертанія, напр., относительно постановки оу, ꙋ и ˇ, связныхъ начертаній, сокращеній, Ъ и Ь. Въ этомъ отношеніи о памятникахъ на камнѣ и металлѣ пока мы можемъ сказать весьма не многое; одно пока можно отмѣтить, что здѣсь значительную роль играетъ матеріалъ, на которомъ вырѣзалась надпись: на камнѣ легче производились и потому предпочитались нечертанія прямолинейныя и округлыя и наоборотъ избѣгались извилистыя, дугообразныя, напр., на нашемъ змѣевикѣ, см. букву Ѣ, составленную изъ прямыхъ чертъ; въ рукописи же предпочиталась форма съ округлой правой частью; угловатое Д при рукописномъ Д. Кромѣ того, строго ограниченное мѣсто для надписи, въ общемъ гораздо меньшее, нежели въ рукописяхъ, ставило мастера надписи въ условія болѣе стѣсненныя, нежели писца рукописи, у котораго мѣсто, хотя и ограниченное, но давало сравнительно больше простора; мастеру надписи съ другой стороны было меньше необходимости слѣдовать общепринятому начертанію слова, потому что смыслъ его надписи въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ ясенъ, благодаря тому, что его надпись была надписью къ легко угадываемому и понятному изображенію; поэтому онъ могъ писать Г҃ и А҃, —начертанія, имѣющія въ рукописяхъ числительное только значеніе,—для обозначенія словъ: „глава адамова"; у него эти буквы не возбуждаютъ сомнѣнія въ смыслѣ, такъ какъ онѣ помѣщены около изображенія черепа, лежащаго подъ распятіемъ; поэтому же онъ могъ и надъ изображеніями трости и копья, помѣщенными по бокамъ креста, вмѣсто словъ полностію, поставить только „Т" и, „К" [2]) Въ рукописной практикѣ такія сокращенія не употребительны.

Тою же ограниченностью мѣста можно объяснять сокращенія, не совсѣмъ обычныя для рукописей, находимыя на памятникахъ бытовыхъ. напр. М въ значеніи „море" на тмутараканскомъ камнѣ [3]), „поставхъ" вм. „поставихъ" на Стерженскомъ крестѣ, гдѣ для полнаго начертанія слова мѣста не хватило [4]); въ силу этого же самаго условія мы находимъ здѣсь необычныя для XII в. лигатуры НР, НК и Ї два раза.

---

[1]) Сужу по нѣсколькимъ формамъ для отливки крестовъ; формы хранятся въ Тверскомъ Музеѣ: № 380. Опис. Тв. Муз. (стр. 104).

[2]) Примѣръ взятъ изъ „Описанія Тв. Муз." А. К. Жизневскаго № 250, стр. 87; см. также „Тв. Музей 13 іюня 1892 г." стр. 16 и вторую таблицу рисунковъ.

[3]) Срезневскій И. И. „Палеографія", стр. 32; нѣчто аналогичное есть въ рук. 1406 г. (Палея Коломенская): здѣсь Ꙁ служитъ для обозначенія слова „земля" (т. е. взято названіе самой буквы). Ср. Златую цѣпь XIV в. (Буслаевъ—большая Христоматія, столб. 504).

[4]) „Тв. Музей 13 іюня 1892 г." стр. 13 и рис. креста 1133 г.

Изъ сказаннаго ясно, насколько отличались условія производства надписи на памятникѣ бытовомъ, ограниченнаго объема, отъ условій письменности на матеріалѣ, спеціально назначенномъ для письма, каковы пергаминъ и бумага. Остается добавить еще то, что самая традиція письма далеко не такъ сильно тяготѣла надъ ремесленникомъ, производившимъ надпись, какъ надъ писцомъ рукописи. При всемъ томъ, конечно, нельзя отрицать зависимости отъ письменныхъ памятниковъ надписей, ихъ характера въ памятникахъ бытовыхъ, каковы змѣевики: графика рукописная, разумѣется, стояла въ числѣ образцовъ у рѣзчика, который даже могъ имѣть передъ глазами во время своей работы *писанный* текстъ надписи (хотя-бы именъ собственныхъ). Отсюда будетъ вполнѣ понятно, почему многія, довольно странныя повидимому, начертанія надписи на змѣевикѣ находятъ себѣ объясненіе въ пріемахъ и начертаніяхъ *письменныхъ* памятниковъ. Въ частности также, полагаю, не лишено значенія и вліяніе греческой графики, именно въ змѣевикахъ, памятникахъ, тѣсно связанныхъ на русской почвѣ съ своими греческими образцами (см. змѣевики съ надписями на обоихъ языкахъ).

Съ подобными пріемами, кажется, можно приступить къ установленію текста и его уясненію на нашемъ змѣевикѣ. Сначала скажу нѣсколько словъ объ его исторіи въ научныхъ изслѣдованіяхъ. Найденный въ 1866 г. Ю. Д. Филимоновымъ въ Суздальскомъ Рождественскомъ соборѣ въ числѣ вещей, не попавшихъ въ опись ризницы, онъ былъ въ 1875 г. изданъ нашедшимъ его. Въ первое время онъ возбудилъ сомнѣніе: одинъ изъ ученыхъ сомнѣвался въ его древности, другой прямо въ его подлинности, „но впослѣдствіи какъ тотъ, такъ и другой, повидимому, перемѣнили свое мнѣніе въ пользу памятника“ [1]). Я, съ своей стороны не нахожу возможнымъ сомнѣваться въ подлинности змѣевика: во первыхъ, самая исторія открытія и изданія змѣевика не позволяетъ предположить подлога; во вторыхъ, кажущіяся на первый взглядъ сомнительными нѣкоторыя особенности памятника находятъ себѣ вполнѣ удовлетворительное объясненіе изъ другихъ памятниковъ древнихъ и подлинныхъ [2]). За Филимоновымъ читалъ и издалъ (въ 1878 г.) нашъ змѣевикъ Д. И. Прозоровскій (см. у гр. Толстаго библіографію № 36),

[1]) Слова Ю. Д. Филимонова, см. выше о. с.

[2]) Кромѣ того, кажется, слишкомъ велики должны были бы быть опытность и знанія фальсификатора, чтобы произвести подлогъ, особенно въ области палеографіи и эпиграфики, областяхъ такъ мало изслѣдованныхъ. Къ тому же не лишнее припомнить, что и всѣ наши поддѣлки далеко не отличаются искусствомъ и разсчитаны, ясно, на весьма мало опытныхъ покупателей; таковы, напр., извѣстныя мнѣ обѣ поддѣлки Слова о. п. И. (Бардина; одна—теперь въ Рум. Муз.; другая (бывшая Максимовича) въ антикварной лавкѣ Шибанова; такова поддѣльная начальная лѣтопись (см. „Описаніе рук. Хлудова“ А. Н. Попова стр. 91—92 (перв. приб.).

переиздалъ гр. И. И. Толстой (о. с.) и наконецъ предложилъ свое объясненіе покойный арх. Леонидъ (Зап. Им. Рус. Арх. Общ. т. IV вып. III, стр. 100 сл.).

Надпись въ оригиналѣ читается такъ [1]):

а) Лицевая сторона (съ изображеніемъ 7 отроковъ):

+ГИ ИСЧСЪ [1]) КРЬСТЬ [2]) ДАВЪЕ СЪНЪ :ζ: ОТРОКЪ КЪ СѲѢСЬСКѢЕ [3]) ГЪРЬ ЛАЖЬ [4]) И ..МА [5]) РА.[6])БЪМА СВОИМА+ГЬОРГИЕО ХРЬСТИИѢ СЪНЪ ЖИКОЪ [7]) ТЬНЪЕ И МИРЬНЪЕ И ЧГАСИ СИЛЧ [8]) .. ЪНЬИЧЕО АМИНЬ

Оборотная сторона (со змѣями):

+ГИ ИЪМЪζИ РА. . . . .ОИМА НАРЬҮЬНЪМА КЪ СВАТМЬѢ ХРЬЦІЬ НИИ МАРИИ+И ХРЬСТИИѢ КЪ МИРѢ [9]). Ь МИОСЛАВЛАНЕ СЪ СТА-РѢИШЬСО ДЪҮѢРИСО АМИНЬ

Надписи къ изображеніямъ отроковъ, кромѣ верхняго (Ⓐ **Еζ АКЧС—ТѸЛИАИ**) писаны вертикально.

Ⓐ[10])	Т	Ⓐ	Р	Ⓐ	Л	Ⓐ	Ѵ[11])	М	Ⓐ[12])	Л	Ⓐ[13])
А	О	М	Т	М	Ї	Д	С	К	И	Н	Ї
N	N	А	.	А	А	Ї	Н	Л	А	Ъ	Ѡ̄
	Н		N	ζ	N	О	О	Н			
	N		О	Ї		N	С	Х			
	О		С	М				Ъ			
				Н							

Первое, что бросается въ глаза въ этихъ надписяхъ, это — смѣшеніе начертаній **С** и **Є**. Это смѣшеніе въ оправданіи не нуждается: при мелкой рѣзьбѣ маленькій язычекъ, отличающій **С** отъ **Є**, легко могъ ускользнуть отъ вниманія; поэтому совершенно покойно можно испра-

---

[1]) Точками обозначаю буквы, не достающія въ надписи; число точекъ соотвѣтствуетъ числу буквъ не достающихъ по моему разсчету въ надписи.

[1]) Не **ИСҮСЪ**, какъ у гр. Толстаго; [2]) не **ХРЬСТЬ** (какъ у Толстаго; о. Леонидъ (о. с.) прочелъ вѣрно); [3]) у Т. **ЄѲѢСЬКѢЄ**; [4]) у. Т. испр. **ДАЖЬ**; [5]) отъ **М** сохранилась правая половина; у Т. не прочтена; [6]) пропускъ въ величину одной буквы: [7]) въ оригиналѣ ясно читается **Ъ** а не Δ, какъ у Т.; [8]) ясно, должно быть **Ч**, а не **О** (Т.): сохранилось и часть наклоннаго штриха **Ч**; [9]) отъ **Ѣ** остался низъ, **Р** ясно видно; у Т. не прочтено; [10]) ясно вездѣ Ⓐ читается, а не ⊙ (Т.); [11]) т. е. **ДЇОНѴСНОС**; неизвѣстно, почему у Т. переставлены колонны, почему и получилось чтеніе справа; [12]) т. е. **НАМКЛИХЪ**; [13]) т. е. **ЇѠАНЪ**.

вить чтеніе: **ЄѲЄСЬСКѢЄ**. Гораздо страннѣе начертанія **ЪЄ** вм. **Ы**, **ЄО** вм. **Ю**. Но и имъ можно найти объясненіе въ рукописной практикѣ (а она, какъ было уже сказано, несомнѣнно имѣетъ значеніе, и большое, для эпиграфическихъ текстовъ): здѣсь, ясно, мы имѣемъ передъ собой случай непониманія писцомъ его оригинала, весьма вѣроятно, рукописнаго. Передъ нимъ было такое начертанія **Ы**, которое легко могло быть имъ сочтено за двѣ буквы и при томъ отличное отъ обычнаго, со второй половиной буквы, похожей на **Є**; а подобныя начертанія **Ы** извѣстны намъ; именно въ памятникахъ XII—XIV ст.; напр., въ Болонской псалтири: **Ъ+**, **ЪЇ**, **Ъ+**, въ Рыльскомъ Ев. XII—XIII в. **Ъ+** [1]), въ русскихъ граматахъ XIII — XIV в. [2]) Кромѣ того, что вторая половина буквы отдѣлена отъ первой, можно указать и на то, что знакъ **+—Ї** существовалъ и отдѣльно, напр., въ словѣ **агіос** (на крестѣ XIII в. Антонія Новгородскаго) [3]). Мало того, особенность въ начертаніи **Ы** въ этихъ случаяхъ на змѣевикѣ, съ увѣренностью позволяетъ предполагать именно подобное начертаніе **Ы** въ **ЪЄ**: **Ъ** имѣетъ вѣздѣ отростокъ, т. е, **Ъ Є**; ясно, что подобное начертаніе восходитъ къ рукописному **Ъ+**. Основываясь на этомъ возможно исправить вездѣ это непонятное **ЪЄ** на **Ы**; кромѣ того въ словѣ **НАРЬѴЬНЪМА**, слѣдуетъ предположить чтеніе **НАРЬѴЬНЫМА**, потому что у **Ъ** здѣсь остался тотъ же характерный отростокъ, т. е. пропущена была при рѣзбѣ **Є—+** Если можно допустить подобное объясненіе начертанія **Ы**, то возможно дать объясненіе также и **ЄО** и **Є** вм. **І** (вм. **ЄѲЇСЬСКѢЄ**), т. е. рѣзчикъ не далъ себѣ яснаго представленія въ **+** и вообще въ **Ї**, которое смѣшалъ съ **Є**; т. е. вм. **ЄО** и **СО** слѣдуетъ совершенно послѣдовательно читать **Ю**. Подобный случай нетвердости мастера въ грамотѣ не единичный въ бытовыхъ памятникахъ, какъ мы могли видѣть на Черниговскомъ змѣевикѣ (см. выше).

Изъ другихъ начертаній обращаютъ на себя вниманіе по характеру слѣдующія:

1) **Ч** имѣющее видъ чашки **Ѵ**; это начертаніе въ рукописяхъ признается древнѣйшимъ (см. у Срезневскаго, сводный алфавитъ XI в. „Палеографія“, стр. 125); но оно же находится и на древнѣйшихъ рѣзныхъ памятникахъ, напр., на Стерженскомъ крестѣ 1133 года (см. выше).

2) **И** также древнѣйшаго, греческаго типа; м. б. здѣсь можно видѣть вліяніе греческихъ рѣзныхъ камней; но совершенно подобное

---

1) Качановскій—Болонская псалтирь и Рыльское Ев., стр. 7.

2) Срезневскій „Палеографія“, стр. 179, 191, 274.

3) Срезневскій ibid, p. 222.

начертаніе встрѣчается и въ русскихъ рукописяхъ, писанныхъ тонко (безъ особаго различія и штриховъ толстыхъ отъ тонкихъ) и угловато, каковы напр. грамоты 1229 и 1310 гг. (Срезневскій, 179, 233).

3) **М** составлено изъ угловатыхъ чертъ; въ рукописяхъ обычно петля имѣетъ низъ закругленный; но подобное нашему начертаніе изрѣдка находимъ и въ рукописяхъ, обычно же на камняхъ intaglio, напр. № 26—28 у гр. Толстаго. Весьма вѣроятно, что этотъ эпиграфическій типъ стоитъ въ зависимости отъ болѣе легкаго способа воспроизведенія начертанія (ср. выше).

4) **Ж**, состоящее изъ столба и двухъ скобокъ для верхней и нижней части, обычно для древнѣйшихъ памятниковъ, каково, напр., житіе Кондрата XI в. (см. Погодинъ „Древлеписаніе“, тетр. 1-я, листъ 1-й).

5) **Р** форма отличная отъ обычной рукописной, но попадающаяся въ древнѣйшихъ рукописяхъ, даже въ текстѣ (въ заглавіяхъ чаще), напр. въ томъ же житіи Кондрата.

6) Δ (Д) въ видѣ треугольника, соотвѣтствуетъ обычной лапидарной ея формѣ, см. intaglio № 27 (у Толстого; ср. Срезневскій „Палеографія“, стр. 173).

7) **Ѵ** начертаніе для **ОѴ**; что касается **Ѵ**, то оно не представляетъ особенности: его постоянно почти находимъ на греческихъ рѣзныхъ камняхъ (у гр. Толстаго № 26—28); въ рукописяхъ же древнѣйшихъ подобное начертаніе (**Ѵ**)не принадлежитъ къ числу частыхъ, [1]) но зато въ XIѴ и XѴ в. оно становится все чаще и чаще и даже иногда проходитъ систематически по всей рукописи наравнѣ **ѵ** (напр. въ рук. Ундольск, № 195). Что же касается лигатуры **Ѵ** , то въ рукописной практикѣ она *обычно* встрѣчается въ значеніи ѧѵ, постоянно въ словахъ, напр., ѕаѵ҇рѧ, ра҇ѵетсѧ, ѕлѧ҇ѵстъ и т. д., тогда какъ для оѵ — обычная лигатура ȣ или ѻ (первое извѣстно и нашему рѣзчику: **ЄЅАКѴСТȢДНАИ** [2]). Но и употребленіе **Ѵ** = оѵ могло быть мастеру, дѣлавшему змѣевикъ, дано рукописной практикой: въ Палеѣ 1406 г. (уставъ, Троицк. Серг. Лавры № 38, л. 5), это начертаніе, но съ обычнымъ ѵ, находимъ въ концѣ строкъ; въ боснійскомъ Ев. нач. XѴ в. (нынѣ Тверскаго Музея) это начертаніе составляетъ правило (внутри словъ); наконецъ, въ рукоп. Чудова Мон. № 20 XIѴ в. **Ѵ** принадлежитъ къ числу излюбленныхъ лигатуръ одного изъ писцовъ рукописи [3]). Пред-

---

[1]) Но попадается оно уже въ Архангельскомъ Евангеліи 1092 г. (Рум. Муз. (№ 1666) въ заглавіяхъ: см. Арх. Амфилохія „Описаніе Ев. 1092 года“ (М. 1877), табл. 3.

[2]) Исправляю Λ на Δ.

[3]) А. Н. Поповъ „Библіогр. Мат.“ XX изд. В. Н. Щепкинымъ, предисловіе, стр. XII и XIѴ.

почтеніе же формы **Ꙋ** передъ **Ꙋ** объясняется условіями надписи, разстояніемъ строкъ, близкихъ одной къ другой, гдѣ длинное **Ꙋ** могло бы зайти въ другую строку; этимъ же можно объяснить и предпочтеніе **Р** (въ строкѣ) передъ **р** (хвостикомъ ниже строки); тою же экономіей мѣста можно объяснять и **ꙁ** въ **ѯ**, хотя нельзя не добавить, что подобная замѣна не чужда и греческой графикѣ [1]).

Наконецъ, нѣсколько замѣчаній о греческой традиціи, которая видна на змѣевикѣ, какъ она видна и въ другихъ памятникахъ, особенно вещественныхъ. Въ рукописяхъ (русскихъ по крайней мѣрѣ) эта традиція пріемовъ письма замѣчается слабѣе. Къ числу подобныхъ фактовъ надо отнести пріемъ писать надписи при изображеніяхъ вертикально, эта манера особенно часто примѣняется въ греческой графикѣ въ XI – XIV в., особенно на памятникахъ вещественныхъ и художественныхъ, напр. мазаикахъ, фрескахъ [2]). Опять таки это слѣдуетъ объяснять формой мѣста, назначеннаго для надписи. Это мы видимъ ясно и на нашемъ змѣевикѣ, гдѣ имя перваго отрока (**ЄꙀАКѴСТѸДНАН**) писано гаризонтально, благодаря только тому, что мѣсто требовало именно такого пріема. Въ связи съ писаніемъ надписей вертикально на ту же греческую традицію указываютъ и самыя имена, изъ коихъ два сохранили даже греческую форму: **ДІОНѴСНОС, МАРТІНОС**; на то же указываетъ и Ⓐ для ἅγιος, обычное на иконахъ и мозаикахъ [3]). Тоже явленіе мы видимъ и на помянутомъ выше Новгородскомъ крестѣ XIII в. (Срезн. „Палеогр.“ 222): **агіос сомъонъс**, и на змѣевикѣ № 19 (по Толст.) **агиасъ федъръ**.

Наконецъ, необходимо уяснить себѣ пристрастіе рѣзчика къ замѣнѣ глухимъ чистаго. Это явленіе также извѣстно намъ изъ рукописей, но въ нихъ оно не достигаетъ такого развитія: ясно, что это результатъ увлеченія малограмотнаго мастера. Такой же характеръ имѣетъ **ъ** въ приведенныхъ выше примѣрахъ (крестъ и змѣевикъ № 19); ср. Апостолъ 1309 г. (Синод. библ. № 15): **слоко гнь** (8 d.), **кетьры** (12 c.), **глть** (= **глте** 6b.); служ. Минея 1095 г. (изд. И. В. Ягичемъ Спб. 1886), **гръꙁнъ** 064, 068, **кккъ** 0225, **крѣпъсть** 027, **сънѣдьнъе** (=**ое**) 0121 [4]). Поэтому возможно и въ нашей надписи возстановить **о** и **є** (є, какъ у русскаго, у рѣзчика путалось съ **ѣ**); т. е. читать: **горе** (=**горѣ**), **георьгню**, **помоꙁи**, и т. д.

Въ концѣ концовъ остается исправить нѣсколько видимыхъ оши-

---

[1]) Wattenbach „Anleitung zur gr. Paläographie“ (Lpz. 1877). p. 15 и 16 (литогр. тетради).
[2]) Напр. см. *Кондакова* и *Толстаго* „Русскія Древности“ IV, 129, 180, 144 и 146.
[3]) См. тамъ же.
[4]) *Мих. Покруженко.* Замѣтки объ языкѣ Новгородской минеи 1095 г. (Филог. Зап. 1886).

бокъ рѣзчика и возстановить пропуски: животьны (или живодательны [1]) вм. живоътьны, скатѣмь вм. сватмьѣ [2]), хрьщьении вм. хрьщиии; дажь вм. лажь.

Пропуски въ надписи получились впослѣдствіи, благодаря плохой сохранности камня (серебрянный ободокъ, въ который заключенъ теперь змѣевикъ, происхожденія позднѣйшаго), исключая одного пропуска въ словѣ ра.бъма гдѣ, повидимому, еще до обдѣлки камня была выщербина, сгладить которую не удалось при полировкѣ: никакого пропуска въ словѣ РАБЪМА предположить невозможно; поэтому, вѣроятно, рѣзчикъ просто обошелъ это мѣсто. Остальные пропуски возстановляются такъ: СИ (МА РАБМА), ОГ(ЪНЬНѴЮ), (РА)БЪМА ТВ)ОИМА [3]); что касается пропуска КЪ МИРѢ . ЬМИОСЛАВЛИЄ, то возстановить здѣсь пропуска не берусь: повидимому, здѣсь есть еще и ошибка какая нибудь; м. б. слѣдуетъ читать КЪ МИРѢ ЖЬ МИРОСЛАВЛІ? Для коньектуры, кромѣ указанныхъ у гр. Толстаго (стр. 25 прим. 2), приведу надпись изъ Велеса (въ Македоніи): прѣстависе рабь божи георгіє а рекомыи мирославь...[4]) М. б. миославлиє нашей надписи есть женское имя къ Мирославу?

Т. о. возстановляя надпись, можно ее читать такъ:

+ГИ ИСОУСЪ КРЬСТЄ ДАКЫ СЪНЪ :Ꙁ: ОТРОКЪ КЪ ЄѲѢСЬЄКѢЇ ГОРЄ ДАЖЬ И СИМА РАБЪ (=о)МА СВОИМА + ГЄОРЬГИЮ (И) ХРЬСТИИѢ СЪНЪ ЖИВОТЬНЫ И МИРЬНЫИОУГАСИ СИЛОУ ОГЪНЬНОУЮ АМИНЬ. +ГИ ПОМОꙀИ РАБЪМА ТВОИМА НАРЬЧЬНЫМА КЪ СВАТѢМЬ ХРЬЩЄНИИ МАРИИ + И ХРЬСТИИѢ КЪ МИРѢ ЖЬ МИРОСЛАВЛІ СЪ СТАРѢИШЄЮ ДЪЧЄРИЮ АМИНЬ.

Палеографическій характеръ надписи (напр. Ѵ, Ъ), а отчасти и языкъ (правильное употребленіе двойств. числа, напр.) заставляютъ предположить, что занимающій насъ змѣевикъ не моложе XII—XIII в. и притомъ происхожденія русскаго (дажь = дождь).

Змѣевикъ этотъ, какъ было указано, пока единственный изъ негреческихъ съ семью отроками, но онъ находитъ себѣ параллель въ греческихъ змѣевикахъ, у гр. Толстаго не отмѣченныхъ; поэтому считаю не лишнимъ привести извѣстные мнѣ греческіе змѣевики этого

---

1) Этого слова у Миклошича - „Lexicon Paläosl,"—нѣтъ (см. стр. 196).

2) Читаю ѧ, а не ꙗ: начертаніе отличается, повидимому, отъ обычнаго ꙗ: б. м. это недорѣзанное ѧ—А.

3) Основываюсь на обычныхъ формулахъ заклинательныхъ молитвъ требниковъ.

4) *Рачкій Фр.* Iugoslovjenska epigraphika. Knjizevnik I, 4, 492. Надпись относится къ 1305—1307 гг.

типа: одинъ встрѣтился мнѣ въ коллекціи неаполитанскаго національнаго музея (№ 1521); на немъ два отрока держатъ у щеки руку, два ниже спятъ, лежа на спинѣ; два въ низу спятъ, подложивъ подъ голову руку, седьмой лежитъ между ними, держа у щеки руку; имена: Константинъ, Іоаннъ, Мартинъ, Агнесій, Серапіонъ, Максимиліанъ и μα (дальше не читается [1]). Сравнивая имена 7 отроковъ по разнымъ источникамъ [2]), мы видимъ, что имена, приводимыя у насъ, стоятъ въ ближайшей связи съ обычной редакціей (ср. рук. Унд. 1298); но уже въ Минологіи Василія есть варіанты: Константинъ вм. Ексакустодіана [3]), у синаксариста Никодима вм. Іоанна — Константинъ. Неаполитанскій же змѣевикъ, совпадая съ Минологіемъ Василія и Никодимовымъ синаксаремъ по отношенію къ имени Константина, значительно откланяется отъ извѣстныхъ намъ источниковъ [4]). Затѣмъ подобнаго же типа змѣевикъ (безъ именъ) находимъ и въ прилагаемомъ (см. рис. 7), извѣст-

Рис. 7.

номъ по рисунку у du-Cange'а (De imperatorum Constantinopolitanorum numismatibus dissertatio. Romae. 1745. gr. 4°, табл. III). Гдѣ находится оригиналъ, не указано; но несомнѣнно, что это змѣевикъ: въ срединѣ арх. Михаилъ (такъ читаю ΑΡΧ. ΜΙΧΑΗΛ — испорченную надпись на изображеніи) побиваетъ какія-то голыя фигуры (трясавицъ?); возлѣ

---

[1]) За указаніе на этотъ змѣевикъ благодарю Д. В. Айналова.

[2]) См. Арх. Сергія „Православный востокъ" т. II, 204 и 232.

[3]) Тоже въ рус. печатныхъ Прологахъ (напр., въ изд. 1642 г. Г° подъ 23 октября). Ср. Migne—Patrologia gr. 115, p. 427 sq.

[4]) Это разногласіе именъ въ именахъ объясняетъ арх. Сергій дѣломъ переписчиковъ (стр. 232).

стоитъ какой то святой (Сисиній?) На обратной сторонѣ изображеніе Знаменія — изображеніе обычное на змѣевикахъ (№ 14 у Толстаго). Какимъ образомъ явились змѣевики съ семью отроками, едва ли нужно объяснять: подобные змѣевики назначались для больныхъ огневицей (лихорадкой) и лишенныхъ поэтому сна; отроки же Эфесскіе—взыдоша на гороу нѣкоую и внидоша въ пещероу и къ неи съ миромъ скончашася (Прологъ 1642 г.)—и проспали 315 лѣтъ.

Наконецъ, не лишнее отмѣтить мнѣніе о. Леонида (о. с. стр. 111). Его мнѣніе о боснійскомъ происхожденіи змѣевика осталось у него недоказаннымъ. Слова же его: „въ этомъ змѣевикѣ есть одна глаголическая буква", оказываются простымъ недоразумѣніемъ; за глаголическую букву можно было бы принять единственно начерт. ѵ =оу, похожее на глагол. ѵ; но эта глаголич. буква означаетъ ц.... На томъ же недоразумѣніи основаны его слова о „литейщикѣ" змѣевика...

М. Сперанскій.

II

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ, пріобрѣтеній древностей музеями и проч. въ Россіи и за-границею.

—— Проф. Завитневичъ, въ письмѣ на имя Предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества, Графини П. С. Уваровой, сообщаетъ слѣдующее о своихъ раскопкахъ лѣтомъ 1892 года:

Мѣстомъ для раскопокъ мною избранъ былъ тотъ пунктъ Бобруйскаго уѣзда, гдѣ историческая Свислочь впадаетъ въ Березину. Всего въ эту экскурсію мною раскопано 234 кургана, которые принадлежали 26 болѣе или менѣе отдѣльнымъ группамъ. По формѣ погребальнаго обряда раскопанные курганы можно раздѣлить на 4 типа: 1) погребеніе въ *ямахъ*, 2) на *поверхности земли*, 3) въ *насыпи кургана*, и 4) *трупосожженіе*. Форма 3-го типа встрѣтилась лишь въ двухъ курганахъ и поэтому серьезнаго вниманія не заслуживаетъ. Форма погребенія въ *ямахъ* въ чистомъ видѣ встрѣтилась лишь въ одномъ могильникѣ, при чемъ нѣсколько могилъ этой группы не имѣли курганныхъ насыпей, а покрыты были сверху камнями по такому же образцу, съ

какимъ встрѣчаемся въ системѣ Зап. Буга. *Трупосожженіе* встрѣтилось только въ двухъ могильникахъ. Изъ остальныхъ 23-хъ могильниковъ въ 13 встрѣтилась исключительно форма погребенія на *поверхности* земли, а въ 10-ти эта форма явилась значительно преобладающею. Вообще же изъ раскопанныхъ мною 234 кургановъ, форма погребенія на *поверхности* земли встрѣтилась въ 190 случаяхъ, что и составляетъ почти 77%. Сопоставляя эти данныя съ тѣми, которыя мною добыты были при раскопкахъ въ Припетскомъ Полѣсьѣ, приходится признать, что и въ системѣ р. Березины жило племя того же этнографическаго типа, съ какимъ я раньше встрѣтился въ системѣ Припети. Такимъ образомъ, мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые границею дреговичскихъ поселеній на сѣверѣ признаютъ водораздѣлъ между Припетью и Березиною, приходится признать ошибочнымъ и принять показаніе Начальной лѣтописи, свидѣтельствующей, что Дреговичи жили между Припетью и З. Двиною, что я раньше доказывалъ путемъ анализа лѣтописныхъ показаній. — Что касается найденныхъ въ могилахъ предметовъ, то они совершенно тождественны съ предметами, встрѣчавшимися въ курганахъ Препетскаго Полѣсья: тѣ же бусы (серебряныя, бронзовыя, стеклянныя, золоченыя, цвѣтныя и изъ композиціи), тѣ-же кольца (височныя и съ пальцевъ рукъ), серьги, медальоны, и др. Какъ рѣдкость встрѣтились: шейный бронзовый обручъ, двѣ своеобразныхъ височныхъ бляхи, нѣсколько бронзовыхъ коньковъ въ восточномъ вкусѣ, нѣсколько стеклянныхъ браслетовъ такихъ же, какіе въ большомъ количествѣ встрѣтились въ извѣстномъ дрогичинскомъ городищѣ и, что особенно любопытно — восковая свѣча, оказавшаяся въ горшкѣ, стоявшемъ у ногъ покойника. Обычные въ славянскихъ курганахъ желѣзные ножики, огнива и поясныя пряжки въ данной мѣстности встрѣчаются весьма рѣдко. Изъ оружія встрѣтилось лишь три топора желѣзныхъ; но за то найденъ одинъ желѣзный серпъ. За тѣмъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе выводы, сдѣланные мною изъ произведенныхъ наблюденій: попадающаяся въ курганахъ посуда (обыкновенно глиняные горшки) съ остатками углей употреблялась почти исключительно для куренія разнаго рода травами, каковой обычай во всей чистотѣ сохранился въ этой мѣстности и по настоящее время. Загадочныя пепелища произошли не чрезъ подсыпаніе золы съ домашняго очага, а образовались на мѣстѣ чрезъ сожженіе разнаго рода горючаго матеріала. Впадины на вершинахъ кургановъ несомнѣнно образовались отъ разложенія особаго рода срубовъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бобруйскаго уѣзда и по настоящее время употребляются и извѣстны подъ названіемъ „теремковъ“. Форму одного изъ такихъ курганныхъ

теремковъ мнѣ удалось возстановить съ значительною точностью; на Виленскій съѣздъ я надѣюсь привести модель его. Заслуживаетъ вниманія также слѣдующій фактъ: въ настоящей области на *поверхности* земли въ большомъ количествѣ встрѣчаются каменныя орудія—топоры, долота, и клинья; встрѣтился мнѣ также наконечникъ *бронзоваго* долота; между тѣмъ въ курганахъ ничего подобнаго мнѣ встрѣчать не приходилось. Отъ какого же народа остались эти орудія? Едва-ли отъ Славянъ.— Въ заключеніе позволю себѣ обратить вниманіе на слѣдующее: каждый археологъ на основаніи собственнаго опыта знаетъ, какое облегченіе при раскопкахъ составляютъ хорошіе инструменты; а между тѣтъ едва-ли у всѣхъ нашихъ археологовъ имѣются подобные инструменты. Вотъ почему не признано-ли будетъ цѣлесообразнымъ на Виленскомъ Съѣздѣ сдѣлать выставку археологическихъ инструментовъ, употребляемыхъ археологами при раскопкахъ. Каждый, ѣдущій на Съѣздъ, можетъ захватить съ собою и тѣ орудія, которыми онъ пользуется при раскопкахъ.

—— *Пензенскія Губернскія Вѣдомости* сообщаютъ что въ началѣ іюля 1892 года, въ теченіе 15 дней, профессоромъ Казанскаго Университета Смирновымъ, совмѣстно съ нѣкоторыми другими лицами произведены раскопки въ Краснослободскомъ и Наровчатскомъ уѣздахъ, Пензенской губерніи. Въ пяти верстахъ отъ Краснослободска, въ такъ называемомъ „Мѣщанскомъ лѣсу“, въ могильникѣ обнаружены человѣческія кости и найдены слѣдующіе предметы: желѣзные сѣкиры и ножи, бронзовыя цѣпочки, привѣски съ колокольчиками и множество разныхъ формъ привѣсочекъ съ колечкомъ вверху, а также куски войлока, кожи, глиняная посуда и желѣзное конское украшеніе. Въ трехъ верстахъ отъ города, въ „Зубаревскомъ могильникѣ“, найдено много предметовъ, изъ которыхъ болѣе любопытны слѣдующіе: а) одно серебряное украшеніе въ видѣ креста, другое бронзовое, въ видѣ нѣсколькихъ пластиночекъ съ небольшими вверху колечками, прикрѣпленными къ прицѣпкѣ, напоминающей кониковъ или пѣтушковъ, и б) желѣзный ножъ, у котораго деревянныя ножны внутри обтянуты кожей, а сверху обложены широкими серебряными пластиночками. Въ 15 верстахъ отъ города находится такъ называемый „Ефаевскій могильникъ“, который оставленъ не вскрытымъ. Въ могильникѣ называемомъ „Рыбкинскимъ“ и „Барковскимъ“ найдено множество раковинъ, разноцвѣтныхъ стеколъ, нанизанныхъ на металлическія нити, тонкой проволоки отъ косныхъ волосъ, нѣсколько мѣдныхъ и серебряныхъ перстней, браслетовъ, желѣзныхъ копій, огнивъ, небольшихъ кусочковъ кремня, кожаной обуви и пр. Въ Наровчатскомъ уѣздѣ произведена только одна раскопка на древнемъ кладбищѣ—такъ называемой „Казбекъ-горѣ“. Въ могильникѣ об-

наружено нѣсколько погребеній. Изъ найденныхъ здѣсь предметовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія: бронзовыя украшенія и нѣсколько женскихъ косъ, навитыхъ на тонкую деревянную палку и сверху перекрученныхъ бронзовою проволокой. (Моск. Вѣд. № 16, 1893 г.).

—— Лѣтомъ, 1892 г., произведена была близъ Луганска Екатериносл. губ., въ имѣніи П. И. Рожкова раскопка кургана, причемъ найдены слѣдующіе предметы: обломокъ каменнаго полированнаго топора, пять бусъ изъ голубаго стекла и нѣсколько черепковъ глиняной посуды. Всѣ найденные предметы поступили въ музей, формирующійся при херсонскомъ статистическомъ комитетѣ. (Моск. Илл. Газ. 14 Окт. 1892 г.).

—— Близъ города Коло, Калишской губерніи, по словамъ газеты „Kurjer Warszawski", при раскопкахъ грунта, найдено нѣсколько отлично сохранившихся памятниковъ древности, части оружія, цѣпи, служившія украшеніемъ, посуда и проч. Между выкопанными предметами находится серебряный, ручной работы, кованный поясъ цѣпью, принадлежащій, повидимому, началу XVII столѣтія (Нов. Вр. № 6052, 1893 г.)

—— По словамъ той-же газеты, однимъ изъ перевозчиковъ на Вислѣ, при рыбной ловлѣ, близъ желѣзно-дорожнаго моста, извлечена была изъ воды булава, украшенная золотыми и серебряными арабесками и со слѣдами какихъ-то надписей. Найденная булава отослана въ Императорскую Археологическую Коммиссію (Нов. Вр. № 6024, 1892 г.)

—— Въ іюлѣ 1892 г. проф. Н. И. Веселовскимъ была произведена раскопка нѣсколькихъ кургановъ на землѣ г-жи Талаевой вблизи Симферополя на возвышенности, идущей вдоль лѣваго берега Салгира. Въ первомъ курганѣ, размѣрами въ 140 шаговъ въ окружности и 1½ саж. вышины, прежде всего при раскопкѣ обнаружилась могила безо всякихъ вещей. Въ срединѣ кургана находилась другая могила съ красными (т. е. окрашенными или покрытыми красною краскою) костями, въ которой были найдены горшокъ грубой работы изъ черной глины, чашка, наконечникъ стрѣлы, наконечникъ копья и кусокъ красной краски. Въ томъ же курганѣ были открыты еще двѣ могилы, такъ называемые „ящики", овальной формы, обѣ съ красными костями и безъ вещей.

Къ востоку отъ этого кургана былъ раскопанъ другой, небольшой, въ 2½ арш. вышины, который былъ весь покрытъ разбросанными камнями; въ немъ найдены двѣ овальной формы могилы, вырытыя въ материкѣ, на глубинѣ 2 арш. Костяки въ нихъ лежали въ вытянутомъ положеніи: одинъ головою на западъ, другой головою на востокъ; были красныя кости; вещей никакихъ не оказалось. Въ третьемъ курганѣ (4 арш. выш.) найдено нѣсколько могилъ съ красными костями. Въ

центрѣ оказалась могила, очевидно разграбленная; кромѣ множества бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, въ ней ничего не было. Ниже ея находилась четырехугольная могила съ костякомъ, съ поджатыми ногами, головою на западъ; вещей не оказалось. На одномъ уровнѣ съ нею найдена дѣтская могила, круглой формы, засыпаная мелкими камнями и въ ней, кромѣ дѣтскихъ костей, ничего не оказалось. Въ насыпи, надъ дѣтской могилой, найдены два горшка изъ черной глины, грубой работы. Между этой и центральной могилой находилась могила съ толстымъ слоемъ пепла и угля; костякъ лежалъ въ согнутомъ положеніи, головою на сѣверовостокъ; были также красныя кости.

Слѣдующая раскопка была сдѣлана Н. И. Веселовскимъ на землѣ г. Постака, также на лѣвомъ берегу Салгира. Раскопано всего семь кургановъ. Въ первомъ, на глубинѣ 1¼ арш., въ центрѣ найдена могила съ костяками человѣка и лошади, лежавшими головами на юго-западъ. Возлѣ костяка человѣка найдены серебряные концы уздечки, съ позолочеными украшеніями, прекрасной работы. У головы лежала серебряная серьга, а нѣсколько въ сторонѣ—ножницы. На груди находился желѣзный наконечникъ копья, ниже—нѣсколько бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, у лѣвой руки— бронзовый колокольчикъ, у ногъ—по желѣзному кольцу (стремена?). На глубинѣ 4½ арш. показались слѣды центральной могилы, засыпанной камнями. Стѣны ея были покрыты слоемъ какой-то черной матеріи или кожи; можно предположить, что это былъ родъ балдахина надъ могилой, висѣвшій на шести вертикально вбитыхъ столбахъ, слѣды которыхъ открылись ниже въ самой могилѣ; доказательствомъ этому могутъ служить два бронзовыхъ кольца, найденныя въ могилѣ, на которыхъ могла висѣть матерія. При раскопкѣ самой могилы, размѣры которой были 1 саж. въ длину и 2 арш. въ ширину, по направленію съ востока на западъ, оказались въ сѣверной сторонѣ остатки горизонтально вбитыхъ въ землю балокъ. Костякъ лежалъ въ вытянутомъ положеніи, головою на западъ. У южной стѣнки могилы, у головы, лежали бычьи кости и ножъ съ желѣзной ручкою; у ногъ лежали рядомъ 4 амфоры; три изъ нихъ имѣли на горлышкахъ клеймо ΑΡΓΕΙΟ (въ двѣ строки). На сѣверной сторонѣ могилы, у головы, находилась пятая амфора съ клеймомъ ΤΑΥΡΟ. Изъ пяти амфоръ, двѣ оказались разбитыми. У колѣнъ костяка, слѣва, лежалъ раздавленный колчанъ, состоявшій изъ пяти золотыхъ бляхъ, которыя облицовывали деревянную или кожаную внутренность его, что́ показываютъ отверстія на бляхахъ. На самой большой бляхѣ, длиною около 6 вершк. и шир. до 4 вершк., изображенъ чеканкою орелъ, на меньшей варваръ

въ вооруженіи, на третьей грифонъ, на четвертой, круглой формы, сфинксъ; пятая пластинка, гладкая, имѣетъ форму желобка, длиною 6 вершк., шириною 1 в., подъ бляхами лежало множество бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ съ кусочками древковъ. У лѣвой руки найдено бронзовое кольцо, у груди, слѣва, желѣзные наконечники копій. Начиная отъ таза и до головы найдено около 250 золотыхъ бляшекъ трехугольной и ромбической формы, гладкихъ и выпуклыхъ, служившихъ украшеніемъ одежды. У головы находилось 6 золотыхъ бляшекъ въ $1^1/_2$ в. длины и 1 в. ширины съ загнутыми краями и дырочками по краямъ для гвоздиковъ; двѣ покрыты орнаментомъ, остальныя—гладкія; тутъ же найдено нѣсколько золотыхъ головокъ гвоздиковъ, которыми бляшки были прибиты. Все это составляло, очевидно, головное украшеніе покойника. Подъ спиною и частью подъ головою находился желѣзный чешуйчатый панцырь изъ мелкихъ пластинокъ.

Другой курганъ (въ 1 саж. выш.) былъ покрытъ множествомъ камней; въ немъ, недалеко отъ поверхности, находилось большое количество череповъ (черепковъ ?) и разбитая амфора. Могила имѣла форму правильнаго четырехугольника (4 арш. длины и $2^1/_2$ арш. шир.) и находилась въ материкѣ на глубинѣ 1 арш. 12 в.; она представляла каменную гробницу, стѣны которой, сложенныя на бѣлой глинѣ, имѣли 1 арш. толщины; дно было вымощено большими плитами; костякъ находился въ сидячемъ положеніи, головой на западъ, и, судя по вещамъ, принадлежалъ женщинѣ. На южной сторонѣ могилы, по угламъ, стояло по амфорѣ, а на сѣверной, у головы — третья, всѣ были разбиты; одна имѣла клеймо ΑΡΓΕΙΟ. У лѣвой руки лежало гладкое серебряное кольцо; по всему костяку были разбросаны золотыя бляшки съ чеканными изображеніями льва, сфинкса, зайца, птицы. Самая-же богатая находка заключалась въ парѣ золотыхъ серегъ, филигранной работы, представляющихъ фантастическое животное съ туловищемъ птицы и головою звѣря съ длинными ушами и высунутымъ языкомъ.

Третій курганъ, судя по разбросаннымъ костямъ, оказался разграбленнымъ; въ могилѣ найдены глиняные блюдце и горшокъ, бронзовые наконечники стрѣлъ, желѣзные наконечники копій и остатки панцыря. Четвертый курганъ, самый большой изъ семи (340 шаговъ въ окружности и $3^1/_2$ саж. вышины), не былъ окончательно раскопанъ, но въ найденной съ восточной стороны въ материкѣ могилѣ оказался костякъ громадныхъ размѣровъ, почти въ 1 сажень (?), съ поджатыми ногами, головою на сѣверо-востокъ; кости красныя; влѣво отъ головы найдено бронзовое шило въ 3 вершка длины.

Остальные три кургана оказались частью разграбленными; въ од-

номъ изъ нихъ найдены черепки расписной греческой посуды. (Изв. Тавр. Уч. Арх. Комм. № 16, 1892 г.).

—— Императорскимъ Россійскимъ Историческимъ Музеемъ въ 1892-мъ году пріобрѣтены четыре серебряныя братины, принадлежавшія покойному московскому генералъ-губернатору кн. В. А. Долгорукову, относящіяся къ XVII вѣку.

Первая, небольшая братина, около $2^1/_2$ в. вышины, нѣкогда принадлежавшая Троице-Сергіеву монастырю, позолочена внутри, на чеканномъ вызолоченномъ поддонѣ, украшена снаружи нарѣзнымъ позолоченнымъ орнаментомъ, имѣетъ по краю надпись вязью: Братина Тр(ои)цкаго Сергиева монастыря; на днѣ вырѣзано нѕ҃ зол (56 зол.).

Вторая братина, также небольшая (немного болѣе 2-хъ в.), принадлежавшая Марьѣ Ивановнѣ Хитрово, женѣ любимца царя Алексѣя Михайловича—Б. М. Хитрово, густо позолочена снаружи и внутри и покрыта чеканными трехугольниками; по краю надпись вязью: Братина боярина и дворе(ц)каго и оружейничего Бо(г)дана Ма(т)ѳеѣевича жены ево боярыни Мари Ивановны Хитрово; на поддонѣ вырѣзано: весу. н҃. зол (50 зол.).

Третья братина стряпчаго времени царя Алексѣя Михайловича—В. Л. Пушечникова, украшенная пупышами, частью гладкими позолоченными, частью безъ позолоты съ нарѣзнымъ орнаментомъ; по краю идетъ надпись вязью: Братына Василья Лавретиевича Пушечникова; вышина—$3^1/_2$ в.

Послѣдняя братина, величиною почти одинакая съ предыдущею, вызолочена внутри, поддонъ чеканный, вызолоченный, богато украшена рѣзьбою и четырьмя рисунками изъ библейской исторіи: Самсонъ, раздирающій пасть льву, Самсонъ и Далила, Іосифъ и жена Пентефрія и купающаяся Сусанна; все пространство между рисунками заполнено вызолоченнымъ нарѣзнымъ орнаментомъ. По краю идетъ надпись вязью, между которою вырѣзаны четыре клейма съ изображеніемъ птицъ; надпись слѣдующая: ѡпщение имѣйте дро(г) ко другo *) ниже стропотно ниже ра(з)вращен(н)о строптивый же да и(з)мется **) ѿ среды вашей да никакоже бли(з) ѿ ващея бесѣды изъмещется; послѣднее слово подрѣзано, за недостаткомъ мѣста, ниже вязи. На поддонѣ вырѣзано: рѕ҃і зол. (115 зол.).

Ранѣе, Историческимъ Музеемъ были пріобрѣтены у частныхъ лицъ двѣ серебряныхъ братины, также XVII вѣка; одна, думнаго дьяка царя Михаила Федоровича—Михаила Данилова, представляетъ великолѣпный образчикъ чеканнаго искусства: она сплошь покрыта травнымъ

*) т. е. другъ ко другу.

**) т. е. изыметcя.

чеканнымъ орнаментомъ и густо снаружи вызолочена; на днѣ находится чеканнное такимъ же травнымъ орнаментомъ круглое клеймо (бляха); по краю вырѣзана въ четырехъ клеймахъ надпись вязью: Братина дѹмнова дьяка Михаила Данилова; между клеймами пространство украшено нарѣзнымъ травнымъ орнаментомъ; вышина ея 3 вершка.

Другая братина, такой же величины, кокосообразной формы, принадлежала сподвижнику Петра I, боярину Алексѣю Семеновичу Шеину; она украшена нарѣзнымъ позолоченымъ орнаментомъ и надписью по краю вязью: Братина добра человѣка пити изъ неѧ за здравие молѧ Бога хвалѧ Госѹдарѧ; на днѣ вырѣзана двухстрочная надпись вязью: Братина боярина Алексѣя Семеновича Шеина.

—— Въ Римѣ, въ Ноябрѣ 1892 г., при работахъ на Тибрѣ, около моста Сикста, обнаружены остатки древняго моста, построеннаго въ IV в. и извлечены изъ рѣки статуи и надписи въ честь императоровъ Валентиніана и Валента. Въ другомъ мѣстѣ рѣки, недалеко отъ моста Цестія, соединяющаго правый берегъ съ остр. св. Варѳоломея, найдены обломокъ надписи съ упоминаніемъ о реставраціи какого то публичнаго зданія въ 9 году до Р. Х. и другой обломокъ посвятительной надписи Эскулапу II в. до Р. Х. (Chr. d. A. 1892 № 37).

—— Въ Римѣ, при производствѣ работъ памятника Виктору Эмануилу на Капитолійскомъ холмѣ, нашли надпись жрицы Dea Magna coelestis, божества, которому покланялись въ Карѳагенѣ, и генія (genius loci) Тарпейскаго холма. Можетъ быть эта надпись поможетъ болѣе точно опредѣлить мѣстоположеніе знаменитой Тарпейской скалы (ib № 41).

—— Одинъ изъ членовъ американской археологической школы въ Аѳинахъ Вальдштейнъ опубликовалъ въ „Century Magazine" отчетъ о раскопкѣ гробницы, произведенной весною 1891 г. въ деревнѣ близъ Эретріи на остр. Эвбеѣ. Въ гробницѣ найдены пара золотыхъ серегъ превосходной греческой работы, аттическіе лекиѳы, расписные сосуды изящной формы, украшенные рисунками по бѣлому фону. Затѣмъ, при раскопкѣ, открыта стѣнка изъ бѣлаго мрамора вышиною въ 2½ метра и длиною въ 13 метровъ, подъ которою находилось два ряда известковыхъ камней. Около этой постройки обнаружены два склепа или каменныхъ саркофага; въ первомъ нашли вазы, 150 тонкихъ золотыхъ листиковъ разныхъ формъ и перстень съ печатью; въ другомъ, болѣе древнемъ, по мнѣнію Вальдштейна, нашли широкую налобную золотую повязку, семь другихъ подобныхъ повязокъ или діадимъ, обломокъ черепной кости, много мелкихъ сосудовъ и бронзовыхъ вещей, ножикъ, 2 кинжала, металлическую палочку для писанія на восковыхъ табличкахъ, нѣсколько глиняныхъ статуэтокъ и наконецъ портретную (?) глиняную

статуэтку, изобраюющую задрапированнаго мужчину. Вальдштейнъ убѣжденъ, что богатство матеріала стѣнки, замѣчательная структура гробовъ изъ массивныхъ камней, богатство и самый характеръ найденныхъ предметовъ показываютъ во первыхъ, что это семейная гробница, и что главное погребенное въ ней лицо былъ знатный грекъ и писатель. Въ своихъ догадкахъ Вальдштейнъ идетъ еще далѣе: около одной гробницы въ рединѣ большой плиты нашли небольшую металлическую пластинку съ вырѣзанною надписью (Β)ΙΟΤΗ (Α)ΡΙΣΤΟΤΕΛΟΥ т. е. Віотэ дочь Аристотеля. Эта надпись и статуэтка задрапированнаго мужчины послужили американскому археологу увидать въ Эретрійской гробницѣ могилу знаменитаго Аристотеля. Для доказательства своего предположенія Вальдштейнъ говоритъ, что Аристотель, бѣжавъ изъ Аѳинъ, поселился въ Халкидѣ (поля Халкиды смежны съ эретрійскими), въ своемъ имѣніи. Черезъ годъ послѣ того Аристотель умеръ. Перенесеніе тѣла въ Стагиру, по словамъ американца, основано на недостовѣрномъ преданіи. Завѣщаніе философа, переданное потомству ДіогеномъЛаертскимъ, формально доказываетъ, что его мѣстопребываніе было не въ Стагирѣ, а въ Халкидѣ, гдѣ онъ владѣлъ значительными помѣстьями. Объ этой раскопкѣ готовится офиціальный отчетъ, который долженъ освѣтить находку и догадки Вальдштейна.

—— Валлонъ, секретарь Академіи надписей, представилъ отчетъ разысканій Шарля Нормана на пространствѣ послѣднихъ раскопокъ, произведенныхъ на мѣстѣ Трои. Отчетъ знакомитъ съ расположеніемъ этого знаменитаго города, а также городовъ, которые находились подъ и надъ Троею. Одна изъ интересныхъ фотографій г. Нормана знакомитъ съ современнымъ видомъ древней мостовой, вымощенной огромными многогранными плитами. Планы показываютъ различныя неизвѣстныя до сихъ поръ зданія, напр. Троянскаго сената (?). Гиссарликскій холмъ, по мнѣнію Нормана, есть несомнѣнное мѣстоположеніе города, воспѣтаго въ Иліадѣ (Chr. d. A. 1893 № 2).

—— Въ развалинахъ Птолемаиды въ Палестинѣ нашли двѣ прекрасно сохранившіяся статуи Александрійской эпохи, нѣсколько золотыхъ и серебрянныхъ вещей тонкой работы, монеты, оружіе и обломки царскаго жезла (скипетра), принадлежащаго къ обѣимъ статуямъ, такъ какъ онъ приходится къ кистямъ ихъ рукъ. Монеты позволяютъ опредѣлить статуи, которыя изображаютъ Птолемея Филадельфа (285—247) и его жену Арсиною. Обѣ статуи будутъ украшать лѣтній садъ Абдулъ-Гамида (Chr. d. A. 1893 № 1).

—— Во французской газетѣ „Temps“ сообщаются слѣдующія подробности о раскопкахъ въ 1892 г. въ Тимгадѣ, въ Алжирѣ: Ал-

жиръ плѣняетъ путешественниковъ не только своимъ чуднымъ небомъ, превосходнымъ климатомъ, но также величіемъ своихъ воспоминаній о славномъ прошломъ и неизгладимыми слѣдами прохожденія народовъ, оспаривавшихъ другъ у друга право на владѣніе африканской почвой. Преимущественно въ департаментѣ Константины встрѣчаютъ на каждомъ шагу большое количество древнихъ развалинъ, римскихъ дорогъ, „верстовыхъ“ столбовъ, гробницъ, крѣпостей, тріумфальныхъ арокъ и проч., составляющихъ истинный кладъ для науки и археолога. Самою замѣчательною изъ всѣхъ развалинъ представляютъ развалины Тамугади, города построеннаго въ I в. нашей эры, опустошеннаго Маврами въ VI вѣкѣ, затѣмъ разрушеннаго землетрясеніемъ и тѣмъ не менѣе дошедшаго до насъ въ такой степени сохранности, что представляется возможность возстановить его во многихъ частяхъ. Тамугади (по арабски Тимгадъ, по гречески Ταμούγαδις) находится въ разстояніи 27 километровъ отъ Ламбеза, военной колоніи Римлянъ, мѣста лагеря знаменитаго третьяго легіона императора Августа. Тамугади расположенъ у отроговъ горъ Ауреса и служилъ въ древности подобно Помпеѣ, съ которой онъ имѣетъ удивительное сходство, дачнымъ мѣстомъ. Подобно Помпеѣ, въ Тамугади сохранилась мостовая съ колеями, образовавшимися отъ колесъ древнихъ колесницъ, уцѣлѣлъ форумъ съ многочисленными статуями, окруженный базиликою (торговымъ зданіемъ — биржею), торговыми магазинами, зданіями для общественныхъ собраній, храмами, куріей, облицованной цвѣтнымъ мраморомъ и проч.; сохранился театръ, устроенный на большое количество зрителей, со скамейками для публики, съ верхними галлереями, сценою, входами, какъ для публики, такъ и для актеровъ; уцѣлѣли фонтаны, водосточныя трубы, термы, латрины, многіе дома, рынокъ съ каменными столами, стоящими до сихъ поръ еще на своихъ мѣстахъ, и т. д.

Надъ юго-западной частью города возвышается храмъ колоссальныхъ размѣровъ, окруженный обширными портиками, воздвигнутый на холмѣ, обозначенномъ именемъ капитолійскаго; передъ входомъ въ храмъ находится священный алтарь. Это прекрасное зданіе, посвященное Юпитеру, въ настоящее время расчищается; огромныя капители колоннъ, орнаментированные фризы, балюстрады уже очищены отъ земли, которая ихъ покрывала; обломки колоссальной статуи, стоявшей въ храмѣ извлечены и позволяютъ судить о ея размѣрахъ.

Большая мощеная улица, совершенно не поврежденная, прорѣзываетъ городъ отъ востока къ западу; она украшена нѣсколькими тріумфальными арками, изъ которыхъ одна, съ тремя пролетами, воздвигнутая въ 100 мъ году Траяномъ, стоитъ совершенно цѣлая и пред-

ставляетъ одно изъ наиболѣе сохранившихся сооруженій въ Тамугади. Тріумфальная улица ни что иное, какъ дорога изъ Ламбеза въ древнюю Тевесту (теперъ Тебесса), въ которой находился древній христіанскій монастырь, построенный въ концѣ IV в. учениками св. Августина и часть развалинъ котораго теперь возстановлена, подъ наблюденіемъ архитектора Баллю и главнаго инспектора историческихъ памятниковъ Бесвильвальда.

Также необходимо упомянуть о византійской крѣпости, довольно обширной цитадели, выстроенной на скорую руку солдатами Солоніана, преемника Велизарія въ Африкѣ, о нѣсколькихъ христіанскихъ храмахъ и наконецъ о цѣломъ рядѣ построекъ, которые въ скоромъ времени будутъ правильно раскапываться. Въ Маѣ 1892 года французскій министръ народнаго просвѣщенія и изящныхъ искуствъ Леонъ Буржуа посѣтилъ Тамугади, такъ что теперь есть надежда, что власти обратятъ вниманіе на остатки этого города, раскопки котораго представятъ огромный интересъ во всѣхъ отношеніяхъ.

—— „National Zeitung“ (Янв. 1893 г.) сообщаетъ о слѣдующей интересной находкѣ въ Алжирѣ: въ саду одного нотаріуса въ Тенесѣ найдена превосходная, неповрежденная мозаика 2,80 метра длины и 2,20 метра ширины. Даже цвѣта еще такъ хорошо сохранились, что какъ будто только вышли изъ мастерской художника. Мозаика изображаетъ гладіатора, ранившаго копьемъ пантеру. Животное отпрянуло назадъ съ открытой пастью и изъ раны на шеѣ струится кровь по пятнистой шкурѣ. Сзади гладіатора, стоитъ средней величены охотничья собака въ красномъ ошейникѣ. Въ верху мозаики, по сторонамъ гладіатора, находится надпись IMPETRA (исполни). Края мозаики приподняты, изъ чего можно заключить, что она служила не поломъ, подобно многимъ найденнымъ въ сѣверной Африкѣ мозаикамъ, но скорѣе служила стѣнной картиной, или находилась на потолкѣ. Изображеніе художественно выполнено и тона красокъ чрезвычайно тонки и вѣрны. Время исполненія можно безъ сомнѣнія отнести къ блестящей эпохѣ римскаго искусства.

—— Британскимъ музеемъ недавно пріобрѣтено собраніе древностей Карлейля, въ которомъ особенно выдаются: сардониксовый камей съ изображеніемъ бюста Гигіеи въ профиль, римской работы временъ Августа; халцедонъ съ головою Купидона, III в. по Р. Х. и серебряная ваза съ чеканными изображеніями листвы и орнаментовъ, чеканныхъ и рѣзныхъ; ваза, относимая къ I в. до Р. Х., найдена въ Сардахъ (Chr. d. A. 1892, № 41).

III

Разныя извѣстія.

—— Наши московскія святыни въ Кремлѣ постепенно поновляются и реставрируются. Окончена недавно наружная реставрація соборовъ Архангельскаго и Благовѣщенскаго, теперь идетъ внутренняя; послѣ чего очередь будетъ Успенскому собору и другимъ. Всѣ эти работы производятся подъ наблюденіемъ и руководствомъ академика архитектуры А. М. Павлинова.

Во время работъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, г. Павлинову приходилось наталкиваться на довольно важныя въ археологическомъ отношеніи открытія. Считаемъ небезъинтереснымъ привести здѣсь нѣсколько словъ объ этихъ открытіяхъ изъ сообщенія, сдѣланнаго академикомъ Павлиновымъ на недавнемъ съѣздѣ русскихъ зодчихъ. Соборъ Благовѣщенскій построенъ, какъ извѣстно, при Иванѣ III, призванными изъ Пскова мастерами. Первоначальную форму соборъ имѣлъ простую. Не было тогда ни верхнихъ предѣловъ, ни той галлереи, которая окружаетъ теперь весь храмъ; какъ предѣлы, такъ и галлерея пристроены уже впослѣдствіи призванными къ намъ итальянскими мастерами. Соборъ, какъ сколокъ съ владимірскихъ церквей, но построенный псковскими мастерами, представлялъ собою смѣсь той и другой архитектуры. Вліяніе владиміро-суздальской архитектуры выразилось въ немъ на среднемъ поясѣ, состоящемъ изъ аркады колоннъ, а также въ наружныхъ кокошникахъ и въ крышахъ, прототипомъ которыхъ служили покрытія владимірскихъ церквей: Успенскаго собора, Успенской церкви въ Княгининомъ монастырѣ и друг. Псковское же вліяніе отразилось на украшеніяхъ карнизовъ, главъ, а также и во внутренней конструкціи, гдѣ средняя глава стоитъ не по византійски — на подпружныхъ аркахъ, а по псковски — на аркахъ ступенчатыхъ. Внутри соборъ покрытъ весь живописью. Стѣны, своды, столбы и проч. въ настоящее время реставрируются. Иконы, замазанныя и подправленныя впослѣдствіи, теперь смываются, счищаются, и по обнаруженіи древняго письма, возстановляются съ крайнею осторожностью по старымъ контурамъ. При такого рода работѣ выяснены многія передѣлки, произведенныя въ храмѣ въ разное время. Такъ, напримѣръ, окна расширены, отчасти заложены, отчасти пробиты вновь. Картины, писанныя на столбахъ, на которые опираются хоры, показываютъ, что первоначально хоры отдѣлялись отъ церкви не рѣшеткою, какъ теперь, а сплошной каменной стѣнкой, вы-

шиною въ ростъ человѣка и толщиною въ 2 кирпича. При снятіи плитнаго пола, на хорахъ былъ найденъ древній поливной полъ, состоящій изъ разноцвѣтныхъ ромбоидальныхъ плитокъ. Подъ этимъ поломъ, въ мѣстахъ среднихъ арокъ, у западной наружной стѣны собора, найдены два тайника, закрытые каменными плитами, ведущіе въ помѣщенія арокъ. Такъ какъ арки внутри оказались пустыми, то не здѣсь ли слѣдуетъ искать разъясненія словъ барона Мейербера—путешественника XVII вѣка,—который говоритъ, что въ церкви Благовѣщенія, въ верхнемъ сводѣ, хранятся сокровища. Въ настоящее время въ храмѣ стоитъ высокій иконостасъ, сравнительно поздняго времени. Обнаруженная за иконостасомъ, на столбахъ, иконопись доказываетъ, что иконостасъ въ древности имѣлъ совершенно другую форму, и расписные столбы были тогда свободными. (Моск. Газ. № 21, 1893).

—— Г. Спицынъ въ „Русскомъ Архивѣ" (кн. I, 1893 г.) сообщаетъ „нѣсколько словъ о древностяхъ г. Селенгинска (стараго) и Посольскаго монастыря на Байкалѣ". Городъ заложенъ былъ въ 1666 г., а въ 1685 г. въ немъ построенъ рубленый городъ; заселился послѣ 1689 г. стрѣльцами посла Головина. Въ 1822 году Старый Селенгинскъ упраздненъ и въ 1840 г. перенесенъ на лѣвый берегъ р. Селенги. Въ старомъ Селенгинскѣ уцѣлѣлъ каменный соборъ Нерукотвореннаго Спаса, нѣкоторыя рамы котораго слюдяныя. Соборъ двухэтажный; иконостасъ верхней церкви семиярусный, и верхній ярусъ состоитъ изъ Распятія съ двумя рѣзными изъ дерева Предстоящими грубой работы. Въ нижней церкви, за клиросомъ, находится большая старинная рѣзная икона, изображающая Страсти Христовы, съ 13 рѣзными фигурами грубой работы.

Посольскій мужской монастырь, на восточномъ берегу Байкала, въ 20 верстахъ отъ Боярской почтовой станціи, основанъ въ 1681 году игуменомъ Феодосіемъ и іеромонахомъ Макаріемъ и построенъ на мѣстѣ убіенія Бурятами московскаго посла Ерофея Заболоцкаго съ сыномъ и людьми въ 1650 г. Двухэтажная каменная церковь построена въ 1706 г., вмѣсто старой церкви, енисейскимъ купцомъ Веретковымъ.

Въ монастырскомъ саду находится часовня, построенная надъ могилой основателя монастыря *); намогильная надпись гласитъ; „1714 года Декабря 10 дня преставися купчина Кяхтинскаго каравану Григорій Аѳонасьевъ сынъ Осколковъ". Въ ризницѣ монастыря находится Евангеліе 1663 года, печатное, и рукописный синодикъ 1761 г. съ 29 рисунками.

---

*) Въ сообщеніи г. Спицына это мѣсто не совсѣмъ ясно: надъ чьими могилами сооружена часовня, игумена Ѳеодосія или Осколкова

Имя похороненнаго въ Посольскомъ монастырѣ Григорія Аѳанасьевича Осколкова встрѣчается на серебряномъ ковшѣ, принадлежащемъ богатому собранію П. И. Щукина, въ Москвѣ. Ковшъ, довольно большаго размѣра, имѣетъ на днѣ прекрасно вычеканенное овальное клеймо съ изображеніемъ двухглаваго орла, на груди котораго вставленъ, прикрѣпленный винтомъ, овальный медальонъ съ погруднымъ чеканнымъ изображеніемъ Петра I въ латахъ, $^{3}/_{4}$ влѣво, съ головою, увѣнчанною лавровымъ вѣнкомъ (типъ Кнеллера 1697 г.); фонъ герба покрытъ нарѣзнымъ травнымъ орнаментомъ и буквами, означающими царскій титулъ: Б. Ц и В. К. П. А. В. В. М. и Б. Р. С. (т. е. Божьею милостію Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ). Внутри ковшъ покрытъ нарѣзнымъ орнаментомъ; на передней части находится двухглавый чеканный орелъ утвержденный на чашечкѣ цвѣтка, ручка имѣетъ форму прорѣзнаго щита, увѣнчаннаго царскою короною, къ срединѣ котораго припаяно овальное клеймо съ нарѣзными изображеніями арматуры и сердцевиднаго щитка, который держитъ одноглавый орелъ съ мечемъ и державою въ лапахъ; на щиткѣ вырѣзана четырехстрочная надпись: Виватъ а за црское здравие весь выпивать. По внѣшнему краю идетъ вырѣзанная вязью надпись, расположенная подъ ручкою, въ круглыхъ и овальныхъ клеймахъ и по ободку. Подъ ручкою: Октѧбрѧ въ а҃ ден ҂аѱз-го годꙋ. Въ клеймахъ: Бжиею млстию великий гдрь црь і великий кнзь Петръ Алезіевичъ всеѧ великиѧ и малыѧ и бѣлыѧ Рѡсеи самодержецъ. По ободку: Пожаловали сим ковшем вѣсом два ѳꙋнта Еренчанина посадного члвка Епиѳана Степанова сна Чюкичева за єво слꙋжбꙋ и за ꙋчиненнꙋю прибыл ншеи гдрвы казны что онъ вкиталиском гдрстве былъ скꙋпчиною зГригоремъ Осколковым целокалником ꙋчинили прибыли болши пятидесяти тысячь. Еренчанинъ Чюкичевъ—очевидно житель города Яренска, Вологодской губерніи. Ковшъ внутри, кромѣ лица Петра, вызолоченъ; снаружи вызолочены только клейма и надпись.

—— Вопросъ о мѣстоположеніи упоминаемаго въ лѣтописяхъ города Бездежа былъ затронутъ въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Археологическаго Общества П. Н. Милюковымъ (см. древности, XIII, стр. 124), который высказалъ предположеніе, что Бездежъ есть Пятигорскъ (Бештау=Бездежъ). Въ ноябрской книгѣ Ж. М. Н. П. (1892 г.) Д. Ѳ. Кобеко вновь разбираетъ этотъ вопросъ. Авторъ приводитъ пять лѣтописныхъ свидѣтельствъ съ упоминаніемъ имени Бездежа: 1) при разсказѣ объ убіеніи в. к. Тверскаго Михаила Ярославича въ Ордѣ въ 1319 г. тѣло привезено было изъ за-рѣки Терека въ Маджаръ (на р. Кумѣ), а „оттолѣ везоша его въ Бездежу“. Разбирая этотъ путь,

авторъ говоритъ, что городъ долженъ былъ лежать на правомъ берегу Волги, ибо, везя тѣло въ Москву, не зачѣмъ было перевозить его на лѣвый. 2) при описаніи чумы 1346 г.: „того-же лѣта казнь бысть отъ Бога на люди подъ восточною страною на городъ Орначь и на Хазторокань и на Сарай и на Бездежъ и на прочіе городы въ странахъ ихъ“. Авторъ, признавая по Бруну (Черноморье, II, 175) мѣстоположеніе Арнача на Терекѣ, находитъ извѣстный географическій послѣдовательный порядокъ въ перечисленіи городовъ отъ юга къ сѣверу: Арначъ, Астрахань, Сарай, Бездежъ. 3) Въ лѣтописномъ разсказѣ (1346—1347 гг.) о столкновеніи князя Василія Михайловича Кашинскаго съ племянникомъ своимъ Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ, когда князь Кашинскій шелъ изъ Холма въ Орду къ Чанибеку, а князь Холмскій шелъ „отъ царя изъ орды съ посломъ и на Бездежѣ срѣте дядю своего князя Василія Михайловича Кашинскаго и ограби его“. Понимая подъ словомъ „Орда“ столицу хана Сарай-Новый, Д. Ѳ. Кобеко говоритъ, что Бездежъ долженъ былъ находиться сѣвернѣе Сарая. 4) Въ лѣтописномъ разсказѣ междоусобицъ въ Ордѣ въ 1361—1362 г., при чемъ отложились отъ нея мѣстности, лежавшія къ сѣверу отъ Сарая; „князь Ордынскій Булатъ — Темиръ овладѣлъ Булгаромъ и отня весь Воложьскій путь. А иной князь ординьскій именемъ Тогай, иже отъ Бездежа, той убо Наручадь и всю ту страну взялъ.“ Авторъ объясняетъ это такимъ образомъ, что Булатъ—Темиръ овладѣлъ Булгаромъ, расположеннымъ на лѣвой сторонѣ Волги, а князь Тогай Бездежскій Наручадью (мѣстность около Наровчата, города Пензенской губерніи), лежавшею, повидимому (мнѣніе г. Кобеко) недалеко отъ Бездежа, на правой сторонѣ Волги. Наконецъ, 5) подъ 1363 г. описывается въ лѣтописи моровая язва въ Переяславлѣ рязанскомъ: „приде же сія казнь снизу отъ Бездежа къ Новугороду къ Нижнему и т. д.“. Авторъ говоритъ что между Нижнимъ Новгородомъ и Бездежемъ не упоминается ни одного города, изъ чего онъ заключаетъ, что Бездежъ былъ ближайшимъ пунктомъ, откуда была занесена чума. Курмышъ лежащій ниже Нижняго, на правой сторонѣ Волги, заложенъ позже 1363 г., именно въ 1372 году.

Всѣ эти свидѣтельства лѣтописей, разбираемыя Д. Ѳ. Кобеко, заставляютъ автора высказать предположеніе, что Бездежъ долженъ находиться въ той мѣстности, которая въ русскихъ лѣтописяхъ носила названіе „Засурье“, и что слѣды его надлежитъ искать въ Симбирской губ., гдѣ въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ существуютъ 2 селенія Бектяшъ (названіе, напоминающее Бездежъ), лежащія на Волгѣ, противъ впаденія въ нее Черемшана.

Противъ названія Карамзинымъ Бездежа „Ясскимъ" городомъ, г. Кобеко приводитъ рукописную замѣтку оріенталиста Френа, хранящуюся въ Азіатскомъ Музеѣ, въ которой Френъ противъ выписанныхъ словъ Карамзина написалъ по нѣмецки: Откуда взялъ это Карамзинъ? И дѣйствительно, источника названія „ясскій" для Бездежа у Карамзина не указано.

—— „Московская газета" (№ 13, 1893 г.) сообщаетъ, что съ разрѣшенія епархіальнаго начальства недавно былъ совершенъ рѣдкій въ церковной практикѣ обрядъ сожженія иконостаса церкви подмосковнаго села Карачарова. Сожженіе было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что старинный иконостасъ церкви названнаго села пришелъ отъ ветхости въ такой видъ, что потребовалъ замѣны новымъ.

Желательно было бы, чтобы на будущее время епархіальное начальство въ такихъ случаяхъ, до приведенія въ исполненіе своего рѣшенія, доводило до свѣдѣнія ближайшаго археологическаго общества о своемъ намѣреніи и этимъ, можетъ быть, сохранило бы отъ уничтоженія не одинъ интересный памятникъ старины.

—— Въ сухумской епархіи, по иниціативѣ преосвященнаго Агаѳодора, епископа сухумскаго, учреждена епархіальная церковно-археологическая коммиссія, имѣющая, главнымъ образомъ, цѣлью всестороннее изученіе прошлой жизни мѣстной церкви, начиная отъ перваго появленія христіанства въ предѣлахъ сухумской епархіи, т. е. въ Абхазіи, Самурзакани и нынѣшнемъ Черноморскомъ округѣ, до города Анапы включительно. Работы коммиссіи направлены на отысканіе и изученіе памятниковъ, относящихся до устройства церквей и часовень, образованія приходовъ, учрежденія епископской каѳедры, религіозно-нравственной жизни клира и мірянъ, уклоненій въ магометанство, расколъ и сектанство, распространеніе образованія и пр. Коммиссія отыскиваетъ и приводитъ въ извѣстность собранные уже церковно-археологическіе, историческіе и отчасти этнографическіе матеріалы, хранящіеся въ мѣстныхъ учрежденіяхъ и у частныхъ лицъ, разсматриваетъ ихъ, оцѣниваетъ и рѣшаетъ, на что они могутъ пригодиться. Кромѣ того, коммиссія сама производитъ изслѣдованія для собиранія новыхъ свѣдѣній или для провѣрки и пополненія уже имѣющихся, пользуясь для этого мѣстными архивами. Всѣ матеріалы, собираемые коммиссіею, поступаютъ въ особое церковно - археологическое хранилище. Собираются также свѣдѣнія о всѣхъ древнихъ церквахъ, отличающихся особенною архитектурою, съ нихъ снимаются фотографическіе виды. Вообще работы этой коммиссіи представляютъ большой интересъ, и законченные труды, по всей вѣроятности, доставятъ много матеріала, могущаго

многое измѣнить въ исторіи распространенія христіанства на Кавказѣ (Нов. Вр. № 6504, 1893 г.).

—— Въ засѣданіи Берлинскаго Антропологическаго Общества, 21 января (н. с.) 1893 г., происходили выборы комитета, при чемъ былъ избранъ вновь прежній комитетъ. Предсѣдатель, проф. Вирховъ, заявилъ, что при Вѣнскомъ университетѣ учреждена каѳедра доисторической археологіи, которую будетъ занимать приватъ-доцентъ д-ръ Гёрнесъ, что можно считать за начало новой эры для этой науки. Изъ многихъ докладовъ засѣданія археологическій интересъ представляли слѣдующее: шведскій археологъ Мартенъ прислалъ рядъ фотографій съ бронзовыхъ предметовъ, найденныхъ въ Сибири, хранящихся въ Минусинскомъ музеѣ, которые онъ изучалъ при путешествіи своемъ въ Сибирь, такъ что теперь имѣетъ возможность высказать свой взглядъ на отношеніе бронзовыхъ вещей кавказскихъ, къ вещамъ уральскимъ; между сибирскими бронзовыми орудіями господствуетъ кинжалъ, имѣющій много сходства съ таковыми, находимыми на Кавказѣ; довольно многочисленны въ сибирскихъ находкахъ кельты, по формамъ своимъ сходные съ западными.—Д-ръ Лиссауеръ демонстрировалъ два костяныхъ сосуда, найденные въ Лауенбургѣ, въ Помераніи, подъ слоемъ известковаго отложенія, на глубинѣ 10 футовъ; по формѣ и обработкѣ сосуды относятся къ неолитической эпохѣ.—Белькъ сообщилъ о своемъ путешествіи съ мѣдноплавильныхъ заводовъ Сименса, въ Закавказьѣ, въ Арменію, предпринятомъ имъ съ археологическою цѣлью, результатомъ котораго онъ могъ вывести заключеніе относительно того, что связь народа, культурные остатки котораго дошли до насъ въ гробницахъ каменными ящиками Закавказья, не можетъ имѣть связи съ Понтійскими Халдеями; ни въ долинѣ Аракса, ни въ мѣстахъ, лежащихъ отъ нея къ югу или юго-востоку, не встрѣчается гробницъ каменными ящиками; древнее ванское населеніе, которое жило вплотъ до долины Аракса, имѣло другой родъ погребенія; южная граница погребенія въ каменныхъ ящикахъ соприкасается съ сѣверною границею понтійско-халдейской культуры; она идетъ по долинѣ Аракса, поднимается по цѣпи горъ къ сѣверу отъ рѣки до Армавіи и близко затѣмъ подходитъ къ рѣкѣ. Эта граница, въ то же время, есть самый сѣверный пунктъ распространенія клинообразныхъ надписей. Белькъ привезъ до 30 копій съ тамошнихъ надписей, дающихъ много объясненій быта и исторіи древнихъ Армянъ, и могъ-бы количество копій удвоить. Археологическое изслѣдованіе Арменіи обѣщаетъ дать интересные результаты (S-Petersb. Her. № 6, 1893).

—— Въ одномъ изъ декабрскихъ засѣданій 1892 г. парижской Академіи Надписей Оппертъ сдѣлалъ сообщеніе о послѣднемъ царѣ Ассиріи.

Персидская легенда, переданная греческими писателями, называетъ его Сарданапаломъ; но это не вѣрно. Сарданапалъ или Ассуръ-банъ-Абалъ, воинственный царь, правившій съ 668 по 630 г., былъ предметомъ ошибки, положившей тѣнь на его память: его смѣшали съ другимъ царемъ, лѣнивымъ и изнѣженнымъ, Ассуръ-Нираромъ, который правилъ съ 800 по 792 г. Что-же касается послѣдняго царя Ассиріи, то имя, его было Синъ-саръ-искунъ, т. е. „Луна сдѣлала его царемъ", имя передѣланное греками въ Сарака. Имя его извѣстно изъ двухъ памятниковъ: посвятительной надписи царя въ одинъ Ниневійскій храмъ и контракта 25 сивана 2-го года его царствованія; контрактъ засвидѣтельствованъ въ въ Сипарѣ или Геліополѣ Вавилонскомъ; этотъ документъ позволяетъ опредѣлить эпоху, когда жилъ Синъ-саръ-искунъ. Причина, что контрактъ датированъ въ Сипарѣ, вавилонскомъ городѣ, годами царя Ассиріи, объясняется тѣмъ, что, вѣроятно, Вавилонія въ короткое время была завоевана Ассирійцами; дѣйствительно, вавилонскія лѣтописи, дошедшія до насъ въ довольно полномъ видѣ, позволяютъ помѣстить это событіе только около 624 г. По Геродоту, паденіе Ниневіи и конецъ Ассирійскаго царства относится къ 606 г., но эта цифра не вѣрна (Revue critique, № 51, 1892).

—— Итальянское правительство поручило недавно основанному въ Римѣ обществу архитекторовъ, цѣль котораго состоитъ въ наблюденіи за сохраненіемъ и реставраціею древнихъ и средневѣковыхъ памятниковъ, реставрацію базилики св. Маріи in Cosmedin. Работы были произведены съ величайшею тщательностью подъ руководствомъ Джіовенали, президента Общества, и повели къ открытію интересной штукатурки съ живописью конца IV в. и фресокъ ранѣе XI в. (Chr. d. A. 1892, № 39).

—— До сихъ поръ о греческой музыкѣ могли составить себѣ нѣкоторое реальное представленіе только по тремъ гимнамъ поэта Мермеда, жившаго въ эпоху имп. Адріана, и нѣкоторымъ, весьма краткимъ отрывкамъ мелодій безъ словъ, приведенныхъ въ видѣ примѣровъ въ различныхъ теоретическихъ сочиненіяхъ по древней музыкѣ. О мелодіи къ нѣсколькимъ первымъ строкамъ первой пиѳійской оды Пиндара, опубликованной Кирхнеромъ не стоитъ и говорить, такъ какъ она, по всей вѣроятности, подложна. Но въ № 19 Revue des études grecques (1892 г.) вѣнскимъ ученымъ Карломъ Вессели (Wessely) въ статьѣ, озаглавленной Le papyrus musical d'Euripide, напечатаны два греческихъ текста, которые снабжены древними нотными знаками и потому представляютъ для насъ значительный интересъ съ музыкальной точки зрѣнія. Первый текстъ составляющій отрывокъ изъ надписи, найденной въ Малой Азіи близъ Аидина (древнія Траллы), былъ извѣстенъ уже

около 10 лѣтъ тому назадъ: первый опубликовалъ всю надпись Ramsay (въ Bulletin de Corr. hell. 1883, № 27); но нотные знаки, относящіеся къ нему, обратили на себя вниманіе автора настоящей статьи, помѣщенной въ Revue только сравнительно недавно (замѣтка объ этомъ была имъ помѣщена впервые въ Jahresb. d. K.-K.-Staatsgymnasiums, 1890, p. 18).

Изъ разсматриваемаго нами выпуска Revue мы узнаемъ, что вся надпись была вырѣзана по приказанію нѣкоего Сейкилоса. Снабженная нотами часть ея состоитъ изъ шести строкъ, которыя содержатъ въ себѣ четыре изреченія. Авторъ статьи не только приводитъ намъ текстъ надписи съ поставленными сверху нотными знаками и ритмическими помѣтками, но и даетъ переложеніе этого текста на современные нотные знаки.

Второй текстъ, представляющій отрывокъ въ нѣсколько стиховъ изъ дошедшей до насъ цѣликомъ трагедіи Эврипида „Орестъ" (стт. 330—335), найденъ на кускѣ папируса, который принадлежитъ собранію эрцгерцога Райнера. Хотя нѣкоторые изъ этихъ папирусовъ не имѣютъ хронологической даты, но авторъ полагаетъ, что всѣ они относятся къ I в. по Р. Х. или, самое позднее, къ эпохѣ имп. Адріана. Что касается происхожденія этихъ папирусовъ, то, какъ это выясняется сравненіемъ ихъ, произведеннымъ авторомъ въ Лондонѣ, съ папирусомъ Аристотеля, находящимся въ Британскомъ Музеѣ, они добыты въ египетскомъ городѣ Hermopolis Magna.

Опубликованный нынѣ отрывокъ изъ Эврипида по своей величинѣ, какъ это видно изъ факсимиле, равняется приблизительно ладони (95×85 милл.). Заключаетъ онъ въ себѣ семь строчекъ текста, изъ которыхъ надъ каждой находятся знаки для обозначенія мелодіи. Оба края папируса и двѣ нижнихъ строчки значительно пострадали, такъ что текстъ ихъ можетъ быть возстановленъ, только пользуясь другими источниками.

Заканчивая разсмотрѣніе каждаго изъ опубликованныхъ имъ текстовъ, г. Весели дѣлаетъ, на основаніи ихъ, нѣкоторые, не лишенные интереса, выводы относительно древняго способа нотописанія, музыки и ритмики. (Сообщ. г. Денисовъ).

—— При Оксфордскомъ университетѣ основалось періодическое изданіе по археологіи „Archaeologia Oxonensis". Недавно вышли двѣ первыя части. Привѣтствуя это изданіе, Guardian отъ 25 Января (н. с.) 1893 г. указываетъ, что археологія до сихъ поръ не процвѣтала ни въ Оксфордѣ, ни въ Кембриджѣ. Занятія классической археологіей имѣли до послѣдняго времени литературный характеръ, то съ философскимъ, то

филологическимъ оттѣнкомъ; развившееся въ послѣднее время изученіе эллинскихъ древностей ограничивалось вазами и статуями; процвѣтающая нынѣ школа новой исторіи въ Оксфордѣ ничего не сдѣлала для средневѣковой археологіи. Къ тому же памятниками археологіи бѣдна почва и Оксфорда и Кембриджа. Такимъ образомъ, изданіе Archaeologia Oxonensis является значительнымъ новшествомъ. Выпуски, говоритъ Guardian, коротки, хорошо иллюстрированы и интересны по содержанію. Въ нихъ помѣщено пока 10 статей о древностяхъ Оксфорда и о содержаніи его библіотекъ и музеевъ. Одна изъ статей — изслѣдованіе о доисторическомъ, т. е. до-саксонскомъ Оксфордѣ, снабжена картами и таблицами, представляющими сводъ римскихъ, бриттскихъ и другихъ древностей, найденныхъ въ Оксфордѣ и его окрестностяхъ; интересны: статья о до-норманской постройкѣ, открытой въ соборѣ, о римскихъ надписяхъ Бодлеянской библіотеки, о происхожденіи границъ епархій, архидіаконствъ и сельскихъ деканствъ. Оба выпуска снабжены замѣтками о новыхъ археологическихъ находкахъ и изданіяхъ.

IV

Библіографія.

Матеріалы по археологіи Кавказа. Выпускъ III. Подъ редакціею гр. Уваровой. Москва, 1893 г.

Только что вышедшій выпускъ есть результатъ экспедиціи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, снаряженной на средства, дарованныя Обществу Государемъ Императоромъ. Это роскошное изданіе, украшенное 66 фототипіями и 81 рис. въ текстѣ заключаетъ, главнымъ образомъ, описаніе архитектурныхъ христіанскихъ памятниковъ Абхазіи, Имеретіи, Батумской области и мусульманскихъ Батумской области и Баку— академика-архитектора А. М. Павлинова, затѣмъ Х. И. Кучукъ-Іоаннесова о древне-армянскихъ рукописяхъ и армянской надписи XII в. и В. Ѳ. Миллера о древне-осетинскомъ памятникѣ и 3-хъ кавказскихъ каменныхъ изваяніяхъ Историческаго Музея.

Г. Павлиновъ даетъ подробное описаніе храмовъ посѣщенныхъ имъ мѣстностей въ Драндѣ, Моквѣ, Иллори, Беди, знаменитыхъ развалинъ Кутаисскаго собора, Мартвильскаго монастыря, Мама-Цминда и др., снабжая каждое описаніе планами, измѣреніями и прилагая виды всѣхъ и реставраціи многихъ памятниковъ, а также и частей ихъ; кромѣ того, къ описанію церкви въ Иллори

приложены снимки съ нѣкоторыхъ предметовъ, хранящихся въ ея ризницѣ: сосудовъ и нѣсколькихъ чеканныхъ иконъ, описаніе которыхъ составлено гр. П. С. Уваровой. Изъ мусульманскихъ памятниковъ г. Павлиновъ описалъ три деревянныя мечети изъ Батумской области и ханскіе дворецъ и мечеть въ Баку, при чемъ описаніе мечети Джума составлено также гр. П. С. Уваровой. Г. Кучукъ-Іоаннесовъ сдѣлалъ описаніе къ привезеннымъ экспедиціею снимкамъ армянскихъ лицевыхъ рукописей: 3-хъ Евангелій XIV, XV и XVI вв., книги Бытія XVI в. и отрывка лицевой рукописи XV в. Тотъ же авторъ далъ объясненіе армянской надписи XII в., найденной въ Майкопскомъ уѣздѣ. В. Ѳ. Миллеръ даетъ описаніе древне-осетинскаго христіанскаго намогильнаго памятника XI—XII вѣка, находящагося въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Александро-Аѳонскаго Зеленчукскаго монастыря Кубанской области. Надпись, высѣченная греческими буквами, но на языкѣ предковъ теперешнихъ Осетинъ—Ясовъ (русской лѣтописи), Алановъ (визант. писателей), дешифрирована авторомъ и переведена предположительно на русскій языкъ. Тотъ же авторъ въ статьѣ „Отголоски кавказскихъ вѣрованій на могильныхъ памятникахъ“ даетъ объясненіе трехъ каменныхъ изваяній съ Кавказа, хранящихся въ Москвѣ, въ Историческомъ Музеѣ; первымъ памятникомъ, въ формѣ человѣческой фигуры находившимся нѣкогда на р. Этокѣ, занимались многіе (Гильденштедтъ, гг. Филимоновъ, Латышевъ, Помяловскій, Попадуло-Керамевсъ), но никто изъ нихъ не далъ объясненій рельефнымъ изображеніямъ, которыми покрыто изваяніе; В. Ѳ. Миллеръ весьма правдоподобно объясняетъ эти сцены иллюстраціями къ осетинскимъ представленіямъ о загробной жизни усопшихъ, сообщеннымъ авторомъ въ его „Осетинскихъ этюдахъ“. Вѣкъ сооруженія памятника авторъ не опредѣляетъ, но считаетъ невозможнымъ опредѣленіе его XVII вѣкомъ, какъ полагаетъ г. Попадуло-Керамевсъ. Другой памятникъ, въ формѣ параллепипеднаго креста, изъ Малой Кабарды, также покрытъ изображеніями крестовъ, животныхъ и людей, объясняемыхъ авторомъ такъ же, какъ и предыдущія изображенія. Третій, памятникъ съ р. Кунбелея интересенъ по греческой надписи въ 12 строкъ, изъ которыхъ ранѣе было извѣстно только 8, заключающей обычную намогильную христіанскую надпись какого-то Георгія Толатъ-темира 1581 года и изображеніямъ 3-хъ всадниковъ, тождественныхъ съ предыдущими (на 2-мъ памятникѣ), что заставляетъ автора и 2-й памятникъ отнести къ тому же вѣку. Языческія изображенія на христіанскихъ памятникахъ даютъ ясное понятіе, въ какомъ состояніи находилась религія сѣверо-кавказскихъ народовъ въ XVI вѣкѣ.

Памяти отца намѣстника Леонида, А. А. Гатцука. Н. А. Попова и А. А. Котляревскаго. Императорское Московское Археологическое Общество. Москва 1893 г.

Изданіе это, служащее продолженіемъ сборника некрологовъ, составляющаго послѣднюю часть „Исторической Записки“, заключаетъ въ себѣ: Вос-

поминаніе объ архимандритѣ Леонидѣ, Н. И. Субботина; библіографическій очеркъ трудовъ его-же—И. Корсунскаго; страничку изъ университетскихъ воспоминаній объ А. А. Котляревскомъ, И. А. Линниченки; А. А. Гатцукъ—С. С. Слуцкаго и „Памяти Н. А. Попова"—В. Н. Сторожева.

В. В. Латышевъ. Краткій очеркъ исторіи Воспорскаго царства. Симферополь, 1892 г. (Отд. отт. изъ Изв. Тавр. Уч. Арх. Комм. № 17).

Извѣстный нашъ эпиграфистъ В. В. Латышевъ, издавая 2-й томъ сборника „Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini", предпослалъ ему „введеніе", заключающее очеркъ исторіи Воспорскаго Царства. Таврической ученой архивной коммиссіи пришла благая мысль издать переводъ съ латинскаго оригинала, который сдѣланъ В. А. Михалевскимъ и просмотрѣнъ авторомъ (Изв. Тавр. Уч. Арх. Комм. № 17, 1892 г.).

Несмотря на сжатость „очерка", авторъ далъ полную картину исторіи Воспорскаго царства, на основаніи свѣдѣній древнихъ писателей, довольно отрывочныхъ и съ большими пропусками, благодаря потерѣ многихъ сочиненій, но эти пропуски частью возстановляются авторомъ при помощи надписей и монетъ, при чемъ авторъ, приводя выводы и мнѣнія нумизматовъ, относится къ нимъ съ крайнею осторожностью. „Очеркъ" раздѣляется на три главы: 1) о народахъ, жившихъ въ древности вблизи Воспора Киммерійскаго; 2) краткій очеркъ исторіи Воспорскаго царства и 3) о должностныхъ лицахъ Воспорскаго царства. Жаль, что переводчикъ не дополнилъ „очерка" хотя-бы краткимъ упоминаніемъ о царѣ Діунтунѣ, надпись котораго издана въ томъ же томѣ Сборника В. В. Латышева въ „Прибавленіяхъ и поправкахъ" на стр. 292—294 съ историческими примѣчаніями автора.

А. Карзинкинъ. Матеріалы по русской нумизматикѣ. Выпускъ первый. Москва. 1893 г. (Въ продажу не поступало).

Г. Карзинкинъ извѣстенъ уже въ нумизматической литературѣ своимъ трудомъ „О медаляхъ царя Дмитрія Іоанновича (Лжедмитрія I)". Предметомъ настоящаго изданія онъ избралъ болѣе трудный и наименѣе разработанный періодъ въ нумизматикѣ - великокняжескій. Книжка заключаетъ двѣ главы: о монетахъ съ именами двухъ князей или такъ называемыхъ „союзныхъ" монетахъ, и другая: — Описаніе клада пулъ, найденнаго въ 1888 г. въ Москвѣ.

Въ первой главѣ авторъ приводитъ рядъ монетъ, имѣющихъ на одной сторонѣ имя В. К. Московскаго Василія Васильевича (Темнаго), на другой—имена современныхъ ему удѣльныхъ князей Галицкихъ, Можайскихъ, Серпуховскаго, Дмитровскаго и Ярославскаго. Относительно такого совмѣстнаго помѣщенія именъ, прежніе нумизматы точнаго и опредѣленнаго объясненія не давали, тогда какъ авторъ „Матеріаловъ" дѣлаетъ попытку исторически объяснить этотъ интересный фактъ. Періодъ чеканки двухъименныхъ монетъ

совпадаетъ съ періодомъ уничтоженія самостоятельности Московскихъ удѣльныхъ княжествъ, которое очень ясно рисуется въ договорныхъ и духовныхъ грамотахъ Великихъ Князей; такъ, напр., въ духовной Ивана Даниловича Калиты отношенія выражаются такимъ образомъ: Старшій долженъ быть печальникомъ младшихъ, быть имъ въ отце мѣсто и т. д.; въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ говорится сначала: быть ны за одинъ и имѣти ему меня отцемъ, а сына моего кн. Василія братомъ старшимъ, а кн. Юрія братомъ и т. д., но позднѣе, въ договорѣ того же Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ и Василіемъ Ярославичемъ уже говорится: держати ти подо мною княженіе мое Великое честно и грозно и тобѣ брату моему молодшему мнѣ служити безъ ослушанія и т. д. Наконецъ, при Василии Темномъ выраженія въ грамотахъ еще болѣе усиливаются: а добьетъ челомъ мнѣ Великому Князю братъ мой молодшей,—говорится въ договорѣ Темнаго съ княземъ Василіемъ Боровскимъ. Превращеніе удѣльнаго князя, имѣвшаго право чеканить собственную монету, въ челобитника отразилось и на монетахъ, но только это было сдѣлано не сразу, а постепенно: Василій Темный, задумавъ отнять у удѣльныхъ князей право чеканить монету съ ихъ именемъ, сначала принудилъ ихъ ставить свое имя, а подъ конецъ княженія имена удѣльныхъ князей и совсѣмъ перестали появляться на монетахъ. Подобное историческое объясненіе г. Карзинкина, повидимому, вѣрно объясняетъ этотъ фактъ и „союзы“ здѣсь никакого значенія имѣть не могутъ.

Кладъ пулъ (мелкихъ мѣдныхъ монетъ), найденный въ Москвѣ, на Мясницкой улицѣ, состоявшій изъ 900 слишкомъ монетъ, заключалъ, между прочимъ 13 экз. съ татарскою надписью, прочтенною бар. В. Г. Тизенгаузеномъ М и х а й л а т е в и р д ж и, т. е. Михаилъ Тверской, которую авторъ справедливо относитъ Вел. Кн. Михаилу Борисовичу Тверскому (1461—1485). Татарская надпись, необычная на тверскихъ монетахъ, даетъ поводъ высказать предположеніе, которое, однако, прямо не подтверждается никакими лѣтописными свидѣтельствами, что Михаилъ Борисовичъ былъ негласно сторонникомъ и союзникомъ хана Ахмата и потому, въ угоду ему, отбилъ монету съ татарскою надписью. Такъ какъ большая часть клада состоитъ изъ тверскихъ монетъ, остальныя московскія и Великаго Новгорода, то большой интересъ представляетъ находка въ нихъ монетъ съ именами Вел. Кн. Ивана Ивановича, сына Іоанна III, правившаго Тверью, по присоединеніи ея къ Москвѣ, съ 1485 по 1490 г., и князя Василія Ивановича. Послѣдняя монета, представляющая загадку для нумизматовъ, которые относятъ ее то князю Рыльскому, то Рязанскому, приписывается г. Карзинкинымъ къ тверскимъ монетамъ, на основаніи сходства съ типами тверскихъ монетъ и князя Василія Ивановича считаетъ сыномъ Іоанна III, который послѣ брата своего Ивана, могъ управлять Тверью, хотя документальныхъ доказательствъ этому нѣтъ. Книжка издана очень изящно и къ ней приложена таблица монетъ московскаго клада.

Московскій Публичный и Румянцовскій Музеи. Нумизматическій Кабинетъ. Выпускъ V. Каталогъ польскихъ монетъ. Изданіе Московск. Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ. Москва, 1893 г.

Въ каталогѣ, составленномъ В. А. Уляницкимъ, описаны польскія монеты и медали начиная съ 1386 года по 1831 г.; это изданіе составляетъ вторую часть каталога всего собранія польскихъ монетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ; первая же часть, составляющая древнѣйшій періодъ польской нумизматики, „въ виду необходимости дополнительныхъ справокъ относительно монетъ" этого періода, будетъ напечатана послѣ. Монеты принадлежали извѣстному нумизмату Д. П. Сонцову и пожертвованы Музеямъ сыномъ его вмѣстѣ съ остальною его нумизматическою коллекціею въ 1875 году.

Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Новая серія. Т. VI, вып. 1-й и 2-й СПБ. 1892 г. Цѣна 3 рубля.

Въ вышедшихъ двухъ выпускахъ (въ одной книгѣ) напечатаны: обширное (264 стр.) изслѣдованіе проф. Казанскаго Университета Д. Ѳ. Бѣляева „Ежедневные пріемы Византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X вв."; замѣтка г. Авенаріуса „Нѣсколько словъ о дрогичинскихъ пломбахъ" и 36 таблицъ рисунковъ съ самымъ краткимъ (на шести стр.) текстомъ, носящимъ заглавіе: „Памятники деревяннаго церковнаго зодчества въ епархіяхъ Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской XVII и XVIII в.", іеромонаха А. Н. Виноградова. Въ концѣ „Записокъ" приложены „Протоколы засѣданій" Русскаго (Петербургскаго) Археологическаго Общества за 1891 годъ.

V

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи Восточной Коммиссіи Имп. Моск. Арх. Общ., 28 ноября 1892 г. В. К. Трутовскій сдѣлалъ сообщеніе о проектѣ упрощенія Арабскаго алфавита, принадлежащемъ перу португальскаго ученаго Консальесъ Віанна. Проектъ этотъ былъ приготовленъ авторомъ къ прочтенію на X международномъ конгрессѣ оріенталистовъ, назначенномъ на сентябрь 1892 года въ Лисабонѣ, но распространившаяся тамъ холера заставила комитетъ общественнаго здравія высказаться противъ конгресса, который перенесенъ на 1893 г. въ Парижъ. Чтобы покончить всѣ дѣла по конгрессу, Лисабонское Географическое Общество, устроившее его, предложило членамъ конгресса

или получить обратно деньги, или же изданія, приготовленныя къ конгрессу. Референтъ выбралъ послѣднее и получилъ около 12 брошюръ, большею частью на португальскомъ языкѣ и нѣсколько на французскомъ. Рефератъ г. Консальесъ Віанна напечатанъ по-французски и имѣетъ цѣлью, по словамъ автора, возбудить вопросъ объ упрощеніи арабскаго алфавита, главнымъ образомъ для наборщиковъ; этимъ облегченіемъ типографскаго труда, по его мнѣнію, достигаются двѣ важныя цѣли: облегченіе и ускореніе изданія сочиненій на языкахъ, употребляющихъ арабскій алфавитъ, и удешевленіе подобныхъ изданій, т. е. большой выигрышъ для науки. Для достиженія сказанной цѣли, авторъ беретъ изъ 28 буквъ арабскаго алфавита 18 основныхъ знаковъ-буквъ и почти не измѣняетъ ихъ; для остальныхъ 10 буквъ онъ беретъ различно то ея начальную, то срединную, то конечную форму и прибавляетъ сюда, безъ измѣненія, 4-звука персидскихъ и турецкихъ и 6 звуковъ hindoustani и малайскихъ, передавая ихъ соотвѣтствующими знаками изъ малайскаго алфавита, имѣющаго въ основаніи арабскія формы. Такимъ образомъ, получается однородный алфавитъ изъ 38 буквъ, заключающій въ себѣ всѣ звуки арабскаго, турецкаго, персидскаго, hindoustani и малайскаго языковъ. Эти буквы имѣютъ всегда однообразную форму и въ наборѣ не соединяются другъ съ другомъ, какъ и въ европейскихъ алфавитахъ.

А. С. Хахановъ сообщилъ о своей поѣздкѣ въ Эриванскую губернію лѣтомъ 1892-го года для изслѣдованія, по порученію Общества, открытыхъ въ этой губерніи клинообразныхъ надписей. По случаю эпидеміи ему не удалось посѣтить всѣ мѣста, не удалось также найти фотографа, который согласился бы за нимъ слѣдовать, но болѣе важныя мѣста все-таки были изслѣдованы. Прежде всего онъ осмотрѣлъ надписи находящіяся въ Эчміадзинѣ, числомъ 6; но передъ его посѣщеніемъ былъ доставленъ 7-й камень, который былъ открытъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ маслобойномъ заводѣ Сардарабадѣ. Съ него была снята мѣстнымъ фотографомъ надпись и отправлена за-границу. Референтъ посѣтилъ также и мѣстечки: Эйляръ (первая станція отъ Эривани въ Тифлисъ), гдѣ на скалѣ, наклоненной въ формѣ шатра, высѣчена клинообразная надпись. Но особенное вниманіе имъ обращено было на надписи, находящіяся на берегу Гокчайскаго озера. На южномъ берегу озера, около селенія Аличалу, сохранилась надпись въ 19 строкъ; она давно уже интересуетъ изслѣдователей, но не было возможности ее снять; не смотря на усилія референта, невозможно было приблизиться къ надписи ни съ берега, ни съ озера на лодкѣ. Нѣкоторыя надписи референтомъ были сняты лично отъ руки. Къ сожалѣнію, бóльшая часть фотографій, сдѣланныхъ мѣстнымъ фотографомъ по заказу А. С. Хаханова, послѣ его отъѣзда, сняты, какъ обнаружилъ М. В. Никольскій, не съ самыхъ камней, а съ весьма плохихъ снимковъ, помѣщенныхъ въ армянскомъ журналѣ *Араратъ*.

Затѣмъ коммиссіей выслушанъ былъ докладъ М. В. Никольскаго о вышеупомянутой клинообразной надписи, найденной въ Сардарабадѣ. Снимокъ съ нея, посланный въ Оксфордъ профессору Сэйсу, оказался довольно плохимъ,

но Сэйсъ сдѣлалъ переводъ и, по просьбѣ пославшихъ ему надпись Армянъ, прислалъ тотъ переводъ въ Тифлисъ, гдѣ онъ помѣщенъ былъ въ мѣстной газетѣ *Мшакъ*. По дурному списку Сэйсъ не все могъ разобрать, а редакція газеты со своей стороны исказила транскрипцію и переводъ знаменитаго ассиріолога. Такъ какъ въ Московское Археологическое Общество доставлены были два очень хорошіе фотографическіе снимка надписи, одинъ А. С. Хахановымъ, другой архіепископомъ Месропомъ изъ Шемахи, то М. В. Никольскій представилъ коммиссіи въ двухъ экземплярахъ печатный наборъ клинообразнаго текста надписи и прочелъ свой переводъ и комментарій. Надпись изъ 14 строкъ прекрасно сохранилась, принадлежитъ ванскому царю Аргишти. Въ ней онъ говоритъ о возстановленіи дворца, который онъ вручилъ своему сыну, какъ резиденцію. Благодаря этой надписи, мы получаемъ новое документальное доказательство, что въ ванской провинціи на Араксѣ было намѣстничество, которое замѣщали сыновья ванскихъ царей. Хорошо сохранившійся текстъ надписи имѣетъ важность и въ томъ отношеніи, что проливаетъ свѣтъ на чтеніе и смыслъ многихъ темныхъ мѣстъ въ другихъ найденныхъ надписяхъ въ долинѣ Аракса (Моск. Вѣд., № 336, 1892 г.).

15-го января 1893 г., въ 8½ ч. веч., происходило засѣданіе Московскаго Археологическаго Общества, въ домѣ предсѣдателя его, гр. П. С. Уваровой, которая представила, между прочимъ, только-что вышедшій 3-й томъ, „Матеріаловъ по археологіи Кавказа“, издаваемыхъ Обществомъ на Высочайше дарованныя средства, и брошюру, посвященную памяти умершихъ членовъ Археологическаго Общества: отца-намѣстника Леонида, А. Л. Гатцука, Н. А. Попова и А. А. Котляревскаго, заключающую въ себѣ рѣчи и воспоминанія о покойныхъ гг. Субботина, Корсунскаго, Слуцкаго, Сторожева и Линниченки. Послѣ того К. М. Быковскій прочиталъ отчетъ о первомъ съѣздѣ русскихъ зодчихъ, бывшемъ въ декабрѣ 1892 г. въ Петербургѣ, поскольку дѣятельность его касалась археологіи. При съѣздѣ были устроены двѣ выставки: одна—архитектурная, въ залахъ академіи художествъ, другая строительныхъ матеріаловъ, въ Соляномъ городкѣ. Выставка въ академіи художествъ состояла изъ двухъ отдѣловъ: залъ древне-русскаго зодчества и залъ современнаго зодчества. Въ отдѣлѣ древнихъ памятниковъ была соединена масса собраннаго академіей матеріала для изученія до-петровской архитектуры. Съѣздъ раздѣлялся на пять отдѣловъ или секцій: художественный, техническій, санитарнаго зодчества, законодательный и общихъ вопросовъ. Для археологіи представляли особый интересъ засѣданія перваго отдѣла, художественнаго, предсѣдателемъ котораго былъ ректоръ Академіи Художествъ, Р. А. Гедике; при открытіи К. М. Быковскій произнесъ вызвавшую общее сочувствіе рѣчь—о значеніи изученія древнихъ русскихъ памятниковъ для современнаго зодчества. Заключеніе этой рѣчи было выражено въ такомъ

положеніи: Изученіе древнихъ русскихъ памятниковъ вноситъ въ современменное зодчество живительный элементъ; это изученіе будетъ тѣмъ благотворнѣе, чѣмъ болѣе мы убѣдимся въ безплодности стремленій возсоздать до-петровскій стиль съ временными его особенностями и чѣмъ менѣе будемъ отрекаться отъ общечеловѣческаго художественнаго развитія". Въ первомъ же засѣданіи съѣзда академикъ Г. И. Котовъ сдѣлалъ сообщеніе: „О нѣкоторыхъ мѣрахъ, желаемыхъ при реставраціи древнихъ зданій", и предложилъ: 1) при реставраціи особо интересныхъ памятниковъ зодчества сдѣлать обязательнымъ изданіе чертежей и фотографій, представляющихъ вполнѣ состояніе зданій до реставраціи; 2) возстановляя древніе памятники зодчества, по возможности, щадить отъ уничтоженія и тѣ части болѣе поздней постройки, которыя имѣютъ художественное или историческое значеніе. Отдѣлъ, признавая вполнѣ важность этихъ предложеній, постановилъ внести ихъ въ число вопросовъ, подлежащихъ разработкѣ къ слѣдующему съѣзду. Во второмъ засѣданіи художественнаго отдѣла академикъ А. М. Павлиновъ познакомилъ собраніе съ содержаніемъ своего сочиненія о монгольскомъ періодѣ древне-русскаго зодчества. Болѣе существенное вліяніе на московскую архитектуру этого времени оказали псковско-новгородскія и владимірскія постройки, но нѣкоторыя частности могли явиться подъ вліяніемъ поволжскаго магометанскаго искусства, чрезъ посредство древнихъ Болгаръ. Въ третьемъ засѣданіи акад. В. В. Сусловъ сдѣлалъ докладъ о раціональномъ развитіи отечественнаго искусства, при чемъ разобралъ послѣдовательно наиболѣе самобытныя части русскаго зодчества. Въ 4-мъ засѣданіи акад. Котовъ въ своемъ докладѣ „Матеріалы для исторіи русскаго гражданскаго зодчества" впервые освѣтилъ одинъ изъ незатронутыхъ вопросовъ, именно о возникновеніи типа большихъ палатъ, своды которыхъ опираются на столбъ, поставленный въ срединѣ помѣщенія. Первообразомъ такой постройки послужила новгородская, такъ называемая грановитая палата, построенная архіепископомъ Евфиміемъ, въ 1433 г., по типу котораго построена и московская грановитая палата, а можетъ быть и дворецъ въ Угличѣ; пріемъ этотъ заимствованъ изъ сѣверо-германской готики; при позднѣйшихъ постройкахъ, чуждыя въ данномъ случаѣ древне-русской архитектурѣ крестовые своды, замѣнены коробовыми съ распалубками, и въ такомъ видѣ пріемъ этотъ употреблялся и при постройкѣ церквей. По предложенію г. Быковскаго члены съѣзда постановили обратиться съ благодарностью къ изслѣдователямъ русскаго искусства, не входящимъ въ составъ съѣзда: кн. Г. Г. Гагарину, А. А. Мартынову и И. Е. Забѣлину, и выразили пожеланіе объ изданіи академіей коллекцій рисунковъ А. М. Павлинова, Н. В. Султанова и покойнаго Даля. Выраженная г. Быковскимъ мысль о желательности скорѣйшаго появленія исторіи русскаго зодчества была встрѣчена всеобщимъ сочувствіемъ и вызвала предположеніе объ основаніи особаго журнала, для чего Н. В. Султановъ предложилъ нѣкоторое матеріальное содѣйствіе. Собраніе, выразивъ благодарность г. Султанову и Академіи Художествъ за ея заботы объ

изученіи памятниковъ русскаго зодчества, постановило просить академію принять на себя осуществленіе предполагаемаго журнала.—Въ послѣднемъ, 5-мъ засѣданіи отдѣла акад. Сусловъ сдѣлалъ докладъ: „Наши потребности по вопросамъ искусства“, при чемъ выразилъ пожеланія относительно лучшаго охраненія древнихъ памятниковъ, и заявилъ о необходимости составить краткую исторію русскаго искусства и ввести преподаваніе ея въ курсъ общеобразовательныхъ заведеній. Слѣдующій съѣздъ имѣетъ быть въ Москвѣ черезъ два года, при чемъ на-дняхъ имѣютъ уже начаться предварительныя по поводу его совѣщанія.—Д. Я. Самоквасовъ сдѣлалъ сообщеніе объ одномъ эпизодѣ въ исторіи нашихъ центральныхъ архивовъ древнихъ актовъ. Въ 1867 г. обнаружены были подлоги во многихъ актовыхъ книгахъ центральнаго кіевскаго архива, заключающихъ въ себѣ копіи съ дворянскихъ грамотъ и имущественныхъ документовъ, вслѣдствіе чего въ 1869 г. отъ 10-го октября послѣдовало Высочайшее повелѣніе о пріостановкѣ въ правительственныхъ учрежденіяхъ всѣхъ дѣлъ, основанныхъ на выписяхъ изъ книгъ этого архива. Но въ виду того, что въ книгахъ этихъ является крайняя надобность по многимъ дѣламъ, соединеннымъ съ признаніемъ дворянства и съ утвержденіемъ въ имущественныхъ правахъ, то возникъ вопросъ о разрѣшеніи пользоваться выписями изъ этихъ книгъ, на условіи извѣстной провѣрки подлинности документовъ. Особая коммиссія, составленная при министерствахъ народнаго просвѣщенія и юстиціи, выработала проектъ мѣропріятій, при которыхъ можно было бы пользоваться выписями изъ книгъ архива, имѣющій быть представленнымъ въ Государственный Совѣтъ. При оцѣнкѣ этихъ мѣропріятій весьма существенно познакомиться съ исторіей открытія подлоговъ въ актовыхъ книгахъ юго-западныхъ архивовъ. Уже въ 1726 г. были констатированы фальсификаціи документовъ, именно о возведеніи въ дворянство, и имущественныхъ, что и послужило потомъ однимъ изъ поводовъ къ перенесенію дѣлъ такъ называемой литовской метрики сперва въ Петербургъ, а затѣмъ въ московскій архивъ министерства юстиціи. Констатировано было, что многія сотни и тысячи лицъ были утверждены въ дворянствѣ по подложнымъ документамъ. Позже были открыты и другія злоупотребленія, и въ значительной степени, лишь благодаря имъ, явились въ Западномъ краѣ сотни тысячъ дворянъ, изъ коихъ лишь четверть владѣетъ поземельною собственностью. Нѣкоторые документы подчищались, исправлялись и поддѣлывались, другіе вырывались, въ томъ числѣ и такіе, которые имѣютъ политическое значеніе. Такъ, изъ виленскаго архива исчезли всѣ акты, касающіеся Брестскаго собора 1596 г. или близкіе къ тому времени. Въ 1833 г. была назначена первая коммиссія для разсмотрѣнія подлоговъ въ документахъ, хранившихся тогда еще при разныхъ судахъ; затѣмъ послѣдовательно были назначены еще пять коммиссій, но всѣ онѣ, состоя изъ людей, занятыхъ другими служебными обязанностями и некомпетентныхъ въ палеографіи, принесли весьма мало пользы. Желая подвинуть дѣло повѣрки книгъ, генералъ-губернаторъ Безакъ просилъ министерство юс-

тиціи прислать изъ Петербурга кого-либо изъ знакомыхъ съ хранившейся при сенатѣ литовской метрикою и умѣющихъ разбирать древніе документы; но министерство, спустя нѣсколько лѣтъ, отвѣчало отказомъ, за неимѣніемъ подходящаго лица. Въ 1883 г. генералъ губернаторъ Дрентельнъ сообщилъ, что въ 15 лѣтъ коммиссія разсмотрѣла только 13 книгъ, такъ какъ всѣ члены коммиссіи заняты службой въ университетѣ и могутъ посвящать архивнымъ дѣламъ только свободное время; между тѣмъ всѣхъ книгъ, въ которыхъ указаны подлоги, 777, такъ что на провѣрку остальныхъ 764 книгъ потребовалось бы около 800 лѣтъ; кромѣ того необходимо провѣрить и всѣ вообще книги архива, а ихъ всего около 6,000. Въ виду всего этого генералъ-губернаторъ вошелъ съ представленіемъ объ упраздненіи коммиссіи по по ея безполезности, а съ другой стороны, вмѣстѣ съ предводителемъ дворянства, кн. Рѣпнинымъ, вошелъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи на извѣстныхъ условіяхъ дальнѣйшаго производства дѣлъ, основанныхъ на выписяхъ изъ актовыхъ книгъ. Это ходатайство повело къ разнымъ проектамъ, разсмотрѣніе которыхъ продолжалось 10 лѣтъ и которое повело, наконецъ, къ составленію окончательнаго проекта коммиссіей отъ министерствъ народнаго просвѣщенія и юстиціи. По этому проекту предполагается для провѣрки документовъ также коммиссія подъ предсѣдательствомъ ректора или члена управленія университета св. Владиміра, съ участіемъ профессора, одного члена коммиссіи для разбора древнихъ актовъ одного изъ проживающихъ въ Кіевѣ ученыхъ и архиваріуса, причемъ, для удостовѣренія подлинности, достаточно свидѣтельства трехъ лицъ—предсѣдательствующаго, одного изъ членовъ и архиваріуса. Но въ сущности то же, что было и прежде, т. е. фактически рѣшающимъ лицомъ остается архиваріусъ. По этому поводу г. Самоквасовъ высказалъ мнѣніе, что для обезпеченія правильности выписей и вообще для огражденія архивовъ отъ злоупотребленій необходимо измѣненіе ихъ штатовъ и порученіе ихъ должности архиваріусовъ достойнымъ подготовленнымъ лицамъ съ высшимъ образованіемъ. Теперь эти штаты таковы, что подготовленныхъ лицъ, за недостаточностью вознагражденія, невозможно найти. Въ Кіевскомъ архивѣ, напр. архиваріусомъ состоитъ библіотекарь университета, получающій добавочное вознагражденіе въ 200 р., два постоянныхъ помощника, получающіе по 800 р., и два временныхъ съ жалованіемъ въ 600 р.; на эти послѣднія должности назначаются обыкновенно молодые люди изъ окончившихъ курсъ въ университетѣ, для которыхъ это является своего рода стипендіей, позволяющей имъ готовиться къ магистерскому экзамену, и только. Злоупотребленія были констатированы неоднократно и въ архивахъ средней Россіи; недавно напр., въ Москвѣ былъ уволенъ завѣдывавшій однимъ архивомъ, продававшій старинные документы по пудамъ. По мнѣнію докладчика, Витебскій архивъ можетъ быть соединенъ съ Виленскимъ, и въ обоихъ архивахъ, Кіевскомъ и Виленскомъ, штаты должны быть увеличены, именно въ Виленскомъ (гдѣ хранится до 22,000 акт. книгъ) долженъ быть 1 архиваріусъ и 5 помощниковъ, а въ Кіевскомъ—1 архиваріусъ и 3 помощ-

ника, съ жалованьемъ архиварiусу—2,000 р., помощникамъ по 1500 р., съ правомъ на пенсiю, какъ въ учебномъ вѣдомствѣ, и съ правомъ пользоваться по очередно каникулярнымъ отдыхомъ въ размѣрѣ 6 недѣль. На должности эти должны назначаться лица русскаго происхожденiя, высшаго юридическаго или историко-филологическаго образованiя и преимущественно изъ окончившихъ курсъ въ археологическомъ институтѣ, причемъ должности эти не могутъ быть совмѣщаемы съ другой государственной службою. Въ обязаность архиварiусу и его помощникамъ должно быть поставлено: составленiе инвентарыхъ описей, книгъ, изданiе ихъ, а потомъ систематическое описанiе документовъ, причемъ ежегодно на изданiе должно ассигноваться по 1,000 р. на архивъ. Общество единогласно одобрило взгляды, высказанные докладчикомъ, и признало существенно необходимыми мѣры къ улучшенiю штатовъ и вообще къ упорядоченiю архивнаго дѣла въ Россiи.—По поводу додоклада г. Самоквасова, И. А. Линниченко замѣтилъ, что подлоги въ актахъ юго-западной Россiи начались еще въ XV—XVI в. Особенно въ большомъ числѣ послѣдовали они въ 1504 г., когда польское правительство назначило общую ревизiю правъ на владѣнiя, что вызвало почти фабричную фальсикацiю документовъ. Эта масса старыхъ и новыхъ поддѣлокъ дѣлаетъ весьма затруднительнымъ удостовѣренiе подлинности документовъ и, по мнѣнiе г. Линниченки, лица, предназначаемыя для занятiя должностей архиварiусовъ въ Западномъ краѣ, должны быть командированы еще въ Варшаву и за границу, для ознакомленiя съ латинской и польской палеографiей и съ исторiей польскаго права. (Русск. Вѣд. № 20, 1893 г.)

— Въ засѣданiи антропологическаго отдѣла Общества любителей естествознанiя, 18 января 1893 г., П. П. Мельгуновъ сдѣлалъ интересное сообщенiе „Къ вопросу о нацiональности европейскихъ макрокефаловъ“. Подъ именемъ макрокефалiи, какъ извѣстно, разумѣется особая деформацiя или изуродованiе черепа, при которомъ черепу (при жизни) придавался вытянутый вверхъ и взадъ видъ, а лобъ значительно приплющивался. Такiе искусственно дефомированные черепа, найдены были въ самыхъ различныхъ пунктахъ Европы (въ Венгрiи, Швейцарiи, Сѣверной Италiи, Южной Германiи, Англiи, Францiи, Турцiи и т. д.), но въ особенно большомъ количествѣ они попадаются въ Южной Россiи (въ Грузiи около Мцхета, въ древнихъ могилахъ Осетiи, около Керчи, Херсонеса, Севастополя, отдѣльные черепа — около Ростова на Дону, на р. Салѣ, за Волгой, близъ Самары и т. д.). Всѣ эти находки, сдѣланныя на почвѣ Евр. Россiи, на Кавказѣ и въ Зап. Европѣ, описаны въ статьѣ Д. Н. Анучина „О древнихъ искуственно-деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ Россiи“ (въ „Трудахъ“ Общ. любит. естествознанiя) и въ добавочной статьѣ его же въ I т. „Трудовъ“ послѣдняго конгресса по доисторической археологiи въ Москвѣ, которыми и пользовался референтъ. Какъ историкъ, онъ заинтересовался однако, по преимуществу,

вопросомъ, какому народу могъ принадлежать этотъ обычай искусственнаго деформированія головы. Первый авторъ, описавшій нѣсколько крымскихъ деформированныхъ череповъ, найденныхъ въ Керчи, Дюбуа де-Монпере, приписывалъ ихъ Киммерійцамъ, населявшимъ югъ теперешней Россіи ранѣе Скиѳовъ; Бэръ признавалъ наиболѣе вѣроятнымъ принадлежность ихъ древнимъ Аварамъ, Люценко — Аспургамъ, Ленгоссекъ — Гуннамъ. Англійскій ученый Девисъ и Д. Н. Анучинъ, принимая во вниманіе разнообразіе мѣстностей, въ котырыхъ найдены черепа, и эпохъ, къ которымъ они относятся: съ одной стороны, столѣтій за 5 до Р. Х. (въ Закавказьи), съ другой — къ эпохѣ начала среднихъ вѣковъ (III — VIII вв.), выразили мнѣніе, что деформація практиковалась у разныхъ племенъ и (въ виду того, что она встрѣчается лишь на нѣкоторыхъ черепахъ изъ числа многихъ, въ тѣхъ же могильникахъ) была принадлежностью лишь нѣкоторыхъ семействъ. Рѣшая съ своей стороны этотъ вопросъ, докладчикъ, путемъ цѣлаго ряда соображеній, ссылокъ на древнихъ писателей и на новѣйшія изслѣдованія, пришелъ къ заключенію, что деформація была принадлежностью древнихъ Алановъ (одно изъ сарматскихъ племенъ), которые населяли мѣстность между Кавказомъ и Дономъ и нерѣдко высылали отдѣльныя дружины въ Западную Европу, и которые въ послѣднихъ своихъ остаткахъ живутъ въ настоящее время на Кавказѣ, въ лицѣ своихъ потомковъ Осетинъ. Сарматы подъ именемъ Алановъ принимали дѣятельное участіе въ великомъ переселеніи народовъ. Въ это время они проникли въ южную Германію, Южную Францію, сѣверную Италію, въ Испанію, а оттуда вмѣстѣ съ Вандалами даже въ сѣверную Африку. Такимъ образомъ докладчикъ заранѣе допускаетъ возможность нахожденія деформированныхъ череповъ даже въ Испаніи и Алжирѣ. Извѣстіе Прокопія Кессарійскаго, что западные Аланы были племенемъ готскимъ, референтъ понимаетъ такъ, что они входили въ составъ основаннаго Готами государства. Для объясненія находокъ около Константинополя и на азіатскомъ берегу Мраморнаго моря г. Мельгуновъ сослался на византійскихъ историковъ, по свидѣтельству которыхъ Аланы нерѣдко служили въ наемныхъ дружинахъ византійскихъ государей. Съ точки зрѣнія изложенной гипотезы трудно лишь объяснить происхожденіе деформированныхъ череповъ, найденныхъ въ деп. Юры во Франціи. Черепа эти, по опредѣленію проф. Шантра, относятся къ эпохѣ, по крайней мѣрѣ, за 1000 лѣтъ до Р. Х. Но, если даже признать это мнѣніе Шантра за вѣрное (что очень сомнительно), то, по мнѣнію докладчика, и эту находку все-таки можно объяснить: юрскіе черепа могли принадлежать Киммерійцамъ, которые, по свидѣтельству Геродота, жили по сосѣдству съ Сарматами (и, слѣдовательно, могли заимствовать отъ нихъ указанный обычай), но затѣмъ были оттѣснены Скиѳами на западъ. Остатками Киммерійцевъ являются, по предположенію докладчика, крымскіе Тавры, въ области которыхъ также находятъ во множествѣ макрокефалическіе черепа. Присутствовавшій въ засѣданіи проф. Д. Н. Анучинъ призналъ доводы докладчика весьма интересными и заслуживающими вниманія, хотя и недоста-

точно выясняющими существованіе этого обычая въ болѣе древнюю пору въ Закавказьи и согласился съ нимъ, что вѣрность опредѣленія Шантра относительно юрскихъ череповъ подвержена большому сомнѣнію (Русск. Вѣд., № 22, 1893 г.).

— Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности, 27-го ноября, 1892 г. П. А. Сырку сдѣлалъ докладъ объ одномъ неизвѣстномъ доселѣ сербскомъ сочиненіи, написанномъ въ Россіи въ концѣ XVII вѣка и посвященномъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, по порученію которой, какъ полагаетъ референтъ, и написана самая книга. Авторъ ея, діаконъ Аѳанасій, находился сначала въ турецкомъ плѣну и по прибытіи въ Россію написалъ книгу о запустѣніи сербской земли въ XVII вѣкѣ; Сербія испытала въ это время тройное бѣдствіе—отъ мора, голода и Нѣмцевъ. Плачъ его о гибели отечества, напоминающій плачъ Іереміи, задушевенъ и трогателенъ. Вслѣдъ затѣмъ Хр. М. Лопаревъ сдѣлалъ докладъ о неизданномъ доселѣ памятникѣ русской литературы XII вѣка, отрывки изъ котораго были напечатаны Погодинымъ: это похвальное слово на перенесеніе мощей свв. Бориса и Глѣба, любопытное своимъ историческимъ анекдотомъ о черниговскомъ князѣ Давидѣ Святославичѣ, неизвѣстнымъ по лѣтописямъ. Наконецъ секретарь Общества доложилъ о принесеніи А. Д. Способинымъ, чрезъ посредство П. Д. Ахлестышева, въ даръ музею нѣсколькихъ рукописей, изъ которыхъ одна XVIII вѣка, на нѣмецкомъ языкѣ, содержитъ въ себѣ подлинный дневникъ одного атташе при посольствѣ Шувалова, а также 50 экземпляровъ шестой книги „Рода Шереметевыхъ" А. П. Барсукова. Кромѣ того проф. Римскаго университета графъ Анжело-ди-Губернатисъ прислалъ составленный по его инициативѣ роскошный Albo di onoranze internazionali a Cristoforo Colombo, въ которомъ собраны автографы всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ Генуэзскомъ юбилѣе Колумба (Нов. Вр. № 6020, 1892 г.).

— 1-го декабря, 1892 г., состоялось общее собраніе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Бычкова. Памяти скончавшихся членовъ Общества Н. М. Благовѣщенсккго и Л. К. Ивановскаго, были посвящены рѣчи Н. В. Помяловскаго и графа А. А. Бобринскаго. Въ почетные члены Общества избраны: высокопреосвященный Макарій и Я. К. Гротъ. Въ томъ же засѣданіи Ѳ. А. Браунъ прочиталъ рефератъ „о теоріяхъ бронзовой и желѣзной культуръ". Докладчикъ представилъ разборъ теорій по этому предмету, распространенныхъ въ настоящее время главнымъ образомъ среди скандинавскихъ ученыхъ, критикуя ихъ преимущественно съ точки зрѣнія лингвистической и оспаривая доказательность утвержденій, что между каменной и желѣзной культурой была самостоятельная бронзовая культура. Докладъ Ѳ. А. Брауна вызвалъ оживленныя пренія, въ которыхъ приняли участіе князь П. А. Путятинъ, графъ А. А. Бобринской, Е. Е. Замысловскій, А. И. Соболевскій и А. С. Лаппо-Дани-

левскій, который въ своихъ возраженіяхъ представилъ обзоръ русской археологической литературы по вопросу о бронзовыхъ вещахъ, о чемъ въ свое время высказались такіе компетентные ученые, какъ Бэръ и Котляревскій (Нов. Вр. № 6023, 1892 г.).

9-го декабря 1892 г. въ засѣданіи славяно-русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. А. Бобринскаго, сдѣланы были сообщенія В. Г. Дружининымъ, А. И. Соболевскимъ и Е. Е. Замысловскимъ. Первый изъ докладчиковъ представилъ отчетъ о произведенной имъ раскопкѣ костеноснаго городища въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. Въ городищѣ этомъ, расположенномъ на берегу озера, раскопкой обнаружено какъ большое количество костей различныхъ животныхъ, такъ и сдѣланныхъ изъ этой кости предметовъ, а равно и каменныя орудія, служившія для шлифовки этихъ вещей; кромѣ того, нѣсколько ножей, стрѣлъ и проч., а также черепки большихъ глиняныхъ сосудовъ, украшенныхъ разнообразнымъ орнаментомъ. Тутъ же сохранились слѣды первыхъ попытокъ добыванія желѣза: яма, выложенная глиной, для плавленія руды и многочисленные куски шлака съ чрезмѣрно значительнымъ процентнымъ содержаніемъ желѣза. А. И. Соболевскій представилъ два доклада: „О вновь открытомъ памятникѣ русскаго письма XI вѣка“ и „О похвалѣ царю Семеону въ Изборникѣ Святослава 1073 г.“. Вновь открытый памятникъ, относящійся къ 1067 году—грамота французскаго короля Филиппа перваго, скрѣпленная подписью его матери—регентши, королевы Анны, дочери Ярослава Мудраго. Подпись эта сдѣлана по-латыни, но буквами славяно-русскаго уставнаго письма, причемъ слова „Anna regina“ начертаны такъ, что звукъ е, въ словѣ regina, выраженъ посредствомъ нашего ъ, обозначающаго твердый глухой гласный звукъ. Докладчикъ, обращая вниманіе на этотъ только что изданный во Франціи памятникъ нашего письма, сохранившійся въ рукописяхъ Парижской національной библіотеки, указалъ на палеографическое значеніе этихъ немногихъ, но несомнѣнно древнихъ письменъ. Въ другомъ своемъ рефератѣ А. И. Соболевскій констатировалъ въ древне-славянской письменности попытку усвоить шестистопный ямбъ, причемъ, съ утратой значенія глухихъ звуковъ, этотъ размѣръ не чувствуется уже позднѣйшими переписчиками, измѣняющими редакцію первоначально стихотворную, какъ это и показалъ докладчикъ на примѣрѣ „Похвалы царю Семеону въ Изборникѣ Святослава“. Е. Е. Замысловскій, обративъ вниманіе отдѣленія на сообщенныя въ мѣстной печати свѣдѣнія о древнихъ урочищахъ въ Бессарабіи (Траяновы валы, курганы и проч.), возбудилъ вопросъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ этомъ краѣ. (Нов. Вр. № 6031, 1892 г.)

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова*.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ 12 разъ въ годъ и составятъ томъ въ 25 листовъ. Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою ТРИ (3) рубля въ годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Историческомъ Музеѣ, на Красной Площади, у Алексѣя Васильевича Орѣшникова ежедневно (кромѣ субботъ и праздниковъ), отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня.

2) Въ антикварной книжной торговлѣ П. П. Шибанова, Москва, Петровскія линіи.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные ТРИ рубля исключительно на имя Московскаго Археологическаго Общества (Москва, Берсеневская набережная, у Каменнаго Моста, собств. домъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности — церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы въ Москву, въ Историческій Музей, на Красной Площади, Алексѣю Васильевичу Орѣшникову.

Археологическiя Извѣстiя и Замѣтки

издаваемыя

Императорскимъ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

под редакцiею

действительнаго члена

А. В. ОРѢШНИКОВА.

№№ 3 и 4

МОСКВА
Типографiя А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскiй пер., № 5.
18[illegible]

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I

Древній серебряный остяцкій идолъ, изображающій слона.

Лѣтомъ 1892-го года я получилъ свѣдѣніе отъ старшаго геолога Геологическаго Комитета, Ѳ. Н. Чернышева, что горный инженеръ, г. Лебедзинскій, производившій геологическія розысканія по восточнымъ склонамъ сѣвернаго Урала, встрѣтилъ тамъ, между прочимъ, у остяковъ, серебрянаго идола, изображающаго слона или мамонта. Заинтересовавшись этимъ извѣстіемъ, я просилъ Ѳ. Н. Чернышева добыть для меня фотографію означеннаго идола (которая была снята г. Лебедзинскимъ), а также собрать вообще болѣе подробныя данныя объ этой находкѣ. Г. Чернышевъ былъ такъ любезенъ, что списался съ г. Лебедзинскимъ, находившимся тогда въ Олонецкой губерніи, и доставилъ мнѣ потомъ какъ фотографію идола, такъ и письмо г. Лебедзинскаго. Изъ этого письма я позволю себѣ выписать все, что относится собственно до найденнаго идола.

„По р. Лёпсіи, впадающей въ р. Сѣверную Большую Сосву, находится одно изъ священныхъ мѣстъ сосвинскихъ остяковъ, охраняемое однимъ изъ нихъ въ качествѣ жреца шамана. Обѣщавъ шаману сохра-

нить въ тайнѣ отъ моихъ товарищей по экспедиціи и рабочихъ мѣстонахожденіе божества-идола, я отправился вмѣстѣ съ нимъ, въ сопровожденіи мальчика остяка, несшаго мой фотографическій аппаратъ. Верстахъ въ трехъ отъ р. Лёпсіи (на лѣвомъ ея берегу), на возвышенномъ мѣстѣ, находится *шамейка*—маленькій амбаръ-домикъ, покоящійся на двухъ столбикахъ, высотою около $1\frac{1}{2}$ сажени. Шамейка эта и служитъ мѣстопребываніемъ „мамонта". Прибывъ на мѣсто, остякъ-шаманъ зажегъ кедровую вѣтку и произвелъ окуриваніе дымомъ шамейки, затѣмъ уже открылъ дверь и вынулъ дощечки, закрывающія входъ въ шамейку. „Мамонтъ" оказался завернутымъ въ разное тряпье, состоящее изъ платковъ шелковыхъ и простыхъ и изъ кусковъ разныхъ матерій, приносимыхъ въ даръ. Затѣмъ „мамонтъ" былъ поставленъ на устроенную мною площадку у шамейки и снята его фотографія; размѣры „мамонта": длина—9 дюймовъ, высота—$7\frac{1}{2}$ дюймовъ. Сдѣланъ онъ, повидимому, изъ серебра, внутри пустой. Я обѣщалъ остяку не трогать мамонта и поэтому не могъ отломать кусочка для пробы. По словамъ остяка, мамонтъ былъ наполненъ деньгами—серебромъ, но деньги были взяты въ тяжелыя минуты.

На мой вопросъ, откуда и какъ былъ найденъ и добытъ „мамонтъ", остякъ мнѣ отвѣтилъ нижеслѣдующее.

„Мамонтъ" былъ найденъ такъ давно, что „отецъ моего отеца отецъ не помнилъ" (подлинныя слова остяка). Остякъ какой-то отправился на охоту, долго ходилъ, наконецъ напалъ на слѣды звѣря (дѣло было зимою); идя по слѣдамъ, онъ все не могъ его настичь, хотя по временамъ видѣлъ „настоящаго большаго звѣря", такого же, какъ „мамонтъ". Наконецъ, слѣдъ пропалъ и, послѣ долгихъ поисковъ, остякъ нашелъ въ снѣгу „мамонта" металлическаго, который былъ настолько тяжелъ, будто-бы, что онъ одинъ поднять его не могъ. Онъ сообщилъ товарищамъ, „мамонта" подняли и помѣстили въ шамейку. Ни мѣста нахожденія этой первой шамейки, ни—„мамонта" мой остякъ-шаманъ не могъ указать, за незнаніемъ; сказалъ лишь, что теперешнее мѣстопребываніе его не первичное. Я предлагалъ остяку 100 руб., желая взять у него мамонта, но онъ не согласился. На мой вопросъ, какъ называется по остяцки означенный „мамонтъ", онъ привелъ два названія, одно—*яны-уй* (большой звѣрь), другаго въ настоящую минуту не припомню. Вотъ все, что могу сообщить о видѣнномъ мною „мамонтѣ".

Таковы свѣдѣнія, доставленныя г. Лебедзинскимъ. По словамъ Н. Л. Гондатти, по большой Сосвѣ и ея притокамъ живутъ собственно не остяки, а вогулы, или, какъ они сами себя называютъ, маньзы,

хотя, впрочемъ, и вогулы, и остяки, въ сущности, одинъ народъ, и говорятъ однимъ языкомъ.

На переданной мнѣ г. Чернышевымъ фотографіи (см. рис. 8) видно, что описанный идолъ-мамонтъ представляетъ статуэтку слона, и именно азіатскаго, индійскаго слона, какъ это можно заключить на основаніи всей фигуры животнаго, его спины, затылка, величины и формы ушей, бивней и т. д. Относительно размѣровъ статуэтки, жаль, что г. Лебедзинскій не пояснилъ, какъ онъ бралъ свои измѣренія, т. е. наибольшую ли высоту (отъ затылка) и наибольшую длину (т. е. отъ

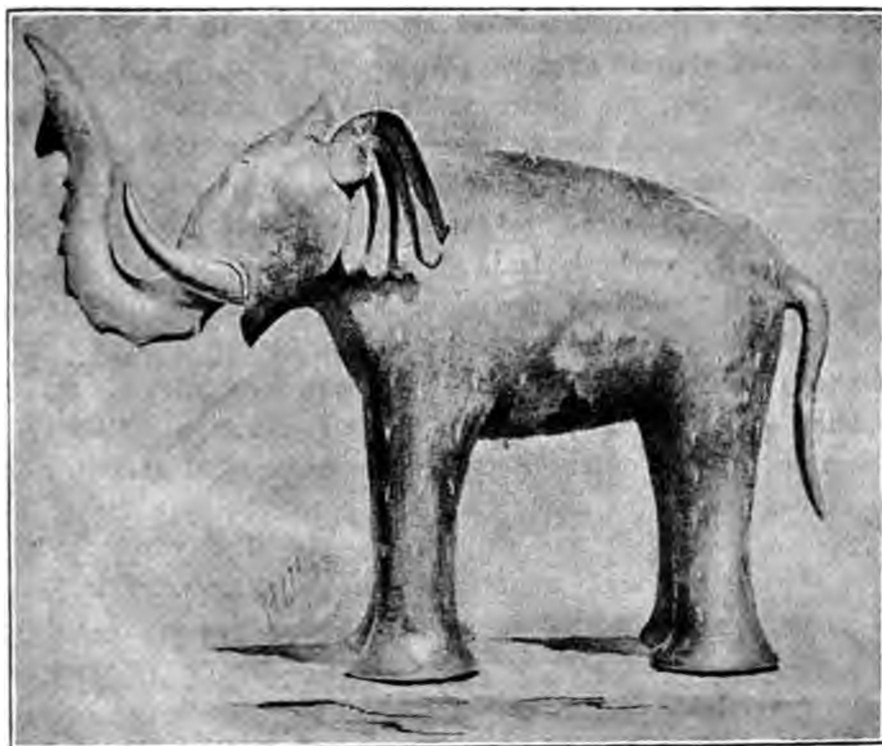

Рис. 8. Остяцкій идолъ.

конца хобота до хвоста), или какъ иначе. Статуэтка сдѣлана вообще довольно реально, хотя копыта ногъ не выражены, хоботъ нѣсколько толстъ, хвостъ тоже и въ особенности уши не натуральны: они начинаются наверху завиткомъ и затѣмъ спускаются внизъ какъ бы пятью сросшимися продольными пластинками, округленными или треугольно-заостренными на концахъ. Можетъ быть, этимъ имѣлось въ виду передать складки уха, но онѣ вышли слишкомъ неестественными и шаблонными, или же эти пять пластинокъ слѣдуетъ понимать, какъ пять

искусственныхъ надрѣзовъ уха; на фотографіи, между двумя пластинками (3-ей и 4-ой), видѣнъ, дѣйствительно, просвѣтъ, который какъ бы указываетъ на подобное раздѣленіе уха на лопасти. Интересно, что на одномъ, т. наз. Сассанидскомъ, серебряномъ блюдѣ (точнѣе дискѣ или бляхѣ) въ Императорскомъ Эрмитажѣ, изображающемъ прирученнаго слона, покрытаго попоной и съ башенкой на спинѣ, въ которой сидятъ два воина съ копьями (на шеѣ слона сидитъ еще поводырь—корнакъ, съ крюкомъ), ухо животнаго (изображеннаго вообще довольно вѣрно) также передано не натурально. Оно изображено здѣсь въ видѣ лежащаго вдоль шеи слона треугольника, подраздѣленнаго пятью ребрами (напоминающаго до нѣкоторой степени видъ ступни плавающей птицы, съ пальцами, соединенными перепонками). Въ описаніи этого блюда въ 3-мъ выпускѣ „Русскихъ Древностей", изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, по поводу уха слона замѣчено (стр. 89): „ухо обрѣзалось у боевыхъ слоновъ, чтобы уменьшить шансы пораненія этой сравнительно нѣжной и большой части тѣла". Но если здѣсь ухо и представлено подрѣзаннымъ, то немного, такъ какъ большая часть его все-таки осталась; что̀ требовало бы поясненія, такъ это форма его, именно присутствіе на немъ пяти продольныхъ возвышеній. Повидимому, здѣсь имѣлось въ виду передать складки уха, только сдѣланы онѣ неестественно, схематично и шаблонно. Можетъ быть, однако, уши прирученныхъ слоновъ подвергались въ Индіи (вообще въ странахъ, гдѣ пользовались прирученными слонами) искусственному надрѣзанію въ цѣляхъ ихъ украшенія (въ родѣ того, какъ и теперь, напр., обрубается часть хвоста у лошадей или подрѣзаются хвосты и уши у собакъ). Хвостъ у слона (на дискѣ) представленъ также неестественнымъ, слишкомъ длиннымъ и раздвоеннымъ на концѣ, если только не слѣдуетъ видѣть здѣсь нѣчто въ родѣ чехла, надѣтаго на хвостъ для украшенія, подобно тому, какъ и подъ шеей у этого слона привѣшена кисть.

Но у остяцкаго слона - идола хвостъ представленъ естественнаго вида и длины, только нѣсколько утолщеннымъ и безъ покрывающихъ его волосъ. Наоборотъ, рѣдкіе волоса намѣчены на туловищѣ и ногахъ животнаго въ видѣ небольшихъ отдѣльныхъ пучечковъ, размѣщенныхъ семью рядами вдоль туловища и двумя - тремя рядами вдоль ногъ. На брюхѣ слона видно довольно большое отверстіе, (изъ него, очевидно и выбирали деньги, если разсказъ остяка-шамана вѣренъ). Стоящій слонъ представленъ въ просящей или ожидающей позѣ: хоботъ его поднятъ кверху и широко раскрытъ на концѣ (нижній контуръ хобота съ рядомъ какихъ-то выступовъ); ротъ тоже открытъ, уши нѣсколько оттопырены. Въ ногахъ, однако, не выражено никакого движенія; онѣ

представлены просто круглыми столбами съ расширеніями внизу, на мѣстѣ ступней.

Нахожденіе подобной статуэтки слона въ качествѣ идола у остяковъ-вогуловъ представляетъ фактъ довольно интересный, и во всякомъ случаѣ—исключительный. Извѣстно, что у остяковъ встрѣчаются священныя изображенія лебедя, лошади, медвѣдя, но изображеніе слона до сихъ поръ не было находимо. Очевидно, что такая статуэтка могла попасть къ нимъ только отъ другаго народа, болѣе искуснаго въ серебряномъ дѣлѣ и знакомомъ съ слономъ не по наслышкѣ. Въ настоящее время вогулы и остяки добываютъ изображенія лошадей и лебедей, также какъ требуемыя для ихъ святилищъ серебряныя тарелочки — отъ русскихъ, заказывая ихъ даже нарочно, чрезъ посредство знакомыхъ купцовъ. Судя по нѣкоторымъ находкамъ Н. Л. Гондатти въ старинныхъ вогульскихъ могилахъ, такое пріобрѣтеніе металлическихъ издѣлій отъ русскихъ (напр., шпагъ, медальоновъ, рѣзныхъ кружковъ съ изображеніями лошадей и лебедей, мѣдныхъ яндовъ и т. д.) практиковалось вогулами и ранѣе, въ первой половинѣ XVIII и въ XVII вѣкѣ, и, такъ какъ по словамъ показывавшаго этого идола г. Лебедзинскому остяка, идолъ этотъ былъ найденъ такъ давно, что о времени находки не помнилъ ничего даже его прадѣдъ, то слѣдовательно, идолу этому надо положить по меньшей мѣрѣ около 150—200 лѣтъ. Но возможно ли было пріобрѣтеніе подобной статуэтки въ началѣ XVIII-го или концѣ XVII-го вѣка отъ русскихъ купцовъ? Сомнительно. Во первыхъ, мало вѣроятно, чтобы русскіе мастера того времени могли выполнить подобное изображеніе (хотя, положимъ, первый слонъ былъ приведенъ въ Москву еще при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, такъ что съ этого времени русскіе люди могли уже наблюдать слона въ натурѣ), а во вторыхъ, если бы подобное произведеніе искусства и было выполнено какимъ нибудь искуснымъ русскимъ мастеромъ, то весьма невѣроятно, чтобы оно могло попасть къ остякамъ. Притомъ у остяковъ сохранилось преданіе, что статуэтка эта была найдена, т. е. досталась имъ въ видѣ клада,— разсказъ, который не можетъ быть признанъ невѣроятнымъ, такъ какъ мы знаемъ, что въ Приуральѣ, какъ по сю, такъ и по ту сторону Урала, было найдено въ землѣ множество древнихъ серебряныхъ вещей,—блюдъ, кувшиновъ, бляхъ и т. д. Но если допустить фактъ нахожденія статуэтки, то по аналогіи придется заключить, что древность ея гораздо болѣе значительна и соотвѣтствуетъ эпохѣ, въ продолженіе которой особенно обильно доставлялись въ Приуралье серебряныя художественныя издѣлья, именно времени не позже X в. Такое заключеніе однако, требовало бы болѣе прямыхъ и убѣдительныхъ доказательствъ,

которыми мы не располагаемъ. Во первыхъ, между восточными (сассанидскими) древностями, найденными по настоящее время въ Приуральѣ, неизвѣстно ни одного, несомнѣнно относящагося къ указанной эпохѣ, изображенія слона. Въ числѣ древностей Эрмитажа находятся, правда, два диска, щита или большія круглыя выпуклыя бляхи (7—8 вершковъ въ діаметрѣ) съ изображеніемъ боевыхъ слоновъ, признаваемыя за сассанидскія и найденныя, будто бы, въ Сибири, но по словамъ г. хранителя Эрмитажа Г. Е. Кизерицкаго, о мѣстѣ нахожденія этихъ бляхъ ничего положительнаго неизвѣстно, и, по его мнѣнію, судя по работѣ и стилю, онѣ происходятъ скорѣе изъ Южной Россіи [1]). Я. И. Смирновъ обратилъ мое вниманіе еще на одинъ предметъ, хранящійся въ Эрмитажѣ (подъ № 1094) именно на металлическую бронзовую (?) пустую внутри, статуэтку слона, хранящуюся въ шкафу „сибирскихъ вещей", мѣста находокъ которыхъ точно неизвѣстны и которыя былиприсланы еще при Петрѣ I въ бывшую кунсткамеру. Статуэтка эта высотою вершка три, длиной около четырехъ, шириной около двухъ. „Спина слона вся сломана, ноги поставлены вертикально, кромѣ правой передней, выставленной нѣсколько впередъ; туловище толстое и широкое. Бивни были вставлены особо и потому отсутствуютъ. Хоботъ опущенъ вертикально внизъ и лишь конецъ его загнутъ вверхъ. Голова очень широкая съ плоскимъ лбомъ. Она, повидимому, покрыта матерчатымъ чапракомъ, судя по узорамъ, кажется позолоченнымъ, вырѣзаннымъ на лбу. Узоры

---

1) Одна изъ этихъ бляхъ или щитовъ изображена въ III вып. „Русскихъ Древностей", гр. Толстаго и Кондакова, на стр. 88. По свѣдѣніямъ, любезно сообщеннымъ мнѣ, чрезъ посредство А. В. Орѣшникова, Я. И. Смирновымъ, спеціально занимающимся изученіемъ найденныхъ въ Россіи сассанидскихъ древностей, такихъ бляхъ въ Эрмитажѣ двѣ и украшены онѣ почти одинаковымъ изображеніемъ, обращеннымъ лишь въ разныя стороны. На боевомъ слонѣ, покрытомъ узорчатой попоной, поставлена башенка, изъ-за стѣнъ которой выглядываютъ два воина; на шеѣ слона сидитъ корнакъ (погонщикъ) съ крюкомъ. Отличіе одного изображенія состоитъ только въ томъ, что передняя фигура воина выдается изъ-за стѣны башни больше, чѣмъ на бляхѣ, изображенной въ „Русскихъ Древностяхъ", и кромѣ головы, видна еще верхняя часть одежды, косая пола, запахнутая слѣва направо. Шлемы воиновъ на той и другой бляхѣ также сходны, равно какъ и головной уборъ погонщика, который, впрочемъ, сдѣланъ неясно: какъ будто повязка съ круглымъ щитомъ или бляхой надъ лбомъ, что напоминаетъ, по словамъ г. Смирнова, уборы на нѣкоторыхъ древне-индійскихъ рельефахъ. Вообще, по мнѣнію г. Смирнова, эти бляхи могутъ быть признаны, всего вѣроятнѣе, за бактріанскія произведенія, чѣмъ можно объяснить и явно-античныя черты въ этомъ изображеніи индійскаго боеваго слона. Такіе слоны бывали и въ самой Бактріанѣ; такъ царь Евѳидемъ былъ принужденъ выдать своихъ боевыхъ слоновъ Антіоху. Въ Эрмитажѣ имѣется еще пара подобныхъ большихъ бляхъ или щитовъ съ изображеніемъ драконовъ, и напоминаетъ еще эти послѣднія - пара серебряныхъ „щитовъ" Тифлисскаго музея, изъ ст. Успенской. Что касается означенныхъ двухъ бляхъ съ изображеніемъ слоновъ (№ 954), то онѣ выпуклы (около вершка) и—замѣчаетъ г. Смирновъ - „судя по внѣшнему виду и по рисунку обратной стороны на гравюрахъ, изготовленныхъ въ прошломъ вѣкѣ для изданія Monumenta Sibiriae, задуманнаго Академіей Наукъ, - имѣютъ сзади три петли

образуются на срединѣ лба сложнымъ плетеніемъ, которое спускается внизъ и кончается широкой полосой въ видѣ кистей (?); нѣсколько ниже ихъ, надъ бивнями, какъ бы бордюръ, окаймляющій край чапрака. Ротъ слона обозначенъ небольшимъ уступомъ. Уши имѣютъ видъ вертикальныхъ узкихъ выступовъ; реальнаго изображенія ихъ, впрочемъ, нельзя и требовать, если голова покрыта чапракомъ. На шеѣ слона круглое отверстіе, окаймленное небольшимъ выступомъ, большій діаметръ котораго направленъ поперекъ шеи; отъ этого ободка на обѣ стороны свисаютъ ноги погонщика, сдѣланныя въ плоскомъ рельефѣ; концы ногъ доходятъ до нижняго края ушей. Очевидно, фигура самого погонщика служила крышкою этого отверстія. Спина слона, какъ сказано, не уцѣлѣла". Г. Смирновъ задаетъ вопросъ: „не была ли это лампа? Тогда башня или что иное служила для свѣтильни, а отверстіе на шеѣ, съ крышкой въ видѣ корнака, для подливанія масла. Если

Рис. 9. Статуэтка слона изъ Павлоградскаго у. Екатеринославской губ., хранящаяся въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

для ремней, какъ золотая бляха изъ ст. Сѣверской, въ Моск. Историческомъ Музеѣ, т. е. бляхи эти служили украшеніемъ сбруи (?) и, по большой величинѣ ихъ, едва ли конской (не слоновьей-ли, или не вродѣ ли тѣхъ щитовъ, коими украшена башня слона на Миринской терракоттѣ, см. Daremberg et Saglio, Dict. des Antiq. s. v. Elephas?)". Въ другомъ послѣдующемъ письмѣ г. Смирновъ указалъ еще на одно, впрочемъ мелкое—изображеніе слона на бордюрѣ одного серебрянаго, вѣроятно персидскаго блюда (Отч. Арх. Комм. за 1881 г., атласъ таб. II, рис. 10) и на слѣдующее извѣстіе, перепечатанное въ „Пермскомъ Сборникѣ", кн. II, стр. 42, изъ № 24 „Казанскихъ Извѣстій" за 1812 г., изъ статьи Н. С. Попова: „Нѣчто, относящееся къ древностямъ Пермской губерніи". „Въ 1810 г. видѣлъ я въ одномъ домѣ большую серебряную стопу, найденную въ окрестностяхъ Чердыни, на которой снаружи изображены выпуклою работой (отливкой и чеканомъ) разныя животныя странъ южныхъ, какъ-то: слонъ, строфокамилъ съ сидящимъ на шеѣ человѣкомъ, что весьма любопытно, крокодилъ, тигръ и другія, въ томъ числѣ и лягушки. По всему видно, что сосудъ сей не европейскаго вкуса и искусства, но индѣйскаго или азіатскаго народа". По поводу этого извѣстія г. Смирновъ замѣчаетъ, что среди извѣстныхъ сосудовъ такой „стопы" съ рельефами снаружи нѣтъ, и сохранилась ли она гдѣ—неизвѣстно. Нельзя также сказать съ увѣренностью, была ли эта „стопа" персидской или античной работы. Вопросъ въ томъ, что разумѣлъ Поповъ подъ строфокамиломъ? Если—страуса, то таковой въ соединеніи съ крокодиломъ и сидящимъ на страусѣ человѣкомъ, вѣроятно геніемъ, указываетъ на александрійскую работу. Но если строфокамилъ фантастическое животное, въ родѣ того какъ на Строгановскомъ кувшинѣ („Русск. Древн." III, стр. 91, рис. 96),—полуверблюдъ-полуптица, то это явно персидское чудовище, и человѣкъ явится возносящимся на небо, и окажутся аналогіи съ сказочной птицей Рохомъ (см. напр. изображенія на золотыхъ сосудахъ клада изъ Nagy Szent Miklos). Но это мало вѣроятно.

такъ, то эта статуэтка представляетъ аналогію бронзовымъ, античнымъ повидимому лампамъ въ видѣ всадниковъ, найденнымъ также гдѣ то въ Сибири въ началѣ прошлаго вѣка и изданнымъ Montfaucon'омъ въ V томѣ „Supplements de l'Antiquité expliquée". Г. Смирновъ обратилъ мое вниманіе еще на то, что въ числѣ терракоттъ, доставленныхъ въ Эрмитажъ Н. И. Веселовскимъ изъ раскопокъ въ Афросіабѣ (близъ Самарканда), есть также поломанная фигурка слона съ сидящимъ на ней верхомъ всадникомъ, но довольно грубой работы.

Получивъ означенныя свѣдѣнія отъ Я. И. Смирнова (которому приношу за нихъ глубокую благодарность), я обратился къ Г. Е. Кизерицкому съ просьбой сообщить мнѣ, если окажется возможнымъ, болѣе точное свѣдѣніе о мѣстѣ находки статуэтки слона № 1094 и рисунокъ ея. Г. Кизерицкій былъ такъ внимателенъ и любезенъ, что немедленно же выслалъ мнѣ рисунокъ этой статуэтки изъ приготовляемаго имъ къ изданію каталога Эрмитажа (рисунокъ этотъ, № 9, мы здѣсь воспроизводимъ) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщилъ, что статуэтка эта была найдена въ 1865 г., въ полѣ, въ трехъ верстахъ отъ деревни Знаменки, на правой сторонѣ балки Гнилуши, въ Павлоградскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи. На дальнѣйшіе мои запросы г. Кизерицкій отвѣтилъ мнѣ, что изображеній слоновъ между древними предметами изъ Сибири ему неизвѣстно и, во всякомъ случаѣ, въ Эрмитажѣ, кромѣ указанныхъ выше двухъ серебряныхъ щитовъ и только что описанной статуэтки изъ южной Россіи, никакихъ другихъ изображеній слоновъ не имѣется [2]).

Такимъ образомъ, никакой аналогіи къ описываемому серебряному идолу, въ числѣ сассанидскихъ вещей, найденныхъ въ Сибири или Приуральѣ, не оказывается. Тѣмъ не менѣе, самый сюжетъ изображенія уже указываетъ на страны южной Азіи, на Индію, или, по крайней мѣрѣ, на область Передней Азіи, гдѣ прирученные слоны были также извѣстны, и откуда они попадали въ качествѣ военныхъ трофеевъ и въ Египетъ [3]).

---

[2]) А. В. Орѣшниковъ обратилъ мое вниманіе на то, что петельный узоръ на лбу только что описанной статуэтки слона напоминаетъ татарскія тамги XIV в. (напр. на монетахъ Дмитрія Донскаго, Василія Дмитріевича и др.). По словамъ И. Е. Забѣлина такой же узоръ, по всей вѣроятности итальянскаго происхожденія, былъ извѣстенъ и русскимъ въ XVII ст.; онъ называется въ описяхъ „кафимскимъ узломъ", очевидно отъ Кафы—въ Крыму.

[3]) Г. Смирновъ сообщаетъ мнѣ, что спеціально сассанидскихъ изображеній слоновъ, кромѣ извѣстныхъ рельефовъ охоты въ Тахтъ-и-Бостанѣ, на одномъ рельефѣ въ Шапурѣ и на одномъ рѣзномъ камнѣ (у Horn и Steindorf, Sassan. Siegelsteine № 1322, см. „König. Museen zu Berlin. Mitt. aus den Orient-sammlungen. H. IV) ему неизвѣстно. Прирученные слоны изображены на нѣкоторыхъ ассирійскихъ и египетскихъ монументахъ. Въ недавно вышедшемъ изданіи Martin, L'Age de Bronze au Musée de Minoussinsk. 1893, на табл. 27, № 12, находится изображеніе мѣднаго зеркала, вѣроятно китайской работы, съ кольцемъ или ручкой, представляющемъ слона: „L'anneau est remplacé par un petit éléphant fondu du même jet que le miroir".

Извѣстно, что слонъ играетъ немаловажную роль какъ въ браминской, такъ и въ буддійской миѳологіи, и изображенія его встрѣчаются въ числѣ предметовъ культа этихъ религій. Такъ, напр., у буддистовъ, даже въ Монголіи и Забайкальѣ, гдѣ никто живаго слона не видалъ, употребляется большое чучело этого животнаго при одномъ религіозномъ празднествѣ, т. наз. круговращеніи Майдари, когда этотъ бурханъ везется кругомъ монастыря въ колесницѣ, запраженной чучеломъ бѣлаго или зеленаго слона (или зеленой лошади). На престолѣ, въ буддійскихъ храмахъ, въ числѣ необходимыхъ священныхъ принадлежностей, помѣщается, между прочимъ, всегда статуэтка слона (монгол. „занъ эрдені), у котораго на спинѣ водружено восьмирадіусное „хурдэ", т. е. кругъ—символъ совершенства и молитвы [4]). Что буддійскіе идолы иногда заносились въ Приуралье, доказываетъ находка бронзоваго бурхана, найденнаго около Троицка, Оренбургской губ. и описаннаго (съ приложеніемъ фотографіи) въ „Запискахъ Уральскаго Общества Любителей Естествознанія". Т. VII, в. 4, 1884 г.

Впрочемъ, изображенія слоновъ (изъ кости, дерева, камня, металла) вообще весьма обыкновенны въ Индіи (и на Цейлонѣ), какъ на историческихъ памятникахъ, такъ и просто въ качествѣ украшеній [5]), и, судя потому, что описываемая статуэтка лишена всякихъ атрибутовъ, которые бы указывали на какой-либо особый священный ея характеръ, вѣрнѣе думать, что она первоначально не имѣла религіознаго назначенія, а просто была художественнымъ воспроизведеніемъ слона и притомъ (судя по надрѣзаннымъ ушамъ, просящему хоботу и рту)—слона прирученнаго. Гдѣ именно она была сдѣлана и откуда попала въ Приуралье, рѣшить едва-ли возможно, но все заставляетъ полагать, что она была занесена сюда съ юга, изъ Персіи или Бактріи, и, по всей вѣроятности, еще въ ту эпоху, когда сношенія съ этими странами и доставленіе оттуда серебряныхъ художественныхъ издѣлій было болѣе обычно. Впослѣдствіи она могла (можетъ быть и съ серебряными монетами) попасть въ землю, гдѣ и была, вѣроятно, найдена остяками.

Д. Анучинъ.

---

[4]) *Позднѣевъ*, Очерки быта буддійскихъ монастырей въ Монголіи. Спб. 1887, стр. 88, 387.

[5]) Многія изображенія слоновъ на древнѣйшихъ индійскихъ памятникахъ находятся, по словамъ г. Смирнова, въ разныхъ томахъ Archeological Survey of India, Cunningham'a и въ книгахъ Rajendralala Mitra: Buddha-Saga и—Antiquities of Orissa.

II

Гермесъ Праксителя на монетѣ Анхіала.

Глубокій интересъ, съ которымъ встрѣчена была повсюду находка Гермеса Праксителя въ Олимпіи,*) объясняется, безспорно, —не говоря уже о высокомъ достоинствѣ группы, —тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь чуть ли не впервые мы встрѣтились не съ копіей, но съ оригиналомъ великаго художника Греціи, и притомъ оригиналомъ, хорошо засвидѣтельствованнымъ [1]) и дошедшимъ до нашего времени въ настолько хорошей сохранности, что на немъ можно прослѣдить манеру работать художника, признаваемыя имъ для себя обязательными пропорціи тѣла, способъ отдѣлки имъ нагой поверхности его и т. п. Отравляла общую радость только потеря правой руки Гермеса, недававшая возможности сразу объяснить мотивъ поднятаго положенія этой руки и затемнявшая, такимъ образомъ, смыслъ композиціи; чувствовалась утрата и лѣвой руки малютки Діониса, непозволявшая и съ этой стороны рѣшительно заключать о находившемся въ рукахъ Гермеса аттрибутѣ; смущали археологовъ и менѣе важные въ глазахъ любителей дефекты [2]), имѣвшіе, однако, существенный интересъ для научнаго изученія группы. Значеніе этихъ утраченныхъ частей ея выяснилось лучше всего и для публики при

Рис. 10

---

*) Для того, чтобы дать возможность читателю удобнѣе слѣдить за нижеслѣдующими соображеніями А. Н. Шварца, прилагается при семъ уменьшенная копія (рис. 10) сохранившихся частей группы Праксителя по сочиненію Ad. Boetticher, Olympia, 2 Aufl. 1886. *Ред.*

[1]) Разумѣется извѣстное мѣсто Павсанія V, 17, 3: *χρόνῳ δὲ ὕστερον καὶ ἄλλα ἀνέθεσαν ἐς τὸ Ἡραῖον, Ἑρμῆν λίθου, Διόνυσον δὲ φέρει νήπιον, τ έ χ ν η δ έ ἐ σ τ ι Π ρ α ξ ι τ έ λ ο υ ς,* на счетъ смысла котораго, кажется, достигнуто полное соглашеніе.

[2]) Наиболѣе полно все сохранившееся изображено на фотографіи, приложенной къ соч. Овербека, Geschichte der griech. Plastik, III[3] Titelblatt. О неудачномъ изображеніи группы на всѣхъ ксило- лиѳо- и фотографіяхъ говоритъ справедливо S. Reinach Rev. Arch. tome XI (1888), p. 1; изданная имъ, однако, геліогравюра тоже далека отъ совершенства.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°

II.

[illegible] Праксителя на монетѣ Анкiалъ.

[illegible] встрѣчена была повсюду находка [illegible] ¹) объясняется, безспорно, — не говоря уже [illegible] группы, — тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь [illegible] не съ копiей, но съ оригиналомъ [illegible] художника Грецiи, и притомъ оригиналомъ, хорошо засвидѣтельствованнымъ ²) и [illegible] до нашего времени въ настолько [illegible] сохранности, что на немъ можно прослѣдить манеру работать художника, признаваемыя имъ для себя обязательными пропорцiи тѣла, способъ отдѣлки имъ нагой поверхности его и т. п. Отравлала общую радость только потеря правой руки Гермеса, недававшая возможности сразу объяснить мотивъ поднятаго положенiя этой руки и затемнявшая, такимъ образомъ, смыслъ композицiи; чувствовалась утрата и лѣвой руки малютки Дiониса, непозволявшая и съ этой стороны рѣшительно заключать о находившемся въ рукахъ Гермеса аттрибутѣ; смущали археологовъ и менѣе важные въ глазахъ любителей дефекты ³), имѣвшiе, [illegible] существенный интересъ для научнаго изученiя группы. Значенiе [illegible] утраченныхъ частей ея выяснилось лучше всего и для публики при

¹) [illegible] читателю удобнѣе слѣдить за нижеслѣдующими [illegible] прилагается при семъ уменьшенная копiя (рис. 10) [illegible] по сочиненiю Ad. Boetticher, Olympia, 2 Aufl. 1886 [illegible]

²) [illegible] мѣсто Павсанiя V, 17, 3: χρόνῳ δὲ ὕστερον καὶ ἄλλα [illegible] Διόνυσον δὲ φέρει νήπιον, τέχνη δέ ἐστι Πραξι[illegible] [illegible] полное согласiе.

³) [illegible] сохранившееся изображенiе на фотографiи, [illegible] der griech. Plastik, III³ Titelblatt. О неудачныхъ изображенiяхъ [illegible] говоритъ справедливо S. [illegible] XI (1888), p. 1; [illegible] одною, геliогравюра тоже [illegible]

I.

Æ

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко. въ Москв.

послѣдовавшихъ съ теченіемъ времени попыткахъ реставраціи этого произведенія, предпринятой одновременно нѣсколькими новѣйшими скульпторами (Шверцекомъ, Шаперомъ и др.) [3]; историки искусства сознавали его уже съ самаго начала и, конечно, употребляли съ своей стороны всѣ усилія, чтобы въ существующихъ копіяхъ и подражаніяхъ найти хоть какія либо указанія для рѣшенія представившейся имъ въ этой группѣ загадки. Небольшія бронзы, терракотты, рисунокъ на ручкѣ серебряной чарки, черепки глиняной посуды съ рельефными украшеніями, монеты, словомъ сказать, всякіе, самые мелкіе остатки древнихъ издѣлій, въ которыхъ по той или другой причинѣ думали найти передачу этого памятника искусства [4]), все изучалось самымъ кропотливымъ образомъ, все принималось въ соображеніе для того, чтобы какъ нибудь выяснить затемненный смыслъ столь важнаго произведенія.

Какъ извѣстно, вполнѣ истолковать его не удалось и до сего времени; безконечные, повидимому, споры все еще ведутся по этому поводу съ прежней настойчивостью и всякій новый памятникъ, поэтому, заключающій въ себѣ какой либо намекъ на возможность хоть подойти къ пониманію группъ, можетъ, мнѣ кажется, попрежнему разсчитывать на интересъ и вниманіе.

Полагаю, что даже бѣглый взглядъ на прилагаемый здѣсь снимокъ (см. табл. I: верхній снимокъ представляетъ обѣ стороны монеты въ натур. величину, нижній увеличенъ вдвое) съ римской монеты императорскаго времени долженъ убѣдить всякаго, знакомаго съ ранѣе опубликованными подражаніями [5]), что изображенному на ней рельефу суждено отнынѣ играть выдающуюся роль въ исторіи вышеозначенныхъ попытокъ истолковать и реставрировать группу.

Монета составляетъ собственность Императорскаго Одесскаго Об-

---

[3]) Реставрація Шапера дана у L. Mitchell, a history of ancient sculpture, 1883, fig. 193; о реставраціи Шверцека см. O. Benndorf) въ послѣсловіи къ статьѣ H. Rollett'а въ Arch. epigr. Mittheil. aus Oesterreich VIII; о происхожденіи реставраціи въ извѣстномъ сочиненіи Laloux et Monceau, Restauration d'Olympie pl. hors texte на стр. 107, мнѣ ничего неизвѣстно.

[4]) Наилучшимъ образомъ всѣ эти остатки собраны и классифицированы въ статьѣ A. H. Smith, The journal of Hellenic Studies, vol. III, p. 81—95, съ изображеніемъ важнѣйшихъ изъ нихъ. Свѣдѣнія объ отысканныхъ впослѣдствіи памятникахъ помѣщены въ 2 статьяхъ Вальдштейна, ibid., p. 96 и 107.

[5]) Изъ ранѣе сдѣлавшихся извѣстными монетъ особенно поучительна монета изъ Филадельфіи, изданная Беннდорфомъ (Vorlegeblätter für arch. Uebungen, Serie A, Wien, 1879), гдѣ въ правой рукѣ Гермеса находится кадуцей. Свободнымъ подражаніемъ можетъ быть признана монета изъ Фенея, описанная у Смита подъ № 2; монеты, описанныя у него подъ № 13 и 14 ничего общаго съ Праксителевскимъ изваяніемъ не имѣютъ (Гермесъ представленъ на нихъ тоже держащимъ младенца, но сидящимъ). Ср. также F. Imhoof-Blumer, Monnaies grecques 1883, p. 173, 174, 339.

щества Исторіи и Древностей, но извлечена она на свѣтъ изъ витринъ Музея означеннаго Общества и дѣлается теперь доступной для изученія лишь благодаря любезности А. Л. Бертье Делагарда, доставившаго ее А. В. Орѣшникову, который и передалъ мнѣ гипсовый слѣпокъ съ монеты для ея опубликованія и разъясненія ея показаній касательно смысла и особенностей группы Праксителя.

Въ нижеслѣдующей замѣткѣ попытаюсь по мѣрѣ силъ исполнить это лестное порученіе.

Препровождая ко мнѣ гипсовый слѣпокъ съ монеты, мой уважаемый другъ даетъ такое нумизматическое ея описаніе:

„Монета изъ свѣтлой бронзы, довольно потертая, чеканена въ Анхіалѣ, на ѳракійскомъ побережьѣ Чернаго моря (*Ἀγχίαλος*, Anchialus). Вѣсъ ея 8,27 гр.; діаметръ 24 — 25 миллиметровъ. На лицевой сторонѣ, вправо, изображенъ задрапированный бюстъ М. Аврелія Цезаря, и, слѣдовательно, монета бита между 139—161 г. по Р. Хр., къ каковому времени относятся и еще нѣкоторыя монеты съ изображенными на нихъ копіями древнихъ произведеній искусства [6]). Круговая надпись видна только слѣва: .... *PHΛIOCOY* .....[7]). На обратной сторонѣ изображенъ Гермесъ, опершійся локтемъ лѣвой руки на колонну и держащій на ней малютку Діониса съ простертой впередъ ручкой; въ правой, согнутой у локтя кверху рукѣ, Гермесъ держитъ какой-то предметъ, неясный для глаза вслѣдствіе потертости монеты. Круговая надпись: *ANXIA..ΩN(=Ἀγχιαλέων*, по нерѣдкой и въ надписяхъ замѣнѣ носоваго *γ* черезъ *ν)*. Кругомъ всего ободокъ изъ точекъ".

Спрашивается, что сообщаетъ эта монета историку искусства?

За то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ *копіей* какого-то художественнаго изображенія, ручается прежде всего помѣщеніе всей группы и въ монетномъ изображеніи на особой, ясно различаемой базѣ [8]).

Что въ данномъ случаѣ представлена копія именно Праксителевой группы Гермеса съ малюткой Діонисомъ, показываетъ сличеніе монеты съ сохранившимися остатками группы.

---

6) Ср., напр., Zeitschrift für Numismatik IX (1882), p. 140 и вообще объ изображеніяхъ художественныхъ произведеній на монетахъ императорскаго времени U. Köhler, Mittheil. des d. arch. Inst. in Athen IV (1881), 4, S. 365.

7) Ch. Merivale, Gesch. der Römer unter dem Kaiserthume, IV, 2, S. 485, anm. 32.

8) Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нумизматовъ Германіи D-r K. Weil (Zeitschrift f. Num. XIII (1885), S. 404) говоритъ: Unter den Kennzeichen, aus welchen zu schliessen ist, dass auf dem Münzbild die Kopie eines aufgestellten Kunstwerkes vorliegt, ist das sicherste, wo das Bildwerk unmittelbar in den architektonischen Rahmen gebracht wird; ein anderes Merkmal bildet die Darstellung der Figur auf einer besonderen Basis—и, кажется, съ нимъ согласны въ этомъ и другіе нумизматы (см. J. P. Six, ibid. vol. XIV (1887), S. 142 и J. v. Schlosser, Wiener Num. Zeitschr. v. 23 (1891), S. 9).

Но, прежде чѣмъ дѣлать на основаніи этой копіи какія либо заключенія касательно утраченныхъ частей группы, надо, конечно, взглянуть и на то, насколько, судя по этому сличенію, можемъ мы вообще довѣрять точности этого, сохранившагося на монетѣ, изображенія ея. Рѣзчики монетъ, какъ извѣстно, не очень стѣсняются при воспроизведеніи своихъ образцовъ отдѣльными подробностями и съ большой свободой передаютъ не только аттрибуты, обстановку и подставки копируемыхъ статуй, но, по необъяснимымъ иногда причинамъ, позволяютъ себѣ даже измѣненія въ позѣ, поворотѣ и пропорціяхъ изображаемой фигуры. Они могутъ, слѣдовательно, ввести въ значительное заблужденіе довѣряющихъ имъ изслѣдователей, коль скоро эти послѣдніе не имѣютъ достаточно матеріала для провѣрки ихъ изображеній.

На этотъ разъ однако наиболѣе твердымъ критеріемъ при сужденіи о вѣрности копіи является самъ, найденный въ Олимпіи, подлинникъ группы Праксителя, хотя я долженъ прибавить, что для правильнаго сужденія о недостаткахъ и достоинствахъ монетнаго изображенія будетъ удобнѣе всего сличать его со снимками группы не en face, но въ томъ положеніи, какъ она представлена, напр., на реставраціи Laloux [9]) и въ каковомъ она, повидимому, находилась и передъ глазами рѣзчика монеты.

Произведенное, такимъ образомъ, сличеніе показываетъ, что и на этотъ разъ рѣзчикъ монеты не затруднился видоизмѣнить второстепенныя детали: онъ замѣнилъ стволъ дерева, на который опирается у Праксителя Гермесъ, колонной, устранилъ не особенно и въ подлинникѣ нужную [10]) драппировку лѣвой руки бога,—только слабые остатки ея могутъ быть, кажется, различаемы внизу тѣла малютки,—отбросилъ безобразный кусокъ мрамора, соединяющій дерево съ ногой Гермеса [11]),

---

9) Русская публика можетъ найти хорошую фототипію съ этой реставраціи, выполненную заведеніемъ К. А. Фишера, въ пересказѣ текста Монсо у К. Мазурина, Олимпія. М. 1892.

10) Конечно. болѣе, чѣмъ стволъ дерева можетъ она считаться *„a sculptor's accessory"*, по выраженію A. S. Murray (The XIX century, 1880, p. 46).

11) Трей и Овербекъ считаютъ даже, что эта перекладина назначалась только для перевозки изъ Аѳинъ въ Олимпію и осталась до позднѣйшаго времени по недосмотру. Овербекъ и называетъ ее „hässlich" (Griech. Plastik III[3], p. 39). Иначе пытается объяснить дѣло Бруннъ (Deutsche Rundschau, Mai 1882, S. 193): художникъ, будто бы, желалъ mit ihrer Hülfe die zwischen Körper und Stamm von oben nach unten klaffende Spalte für das Auge gewissermassen überbrücken. Правильно, однако, говоритъ про всѣ эти подробности Трей (Treu, Hermes mit dem Dionysosknaben, Berlin, 1878, S. 11): das sind eben Nebendinge, die einer untergeordneten Kraft überlassen bleiben mochten. Оттого и работа ихъ не особенно тщательна; оттого и измѣненіе ихъ на монетѣ ничего не говоритъ противъ достоинства копіи. Греки никогда не относились къ такимъ Nebendinge серіозно. Это будутъ именно тѣ lesser discrepancies Смита, which do not affect the main composition (Smith, l. c., p. 87).

наконецъ, согласно съ большинствомъ другихъ копій и затрудняемый, быть можетъ, мѣстомъ, понизилъ и согнутую въ локтѣ правую его руку [12]).

Но съ другой стороны передавъ съ большей вѣрностью верхнюю, сохранившуюся и въ мраморной группѣ, часть торса, поворотъ головы и широкія формы груди, правильно понявъ ритмъ всего движенія и удержавъ неестественно малые размѣры ребенка [13]), онъ показалъ, что въ существенныхъ чертахъ онъ старался, по мѣрѣ силъ и возможности, соблюсти главныя особенности подлинника и не рѣшился отступить отъ нихъ въ угоду вкусамъ болѣе поздней эпохи, въ которую суждено было жить ему [14]).

Эти послѣднія свойства его ремесленной, но добросовѣстной работы позволяютъ, поэтому, съ достаточной долей довѣрія отнестись и къ другимъ подробностямъ, которыя отличаютъ его копію отъ позднѣйшихъ, повидимому, подражаній нашему сюжету.

По крайней мѣрѣ, для главнаго пункта препирательства между археологами по поводу нашей группы, для вопроса объ аттрибутѣ, который слѣдуетъ считать помѣщавшимся въ правой рукѣ Гермеса, свидѣтельство публикуемой теперь монеты можетъ имѣть очень важное значеніе.

Въ настоящее время на этотъ счетъ, собственно говоря, существуютъ два, исключающія другъ друга воззрѣнія: одно изъ нихъ помѣщаетъ въ правую руку бога ѳирсъ [15]), другое—гроздь винограда [16]). Пробовали, правда, влагать въ эту правую руку и какой-либо другой

12) Любопытно, что такое пониженіе правой руки (о „want of space“ и, слѣдовательно, объ „unintentional variation“ въ данномъ случаѣ помышляетъ и A. H. Smith, p. 89) замѣчается почти во всѣхъ подражаніяхъ и копіяхъ съ нашей статуи. Исключеніе, кажется, представляетъ только вотивный рельеѳъ изъ Маннгейма и ручка съ серебряной чарки изъ Турина, изображенные у Смита подъ № 4 и 5.

13) О всѣхъ этихъ особенно характеристичныхъ для этой *ранней* группы Праксителя особенностяхъ лучше всего трактуетъ Бруннъ (Deutsche Rundschau, Mai 1882) и A. S. Murray (a history of greek sculpure II[1], p. 256 sq. и Handbook of greek archaeology, p. 279).

14) Именно въ существенныхъ чертахъ изображеніе нашей монеты менѣе всего является „infected with the Barocco style“, который отмѣчаетъ A. H. Smith въ другихъ подражаніяхъ.

15) Родоначальникомъ этого воззрѣнія былъ Treu, Hermes mit dem Dionysosknaben S. 6, b. Наиболѣе сочувственно отнесся къ ней H. Rollet (въ упомянутой статьѣ о черепкѣ изъ Карнунта, S. 229), который „möchte diese Annahme für die natürlichste halten“ и отчасти O. B(enndorf) въ послѣсловіи къ этой статьѣ S. 233, хотя онъ указываетъ и очень вѣское возраженіе противъ нея. Meines Wissens, говоритъ онъ, findet sich auf dem Reste der in die Basis eingelassenen Standplatte der Gruppe keine Spur, die auf den Einsatz eines stabartigen Attribute deuten könnte und natürlicherweise würde man eine solche Spur dort vorauszusetzen haben. Эстетическія соображенія Ф. Адлера менѣе важны. Рѣшить эстетически этотъ вопросъ можно было бы, испытавъ реставрацію съ ѳирсомъ, denn eine Entscheidung, какъ замѣчаетъ Беннդорѳъ. werden nur sehr genaue Proben abgeben können.

16) Мысль о такой реставраціи пришла въ голову Гиршѳельду уже при первомъ открытіи статуи. Она пользуется не малымъ сочувствіемъ у археологовъ.

небольшой предметъ, въ родѣ кошелька [17]), кроталъ [18]), канѳара или ритона [19]), кадуцея [20]) и т. п., но всѣ эти попытки, вызванныя довольно произвольными догадками о значеніи сцены и слабо подтверждаемыя аналогичными произведеніями искусства [21]), не особенно сочувственно были приняты авторитетными археологами. Онѣ должны были, когда рѣчь заходила о предметѣ небольшихъ размѣровъ, отступать передъ болѣе естественной и понятной для Діониса гроздью винограда точно такъ же, какъ въ противоположной гипотезѣ кадуцей долженъ былъ отступить на второй планъ передъ ѳирсомъ, единственно понятнымъ въ этомъ случаѣ у художника IV вѣка [22]).

И вотъ изъ этихъ двухъ возможныхъ, повидимому, гипотезъ, наша монета рѣшительно свидѣтельствуетъ въ пользу реставраціи правой руки Гермеса съ гроздью винограда [23]).

Правда, разсмотрѣть въ настоящее время предметъ, который былъ первоначально въ этой рукѣ бога, возможности уже не представляется, но что это не былъ ѳирсъ, въ этомъ, конечно, сомнѣній быть не можетъ, ибо иначе оконечность его сохранилась бы хоть въ нижней, менѣе потертой части монеты. Къ тому же аттрибутъ, который держалъ Гермесъ, возбуждалъ, очевидно, сильное желаніе малютки Діониса, и это ясно видно теперь по протянутой кверху лѣвой рукѣ его, которая тоже не удержалась въ подлинной группѣ, но которой, какъ и предполагали наиболѣе крупные авторитеты, онъ силится достать интересующій его предметъ.

До сихъ поръ, однако, объ этомъ жестѣ только догадывались по положенію всего тѣла малютки [24]); теперь мы имѣемъ на этотъ счетъ несомнѣнное показаніе монеты, и, если угодно, это свидѣтельство, ко-

---

17) Ad. Boetticher, Olympia, 2 Aufl. 1886, S. 338 sq.

18) F. Adler, Illustr. Zeitung 1879, N. 1857.

19) A. Murray, a history of greek sculpture, p. 257 (предположительно). Теперь, основываясь на рисункѣ изъ Помпей и на двухъ терракоттахъ Британскаго музея онъ стоитъ за гроздь винограда (см. Handbook of greek archaeology, p. 280).

20) A. H. Smith въ не разъ цитованной статьѣ on the Hermes of Praxiteles (Journ. of Hell. stud. III, p. 81—95).

21) Говорю о слабомъ подтвержденіи потому, что всѣ эти произведенія представляютъ черезчуръ уже удаленныя подражанія нашей группѣ.

22) См. O. B(enndorf) l. c. p. 233: ein langes Kerykeion... ist dem Hermestypus des vierten Jahrhunderts fremd.

23) За кадуцей въ лѣвой рукѣ Гермеса и за вѣнокъ на головѣ его монета не говоритъ ни слова по вполнѣ понятной причинѣ. Первый, при томъ положеніи, которое придано статуѣ на монетѣ, все равно бы не вышелъ; послѣдній, быть можетъ, трудно различить вслѣдствіе потертости монеты. За присутствіе металлическаго вѣнца на головѣ бога я высказался бы по многимъ причинамъ.

24) Совершенно вѣрно выражался S. Reinach, говоря, что le petit dieu *réclame* son attribut (l. c., p. 2).

торое врядъ ли могло быть выдумано добросовѣстнымъ копистомъ, говоритъ о первоначальномъ мотивѣ поднятой руки Гермеса не менѣе выразительнымъ образомъ, чѣмъ если бы сохранился въ рукѣ самый предметъ, возбуждавшій желаніе Діониса. Ибо если дѣйствительно, какъ теперь чаще всего толкуютъ группу [25]), Гермесъ съ Діонисомъ изображены на пути къ нимфамъ, которыя должны воспитать ребенка, и остановились въ лѣсу для того, чтобы отдохнуть отъ пути, Гермесъ долженъ былъ позаботиться во время этой остановки и о пищѣ для мальчика [26]), а въ такомъ случаѣ, давъ въ руки старшему богу виноградную кисть, за которой жадно потянулся ребенокъ, художникъ вложилъ въ группу и вполнѣ понятный мотивъ [27]) и лучше, чѣмъ какой-либо другой подробностью, характеризовалъ и природу изображеннаго бога.

Я не имѣю въ виду, конечно, сказать этимъ, чтобы показаніе на этотъ счетъ монеты должно было имѣть рѣшающее значеніе, но я не усомнюсь утверждать, что мнѣніе противниковъ гипотезы Трея, слабо подтвержденной черепкомъ изъ Карнунта, получаетъ теперь новое и весьма вѣское подтвержденіе.

Указаніе, которое даетъ затѣмъ монета для реставраціи лѣвой ноги Гермеса, на мой взглядъ, тоже должно считаться весьма поучительнымъ.

Вопроса о положеніи ногъ Гермеса обстоятельно касаются только немногіе ученые, изслѣдовавшіе нашу группу, и обыкновенно указыва-

---

25) См. вмѣсто другихъ цитатъ A. S. Murray, Handbook of gr. arch., p. 279.

26) Съ какимъ бы подозрѣніемъ мы ни относились къ показанію Плинія (Nat. Hist. 34, 87) о группѣ отца Праксителя, Кефисодота, которому, будто бы, тоже принадлежалъ Mercurius Liberum patrem in infantia nutriens, но во всякомъ случаѣ существованіе такого мотива въ греческой пластикѣ доказано этимъ свидѣтельствомъ безъ всякихъ сомнѣній. Если, какъ предполагаютъ, Плиній смѣшалъ здѣсь отца съ сыномъ, то это еще болѣе будетъ говорить за реставрацію нашей группы съ гроздью винограда. Остроумное предположеніе С. Рейнака о смѣшеніи здѣсь Плиніемъ греческаго причастія *φέρων* (см. мѣсто Павсанія) съ *τρέφων* не особенно убѣдительно.

27) Возраженіе Вальдштейна противъ такого толкованія съ той точки зрѣнія, что, такимъ образомъ, группѣ придается *жанровый* характеръ, я не считаю убѣдительнымъ потому, что и въ Аполлонѣ Савроктонѣ, напр., такая наклонность къ жанру у Праксителя сказывается съ неменьшей силой (см. Overbeck, gr. Plastik III Halbband, 3 Aufl., S. 37). Его замѣчаніе о томъ, что въ такомъ случаѣ the relation between child and grapes would be the centre of interest .....while the infant Dionysos is, both in spirit and execution, purely accessory, я не могу принять, несмотря на авторитетъ и Брунна, ибо не рѣшаюсь признать побочнаго значенія Діониса (см. Journ. of Hell. Studies, p. 109). Наконецъ, не надо забывать, что мотивъ этотъ засвидѣтельствованъ не малымъ количествомъ памятниковъ, гдѣ, такимъ образомъ кормитъ Діониса то Гермесъ, то Панъ или какой-либо другой богъ *κουροτρόφος* (см. F. Imhoof — Blumer. Monnaies grecques 1883, p. 67 et 68, на котораго обращаетъ мое вниманіе А. В. Орѣшниковъ: на изображенныхъ здѣсь монетахъ изъ Кассандреи несомнѣнно *гроздью винограда* собирается кормить Діониса Ниса, по толкованію Блумера. Поза Діониса особенно на первой монетѣ совершенно подходитъ къ Праксителевой).

ютъ лишь на то, что лѣвая нога его должна была нѣсколько отступать назадъ по сравненію съ правой, на которой главнымъ образомъ покоится тѣло Гермеса [28]). Вальдштейнъ, правда, отмѣчаетъ мимоходомъ, что для соотношенія обѣихъ ногъ должны быть приняты во вниманіе указанія одной бронзовой копіи съ группы Праксителя въ Луврскомъ музеѣ подъ № 655 [29]), но, за неимѣніемъ подъ руками снимка съ этой бронзы [30]), я не могу ничего сказать опредѣленнаго объ этомъ предположеніи. Я имѣю возможность, такимъ образомъ, принять пока въ соображеніе только догадки, высказанныя на этотъ счетъ Гейнр. Брунномъ [31]).

Понимая очень хорошо роль, которую играетъ въ пластическихъ изображеніяхъ фигуръ, если онѣ не представляются падающими или парящими, умѣнье найти правильную точку опоры, которой затѣмъ опредѣляется все положеніе тѣла, и зная, какъ медленно въ этомъ отношеніи совершался въ греческомъ искусствѣ прогрессъ отъ твердо, на обѣ ступни поставленныхъ архаическихъ статуй къ свободнымъ вполнѣ постановкамъ фигуръ позднѣйшей пластики; Бруннъ не могъ, конечно, оставить безъ вниманія этотъ вопросъ при своемъ тщательномъ анализѣ нашей группы; но и онъ, не представляя ея реставраціи, ограничился относительно положенія ногъ Гермеса только общими, такъ сказать, теоретическими соображеніями.

Онъ думаетъ именно, что въ группѣ Гермеса съ Діонисомъ, принадлежащей несомнѣнно къ болѣе раннимъ произведеніямъ художника [32]), Пракситель стоитъ еще и въ этомъ отношеніи на прежней точкѣ зрѣнія, находится подъ вліяніемъ своихъ учителей и, конечно, прежде всего подъ вліяніемъ отца своего Кефисодота. Иными словами, Бруннъ думаетъ, что создавая олимпійскую группу, Пракситель не научился еще вполнѣ пользоваться введенной имъ въ пластику подставкой, не умѣлъ

[28]) Overbeck l. c. p. 38.

[29]) C. Waldstein, l. c., p. 108: it *definitely* indicates the position of the legs below the knee that are wanting in the marble.

[30]) Рисунокъ, который, судя по List of wood - cuts, долженъ сопровождать статью Вальдштейна (to face p. 106) не имѣется, къ сожалѣнію. въ единственно доступномъ мнѣ экземплярѣ journ. of Hell. Stud. Московскаго Минцъ-Кабинета. Notice des bronzes antiques, составленная A. Longpérier и описывающая эту бронзу какъ Нерона съ младенцемъ Британникомъ на рукахъ, тоже ничего не упоминаетъ о положеніи ногъ на ней.

[31]) См. особенно въ Deutsche Rundschau, Mai 1882, S. 191 и 192.

[32]) Это мнѣніе, мастерски развитое на основаніи изученія стилистическихъ особенностей группы Брунномъ, принятое и A. S. Murray, находитъ себѣ, между прочимъ, подтвержденіе въ соображеніяхъ С. Рейнака (Revue arch. 1888, p. 3) относительно историческихъ обстоятельствъ, могшихъ вызвать изготовленіе этого произведенія (по Рейнаку оно исполнено около 362 года, когда заключенъ былъ между Аркадіей и Элидой миръ, завершившій кровопролитную борьбу между ними).

еще совершенно освобождать ногу отъ участія въ несеніи тяжести тѣла и, такимъ образомъ, достигать легкости, присущей фигурамъ его позднѣйшихъ произведеній, но что ноги Гермеса представляютъ еще переходъ отъ покойнаго стоянія на одной ногѣ, съ выгнутымъ положеніемъ всего стана, къ такому положенію, при которомъ, благодаря помѣщенію одной руки на внѣ фигуры расположенной подставкѣ, получается уже новая точка опоры для верхней части тѣла. Гермесъ не опирается еще на эту подставку, какъ, напр., Аполлонъ Савроктонъ, который безъ такой подставки долженъ былъ бы пошатнуться; онъ не прислоняется къ ней и такъ, какъ то дѣлаетъ извѣстный Силенъ съ Діонисомъ на рукахъ, который и прямо упалъ бы безъ нея [33]); она нужна Гермесу лишь для того, чтобы поддержать не тѣло, а лѣвую руку, нѣсколько утомленную несеніемъ ребенка.

Этотъ взглядъ Брунна, развитый имъ съ обычной его обстоятельностью, подѣйствовалъ, какъ кажется, всего болѣе на реставраторовъ и, какъ можно видѣть на реставраціи Шапера, съ которымъ въ этомъ случаѣ, по свидѣтельству Бенндорфа, сходится и Шверцекъ [34]), у нихъ положеніе лѣвой ноги Гермеса слѣдуетъ почти вполнѣ Поликлетовскимъ на этотъ счетъ предписаніямъ.

Если вѣрить, однако, монетѣ, Пракситель и въ этомъ раннемъ своемъ произведеніи гораздо болѣе уклонился отъ прежнихъ образцевъ, чѣмъ то рѣшался допускать Бруннъ.

Лѣвая рука Гермеса не служитъ, правда, и согласно съ показаніемъ монеты, для поддержки тѣла; сильно оперся богъ прежде всего на правую ногу, но лѣвая его нога все таки уже вполнѣ является свободной и характеристическій для Праксителя сгибъ въ колѣнѣ и отклоненіе одной ноги въ сторону [35]) указываетъ на то, что возлѣ Гермеса поставленная подпорка для него необходима и что появленіе ея и съ этой точки зрѣнія вполнѣ мотивировано.

Прибавить, наконецъ, нужно, что заключеніе Брунна о сравнительной короткости ногъ фигуры, высказанное имъ на основаніи широкаго строенія костей въ ея торсѣ и на основаніи нѣкоторой тяже-

---

[33]) Ср. сопоставленіе этихъ фигуръ (очевидно для разъясненія упомянутыхъ въ текстѣ взглядовъ Брунна) у Lucy Mitchell, a history af ancient sculpture, p. 445, fig. 194 и 195.

[34]) O. B(enndorf), l. c., S. 231, говоря о реставраціи Шапера, замѣчаетъ: aber in der Hauptsache, in dem Stande der Figur, stimmt sie mit der Ergänzung Schwerzeks *vollkommen* überein.

[35]) Какъ извѣстно, въ настоящее время, подъ вліяніемъ Кекуле (Ueber den Kopf des Praxitelischen Hermes, Stuttgart, 1881), съ которымъ согласенъ Бруннъ и отчасти Murray, въ головѣ Гермеса видятъ ближайшее сродство съ головами въ статуяхъ Мирона. Не должны ли мы и въ характеристическихъ позахъ Праксителевыхъ статуй видѣть дальнѣйшее развитіе идей того же художника?

лизны всего тѣла Гермеса, отличающаго его отъ другихъ чисто Праксителевскихъ типовъ [36]), находитъ себѣ въ свидѣтельствѣ нашей монеты весьма любопытное подтвержденіе.

И съ этой стороны, слѣдовательно, изображенный на ней рельефъ является, повидимому, не столько подражаніемъ, сколько копіей, выполненной съ возможной для рѣзчиковъ подобныхъ произведеній точностью.

А. Шварцъ.

Дополненія и поправки къ статьѣ «О змѣевикѣ съ семью отроками»

Вслѣдствіе поспѣшности работы, вкралось въ статью нѣсколько ошибокъ и пропусковъ, которые считаю необходимымъ здѣсь исправить.

На стр. 51 строка 16 сверху слѣдуетъ: *ὕστερα* вм. *ὕστερα*.

На стр. 55 строка 24 сверху слѣдуетъ: «въ словѣ **єѳѣсьскѣє**» вмѣсто «**вм. єѳѣсьскѣє**».

На стр. 55 примѣчаніе 3 слѣдуетъ: «Срезневскій».

На стр. 57 строка 21 сверху слѣдуетъ: *ὁ ἅγιος* вм. *ἅγιος*.

На стр. 58 строка 2 сверху слѣдуетъ: «**хрьщєнии** вм. **хрьщьнии**», а не «**хрьщьєнии** вм. **хрьщнии**».

Въ текстѣ надписи на той же страницѣ строка 3 раздѣляются слова такъ: **мирьны и оѵгаси**. Стран. 60 строка 5 сверху слѣдуетъ читать: **вꙁыдоша на горов** (а не—**на гороѵ**).

Дополненія: 1) Стр. 59 примѣч. 3: **Молитка стыхъ седми отроковъ на немощнаго и не спащаго** читается во II ч. Требника (л. 1—3, по изд. 1888 г. Москва 16°).

2) Стр. 55 строка 6 сверху: не прочтенное вполнѣ имя послѣдняго отрока на неаполитанскомъ змѣевикѣ (μα) должно быть возстановлено: Μάλχος такъ какъ въ редакціи сказанія о семи отрокахъ, извѣстной Григорію Турскому, именно вмѣсто Ямвлиха читается *Малхъ*, а вмѣсто Антонина читается *Серапіонъ*, какъ и на неаполитанскомъ змѣевикѣ; т. е. въ основѣ послѣдняго и въ основѣ разсказа Григорія Турскаго лежитъ одна и таже редакція сказанія о 7 отрокахъ (см. арх. *Сергія* «Православный мѣсяцесловъ Востока» II, 231).

3) Къ стр. 60 строка 7: отроки проспали не 315, а 372 года (Минологій Василія); эта цифра, по мнѣнію Арх. Сергія (ibid. II, 232), ошибочна, и наиболѣе близкой къ хронологіи имп. Декія (250) и Ѳеодосія младшаго (408 — 450) поправкой должно быть принято 172 года, т. е. годъ пробужденія—432 или 433 (а не 425, 437 и. т. д.).

М. С.

[36]) Это мнѣніе всецѣло раздѣляетъ и Бенндорфъ въ томъ же мѣстѣ вышеозначенной статьи. Хваля Шапера за то, что его реставраціи ein glücklicheres Ebenmass der Beine eigen ist, *indem sie die Unterschenkel um ein Geringes kürzer annahm als in Wien geschehen ist*, онъ, между прочимъ, прибавляетъ: die breite Anlage des Ganzen, die schweren Verhältnisse im Körper des Hermes treten hier wie dort verstärkt hervor, und ich bekenne erst durch diese Ergänzungen ganz von einem Sachverhalte überzeugt werden zu sein, welchen Brunn zuerst und von Anfang an mit grosser Bestimmtheit behauptet hatte. Присоединяется къ этому мнѣнію и A. S. Murray въ обоихъ вышецитованныхъ трудахъ своихъ.

III

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ, пріобрѣтеній древностей музеями и проч. въ Россіи и за-границею.

—— Для предстоящаго въ Вильнѣ въ 1893 году IX археологическаго съѣзда, по порученію Могилевскаго губернатора тайн. сов. А. С. Дембовецкаго, были произведены въ 1892 г. гг. Фурсовымъ и Чоловскимъ раскопки кургановъ, дневникъ и очеркъ которыхъ изданы отдѣльными брошюрами. Археологическая экскурсія совершена поименованными лицами въ 5 уѣздахъ Могилевской губ.: Рогачевскомъ, Быховскомъ, Чериковскомъ, Климовичскомъ и Мстиславскомъ, лежащихъ въ долинахъ Днѣпра, Сожа, Друти, Прони, Остра и Беседи. При поѣздкѣ насчитано было до 350 кургановъ, изъ которыхъ 60 раскопано. Изъ дневника раскопокъ видно, что обрядъ погребенія въ курганахъ въ означенныхъ уѣздахъ смѣшанный: безъ сожженія и съ сожженіемъ. Въ нѣкоторыхъ курганахъ найдены костяки въ насыпи и въ грунтѣ и погребеніе нѣкоторыхъ довольно своеобразное: такъ, въ одномъ курганѣ Рогачевскаго уѣзда съ четырьмя костяками, одинъ лежалъ на доскѣ, остальные—въ грунтѣ; въ другихъ курганахъ того-же уѣзда встрѣтилось погребеніе съ сожженіемъ и съ костякомъ, лежавшимъ ничкомъ, съ руками, закинутыми на голову, которая была обращена на Ю. З. Въ одномъ изъ кургановъ Мстиславскаго уѣзда оказалась могила, выкопанная въ грунтѣ на глубинѣ $^1/_2$ аршина; лежавшій въ ней, головою на З., костякъ имѣлъ раскинутыя руки, помѣщенныя въ углубленіяхъ, выкопанныхъ въ противоположныхъ бокахъ четырехугольной ямы, такъ что могила имѣла форму четырехконечнаго креста. На костякѣ находилось 6 серебряныхъ проволочныхъ колецъ, соединенныхъ кожею, къ которой были прикрѣплены привѣски филигранной работы въ формѣ ягодъ; на груди находились бусы изъ сердолика, горнаго хрусталя и стеклянныя съ позолотою; въ полости живота лежалъ золотой четырехконечный крестъ—тѣльникъ съ финифтью, съ обломаннымъ нижнимъ концомъ (при описаніи имѣется рисунокъ); ниже креста находились металлическіе бубенчики; на правой рукѣ былъ найденъ массивный серебряный браслетъ въ формѣ жгута, на лѣвой—серебряный перстень изящной работы съ синимъ камнемъ (сапфиромъ?),

обхваченнымъ четырьмя лапками паука, какъ бы выползающаго изъ листвы. Около плеча находилась рукоятка ножа, въ ногахъ—черепокъ горшка и кучка углей, которые также были и у черепа. Всѣ цѣнныя украшенія были прикрыты берестой, и надъ могилой, до насыпки кургана, былъ устроенъ сколоченный гвоздями деревянный срубъ. Въ двухъ другихъ курганахъ той-же мѣстности могилы также оказались въ грунтѣ и надъ обоими также были устроены срубы, при чемъ одна имѣла ту особенность, что шла тремя уступами, которые были по горизонтальной линіи выложены дубовыми досками, обернутыми берестой, такъ что могила казалась трехэтажной и каждый этажъ былъ глухо закупоренъ; дно могилы было покрыто густоосмоленной берестой. Характерною чертою обряда погребенія является постановка горшка въ ногахъ (рѣдко при бедрѣ) у костяка женщины и въ головахъ—у мужчины; горшки найдены большею частью цѣлыми, внутри чистыми, иногда закопченными и только въ двухъ случаяхъ горшки заключали остатки чего-то. Если горшки находились разбитыми, то черепки ихъ всегда были разбросаны. Величины горшки разной—отъ самыхъ маленькихъ до объема ведра; покрыты по краю орнаментомъ. При костякахъ найдены желѣзные топоры, желѣзные ножи съ костяными и деревянными рукоятками, серебряныя височныя кольца, шейныя гривны, серьги въ формѣ колецъ и проч. Въ одномъ изъ кургановъ въ им. Лутчицы, Быховскаго уѣзда, въ $1^1/_2$ в. отъ Днѣпра, найденъ костякъ, головой на З., съ вытянутыми вдоль туловища руками; на груди найдено много бусъ, а у лѣвой руки — тщательно завернутое въ кору и прикрытое дощечками бронзовое изображеніе человѣка, по словамъ г. Чоловскаго, производившаго раскопку,—скиѳа, оригиналомъ которому (по тому-же объясненію) послужило одно изъ изображеній скиѳовъ на Чертомлыцкой вазѣ. Приложенный рисунокъ представляетъ грубо сдѣланнаго мужчину въ одеждѣ до колѣнъ, съ мечемъ съ правой стороны и съ кольцомъ въ видѣ жгута въ правой рукѣ; по работѣ и по композиціи фигура ничего общаго не имѣетъ ни съ однимъ изображеніемъ Чертомлыцкой вазы. При поѣздкѣ по Могилевской губ. гг. Фурсовъ и Чоловскій не ограничивались исключительно изслѣдованіями кургановъ, но также замѣчали все интересное въ археологическомъ отношеніи. Такъ, въ 4 в. отъ м. Петровичи, Климовичскаго уѣзда, осмотрѣнъ камень съ фигурами и буквами—надгробный, по ихъ отзыву. Въ Кричевѣ у г. Голынскаго осмотрѣнъ архивъ, къ сожалѣнію находящійся въ хаотическомъ безпорядкѣ, но цѣнный по имѣющейся въ немъ перепискѣ Потемкина съ разными лицами, по планамъ его владѣній въ Бѣлоруссіи, портретомъ импер. Екатерины въ старости и самого Потемкина.

—— А. И. Черепнинъ, изъ Рязани, сообщилъ редакціи слѣдующую замѣтку: „Въ 1892 году, въ концѣ іюля мѣсяца, на строющейся Московско-Казанской жел. дор., на 35 верстѣ отъ г. Рязани, близъ с. Пальное, на правомъ берегу р. Оки, рабочіе, прорывая выемку для желѣзнодорожнаго пути, случайно открыли древнее кладбище, мѣстонахожденіе котораго представляетъ уединенный песчанный бугоръ, свыше ста саженъ длиною, съ двумя выдающимися на поверхности его возвышеніями, имѣющими форму кургановъ. Выемка пролагалась по скату бугра. На глубинѣ отъ 1—2 аршинъ отъ поверхности земли, рабочіе находили человѣческія кости, волоса, остатки ткани, луба, желѣзное оружіе, бронзовыя украшенія, бусы и проч.

Найденныя вещи (вѣроятно не всѣ) были отправлены хозяину артели землекоповъ, М. М. Селиванову. Селивановъ пригласилъ меня осмотрѣть ихъ. Находка, въ полномъ своемъ составѣ, представляла поразительное сходство съ вещами изъ Курманскаго могильника (раскопан. въ 1888 г. гр. Ѳ. А. Уваровымъ) и Борковскаго (раскоп. въ 1892 г., по порученію Импер. Археол. Ком., членами Рязанской учен. арх. ком.—А. В. Селивановымъ, А. И. Черепнинымъ и В. А. Городцовымъ): тѣ же бронзовыя круглыя и плоскія шейныя гривны, бронз. браслеты изъ толстой бронз. проволоки, со звѣриными головками на концахъ, и пластинчатые плоскіе, съ расширенными концами и линейнымъ орнаментомъ, большія бронз. височныя кольца, круглыя пятилопастныя височныя подвѣски, спиральныя кольца, крупныя луновидныя привѣски, мелкія трубчатыя, колокольчатыя и трапецевидныя привѣски, бронз. пряжки; большія, круглыя сплошныя и ажурныя фибулы; односторонніе желѣзные мечи, длина клинка около 15 дюйм., безъ рукоятки, ширина по срединѣ клинка — около 1 дюйма, (видѣлъ три меча); желѣзные наконечники копій и дротиковъ, разной формы и величины, самый большой наконечникъ копья, съ удлиненно-листообразнымъ перомъ, имѣетъ 9½ дюйм.; другое копье, формы удлиненнаго въ одну сторону ромба, имѣетъ 8 д.; желѣзные топоры разной величины (подобные найдены были въ Курманскомъ и Борковскомъ могильникахъ), имѣющіе форму массивнаго долота, отчасти напоминаютъ древніе бронз. кельты; небольшіе курганнаго типа желѣзные ножи; красныя бусы изъ композиціи, стеклянныя, внутри посеребреныя; остатки женскихъ косъ, заплетенныхъ въ три пряди, и пучки волосъ, скрученные въ одну прядку, волоса черные; небольшіе кусочки темной шерстяной ткани, на одномъ кускѣ удержались двѣ средней величины бронз. пряжки и остались на ткани слѣды двухъ другихъ отпавшихъ пряжекъ; крупныя бусы и мелкія бронз. привѣски нанизаны на ремеш-

кахъ, представляющихъ изумительную сохранность: не имѣя полной увѣренности, что ремешки пробыли въ землѣ болѣе 1000 лѣтъ, можно было-бы думать, что они пролежали 30 — 40 лѣтъ въ могилѣ; мелкія бусы нанизаны на шерстяныхъ и шелковыхъ тонкихъ шнуркахъ. Въ одной могилѣ, вмѣстѣ съ бронзов. вещами, былъ найденъ небольшой шарообразный камень (плотный известнякъ), съ остатками окиси бронзы на поверхности его; камень, повидимому, обдѣланъ рукою человѣка; вѣсъ его $25^1/_2$ золотниковъ.

М. М. Селивановъ любезно предложилъ мнѣ часть находки. Полученныя вещи переданы мною въ Рязанскій музей.

Цѣлый рядъ однородныхъ могильниковъ, раскинутыхъ по берегамъ Оки на протяженіи свыше 220 верстъ, представляетъ интересные бытовые остатки древняго населенія Рязанской области. Въ настоящее время мы еще не знаемъ границъ этой области,—Курманскій и Кузьминскій (этотъ послѣдній—гадательно) могильники пока представляютъ крайніе, извѣстные намъ пункты; и только дальнѣйшія изысканія по берегамъ Оки и ея притоковъ могутъ указать настоящія границы древне-рязанской области. Сообщая въ 1891 году Рязанской учен. арх. ком. о Борковскомъ могильникѣ, я упоминалъ о важномъ значеніи археологическихъ изслѣдованій по Окѣ. Почти ежегодныя открытія памятниковъ глубокой старины невольно привлекаютъ вниманіе къ этой мѣстности. Здѣсь зачался и постепенно развился зародышъ Великорусскаго народа; древнее населеніе Окскаго бассейна вошло въ него, какъ одинъ изъ основныхъ элементовъ. Понятно, какіе важные результаты можетъ дать для древней русской исторіи систематическое изслѣдованіе древнихъ кладбищъ, городищъ и другихъ остатковъ старины, разбросанныхъ въ такомъ изобиліи по берегамъ рѣки Оки и ея главныхъ притоковъ.

Въ Рязанской губ., по Окѣ, изслѣдованы только два древнѣйшихъ могильника: Курманскій и Борковскій. Оба могильники доставили немало цѣннаго матеріала; и тѣмъ не менѣе, на основаніи найденнаго въ нихъ, мы не можемъ еще сдѣлать научно обоснованныхъ заключеній ни о времени, къ которому относятся названные могильники, ни о племенномъ составѣ населенія, оставившаго ихъ. Пока возможны только одни предположенія, болѣе или менѣе достовѣрныя, о томъ и другомъ.

Остальные могильники—Старорязанскій (мѣстонахожденіе котораго до сего времени не опредѣлено, хотя имѣется много вещей изъ него, доставленныхъ мѣстными крестьянами), Пальновскій и Кузьминскій ждутъ изслѣдованій и съ каждымъ годомъ разрушаются природою и людьми.

Въ русской исторіи укоренилось много положеній, не имѣющихъ реальнаго значенія; они держатся въ наукѣ благодаря нашему равнодушію къ древнимъ вещественнымъ памятникамъ. Эти послѣдніе могли бы придать дѣйствительный смыслъ тѣмъ словамъ, которыя въ настоящее время представляютъ пустой звукъ. Въ самомъ дѣлѣ, — что мы знаемъ о Ростовской, Муромской и Рязанской языческихъ областяхъ? Кто такіе были меря, мурома, мордва, черемисы? Финскія племена, отвѣчаютъ намъ историки, короткоголовые — говорятъ антропологи. Между тѣмъ, въ кладбищахъ, которыя несомнѣнно оставлены древнѣйшими обитателями Окскаго бассейна, т. е. такъ называемыми финскими племенами, находятъ длинноголовые черепа, открываютъ разнохарактерныя погребенія, которыя, относясь къ одной эпохѣ, не могутъ принадлежать одному и тому же племени, и очень внушительно указываютъ на разноплеменность здѣшняго древняго населенія".

—— Замѣчательная находка недавно была осмотрѣна („Сѣв. Кав.") г. атаманомъ Майкопскаго отдѣла въ необитаемыхъ верховьяхъ рѣки Б.-Лабы (въ Куб. обл.).

Одинъ изъ жителей ст. Андрюковской, охотясь въ верховьяхъ р. Б.-Лабы, недалеко отъ поляны, на которой была когда-то ст. Пименская, случайно открылъ отверстіе въ каменистомъ берегу большаго обрыва, оказавшееся могилой съ засохшимъ трупомъ какого-то древняго воина. Эта находка и была предметомъ осмотра г. атамана Майкопскаго отдѣла. Судя по мѣсту могилы, мало доступному въ настоящее время для человѣка, надо полагать, что трупъ лежитъ въ ней уже не одно столѣтіе и, несмотря на это, онъ такъ хорошо сохранился, что тлѣнія нигдѣ рѣшительно нельзя было замѣтить, и только одни волосы отпали съ головы, когда трупъ начали вытаскивать изъ могилы. Къ несчастью, едвали удастся опредѣлить время жизни и національность покойника, такъ какъ признаки, по которымъ можно бы было это сдѣлать — металлическій шлемъ, оружіе и костюмъ, бывшіе на покойникѣ, гораздо раньше сняты съ него г. Nosca, австрійскимъ подданнымъ, проживающимъ въ ст. Псебайской, и отправлены въ Австрію.

Нельзя не пожалѣть объ утратѣ этой археологической находки, какъ памятникѣ мало извѣстной исторіи Кавказа. (Нов. Вр. № 6084, 1893 г.).

—— Въ Австріи, въ двухъ часахъ ѣзды на пароходѣ внизъ по Дунаю отъ Вѣны, на правомъ берегу исторической рѣки, находится древній тевтонскій городъ Альтенбургъ, гдѣ пароходы на короткое время останавливаются. Противоположный альтенбургской пристани берегъ скалистъ, крутъ и достигаетъ высоты 105 футовъ. Здѣсь находятся

обширныя каменоломни, откуда добывается матеріалъ, необходимый для работъ по урегулированію гирлъ Дуная. На вершинѣ скалъ сохранились остатки древняго вала, который недавно изслѣдованъ германскими археологами. При произведенныхъ раскопкахъ обнаружилось, что этотъ валъ — огромная, землею прикрытая стѣна, состоящая изъ мощныхъ балокъ, сложенныхъ въ видѣ рѣшетки. Валъ, вмѣстѣ со стѣною, возникъ, по мнѣнію археологовъ, нѣсколько позднѣе первыхъ римскихъ походовъ на Европу. При раскопкахъ здѣсь найдено, между прочимъ, изображеніе персидскаго божества Митры, въ фригійскомъ колпакѣ въ туникѣ и плащѣ; на колѣняхъ у него опрокинутый телецъ, которому онъ вонзаетъ ножъ въ горло — символъ силы солнца, когда оно вступаетъ въ знакъ тельца. Тутъ же найдено шесть жертвенниковъ, передъ которыми приносились язычниками обѣты. При дальнѣйшихъ раскопкахъ отрыли множество каменныхъ плитъ съ надписями; найдены также монеты, римскій серпъ со знакомъ LX легіона, осколки огромныхъ средневѣковыхъ сосудовъ изъ графита, оружій и крайне рѣдко встрѣчающіяся желѣзныя латы XII-го столѣтія, съ прекрасно сохранившимися масками, и т. п.

На землѣ, принадлежащей теперь городскому обществу Альтенбурга, находились нѣкогда римскій лагерь, амфитеатръ и термы или бани. Здѣсь теперь отрытъ цѣлый городъ. Отчетливо сохранились проложенныя улицы, полъ бывшихъ огромныхъ бань и разныя приспособленія для нагрѣванія пола и воды. Полъ покоится на квадратныхъ кирпичныхъ колонкахъ, а внутреннія стѣны бани построены изъ кирпича, сложеннаго въ видѣ рѣшетки, для свободнаго пропуска внутрь бани нагрѣтаго воздуха. Въ разстояніи четверти часа пути, вправо отъ лагеря, недавно обнаруженъ римскій амфитеатръ — огромное овальное непокрытое зданіе, состоящее изъ двухъ соединенныхъ между собою театровъ, съ помѣщеніемъ для ристалища. Величественныя развалины амфитеатра и теперь еще сохранили первоначальный видъ. На арену, находящуюся посрединѣ, ведутъ, по длинѣ оси эллипсиса, два широкихъ входа: восточный и западный. У восточнаго находится жертвенникъ, который былъ посвященъ Немезидѣ. Арена — длиною до сорока и шириною до двадцати пяти саженъ; кругомъ ея идетъ массивная каменная ограда, а позади возвышаются ступеньками ряды сидѣній для народа. Лѣстницы, ведшія къ этимъ сидѣньямъ, открывались наружу подъ колоннадами, которыми окружено все зданіе. Амфитеатръ вмѣщалъ около 8,000 зрителей; прекрасно сохранились ложа императора, а противъ нея — двери, черезъ которыя выносили растерзанныхъ звѣрями гладіаторовъ. Посрединѣ арены оказался бассейнъ съ отводнымъ каналомъ для воды, очевидно позднѣйшаго происхожденія.

Въ незначительномъ разстояніи отъ амфитеатра тянется крѣпостной валъ. Произведенныя здѣсь раскопки обнаружили развалины форума съ портиками, множества великолѣпныхъ зданій, языческаго храма со статуею генія и, наконецъ, огромнаго запаснаго цейхгауза, длиною до пятидесяти и шириною до двадцати саженъ. Все это наглядно свидѣтельствуетъ о важномъ значеніи для римлянъ этого укрѣпленнаго города. Какъ видно изъ надписей на сохранившихся плитахъ, укрѣпленный лагерь заложенъ XV легіономъ по распоряженію императора Веспасіана, а затѣмъ, когда постройки были закончены, императоръ Адріанъ перевелъ сюда XIV легіонъ — „gemina martia victrix" — покорившій Британію.

По близости отъ развалинъ лагеря, въ имѣніи Петронелли, принадлежащемъ графу фонъ-Абенспэргу, въ паркѣ, гдѣ помѣщается звѣринецъ, съ разрѣшенія владѣльца, недавно приступлено къ раскопкамъ, которыя уже дали замѣчательные результаты. Сначала открыли храмъ Юпитера, въ которомъ найдена превосходная мраморная статуя этого бога, а затѣмъ, при дальнѣйшихъ усиленныхъ раскопкахъ, открытъ цѣлый городъ, — древній Карнунтъ, нѣкогда служившій резиденціею римскаго намѣстника Паннонія. Уже открыта цѣлая улица, съ прекрасными зданіями, магазинами и многочисленными храмами, въ одномъ изъ которыхъ оказалось двадцать пять языческихъ жертвенниковъ. Дома удивительной архитектуры, съ мозаичными полами, художественною стѣнною живописью, каминами для отопленія, такъ что, по мнѣнію археологовъ, Карнунтъ уступаетъ Помпеѣ одними только размѣрами.

Нѣсколько въ сторонѣ найдены массивные саркофаги, позади которыхъ обнаруженъ огромный высоты каменный сводъ въ видѣ тріумфальныхъ воротъ. Подъ ними оказался колоссальный памятникъ, еще не совсѣмъ открытый. Работы по раскопкамъ въ этой мѣстности начались еще, сравнительно, недавно, а между тѣмъ, количество археологическихъ находокъ весьма велико. Какъ императорскій музей древности, такъ и общественные и частные музеи въ Вѣнѣ наполнены предметами древности, добытыми въ Карнунтѣ.

Львиная доля добычи очутилась въ частномъ владѣніи графа фонъ-Абенспэрга и сосѣднихъ землевладѣльцевъ, а въ особенности у г. Людвигсдорфа, который собралъ богатѣйшій музей изъ предметовъ, открытыхъ въ его помѣстьи. Въ этомъ музеѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе огромная мраморная статуя (безъ головы) неизвѣстнаго царя въ одѣяніи жреца Ваала, приносящаго въ жертву ребенка. У ногъ статуи помѣщены бюсты Венеры и Амура изъ слоновой кости. Рядомъ съ означенной статуей видна художественная бронзовая статуя танцов-

щицы. Впереди статуй размѣщены военные знаки и доспѣхи XIV легіона: ключи, кубики, плиточки съ военными девизами, треножники и золотой замокъ съ загадочною надписью: FELICESTVN. Кромѣ того, въ музеѣ собрано множество статуэтокъ и бюстовъ римскихъ императоровъ и боговъ, и проч.

Долгое время Карнунтъ считался одной изъ сильнѣйшихъ крѣпостей римскаго государства, но подъ стѣнами крѣпости неожиданно появились воинственные и могущественные квады — древній германскій народъ—и разрушили ее. Возстановленный и снова укрѣпленный, Карнунтъ въ 166 г. снова подвергся нападенію другаго, не менѣе воинственнаго германскаго племени, и — городъ вторично былъ разрушенъ, несмотря на то, что „осажденные, для умилостивленія боговъ, бросили въ волны Дуная двухъ львовъ". Побѣдители проникли до Аквилеи, но здѣсь въ кровопролитномъ сраженіи съ римскими войсками, разбитые на-голову Маркомъ Авреліемъ, бѣжали. Послѣ побѣды, Маркъ Аврелій пробылъ въ Карнунтѣ три года; въ этомъ же городѣ Септимій Северъ объявленъ императоромъ и одно время въ Карнунтѣ пребывали императоры: Діоклетіанъ, Максиміанъ и Галерій, признавшій здѣсь Лицинія августѣйшимъ. Вскорѣ началось движеніе народовъ съ востока въ Европу, затѣмъ двинулись съ запада на востокъ, по развалинамъ же Карнунта, крестоносцы и, наконецъ, нагрянули съ востока турки. Всѣ они топтали почву, поглотившую славный тысячелѣтній римскій городъ. (Прав. Вѣстн. № 23, 1893 г.).

—— Вниманіе всѣхъ паломниковъ и путешественниковъ, поднимавшихся въ Палестинѣ на Елеонскую гору, гдѣ высится храмъ въ честь Вознесенія Господня, всегда привлекала изящная мозаика, находящаяся въ одной изъ комнатъ дома, расположеннаго на востокъ отъ церкви. Знатоки дѣла всякій разъ со вниманіемъ разсматриваютъ мозаическія фигуры: рыбъ, пѣтуха, агнца и виноградъ. Еще большее, конечно, впечатлѣніе произведетъ недавно открытая полная мозаическая картина, которая находится между Вознесенскою церковью и домомъ.

Открыта эта мозаика совершенно случайно: работнику понадобилось земли, онъ сталъ копать ее и нашелъ мозаику, которая является надгробнымъ памятникомъ, что видно изъ первыхъ словъ сохранившейся на ней надписи: „Айс хишатакаранъ". По объясненію свѣдущихъ армянъ, „хишатакаранъ" означаетъ не просто памятникъ, а по преимуществу надгробный. Новая мозаика состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ картинъ, соотвѣтствующихъ, вѣроятно, расположенію подземныхъ помѣщеній. Первая картина—продолговатая; она имѣетъ около 5 квадратныхъ аршинъ съ бордюрами и состоитъ изъ 35 (семь въ длину и пять

въ ширину) мозаическихъ взаимно-пересѣкающихся круговъ. Вторая и главная мозаика имѣетъ въ длину 5 аршинъ безъ двухъ вершковъ, въ ширину 4 аршина безъ 5 вершковъ, и представляетъ художественную по исполненію, чудную по замыслу и разнообразнѣйшую по содержанію картину. Всѣхъ фигуръ—35 (семь въ длину и пять въ ширину). Первое мѣсто среди нихъ занимаютъ птицы — каждаго изъ 12-ти видовъ по парѣ. Рядомъ съ птицами — нѣсколько фигуръ рыбъ. Изъ царства растительнаго взяты гранаты, арбузы, виноградъ. Вмѣстѣ всѣ эти фигуры представляютъ одно изящное цѣлое и окружены роскошнымъ бордюромъ. Въ сѣверо-западномъ углу этой мозаики, внѣ бордюра, видно какое-то углубленіе, выложенное тоже мозаикой. Сначала было непонятно назначеніе его, но когда стали мыть мозаику, то поняли, что это углубленіе сдѣлано для стока воды. Вся мозаическая картина имѣетъ нѣкоторый наклонъ къ сѣверо-западу. Третья мозаическая картина имѣетъ видъ небольшаго (около $1^1/_2$ аршинъ) параллепипеда, окруженнаго мозаическими звѣздами. Она лежитъ къ сѣверо-востоку отъ второй большой картины и образуетъ съ нею прямой уголъ. Между второй и третьей картинами находится надпись на армянскомъ языкѣ — изъ 8 словъ, расположенныхъ въ $3^1/_2$ строкахъ. Хотя надпись сохранилась вполнѣ, но читается съ трудомъ. Только послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ чтеній, учителя армянской семинаріи установили одно чтеніе и пониманіе этой надписи, а именно: „Этотъ памятникъ (надгробный) господина (тьярен) Якова, который былъ сдѣланъ по просьбѣ (дословно—спрашиваемою рукою)". Армянское слово „тьярен" не обозначаетъ господина въ обыкновенномъ смыслѣ, какъ у французовъ monsieur,— а оно обыкновенно употребляется въ обращеніи къ архіереямъ, къ патріархамъ, какъ у грековъ δεσπότης. Первый выводъ, такимъ образомъ, изъ вновь открытой надписи тотъ, что это надгробный памятникъ архіерея Якова. Кто былъ этотъ Яковъ, къ какому времени относится памятникъ, — въ надписи указаній не имѣется.

Вопросъ о времени вновь открытой мозаики, нѣкоторымъ образомъ, выясняется изъ особенностей надписи и сравненія этой мозаики съ прежде открытыми. Армянскій архіерей Аства-Цатуръ, авторъ двухтомной исторіи Іерусалима, законченной въ прошломъ году, имѣетъ оттиски всѣхъ армянскихъ надписей въ Палестинѣ. По его словамъ, достаточно взглянуть на вновь открытую надпись, чтобы во всемъ памятникѣ видѣть работу V или начала VI столѣтія. Во всѣхъ письменныхъ памятникахъ этого времени замѣчается одна особенность въ начертаніи буквъ (круглость ихъ) и слитность словъ. Эти двѣ особенности нашли полное подтвержденіе во вновь открытой надписи. Не требуется также большой

прозорливости и догадливости, чтобы видѣть большое сходство вновь открытой мозаики съ мозаикой, находящейся въ комнатѣ. Фигуры, бордюры, самая работа первой мозаики напоминаютъ вторую. Не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что обѣ эти мозаики дѣло рукъ одного мастера, а слѣдовательно, и одновременны. О мозаикѣ же находящейся въ домѣ, составилось общее мнѣніе, что она относится къ V столѣтію.

Мнѣніе, что мозаика, открытая на Елеонѣ, принадлежитъ къ V и VI вѣкамъ, согласно съ показаніемъ исторіи. Въ эту эпоху замѣчался, по словамъ „Церк. Вѣстн.", необыкновенный приливъ армянъ въ Іерусалимъ. Недавно напечатанъ армянскій документъ VIII вѣка, представляющій перечень армянскихъ монастырей въ Іерусалимѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ. Въ то время армяне имѣли 70 монастырей. Вторымъ изъ этихъ монастырей поставленъ „монастырь Панталеона, который былъ освященъ во имя Предтечи, находился на востокѣ Елеонской горы и былъ устроенъ на царскія милости". Естественна мысль, что болѣе знатные армяне устроивали себѣ могилы и выкладывали полы мозаикой около этого Предтеченскаго царскаго монастыря, который процвѣталъ до нашествія Хозроя. Этотъ страшный опустошитель разрушилъ всѣ христіанскіе памятники въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ.

Печальная участь постигла и Елеонскій Предтеченскій манастырь: на мѣстѣ царскихъ зданій оказалась груда мусора, подъ которымъ до нашихъ дней и сохранялись прекраснѣйшія мозаики. (Прав. Вѣстн., № 39, 1893 г.).

—— Нѣмецкая „Presse" (№ 50, 1893 г.) сообщаетъ, что новый директоръ египетскихъ музеевъ въ Каиро Морганъ нашелъ въ Сахарѣ близъ Серапеума двѣ великолѣпныя деревянныя статуи временъ фараоновъ, строителей пирамидъ. Въ высшей степени реальное выраженіе лицъ далеко превосходитъ всемірно-извѣстнаго „Шехъ-ель-Беледа" (сельскій староста), находящагося въ каирскомъ музеѣ. Деревянная статуя „Шехъ-эль-Беледа", вырытая 30 лѣтъ назадъ въ той-же мѣстности Маріэттомъ, занимала въ исторіи искусствъ выдающееся положеніе, которое теперь будетъ оспариваться вновь найденными, возбуждающими всеобщее удивленіе, статуями, которыя теперь переправлены къ гробницѣ Ти, извѣстной всѣмъ путешественникамъ. Находка эта представляетъ новое доказательство, что сколько еще археологическаго богатства хранитъ въ себѣ песокъ пустыни.

—— „Presse" (№ 66, 1893 г.) со словъ „Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik" сообщаетъ объ открытіи въ Америкѣ

„Помпеи“: недавно, въ 3-хъ километрахъ къ востоку отъ Сантьяго де лосъ Кабаллеросъ, одного изъ значительнѣйшихъ городовъ Гватемалы, у подошвы вулкана Агуа, найденъ засыпанный городъ. Донъ Альворадо, землевладѣлецъ въ этой мѣстности, случайно нашелъ нѣсколько предметовъ, имѣвшихъ, большое сходство съ домашнею утварью, которую употребляли туземцы во времена открытія Новаго Свѣта. Предпринятыя на мѣстѣ находки раскопки дали на глубинѣ отъ 2-хъ до 5 метровъ цѣлую кучу интереснѣйшихъ предметовъ—домашнюю утварь, фаянсовую посуду, стеклянную посуду, покрытую краскою и рѣзьбой, вазы, кухонные горшки—все прекрасной сохранности. Также были вырыты топоръ, молотки, сабли, ножи и наконечники копій изъ оникса, короче сказать, цѣлый рядъ оружія, бывшаго въ тѣ времена въ употребленіи у Индѣйцевъ. Найдена была цѣлая масса глиняныхъ разрисованныхъ божковъ, жемчужинъ, бирюзы и разныхъ цѣнныхъ камней, круглой шлифовки, и нанизанныхъ въ ожерелья. На нѣкоторыхъ стеклянныхъ сосудахъ находятся очень хорошо сдѣланные рисунки съ гіероглифическими надписями и съ орнаментами, исполненными прозрачными красками. Найденныя статуи изъ прекраснаго чернаго базальта, свидѣтельствуютъ о значительной техникѣ, чѣмъ болѣе это удивительно, что для обработки были употребляемы каменныя орудія, такъ какъ при раскопкахъ не найдено ни одного металлическаго предмета. Это последнее обстоятельство заставляетъ высказать предположеніе, что находки относятся къ каменному вѣку, который, во всякомъ случаѣ, въ Америкѣ продолжался дольше, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ. Уже на глубинѣ $1^1/_2$ метра наткнулись на стѣны домовъ древняго города и на глубинѣ фундамента нашли цѣлую кучу расположенныхъ въ безпорядкѣ человѣческихъ костяковъ, частью въ сидячемъ положеніи, частью лежащихъ на спинѣ или навзничъ. Доисторическая раса, населявшая отрытый городъ, была, какъ показываютъ костяки, очень высокаго роста: костяки имѣли до двухъ метровъ длины. Положеніе костяковъ, равно какъ и состояніе развалинъ, позволяютъ заключить, что городъ исчезъ съ лица земли вслѣдствіи изверженія вулкана.

IV

Разныя извѣстія.

—— Объ открытіи въ Новгородѣ въ нынѣшнемъ году Музея „Моск. Вѣд.“ (№ 21) сообщаютъ слѣдующее: „17 января, въ Новгородѣ, въ присутствіи губернатора, высокопреосвященнаго архіепископа Ѳеогноста, губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства, всѣхъ гласныхъ губернскаго земства и городской думы освящено зданіе новгородскаго музея древностей. При открытіи музея, новгородскій губернаторъ А. Н. Мосоловъ, какъ сообщаетъ „Правительственный Вѣстникъ“, сообщилъ въ краткихъ словахъ исторію возникновенія музея, упомянувъ что около 30 лѣтъ тому назадъ скончавшійся недавно протоіерей отецъ Николай Богословскій, при содѣйствіи тогдашняго начальника губерніи, покойнаго Э. В. Лерхе, положилъ начало собиранію памятниковъ старины, преимущественно новгородской. Въ 1878 г. Великіе Князья Сергѣй и Павелъ Александровичи, Константинъ и Дмитрій Константиновичи обратили вниманіе на богатство собранныхъ отцомъ Николаемъ коллекцій и своими пожертвованіями положили основаніе новгородскому музею. Вниманіемъ и трудами нынѣшняго губернатора это учрежденіе значительно пополнено и будущее его развитіе обезпечено устройствомъ приличнаго зданія и открытіемъ при немъ библіотеки для облегченія научныхъ работъ по исторіи, археологіи, статистикѣ и этнографіи края. Основаніе музея нашло сочувственный откликъ во всемъ новгородскомъ обществѣ: новгородское дворянство, въ лицѣ многихъ своихъ представителей, помогло музею не только денежными пожертвованіями, но и цѣнными вкладами изъ своихъ семейныхъ архивовъ; городское общество уже выразило свою признательность устроителямъ музея особымъ постановленіемъ, которымъ обезпечивается, въ нѣкоторой мѣрѣ, дальнѣйшее существованіе музея; наконецъ, въ средѣ сочувствующихъ этому дѣлу лицъ возникаетъ Новгородское Общество Любителей Древности. Отраднымъ явленіемъ въ жизни музея является также то обстоятельство, что ко времени его открытія, во главѣ новгородской паствы, поставленъ архипастырь, извѣстный своею любовію къ сохраненію памятниковъ древности“.

Ко дню открытія музея вышло „Краткое описаніе Новгородскаго Музея“, составленное гг. Ласковскимъ и Лашковымъ (изданіе нов-

городскаго губернск. статист. комитета), изъ историческаго очерка котораго видно, что музей помѣщается въ Златоустовской башнѣ новгородскаго дѣтинца и пристроенномъ флигелѣ, соединенномъ съ башнею особымъ зданіемъ. Зданіе выстроено въ „теремномъ“ характерѣ и украшено снаружи старинными изразцами, а наружныя двери сдѣланы по образцу дверей углицкой церкви св. Димитрія царевича. Внутри одинъ изъ входовъ расписанъ фресковой живописью по рисункамъ Новоладожской церкви XII вѣка. Музей распадается на слѣдующіе отдѣлы: церковный, историческій, бытовой, оружіе, образцы письменности и книги, строительный, нумизматическій и „раритеты“. Въ церковномъ отдѣлѣ особаго вниманія заслуживаютъ фрески XV или начала XVI в., перенесенныя изъ церкви пр. Сергія, на Владычномъ дворѣ, изображающія житіе преподобнаго, количествомъ 13. Въ числѣ иконъ „Краткое описаніе“ отмѣчаетъ нѣсколько иконъ московскихъ писемъ, изображающихъ преп. Кирилла Бѣлозерскаго, Отечество и „Всякое дыханіе“. Изъ нѣсколькихъ рѣзныхъ церковныхъ предметовъ музея XVII вѣка (по опредѣленію авторовъ „Краткаго описанія“) описаны: Христосъ въ темницѣ, св. Нилъ Столбенскій, Распятіе и проч.; собраніе мѣдныхъ иконъ и разной церковной утвари довольно значительно; изъ числа паникадилъ интересны 2 мельхіоровыхъ (?), Нюренбергской работы, вкладъ Бориса Годунова въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Въ отдѣлѣ историческихъ и бытовыхъ памятниковъ находятся портреты царственныхъ особъ, посуда съ царскими вензелями, кладъ серебряныхъ предметовъ изъ Старорусскаго уѣзда (судя по приложенному рисунку, XI—XII в.), состоящій изъ пары бляхъ съ византійскими крестами (по объясненію авторовъ „Краткаго описанія“ — гербы знатныхъ лицъ), перстней, серебряной цѣпи (въ родѣ бахромы) и др. вещей. Памятники каменнаго и металлическаго вѣковъ представлены предметами изъ случайныхъ находокъ въ Новгородской губ. и изъ пожертвованій кн. Путятина. Въ отдѣлѣ оружія описаны: холодное вооруженіе—топоры, бердыши; метательное — лукъ, самострѣлы XVII в., артиллерійскія орудія XVII в.; знамена, значки и проч. Къ числу „раритетовъ“ въ музеѣ отнесены: бивни мамонта, осколки мрамора отъ гробницъ изъ римскихъ катакомбъ, калмыцкіе идолы, мѣдный утюгъ, неупотребляющейся нынѣ формы, кусокъ лавы изъ Везувія (?) и т. п. „Описаніе“ снабжено 14-ю таблицами рисунковъ памятниковъ музея и его видовъ.

—— Въ Кишиневѣ существуетъ не безъизвѣстный любителямъ классическихъ древностей музей, составляющій собственность частнаго лица — И. К. Суручана. Музей является хранилищемъ древностей, которыя удалось собрать И. К. Суручану въ періодъ около 30 лѣтъ.

Музей этотъ представляетъ богатыя коллекціи вещей, найденныхъ на мѣстахъ греческихъ колоній на черноморскихъ берегахъ. Предметы, находящіеся въ музеѣ, распадаются на нѣсколько отдѣловъ: нумизматическій, керамическій, лапидарный и т. п. Коллекція нумизматическая заключаетъ болѣе 10 тысячъ цѣнныхъ, въ археологическомъ смыслѣ, монетъ. Керамическій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ: терракотты, греческія амфоры, расписныя вазы и различные мелкіе греческіе сосуды. Одинъ обломокъ большой расписной вазы, съ красными фигурами по черному фону, содержитъ на внутренней сторонѣ загадочную, нацарапанную надпись греческими буквами (будетъ изданъ въ III т. Inscriptionum orae septentrionalis Ponti Euxini). Подобныя же надписи встрѣчаются и на нѣкоторыхъ другихъ обломкахъ. Большихъ и малыхъ амфоръ (цѣльныхъ) въ музеѣ имѣется 63; одна изъ нихъ, доставленная изъ Гурзуфа, отличается исполинскими размѣрами: болѣе 1 сажени высоты и 50 пудовъ вѣсомъ. Наконецъ, здѣсь же хранится болѣе 1300 амфорныхъ ручекъ, 78 черепицъ и 68 амфорныхъ горлышекъ, на которыхъ находятся обычные греческія клейма. Въ числѣ мелкихъ глиняныхъ сосудовъ нѣкоторые поражаютъ своей миніатюрностью при чрезвычайно искусной работѣ. Таковъ, напр., миніатюрный (менѣе наперстка) сосудикъ въ видѣ кувшинчика, покрытый голубой поливой. Сверхъ того, почти всѣ роды греческихъ сосудовъ представлены въ музеѣ. Здѣсь же мы находимъ и образцы кирпичныхъ карнизовъ съ отдѣльными буквами въ меандрѣ, напр., Р, Н, В, А, идущими въ этомъ порядкѣ справа на лѣво.

Коллекціи золотыхъ вещей представляютъ значительное разнообразіе: небольшіе львы, въ видѣ привѣсокъ, отпечатки человѣческихъ масокъ, небольшаго размѣра, дѣтскіе перстни и т. п. Въ послѣднее время этотъ отдѣлъ обогатился прекраснымъ золотымъ вѣнцомъ съ довольно загадочной греческой надписью позднѣйшаго времени. Точно также коллекція мраморовъ обогатилась скульптурнымъ изображеніемъ льва съ прекрасно выдѣланнымъ туловищемъ. Къ сожалѣнію, льву еще не достаетъ нѣкоторыхъ частей: хвоста и заднихъ лапъ. Коллекція рѣзныхъ камней представляетъ превосходные образцы тонкой греческой работы этого рода.

Наконецъ, гордость музея составляетъ коллекція стеклянной греческой посуды, представляющей образцы стеклянныхъ греческихъ произведеній самыхъ разнообразныхъ формъ и размѣровъ. Въ особенности замѣчательна одна стеклянная ваза, довольно значительныхъ размѣровъ. Къ сожалѣнію, часть вазы при промывкѣ сломана. Довольно богатъ отдѣлъ надписей на камняхъ: известковыхъ и мраморныхъ. Достаточно

просмотрѣть I-й томъ Inscriptionum gr. et l. orae. s. P. E., чтобы имѣть представленіе о цѣнномъ матеріалѣ, хранящемся въ музеѣ: его превосходятъ лишь немногіе государственные музеи. Въ частности очень оригинальны надписи (на мраморѣ), изданные В. В. Латышевымъ подъ №№ 166, и слѣд., состоящіе изъ греческихъ (и кое гдѣ латинскихъ) буквъ съ прибавкою знаковъ, не имѣющихся въ греческомъ алфавитѣ. Смыслъ ихъ до сихъ поръ еще не разгаданъ. И въ этомъ отдѣлѣ—надписей на камняхъ—въ послѣднее время владѣльцемъ получены нѣкоторыя новости. Всего неизданныхъ надписей теперь имѣется 42; онѣ, вѣроятно, въ скоромъ времени выйдутъ особымъ „Сборникомъ", посвященнымъ памяти П. Шумскаго *). Большинство надписей фрагментарно. Три номера представляютъ выдающійся интересъ: одна надпись, повидимому, имѣетъ значеніе для топографіи священныхъ пунктовъ, а двѣ другія (псефизмы римскаго времени)—по прекрасной сохранности, довольно значительнымъ размѣрамъ и исторической важности, повидимому, имѣютъ не малое значеніе для ольвійской хронологіи. Въ музей поступали вещи, находимыя почти исключительно въ Ольвіи, Керчи, Аккерманѣ и вообще на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря. Изъ другихъ мѣстностей, другихъ народовъ и временъ вещей почти нѣтъ. Впрочемъ, въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года И. К. Суручанъ получилъ изъ Египта мумію, повидимому женщины, заключенную въ двухъ гробахъ; покойница принадлежала, вѣроятно, къ среднему классу—ремесленниковъ.

Прекраснымъ дополненіемъ къ музею служитъ цѣнная библіотека, въ составъ которой входитъ много сочиненій, весьма важныхъ для изученія греческихъ древностей вообще и въ частности черноморскихъ.

Музей и библіотека всегда доступны для всѣхъ интересующихся классической древностью, благодаря полной любезности владѣльца, который всю свою душу вложилъ въ это дѣло. (Сообщ. В. М. Сысоевъ).

—— По словамъ „Новаго Времени" (№ 6118, 1893 г.) въ Архангельскѣ основывается Общество любителей старины, задавшееся цѣлью изслѣдованія памятниковъ древности въ Архангельской губерніи.

—— „Московскія Вѣдомости" (№ 64, 1893 г.) сообщаютъ, что что послѣ смерти извѣстнаго дѣятеля на югѣ Россіи и собирателя древностей, А. Н. Поля, по просьбѣ вдовы, для болѣе правильной ликвидаціи дѣлъ и уплаты долговъ покойнаго, учреждено опекунское управленіе, начавшее продавать его имѣнія; теперь на очереди стоитъ продажа его музея, находящагося въ Екатеринославѣ. Музей особенно богатъ предметами временъ Запорожцевъ; въ немъ также много рѣд-

*) Умершаго родственника И. К. Суручана.

кихъ предметовъ каменнаго и металлическаго вѣка. Покойный скупалъ все, что было цѣннаго при раскопкахъ. Много въ музеѣ серебряныхъ, золотыхъ вещей и севрскаго фарфора. Любители, въ особенности иностранцы, лѣтъ 5—6 назадъ, цѣнили его въ 200,000 рублей; теперь, когда предстоитъ надобность въ продажѣ, говорятъ, предлагаютъ отъ 50 до 60 тысячъ рублей. И очень можетъ быть, что за такую сумму онъ и пойдетъ за границу, въ Англію, откуда являются покупатели. Нечего и говорить, что весьма желательно, чтобы Музей не ушелъ въ руки иностранцевъ, а остался бы или въ Екатеринославѣ, откуда его, по мнѣнію корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“, не должно бы выпускать мѣстное дворянство изъ уваженія къ памяти и заслугамъ покойнаго А. Н. Поля, или же, наконецъ, поступилъ въ одинъ изъ столичныхъ русскихъ музеевъ.

—— Редакцію извѣщаютъ, что напечатанное на стр. 75 „Археол. Изв. и Зам.“ сообщеніе о сожженіи въ подмосковномъ с. Карачаровѣ иконостаса не вѣрно; сожженъ былъ не иконостасъ, а престолъ, находившійся въ церкви этого села въ предѣлѣ храма въ честь Знаменія Пресвятыя Богородицы, пришедшій отъ времени (онъ тамъ находился 60 лѣтъ) въ ветхость. Подробности этого обряда сожженія напечатаны въ № 2 „Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“.

—— Вдова Шлимана изъявила согласіе дать Дёрпфельду денегъ на новую трехмѣсячную экспедицію въ Трою, куда онъ отправится въ половинѣ апрѣля настоящаго года. Передъ этимъ онъ совершитъ на нанятомъ имъ пароходѣ путешествіе по нѣкоторымъ островамъ архипелага и намѣренъ посѣтить Эгину, Поросъ, Делосъ, Миконосъ, Еретрію, Оропосъ, Рамнусъ, Мараѳонъ и Суніонъ (Berl. Phil. Woch. № 6, 1893).

V

Библіографія.

Труды седьмаго Археологическаго Съѣзда въ Ярославлѣ въ 1887 г. Томъ III. Подъ редакціей гр. Уваровой. Съ XXIX т. и многочисленными рисунками въ текстѣ. Москва 1892 г.

Появленіе 3-го тома Трудовъ VII съѣзда обязано субсидіи, отпущенной, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія (1,000 руб.), и щедрой помощи (5,000 р.), оказанной жителемъ Ярославля С. Н. Сорокинымъ. Главное содержаніе тома состоитъ изъ 4-хъ статей: Н. Ѳ. Красносельцева — Объ Обиходникѣ Архангелогородскаго собора и приложенной къ нему лѣтописи; А. М. Павлинова—Древности Ярославскія и Ростовскія

статья, представляющая большой интересъ по тому богатому матеріалу, который даетъ авторъ. А. М. Павлиновъ даетъ подробное описаніе замѣчательныхъ ярославскихъ церквей—Іоанна Предтечи въ слободѣ Толчковѣ, Іоанна Златоуста, въ Коровникахъ и Ильи Пророка, снабжая свои описанія архитектурными чертежами, разрѣзами, планами, промѣрами и копіями со старинныхъ рисунковъ тѣхъ же церквей. Въ особой главѣ „деревянное зодчество" имъ описываются превосходныя произведенія ярославскихъ рѣзчиковъ—иконостасы, царскія врата, царскія и патріаршія сидѣнья и надпрестольныя сѣни, превовосходная работа которыхъ передана въ прекрасныхъ рисункахъ автора или же посредствомъ фотографіи. Высокая степень рѣзнаго русскаго искусства видна въ надпрестольной сѣни ц. Ильи Пророка, сдѣланной въ 1657 г., и другая—въ Никольской Надеенской церкви 1636 г.; къ той же школѣ относятся сидѣнья царское (по преданію, царя Алексѣя Михайловича) и патріарха Никона; лицевая сторона царскаго сидѣнья представляетъ прекрасно вырѣзанную доску съ двуглавымъ орломъ среди богатаго растительнаго орнамента, съ птицами и сиренами. Такимъ же образомъ тщательно описаны и Ростовскія церкви—Іоанна Богослова, Воскресенія Борисоглѣбскій монастырь, Спасъ на Сѣняхъ, ростовскій Соборъ и церковь Іоанна Богослова на Ишнѣ съ ея прекрасными рѣзными царскими вратами. Всѣ описанныя церкви принадлежатъ къ разцвѣту русской архитекуры къ XVII в., и если въ постройкѣ ярославскихъ церквей и участвовали голландскіе мастера, то, несмотря на ихъ участіе, вліянія, по словамъ автора (стр. 21), нисколько не сказалось и стиль построекъ чисто русскій. Живописи на стѣнахъ церквей авторъ не касается. С. О. Долговъ представилъ Описаніе Евангелія XIII в., принадлежащаго Ярославскому Архіерейскому Дому; Евангеліе, къ сожалѣнію, не все сохранившееся, писано на пергаментѣ и украшено многими замѣчательными по раскраскѣ и композиціи заглавными буквами, нѣсколько образцовъ которыхъ приложено на 2-хъ хромолитографированныхъ таблицахъ. Е. В. Барсовъ—Харатейный списокъ XIV в. молитвъ Кирилла Туровскаго. Въ Приложеніи къ III тому помѣщены протоколы Съѣзда и археологическій матеріалъ, составляющій отвѣты на запросы съѣзда, съ мелкими статьями гг. Голышева, Полевктова, Ордина. Чекалина, Богословскаго—послѣдній представилъ описаніе деревянныхъ сосудовъ и брачныхъ вѣнцовъ изъ Нижегородской губерніи, съ рисунками; Суворова—о надписяхъ на церковныхъ предметахъ въ церквахъ Вологодскаго уѣзда и др. Въ концѣ помѣщено описаніе, сдѣланное г. Ординымъ, древностей Сольвычегодскаго Благовѣщенскаго Собора, въ числѣ которыхъ представляютъ интересъ: серебряныя, превосходной чеканной работы, ладаница и братина съ надписями (при описаніи рисунки), изъ которыхъ видно, что онѣ были положены въ церковь Н. Г. Строгановымъ; крайне интересенъ по работѣ холщевый съ изображеніями саккосъ св. Стефана Пермскаго и наконецъ—г. Колчина—двѣ грамоты изъ архива Соловецкаго монастыря.

Древности Восточныя. Труды Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, изданные подъ редакціей М. В. Никольскаго. Томъ I. Съ 14 таблицами фототипій и цинкографій, одной автографіей и 45 рисунками въ текстѣ. Москва 1893. Цѣна 12 рублей.

Настоящее изданіе представляетъ результаты дѣятельности учрежденной въ 1887 году при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ Восточной Коммиссіи со спеціальною цѣлію изслѣдованія Восточныхъ древностей, преимущественно надписей и литературныхъ памятниковъ Востока. Большой томъ, объемомъ въ 61 листъ убористой печати, со множествомъ иногда пространныхъ текстовъ и цитатъ на разныхъ восточныхъ языкахъ восточными шрифтами, украшенный фототипіями и рисунками представляетъ уже самъ по себѣ явленіе новое и въ своемъ родѣ исключительное. Изданіе выходило выпусками, которыхъ числомъ было 3. Въ первомъ выпускѣ, изданномъ въ 1889 году, особенное вниманіе удѣлено разработкѣ незадолго до того времени открытыхъ въ Семирѣченской области несторіанскихъ надгробныхъ надписей, изъ коихъ большая часть написана на сирскомъ языкѣ и только немногія—на языкѣ тюркскомъ. Обработка сирскихъ надписей принадлежитъ *С. С. Слуцкому*, тюркскихъ—*Ѳ. Е. Коршу*. Затѣмъ нѣсколько статей посвящены были замѣчательнымъ предметамъ бывшей въ Москвѣ месопотамской коллекціи г. Блау, именно статьи *М. В. Никольскаго:* Халдейскій вѣкъ эпохи Гудеа и „о сомнительныхъ древностяхъ изъ Месопотаміи", *И. И. Соловейчика:* „О еврейско-вавилонской вазѣ". Статья *В. К. Трутовскаго:* „Гулистанъ золотой Орды" представляетъ попытку опредѣлить мѣстоположеніе одного изъ важныхъ монетныхъ дворовъ Золотой Орды. Къ выпуску приложены протоколы засѣданій Восточной Коммиссіи, содержащіе исторію возникновенія Коммиссіи, ея организацію и отчетъ о первыхъ 10 засѣданіяхъ. Во 2 выпускѣ, вышедшемъ въ 1891 году, помѣщена статья *В. Ѳ. Миллера:* „О сарматскомъ богѣ Іатафарнѣ", имя котораго изображено въ золотомъ амулетѣ изъ собранія графа И. И. Толстаго. Затѣмъ слѣдуютъ двѣ статьи *М. В. Никольскаго:* „Вавилонскій контрактъ о продажѣ дома 666 г. до Р. Х." съ прекраснымъ фототипическимъ снимкомъ съ самаго контракта, и „По вопросу объ изображеніи женскаго божества на вавилонскихъ цилиндрахъ и статуэткахъ". Послѣдняя статья, въ виду ея интереса по вопросу объ именахъ божествъ, упоминаемыхъ на цилиндрахъ, переведена на французскій языкъ и помѣщена въ Revue archéologique (Juillet-août, 1892), Статья *В. К. Трутовскаго:* „Текіе Афганъ-Мохаммедъ-Султана въ г. Касимовѣ и вновь открытыя въ ней могильныя плиты съ надписями" представляетъ опытъ объ историческомъ значеніи и о чтеніи касимовскихъ надписей на основаніи снимковъ, представленныхъ на выставку VIII археологическаго съѣзда въ Москвѣ. Въ статьѣ *Г. А. Муркоса:* „О рукописномъ сборникѣ XVII в. на разныхъ восточныхъ языкахъ изъ собранія графа А. С. Уварова" опубликованъ текстъ съ переводомъ и замѣчаніями одного письма Антіохійскаго патріарха Макарія, написаннаго имъ въ бытность его

просмотрѣть I-й томъ Inscriptionum gr. et l. orae. s. P. E., чтобы имѣть представленіе о цѣнномъ матеріалѣ, хранящемся въ музеѣ: его превосходятъ лишь немногіе государственные музеи. Въ частности очень оригинальны надписи (на мраморѣ), изданные В. В. Латышевымъ подъ №№ 166, и слѣд., состоящіе изъ греческихъ (и кое гдѣ латинскихъ) буквъ съ прибавкою знаковъ, не имѣющихся въ греческомъ алфавитѣ. Смыслъ ихъ до сихъ поръ еще не разгаданъ. И въ этомъ отдѣлѣ— надписей на камняхъ—въ послѣднее время владѣльцемъ получены нѣкоторыя новости. Всего неизданныхъ надписей теперь имѣется 42; онѣ, вѣроятно, въ скоромъ времени выйдутъ особымъ „Сборникомъ", посвященнымъ памяти П. Шумскаго *). Большинство надписей фрагментарно. Три номера представляютъ выдающійся интересъ: одна надпись, повидимому, имѣетъ значеніе для топографіи священныхъ пунктовъ, а двѣ другія (псефизмы римскаго времени)—по прекрасной сохранности, довольно значительнымъ размѣрамъ и исторической важности, повидимому, имѣютъ не малое значеніе для ольвійской хронологіи. Въ музей поступали вещи, находимыя почти исключительно въ Ольвіи, Керчи, Аккерманѣ и вообще на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря. Изъ другихъ мѣстностей, другихъ народовъ и временъ вещей почти нѣтъ. Впрочемъ, въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года И. К. Суручанъ получилъ изъ Египта мумію, повидимому женщины, заключенную въ двухъ гробахъ; покойница принадлежала, вѣроятно, къ среднему классу—ремесленниковъ.

Прекраснымъ дополненіемъ къ музею служитъ цѣнная библіотека, въ составъ которой входитъ много сочиненій, весьма важныхъ для изученія греческихъ древностей вообще и въ частности черноморскихъ.

Музей и библіотека всегда доступны для всѣхъ интересующихся классической древностью, благодаря полной любезности владѣльца, который всю свою душу вложилъ въ это дѣло. (Сообщ. В. М. Сысоевъ).

—— По словамъ „Новаго Времени" (№ 6118, 1893 г.) въ Архангельскѣ основывается Общество любителей старины, задавшееся цѣлью изслѣдованія памятниковъ древности въ Архангельской губерніи.

—— „Московскія Вѣдомости" (№ 64, 1893 г.) сообщаютъ, что что послѣ смерти извѣстнаго дѣятеля на югѣ Россіи и собирателя древностей, А. Н. Поля, по просьбѣ вдовы, для болѣе правильной ликвидаціи дѣлъ и уплаты долговъ покойнаго, учреждено опекунское управленіе, начавшее продавать его имѣнія; теперь на очереди стоитъ продажа его музея, находящагося въ Екатеринославѣ. Музей особенно богатъ предметами временъ Запорожцевъ; въ немъ также много рѣд-

*) Умершаго родственника И. К. Суручана.

кихъ предметовъ каменнаго и металлическаго вѣка. Покойный скупалъ все, что было цѣннаго при раскопкахъ. Много въ музеѣ серебряныхъ, золотыхъ вещей и севрскаго фарфора. Любители, въ особенности иностранцы, лѣтъ 5—6 назадъ, цѣнили его въ 200,000 рублей; теперь, когда предстоитъ надобность въ продажѣ, говорятъ, предлагаютъ отъ 50 до 60 тысячъ рублей. И очень можетъ быть, что за такую сумму онъ и пойдетъ за границу, въ Англію, откуда являются покупатели. Нечего и говорить, что весьма желательно, чтобы Музей не ушелъ въ руки иностранцевъ, а остался бы или въ Екатеринославѣ, откуда его, по мнѣнію корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей", не должно бы выпускать мѣстное дворянство изъ уваженія къ памяти и заслугамъ покойнаго А. Н. Поля, или же, наконецъ, поступилъ въ одинъ изъ столичныхъ русскихъ музеевъ.

—— Редакцію извѣщаютъ, что напечатанное на стр. 75 „Археол. Изв. и Зам." сообщеніе о сожженіи въ подмосковномъ с. Карачаровѣ иконостаса не вѣрно; сожженъ былъ не иконостасъ, а престолъ, находившійся въ церкви этого села въ предѣлѣ храма въ честь Знаменія Пресвятыя Богородицы, пришедшій отъ времени (онъ тамъ находился 60 лѣтъ) въ ветхость. Подробности этого обряда сожженія напечатаны въ № 2 „Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей".

—— Вдова Шлимана изъявила согласіе дать Дёрпфельду денегъ на новую трехмѣсячную экспедицію въ Трою, куда онъ отправится въ половинѣ апрѣля настоящаго года. Передъ этимъ онъ совершитъ на нанятомъ имъ пароходѣ путешествіе по нѣкоторымъ островамъ архипелага и намѣренъ посѣтить Эгину, Поросъ, Делосъ, Миконосъ, Еретрію, Оропосъ, Рамнусъ, Мараѳонъ и Суніонъ (Berl. Phil. Woch. № 6, 1893).

V

Библіографія.

Труды седьмаго Археологическаго Съѣзда въ Ярославлѣ въ 1887 г. Томъ III. Подъ редакціей гр. Уваровой. Съ XXIX т. и многочисленными рисунками въ текстѣ. Москва 1892 г.

Появленіе 3-го тома Трудовъ VII съѣзда обязано субсидіи, отпущенной, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія (1,000 руб.), и щедрой помощи (5,000 р.), оказанной жителемъ Ярославля С. Н. Сорокинымъ. Главное содержаніе тома состоитъ изъ 4-хъ статей: Н. Ѳ. Красносельцева — Объ Обиходникѣ Архангелогородскаго собора и приложенной къ нему лѣтописи; А. М. Павлинова—Древности Ярославскія и Ростовскія

статья, представляющая большой интересъ по тому богатому матеріалу, который даетъ авторъ. А. М. Павлиновъ даетъ подробное описаніе замѣчательныхъ ярославскихъ церквей—Іоанна Предтечи въ слободѣ Толчковѣ, Іоанна Златоуста, въ Коровникахъ и Ильи Пророка, снабжая свои описанія архитектурными чертежами, разрѣзами, планами, промѣрами и копіями со старинныхъ рисунковъ тѣхъ же церквей. Въ особой главѣ „деревянное зодчество“ имъ описываются превосходныя произведенія ярославскихъ рѣзчиковъ — иконостасы, царскія врата, царскія и патріаршія сидѣнья и надпрестольныя сѣни, превовосходная работа которыхъ передана въ прекрасныхъ рисункахъ автора или же посредствомъ фотографіи. Высокая степень рѣзнаго русскаго искусства видна въ надпрестольной сѣни ц. Ильи Пророка, сдѣланной въ 1657 г., и другая—въ Никольской Надеенской церкви 1636 г.; къ той же школѣ относятся сидѣнья царское (по преданію, царя Алексѣя Михайловича) и патріарха Никона; лицевая сторона царскаго сидѣнья представляетъ прекрасно вырѣзанную доску съ двуглавымъ орломъ среди богатаго растительнаго орнамента, съ птицами и сиренами. Такимъ же образомъ тщательно описаны и Ростовскія церкви—Іоанна Богослова, Воскресенія Борисоглѣбскій монастырь, Спасъ на Сѣняхъ, ростовскій Соборъ и церковь Іоанна Богослова на Ишнѣ съ ея прекрасными рѣзными царскими вратами. Всѣ описанныя церкви принадлежатъ къ разцвѣту русской архитекуры къ XVII в., и если въ постройкѣ ярославскихъ церквей и участвовали голландскіе мастера, то, несмотря на ихъ участіе, вліянія, по словамъ автора (стр. 21), нисколько не сказалось и стиль построекъ чисто русскій. Живописи на стѣнахъ церквей авторъ не касается. С. О. Долговъ представилъ Описаніе Евангелія XIII в., принадлежащаго Ярославскому Архіерейскому Дому; Евангеліе, къ сожалѣнію, не все сохранившееся, писано на пергаментѣ и украшено многими замѣчательными по раскраскѣ и композиціи заглавными буквами, нѣсколько образцовъ которыхъ приложено на 2-хъ хромолитографированныхъ таблицахъ. Е. В. Барсовъ—Харатейный списокъ XIV в. молитвъ Кирилла Туровскаго. Въ Приложеніи къ III тому помѣщены протоколы Съѣзда и археологическій матеріалъ, составляющій отвѣты на запросы съѣзда, съ мелкими статьями гг. Голышева, Полевктова, Ордина. Чекалина, Богословскаго—послѣдній представилъ описаніе деревянныхъ сосудовъ и брачныхъ вѣнцовъ изъ Нижегородской губерніи, съ рисунками; Суворова—о надписяхъ на церковныхъ предметахъ въ церквахъ Вологодскаго уѣзда и др. Въ концѣ помѣщено описаніе, сдѣланное г. Ординымъ, древностей Сольвычегодскаго Благовѣщенскаго Собора, въ числѣ которыхъ представляютъ интересъ: серебряныя, превосходной чеканной работы, ладаница и братина съ надписями (при описаніи рисунки), изъ которыхъ видно, что они были положены въ церковь Н. Г. Строгановымъ; крайне интересенъ по работѣ холщевый съ изображеніями саккосъ св. Стефана Пермскаго и наконецъ — г. Колчина—двѣ грамоты изъ архива Соловецкаго монастыря.

Древности Восточныя. Труды Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, изданные подъ редакціей М. В. Никольскаго. Томъ I. Съ 14 таблицами фототипій и цинкографій, одной автографіей и 45 рисунками въ текстѣ. Москва 1893. Цѣна 12 рублей.

Настоящее изданіе представляетъ результаты дѣятельности учрежденной въ 1887 году при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ Восточной Коммиссіи со спеціальною цѣлію изслѣдованія Восточныхъ древностей, преимущественно надписей и литературныхъ памятниковъ Востока. Большой томъ, объемомъ въ 61 листъ убористой печати, со множествомъ иногда пространныхъ текстовъ и цитатъ на разныхъ восточныхъ языкахъ восточными шрифтами, украшенный фототипіями и рисунками представляетъ уже самъ по себѣ явленіе новое и въ своемъ родѣ исключительное. Изданіе выходило выпусками, которыхъ числомъ было 3. Въ первомъ выпускѣ, изданномъ въ 1889 году, особенное вниманіе удѣлено разработкѣ незадолго до того времени открытыхъ въ Семирѣченской области несторіанскихъ надгробныхъ надписей, изъ коихъ большая часть написана на сирскомъ языкѣ и только немногія—на языкѣ тюркскомъ. Обработка сирскихъ надписей принадлежитъ *С. С. Слуцкому*, тюркскихъ—*Ѳ. Е. Коршу*. Затѣмъ нѣсколько статей посвящены были замѣчательнымъ предметамъ бывшей въ Москвѣ месопотамской коллекціи г. Блау, именно статьи *М. В. Никольскаго:* Халдейскій вѣкъ эпохи Гудеа и „о сомнительныхъ древностяхъ изъ Месопотаміи", *И. И. Соловейчика:* „О еврейско-вавилонской вазѣ". Статья *В. К. Трутовскаго:* „Гулистанъ золотой Орды" представляетъ попытку опредѣлить мѣстоположеніе одного изъ важиыхъ монетныхъ дворовъ Золотой Орды. Къ выпуску приложены протоколы засѣданій Восточной Коммиссіи, содержащіе исторію возникновенія Коммиссіи, ея организацію и отчетъ о первыхъ 10 засѣданіяхъ. Во 2 выпускѣ, вышедшемъ въ 1891 году, помѣщена статья *В. Ѳ. Миллера:* „О сарматскомъ богѣ Іатафарнѣ", имя котораго изображено въ золотомъ амулетѣ изъ собранія графа И. И. Толстаго. Затѣмъ слѣдуютъ двѣ статьи *М. В. Никольскаго:* „Вавилонскій контрактъ о продажѣ дома 666 г. до Р. Х." съ прекраснымъ фототипическимъ снимкомъ съ самаго контракта, и „По вопросу объ изображеніи женскаго божества на вавилонскихъ цилиндрахъ и статуэткахъ". Послѣдняя статья, въ виду ея интереса по вопросу объ именахъ божествъ, упоминаемыхъ на цилиндрахъ, переведена на французскій языкъ и помѣщена въ Revue archéologique (Juillet-août, 1892), Статья *В. К. Трутовскаго:* „Текіе Афганъ-Мохаммедъ-Султана въ г. Касимовѣ и вновь открытыя въ ней могильныя плиты съ надписями" представляетъ опытъ объ историческомъ значеніи и о чтеніи касимовскихъ надписей на основаніи снимковъ, представленныхъ на выставку VIII археологическаго съѣзда въ Москвѣ. Въ статьѣ *Г. А. Муркоса:* „О рукописномъ сборникѣ XVII в. на разныхъ восточныхъ языкахъ изъ собранія графа А. С. Уварова" опубликованъ текстъ съ переводомъ и замѣчаніями одного письма Антіохійскаго патріарха Макарія, написаннаго имъ въ бытность его

въ Москвѣ въ качествѣ Алеппскаго митрополита. Обширный трудъ *Г. Г. Церетели:* „Полное собраніе надписей и приписокъ къ рукописямъ Гелатскаго монастыря“ есть результаты произведенныхъ имъ по порученію Комитета V Археологическаго Съѣзда работъ по снимапію и изслѣдованію этихъ важныхъ для исторіи Грузіи памятниковъ.

Въ только что вышедшемъ III выпускѣ бар. *Р. Р. Штакельбергъ* въ статьѣ: „Ирано-финскія лексикальныя отношенія“ представляетъ разборъ словъ заимствованныхъ изъ иранскихъ языковъ въ финскія съ объясненіемъ ихъ этимологіи и значенія. *А. С. Хахановъ* въ обширной статьѣ: „Источники по введенію христіанства въ Грузіи“ даетъ сводъ дошедшихъ до насъ сказаній о началѣ христіанства въ Грузіи съ присоединеніемъ новооткрытыхъ источниковъ по сему вопросу. Авторъ изъ сличенія всѣхъ этихъ данныхъ дѣлаетъ попытку установленія древнѣйшей редакціи этого сказанія. Въ статьѣ *М. С. Щекина:* „О четырехъ обязанностяхъ дервиша“ изданъ и переведенъ съ рукописи, привезенной изъ Индіи, интересный для характеристики суфизма персидскій текстъ. *М. В. Никольскимъ* изданы съ приложеніемъ фототипій два весьма интересныхъ ассирійскихъ памятника, принадлежащихъ князю П. А. Путятину, именно фрагментъ надписи ассирійскаго царя Асуръ-насиръ-абала (885—860 г. до Р. Х.) и другой фрегментъ ассирійской скульптуры, представляющій, по мнѣнію автора, Эламитянина. *С. С. Слуцкій* подробно изложилъ научные результаты IX Международнаго Съѣзда оріенталистовъ въ Лондонѣ и отмѣтилъ участіе, какое принимала въ немъ Восточная Коммиссія. Затѣмъ слѣдуетъ обширная статья *М. В. Никольскаго*: „Клинообразныя надписи ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи“. Авторъ издалъ клинописный текстъ съ транскрипціей, переводомъ и комментаріемъ 17 (изъ 22-хъ) найденныхъ въ русской Арменіи клинообразныхъ надписей. Нѣкоторыя изъ нихъ изданы только впервые, большая же часть были уже извѣстны западной наукѣ, но авторъ провѣрилъ ихъ по новымъ снимкамъ и воспроизвелъ клинописными знаками, пользуясь шрифтомъ, нарочно для сего отлитымъ въ типографіи О. О. Гербека. Изданію самыхъ надписей предпослано обширное введеніе, представляющее исторію открытія разбираемыхъ надписей и очеркъ исторіи *страны Урарту* (Араратъ), царямъ которой принадлежали эти надписи (IX—VIII в. до Р. Х.). Къ статьѣ присоединена фототипія, представляющая 5 камней съ надписями и огромной величины цинкографическій снимокъ сцены изъ похода ассирійскаго царя Салменассара II въ Урарту, гдѣ наглядно представлены типы народа Урарту. *Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ* представилъ описаніе армянской рукописи Евангелія IX в., памятника, древнѣе котораго нѣтъ на армянскомъ языкѣ, и сообщилъ результаты сличенія текста рукописи съ греческимъ текстомъ и употребительнымъ армянскимъ. Выпускъ заключается статьей *Ѳ. Е. Корша:* „Универсалы Петра Великаго къ Буджацкимъ и Крымскимъ татарамъ“. Литографированные экземпляры этихъ универсаловъ на татарскомъ языкѣ петровскаго времени найдены М. В. Никольскимъ въ библіотекѣ Московской Синодальной

типографіи. Они относятся ко времени, предшествовавшему Прутскому походу (1711 г.). Авторъ представилъ текстъ на татарскомъ языкѣ съ переводомъ на языкъ дипломатическихъ актовъ петровскаго времени, при чемъ онъ съ удивительнымъ знаніемъ и искусствомъ воспроизводитъ характерную фразеологію самого Петра. Статья весьма богата историческими и лингвистическими наблюденіями и замѣтками.

Императорскій Россійскій Историческій Музей. Указатель памятниковъ. 2-е дополненное изданіе. Москва, 1893 г. (IX+604 стр.). Цѣна 1 р.

Въ указателѣ описаны памятники, расположенные въ 14 открытыхъ залахъ Музея. Порядокъ расположенія предметовъ хронологическій, начиная съ древнѣйшей эпохи человѣческой культуры—каменнаго вѣка, которому посвящены 2 первыхъ залы (въ первой предметы каменнаго вѣка изъ Азіатской Россіи, во второй—изъ Европейской). Третья зала заключаетъ памятники древнѣйшаго металлическаго вѣка, четвертая—памятники позднѣйшаго металлическаго вѣка, добытые, главнымъ образомъ, изъ кургановъ и городищъ, которые находятся также и въ пятой залѣ. Описаніе шестой залы посвящено памятникамъ эллино-скиѳскимъ и частью кавказскимъ. Въ залахъ А, Б и В описаны памятники Херсониса, Кавказа, греческихъ поселеній на черноморскомъ побережьѣ и христіанскіе памятники до X вѣка. Начиная съ 7-й залы описаны памятники исторической Руси: въ двухъ залахъ, 7-й и 8-й, памятники Кіевскаго и удѣльно-вѣчеваго періода до нашествія Татаръ, въ 9-й—памятники Новгородскіе и Псковскіе, въ 10-й и 11-й Владиміро-Суздальской области. Передъ памятниками каждой эпохи предпосланъ краткій историческій очеркъ и многія коллекціи, особенно курганнаго періода, снабжены библіографическими ссылками на тѣ труды, гдѣ они были ранѣе описаны.

Труды Орхонской экспедиціи. Атласъ древностей Монголіи, изданный по порученію Императорской Академіи Наукъ В. В. Радловымъ. СПБ. 1892 г. 70 табл. (кромѣ шести, которыя будутъ изданы во второмъ выпускѣ). Цѣна 15 рублей.

Въ 1891 году академикъ Радловъ предпринялъ, по порученію Императорской Академіи наукъ, путешествіе въ Монголію для изслѣдованія тамошнихъ древностей. По возвращеніи, онъ сдѣлалъ историко-фологическому отдѣленію предварительный докладъ о результатахъ своей экспедиціи въ долину Орхона и представилъ рисунки, эстампажи надписей и планы развалинъ городовъ. Академія Наукъ, чтобы по возможности скорѣе доставить ученому міру результаты открытій, поручила акад. Радлову издать прежде всего атласъ рисунковъ, плановъ и надписей безъ дальнѣйшихъ объясненій. Остальныя работы членовъ этой экспедиціи—дневники, описаніе развалинъ и кладбищъ появятся въ особомъ изданіи „Сборникъ трудовъ Орхонской Экспедиціи.“ Изданный атласъ заключаетъ 64 таблицы и представляетъ 1-й выпускъ (2-й скоро будетъ изданъ). Матеріалъ этого выпуска, составленный изъ эскизовъ,

фотографій, рисунковъ, эстампажей, плановъ и картъ, представилъ большія трудности для воспроизведенія. Большая часть фотографій была неудобна для употребленія частью потому, что негативы пострадали дорогою, частью также потому, что однотонная окраска монгольскаго ландшафта и неопредѣленность контуровъ руинъ не дали возможности дать вѣрнаго объ нихъ понятія, и потому должны были быть перерисованы. Часть надписей оказалась неудобною для разбора не вслѣдствіе неудовлетворительности эстампажей или фотографій, но вслѣдствіе пропусковъ на самихъ камняхъ. Такъ, большой памятникъ съ трехязычною надписью изъ уйгурскаго Каракорума, главнаго города средняго царства Монголіи, такъ разбитъ и вывѣтрился, что не было возможности сдѣлать лучшіе эстампажи. Также большая часть камней съ надписями изъ монгольскаго Каракорума, столицы третьяго царства, стерты буддійскими монахами, покрывшими ихъ буддійскими молитвами и символами, такъ что эстампажи даютъ только случайные слѣды прежнихъ надписей. Издатель позаботился помѣстить рядомъ съ невозстановленными надписями—возстановленныя, читаемыя вполнѣ ясно. Составленіе списка словъ помогло автору возстановить мѣста, почти нечитаемыя и частью вывѣтрившіяся, и позволило ему дополнить многіе знаки и слова. Особенно трудно было возстановить 2 большія намогильныя надписи, потребовавшія цѣлаго мѣсяца работы.

Собранныя Орхонской экспедиціей древности распадаются на 4 большія группы, соотвѣтствующія приблизительно четыремъ эпохамъ народныхъ наслоеній. Первая группа (табл. 1—4) заключаетъ памятники безъ письменныхъ знаковъ и вѣкъ которыхъ не можетъ быть опредѣленъ: курганы, каменныя сооруженія, рисунки на скалахъ и камняхъ, принадлежащія къ древнѣйшей исторіи того народа, хотя все же нельзя сказать, что всѣ они относятся къ доисторическому времени. Вторая группа (табл. 5—26) представляетъ памятники династіи Ту—кюэ, правившей до половины VIII в. надъ большею частью сѣверной Монголіи; памятники этой эпохи отличаются рунообразными письменами или же памятники безъ письменъ, но сходные по формѣ съ таковыми. Азбука этого, до сихъ поръ неизвѣстнаго, языка заключаетъ 39 знаковъ, и акад. Радловъ обѣщаетъ въ особомъ сочиненіи дать отчетъ объ ихъ разборѣ. Сами древности состоятъ изъ гробницъ, столбовъ, каменныхъ идоловъ, каменныхъ черепахъ, на которыхъ возвышались намогильные камни, гранитныхъ жертвенныхъ камней, львовъ, оленей, мраморныхъ фигуръ мужчинъ и женщинъ, каменныхъ плитъ съ барельефами и большаго количества надписей. Сохранившіеся памятники, хотя многіе и грубой работы, все же свидѣтельствуютъ о довольно развитой культурѣ. Третья группа (табл. 27—35) представлена памятниками Уйгурской династіи, правившей въ Монголіи съ половины VIII до конца IX вѣка. Уйгуры, извѣстные Китайцамъ подъ именемъ Хёйху, повидимому, тюркскаго племени и жили на Алтаѣ около Коссогольскаго озера, также въ долинахъ Селенги и Орхона. Гузы, западная часть Уйгуровъ, пошли къ Лопскому и Корашар-

скому озерамъ, откуда распространились на востокъ до Аксу, на сѣверъ черезъ Тіань-Шань, вступили въ торговыя сношенія съ Тибетомъ, откуда получили культуру, письмена и гдѣ приняли буддійскую религію, перестали быть кочевниками и сдѣлались земледѣльческимъ и торговымъ народомъ, завели сношенія съ западно-азіатскими народами, такъ какъ жили на торговомъ пути, который велъ въ Китай изъ странъ, лежавшихъ на Оксусѣ. Оставшіеся на Селенгѣ единоплеменники, Уйгуры, въ 630 году направились къ югу, подчинили себѣ Китайцевъ и засѣли въ половинѣ VIII ст. въ верхнихъ долинахъ Орхона, гдѣ ихъ ханъ основалъ городъ, названный Тибетцами Хоръ-инъ, черезъ приставку къ которому слова Кара (черный) образовался Каракорумъ. Долгое время онъ служилъ передовой защитой Азіи, и его государи роднились съ китайскою императорскою фамиліею, но, какъ и у большей части тюркскихъ государей, власть ихъ не долго продолжалась: съ юга ихъ тѣснили Тибетцы, съ сѣвера—Гакасы и послѣдніе подчинились въ 840 году вмѣстѣ съ ханомъ Каискомъ, голова котораго была отрублена врагами. Вслѣдствіе этого подчиненія Уйгуры во множествѣ переселились въ тюркскую страну около Тіанъ-Шаня. Несторіанство распространилось между ними и отъ Несторіанъ приняли они также и алфавитъ. Уже въ древнія времена они были самымъ культурнымъ народомъ восточной Азіи и учителями Монголовъ. Подобно остальнымъ Тюркамъ изъ Тіанъ-Шаня, они подчинились Курханамъ и въ началѣ XIII в. подпали подъ иго Темучина, который ихъ оцѣнилъ и принялъ ихъ законы и обычаи. Отъ нихъ остались еще развалины дворца у Барацорума съ остатками большаго уйгурско-китайскаго памятника и нѣкоторое число надписей. Четвертая группа (табл. 36—70) обнимаетъ памятники монгольской династіи, т. е всѣ тѣ, которые были сооружены въ Монголіи въ XIII в. Отъ Каракорума сохранились еще значительные остатки, также какъ и отъ ханскаго дворца (теперь монастырь Ерденицзу), затѣмъ храмы, могильные камни, каменные львы, собаки, черепахи и орнаменты и большое количество монгольскихъ, китайскихъ, тибетскихъ и персидскихъ надписей. Остатки монгольской эпохи превосходятъ полнотою предыдущія группы и безъ сомнѣнія представятъ цѣнный матеріалъ.

Академія Наукъ рѣшила обратить свое вниманіе на дальнѣйшее изслѣдованіе монгольскихъ древностей; такъ, проф. Позднѣеву, командированному на 2 года въ Монголію, поручено обратить вниманіе и на древности; кромѣ того, Академія поручила дѣлопроизводителю восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Клеменцу предпринять въ теченіе пяти лѣтъ путешествіе по сѣверной и западной Монголіи съ цѣлью археологическихъ изысканій. Такимъ образомъ, акад. Радловъ надѣется, что изданный имъ атласъ въ будущемъ обогатится еще многими дополнительными выпусками и можетъ составить полный Corpus inscriptionum runicarum Mongoliæ.

Филологическое Обозрѣніе, журналъ классической филологіи и педагогики, издаваемый А. Адольфомъ и В. Аппельротомъ. III тома. Москва, 1891—92 года.

Издающееся съ 1891 года въ Москвѣ „Филологическое Обозрѣніе" главнымъ образомъ, конечно, посвящено вопросамъ языка и литературы классическихъ народовъ, но, въ виду обширнаго значенія, которое придается теперь понятію о филологіи, журналъ, между прочимъ, отводитъ не мало мѣста и статьямъ по археологіи и искусству обоихъ народовъ древности. Такъ уже въ разсматриваемыхъ здѣсь первыхъ книжкахъ помѣщена самостоятельная статья А. П. Деревицкаго, представившаго опытъ новаго и весьма интереснаго истолкованія группы художника Менелая, и статья В. Г. Аппельрота по поводу раскопокъ въ Веронѣ. Кромѣ того редакторы видимо заботятся объ ознакомленіи своихъ читателей съ любопытными произведеніями по археологіи, появившимися какъ за границей, такъ и у насъ, въ Россіи: изъ произведеній перваго рода разобраны книги Гарднера (new chapters in gr. history), Имгофъ-Блумера (Die griech. Münzen), Мёррея (Handbook of greck archaeology) и т. п.; по произведеніямъ русскихъ ученыхъ, естественно привлекающимъ особое вниманіе русскаго журнала, помѣщены рецензіи сочиненій гг. Благовѣщенскаго (Винкельманъ), Мазурина (Олимпія), Мальмберга (Метопы древне-греч. храмовъ), Орѣшникова (описаніе монетъ унив. собр.) и Шварца (древне-греч. рельефы), причемъ дается должное мѣсто обзору и учебныхъ пособій по исторіи искусствъ и древностямъ, начинающихъ появляться въ Россіи, въ поучительныхъ статьяхъ (о таблицахъ г. Цыбульскаго и т. п. атласахъ) гг. Латышева и Аппельрота и въ замѣткахъ по поводу школьнаго учебника исторіи Трачевскаго. Наконецъ сообщаются въ журналѣ и свѣдѣнія о новѣйшихъ раскопкахъ на почвѣ Греціи въ весьма интересной „хроникѣ эллинскаго востока" А. Н. Щукарева, въ замѣткахъ г. Селиванова, въ обзорѣ микенскихъ древностей г. Бузескула и т. п.; помѣщаются иногда отчеты о засѣданіяхъ археологическихъ обществъ (Моск. и Казанск.); въ обзорѣ журналовъ принимаются въ соображеніе вновь выходящія книжки археологическихъ изданій, а въ библіографическомъ листкѣ печатаются объявленія о важнѣйшихъ трудахъ и по этой части.

Словомъ сказать, видно, что редакторы не жалѣютъ ни труда, ни времени для того, чтобы заинтересовать классическихъ филологовъ и педагоговъ этой, столь важной для нихъ дисциплиной, и можно только пожелать, чтобы цѣнныя указанія ихъ сотрудниковъ не прошли даромъ для тѣхъ, кому поручено преподаваніе классическихъ языковъ и особенно исторіи. Археологи по профессіи уже изъ прилагаемаго краткаго обзора усмотрятъ тотъ интересъ, который можетъ имъ представить это почтенное изданіе.

Труды Московскаго Нумизматическаго Общества. Подъ редакціею В. К. Трутовскаго и В. А. Уляницкаго. Первый полутомъ, съ 4 табл. и 24 рис. въ текстѣ (144 стр.). Москва, 1893 г.

Московское Нумизматическое Общество, возродившееся изъ Московскаго Кружка Нумизматовъ, открыло свою дѣятельность въ Октябрѣ 1888 года.

(Уставъ Общества утвержденъ 17 марта 1888 г.). Черезъ 2 года оно уже обладало достаточнымъ матеріаломъ для изданія, который и былъ отданъ въ печать, но въ пожарѣ, постигшемъ типографію, сгорѣла большая часть рукописей, такъ что пришлось начинать печатать „Труды" по уцѣлѣвшемъ черновымъ оттискамъ статей снова и, такимъ образомъ, выпускъ ихъ затянулся до сего времени. Вышедшій полутомъ, въ форматѣ „Древностей" Московскаго Археологическаго Общества, представляетъ очень изящное изданіе, заключающее 2 отдѣла; 1) лѣтопись Общества съ годичными отчетами съ 1888 по 1892 г., очеркомъ, составленнымъ В. К. Трутовскимъ „Московскій Кружокъ Нумизматовъ, какъ предшественникъ Московскаго Нумизматическаго Общества" съ приложеніемъ къ нему Устава Общества. 2) Монографіи, изслѣдованія и статьи—заключаютъ двѣ статьи А. А. Карзинкина: неизданная медаль царя Василія Шуйскаго и о медаляхъ царя Димитрія Ивановича (Лжедимитрія), съ которыми русскіе нумизматы уже знакомы, такъ какъ были изданы авторомъ ранѣе, но послѣднее изслѣдованіе напечатано съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. Статья А. Д. Нечаева „нѣкоторыя рѣдкія русскія монеты и медали изъ собраній Историческаго Музея и А. Н. Лѣнивова" представляетъ интересъ какъ для нумизматовъ, такъ и для любителей рѣдкихъ монетъ; въ ней описаны и изображены на прекрасно исполненныхъ 2-хъ таблицахъ 21 монета, изъ которыхъ 3 издаются впервые: золотая медаль Петра I 1703 г. съ числомъ „9 февраля", алтынъ 1710 г. и серебрянная копѣйка 1730 г.; изъ прочихъ рѣдкостей интересны: деньга Петра I 1700 г. съ его портретомъ, разнящаяся отъ извѣстныхъ подобныхъ денегъ, рѣдчайшій мѣдный (пробный) рубль Петра I, 1723 г., рубль Екатерины I 1726 года „безъ локона", двухкопѣечникъ Анны 1740 года съ портретомъ, двѣ пробныхъ копѣйки Елизаветы 1755 г. и нѣкоторыя другія монеты, хотя и изданныя, но интересныя по ихъ рѣдкости или имѣющія съ изданными разновидности. Въ числѣ описанныхъ три: царей Ѳеодора Ивановича, Михаила Ѳедоровича и Ѳеодора Алексѣевича,—не стараго чекана, но позднѣйшаго, т. е. что называется у нумизматовъ „новодѣлки". Въ статьѣ М. Г. Деммени „Къ исторіи Екатеринбургскаго монетнаго двора" сообщаются любопытныя свѣдѣнія объ этомъ дворѣ, по которымъ можно себѣ составить понятіе о нашихъ монетныхъ дворахъ прошлаго вѣка. Консерваторъ Бергенскаго музея (въ Норвегіи) Густафсонъ прислалъ статью „объ одной рѣдкой монетѣ В. К. Ярослава I", напечатанную въ трудахъ по русски и по французски, изъ которой узнаемъ объ интересномъ кладѣ монетъ, найденномъ въ Несбое, близь города Мольде и заключавшемъ англосаксонскія монеты Этельреда и Канута (X—XI в.), нѣмецкія трехъ первыхъ Оттоновъ, Генриха II, епископскія того-же времени, двухъ обломковъ арабскихъ диргемовъ (IX — X в.) и 1 экз. норманскаго подражанія монетѣ Ярослава I, что, впрочемъ, автору неизвѣстно (онъ ее считаетъ за оригиналъ) и поясняется въ примѣчаніи редакціею и статьею П. П. Чернева объ этой монетѣ, напечатанной въ этомъ-же выпускѣ. Н. П. Лихачевъ помѣстилъ

небольшое изслѣдованіе „Пѣнязи великокняжескихъ и царскихъ свадьбъ“ и А. К. Жизневскій 4 статьи — „Монеты Городенскія“, „Пулъ кн. Василія Ивановича“, „Пулъ кн. Ярослава Александровича“ и „Пулъ кн. Семена Константиновича“ — представляющія попытку дать объясненіе нѣкоторымъ темнымъ мѣстамъ нумизматики Великаго Княжества Тверскаго. Выпускъ обрывается на начатой статьѣ В. А. Уляницкаго „Монеты, чеканенныя польскими Королями для Галицкой Руси въ XIV и XV вв“. Судя по напечатаннымъ статьямъ „Трудовъ“, Нумизматическое Общество намѣрено серьезно относиться къ своей задачѣ, поэтому нельзя не пожелать ему полнаго успѣха въ его дальнѣйшихъ занятіяхъ.

Mélanges d'archéologie et d'épigraphie, par Albert Dumont, réunis par Th. Homolle. Paris 1892. Цѣна 25 фр.

Въ этомъ сборникѣ собраны статьи умершаго въ 1884 г. французскаго археолога и эпиграфиста Дюмона, разсѣянныя по различнымъ изданіямъ, кромѣ его большихъ изслѣдованій о керамографіи, хронологіи аѳинскихъ архонтовъ и эфебіи. Всѣ его статьи размѣщены въ 4 отдѣлахъ: 1) Доисторическая археологія со статьями о памятникахъ каменнаго и бронзоваго вѣка въ Греціи и Швейцаріи; 2) Археологія и эпиграфика греческая и грекоримская, съ болѣе или менѣе небольшими статьями о разныхъ памятникахъ классической древности, въ которыя вошла также диссертація Дюмона: „Похоронный пиръ“, о греческой метрологіи и о памятникахъ языческой и христіанской древности и надписяхъ Балканскаго полуострова и обширный corpus надписей и барельефовъ Ѳракіи съ особымъ указателемъ собственныхъ и географическихъ именъ и проч., встрѣчаемыхъ въ надписяхъ. 3) Археологія и эпиграфика христіанская и византійская и 4) Средневѣковая археологія со статьею „О нѣкоторыхъ изображеніяхъ Успенія Богородицы“. Къ изданію приложено 17 гравированныхъ таблицъ, многочисленные политипажи и портретъ Дюмона съ замѣткою о его трудахъ, написанною Heuzey.

Nachrichten über deutsche Alterthumsfunde. Mit Unterstützung des Kön. Preuss. Ministeriums der geistlichen, Unterichts-und Medicinal-Angelegenheiten, herausgeg. von der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, unter Redaction von R. Virchow und A. Voss.

„Извѣстія объ археологическихъ находкахъ въ Германіи“ стали издаваться съ 1890 г., какъ приложеніе къ издаваемому Берлинскимъ Антропологическимъ Обществомъ „Этнологическому журналу“ (Zeitschrift für Ethnologie), въ количествѣ 6 выпусковъ (по одному печатному листу) въ годъ. Кромѣ свѣдѣній о раскопкахъ и случайныхъ находкахъ здѣсь приводятся иногда библіографическіе обзоры всѣхъ другихъ подобныхъ извѣстій, въ различныхъ нѣмецкихъ (и австрійскихъ) журналахъ, сборникахъ и т. д. Нѣкоторыя сообщенія иллюстрируются рисунками. Въ вышедшихъ за 1892 г. помѣщены слѣдующія, болѣе крупныя статьи: Библіографическій обзоръ нѣ-

мецкой археологіи за 1891 г., Мёвеса; находки по Рейну. Находки предметовъ доистрической эпохи въ окрестностяхъ Арнебурга, Altmark. (свендскія могилы съ сосудами, бронз. украшеніями, желѣз. оружіемъ); бронзовый кладъ изъ Эльстерверда, въ пров. Саксоніи (бронз. гривны, браслеты, серпы, долота, наконечники копій, разломанныя фибулы); городище (Burgwall) въ Маріенвальдѣ, въ пров. Бранденбургѣ (съ рисунками сосудовъ, фибулъ, костяныхъ и желѣзныхъ предметовъ); каменная гробница, найденная близь Гольдбеха, въ Ганноверѣ (съ рис.); городище близь Кратцига, въ окр. Кестлина (съ планомъ); курганы близь Ніенбурга на Везерѣ въ Ганноверѣ (съ рисунками сосудовъ); городище въ Alt-Ruffin, въ Бранденбургѣ (съ рисунками жел. стрѣлъ, шпоръ, клеймъ горшковъ въ видѣ крестовъ и свастики и т. д.); раскопки и пріобрѣтенія Музея отечественныхъ древностей въ Килѣ.

VI

Засѣданія обществъ.

Въ засѣданіи Московскаго археологическаго Общества, 26-го января 1893 г., бывшемъ подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой и въ присутствіи Его Высочества, Великаго Князя Сергѣя Александровича, А. М. Павлиновъ сдѣлалъ сообщеніе объ искусствѣ у татаръ, иллюстрируя свое изложеніе множествомъ фотографическихъ снимковъ съ татарскихъ памятниковъ зодчества въ Крыму. У древнихъ татаръ-язычниковъ не было, повидимому, никакого собственнаго зодчества, и они пользовались, для возведенія болѣе значительныхъ построекъ, услугами иностранныхъ, въ томъ числѣ и европейскихъ художниковъ и мастеровъ. Принявъ мусульманство и занявъ Крымъ, татары стали возводить постройки (мечети и дворцы) при помощи сперва египетскихъ, затѣмъ константинопольскихъ турецкихъ мастеровъ, которые, въ свою очередь, усвоили себѣ пріемы византійскихъ зодчихъ, дополняя ихъ арабскими мотивами. Начиная съ XVI вѣка, въ крымскихъ ханскихъ постройкахъ замѣчается и вліяніе западнаго, итальянскаго искусства и рококо, но, тѣмъ не менѣе, ничего самостоятельнаго въ этомъ татарскомъ искусствѣ указать нельзя. В. А. Уляницкій сообщилъ о замѣчательной нумизматической рѣдкости, хранящейся въ собраніи гр. А. С. Уварова, именно о польскомъ талерѣ (полукопкѣ) Сигизмунда Августа 1565 года, являющемся unicum, но тѣмъ не менѣе представляющемъ всѣ данныя въ пользу его подлинности.. Д. Н. Анучинъ прочелъ рефератъ о серебряномъ остяцкомъ идолѣ-слонѣ. Онъ же, г. Анучинъ, демонстрировалъ костяную пластинку овальной формы, вырѣзанную изъ кости человѣческаго черепа, снабженную круглымъ отверстіемъ для привѣски и служившую, очевидно, аму-

летомъ. Пластинка эта была найдена уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Нефедовымъ на холмѣ (дюнѣ?) рѣки Ветлуги (Ветлужскаго у., Костромской губ.), въ 1 — $1^1/_2$ вер. отъ с. Николо-Одоевскаго, вмѣстѣ съ многочисленными остатками жилищъ (ямъ) и мастерской каменнаго (неолитическаго) вѣка, т. е. кремневыми орудіями и осколками, полированными каменными топорами, костяными издѣліями, глиняными черепками, костями животныхъ и т. д. Насколько извѣстно, это первый случай нахожденія въ Россіи подобнаго амулета и вообще слѣдовъ доисторической трепанаціи черепа. На западѣ (во Франціи и Германіи) такихъ амулетовъ найдено довольно много, и обычай ношенія ихъ существовалъ еще у галловъ, судя по находкѣ въ одномъ курганѣ этого племени бронзовой шейной гривны съ привѣшенной къ ней круглой бляшкой изъ человѣческаго черепа. Референтъ представилъ по этому поводу результаты изслѣдованій Брока относительно доисторической трепанаціи черепа, которая, какъ доказано, практиковалась какъ надъ живыми, особенно дѣтьми, такъ и надъ умершими. Трепанація живыхъ имѣла, повидимому, цѣлью (судя по новѣйшимъ наблюденіямъ надъ этимъ обычаевъ въ Океаніи, Алжирѣ и др. мѣстностяхъ) излѣченіе отъ эпилепсіи и другихъ нервныхъ и психическихъ болѣзней, а трепанація мертвыхъ головъ—полученіе амулетовъ, которымъ приписывалась какая-то особая предохранительная сила.

Въ засѣданіи Московскаго археологическаго Общества, состоявшемся 16-го февраля 1893 г. въ квартирѣ гр. П. С. Уваровой, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича, Д. И. Иловайскій сдѣлалъ сообщеніе о русскомъ былинномъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ, при чемъ высказалъ мнѣніе, что типъ этого богатыря, съ переходомъ кіевскаго былиннаго эпоса на сѣверъ, въ предѣлы Суздальской Руси, измѣнился, въ томъ смыслѣ, что богатырь Илья сталъ выводиться изъ крестьянскаго сословія, былъ пріуроченъ къ Мурому, а позже, въ XVII вѣкѣ, получилъ даже эпитетъ „стараго казака“. Для объясненія послѣдняго эпитета г. Иловайскій напомнилъ дѣло о самозванцѣ Илейкѣ Муромцѣ, выдававшемъ себя въ смутное время за царевича Петра Ѳедоровича (сына Ѳедора Ивановича), взятомъ въ плѣнъ подъ Тулою и казненномъ въ Москвѣ; по мнѣнію референта, этотъ казакъ Илья Муромецъ наслоился въ народномъ представленіи на стародавняго былиннаго богатыря и послужилъ поводомъ къ переносу на послѣдняго эпитета „казакъ“. Что подобный переносъ возможенъ, показываетъ появленіе въ нѣкоторыхъ былинахъ „Маринки“, — личности, которая могла появиться лишь подъ вліяніемъ образа Марины Мнишекъ, жены 1-го Самозванца. Сообщеніе г. Иловайскаго вызвало замѣчанія со стороны проф. В. Ѳ. Миллера, указавшаго, что дѣло объ Илейкѣ Муромцѣ не внесло никакихъ новыхъ чертъ въ былинный сюжетъ и что эпитетъ „старый казакъ“ могъ возникнуть совершенно помимо самозванца Илейки, къ тому же и не-

бывшаго „старымъ казакомъ“,—также со стороны В. В. Каллаша (указавшаго, что сопоставленіе съ Илейкой Муромцемъ было сдѣлано еще Квашнинымъ-Самаринымъ въ 1872 г.), П. Н. Милюкова (настаивавшаго, по примѣру В. Ѳ. Миллера, что древнѣйшее прозвище богатыря Ильи было „Муравлинъ“, „Муравинъ“ а не „Муромецъ“, и что, по всей вѣроятности, оно означало уроженца Муровска или Мурависка, — сѣвернаго города, бывшаго сторожевымъ и стоявшаго на границѣ со степью) и др. В. И. Сизовъ сообщилъ о результатахъ раскопокъ, произведенныхъ недавно верстахъ въ 30 отъ Москвы, въ имѣньи проф. Кожевникова — Городище, на берегу Москвы-рѣки. Наконецъ, проф. И. В. Цвѣтаевъ сдѣлалъ сообщеніе о праздновaніи весною прошлаго года въ Римѣ 70-ти лѣтія извѣстнаго итальянскаго археолога Ж. Б. де-Росси, при чемъ сообщилъ біографическія данныя объ этомъ первомъ знатокѣ христіанской археологіи. Главнѣйшіе труды де-Росси составляютъ: „Сборникъ христіанскихъ надписей первыхъ вѣковъ нашей эры“, 2 большихъ тома; „Бюллетень христіанской археологіи“, издаваемый имъ болѣе 30 лѣтъ и „Roma soterranea“ или описаніе римскихъ христіанскихъ катакомбъ (вышло 3 тома, печатаются еще 2). Съ согласія и при содѣйствіи Росси, въ завѣдываніи котораго находятся всѣ римскія катакомбы, проф. Цвѣтаевъ могъ осуществить свое намѣреніе—снять точныя копіи красками съ изображеній внутри катакомбъ первыхъ четырехъ вѣковъ. Планъ этотъ могъ быть, впрочемъ, осуществленъ только благодаря помощи русскаго художника Реймана, болѣе 20 лѣтъ уже живущаго въ Римѣ, и который, проникнувшись важностью задачи, не щадитъ ни времени, ни трудовъ для лучшаго исполненія порученнаго ему заказа, проводя по цѣлымъ днямъ въ отдаленныхъ, мрачныхъ катакомбахъ. Покуда выполнено имъ около 50 акварелей, изъ коихъ 28 были выставлены въ залѣ засѣданія. (Русск. Вѣд. № 48, 1893).

Въ засѣданіи Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, состоявшемся 28 января 1893 г., было сдѣлано два доклада. Первый принадлежалъ М. П. Сабинину, который сообщилъ, что собирая матеріалы для составленія 2-го тома издаваемой имъ агіологіи иверской церкви, онъ, между прочимъ, нашелъ у одного лица на Аѳонѣ списокъ, содержащій полное описаніе страданій святыхъ мучениковъ армянской церкви, подвизавшихся въ эпоху православнаго состоянія вышеупомянутой церкви, когда эта послѣдняя была еще въ тѣсномъ единеніи со всею восточною православною церковью. Этотъ списокъ, написанный на грузинскомъ языкѣ, составляетъ нѣкотораго рода рѣдкость, какъ документальный памятникъ глубокой древности, могущій, по мнѣнію референта, пролить новый свѣтъ на исторію армянской церкви, до ея отдѣленія отъ восточной церкви.

Сравнивая текстъ списка съ текстомъ *Исторіи* Моисея Хоренскаго и, находя что первый отличается полнотой изложенія и связностью повѣству-

емаго даннаго факта, и что указаніе дней кончины того или другаго лица списка пріурочены къ мѣсяцамъ, которые не соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ мѣсяцамъ армянскаго лѣтосчисленія, принятаго армянскою церковью послѣ V вѣка, референтъ пришелъ къ заключенію что Моисей Хоренскій всецѣло пользовался этимъ источникомъ, цитируя изъ него, переставляя произвольно факты и дополняя ихъ изъ народныхъ сказаній. Въ доказательство этого референтъ прочелъ относящіеся сюда отрывки изъ рукописи на грузинскомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ и, сопоставивъ ихъ съ соотвѣтствующими мѣстами изъ Моисея Хоренскаго, выразилъ желаніе, чтобъ арменологи обратили вниманіе на этотъ памятникъ.

Затѣмъ референтъ демонстрировалъ принесенные имъ въ даръ Обществу, прекрасно исполненные имъ самимъ, факсимильные снимки съ Гуджаровъ или дарственныхъ грамотъ Ниноцмидской епископской каѳедры, въ юрисдикцію которой входили знаменитыя въ древности Гареджійскія обители и снимки съ сигиліи, данной этой каѳедрѣ разными грузинскими царями.

Второе сообщеніе принадлежало А. Е. Крымскому, который изложилъ очеркъ исторіи суфизма въ I и II вѣкахъ Гиджры. Вскорѣ послѣ смерти Мохаммеда возникло мусульманское подвижничество, порожденное какъ пессимизмомъ Корана, такъ и тяжелыми общественными бѣдствіями. Родъ монастыря возникъ у мохаммеданъ еще въ 38 году Гиджры, но настоящимъ основателемъ исламской аскетической школы считается Хасанъ-эль-Басри, умершій въ 728 году. Крайнее изнуреніе плоти, въ связи съ религіознымъ напряженіемъ, доводило подвижниковъ до экстаза и такимъ образомъ въ исламскій аскетизмъ введенъ мистицизмъ; однимъ изъ первыхъ мистиковъ ислама считаютъ женщину Рабію († 753). Около 767 года появляется и названіе *„суфи“* (одѣтый въ власяницу), и приблизительно въ то же время былъ основанъ однимъ христіанскимъ княземъ первый монастырь для суфіевъ въ Дамаскѣ. Арабскій суфизмъ, который развивался преимущественно въ Сиріи, подвергся многочисленнымъ постороннимъ вліяніямъ; уже въ самомъ началѣ онъ испыталъ воздѣйствіе христіанскаго монашества, а затѣмъ гностизма и неоплатонизма. Но особенно измѣнилась первоначальная незатѣйливая основа арабскаго монашества, когда оно перешло въ Персію, обращенную въ Исламъ. Въ Персіи суфизмъ былъ принятъ очень охотно; особенно въ Хорасанѣ и Бактріанѣ, гдѣ еще во время Сассанидовъ укрѣпилось буддійское вліяніе. Первый суфійскій монастырь у Персовъ извѣстенъ былъ въ 815 г. въ Хорасанѣ. Усвоенный такими персидскими сектантами, которые были мусульманами только по имени, суфизмъ въ Иранѣ сталъ рѣзко отличаться отъ суфизма западно-исламскаго, довольно легко примирявшагося съ подлинною коранною догматикой; связующимъ звеномъ обѣихъ вѣтвей суфизма служилъ аскетическій образъ жизни. III в. Гиджры есть вѣкъ взаимныхъ суфійскихъ недоразумѣній. На этомъ пунктѣ референтъ остановился, такъ какъ эволюція суфизма въ III в. Гиджры составитъ предметъ особаго доклада.

Въ заключеніе референтъ изложилъ тѣ стороны суфизма, которыя привлекали массу адептовъ. *Аскетизмъ* суфійскій охотно усвоивался массой въ виду бѣдственныхъ соціально-экономическихъ условій жизни Востока. *Мистицизмъ* имѣлъ значеніе по многимъ причинамъ: 1) онъ давалъ успокоеніе человѣку, утомленному безконечными религіозными спорами, которыми былъ такъ богатъ II вѣкъ Гиджры; 2) суфійскія мистическія откровенія имѣютъ ту прелесть, что даютъ отвѣты на вѣковѣчные вопросы о міровыхъ тайнахъ; 3) мистицизмъ являлся естественною религіей той массы, которая не понимала Корана, написаннаго на арабскомъ языкѣ. Мистическій *пантеизмъ* имѣлъ силу потому, что позволялъ человѣку ощущать себя частью божества, тогда какъ деизмъ Корана разъединяетъ человѣка и божество; кромѣ того, грубыя исламскія представленія о воздаяніи заставляли болѣе возвышенную душу отвергнуть исламъ и принять суфійскую пантеистическую теорію сліянія души человѣческой съ душой всемірною.

Въ засѣданіи Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 26 февраля 1893 года, былъ прочтенъ отчетъ Н. Н. Пантусова о продолженіи его изслѣдованій (прошлою осенью) при-Пишпекскаго несторіанскаго кладбища и его окрестностей. Въ Китаѣ, Монголіи и Туркестанѣ несторіанскія общины, состоящія изъ пришлыхъ Сирійцевъ и изъ обращенныхъ ими въ христіанство туземцевъ, существовали съ VII по конецъ XIV вѣка, по Тамерлановъ погромъ. Отъ этого семивѣковаго существованія, захватившаго между прочимъ цѣлое племя Кераитовъ, остались: слѣды въ обрядахъ буддійскихъ, алфавиты: уйгурскій, монгольскій и друг., свѣдѣнія китайскихъ источниковъ (обширнѣйшее собраніе которыхъ сдѣлано покойнымъ архим. Палладіемъ въ „Вост. Сборникѣ“, Спб. 1870), арабскихъ писателей и западныхъ путешественниковъ (Марко Поло, Рубруквисъ, Плано Карпини и др.). Но вещественный памятникъ несторіанства въ Средней Азіи былъ извѣстенъ лишь одинъ: чудная, пространная Китайско-Сирская христіанская надпись восьмаго вѣка, найденная и хранящаяся въ древней столицѣ Китая, Си-нян-фу.

Но въ 1885 г. въ русскомъ Туркестанѣ, въ окрестностяхъ оз. Иссыкуля, гдѣ и не подозрѣвалось существованіе когда либо несторіанъ, открыто два обширныя ихъ кладбища (при г. Пишпекѣ и Токмакѣ), съ камнями украшенными крестами и надписями сирскимъ алфавитомъ на сирскомъ и турецкомъ языкахъ. Начальство Семирѣченской области приняло мѣры къ сохраненію драгоцѣннаго нежданнаго памятника, а старшій чиновникъ особыхъ порученій при семирѣченскомъ губернаторѣ, Н. Н. Пантусовъ, отдалъ ежегодному неустанному и умѣлому изслѣдованію кладбищъ и ихъ окрестностей то рѣдкое время, которое остается у него отъ его обширныхъ административныхъ трудовъ. Доселѣ Н. Н. Пантусовъ изслѣдовалъ около 100 могилъ, изслѣдовалъ окрестности кладбищъ, засыпанные землей остатки города вокругъ кладбища Пишпекскаго города, погибшаго въ пожарѣ, какъ сообщаетъ послѣдній

отчетъ Н. Н. Пантусова, прислалъ въ С.-Петербургъ, въ Императорскую Археологическую Коммисію, болѣе ста подлинныхъ камней (въ Москвѣ около 20 камней хранятся въ Историческомъ музеѣ) и снабдилъ русскихъ изслѣдователей снимками съ болѣе чѣмъ 600 надписей—матеріалъ замѣчательно богатый! Такъ воскресло предъ нами нежданно былое христіанское населеніе въ Туркестанѣ, воскресъ несторіанскій городъ, говорящій своими надписями [1]).

Затѣмъ С. С. Слуцкій сообщилъ наиболѣе яркія изъ 200 просмотрѣнныхъ имъ надписей изъ новой присылки Н. Н. Пантусова (прислано около 350 надписей, что съ прежними заходитъ за 600). Эти надписи даютъ интересныя указанія для хронологіи надписей (доселѣ надписи были съ половины XIII до пол. XIV вѣка, нынѣ одна восходитъ, кажется, къ самому началу XIII в.), для мѣстнаго календаря сирскаго и турецкаго, для семейныхъ отношеній, церковнаго и общественнаго быта, именъ личныхъ и словаря.

Кромѣ крестовъ, на нѣкоторыхъ камняхъ оказываются изображенія предметовъ (кувшины, столикъ, тамги). Разнообразіе крестовъ на камняхъ возбуждаетъ невольный интересъ.

X. И. Кучукъ-Іоаннесовъ сообщилъ о путетешествіи нѣмецкаго ученаго Вольдемара Белька по русской и турецкой Арменіи со спеціальною цѣлью изслѣдованія ванскихъ клинообразныхъ надписей. Въ 1891 онъ посѣтилъ Елисаветпольскую и Эриванскую губерніи; особенное вниманіе онъ обратилъ на берега Гокчайскаго озера, гдѣ онъ нашелъ одну новую надпись и снялъ новые снимки съ надписей Аличалу и Ордаклу. Затѣмъ онъ отправился въ Ванъ, гдѣ, при содѣйствіи мѣстныхъ жителей, ему удалось найти большое число новыхъ надписей. Особеннаго вниманія заслуживаетъ найденная имъ въ горѣ Варакъ, вблизи Вана, огромная стела съ надписью ванскаго царя Русы въ 33 строки. Всего надписей открыто имъ болѣе 30. Матеріалъ этотъ Белькъ передалъ извѣстному нѣмецкому ассиріологу Леману, который и опубликовалъ въ недавнее время статью въ изданіи Берлинскаго Этнографическаго Общества. Леманъ съ большою похвалой отзывается о снимкахъ Белька и придаетъ особенное значеніе надписямъ, относящимся къ прорытію канала на югъ отъ Вана царемъ Менуасомъ. При этомъ Леманъ дѣлаетъ опыты перевода этихъ надписей съ комментаріемъ. Народъ, которому принадлежатъ эти надписи онъ называетъ новымъ именемъ *понтійскихъ Халдеевъ* въ отличіе отъ Халдеевъ месопотамскихъ.

Въ дополненіе къ прочтенному реферату, М. В. Никольскій указалъ на весьма важное значеніе факта снятія Белькомъ надписи въ Аличалу, такъ какъ до сего времени ни одному изъ русскихъ изслѣдователей не удавалось снять эту важную надпись, равно какъ на высокое значеніе открытыхъ имъ въ Ванѣ надписей. Въ одной изъ нихъ называется вмѣстѣ съ царемъ Менуасомъ другой его сынъ по имени *Инуспасъ* (а не Аргистисъ). Референтъ,

[1]) «Древности Восточныя» Имп. Моск. Арх. Общ., выпускъ 1 и 2.

разобравъ мѣста изъ Ксенофонта, на которыхъ Леманъ основываетъ свое названіе ванскаго народа Понтійскими Халдеями, полагаетъ со своей стороны, что это названіе преждевременно; точно также сообщилъ онъ и другіе выводы Лемана относительно ванскихъ надписей, насколько онъ познапознакомился съ ними изъ статьи Белька и Лемана въ Zeitschrift für Assyriologie о надписи въ Коршунской мечети въ городѣ Ванѣ.

Въ осеннихъ засѣданіяхъ 1892 года Московскаго Нумизматическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ В. К. Трутовскаго, между прочимъ были сдѣланы слѣдующіе доклады: о сочиненіяхъ Галиба-Эдхема-бея на турецкомъ языкѣ: 1) каталогъ монетъ и медалей собранія автора и 2) опытъ нумизматики Сельджукидовъ; предсѣдатель Общества отнесся объ обоихъ сочиненіяхъ съ величайшею похвалою, хотя, къ сожалѣнію, авторъ не могъ воспользоваться, за незнаніемъ языка, трудами русскихъ ученыхъ по нумизматикѣ Сельджукидовъ. В. А. Уляницкій сообщилъ о единственномъ до сихъ поръ литовскомъ талерѣ (полкопкѣ) Сигизмунда Августа 1565 г., принадлежащемъ собранію гр. Уварова, рѣдкость котораго объясняется референтомъ тѣмъ, что талеръ пробный. Хранителемъ Бергенскаго Музея (въ Норвегіи), г. Густафсономъ, было сообщено о находкѣ въ Несбое, близъ Молде, клада средневѣковыхъ западно - европейскихъ монетъ съ обломками куфическихъ диргемовъ и монеты вел. кн. Ярослава; статья объ этой находкѣ имѣетъ быть напечатана въ готовящемся къ выходу I-му тому трудовъ Моск. Нум. Общества. М. Г. Деммени сообщилъ нѣсколько документовъ, касающихся изготовленія персидскими мастерами медали на взятіе Эривани въ 1828 г., объ отчеканкѣ медали въ память посѣщенія Государемъ Императоромъ мюнцъ-кабинета великаго князя Георгія Михайловича и жетоновъ, выдаваемыхъ великимъ княземъ „посѣтителю“ и о чеканкѣ нѣкоторыми частными лицами жетоновъ въ память Свящ. Коронованія 15 Мая 1883 года. А. К. Жизневскій сообщилъ о городенскихъ монетахъ, которыя были чеканены въ Старицѣ, такъ какъ, на основаніи историческихъ документовъ, Городня и Старицы тождественны; монеты съ надписью пчать Яросл, по мнѣнію г. Жизневскаго, можно пріурочить князю Ярославу Александровичу и, наконецъ, мѣдныя монеты, находимыя въ Тверской губ. съ изображеніемъ, похожимъ на букву С, г. Жизневскій предполагаетъ отнести князю Семену Константиновичу Дорогобужскому, получившему въ удѣлъ Семеновъ городокъ. Изъ монетъ, между прочимъ, былъ демонстрированъ снимокъ съ деньги Петра I, 1700 г., принадлежащей г. Чистоклѣтову въ Калугѣ, съ надписью самодержавны повелитель, которая до сихъ поръ ни разу не встрѣчалась.

11 - го февраля 1893 г., въ московскомъ архитектурномъ Обществѣ Н. В. Никитинъ прочелъ докладъ о работахъ по реставраціи Варварской башни

и устройству часовни. Въ 1875 г. былъ составленъ проектъ устройства часовни въ Варварской башнѣ и въ слѣдующемъ году начались работы. Варварская башня составляла одну изъ самыхъ главныхъ стрѣльницъ Китая-города, но была заброшена, надо полагать, со временъ изгнанія поляковъ изъ Кремля полчищами кн. Пожарскаго. Огражденіе Китая-города каменной стѣной было задумано отцемъ Іоанна Грознаго, в. к. Василіемъ Ивановичемъ, и исполнено во время правленія Елены Глинской, вполнѣ же окончено около 1534 г., о чемъ свидѣтельствуетъ и архитектура ея—первой половины XVI вѣка. Въ 1620 г. часть стѣны около Варварской башни подверглась значительному поврежденію. При реставраціи башни, не измѣняя прежняго чертежа и приспособленія ея для часовни, были сдѣланы слѣдующія работы: въ 1-мъ этажѣ башни, теперь подвальномъ, устроены духовыя печи; во 2-мъ этажѣ, теперь 1-мъ, устроена часовня съ пристройкой для сторожей. Внутри часовни поставленъ иконостасъ изъ итальянскаго мрамора. Образа написаны на мѣдныхъ доскахъ академикомъ Н. М. Быковскимъ. Въ центральной нишѣ поставлена древняя икона Боголюбской Божіей Матери. Полъ часовни и паперть выстланы тарусскимъ камнемъ. Въ 3-мъ этажѣ, теперь 2-мъ, устроены кельи для настоятеля и монаховъ, служащихъ въ часовнѣ, и трапезная. Терраса вокругъ шатра покрыта асфальтомъ. (Русск. Вѣд., № 42, 1893 г.).

25-го февраля 1893 г., въ московскомъ архитектурномъ Обществѣ, Д. Н. Чичаговъ прочелъ докладъ: „Реставрація иконостаса Успенскаго собора въ Москвѣ въ 1882 г.“. Большой Успенскій соборъ въ Москвѣ построенъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ III, для чего въ 1475 г. онъ вызвалъ черезъ своего посла въ Венеціи Толбузина, болонскаго уроженца Фіоравенти, котораго „хитрости ради звану Аристотелемъ“. Соборъ былъ освященъ въ 1478 г., такъ что по сіе время онъ существуетъ уже 415 лѣтъ. За это время своего существованія онъ перенесъ не мало невзгодъ, нѣсколько разъ горѣлъ вмѣстѣ съ Москвою, но самое большое разореніе было въ 1812 г.: ризница собора была вывезена въ Вологду, но иконостасъ съ иконами, конечно, оставался на мѣстѣ. Непріятель вывезъ изъ него 325 пуд. серебра и 18 пуд. золота. По выходѣ непріятеля изъ Москвы было приступлено къ возобновленію собора. Дѣло это было совершено усердіемъ частныхъ лицъ и, между прочимъ, бывшимъ въ то время старостою собора В. Третьяковымъ. Возстановленіе это было сдѣлано очень спѣшно и узоръ иконостаса возстановили по уцѣлѣвшимъ частямъ. Въ 1882 г., передъ коронаціей царствующаго нынѣ Императора Александра III, иконостасъ этотъ было рѣшено возобновить. Для сего была образована коммиссія, состоявшая изъ прокурора московской синодальной конторы, протопресвитера собора, двухъ членовъ Московскаго Археологическаго Общества, И. Е. Забѣлина, В. Е. Румянцева и старосты собора М. Е. Попова. Производителемъ работъ былъ назначенъ Д. Н. Чичаговъ. При обсужденіи общаго расположенія частей

новаго дубоваго иконостаса коммиссіей рѣшено было сохранить существующее расположеніе всѣхъ частей, какъ схожее съ описями иконостаса, начиная съ 1627 г. Нѣкоторыя иконы, пропущенныя при реставраціи 1813 г., были возстановлены по рисункамъ, находящимся въ книгѣ вѣнчанія на царство Михаила Ѳедоровича, и по гравюрамъ, изображающимъ коронованіе Императрицы Анны Іоанновны. Стоимость работъ изъ серебра достигла очень значительной цифры—всего серебра было употреблено около 1,200 фунтовъ и фунтъ серебра съ золоченіемъ обошелся около 85 р. (Русск. Вѣд., № 57, 1893 г.).

. .

По случаю исполнившагося 15-тилѣтія дѣятельности Археологическаго института, 15-го января 1893 г. состоялось торжественное засѣданіе. Въ числѣ присутствовавшихъ находились профессора института во главѣ съ директоромъ—А. Н. Труворовымъ и много приглашенныхъ лицъ.

Директоръ института А. Н. Труворовъ сдѣлалъ обзоръ дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій въ 1891 г., учрежденныхъ по иниціативѣ покойнаго Н. В. Калачова съ цѣлью обслѣдовать и разработать памятники русской старины. Къ дѣйствовавшимъ въ 1890 г. костромской, нижегородской, оренбургской, орловской, пермской, рязанской, саратовской, таврической, тамбовской, тверской и ярославской коммиссіямъ прибавилась въ 1891 г. калужская. При вновь открытой коммиссіи, благодаря дѣятельности, главнымъ образомъ, гг. Симсона и Четыркина, организованъ музей, собрана библіотека изъ 300 названій и положено начало издательской дѣятельности. Въ настоящее время ученыя архивныя коммиссіи находятся въ крайне печальномъ положеніи по скудости матеріальныхъ средствъ. Несмотря на это, большинство ихъ стремится осуществить свое назначеніе, отыскивая и описывая древности, разбирая архивы казенные и семейные, составляя изъ найденныхъ документовъ рефераты и извлеченія и печатая знаменательные акты. Между прочимъ, предсѣдатель костромской коммиссіи, сенаторъ К. Н. Селифонтовъ составилъ систематическую опись 440 рукописей перваго отдѣленія Линевскаго архива. Его указатель именъ препровожденъ директоромъ Археологическаго института, какъ образецъ, для руководства при изданіяхъ актовъ, во всѣ ученыя коммиссіи.

Профессоръ института Н. И. Веселовскій сообщилъ о результатахъ раскопокъ, произведенныхъ имъ лѣтомъ прошлаго года близъ Симферополя. Сообщеніе демонстрировалось предметами, найденными въ могильникахъ. Г. Веселовскимъ были раскопаны два кургана, принадлежащіе скиѳамъ. Въ одномъ изъ нихъ найденъ костякъ мужчины въ лежачемъ положеніи, пять амофоръ съ надписями, черепъ лошади, кожаная уздечка съ наборомъ, кости быка и ножъ. Въ срединѣ гробницы находились желѣзныя копья, мечъ и колчанъ со стрѣлами. Интересны изображенія на колчанѣ орла, держащаго въ клювѣ какого-то звѣря съ пушистымъ хвостомъ, и грифоновъ, пользовавшихся у скиѳовъ большимъ уваженіемъ, такъ какъ грифоны, по вѣрова-

нію скиѳовъ, защищали и предохраняли человѣка отъ несчастій. Платье покойника было, видимо, изъ черной матеріи, украшенной золотыми бляшками въ формѣ небольшихъ треугольниковъ и ромбовъ. На головѣ найдена кожаная шапка съ золотыми бляхами. Въ другомъ курганѣ обнаруженъ женскій скелетъ въ сидячемъ положеніи. Кругомъ находились женскія украшенія: серьги, представляющія собою изображеніе грифона съ ушами и раскрытымъ клювомъ и др. Найденные при раскопкахъ предметы поступятъ на храненіе въ Эрмитажъ. (Нов. Вр. № 6066, 1893 г.).

18-го января 1893 г. состоялось общее собраніе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Общества Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича. Помощникъ предсѣдателя А. Ѳ. Бычковъ привѣтствовалъ Его Высочество рѣчью, въ которой отъ лица всего Общества выразилъ увѣренность, что Императорское Русское Археологическое Общество, въ теченіе 47 лѣтъ всегда пользовавшееся вниманіемъ своихъ покойныхъ предсѣдателей, ихъ императорскихъ высочествъ герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго и великаго князя Константина Николаевича, въ настоящее время, подъ высокимъ покровительствомъ Его Высочества, будетъ продолжать съ неослабнымъ рвеніемъ свои занятія надъ разъясненіемъ древностей какъ нашего отечества и близкой ему Византіи, такъ и классическаго Запада и странъ Востока. Засѣданіе было посвящено реферату Н. И. Веселовскаго „О раскопкахъ кургановъ подъ Симферополемъ лѣтомъ 1892 года". (Нов. Вр. № 6069, 1893).

5-го февраля 1893 г. состоялось засѣданіе славяно-русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Засѣданіе было посвящено докладамъ В. И. Ламанскаго („Новый документъ о Константинѣ-философѣ") и А. В. Половцева—(„Столица гетмановъ Батуринъ, его прошлое и его настоящее"). В. И. Ламанскій обратилъ вниманіе отдѣленія на опубликованный въ прошломъ году нѣмецкимъ ученымъ Фридрихомъ документъ, проливающій новый свѣтъ на обстоятельства жизни славянскаго первоучителя Кирилла-Константина философа. Такимъ документомъ является письмо современника Константина философа, Анастасія библіотекаря къ епископу Гавдерику въ Велитрахъ, въ Италіи, сохранившемуся въ сборникѣ XIV вѣка изъ собранія рукописей одного изъ лиссабонскихъ монастырей. Въ письмѣ этомъ констатируется, между прочимъ, несомнѣнная принадлежность Константину философу слова объ обрѣтеніи мощей святаго Климента, папы римскаго и краткой исторіи этого обрѣтенія. Чтеніе свое о достопримѣчательностяхъ Батурина А. В. Половцевъ иллюстрировалъ на экранѣ посредствомъ волшебнаго фонаря и, такимъ образомъ, наглядно представилъ это мѣстечко, Черниговской губ. Конотопскаго уѣзда, съ его богатымъ историческимъ прошлымъ. Одна изъ

достопримѣчательностей Батурина — такъ называемый городокъ Мазепы, укрѣпленіе на крутомъ берегу рѣки Сейма; другимъ замѣчательнымъ памятникомъ здѣсь является роскошный дворецъ послѣдняго малороссійскаго гетмана Кирилла Разумовскаго, обращающійся въ настоящее время въ развалину. Дворецъ этотъ, поражаетъ своей выдержанностью стиля, въ духѣ древне-греческихъ орденовъ, и своею грандіозностью. Въ томъ же засѣданіи А. В. Половцевъ представилъ разъясненіе интересующаго многихъ западныхъ эстетиковъ вопроса, куда исчезло одно изъ замѣчательнѣйшихъ изваяній знаменитаго Торвальдсена, конная статуя Іосифа Понятовскаго, польскаго генерала, погибшаго въ рѣкѣ Эльстерѣ. Эта прекрасная статуя, сдѣланная въ духѣ римской конной статуи императора Марка Аврелія и представляющая Іосифа Понятовскаго въ видѣ римскаго всадника, украшаетъ зданіе дворца графа Паскевича-Эриванскаго въ Гомелѣ, уѣздномъ городѣ Могилевской губерніи. (Нов. Вр. № 6087, 1893 г.).

Въ засѣданіи классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, 12 февраля 1893 г., А. К. Марковымъ было сдѣлано сообщеніе „Нумизматическій комментарій на одно мѣсто изъ Лукана“. Фактъ существованія права у римскихъ военачальниковъ выпускать отъ своего имени (во времена республики) монеты, какъ банковыя такъ и кредитныя, былъ уже давно установленъ Моммзеномъ, Ленорманомъ и др. Выпускавшіяся въ силу imperium militare въ римскомъ лагерѣ монеты чеканились изъ lateres argentei atque aurei, которыя римскій полководецъ получалъ отъ сената изъ Рима или же изъ награбленнаго имъ серебра и золота при успѣшныхъ военныхъ операціяхъ. Чеканъ монеты производился въ походномъ монетномъ дворѣ, но о немъ ни одинъ изъ scriptores rei militaris, оставившихъ намъ столь подробныя описанія устройства лагеря, не упоминаетъ. Точно также и у другихъ латинскихъ писателей не говорится ничего объ этихъ monetae. Единственное упоминаніе о немъ находится у Лукана (Pharsalia, I, 380): Numina miscebit castrensis flamma monetae, т. е. статуи (боговъ) расплавитъ пламя походнаго монетнаго двора;—но до сей поры ни одинъ изъ его многихъ ученыхъ комментаторовъ, со включеніемъ и всѣхъ древнихъ схоліастовъ Фарсалій, не понялъ этого мѣста. Бурманъ, Веберъ, Оудендорпъ и др. полагаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ о храмѣ богини Juno Moneta, находившемся въ Римѣ. Г. Марковъ высказалъ мнѣніе, что здѣсь не можетъ быть сомнѣнія, что рѣчь идетъ о походномъ монетномъ дворѣ Moneta castrensis, на которомъ центуріонъ Лелій предлагалъ Цезарю сплавить и перечеканить въ монету статуи боговъ по его первому желанію. Б. А. Тураевъ сообщилъ „О народѣ Кефтъ въ египетскихъ памятникахъ“; референтъ, ссылаясь на недавно изданныя изображенія народовъ — данниковъ на гробницахъ двухъ высшихъ египетскихъ сановниковъ времени царя Тутмеса III (1503—1449 г. до Р. Х.), обращаетъ вниманіе на приносимые этими данниками богатые

дары, въ которыхъ сказывается высокая культура и изощренный вкусъ Кипра и Микенъ, при чемъ данники эти являются на египетскихъ памятникахъ вмѣстѣ съ Финикіянами, которыхъ, на ряду съ жителями островомъ Средиземнаго моря, Египтяне называли общимъ именемъ Кефтъ.

16-го февраля 1893 года, въ засѣданіи Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, сдѣланъ былъ докладъ В. В. Бартольдомъ „О турецкой легендѣ Коркудъ-Намэ“. Рукопись древней турецкой поэмы о Коркудѣ сохранилась въ Дрезденской королевской библіотекѣ. Одинъ изъ эпизодовъ этой поэмы представляетъ поэтическій разсказъ о богатырѣ въ борьбѣ съ ангеломъ смерти Азраиломъ; богатырь спасенъ самоотверженіемъ жены, готовой отдать за него свою душу, что сдѣлать для него не согласились престарѣлые родители. Въ томъ же засѣданіи прочтены были сообщенія Н. П. Остроумова („Пѣсня о Викторѣ-баѣ“) и Н. Ѳ. Петровскаго „О древностяхъ Кашгара“. Н. П. Остроумовъ доставилъ записанную со словъ кокандскихъ бачей пѣсню объ одномъ русскомъ промышленномъ дѣятелѣ самаго недавняго времени, который, будучи представителемъ большой русской торговой фирмы, произвелъ растрату въ двѣсти тысячъ рублей, при чемъ оказался неисправнымъ должникомъ и по отношенію ко многимъ туземцамъ, довѣрявшимъ ему свои деньги на храненіе. Н. Ѳ. Петровскій, произведя раскопки на мѣстѣ древняго урочища Ханъ-Уй, близъ Кашгара, съ особымъ вниманіемъ останавливается, между прочимъ, на сохранившемся здѣсь большомъ каменномъ сооруженіи, которое туземцы называютъ голубятнею, а равно указываетъ на большое количество находимыхъ здѣсь старинныхъ стеклянныхъ вещей мѣстнаго производства. (Нов. Вр. № 6097, 1893 г.).

26-го февраля 1893 г., въ засѣданіи классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, А. Ѳ. Семеновъ сдѣлалъ сообщеніе „О гражданской присягѣ херсонесцевъ“. Эта клятвенная формула, начертанная на камнѣ, найденномъ въ развалинахъ Херсонеса, по опредѣленію опубликовавшаго ее В. В. Латышева, относится ко второй половинѣ III вѣка до Р. Хр. и содержитъ данныя для опредѣленія политическаго устройства древней греческой колоніи на южномъ берегу Таврическаго полуострова. Анализируя эти данныя и сопоставляя разбираемый памятникъ съ клятвенными формулами острова Крита, докладчикъ указываетъ на демократическія начала, положенныя въ основу гражданской присяги херсонесцевъ. Въ томъ же засѣданіи А. И. Покровскій прочиталъ рефератъ „Объ археологическихъ и топографическихъ данныхъ въ сочиненіи Аристотеля объ Аѳинскомъ государствѣ (*Ἀθηναίων πολιτεία*). Докладчикъ подвергъ подробному пересмотру фактическую сторону сочиненія Аристотеля и со-

поставилъ каждое изъ его указаній на топографію древнихъ Аѳинъ съ соотвѣтственными свѣдѣніями о древностяхъ Аѳинъ, какія имѣются у дошедшихъ до насъ другихъ классическихъ авторовъ. (Нов. Вр. № 6107, 1893).

Въ Императорскомъ Обществѣ любителей древней письменности, въ засѣданіи 22 января 1893 г., И. А. Шляпкинъ сдѣлалъ докладъ о житіи св. Питирима, еп. Пермскаго. До сихъ поръ извѣстно было довольно длинное житіе его, написанное въ XVIII в. и изданное г. Михайловымъ, но теперь референтъ отыскалъ проложную память Питирима въ рукописи XVI в. Разсматривая оба текста г. Шляпкинъ пришелъ къ выводу, что редакція XVIII в. стоитъ въ зависимости отъ „Памяти“ и интерполирована вставками изъ другихъ житій. По поводу этого доклада, нѣкоторыя замѣчанія были сдѣланы П. Н. Савваитовымъ, занимавшимъ на сей разъ предсѣдательское кресло. Вслѣдъ за тѣмъ секретарь Общества доложилъ собранію о выходѣ въ свѣтъ 92 выпуска Памятниковъ: „Изреченія Исихія и Варнавы“ (трудъ В. А. Семенова) и 102 нумера изданій Общества: „Можайскіе Акты“ (собраніе арх. Діонисія), сдѣлалъ сообщеніе о новомъ апокрифѣ, имѣющимъ связь съ повѣстью о Синагрипѣ. Разсказъ этотъ, озаглавленный „Словомъ о патріархѣ Ѳеостириктѣ“, носитъ всѣ признаки византійскаго происхожденія и въ основѣ своей содержитъ разъясненіе вопроса, почему святой 29 февраля Ѳеостириктъ, подобно Кассіану, чествуется церковью всего разъ въ четыре года, тогда какъ, напримѣръ, память св. Николая празднуется 2 или даже 3 раза въ году. М. А. Гамазовъ принесъ въ даръ музею Общества дубовую вѣтку съ могилы Вашингтона (?) и придворную скатерть 1783 г. съ иниціалами Великой Княгини Елены Павловны (Нов. Вр. № 6074, 1893 г.).

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій философско-историческаго отдѣла вѣнской академіи знаменитый славистъ *И. В. Ягичъ*, сообщилъ краткій отчетъ о приготовляемомъ имъ къ печати изслѣдованіи и изданіи вновь найденныхъ глаголическихъ отрывковъ, представляющихъ живой интересъ для всѣхъ, занимающихся исторіей славянской письменности *). Мы передаемъ этотъ интересный отчетъ цѣликомъ:

„Когда я три года тому назадъ былъ занятъ изданіемъ глаголическихъ „Вѣнскихъ листковъ“ („Glagolitica“ появились въ XXXVIII томѣ журнала Denkschriften Вѣнской академіи), я получилъ изъ Рима первое извѣстіе о новой находкѣ, которая также принадлежала къ глаголическому отдѣлу старославянской литературы и уже тогда показалась мнѣ немаловажной для дальнѣйшаго уясненія судебъ старославянской письменности. Что я имѣлъ

*) См. Anzeiger der philosophisch-historischen Klasse der K. K. Wiener Akademie der Wissenschaften. Wien. 1893.

сказать по этому поводу въ первую минуту, читатели найдутъ въ указанномъ выше изданіи (стр. 32, прим. 1). Тѣмъ временемъ прошло болѣе двухъ лѣтъ и неожиданно и эта новая находка попала въ мои руки: югославянская академія въ Загребѣ поручила мнѣ изданіе новооткрытаго памятника, перешедшаго въ ея владѣніе. Мое изслѣдованіе въ теченіе этого года появится въ сборникѣ Starine; но такъ какъ мои взгляды на значеніе новой находки уже установились, то я позволяю себѣ сообщить здѣсь краткій отчетъ о результатахъ занятій, посвященныхъ мною этому предмету.—

Новонайденные отрывки состоятъ, къ сожалѣнію, всего изъ четырехъ пергаменныхъ листковъ въ малую четверку, точнѣе говоря — изъ двухъ вдвое сгибаемыхъ листовъ тетради пергамента, именно — внѣшняго перваго листа и внутренняго третьяго. Отсюда ясно, что съ концемъ каждаго листка прерывается текстъ. Содержаніе составляетъ старославянскій переводъ части Дѣяній Апостольскихъ, именно главы IV — IX, не полностью, а съ указанными перерывами. Вся рукопись представляла нѣкогда „Апостолъ", т. е. часть Новаго Завѣта, обнимающую Дѣянія и Посланія. Старославянская литература не бѣдна текстами этого рода, однако чаще встрѣчаются такъ называемые Апостолы Апракосъ (извлеченія въ видѣ церковныхъ чтеній), чѣмъ полные тексты. Памятникъ послѣдняго рода, но писанный кириллицей, находится въ императорской публичной библіотекѣ въ Спб., еще другой—въ Болоньѣ. Глаголическіе памятники этого рода до сихъ поръ не были извѣстны. Поэтому, если-бы наша рукопись сохранилась въ полномъ видѣ, мы имѣли-бы въ ней параллель къ такимъ Четвероевангеліямъ, какъ Зографское, Маріинское и др. Однако по языку эти отрывки принадлежатъ сербохорватскому изводу славянской письменности, въ нихъ пишется ⰵ вм. ⰶ, ⰵ вм. ⰵ или ⰶ и т. д.; но въ отличіе отъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ глаголическихъ текстовъ хорватскаго происхожденія, листки еще отличаютъ ⰺⰻ (-ъи) отъ ⰻ (-и), хотя и не безъ исключеній. Только слабые слѣды того древняго оригинала, который содержалъ носовые звуки, сохранились въ нѣсколькихъ случаяхъ употребленія ⰶ. Но въ грамматическихъ формахъ и словарѣ отрывки обнаруживаютъ всѣ признаки древнѣйшей редакціи, такъ какъ въ выборѣ чтеній они примыкаютъ къ древнѣйшимъ текстамъ старославянскаго Апостола, а въ грамматическомъ отношеніи украшены столь рѣдкими формами, какъ сильный аористъ и аористъ сигматическій безъ соединительной гласной, или какъ формы имперфекта на -шетє.

Все это уже само по себѣ обезпечиваетъ отрывкамъ относительно глубокую древность, но только совпаденіе этихъ признаковъ съ нѣкоторыми палеографическими особенностями, между которыми болѣе всего важенъ круглый характеръ глаголическаго письма, дѣлаетъ изъ нихъ многозначительное „unicum, которому выпадаетъ на долю, подобно Пражскимъ, Кіевскимъ и Вѣнскимъ листкамъ, расширить нашъ кругозоръ и при томъ — отмѣтимъ съ удовлетвореніемъ — въ направленіи нашихъ предыдущихъ пред-

положеній и комбинацій, основательность которыхъ устанавливаетъ новая находка. — Уже давно было извѣстно, что въ кирилловскихъ памятникахъ сербской письменности съ древнѣйшихъ временъ обнаруживается извѣстнаго рода дуализмъ, который въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ (XV—XVII) становится болѣе и болѣе характернымъ, вслѣдствіе чего, какъ извѣстно, надлежитъ различать два типа: юго-восточный, сербскій по преимуществу, и сѣверо-западный, боснійскій типъ. Этотъ послѣдній былъ замѣченъ прежде всего въ печатныхъ изданіяхъ XVII вѣка, позднѣе — въ древнихъ грамотахъ Босніи, пока онъ не былъ наконецъ обнаруженъ также въ литургическихъ книгахъ (Евангеліяхъ, Апостолахъ, Псалтыряхъ). Только что названные тексты навели далѣе на предположеніе, что боснійскій типъ кирилловской письменности обязанъ своими выдающимися палеографическими и орѳографическими особенностями своей тѣсной связи съ глаголизмомъ. Все это оставалось до сихъ поръ не всѣми учеными раздѣляемымъ предположеніемъ, для котораго недоставало фактическихъ подтвержденій. Только теперь новонайденные отрывки заполняютъ пробѣлъ въ нашихъ доказательствахъ. Листки Матанича — такъ называю я памятникъ по имени лица, нынѣ уже умершаго, которое въ 1888 году перенесло ихъ въ Римъ, были открыты, правда, на островѣ Кркѣ (Veglia) въ городѣ Врбникѣ (Verbenico), но есть несомнѣнные признаки, что ихъ первоначальной родины слѣдуетъ искать далѣе на востокъ, т. е. въ предѣлахъ Босніи, весьма вѣроятно — въ южныхъ частяхъ этой страны. Рукопись, уцѣлѣвшій остатокъ которой представляютъ наши четыре листка, была написана, приблизительно, въ концѣ XII-го вѣка, и только позднѣе, напримѣръ, въ концѣ XIII-го вѣка, кто-то снабдилъ на поляхъ глаголическій текстъ кирилловскими замѣтками, въ которыхъ даны указанія, гдѣ начинаются чтенія и когда они должны читаться. Эти замѣтки, на что должно быть обращено особое вниманіе, исполнены въ стилѣ боснійской кириллицы и относятся къ чтеніямъ по восточному раздѣленію церковнаго года. Отсюда получается выводъ, что этотъ Апостолъ въ эпоху написанія кирилловскихъ замѣтокъ на поляхъ его (долго ли послѣ этого — знать нельзя) еще употреблялся въ качествѣ богослужебной книги греко-восточнаго обряда литургіи, и при томъ въ предѣлахъ той страны, гдѣ употреблялся боснійскій типъ кириллицы. Такимъ образомъ отрывки оказываются остаткомъ старославянской письменности того болѣе древняго періода, въ который глаголица также и въ такихъ странахъ, какъ Боснія, еще не была вытѣснена кирилловскою письменностью. Далѣе мы можемъ заключить изъ этихъ нѣмыхъ свидѣтелей, что глаголическія книги и въ концѣ XIII-го вѣка еще не совсѣмъ вышли изъ употребленія, если они даже и принадлежали тогда къ рѣдкостямъ. Возможно, но не удостовѣрено, что эта древнѣйшая азбука всего долѣе удерживалась у богомиловъ; однако литургическій характеръ полевыхъ замѣтокъ нашего памятника указываетъ на употребленіе въ православной церкви, а не у богомиловъ.

Эти отрывки пріятнымъ образомъ восполняютъ пробѣлъ въ до сихъ поръ

существовавшихъ взглядахъ на распространеніе глаголитизма. До сихъ поръ говорили только о паннонской, потомъ о македонской и хорватской глаголицѣ въ памятникахъ языка и литературы. Теперь можно знать навѣрное, что̀ прежде позволительно было подозрѣвать: что и лежащія между названными областями срединныя земли, и прежде всего Боснія, постоянно служившая соединеніемъ востока съ западомъ, до XII-го вѣка знали и употребляли глаголицу. Судя по палеографическому характеру нашихъ отрывковъ, которые будутъ изданы вполнѣ, въ точнѣйшемъ фототипическомъ воспроизведеніи, глаголическое письмо Босніи и другихъ сербскихъ земель представляло связующее звено между Македоніей и Хорватіей“. (Сообщилъ В. Н. Щепкинъ).

—

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Товарищъ Предсѣдателя *Д. Анучинъ*.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ 12 разъ въ годъ и составятъ томъ въ 25 листовъ. Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою ТРИ (3) рубля въ годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Историческомъ Музеѣ, на Красной Площади, у Алексѣя Васильевича Орѣшникова ежедневно (кромѣ субботъ и праздниковъ), отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня.

2) Въ антикварной книжной торговлѣ П. П. Шибанова, Москва, Петровскія линіи.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные ТРИ рубля исключительно на имя Московскаго Археологическаго Общества (Москва, Берсеневская набережная, у Каменнаго Моста, собств. домъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности — церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы въ Москву, въ Историческій Музей, на Красной Площади, Алексѣю Васильевичу Орѣшникову.

Археологическія
Извѣстія и замѣтки

издаваемыя

Императорскимъ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

дѣйствительнаго члена

А. В. Орѣшникова.

№ 5

МОСКВА
Товарищество типографіи А. И. Мамонтова
Леонтьевскій пер., д. Мамонтова,
1893

530

№ 5 1893 г.

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I

Три памятника времени царя Ивана Васильевича Грознаго.

Въ „Археологическомъ описаніи церковныхъ древностей въ Новгородѣ“ арх. Макарія, ч. I, стр. 242, при описаніи Знаменскаго собора, упомянуты „двѣ золотыя четыреугольныя продолговатыя медали“ съ надписями, сходными съ находящимися на двухъ, повидимому, такихъ же пластинкахъ, принадлежащихъ Историческому Музею въ Москвѣ. Обѣ пластинки Историческаго Музея серебряныя, ромбической формы, длиною въ 1 верш., и на одной сторонѣ у каждой пластинки находится вырѣзанная въ глубь надпись, исполненная четкою скорописью; заднія стороны обѣихъ пластинокъ гладкія. Верхняя часть ихъ снабжена ушками, снизу же у одной сохранился стержень, у другой видны слѣды припайки, вѣроятно такого-же стержня или, можетъ быть, крючка.

Надпись первой пластинки (см. рис. 11 въ натуральную величину) слѣдующая: Лта *) 7080 г. 6 Октебря сю чепь к прчтоі Бце к Знаменью приложил Гдрь своего Ливнского по-

*) Между буквами л и а изображенъ треугольникъ, значеніе котораго для меня непонятно.

ходу. Другая пластинка (рис. 12) имѣетъ слѣдующую надпись: Кпрчтоi Знаменю сеi золотоi приложил црвичь Иванъ своего Ливонского походу. [1]) Не видавъ золотыхъ пластинокъ Знаменскаго Новгородскаго собора, я не могу сказать, на сколько разнятся наши отъ новгородскихъ, но общій характеръ надписей и самый видъ серебра, нѣсколько потускнѣвшаго, показываетъ, что если наши пластинки и копіи, то сдѣланныя не въ позднѣйшее время. Надписи точно опредѣляютъ время и назначеніе обоихъ памятниковъ: во 2-й Новгородской лѣтописи (П. С. Р. Л. т. III, стр. 174), подъ 7080 годомъ, 21 Августа, упомянуто о выѣздѣ царя Ивана Васильевича изъ Новгорода, гдѣ онъ жилъ на „Никитинѣ улицы" одиннадцать недѣль и въ томъ же году осенью царь возвратился въ Новгородъ съ царевичами Иваномъ и Өедоромъ. [2]) Упоминаемая въ обѣихъ надписяхъ новгородская святыня — икона Знаменія Богородицы — особенно чтилась царемъ Иваномъ Васильевичемъ, о чемъ повѣствуетъ та же лѣтопись (стр. 165) подъ 7079 годомъ: 25 Іюня новгородское духовенство и народъ встрѣчали икону Владимірской Божьей Матери, пѣли молебны и понесли икону въ церковь Знаменія при пѣніи многихъ „дьяковъ Московскихъ"; за иконою шелъ царь съ царевичемъ Иваномъ; принеся икону въ церковь, архіепископъ Леонидъ служилъ молебенъ, а царевичъ у образа знаменовался, чинно и съ страхомъ молился; затѣмъ икона Знаменія вмѣстѣ съ Владимірскою были перенесены въ Софійскій соборъ, а оттуда въ церковь св. Никиты и т. д. Этой чтимой иконѣ Знаменія и были принесены въ даръ царемъ и его сыномъ упомянутые въ надписяхъ пластинокъ золотая цѣпь и „золотой". Архимандритъ Макарій ни словомъ не упоминаетъ въ „Описаніи", сохранились ли цѣпь и монета, хотя объ обломкахъ цѣпи Знаменскаго собора и былъ сдѣланъ въ 1886 г. докладъ въ Общ.

Рис. 11.

Рис. 12.

[1]) 1) Лѣта 7080 г. 6 Октября сію чепь къ Пречистой Богородицѣ къ Знаменью приложилъ Государь своего Ливонскаго походу. 2) Къ Пречистой Знаменью сей золотой приложилъ царевичъ Иванъ своего Ливонскаго походу.

[2]) Карамзинъ, IX, стр. 217. Во второй Новгородской лѣтописи (стр. 167) возвращеніе царя показано 24-мъ Декабря.

составляло богатое и разнообразное украшеніе св. иконы; но когда Петръ I указомъ 1722 г. апрѣля 24 повелѣлъ снять съ иконъ привѣски и доставить ихъ въ св. Синодъ для разбора, „что въ нихъ старое и куріозное“: тогда она лишилась большей части своихъ узорочій.

Большіе государственные расходы заставили Петра Великаго извлечь металлъ для „денежнаго передѣла“ изъ серебряной посуды, принадлежавшей монастырямъ, и по этому поводу находимъ любопытныя свѣдѣнія во 2-й части „Матеріаловъ для исторіи, археологіи и статистики города Москвы, собранныхъ Ив. Ег. Забѣлинымъ“ (стр. 781—783): „Св. Прав. Синода въ Прав. Сенатъ вѣдѣніе. Сего 722-го года ... Сентября въ 7-й день. по е. и. в. указу и по приговору Св. Прав. Синода, велѣно о требуемой къ денежному передѣлу серебряной посудѣ описные книги изъ Монастырскаго Приказу взнести въ Св. Синодъ, по которымъ тое посуду, разобравъ и учиня разсмотрѣніе въ Синодѣ, буде которая надлежитъ къ денежному передѣлу, тое отослать съ описью въ Сенатъ при вѣдѣніи, а которые вещи изъ той посуды покажутся куріозные, таковые для сохраненія отдать Синодалного дому Казначею съ роспискою“. Далѣе: „Справка 1723 г. По справкѣ въ Сенатѣ: въ прошломъ 722-мъ году февраля во 12-й день, въ Сенатѣ при собраніи и при докладываніи по доношенію изъ Синода объ отдачѣ въ тотъ Синодъ Патріарша Дому ризницы и вещей, генералъ фельтьмаршалъ свѣтлѣйшій князь господинъ Меншиковъ и тайный дѣйствительный совѣтникъ ковалеръ Петръ Андреевичъ Толстой объявили: что е. и. в. указалъ изложенія соборныя, и ризницу и протчіе вещи, которыя были прежде Патріарша дому, отдать въ Синодъ съ описными книгами съ роспискою, а таковы-жъ описные книги взнесть въ Сенатъ за ихъ руками, а которые всякіе вещи взяты изъ монастырей оныхъ, всѣхъ вещей въ Синодъ не отдавать, а взнесть для разсмотрѣнія въ Сенатъ, и изъ того старые вещи оставить въ Казенномъ Дворѣ, а протчіе серебреные вещи отдать на денежные дворы вѣсомъ съ роспискою... А въ протокольной запискѣ октября 17-го дня 722-го году написано: по вѣдѣнію изъ Духовнаго Синода о досмотрѣ монастырскихъ вещей по описи, Прав. Сенатъ приказали: у осмотру и разбору тѣхъ вещей быть отъ Сената генералу фелцейхъ-мейстеру графу Брюсу... А Октября-жъ 29-го, генералъ фелцейхъ-мейстеръ графъ Брюсъ Прав. Сенату объявилъ, что онъ по вѣдѣнію и по описи Св. Синода вещи осматривалъ, а по осмотру ево изъ того серебра надлежитъ оставить одну братинку для куріеозита, а досталное все отослать въ Бергъ-Коллегію въ денежный передѣлъ“. Далѣе говорится объ отправ-

кажется, упоминаніе о наградахъ золотыми монетами мы находимъ въ 1469 году: во время войны съ Ибрагимомъ Казанскимъ отличились устюжане, и въ награду за это Иванъ III „дважды послалъ имъ по деньгѣ золотой“ и нѣсколько кафтановъ, шубъ и т. д.“ [1]) Въ 1551 г. за военныя заслуги Шигъ Алея и его войска къ нему и къ воеводамъ посланы золотые, а въ 1555 г. за подвиги противъ черемисъ и казанскихъ татаръ Иванъ пожаловалъ воеводамъ золотые [2]). При Борисѣ Годуновѣ, въ 1605 году опять встрѣчаемъ въ числѣ наградъ, розданныхъ боярамъ и служилымъ людямъ, сидѣвшимъ въ осадѣ въ Новгородѣ Сѣверскомъ [3]): боярину и воеводѣ кн. Трубецкому и окольничему и воеводѣ Басманову по золотому въ 5 золотыхъ угорскихъ; двумъ воеводамъ по золотому Угорскому; тремъ головамъ и дьяку по золотому московскому и золотой (безъ обозначенія—какой); четыремъ головамъ же по золотому вполы московскаго; девяти сотникамъ по деньгѣ золоченой, при чемъ одному „дана деньга золотая, что была послана государева жалованья Ивану Зиновьеву, и Ивану дана государева жалованья Ноугородка золочена“; дѣтямъ боярскимъ 148-ми, столькимъ же приблизительно стрѣльцамъ и 53 пушкарямъ и затинщикамъ по новгородкѣ золоченой; около 250 стрѣльцамъ и 175 казакамъ по деньгѣ золоченой; да сверхъ росписи 14 пушкарямъ и казацкимъ и стрѣлецкимъ дѣтямъ по новгородкѣ золоченой, а 15-ти по деньгѣ золоченой; а всего 2 золотыхъ по 5 золотыхъ угорскихъ, да 2 золотыхъ угорскихъ, 4 золотыхъ московскихъ, да 4 золотыхъ вполы московскихъ, да 9 московокъ золотыхъ, да 418 ноугородокъ золоченыхъ, да 411 московокъ золоченыхъ. А за расходомъ осталося 145 ноугородокъ золоченыхъ, да 225 московокъ золоченыхъ, и тѣ ноугородки и московки взяты въ Московскій Розрядъ. Сверхъ того 420 служилымъ людямъ, стрѣльцамъ и казакамъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ роздано 1283 рубля (по 5, 3, 2 и 1 рублю) и др. награды.

Изъ приведенныхъ мною данныхъ о наградахъ на Руси XVI и начала XVII ст. [4]) можно заключить, что медалей, нарочно отчеканенныхъ для награды, въ томъ смыслѣ, какой мы имѣемъ о теперешнихъ медаляхъ, тогда не было, а пользовались или иностранными монетами— португальскими, венгерскими, или же золотили обыкновенныя ходячія

---

[1]) Карамзинъ, VI, прим. 26 (ссылка на Арханг. Лѣт.).

[2]) Карамзинъ, VIII, прим. 232, 396 и 397.

[3]) Акты Моск. Гос. I Разрядный Приказъ. № 42, стр. 66.

[4]) Въ XVII в. до Петра I въ награду за ратныя дѣла и въ память какихъ либо событій, напр., царскихъ свадебъ и т. п. раздавали золотыя монеты иностранныя или русскія *нарочно на тотъ случай отчеканенныя*. См. объ этомъ свидѣтельства Маржерета, Петрея и др. въ „Трудахъ Московскаго Нумизмат. Общ.“ т. I, стр. 57.

серебряныя русскія монеты; если же награждали „золотымъ“ русскимъ (новгородка, московка), то эти золотые имѣли форму монеты, т. е. лишены были ушка, а вѣроятно просверливались, какъ это мы видимъ на нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ экземплярахъ того времени. [1]). Золотой монеты въ Россіи до Петра Великаго не чеканили, поэтому возможно предположить, что упоминаемые въ приведенныхъ мною мѣстахъ „золотые“ были чеканены исключительно для наградъ. Степень награды, въ XVI в., конечно, выражалась величиною монеты, и самыми крупными были португальскія, собственно говоря ливонскія, чеканенныя по образцу португальскихъ (Эмануила, короля Португаліи) великимъ магистромъ Ливонскаго ордена Вальтеромъ фонъ Плеттенбергомъ (первой половины XVI в.), ходившія въ Ливоніи [2]), затѣмъ слѣдуютъ угорскіе или венгерскіе червонцы, бывшіе въ большомъ ходу въ Россіи (см. Шодуаръ, Обозр. русск. и иностр. денегъ, I, 62—63) и, наконецъ, новгородки, по вѣсу (въ серебрѣ) равнявшіяся двумъ московкамъ.

Золотыхъ новгородокъ до сихъ поръ не найдено ни одной, хотя, основываясь на вышеприведенномъ свидѣтельствѣ „Розрядной книги“, онѣ несомнѣнно были, и при наградѣ ихъ даже отличаютъ отъ золоченыхъ, т. е. серебряныхъ вызолоченныхъ (послѣднія нерѣдко попадаются). Русскія золотыя монеты, или лучше сказать медали, времени царя Ивана Васильевича Грознаго извѣстны въ нѣсколькихъ экземплярахъ и представляютъ большую рѣдкость [3]); большая часть извѣстныхъ экземпляровъ имѣетъ изображеніе двуглаваго орла и одинъ экземпляръ—всадника. Который же изъ двухъ типовъ называется „московкою“? Мнѣ казалось бы, принимая въ соображеніе, во первыхъ, послѣдующее за новгородками мѣсто, которыя были вдвое болѣе московокъ, т. е. ихъ величину, и, во вторыхъ, типъ московскій, т. е. всадника на конѣ, изображавшагося на серебряныхъ деньгахъ московскихъ XVI в.,—считать золотыя московки одинакими по типу съ серебряными деньгами; золотые съ орломъ царя Ивана Васильевича, довольно крупные и вѣроятно болѣе новгородокъ (которыя намъ неизвѣстны), поэтому они должны были бы стоять ранѣе новгородокъ. Впрочемъ, за неимѣніемъ прочныхъ

[1]) Золотыя монеты жалованныя носились пришитыми на кафтанахъ или шапкахъ. Флетчеръ, О государствѣ Русскомъ, стр. 54.

[2]) Золотыми португальскими назывались въ Польшѣ и другихъ европейскихъ государствахъ золотыя монеты въ 10 червонцевъ. Въ томъ же смыслѣ употребляютъ названіе „золотой португальской“, вѣроятно и въ Россіи: „Да къ Воскресенью Христову далъ 3 золотыхъ португальскихъ, а въ нихъ 30 золотыхъ угорскихъ“. (Древн. Росс. Вивліоѳика, XII стр. 441).

[3]) См. Опис. мон. кн. С. В. Долгорукова №№ 39—41 и Schubert, Monnayes russes, p. 11—12.

данныхъ, я свое мнѣніе не отстаиваю, и возможно допустить, что подъ именемъ золотыхъ московокъ подразумѣвались всѣ золотыя монеты, чеканеныя въ Москвѣ. Что же касается типа золотыхъ новгородокъ, то весьма вѣроятно, что онъ былъ одинаковъ съ типомъ ходячей серебряной новгородской монеты времени самостоятельности Великаго Новгорода или же послѣ его подчиненія Москвѣ. Царевичъ Иванъ Ивановичъ былъ награжденъ, вѣроятно, слѣдующею за цѣпью наградою, т. е. португальскимъ золотымъ, который и былъ прикрѣпленъ къ стержню пластинки и принесенъ иконѣ, что и пояснено въ надписи.

Снабжать царскіе приклады къ иконамъ пластинками съ надписями было, очевидно, въ обычаѣ въ старину: такой же, сходный съ описанными, памятникъ находится въ Зарайскомъ Никольскомъ соборѣ на иконѣ св. Николая Зарайскаго: это золотая дощечка, почти квадратная (по описанію А. И. Писарева, [1]) Собр. надп. съ памятн. Рязанской старины) вѣсомъ $1^1/_2$ золотника, со слѣдующею надписью: Лѣта ҂зрні Іануаріа въ кз день Государь Царь и Великій Князь Василій Ивановичь всеа Руси приложилъ къ чюдотворному образу Великого Чудотворца Николы Заразскаго, какъ Богъ освободилъ городъ его отъ воровскихъ людей его Чудотворцовскою молитвою, и добили челомъ Государю.

Что приложилъ царь Василій Ивановичъ Шуйскій, надпись не говоритъ, но находящійся на той же иконѣ португальскій „золотой", въ $9^1/_2$ зол. вѣс. (ib., стр. 303), заставляетъ предположить, что пластинка принадлежитъ къ нему. Описанная Писаревымъ золотая монета принадлежитъ королю Эмануилу португальскому (1495—1521).

Обычай украшать иконы привѣсками или прикладами въ видѣ монетъ, вещей изъ драгоцѣнныхъ металловъ (ожерелій, колецъ, серегъ и т. п.) было нерѣдкимъ явленіемъ въ прежнее время и даже встрѣчается и теперь. Въ описи иконы Владимірской Божьей Матери Московскаго Успенскаго Собора, составленной въ 1627 году по указу патріарха Филарета Никитича (см. Древности Росс. Госуд., отд. I, стр. 5 — 7), въ числѣ прикладовъ и привѣсокъ значатся: ожерелье, прикладу царя Михаила Ѳеодоровича, низанное крупнымъ жемчугомъ съ каменьями (перечислены), 6 золотыхъ цатъ, 4 панагіи, 16 крестовъ съ жемчугами и драгоцѣнными каменьями, сверхъ того рясы и серьги, 152 золотыхъ угорскихъ и московскихъ, 4 золотыхъ двойныхъ угорскихъ, Новгородка золотая и серебряна золочена. Все сіе, продолжаетъ авторъ „Древностей Россійскаго Государства",

[1]) См. Зап. Имп. Арх. Общ. т. VIII (1856 г.), стр. 277 и 303.

составляло богатое и разнообразное украшеніе св. иконы; но когда Петръ I указомъ 1722 г. апрѣля 24 повелѣлъ снять съ иконъ привѣски и доставить ихъ въ св. Синодъ для разбора, „что въ нихъ старое и куріозное“: тогда она лишилась большей части своихъ узорочій.

Большіе государственные расходы заставили Петра Великаго извлечь металлъ для „денежнаго передѣла“ изъ серебряной посуды, принадлежавшей монастырямъ, и по этому поводу находимъ любопытныя свѣдѣнія во 2-й части „Матеріаловъ для исторіи, археологіи и статистики города Москвы, собранныхъ Ив. Ег. Забѣлинымъ“ (стр. 781—783): „Св. Прав. Синода въ Прав. Сенатъ вѣдѣніе. Сего 722-го года ... Сентября въ 7-й день. по е. и. в. указу и по приговору Св. Прав. Синода, велѣно о требуемой къ денежному передѣлу серебряной посудѣ описные книги изъ Монастырскаго Приказу взнести въ Св. Синодъ, по которымъ тое посуду, разобравъ и учиня разсмотрѣніе въ Синодѣ, буде которая надлежитъ къ денежному передѣлу, тое отослать съ описью въ Сенатъ при вѣдѣніи, а которые вещи изъ той посуды покажутся куріозные, таковые для сохраненія отдать Синодалного дому Казначею съ роспискою“. Далѣе: „Справка 1723 г. По справкѣ въ Сенатѣ: въ прошломъ 722-мъ году февраля во 12-й день, въ Сенатѣ при собраніи и при докладываніи по доношенію изъ Синода объ отдачѣ въ тотъ Синодъ Патріарша Дому ризницы и вещей, генералъ фельтьмаршалъ свѣтлѣйшій князь господинъ Меншиковъ и тайный дѣйствительный совѣтникъ ковалеръ Петръ Андреевичъ Толстой объявили: что е. и. в. указалъ изложенія соборныя, и ризницу и протчіе вещи, которыя были прежде Патріарша дому, отдать въ Синодъ съ описными книгами съ роспискою, а таковы-жъ описные книги взнесть въ Сенатъ за ихъ руками, а которые всякіе вещи взяты изъ монастырей оныхъ, всѣхъ вещей въ Синодъ не отдавать, а взнесть для разсмотрѣнія въ Сенатъ, и изъ того старые вещи оставить въ Казенномъ Дворѣ, а протчіе серебреные вещи отдать на денежные дворы вѣсомъ съ роспискою... А въ протокольной запискѣ октября 17-го дня 722-го году написано: по вѣдѣнію изъ Духовнаго Синода о досмотрѣ монастырскихъ вещей по описи, Прав. Сенатъ приказали: у осмотру и разбору тѣхъ вещей быть отъ Сената генералу фелцейхъ-мейстеру графу Брюсу... А Октября-жъ 29-го, генералъ фелцейхъ-мейстеръ графъ Брюсъ Прав. Сенату объявилъ, что онъ по вѣдѣнію и по описи Св. Синода вещи осматривалъ, а по осмотру ево изъ того серебра надлежитъ оставить одну братинку для куріеозита, а досталное все отослать въ Бергъ-Коллегію въ денежный передѣлъ“. Далѣе говорится объ отправ-

ленныхъ въ полки медаляхъ, которыя дѣлать изъ опредѣленныхъ денегъ, „а буде придѣлныхъ денегъ не будетъ, то по самой нуждѣ изъ капитала, а то число въ капиталъ наполнить, что по указомъ въ Бергъ-Коллегію велѣно въ Штатсъ-Конторѣ изо всѣхъ мѣстъ присылать наличное золото и серебро и золотые, также золотую и серебряную посуду для передѣловъ въ Бергъ-Коллегію". Изъ приведеннаго можно заключить, какое количество древнихъ вещей, отобранныхъ изъ монастырей и „изо всѣхъ мѣстъ", было отдано при Петрѣ Великомъ въ денежный передѣлъ. Тѣмъ удобнѣе было уничтожить такіе предметы, какъ золотую цѣпь царя Ивана Васильевича и золотыя монеты съ иконъ, что онѣ едва ли могли для графа Брюса представлять „куріеозитъ", подобно единственной братинкѣ, заслужившей его вниманіе.

Третій памятникъ той же эпохи царя Ивана Васильевича, также находящійся въ Историческомъ Музеѣ,—мѣдное Распятіе, обыкновеннаго, довольно часто встрѣчающагося типа, но особенность его заключается въ надписи, которою покрыта задняя, гладкая сторона. Въ виду интереса, который заключаетъ надпись, позволю себѣ представить описаніе этого памятника: Распятіе, величиною въ $4^{5}/_{8}$ в., красномѣдное, покрытое полудою, восьмиконечное съ ушкомъ въ верху, носящимъ изображеніе Нерукотвореннаго Спаса. Ушко показываетъ, что крестъ былъ назначенъ для ношенія; подобные кресты носятъ названіе „параманныхъ" (для ношенія на раменахъ), но сверлины, находящіяся въ ушкѣ и въ нижней поперечной доскѣ, указываютъ, что крестъ былъ прикрѣпленъ къ доскѣ или кіоту и поставленъ на ряду съ иконами для поклоненія, или же просто приколоченъ надъ воротами дома, т. е. обращенъ въ „поклонный".

Работа лицевой стороны Распятія довольно грубая; такой же грубый характеръ носятъ и надписи. По сторонамъ главы Христа находится надпись: ЦАРЬ IС — ХС СЛАВЫ. Надъ главою Христа изображены два летящіе внизъ Ангела; надъ ними двухстрочная надпись МИХЛЪ (Михаилъ) ГАВРІИЛ. Подъ ногами Христа находится Голгоѳа съ Адамовой главой. Очень сходное съ нашимъ Распятіемъ, но нѣсколько меньшаго размѣра, издано въ 3 — 4 вып. „Сборника снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ," г.г. Леопардова и Чернева, таб. II, № 16, съ тою только разницею, что подъ руками Христа находятся поясныя изображенія четырехъ Предстоящихъ, которыхъ на нашемъ нѣтъ [1]).

Обратная сторона Распятія имѣетъ слѣдующую, вырѣзанную вглубь,

[1]) Историческій Музей имѣетъ нѣсколько такихъ Распятій.

Рис. 13.

ленныхъ въ полки медаляхъ, которыя дѣлать изъ опредѣленныхъ денегъ, „а буде придѣлныхъ денегъ не будетъ, то по самой нуждѣ изъ капитала, а то число въ капиталъ наполнить, что по указомъ въ Бергъ-Коллегію велѣно въ Штатсъ-Конторѣ изо всѣхъ мѣстъ присылать наличное золото и серебро и золотые, также золотую и серебряную посуду для передѣловъ въ Бергъ-Коллегію". Изъ приведеннаго можно заключить, какое количество древнихъ вещей, отобранныхъ изъ монастырей и „изо всѣхъ мѣстъ", было отдано при Петрѣ Великомъ въ денежный передѣлъ. Тѣмъ удобнѣе было уничтожить такіе предметы, какъ золотую цѣпь царя Ивана Васильевича и золотыя монеты съ иконъ, что онѣ едва ли могли для графа Брюса представлять „куріеозитъ", подобно единственной братинкѣ, заслужившей его вниманіе.

Третій памятникъ той же эпохи царя Ивана Васильевича, также находящійся въ Историческомъ Музеѣ, — мѣдное Распятіе, обыкновеннаго, довольно часто встрѣчающагося типа, но особенность его заключается въ надписи, которою покрыта задняя, гладкая сторона. Въ виду интереса, который заключаетъ надпись, позволю себѣ представить описаніе этого памятника: Распятіе, величиною въ $4^{5}/_{8}$ в., красномѣдное, покрытое полудою, восьмиконечное съ ушкомъ въ верху, носящимъ изображеніе Нерукотвореннаго Спаса. Ушко показываетъ, что крестъ былъ назначенъ для ношенія; подобные кресты носятъ названіе „параманныхъ" (для ношенія на раменахъ), но сверлины, находящіяся въ ушкѣ и въ нижней поперечной доскѣ, указываютъ, что крестъ былъ прикрѣпленъ къ доскѣ или кіоту и поставленъ на ряду съ иконами для поклоненія, или же просто приколоченъ надъ воротами дома, т. е. обращенъ въ „поклонный".

Работа лицевой стороны Распятія довольно грубая; такой же грубый характеръ носятъ и надписи. По сторонамъ главы Христа находится надпись: ЦАРЬ IC — XC СЛАВЫ. Надъ главою Христа изображены два летящіе внизъ Ангела; надъ ними двухстрочная надпись МИХЛЪ (Михаилъ) ГАВРІИЛ. Подъ ногами Христа находится Голгоѳа съ Адамовой главой. Очень сходное съ нашимъ Распятіемъ, но нѣсколько меньшаго размѣра, издано въ 3 — 4 вып. „Сборника снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ," г.г. Леопардова и Чернева, таб. II, № 16, съ тою только разницею, что подъ руками Христа находятся поясныя изображенія четырехъ Предстоящихъ, которыхъ на нашемъ нѣтъ [1]).

Обратная сторона Распятія имѣетъ слѣдующую...

[1]) Историческій Музей имѣетъ нѣсколь...

а
ят-

я, не
ью ука-
рхангель-
ществую-
Вологодской
въ которой
о.
деньги, также
поименованнымъ
роса, имени Ге-

тр. 71.

надпись вязью и подъ титлами (см. рис. 13 въ нат. вел.): Крестъ Архангелского Монастыря старца Геро(н)тия а сменен на милостинные денги что давал Государь по царевичи Иване Ивановичи.

Государь, упоминаемый въ надписи, Иванъ Васильевичъ Грозный, убившій въ запальчивости въ 1582 году въ Александровской Слободѣ своего сына царевича Ивана Ивановича. Смерть сына повергла царя въ страшное отчаяніе и глубокое раскаяніе. Карамзинъ [1]), на основаніи свидѣтельствъ Посевина и Одерборна, слѣдующимъ образомъ повѣствуетъ о состояніи царя: „Іоаннъ отвергнулъ корону и скипетръ; облекъ себя и дворъ въ одежду скорби; служилъ панихиды и каялся; послалъ 10000 рублей (или 20000 золотыхъ) [2]) въ Константинополь, Антіохію, Александрію, Іерусалимъ къ Патріархамъ, да молятся объ упокоеніи души царевича". Въ третьей Новгородской лѣтописи [3]) объ этомъ же сказано: „Въ лѣто 7090, марта въ 2 день, государь царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всея Россіи посылалъ съ Москвы въ Царьградъ, и во Антіохію, и во Александрію, и во святый градъ Іерусалимъ, и въ Синайскую гору, и во Египетъ, къ патріархомъ и архіепископомъ и архимандритомъ и игуменомъ, съ милостынею по сынѣ своемъ по царевичѣ Іоаннѣ Іоановичѣ, съ купцемъ Трифономъ Коробейниковымъ да съ Юрьемъ Грекомъ, а съ нимъ ѣздилъ крестечной мастеръ; да съ нимъ же послалъ въ Синайскую гору къ великомученицы Екатерины, идѣ же лежало по смерти тѣло ея на горѣ, ангеломъ хранимо, 500 рублевъ денегъ". Но не къ однимъ восточнымъ патріархамъ были разосланы деньги на поминъ души, безъ сомнѣнія, въ многочисленные русскіе монастыри и церкви были розданы вклады и поминныя деньги. За смертью каждаго члена царскаго дома слѣдовали вклады, о чемъ свидѣтельствуютъ уцѣлѣвшія вкладныя книги монастырей, а тѣмъ болѣе неожиданная трагическая кончина царевича Ивана вызвала царя сдѣлать, вѣроятно, еще болѣе щедрые и многочисленные вклады. Такъ, по сообщенію Ив. Ег. Забѣлина, во вкладной (Строгановской) книгѣ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря значится: 7090 (т е. 1582 г.). По царевичѣ Иванѣ 2000 рублей. Преставился 19 Ноября, погребенъ 22 Ноября. По царицѣ Марѳѣ 500 рублей.—Въ синодикѣ же царя Ивана Васильевича [4]), посланномъ въ тотъ-же монастырь годъ спустя послѣ смерти царевича, имени его не значится;

[1]) IX, 335.
[2]) У Одерборна показано 77000 золотыхъ.
[3]) П. С. Р. Л., III, стр. 263.
[4]) См. Устряловъ. Сказанія кн. Курбскаго, ч. II.

очевидно „поминаніе“ заключаетъ имена (а иногда только число людей безъ именъ) умершихъ опальныхъ людей. Другая запись о вкладѣ царя Ивана Васильевича по царевичѣ Иванѣ приводится еписк. Макаріемъ въ „Историческихъ свѣдѣніяхъ объ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ“ [1]) „7091 (1583) года по царевичѣ Іоаннѣ Іоанновичѣ прислалъ: 1) Денегъ 450 рублей, 2) книгу канонъ Антонію чудотворцу, творенія царевича Іоанна Іоанновича, 3) образовъ окладныхъ и сосудовъ серебряныхъ на 50 рублей и 20 коп., 4) шубу соболью, съ которой верхъ снятъ, за 50 рублей, а охабень (тулупъ) за три рубля, 5) образа маленькіе, низанные жемчугомъ по черному атласу, репьеватые, 6) пуговицы, обнизанныя жемчугомъ, кисти золотыя 24 рубля, 7) образцы половинчатые, саженные жемчугомъ по черному атласу 20 рублей, 8) образа маленькіе, саженные жемчугомъ съ канителью 5 рублей, 9) кушакъ шаматинскій мягкаго шелку червчатаго съ разными шелками за 40 рублей. И того платья на 103 рубля 20 коп. А всего дано по царевичѣ Іоаннѣ Іоанновичѣ платья и денегъ на 603 рубля 30 алтынъ и 2 деньги. Пѣти по немъ панихиду и обѣдню служити повелѣно соборомъ: а память его декабря (ноября?) въ 19 день“. О той же милостынѣ упоминается въ жалованной грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича 1618 года въ Сійскій монастырь [2]):... „и ту (Сійскаго монастыря) монастырскую вотчину велѣлъ Государь царь и Великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Руссіи обѣлить за милостинной хлѣбъ для сына своего царевича Ивана Ивановича всеа Руссіи къ чудотворцу Антонію вѣру держалъ и стихиры и канонъ твореніе царевича Ивана Ивановича всеа Руссіи“. Вѣроятно, подобные-же рукописные памятники уцѣлѣли и въ нѣкоторыхъ другихъ монастыряхъ.

Архангельскій монастырь, упоминаемый въ надписи Распятія, не можетъ, покуда, за неимѣніемъ данныхъ, быть съ достовѣрностью указанъ. Въ „Спискахъ іерарховъ“ Строева упомянуто шесть Архангельскихъ монастырей, основанныхъ ранѣе XVII вѣка, до нынѣ существующихъ или упраздненныхъ: въ Архангельскѣ, Устьвымскѣ (Вологодской губ.), Устюгѣ, Юрьевѣ Польскомъ, Твери и Угличѣ,—но въ которой изъ нихъ были посланы „поминныя деньги“—неизвѣстно.

Старецъ Геронтій, вымѣнявшій крестъ на поминныя деньги, также не извѣстенъ; въ числѣ лицъ, прикосновенныхъ къ поименованнымъ Архангельскимъ монастырямъ, перечисленныхъ у Строева, имени Геронтія въ концѣ XVI в. не встрѣчается.

---

1) См. Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. 1878 г., кн. 3, стр. 71.
2) Ib. стр. 26.

Подлинное ли Распятіе, сказать трудно; во всякомъ случаѣ, если оно отлито позже, то по матрицѣ стараго оригинала и въ давнее время, о чемъ свидѣтельствуетъ его потертость отъ ношенія и сверлины. Сомнѣваться въ поддѣльности надписи нѣтъ основаній: общій ея характеръ и самый шрифтъ не возбуждаютъ никакого сомнѣнія.

Распятіе Историческаго Музея не единственное: существуютъ въ частныхъ рукахъ еще 2 экземпляра (мнѣ извѣстныхъ), вылитыхъ въ плохой формѣ, вслѣдствіе чего надпись получилась расплывчатая и съ трудомъ читается, тогда какъ надпись нашего Распятія рѣзкая и вполнѣ ясно читается.

А. Орѣшниковъ.

II

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ, пріобрѣтеній древностей музеями и проч. въ Россіи и за границею.

—— Городище на Княжей Горѣ (Черкасскаго у., Кіевской губ.), находящееся близъ Канева, при впаденіи Роси въ Днѣпръ, дало не мало замѣчательныхъ предметовъ древности, не восходящихъ далѣе XIII в., находящихся въ Кіевѣ въ собраніи В. В. Тарновскаго и у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, и частью въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ (собр. Д. Я. Самоквасова). Начиная съ 1891 г. Княжая Гора, по порученію г. Тарновскаго, стала систематически раскапываться, и интересный отчетъ о первыхъ раскопкахъ былъ напечатанъ Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ въ „Кіевской Старинѣ“ въ 1892 г. (янв.). Въ 1892 г. раскопки продолжались, и отчетъ объ этой экскурсіи появился въ нынѣшнемъ году въ апрѣльской книгѣ того же журнала, составленный также Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ, производившимъ раскопки. Что это былъ за поселокъ, еще съ достовѣрностью не опредѣлено, хотя нѣкоторые видятъ въ немъ городъ Родню, упоминаемый въ лѣтописи подъ 980 годомъ [1]). Разрушеніе поселка, сопровождавшееся пожаромъ (въ доказательство чему имѣются археологическія данныя), произошло, вѣроятно, въ XIII вѣкѣ, такъ какъ большинство предметовъ не старше этого времени, и разрушили его, можетъ быть, татары.

Въ 1892 г. были изслѣдованы бока горы, на которой расположено

[1]) И послуша его Ярополкъ и изъбѣгъ пред нимъ затворися въ градѣ Родьни на усть Рси (т. е. Роси) рѣки.

городище,—юго-восточная сторона и часть сѣверо-западной. Всѣ предметы раскопокъ 1892 г. распадаются на двѣ группы: на предметы каменнаго вѣка и великокняжеской эпохи. Издѣлія каменнаго вѣка состоятъ изъ предметовъ кремневыхъ отбивныхъ, шлифованныхъ, костяныхъ и глиняныхъ. Самый многочисленный видъ кремневыхъ орудій— пилы, ихъ найдено 5. Затѣмъ найдено нѣсколько разной формы скребковъ. Оружіе представлено однимъ наконечникомъ дротика и двумя наконечниками стрѣлъ. Отбойниковъ, служившихъ для приготовленія кремневыхъ орудій, найдено 4; всѣ они изъ песчаника, два имѣютъ форму сплюснутыхъ шаровъ, одинъ въ видѣ неправильнаго куба и одинъ въ видѣ столбика съ гранями. Шлифованныхъ орудій найдено до 70, состоящихъ изъ разнаго вида топоровъ — молотковъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ изящную форму, обломка булавы, пестовъ, зернодробилокъ и наконецъ камней, посредствомъ которыхъ производилась шлифовка каменныхъ орудій. На одномъ изъ найденныхъ г. Бѣляшевскимъ топоровъ можно прослѣдить процессъ шлифовки: топоръ былъ приготовленъ вчернѣ, т. е. поверхность была шероховатая, затѣмъ просверлено отверстіе и, наконецъ, приступлено къ шлифовкѣ, при чемъ молотокъ сломался, и шлифовка осталась неконченной. Костяныхъ орудій—остріевъ и долотъ, найдено до 100, сдѣланныхъ изъ расколотыхъ вдоль костей, которыя заострены посредствомъ тренія о камень. Интересны 2 ножа, сдѣланные одинъ изъ плоской кости, другой изъ клыка кабана. Затѣмъ трубочки, конусы, черепаховыя пластинки и 8 бабокъ со сквозными отверстіями, которыя, впрочемъ, г. Бѣляшевскій не относитъ къ древнѣйшему времени, и, наконецъ, 10 костяныхъ стрѣлъ, со слѣдами на нихъ металлическаго инструмента, что заставляетъ ихъ отнести къ болѣе позднему времени. Предметовъ изъ глины найдено довольно значительное количество; большая часть заключается въ черепкахъ сосудовъ, изъ коихъ нѣкоторые покрыты жгутовымъ орнаментомъ. Особенный интересъ представляютъ миніатюрные, въ 4—5 сантим. длины, глиняные топорики, назначеніе которыхъ опредѣлить трудно. Изъ украшеній эпохи каменнаго вѣка найдены: плитка изъ зеленоватаго камня со сверлиною и 2 медвѣжьихъ клыка (одинъ въ обломкахъ) также со сверлинами. Изъ предметовъ эпохи, слѣдующей за каменнымъ вѣкомъ, такъ называемаго бронзоваго вѣка, найденъ одинъ листовидной формы бронзовый наконечникъ стрѣлы. Отъ предметовъ доисторическихъ г. Бѣляшевскій переходитъ прямо къ находкамъ великокняжеской эпохи, описывая прежде всего два датированныхъ памятника: бронзовую византійскую монету (безъ точнаго опредѣленія), дурнаго чекана, XIII вѣка, и обломокъ свинцовой печати митрополита Кирилла (совершенно подобная ей, при-

надлежащая Историческому музею, изображена на рис. 14.). Болѣе датированныхъ памятниковъ на Княжей Горѣ не находили; отсутствіе монетъ между находками (кромѣ двухъ, такъ называемыхъ, кіевскихъ гривенъ),— фактъ интересный, тѣмъ болѣе, что поселокъ, судя по значительному количеству найденныхъ вещей изъ драгоцѣнныхъ металловъ, былъ довольно богатый.

Изъ построекъ найдена глинобитная печь, конусообразной формы со срѣзаннымъ верхомъ, внутри которой въ глинѣ были видны отпечатки кольевъ, служившихъ основой, на которую накладывалась глина; со временемъ огонь уничтожалъ ихъ. При раскопкахъ обнаружена „землянка", въ формѣ полукруга; по бокамъ земляныхъ стѣнокъ замѣтны слѣды дерева; полъ состоитъ изъ плотно убитой глины. Въ другомъ мѣстѣ обнаружены другіе слѣды жилища-землянки, стѣнами которой, повидимому, могъ служить бокъ горы, огороженный съ наружной стороны, и покрытый крышею, покоившейся на деревянныхъ столбахъ; для храненія запасовъ жителей найдено до 30 ямъ съ земледѣльческими орудіями, посудою, предметами домашняго обихода и перегорѣвшими хлѣбными запасами (подробнаго описанія авторъ не приводитъ). Единичныя находки состоятъ: изъ каменной круглой просфорной печати съ изображеніями крестовъ; каменныхъ образковъ свв. Николая и Георгія (обломокъ) съ надписями; мѣдныхъ иконъ съ изображеніями Богоматери, Распятія и др. Изъ крестовъ особенно интересенъ рѣдко попадающійся серебряный крестъ-складень (энколпіонъ) съ изображеніемъ на одной сторонѣ Распятія, на другой Влахернской Божьей Матери; всѣ изображенія исполнены чернью; затѣмъ нѣсколько мѣдныхъ крестовъ-складней, тѣльниковъ серебряныхъ, мѣдныхъ, глиняныхъ, изъ сланца и одинъ янтарный; змѣевики мѣдный—одинъ обломанный съ надписью, не упомянутый въ изслѣдованіи о змѣевикахъ гр. Толстаго, другой цѣлый, типа, повидимому, сходнаго съ № 24 у гр. Толстаго. Изъ бытовыхъ предметовъ упомянуты: замки, мѣдныя литыя оковки отъ ларцовъ и сундуковъ, мѣдныя чашечки, колокольчикъ, части тазовъ, обломокъ деревянной точеной чашки, глиняные миніатюрные горшки, глиняные сосуды, одинъ даже съ остаткомъ пищи (повидимому, горохъ). Изъ инструментовъ: наковальня, молотки, кузнечные щипцы, ножницы, ножи, изъ которыхъ у одного сохранились серебряныя обоймицы, у другаго костяная орнаментированная ручка. Украшеній найдено довольно много, такъ, найденъ цѣлый кладъ, состоящій изъ браслета, серегъ замкообразной формы съ чернью и прорѣзнымъ ободкомъ, 21 пластинка отъ ожерелья или повязки и 8 серегъ кіевскаго типа; всѣ эти предметы серебряные и были завернуты въ холщевую тряпку, частью сохранив-

шуюся. Въ одной изъ ямъ найдена кость руки со стекляннымъ браслетомъ, также нѣсколько перстней, на щиткѣ одного изображенъ крестъ, затѣмъ бусы, остатки выдѣланной кожи, тканей, игральныя кости и т. д. Изъ предметовъ художественной работы упомянута, къ сожалѣнію безъ рисунка, мѣдная обломанная пластинка съ нарѣзными изображеніями 4-хъ воиновъ съ копьями и щитами; изображенія сохранились только по грудь; лица воиновъ круглыя, безбородыя, волосы острижены въ кружекъ; стоятъ они подъ зубчатой аркой, которая соединяется съ трехэтажною башней съ тремя окнами; величина этого любопытнаго памятника 10 сантим. длины и 7 и 4 сантим. ширины.

Череповъ найдено нѣсколько десятковъ, при чемъ на одномъ видны слѣды сабельнаго удара; также нѣсколько костей со сросшимися переломами. Городище Княжей Горы представляетъ такой огромный интересъ для древней исторіи русскаго быта, что было бы весьма желательно издать цѣликомъ всѣ найденные предметы великокняжескаго періода и окончательно изслѣдовать какъ самую Княжую Гору, такъ и сосѣднюю съ ней Марьину Гору, на которой, повидимому, продолжался тотъ же поселокъ, такъ какъ на немъ находятъ предметы, сходные съ описанными.

——— Въ коллекціи Д. Я. Самоквасова, Всемилостивѣйше переданной Государемъ Императоромъ въ Историческій музей, находится цѣлый рядъ древностей, найденныхъ на Княжей Горѣ, нынѣ выставленныхъ въ одной изъ залъ Историческаго музея, между которыми особый интересъ представляетъ свинцовая печать съ именемъ русскаго митрополита Кирилла. О находкѣ ея было упомянуто (съ приложеніемъ очень плохаго рисунка) въ „Газетѣ Гатцука“ (№ 45, 1881 г., стр. 756), гдѣ она, по ошибкѣ, значится найденною близъ Корсуня, Кіевской губ. (въ книгѣ Д. Я. Самоквасова „Основаніе хронологической классификаціи“ она упомянута на стр. 101). На лицевой сторонѣ печати (см. рис. 14) изображена Богоматерь въ ростъ съ воздѣтыми руками и Младенцемъ въ кругѣ на груди, по сторонамъ ($\overline{\text{МР}}$) $\overline{\text{ΘV}}$ ΗΙΕΡ(Α) т. е. ἡ ἱερά

Рис. 14.

(Пресвятая); на обратной сторонѣ находится пятистрочная греческая надпись: + KVPIΛΛOC MONAXOC EΛEΩ ΘV APXIEΠICKOΠOC (T)HC MPOΠOΛEΩC PΩCIAC, т. е. + *Κύριλλος μοναχὸς ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος τῆς μητροπόλεως Ῥωσίας* (= Кириллъ монахъ милостію Божьей архіепископъ митрополіи Русской). По поводу этой печати Н. Ѳ. Бѣляшевскій сдѣлалъ въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Нумизматическаго Общества сообщеніе, въ которомъ сдѣлалъ попытку объяснить, которому изъ Кирилловъ она можетъ принадлежать. Приводимъ вкратцѣ его сообщеніе: „Въ „Исторіи Россійской іерархіи“ іеромонаха Амвросія сказано: Кириллъ 1146 г. — сомнительный. Кириллъ I Грекъ, хиротонисанъ въ 1224 г., января 6; правительствовалъ 5 лѣтъ; скончался въ 1229 г. Кириллъ II Грекъ, хиротонисанъ въ 1230 г., правительствовалъ 6 лѣтъ; скончался въ 1236 г. (стр. 47—48). Здѣсь Амвросій допустилъ ошибку, сдѣлавъ изъ одного Кирилла двухъ, что уже замѣтилъ Карамзинъ; такимъ образомъ, вмѣсто Кирилловъ I и II остается одинъ Кириллъ Грекъ (1225—1233). Далѣе у Амвросія слѣдуетъ Кириллъ III (II) „россіянинъ“, хиротонисанный въ 1250 г.; въ 1280 г. онъ перенесъ митрополію изъ Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ. Слѣдующіе затѣмъ историки русской церкви, архіепископы Филаретъ Черниговскій и Макарій Харьковскій, даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Кириллѣ I Грекѣ. Что же касается Кирилла II, то архіепископъ Макарій (Исторія русской церкви, IV, стр. 2) прямо говоритъ, что онъ былъ русскій и съ него начинается самостоятельность русской іерархіи отъ константинопольскихъ патріарховъ. Строевъ (Списки іерарховъ) раздѣляетъ митрополитовъ кіевскихъ и митрополитовъ всея Руси; Кирилломъ I Грекомъ онъ заканчиваетъ рядъ первыхъ, а Кирилломъ II открываетъ рядъ вторыхъ. Такое раздѣленіе говоритъ противъ нашего предположенія, что данная печать принадлежитъ Кириллу I, такъ какъ на печати читается „архіепископъ митрополіи русской“; мнѣ кажется, что принятое Строевымъ дѣленіе произвольно: патріархи константинопольскіе, назначая въ Россію архіепископовъ, конечно, имѣли въ виду не одну кіевскую митрополію, а всю Россію.

Большинство предметовъ, найденныхъ на Княжей Горѣ, относится къ XIII вѣку. Поселокъ на горѣ былъ разрушенъ внезапно, что могло случиться при нашествіи татаръ Батыя, вѣроятно нѣсколько ранѣе разрушенія Кіева, и, такимъ образомъ, археологическія данныя показываютъ, что наша печать принадлежала Кириллу I“.

Въ „Кіевской Старинѣ“ (апрѣль, 1893 г., стр. 141) описанъ другой экземпляръ подобной печати, сохранившійся только на половину, найденный также на Княжей Горѣ во время раскопокъ въ 1892 году.

—— Осенью 1891 г., вслѣдствіе находокъ золота и серебра въ нѣсколькихъ древнихъ могилахъ, киргизы Семирѣченской области были охвачены эпидеміей раскопокъ. Копали мужчины и женщины, старый и малый, лопатами и серпами, днемъ и ночью; выходя изъ аула на раскопки, молились и закалывали въ жертву лошадей, быковъ и барановъ; раскапывались и невѣдомыя, и завѣдомо мусульманскія могилы; были случаи раскопки могилъ недавно умершихъ родичей. Начальство поспѣшило оповѣстить о незаконности раскопокъ, гдѣ можно, приняло предохранительныя мѣры, и, по порученію Н. Н. Пантусова, А. М. Фетисовъ, снабженный небольшой суммой, выѣхалъ осмотрѣть, что сдѣлано киргизами, и дѣлать научныя раскопки. Нынѣ въ Московское Археологической общество прислана Н. Н. Пантусовымъ записка А. М. Фетисова: *Раскопки древнихъ могилъ въ Иссыккульскомъ, Токмакскомъ и Вѣрненскомъ уѣздахъ.*

Киргизы скоро наловчились разрывать лишь богатыя могилы, отдѣльно расположенныя. Въ нихъ скелетъ лежалъ на спинѣ, головой къ сѣверу, надъ нимъ доски или плиты, на нихъ лошадь на спинѣ, головой къ сѣверу. Въ могилѣ находили золотыя кольца, дорогіе пояса, сабли съ оправой, чашки серебряныя и золотыя. Могилы эти располагались по южнымъ сухимъ (не поддающимся культурѣ) склонамъ. Такихъ могилъ было большинство, и въ запискѣ г. Фетисова поэтому постоянна фраза: „здѣсь всѣ могилы были разрыты". Онъ находилъ лишь яму, части костяковъ, разбросанные остатки вещей *). Могилъ иного рода Фетисову удалось раскопать 34. На нихъ лежали неотесанные камни, то пластомъ, съ бо́льшими камнями въ головахъ и ногахъ; то двумя, тремя пластами крупныхъ камней; то кучей съ тремя торчащими камнями сверху; то периметрическимъ прямоугольникомъ. Въ могилѣ оказывалось особое гробовище: то вся нижняя часть ямы, прикрытая досками или камнями, или прутьями, или досками и камнями, порой выложенная камнями; то это былъ подкопъ сбоку, заслоненный досками или плитами. Скелетъ, обыкновенно аршина 2 съ 1 или 2 вершк., лежалъ почти всегда на спинѣ (разъ на боку), головой къ сѣверу (очень рѣдко къ западу), и съ руками вдоль туловища (разъ на груди). Въ могилахъ находились изрѣдка: мѣдныя кольца, пряжки, бляхи, зеркала китайскаго склада; желѣзные ножи, наконечники стрѣлъ, шашки въ деревянныхъ ножнахъ; серьги обыкновенно по двѣ, мѣдныя проволочныя, съ одной бусой, разъ мѣдная серьга пластинкой съ поддѣльной бирюзой,

*) Одна изъ разрытыхъ киргизами могилъ: гробовище, выложенное камнями, на поверхности земли обозначено периметрическимъ прямоугольникомъ камней; выше у гробовища могила расширена для помѣщенія лошади.

другой разъ — серьги въ видѣ голубей; бусы сердоликовыя, стеклянныя, алебастровыя, буса изъ кедроваго орѣха; подвѣски перламутровыя, изъ ляписъ-лазури, янтарныя, нефритовыя; перламутровыя бляхи и кольца; мелкія жемчужины; иммитація бирюзы въ мѣдной оправѣ; костяная игла, 3 раковинки; колчаны кожаные и изъ березовой коры; кожаныя сумочки, кожаный щитъ (?); шерстяной шишакъ; части шелковой злато-тканой одежды, часть матеріи бѣлой бумажной; березовая кора; дерево; части сѣдла, узды. У плечъ нерѣдко: съ лѣвой стороны глиняный кувшинъ, съ правой — бараньи кости (часто въ глиняной тарелкѣ), позвонки лошади шейные и спинные, кости передней ноги съ лопаткой (только верхъ ноги: копытъ никогда не было). На ногахъ одного скелета сапоги съ загнутыми носками; сапоги зеленой кожи съ тонкимъ ненынѣшнимъ шитьемъ валялись у разрытой могилы. Въ одной изъ разрытыхъ киргизами могилъ гробъ былъ въ видѣ колоды со слѣдами желѣзныхъ обручей; у этой могилы валялись куски парчи и часть упомянутаго кожанаго щита (?).

Совершенно иное кладбище на урочищѣ Кешкенъ-Ташъ. Здѣсь пять отдѣльныхъ дворовъ, промоугольникомъ, съ глинобитными стѣнами (27×9 аршинъ; одинъ дворъ 32×20 арш.). По угламъ снаружи кучки камней; входъ съ востока, черезъ засыпанную землей понижающуюся траншею, приводитъ къ двери въ подземную кирпичную башню, лежащую подъ серединой западнаго конца двора. Башня цилиндрическая, со сводомъ полушаромъ, высотой въ разрытомъ склепѣ 4 арш. 13 верш., въ діаметрѣ 3 арш. 4½ верш. Въ ней, у западной стѣны, ящикъ съ пепломъ и глиняная миса, въ которой, по мнѣнію г. Фетисова, опущенъ былъ новый пепелъ, по засыпкѣ траншеи, сквозь разрытую одно время надъ башней землю и разобранный сводъ. Недалеко отъ этого кладбища, къ востоку, найдены три камня, торчавшіе въ землѣ, безъ надписей и безъ могилъ. Это сожженіе и храненіе пепла, въ связи съ направленіемъ выхода на востокъ, и эти камни, на востокѣ же, живо напоминаютъ докладъ А. А. Ивановскаго на Моск. Археол. Съѣздѣ 1890 г. о похоронныхъ обычаяхъ китайскихъ киргизовъ и торгоутовъ и о каменныхъ бабахъ.

На необходимость скрыть могилы отъ врага указываютъ, кажется, тѣ случаи, гдѣ могила, идущая съ сѣвера на югъ, обозначена на поверхности земли периметрич. прямоугольникомъ камней, но по разрытіи оказывается пустой, а изъ сѣверной части ея есть низкій входъ въ склепъ, помѣщенный внѣ черты наружнаго прямоугольника, и гдѣ скелетъ лежитъ головой къ востоку.

——— В. А. Ошурковъ, во время своей поѣздки минувшимъ лѣтомъ

въ Усинскій край и Урянхайскую землю, посредствомъ эстампажа, произвелъ оттиски съ могильныхъ камней съ рунообразными письменами, числомъ 14, изъ которыхъ двѣ надписи, по словамъ „Восточ. Обозр.“ (1892, № 45), „представляютъ новость въ изслѣдованіяхъ этого рода“. Одна изъ нихъ найдена на лѣвомъ берегу Улу-кема, ниже устьевъ Чакуля, другая—по р. Бегре, притоку Бей-кема. Кромѣ того, сняты оттиски съ изображеній человѣка, животныхъ и сценъ охоты на скалахъ по р. Убуръ-Тархалыку, притоку озера Убса, на скалѣ по Улукему, недалеко отъ того мѣста, гдѣ эта рѣка составляется изъ двухъ ея вершинъ Ха-кема и Бей-кема, и на могильномъ камнѣ въ Уюкской степи. Отчетъ В. А. Ошуркова объ его изслѣдованіяхъ будетъ напечатанъ въ „Извѣстіяхъ“ Вост.-Сибир. Отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общества.

—— „Казанскій Телеграфъ“ (№ 12, 1893 г.) сообщаетъ, что одинъ ремонтный рабочій, разрывая на 185-ой верстѣ Московско-Курской жел. дор. землю близъ дер. Китаевки, около Тулы, выкопалъ довольно большой глиняный кувшинъ, залитый у отверстія воскомъ; въ кувшинѣ оказались древнія серебряныя монеты въ большомъ количествѣ. Находчикъ перепродалъ монеты за 30 р. двоимъ сторожамъ той же дороги, которые, въ свою очередь, ихъ продали одному тульскому мѣщанину за 120 р. Жандармъ станціи „Тула“, узнавъ объ этомъ, донесъ мѣстному полицеймейстеру, который монеты отобралъ и передалъ въ тульскій статистическій комитетъ. Статистическій комитетъ, въ свою очередь, препроводилъ монеты въ Императорскую археологическую коммиссію. Разобравъ монеты, коммиссія отобрала изъ нихъ болѣе интересные экземпляры; затѣмъ 236 монетъ, съ подробнымъ описаніемъ ихъ, препроводила обратно въ тульскій статистическій комитетъ, а остальную часть клада передала для сплава на монетный дворъ съ тѣмъ, чтобы, по полученіи отсюда причитающихся за сплавленныя монеты денегъ, выслать находчикамъ клада надлежащее вознагражденіе. Вскорѣ археологическая коммиссія увѣдомила тульскій статистическій комитетъ о томъ, что онъ уполномоченъ ею получить изъ мѣстнаго казначейства 150 р. для немедленной выдачи оныхъ въ вознагражденіе находчиковъ клада. Всѣ 236 монетъ, по опредѣленію археологической коммиссіи, какъ видно изъ составленной ею описи, татарскія, а именно: джугидскія, джелаиридскія и джегатайскія VIII вѣка.

—— Въ Кіевѣ, при производствѣ канализаціонныхъ работъ на углу Мало-Владимірской и Срѣтенской улицъ, рабочими на значительной глубинѣ найденъ неправильной формы глиняный горшокъ съ одною ручкой покрытый желѣзнымъ кружкомъ вродѣ сковородки и наполненный

серебряными вещами. Въ горшкѣ оказались: шесть цѣльныхъ серебряныхъ серегъ и одна сломанная серьга кіевскаго типа съ тремя шипами каждая, всѣ различныхъ типовъ; три шипа отъ подобныхъ же серегъ; двѣ бронзовыя дужки для подвѣшиванія серегъ къ ушамъ; серебряный медальонъ съ орнаментацією по обѣимъ сторонамъ (лиліи); два обломка отъ подобнаго же медальона; серебряный широкій, ок. $^3/_4$ вершка, браслетъ, створчатый, состоящій изъ двухъ половинокъ; на каждой половинкѣ, на лицевой сторонѣ награвировано въ аркахъ съ колонками по три фигуры съ чернью: въ срединѣ, повидимому, грифъ, а по сторонамъ по фантастической птицѣ, съ обращенными назадъ головами. На внутреннихъ, гладкихъ стѣнкахъ браслета, повидимому, въ одномъ мѣстѣ начерчено что-то похожее на ёлку, а въ другомъ — на человѣческую фигуру. Подъ горшкомъ найденъ желѣзный топоръ съ остатками деревяннаго топорища. Кладъ этотъ, едва не попавшій въ руки барышниковъ, но спасенный благодаря энергіи наблюдающаго за работами инженера К. В. Остроградскаго, былъ препровожденъ въ полицейскій участокъ, гдѣ и былъ разсмотрѣнъ профессорами В. Б. Антоновичемъ, А. В. Праховымъ и Н. И. Петровымъ, отнесшими всѣ вещи къ XII вѣку. Кладъ имѣетъ быть препровожденъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію *)

—— Въ Лондонѣ изданъ отчетъ Вальдштейна о раскопкахъ американскою школою въ Аѳинахъ храма Геры въ Аргосѣ. Первый храмъ Геры сгорѣлъ въ 423 г., и второй былъ выстроенъ Эвполемомъ въ 420 г. до Р. Х.; въ послѣднемъ и находилась хрисоэлефантинная статуя Геры, работы Поликлета, и думаютъ, что всѣ скульптурныя работы зданія были исполнены имъ же. Американская школа нашла значительные остатки этихъ скульптуръ, прекрасную голову женщины, несомнѣнно работы V вѣка, довольно схожую съ фарнезскою Герою, происходящею, можетъ быть, изъ фронтонныхъ скульптуръ храма, нѣсколько обломковъ метоповъ—мужской торсъ и 2 головы превосходнаго стиля, изъ которыхъ одна представляетъ Фригійца, другая Амазонку. Благодаря этимъ открытіямъ, историки искусства могутъ теперь вѣрнѣе судить о Поликлетѣ, произведенія котораго до насъ дошли въ александрійскихъ или римскихъ репликахъ. Около храма изслѣдователи нашли толстый слой архаическихъ ex-voto—бронзовыхъ, глиняныхъ и костяныхъ, черепковъ вазъ микенской эпохи. Кромѣ того, найденъ порфировый левъ, покрытый іероглифами, предметы изъ египетской пасты,

*) Браслетъ, сходный съ найденнымъ въ Кіевѣ, находится въ Историческомъ Музеѣ въ числѣ предметовъ, случайно найденныхъ близъ мѣстечка Романова Могилевской губ. (Указатель, стр. 590).

янтарныя бусы, большое количество черепковъ архаическихъ вазъ, фигурки изъ бронзы, слоновой кости и глины.

—— Жофруа, директоръ Ecole française въ Римѣ, сообщаетъ, что во время работъ во дворцѣ Кафарелли въ Римѣ, рабочіе открыли часть стѣны, принадлежащей къ восточной целлѣ древняго храма Юпитера Капитолійскаго. Въ 1875 г. была также открыта часть внутренняго пространства храма и обломки колоннъ пентелійскаго мрамора, привезенныхъ Домиціаномъ изъ Греціи. Діаметръ колоннъ 2,10 метра, тогда какъ колонны Пантеона имѣютъ въ діаметрѣ 1,9 метра. (Revue. Cr. № 6, 1893).

—— Въ одной изъ гробницъ Кіузи нашли бронзовую голову волчицы, схожую со знаменитою волчицею Капитолійскаго музея. Сравненіе обоихъ памятниковъ, изъ которыхъ вновь найденный безъ сомнѣнія этрусской работы и по техникѣ, по мнѣнію проф Гельбига, болѣе поздняго происхожденія, представляютъ новый аргументъ за этрусское происхожденіе волчицы дворца Консерваторовъ. Напротивъ того, новое изслѣдованіе знаменитаго льва св. Марка, возстановленнаго въ 1815 г. послѣ его возврата въ Венецію изъ Парижа и опять реставрированнаго въ 1892 г., показало, что это работа XII—XIII в.; бронзовыя части льва всѣ составлены на желѣзныхъ полосахъ и никакъ не могутъ быть отнесены къ этрусской техникѣ. Но за этрусское происхожденіе послѣдняго стоятъ многіе ученые, такъ напр. г. Казати выставляетъ въ доказательство слѣдующіе аргументы: 1) Средневѣковая бронза содержитъ 25 или 20% свинца, тогда какъ бронза, изъ которой сдѣланъ левъ, содержитъ не болѣе 15%. 2) Стиль никоимъ образомъ не подходитъ къ средневѣкому. 3) Если бы этотъ памятникъ былъ изготовленъ въ XII в., то о немъ сохранилось бы свидѣтельство въ какомъ-нибудь изъ италіанскихъ архивовъ; документа же объ немъ никакого не существуетъ.

—— Графъ Г. С. Строгановъ пріобрѣлъ въ Италіи великолѣпную византійскую мощехранительницу, въ формѣ деревянной рамы, съ металлической обдѣлкой, украшенной изображеніями святыхъ и снабженной отдѣленіями, содержащими еще частицы мощей разныхъ святыхъ. Главный фасъ украшенъ пластиной, съ перегородчатой финифтью, превосходной работы и прекраснаго цвѣта, съ изображеніями Распятія и Положенія во гробъ. Работа относится, по мнѣнію Шлумбергера, къ лучшей эпохѣ византійскаго искусства—къ X—XI вѣку. По всей вѣроятности, этотъ драгоцѣнный памятникъ былъ похищенъ крестоносцами въ Константинополѣ послѣ его взятія въ 1204 г. и попалъ на западъ, подобно многимъ византійскимъ предметамъ, теперь еще находящимся во многихъ церквахъ Италіи, Франціи и нѣкоторыхъ прирейнскихъ городовъ (R. Cr. № 7, 1893 г.).

III

Разныя извѣстія.

—— Профессоръ В. З. Завитневичъ сообщаетъ слѣдующія подробности объ открытыхъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года фрескахъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ: „Фрески были обнаружены въ соборѣ, по снятіи иконостаса для позолоты, на четырехъ столбахъ—двухъ алтарныхъ и двухъ боковыхъ. На правомъ боковомъ столбѣ изображена Богоматерь съ воздѣтыми руками, представляющая копію съ знаменитаго мозаичнаго изображенія, находящагося на алтарномъ абсидѣ того же собора. На лѣвомъ боковомъ столбѣ находится фигура Іоанна Предтечи. На каждомъ изъ алтарныхъ столбовъ находятся по два изображенія, расположенныхъ одно надъ другимъ: на лѣвомъ, внизу, какъ видно изъ прочитанной надписи, св. Евстаѳій (Плакида?), вверху—стройная фигура юноши мученика; обѣ фигуры праваго алтарнаго столба разобрать еще не удалось. Всѣ эти изображенія находятся на лицевой сторонѣ столбовъ, и каждое имѣетъ около 3 арш. вышины. Кромѣ того, открыты слѣды фресокъ на правой сторонѣ лѣваго боковаго столба и на лѣвой сторонѣ лѣваго алтарнаго столба. Изъ этого видно, что всѣ эти столбы украшены были фресками, по крайней мѣрѣ, съ трехъ сторонъ. Въ общемъ фрески сохранились сравнительно хорошо; лики святыхъ выступаютъ отчетливо; почти на всѣхъ фрескахъ видны слѣды греческихъ надписей, расположенныхъ то вертикально, то горизонтально; надписи разбираются съ трудомъ. Но кромѣ этихъ древнихъ надписей, современныхъ происхожденію самихъ фресокъ (времени строителя собора — великаго князя Ярослава Владиміровича), послѣднія испещрены позднѣйшими надписями, вырѣзанными обыкновеннымъ острымъ орудіемъ; такъ, у ногъ Іоанна Предтечи ясно читается: Jan Medrynsky. 1622. Кромѣ только что перечисленныхъ, нѣсколько раньше, въ разныхъ уголкахъ Софійскаго собора, открытъ былъ рядъ другихъ фресокъ, изображающихъ: свв. Димитрія Стратилата, Домна, Адріана и Наталію и нѣкот. другихъ. Проф. А. В. Праховъ, которому принадлежитъ трудъ и инициатива открытія и расчистки всѣхъ этихъ фресокъ, надѣется въ будущемъ на рядъ новыхъ открытій“.

По поводу этого открытія газеты говорятъ, что алтарная преграда, замѣненная впослѣдствіи иконостасомъ, находилась въ алтарной аркѣ,

между пилонами и далѣе ихъ впередъ не выступала. Преграда эта была не выше полуторы сажени и состояла изъ мраморныхъ колоннъ съ перекладиной вверху и малыми тумбами внизу; весь алтарь былъ такимъ образомъ открытъ взору предстоящихъ въ храмѣ. Случаемъ этого открытія возбуждается вопросъ о сокращеніи длины нынѣшняго иконостаса или замѣнѣ его новымъ, мраморнымъ, который бы не закрывалъ вновь открытыхъ фресокъ. Существующій теперь иконостасъ устроенъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія и представляетъ собою рѣдкій образецъ превосходной рѣзьбы по дереву въ стилѣ рококо.

—— По иниціативѣ высокопреосвященнаго архіепископа новгородскаго Ѳеогноста, въ настоящемъ году предпринимается реставрація знаменитаго Софійскаго собора. Это по древности вторая святыня на Руси. Соборъ построенъ въ 1045 году Владиміромъ Ярославичемъ и имѣлъ для новгородцевъ такое вліяніе въ религіозномъ и политическомъ значеніи, что существованіе Новгорода тѣсно связывалось съ существованіемъ св. Софіи: *„Кдѣ святая Софія, ту Новгородъ“*.

Софійскій соборъ былъ выстроенъ въ стилѣ греко-византійскихъ храмовъ. Всѣ его общія массы сохранились въ первоначальномъ видѣ и только пристроены въ позднѣйшее время паперти. Своды собора поддерживаются десятью пилонами. Съ трехъ сторонъ находятся обширные хоры. Съ западной стороны къ собору примыкаетъ Круглая башня. Вся внутренность собора была украшена царьградскими художниками фресковой живописью, которая въ XV столѣтіи, съ передѣлкою штукатурки храма, была, къ сожалѣнію, уничтожена. Сохранилось нѣсколько фресокъ только въ главномъ куполѣ, гдѣ изображеніе Спасителя.

Реставрація храма будетъ заключаться, главнымъ образомъ, въ возстановленіи живописи и орнамента украшеній по всѣмъ стѣнамъ собора въ строгомъ стилѣ, соотвѣтствующемъ времени построенія Софійскаго собора. Составленіе подробныхъ рисунковъ реставраціи и наблюденіе за оной поручается академику архитектуры В. В. Суслову. (Нов. Вр. № 6146, 1893 г.)

—— Въ № 6129-мъ Новаго Времени помѣщено краткое извѣстіе, что завѣдующій Бахчисарайскимъ дворцомъ г. Иваненко при раскопкахъ, вызванныхъ ремонтными работами, открылъ двѣ подземныя комнаты древнѣйшихъ ханскихъ временъ.

—— Казанское общество археологіи, исторіи и этнографіи предполагаетъ приступить нынѣшнимъ лѣтомъ къ дальнѣйшимъ раскопкамъ въ с. Булгарахъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ выполненіе составленной П. А. Пономаревымъ программы работъ, въ которую входитъ обслѣдованіе того крайне любопытнаго обряда погребенія, который

принадлежалъ руссамъ и который былъ подробно описанъ очевидцемъ, ученымъ арабомъ Ибнъ-Фодланомъ, въ 992-мъ году. По поводу проекта этихъ раскопокъ Общество входило въ сношеніе съ Императорской археологической коммиссіей и уже получило отвѣтъ въ благопріятномъ смыслѣ. (Волжскій Вѣстн. № 93, 1893).

—— Въ концѣ марта 1893 г. Императорская Публичная Библіотека обогатилась новымъ, весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу министра финансовъ ходатайства директора Библіотеки, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ей изъ суммъ Государственнаго казначейства средства на покупку извѣстнаго собранія старинныхъ русскихъ рукописей, принадлежавшаго нашему заслуженому ученому, академику Ѳ. И. Буслаеву.

Со многими рукописями этого собранія изслѣдователи древней нашей литературы и искусства были знакомы какъ изъ трудовъ самого ихъ владѣльца, особенно изъ „Историческихъ очерковъ русской народной словесности и искусства“ и „Русскаго лицеваго апокалипсиса“, такъ и изъ изслѣдованій и изданій другихъ лицъ, которымъ Ѳ. И. Буслаевъ радушно предоставлялъ пользоваться своимъ собраніемъ.

Въ настоящее время это замѣчательное собраніе, высоко цѣнимое спеціалистами, поступило уже въ Публичную Библіотеку. Всѣхъ рукописей въ немъ находится девяносто восемь, которыя относятся къ XV—XVIII вѣкамъ. Богатѣйшій отдѣлъ собранія составляютъ такъ называемыя „лицевыя“ рукописи, которыхъ насчитывается въ коллекціи 52 №№. Тутъ находятся нѣсколько экземпляровъ толковаго апокалипсиса, въ томъ числѣ два древнѣйшей редакціи, изъ нихъ одинъ въ спискѣ XV—XVI вѣка, а другой въ спискѣ XVI—XVII вѣка, положенные въ основу изслѣдованія Ѳ. И. Буслаева о русскомъ лицевомъ апокалипсисѣ; „Александрія“, XVII вѣка, со множествомъ миніатюръ при каждой главѣ, составленныхъ подъ вліяніемъ иностранныхъ кунштовъ, какъ въ фигурахъ, такъ и въ архитектурѣ. Особенно изящны въ этой рукописи изображенія звѣрей и чудовищъ. По художественности исполненія эта рукопись можетъ быть поставлена на ряду съ извѣстнымъ спискомъ „Александріи“, принадлежащимъ И. Е. Забѣлину; Псалтирь съ возслѣдованіемъ, XV вѣка, съ характерною орнаментаціею этого столѣтія и художественными миніатюрами, могущими соперничать съ миніатюрами лицевой псалтири 1397 года, принадлежащей Императорскому Обществу любителей древней письменности; по нѣсколько экземпляровъ Страстей Христовыхъ, Синодиковъ, житій Василія Новаго и Андрея Юродиваго, далѣе—житія священномученика Харалампія епископа магнисійскаго, Евфросиніи Суздальской, новгородскихъ святыхъ; чудеса

Тихвинской иконы Божіей Матери, нѣсколько сборниковъ, въ одномъ изъ которыхъ находится весьма рѣдко встрѣчающійся лицевой списокъ повѣсти о бѣломъ клобукѣ, и проч.

Изъ рукописей не лицевыхъ должны быть отмѣчены, между прочимъ: южно-русскій хронографъ одинаковой редакціи съ лѣтописью Боболинскаго; обширный русскій лѣтописный сборникъ XVII вѣка; Лѣствица Іоанна Лѣствичника XV вѣка; Азбуковникъ первой половины XVII вѣка; обширный сборникъ житій новгородскихъ святыхъ и службъ имъ; псалмы и вирши; подробный лѣчебникъ —травникъ начала XVIII вѣка, принадлежавшій профессору Иноземцеву; наконецъ нѣсколько сборниковъ XVI, XVII и XVIII вѣка, изъ которыхъ нѣкоторые содержатъ въ себѣ статьи весьма интересныя и рѣдкія, напр., авто-біографію преподобнаго Мартирія Зеленецкаго; правила, постановленныя на соборѣ 22-го февраля 1551 года (сокращенная редакція Стоглава, безъ раздѣленія на главы); нѣсколько народныхъ былинъ и стиховъ, и многое другое (Нов. Вр. № 6144, 1893 г.).

—— „Новое Время“ (№ 6151, 1893 г.) сообщаетъ о выставкѣ доисторическихъ древностей Новгородской области, собранныхъ В. С. Передольскимъ и выставленныхъ въ залахъ Николаевскаго дворца въ Петербургѣ. Всѣ выставленныя древности относятся г. Передольскимъ къ палеолитической эпохѣ и принадлежатъ, по его мнѣнію, къ первобытному племени, которое въ періодъ каменнаго вѣка обитало на берегахъ Ладожскаго озера. Древности состоятъ изъ множества доисторическихъ предметовъ, остатковъ ископаемыхъ животныхъ, нѣсколькихъ человѣческихъ череповъ и другихъ частей костяка, относящихся къ названной эпохѣ. Всѣ животные и человѣческіе остатки носятъ на себѣ слѣды огня; въ трехъ случаяхъ плечевыя кости человѣка имѣютъ слѣды поврежденій, произведенныхъ острымъ орудіемъ. Изъ животныхъ найдены остатки первобытнаго буйвола, лося, вепря, медвѣдя, бобра, волка, рыси, лисицы, мелкихъ хищниковъ, грызуновъ и кости рыбъ. Изъ предметовъ доисторической индустріи добыты: 1) Различные обломки глиняной посуды съ орнаментами, какъ гравированными, такъ и сдѣланными рельефами. 2) Кремневыя орудія частью грубой, частью довольно старательной обработки, между которыми встрѣчаются: лезвія для ножей, скребки, топоры, молотки, пилы, наконечники стрѣлъ и проч. 3) Предметы изъ костей: иглы, шилы, наконечники стрѣлъ и метательныхъ копій (гарпуновъ) и разнаго рода другія принадлежности охоты и домашняго обихода, между прочимъ—обломки роговъ лося и оленя въ видѣ ручекъ для ножей, молотковъ и т. д. Изъ предметовъ искусства той эпохи выставлены двѣ костяныя пластинки, представля-

ющія одна изъ нихъ птичью голову, а другая—человѣческую, съ длиннымъ носомъ, острымъ подбородкомъ и въ шапкѣ, напоминающей турецкую феску. Слѣдуетъ, наконецъ, упомянуть и о просверленныхъ клыкахъ медвѣдей, рысей, волковъ и другихъ животныхъ,—клыкахъ, нанизывавшихся, быть можетъ, украшенія ради, а всего вѣроятнѣе служившихъ доисторическому человѣку каменнаго вѣка амулетами.

—— Въ Цетиньѣ наступающимъ лѣтомъ состоится празднованіе четырехсотлѣтія мѣстной типографской дѣятельности, имѣвшей въ свое время громадное значеніе для всѣхъ окрестныхъ странъ. Вотъ что сообщаетъ о предстоящемъ торжествѣ черногорскій комитетъ празднества въ слѣдующемъ, предварительномъ возваніи:

„Въ текущемъ 1893 г. истекаетъ четыре вѣка съ того времени, какъ вышла въ свѣтъ первая изъ доселѣ извѣстныхъ книгъ типографіи Черноевича въ Рѣкѣ (Fiume).

Спасая послѣдніе остатки сербской державы отъ неудержимаго напора азіатскаго потопа, Зетскіе властители Черноевичи переносятъ свою столицу въ Цетинье, къ подножію Ловченскихъ горъ, и здѣсь прежде всего закладываютъ монастырь (1484 г.) „єже и митрополиѧ зєтска нарєкоухомъ“; и въ то же время, твердой ногою стоя „на камнѣ вѣры“, они воздвигаютъ типографію, изъ которой стали выходить церковныя книги.

Одна изъ этихъ книгъ, которая дошла до насъ, такъ говоритъ въ своемъ предисловіи: Понєже вь Троици славими Богь благоизволи испольнити свою црьковь различными книгами, видѣвь азь вь Христа Бога хранимы господинь Гюргь Црьноєвыкь црькви празны светыхь книгь грѣхь ради наших расхищєнієм и раздранієм агаранскыхь чедь, вьзрѣвновахь поспѣшєнієм Светого Дꙋха и любовію кь божествєнымь црьквамь и написахь сію дꙋшєспаснꙋю книгꙋ Ѡсмогласникь и т. д. А въ концѣ предисловія читается: Повелѣнием господина ми Гюрга Црьноєвика азь Христꙋ рабь свѧщенноинокь Макаріє рꙋкодєлисах сіє при всєосвѧщеном Митрополите Зетском кꙋр Вавилє вь лѣто ҂з а (т. е. отъ сотворенія свѣта 7001-е, а отъ Рождества Христова 1493-е), крꙋг сьлнца а, лꙋнє ѳ.

И такъ, по времени это книга, принадлежащая одной изъ древнѣйшихъ типографій кирилловскаго письма, а какъ доказываютъ нѣкоторые—самодревнѣйшей (вообще же первой считается до сихъ поръ Краковская, 1491 года). Такъ, едва исполнилось пятьдесятъ лѣтъ изобрѣтенію славнаго Гуттенберга, какъ оно уже было усвоено Зетой, и то было въ самую трудную годину жизни всего сербскаго племени.

Современная Черная Гора, наслѣдница Зеты, до послѣдняго времени единственный, одинокій поборникъ за все сербское племя, должна

торжественно отпраздновать это событіе, которое столь замѣчательно не только для сербскаго народа, но также и для остальнаго славянства.

Приступая къ исполненію этого священнаго долга своего, Черная Гора по волѣ своего повелителя, Его Высочества Князя Николая, будетъ праздновать четырехсотлѣтнюю годовщину знаменательнаго событія въ текущемъ году, по мѣрѣ скромныхъ средствъ своихъ, по обычаю народному открывъ на эти праздничные дни домъ свой, съ хлѣбомъ солью, для гостей изъ всѣхъ земель сербскихъ и славянскихъ, а равно и для всѣхъ иныхъ иноземныхъ друзей своихъ.

Нижеписанный комитетъ по устройству празднества симъ объявляетъ это постановленіе всѣмъ, кто по сочувствію къ этому просвѣтительному событію пожелаетъ вмѣстѣ съ нами участвовать въ этомъ торжествѣ.

Избравши лѣтнее время для празднованія, мы постановили устроить его въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда и связанные службою люди пользуются отдыхомъ и досугомъ. Сообразно съ этимъ комитетъ назначитъ день и одновременно сообщитъ программу празднества. А покуда мы ограничиваемся этимъ общимъ извѣщеніемъ и говоримъ: „Кто придетъ— будетъ намъ дорогимъ гостемъ, добро пожаловать".

Цетинье 1-го марта 1893 г.

Комитетъ по устройству торжества четырехсотлѣтія типографіи".

—— Берлинская Академія предприняла изданіе полнаго Corpus'а древнихъ монетъ и съ этою цѣлью командировала профессора Цюрихскаго Университета Б. Пика въ Россію и на Балканскій полуостровъ, гдѣ г. Пикъ долженъ былъ осмотрѣть всѣ правительственныя и частныя монетныя собранія, описать и сдѣлать снимки съ монетъ, назначенныхъ къ изданію 1-го тома Corpus'а, который будетъ заключать описаніе древнихъ монетъ Сѣверной Греціи и Сарматіи (Ольвіи, Тиры и Скиѳскихъ царей). Недавно въ „Извѣстіяхъ Академіи" профессоръ Моммсенъ напечаталъ краткій отчетъ о посѣщеніи профессор. Пикомъ собраній Петербурга, Москвы, Кіева, Одессы, Букарешта, Константинополя, Адріанополя, Филиппополя и Софіи, въ которыхъ городахъ всѣми хранителями музеевъ и владѣльцами частныхъ коллекцій, при осмотрѣ монетъ, г. Пику было оказано всевозможное содѣйствіе и имъ привезенъ огромный и важный матеріалъ, къ обработкѣ котораго уже приступлено. Первая часть этого обширнаго труда, съ описаніемъ монетъ Мезіи и Ѳракіи, надѣются, будетъ издана въ концѣ 1893 г. или началѣ 1894, а весь 1-й томъ будетъ изданъ до 1895 года.

IV

Библіографія.

Древнѣйшія русскія монеты X—XI в., гр. И. И. Толстого. Спб. 1893. (Отд. отт. изъ VI т. Записокъ Имп. Русск. Археол. Общ.).

Новый трудъ гр. Толстаго о древнерусскихъ монетахъ кіевскаго періода распадается на нѣсколько отдѣловъ: первый посвященъ вопросу объ иноземныхъ образцахъ, служившихъ оригиналами для рѣзчиковъ нашихъ монетъ; второй—разбору критическихъ замѣчаній Н. П. Чернева на первый трудъ автора о кіевскихъ монетахъ и третій—описанію новопріобрѣтенныхъ авторомъ и неизданныхъ донынѣ монетъ Кіевскаго типа.

Въ первомъ отдѣлѣ авторъ, указавъ на попытку Волошинскаго сравнить наши монеты съ монетами византійскими Алексѣя I Комнина и Василія II, на основаніи внѣшнихъ типовъ, настаиваетъ на невозможности отнесенія монетъ Владиміра только IV типа къ Владиміру св., а III типа—къ Владиміру Мономаху, такъ какъ типы монетъ указанныхъ царствованій установлены Волошинскимъ неправильно. Между тѣмъ несомнѣнно, что прототипомъ для разсматриваемыхъ русскихъ монетъ служили византійскіе образцы. Констатировавъ фактъ, что при подражаніи иноземнымъ образцамъ, это подражаніе обнаруживается иногда лишь по второстепеннымъ деталямъ штемпеля, авторъ указываетъ весьма близкій оригиналъ для златниковъ Владиміра въ одномъ солидѣ Василія II и Константина (976—1025 г.), а для сребренниковъ I типа принимаетъ сборный византійскій прототипъ и даже высказываетъ убѣжденіе, что эти сребренники не суть непосредственныя копіи съ византійскихъ образцовъ, а являются копіями съ копій, т. е. съ златниковъ съ прибавленіемъ мелкихъ подробностей, встрѣчаемыхъ на современныхъ имъ византійскихъ монетахъ. Для сребренниковъ II типа прототипа въ византійскихъ монетахъ не отыскалось. Для сребренниковъ III типа, именно для характеризующаго ихъ, по классификаціи гр. Толстаго, престола авторъ находитъ прототипъ на византійскихъ монетахъ 911—944 г. Относительно же сребренниковъ IV типа авторъ обращаетъ вниманіе на встрѣчающуюся на *нѣкоторыхъ* монетахъ этого типа деталь—постановку креста на „голгоѳѣ“,—деталь, встрѣчающуюся на византійскихъ монетахъ до 976 г. Не находя подходящаго оригинала для сребренниковъ Святополка, авторъ обратилъ вниманіе на четыре точки по угламъ креста въ рукахъ князя и указываетъ (съ нѣкоторою, впрочемъ, натяжкою) отчасти подобный крестъ на монетѣ Василія и Константина, который, по его мнѣнію, несомнѣнно и послужилъ образцомъ для русскихъ монетчиковъ. Наконецъ, допуская возможность самостоятельнаго рисунка „Ярославля сребра“, авторъ и тутъ объясняетъ по-

мѣщенный въ „родовомъ знакѣ" этихъ монетъ II типа полумѣсяцъ заимствованіемъ полумѣсяца, находящагося подъ крестомъ на монетахъ Василія и Константина.

Весь этотъ кропотливый и не вполнѣ оказавшійся благодарнымъ трудъ потребовался автору для доказательства, что русскіе сребренники всѣхъ типовъ были подраженіями византійскимъ монетамъ именно современныхъ Владиміру, Святополку и Ярославу императоровъ. Впрочемъ, не ограничиваясь этимъ, авторъ въ подкрѣпленіе своей мысли и въ доказательство возможности рѣзкихъ перемѣнъ въ типахъ и рѣзьбѣ монетъ даже одного и того же княженія излагаетъ и цѣлый рядъ соображеній о постепенной смѣнѣ денежныхъ мастеровъ, то болѣе, то менѣе искусныхъ, до возстановленія внутренняго спокойствія страны утвержденіемъ единодержавія Ярослава, которое благотворно отразилось и на монетномъ дѣлѣ, такъ какъ „къ этому времени относятся и отлично исполненныя монеты Ярославля сребра".

Разсматриваемый первый отдѣлъ своего труда гр. Толстой заканчиваетъ доказательствами, почерпнутыми изъ изслѣдованія академика Стефани, того, что нимбъ въ византійскомъ искусствѣ и въ византійской нумизматикѣ употреблялся первоначально какъ эмблема святости, и какъ эмблема высокаго сана и, въ частности, царскаго величія. Такъ, нимбъ окружаетъ постоянно на византійскихъ монетахъ до начала VII в. (а потомъ въ рѣдкихъ случаяхъ) голову императора.

Русскіе рѣзчики сребренниковъ II типа, грубой работы, хотѣли восполнить свою неумѣлость въ изображеніи вел. князя воспроизведеніемъ этого символа царственнаго величія, точно такъ же, какъ наоборотъ рѣзчики III типа, заимствовавшіе для изображенія трона фигуру престола, на которомъ изображался сидящимъ Христосъ на византійскихъ монетахъ, могли побояться сохранить нимбъ во избѣжаніе смѣшенія изображенія вел. князя съ изображеніемъ Христа.

Во второмъ отдѣлѣ своего труда гр. Толстой подвергаетъ критикѣ замѣчанія, сдѣланныя Н. П. Черневымъ на его изслѣдованіе о монетахъ вел. княжества Кіевскаго, именно—противъ отнесенія *всѣхъ* ихъ къ вел. княжеству Кіевскому и въ частности—къ Владиміру св. и Святополку. Настаивая на своемъ мнѣніи, что установленная имъ классификація монетъ вел. княжества Кіевскаго единственно возможная въ настоящее время, авторъ рѣшительно не признаетъ за мнѣніями и замѣчаніями г. Чернева никакого серіознаго значенія. Напр., попытка г. Чернева по начертанію отдѣльныхъ буквъ на большомъ количествѣ экземпляровъ II типа добиться разбора надписи на этихъ монетахъ вызываетъ съ его стороны лишь насмѣшки, такъ какъ эта попытка не привела къ желаемымъ результатамъ, и авторъ предпочитаетъ читать эту надпись по внутреннему убѣжденію и по аналогіи съ другими, подобными надписями, оправдывая такой произволъ предполагаемою безграмотностью рѣзчиковъ. Между тѣмъ у попытки г. Чернева нельзя отрицать хотя бы того практическаго результата, что ею обнаружена невозможность

читать эту надпись (особенно на лиц. сторонѣ) согласно желанію гр. Толстаго. Не отрицая остроумія представленныхъ гр. Толстымъ въ объясненіе „безграмотности“ многочисленныхъ экземпляровъ II типа (хотя и разныхъ штемпелей) соображеній, мы предпочитаемъ пока мнѣніе г. Чернева, что осторожнѣе воздержаться до поры до времени окончательнымъ сужденіемъ объ этихъ монетахъ.

Авторъ настаиваетъ также на правильности своего чтенія надписей на сребренникахъ Ярослава первыхъ двухъ типовъ, т. е. на чтеніи Гегіосъ или Гергіосъ (т. е. Георгіосъ), а не Петросъ или Петосъ, какъ читаетъ г. Черневъ, и не видитъ никакой нужды отстать отъ своего чтенія“. Тѣмъ не менѣе чтеніе г. Чернева „на глазъ“ все-таки правильнѣе или, по крайней мѣрѣ, естественнѣе, если, конечно, читать надпись безъ предвзятой мысли, что она непремѣнно должна имѣть отношеніе къ Ярославу. Остальныя замѣчанія г. Чернева, относительно рѣзкихъ различій въ типахъ и чеканкѣ сребренниковъ, приписываемыхъ Владиміру (и Ярославу), о томъ, что они могутъ быть отнесены и къ другимъ, даже не русскимъ князьямъ того времени, и о значеніи топографическихъ условій нахожденія, рѣзко отличающихся между собой по типу монетъ въ Кіевѣ и Нѣжинѣ, авторъ оставляетъ въ сущности безъ разсмотрѣнія.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ своего новаго труда гр. Толстой даетъ описаніе двухъ златниковъ и 15 сребренниковъ Владиміра и двухъ — Святополка. Повторяя при этомъ случаѣ свои соображенія въ пользу своей классификаціи, авторъ, между прочимъ, касается и вопроса о сребренникахъ Ярослава (первые два типа), при чемъ допускаетъ „въ крайнемъ случаѣ“ возможность отнести и эти монеты къ Святополку, но никакъ не ко времени потомковъ Ярослава, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы признать въ составѣ нѣжинскаго клада необъяснимый крупный скачекъ,—если, конечно, предполагать правильнымъ отнесеніе авторомъ остальныхъ монетъ этого клада къ Владиміру св. и Святополку.

Свое заключеніе гр. Толстой формулирируетъ такъ: „каждый опытный нумизматъ или археологъ, на основаніи одного лишь внѣшняго вида *всѣхъ* русскихъ монетъ, описанныхъ въ моей книгѣ, ни на минуту не усомнится въ общности ихъ по времени изготовленія въ сравнительно короткій періодъ времени; а такъ какъ часть ихъ *несомнѣнно* чеканена въ X или XI в., то и остальныя столь же несомнѣнно относятся къ тому же времени“. Но мы предпочитаемъ присоединиться къ заключительнымъ словамъ автора, именно къ его пожеланію „всѣмъ любителямъ русской нумизматики, чтобы новые обильные клады выпустили на свѣтъ Божій возможно большее количество интереснѣйшихъ въ русской нумизматикѣ монетъ, благодаря которымъ все, остающееся не вполнѣ яснымъ въ нихъ, выяснилось бы, а доказанное подтвердилось бы такъ, чтобы и сомнѣвающіеся болѣе не сомнѣвались“.

Къ статьѣ приложены 2 таблицы съ 24 превосходно изданными фототипи-

чески рисунками: двухъ златниковъ и 22 сребренниковъ, изъ коихъ 20 донынѣ неизданы, а въ текстѣ помѣщены 27 рисунковъ монетъ, иллюстрирующихъ мнѣнія автора о заимствованіи типовъ изъ Византіи.

В. Уляницкій.

Великій Князь Георгій Михаиловичъ. Русскія монеты, чеканенныя для Пруссіи (1759—1762). Грузіи (1804—1833), Польши (1815—1841) и Финляндіи (1864—1890). Съ 16-ю таблицами. С.П.Б. 1893 г. Цѣна 15 р.

Первая часть этого роскошнаго по внѣшности и по богатству матеріала выпуска посвящена монетамъ и документамъ, относящимся къ исторіи монетъ, чеканенныхъ русскимъ правительствомъ для Восточной Пруссіи во время занятія ея русскими войсками при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ съ 1759 по 1762 г. Въ то время въ Пруссіи не было единства монеты: каждая изъ ея провинцій чеканила собственную и, кромѣ того, тамъ обращались монеты и другихъ государствъ, такъ что въ монетномъ отношеніи въ Пруссіи царилъ полнѣйшій безпорядокъ. Кромѣ того, Семилѣтняя война, потребовавшая огромныхъ расходовъ, заставила Фридриха Великаго прибѣгать къ разнымъ способамъ, иногда неразборчивымъ, къ добыванію средствъ: онъ чеканилъ малоцѣнную монету, перечеканивалъ старымъ штемпелемъ, которымъ прежде чеканили высокопробную монету, низкопробную и даже не стѣснялся поддѣлывать монеты другихъ государствъ; въ одномъ изъ документовъ (№ 52) сказано:... „за обращающуюся нынѣ въ Пруссіи монету почитать надо одни польскіе тимфы и шестаки, хотя и сихъ тамо и въ самой Польшѣ такъ какъ здѣсь весьма мало, а больше хотя съ трудомъ и съ убыткомъ ихъ пріема обращаются поддѣльные отъ короля прусскаго подъ польскимъ гербомъ“. Съ занятіемъ провинціи русское правительство возстановило монетный дворъ въ Кёнигсбергѣ и стало чеканить по образцу прусской монетной системы монеты въ 18, 6, 3, 2 и 1 грошевикъ и шилингъ, лучшаго качества, чѣмъ прежнія прусскія.

Въ 1761 г. были чеканены гульдены и полугульдены. Но не на одномъ Кёнигсбергскомъ монетномъ дворѣ чеканили монету для Пруссіи (рисунки для монетъ были изготовлены Болотовымъ), съ 1761 г. стали чеканить также и на Московскомъ; отличительный признакъ 6 и 3 грошевиковъ московскихъ—пропускъ буквъ D и G въ титулѣ императрицы, но этотъ штемпель былъ уничтоженъ и замѣненъ новымъ. Въ приложенныхъ документахъ находятся интересныя подробности объ устройствѣ монетнаго двора, о мѣрахъ, какія принимало наше правительство противъ ввоза малоцѣнной монеты, фальшивыхъ фридрихсдоровъ, и проч., и вывозу русской серебряной монеты и т. д.

Монеты для Грузіи, которая была объявлена составною частью Россіи въ 1801 г., стали чеканиться съ 1804 г., но вліяніе Россіи на Грузію въ XVIII в. оказалось на нумизматическихъ памятникахъ до ея присоединенія: на монетахъ Ираклія II, начиная съ 1781 г. встрѣчаемъ двухглаваго орла

въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Введеніе во вновь пріобрѣтенной области грузинской монеты явилось необходимостью вслѣдствіе незнакомства кавказскаго населенія съ русскими монетами. Монетная единица, на которой, согласно толкованію проф. Цагарелли надписей на монетахъ, была построена грузинская монетная система, была пули, которыхъ въ абазѣ имѣется 200 (абазъ=20 копѣйкамъ, а 20 пули были приравнены 2 коп.). Монетный дворъ находился въ Тифлисѣ, въ бывшемъ помѣщеніи царскихъ бань. Такъ какъ этотъ монетный дворъ былъ убыточенъ казнѣ, то его предполагали въ 1816 и 1822 г.г. закрыть, но сенатскій указъ о его закрытіи послѣдовалъ лишь въ 1835 г.

Въ изданіяхъ „Монетъ царствованій Императоровъ Николая I и Александра II“ Августѣйшій авторъ описалъ монеты съ русско-польскими надписями; въ настоящемъ выпускѣ описаны монеты исключительно съ однѣми польскими надписями, чеканенными въ Царствѣ Польскомъ съ 1815 по 1841 г. на Варшавскомъ монетномъ дворѣ. Кромѣ того, въ видѣ приложенія, описаны монеты, чеканенныя въ Замостьи во время осады русскими войсками. Послѣдняя четвертая часть этого выпуска посвящена монетамъ Финляндіи. Въ Финляндіи, присоединенной въ 1809 г. къ Россіи, до 1860 г. была русская денежная система, но Высочайшимъ манифестомъ 23 марта 1860 г. въ ней была введена особая монетная единица марка (=25 серебр. коп.) и раздѣлявшая на 100 пени. Въ 1878 г. появилась золотая монета въ 20 или и 10 марокъ. Монетный дворъ находится въ Гельсингфорсѣ. До 1873 г. штемпеля вырѣзывались въ Стокгольмѣ, въ 1873 г. эта работа производилась медальеромъ петербургскаго монетнаго двора; съ 1874 г. при Гельсингфорсомъ монетномъ дворѣ имѣется собственный медальеръ.

На приложенныхъ 16 таблицахъ фототипіей изображены всѣ описанныя въ выпускѣ монеты въ великолѣпныхъ снимкахъ. Между монетами есть много рѣдкихъ, пробныхъ, издающихся впервые. Этимъ выпускомъ заканчивается Corpus русскихъ монетъ XIX в.; слѣдующій долженъ быть посвященъ монетамъ имп. Екатерины II.

Записки Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, издав. подъ ред. управляющаго отдѣленіемъ барона В. Р. Розена. Томъ VII, выпуски I—IV (съ приложеніемъ двухъ таблицъ и одного портрета). Спб. 1893.

Содержаніе: Протоколы Вост. отдѣленія И. Р. Арх. Общества, стр. I—VIII.— Калмыцкія сказки. VI. *П. Позднѣева.*—Киргизскія пословицы и загадки. *А. Меліоранскаго.*—Вторая пѣсня о бывшемъ Кокандскомъ ханѣ Сяйдъ Мухаммадъ Худоярѣ. *Н. Остроумова.*—Легенда объ Іисусѣ и черепѣ въ персидскомъ стихотворномъ сказѣ Аттара. *В. Жуковскаго.*—Записки по армянскому языку. *Н. Марра.*—Кашгарская рукопись. Н. Ѳ. Петровскаго. *С. Ольденбурга.*— Основы арабскаго стихосложенія. I—VI. Бар. *Д. Гинцбурга.*—О новомъ способѣ приготовленія эстампажей съ надписей на камняхъ. *В. Радлова.*—По-

сланіе: „Благія вѣсти". Бар. *В. Розена.*—Послѣднее слово Беха-Уллы. *А. Туманскаго.*—Будійскій сборникъ „гирлянда джâтакъ" и замѣтки о джâтакахъ. *С. Ольденбурга.*—О китайскомъ переводѣ буддійскаго сборника Satâkamâlâ. *А. О. Ивановскаго.*—Мелкія замѣтки и извѣстія.—Августъ Мюллеръ. Некрологъ. Бар. *В. Розена* (съ портретомъ Мюллера).—Критика и библіографія (отзывы о 13 русскихъ и 15 иностранныхъ книгахъ), — Мусульманскія печатныя изданія въ Россіи за 1891 годъ. *В. Смирнова.*—Новыя книги.—Исправленія и дополненія.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Томъ XI (1893 г.).

Выпускъ 1: Вотчины Казанскаго Кизическаго монастыря. *Е. Д.* (съ приложеніемъ неизданныхъ актовъ).—Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. I. Мелодіи чувашскихъ пѣсенъ. *В. А. Машкова.*—Черемисы Арбанской волости. *Н. Троицкой.*—Хроника. Итоги археологіи, исторіи и этнографіи В. Россіи въ 1892 г. *И. Н. Смирнова.*—Библіографія (отзывы о 4 книгахъ). *И. Н. Смирнова.* — Литература археологіи, исторіи и этнографіи В. Россіи въ 1892 году.

Выпускъ 2: Данныя о городахъ Волжской Булгаріи III Кашанъ. *Н. А. Пономарева.*—Изъ области лингвистической археологіи. Слово „хомутъ" въ аріо-европейскихъ и урало-алтайскихъ языкахъ. *В. А. Богородицкаго.*—Башкиръ Саловатъ Юлаевъ, Пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ. *Р. Г. Игнатьева.* Матеріалы для хар. муз. творчества инородцевъ etc. (продолженіе *В. А. Мошкова.*—Матеріалы Кара-якуповская волость. *И. А. Износкова.* Духовные стихи. Сообщ. *И. А. Соколовъ.* Захватъ, купля и продажа инородокъ въ Якутской волости въ XVII в. *Н. Н. Бакай.*—Хроника на текущія темы. *И. Н. Смирнова.*—Корреспонденція. Письма изъ Гельсингфорса. *І. Г. Вихмана.* -Музеографія, новѣйшія пріобрѣтенія музея Уральскаго Общ. Люб. Ест. *Д. И. Лобанова.*—Библіографія (отзывы о 2 книгахъ). *И. Н. Смирнова.*—*Приложеніе:* Черемисско-Русскій словарь. *В. А. Троицкаго.*

Сборникъ трудовъ членовъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края. Астрахань. 1892, 8° (Всѣ статьи помѣщенныя, въ „Сборникѣ" имѣютъ особую пагинацію).

Въ немъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи, имѣющія отношенія къ исторіи и археологіи мѣстнаго края: 1) *О задачахъ дѣятельности Петровскаго Общества изсл. Астр. края.* Рѣчь д. ч. Общ. *К. Н. Малиновскаго,* прочитанная на публичномъ собраніи Общества 30 мая 1889 г. (26 стр.)—2) *Кремль Астраханскій* (сводъ нѣкоторыхъ данныхъ о началѣ астраханскаго кремля, краткій очеркъ его исторіи и современнаго состоянія). *К. Н. Малиновскаго* (23 стр.).—3) *Отчетъ о поѣздкѣ въ село Семитряное,* Княжевской волости, Енотаевскаго уѣзда, лѣтомъ 1888 года, члена общества *К. Н. Малиновскаго* (содержитъ археологическое и историко-этнографическое

описаніе села и находящагося при немъ городища, а также упоминается о нѣкоторыхъ другихъ остаткахъ древности въ Черноярскомъ и Енотаев скомъ уѣздахъ. 17 стр.).—4) *Астраханскіе калмыки* (наблюденія и замѣтки) *Ир. А. Житецкаго* (214 стр. съ 35 рисунками на отдѣльныхъ таблицахъ). — 5) *О названіяхъ и географическихъ картахъ Каспійскаго моря*, д. чл. Общества *А. Ф. Мюллера* (62 стр. съ 11 картами на отдѣльной таблицѣ).

У. А. Хойновскій. Раскопки Великокняжескаго двора древняго града Кіева, произведенныя въ 1892 г. Археологически(sic)-историческое изслѣдованіе. Кіевъ. 1893. 4°. 78 страницъ и XXIX таблицъ. Цѣна 4 р.

Книга посвящена описанію съемки земли, произведенной въ февралѣ и мартѣ прошлаго года на части усадьбы кн. Трубецкаго, уступленной имъ инженеру Кривцову. Усадьба эта, находящаяся на Старомъ Кіевѣ, противъ Десятинной церкви, издавна считается приманкою для археологовъ, какъ предполагаемое мѣсто дворца Великихъ Князей Кіевскихъ. Предположеніе это подтверждается неоднократными находками какъ на этой усадьбѣ, такъ и въ ея ближайшихъ окрестностяхъ, различныхъ предметовъ великокняжеской эпохи. Съемка земли, происходившая на одномъ изъ ея участковъ, обѣщала богатую жатву для археолога, а потому г. Хойновскій, въ надеждѣ на важныя открытія, рѣшился почти ежедневно присутствовать при земляныхъ работахъ, и ему удалось пріобрѣсти нѣсколько интересныхъ вещей, хотя болѣе важные предметы были взяты кн. Трубецкимъ.

Текстъ книги г. Хойновскаго распадается на три части: введеніе, дневникъ раскопокъ съ экскурсіями въ область исторіи и археологіи, и заключеніе.

Во введеніи, авторъ даетъ характеристику изслѣдованной отъ мѣстности и передаетъ лѣтописныя сказанія о первоначальной исторіи Кіева. Исходная точка его: превосходство археологическихъ изысканій, какъ источника для изученія старины, передъ лѣтописными сказаніями, въ которыхъ онъ видитъ лишь сухой хронологическій перечень событій. По отношенію къ этимъ изысканіямъ г. Хойновскій считаетъ себя „опытнымъ въ выводахъ изъ находокъ соображеній“.

Дневникъ раскопокъ онъ сопровождаетъ комментаріемъ къ найденнымъ предметамъ, крайне курьезнымъ, такъ найденный въ одной изъ могилъ бронзовый крестъ складень служитъ для него достаточнымъ доказательствомъ для гипотезы, что здѣсь похороненъ былъ „игуменъ Янкина монастыря Григорій“, упоминаемый въ лѣтописи подъ 1127 г. Нѣсколько обломковъ шиферныхъ досокъ и желѣзное кольцо, (которое онъ, впрочемъ только *видѣлъ*) совершенно достаточны для г. Хойновскаго для того, чтобы создать въ своемъ воображеніи великокняжескую гробницу, которую онъ и изображаетъ на таб. XV, со всѣми подробностями. Не довольствуясь этимъ, онъ на основаніи того, что невдалекѣ отъ этихъ обломковъ былъ найденъ клинокъ изъ пло-

хаго желѣза, согнутый въ дугу и проржавѣвшій почти до полной потери первоначальной формы, не колеблясь, приписываетъ возсозданную имъ гробницу Ярополку II, а въ дрянномъ желѣзномъ дреколіи видитъ „драгоцѣнный мечъ, безъ сомнѣнія, великокняжескій" (стр. 38). На слѣдующей страницѣ онъ уже несомнѣнно является „мечемъ сына Мономаха, который онъ, можетъ быть, вмѣстѣ съ кіевскимъ престоломъ унаслѣдовалъ отъ своего славнаго отца Владиміра Мономаха". Еще нѣсколько далѣе и, благодаря неистощимой фантазіи автора, у меча оказываются золотыя ножны, (отъ, которыхъ, впрочемъ, г. Хойновскій получилъ два микроскопическихъ кусочка, потому что они были, будто-бы, разломаны и украдены рабочими) и „эфесъ рукоятки" изъ массивнаго золота, захваченный монголами при ограбленіи гробницы въ 1240 г.

Найдя два предмета, костяной и глиняный, похожіе на современныя игральныя шашки (таб. XIV, фиг. 138 и 139), г. Хойновскій на стр. 75 предполагаетъ, что это тѣ самыя шашки, которыми „юный Святославъ забавлялся съ своими дядьками"; мало того, по его мнѣнію „игра въ шашки, *можетъ быть*, принесена Св. Ольгою изъ Византіи, гдѣ ею забавлялись при дворѣ; *а потому* 956 г. можно считать началомъ введенія этой игры въ Кіевѣ и съ этого времени игра въ шашки начала замѣнять существовавшую у насъ со временъ Сарматскихъ игру въ кости", и т. д.; подобныхъ курьезовъ въ книгѣ не мало.

Рисунки съ пріобрѣтенныхъ г. Хойновскимъ древностей могли-бы еще имѣть нѣкоторое значеніе, еслибы они были сдѣланы съ подлинныхъ вещей, но авторъ предпочелъ сдѣлать съ нихъ сначала рисунки карандашемъ (иногда очень небрежные), съ которыхъ и сняты фототипіи.

Н. Ч.

V

Засѣданія обществъ.

Въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 2 марта 1893 г., подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой, Д. И. Иловайскій прочелъ „Дополнительную замѣтку объ историческихъ наслоеніяхъ былинъ", главнымъ содержаніемъ которой было дополненіе къ докладу объ Ильѣ Муромцѣ, читанномъ референтомъ въ предыдущемъ собраніи и разборъ мнѣній Н. Д. Квашнина-Самарина и опроверженіе замѣчанія В. В. Каллаша на первый докладъ, что Квашнинъ-Самаринъ уже проводилъ параллелъ между былиннымъ Ильей и Илейкой Муромцемъ. По справкѣ оказалось, что Квашнинъ-Самаринъ совершенно не касался эпитета Ильи „Старый казакъ".

М. Н. Сперанскій прочелъ докладъ Н. П. Лихачева „Къ вопросу о разрѣшительныхъ грамотахъ Восточнаго духовенства". Изложивъ историческіе

факты привоза въ Россію греческимъ духовенствомъ, а затѣмъ и изготовленія въ Москвѣ въ Синодальной типографіи разрѣшительныхъ грамотъ, авторъ пришелъ къ выводу, что эти грамоты имѣли характеръ католическихъ индульгенцій. При чтеніи былъ демонстрированъ фотографическій снимокъ съ подобной грамоты, выданной одному изъ предковъ автора статьи въ XVIII в. Съ выводами автора не согласились: М. Н. Сперанскій, М. И. Соколовъ и др. П. Н. Милюковъ доложилъ статью г. Иванова „Къ вопросу о походѣ князей Сѣверскихъ на Половцевъ въ 1185 г.", въ которой авторъ, вопреки принятому теперь мнѣнію, что путь князей шелъ на югъ, ведетъ ихъ на востокъ, не только не рѣшая этимъ вопроса о мѣстѣ битвы при Каялѣ и нахожденіи этой рѣки, но заставляя Половцевъ дѣйствовать въ мѣстности, гдѣ ихъ никогда не было. Нѣкоторыя же мелочи относительно топографіи и названій мѣстности, составляющей предметъ разсужденій автора, заслуживаютъ вниманія.

В. И. Сизовъ прочелъ отзывъ *) о раскопкахъ А. М. Фетисова въ Токмакскомъ уѣздѣ, Семирѣченской области, произведенныхъ послѣднимъ по порученію Н. Н. Пантусова. Гр. П. С. Уварова сообщила о новыхъ изслѣдованіяхъ Несторіанскаго при-Пишпекскаго кладбища Н. Н. Пантусовымъ въ октябрѣ 1892 г. Н. Н. Пантусовъ продолжалъ съ помощью А. М. Фетисова свои изслѣдованія несторіанскихъ кладбищъ у гор. Пишпека и Токмака. Онъ обнаруживалъ могилы изъ подъ слоя земли, снялъ почти съ 350 надгробныхъ камней по 8—9 отличныхъ снимковъ типографской краской и перевезъ камни въ г. Вѣрный. Оказывается, что Киргизы стали разбивать новооткрытые христіанскіе камни, такъ что на при-Токмакскомъ кладбищѣ цѣлыхъ камней найдено нынѣ лишь пять. Раскопки около кладбища обнаружили слѣды поселеній, относящихся ко времени заполненія кладбища; найдены развалины зданій, мельничные жернова, слѣды какого-то завода (маслобойнаго?) съ каменнымъ прессомъ. Обнаруженные при раскопкахъ обугленные куски дерева показываютъ, что городъ, вѣроятно, погибъ отъ пожара. Найдены остатки зданія, служившаго банею, подъ поломъ которой, залитой цементомъ, шли водопроводныя трубы. Вещи, добытыя при раскопкахъ, посланы въ Императорскую Археологическую Коммиссію, по порученію которой производились раскопки.

Въ засѣданіи 19 марта 1893 г. Московскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Анучина, (секретарств. С. С. Слуцкій). И. А. Линниченко прочелъ докладъ „Десятинная организація въ древней Руси". Разсмотрѣвъ юридическое и экономическое положеніе класса *сотныхъ* людей въ Галицкой Руси XV в., референтъ пришелъ къ заключенію, что это разрядъ служебныхъ людей, поселенныхъ въ подзамковыхъ селахъ для отбыванія спеціальныхъ услугъ въ пользу замковъ. Считая сотныхъ людей XV в. Гал. Руси остат-

*) См. стр. 169 „Арх. Изв. и Замѣтокъ".

ковъ переживанія старыхъ русскихъ порядковъ княжескаго періода и основываясь на аналогіи съ древнимъ устройствомъ сотныхъ людей и сотни у другихъ славянскихъ народовъ, референтъ съ этой точки зрѣнія сдѣлалъ попытку опредѣлить происхожденіе и значеніе десятичной организаціи древней Руси и пришелъ къ заключенію, что древнее сотенное устройство не было въ древней Руси общимъ устройствомъ, а лишь особымъ устройствомъ одного городскаго и подгороднаго населенія, назначеннаго къ особымъ услугамъ въ пользу князя и княжеской дружины, сидѣвшей въ городѣ. Въ виду этого И. А. Линниченко утверждалъ, что сотенное устройство не было на Руси земскимъ до-княжескимъ устройствомъ народа, а явилось у насъ только со времени упроченія княжеской власти. По этому-то и представителей сотеннаго устройства тысяцкихъ, сотскихъ референтъ считалъ первоначально княжескими чиновниками, ставшими земскими лишь впослѣдствіи въ силу близости къ населенію и то только тамъ, гдѣ произошло болѣе рѣзкое отдѣленіе земства отъ дружины.

Д. И. Иловайскій, возражая референту, признавалъ единственнымъ возможнымъ путемъ для объясненія такого явленія, какъ десятная система — путь широкой аналогіи. Эта система существуетъ у многихъ народовъ, ведя происхожденіе, очевидно, съ доисторическаго времени. Въ историческое время мы видимъ лишь обломки ея, чрезвычайно разнообразные и измѣнявшіеся. Но послѣдующія измѣненія не мѣшаютъ предполагать широкаго общаго значенія системы прежде — именно еще въ кочевой періодъ, какъ полагаетъ лично г. Иловайскій. В. О. Ключевскій, возражая на нѣкоторыя мѣста доклада И. А. Линниченки, заявилъ, что подъ „горожанами", на которыхъ Даніилъ Галицкій наложилъ пеню 4 гривны, нельзя разумѣть „подзамковое населеніе" горожанъ въ теперешнемъ смыслѣ: кромѣ ничтожности денежной суммы, тому препятствуетъ установленность древнихъ терминовъ: „городъ" = кремль и посадъ, и „слобода" = городъ въ нашемъ смыслѣ, „подзамковое населеніе" — два различные юридическіе типа. Затѣмъ, если бы тысячное устройство было происхожденія княжескаго, то оно было бы во всѣхъ княжескихъ городахъ. Но мы встрѣчаемъ его только въ большихъ городахъ и въ Бѣлгородѣ, городѣ пограничномъ, важномъ въ военномъ отношеніи. Далѣе, Псковъ никогда не имѣлъ тысячи; въ Смоленскѣ въ 1228 г., въ договорѣ съ Нѣмцами, представителемъ города является не тысяцкій, а сотскій. Съ другой стороны, есть примѣръ сотни въ полѣ: извѣстная Сновская сотня XII в. — „сотня", слѣдовательно, въ смыслѣ позднѣйшихъ малороссійскихъ „полковъ". Городская сотня въ древнее время не несла никакихъ повинностей, кромѣ обще-государственныхъ: повинности городскія распредѣлялись на все населеніе, а не были повинностями людей одного класса. Состоянія (напр. крѣпостное) не могли развиться изъ сотеннаго дѣленія, значеніе котораго были лишь государственное, а не личное и не сословное. И. А. Линниченко не согласился съ этимъ опроверженіемъ, указавъ на повинности натурою, рыболововъ, колесниковъ, ковачей и т. п., на что В. О. отвѣчалъ,

что тутъ не было прикрѣпленія къ службѣ. Для выясненія значенія сотенъ, важно обратиться къ сѣверовосточной Руси, гдѣ сотни являются съ яснымъ характеромъ уже въ XIV в. Города и подгородныя области дѣлятся здѣсь на округа, которые называются „сотнями", а если городъ большой, то могутъ называться „тысячами" (что не необходимо: въ Псковѣ видимъ лишь нѣсколько сотенъ и судъ изъ двухъ посадниковъ, а тысяцкаго нѣтъ). Сотня—*полицейскій округъ*, цѣль ея—сборъ податей и ратниковъ. Тысяцкій въ Новгородѣ—полицейскій начальникъ, а не судья (за исключеніемъ суда полицейскаго): „тысяцкому въ судъ посадника не мѣшаться". На основаніи такого значенія сотни тамъ, гдѣ полицейскій округъ не совпадаетъ съ судебнымъ, тамъ является сотенное дѣленіе; гдѣ эти округа совпадаютъ, тамъ нѣтъ надобности въ сотенномъ дѣленіи и тамъ его, дѣйствительно, нѣтъ. Сельскія области, отдаленныя отъ города, представляютъ собой судебные округа и глава округа называется *волостелемъ* или *сельскимъ старостою*. Полицейская власть ввѣряется тогда тѣмъ же мѣстнымъ чиновникамъ: поэтому такой округъ называется не *сотней*, а *волостью*. Но подраздѣленія этихъ округовъ, не имѣющія судебнаго значенія, а представляющія изъ себя лишь подъ-округа полицейскіе, оказываются *десятнями*. Случалось, что одна волость образовала 12 десятенъ, а сама сотней никогда не звалась. Отдаленная отъ города волость можетъ также имѣть сотенное дѣленіе: Двинская земля имѣла своего сотскаго, а городовъ тамъ мы не знаемъ. Объясняется это военно-податнымъ обложеніемъ, т. е. потребностью полицейской. При податномъ обложеніи въ городахъ окладная единица—промышленная: *дворъ*, т. е. извѣстный торговый оборотъ; въ хлѣбопашныхъ и сельскихъ областяхъ окладной единицей могъ быть только участокъ земли. Такія области, какъ Сумерская, Велія, Моревская имѣютъ характеръ преимущественно торгово-промышленный: поэтому онѣ облагаются дворами, а не участками земли, и поэтому же въ нихъ видимъ сотенное дѣленіе, которое вообще является по преимуществу тамъ, гдѣ бытъ основанъ не на хлѣбопашествѣ, а на торговомъ промыслѣ. Отсюда понятно, почему, наоборотъ, въ нѣкоторыхъ городахъ нѣтъ сотскаго, а есть староста или княжой чиновникъ: это города не торгово-промышленные. Понятно, что отъ сотеннаго дѣленія податнаго, надобно строго различать сотенное дѣленіе чисто и исключительно военное. И въ сѣверной Руси часто встрѣчается *сотня*=рота, когда образуется городовое казачество. Любой уѣздъ южной окраины, достаточно снабженный дворянствомъ, дѣлится, независимо отъ городовъ и селъ, на дворянскія сотни, образуя отъ 2-хъ до 3-хъ десятковъ сотенъ. Одинъ изъ посѣтителей Общества, г. Любавскій, опираясь на данныя Сѣверо-западной Руси, возражалъ И. А. Линниченкѣ противъ юридическаго, сословнаго дѣленія, объясняя это дѣленіе цѣлями военными. Референтъ отрицалъ возможность ссылаться въ этомъ вопросѣ на Русь сѣверо-западную, гдѣ дѣйствовало литовское, а не русское право.

Въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества 9 апрѣля 1893 г. подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича былъ прочтенъ рефератъ А. Н. Шварца „Гермесъ Праксителя на монетѣ Анхіала" *), доложенный, за болѣзнью референта, А. В. Орѣшниковымъ. По прочтеніи реферата, И. В. Цвѣтаевъ возразилъ, что изображеніе на монетѣ представляетъ такія уклоненія отъ подлинника группы и къ тому же монета такъ неудовлетворительно сохранилась, что трудно сказать, представляетъ ли она копію съ подлинника. Затѣмъ г. Цвѣтаевъ привелъ то мѣсто изъ Плинія (Nat. Hist. 34, 87), гдѣ говорится о подобной же группѣ раб. Кифисодота, отца Праксителя, и, принимая въ соображеніе, что олимпійская группа есть одно изъ раннихъ произведеній Праксителя и, вѣроятно, не изъ лучшихъ, г. Цвѣтаевъ высказалъ предположеніе, что изображеніе на монетѣ, можетъ быть, представляетъ копію съ произведенія Кифисодота **).

В. И. Сизовъ сообщилъ о раскопкахъ кургановъ, произведенныхъ по порученію могилевскаго губернатора, т. с. Дембовецкаго, гг. Фурсовымъ и Чоловскимъ, въ уѣздахъ: Рогачевскомъ, Быховскомъ, Чериковскомъ, Климовичскомъ и Мстиславскомъ, въ долинахъ Днѣпра, Сожа, Друти, Прони, Остра и Бесѣди. Всего раскопано было до 60 кургановъ, отчасти со слѣдами погребенія, отчасти — сожженія; въ нѣкоторыхъ курганахъ было по нѣсколько костяковъ, лежащихъ головою къ западу или юго-западу, иногда съ раскинутыми руками, помѣщенными въ соотвѣтственныхъ углубленіяхъ; надъ нѣкоторыми могилами были устроены дубовые срубы. При костякахъ находились и горшки (у мужчинъ — въ головахъ, у женщинъ—въ ногахъ), иногда съ остатками чего-то, желѣзные топоры и ножи, серебряныя височныя кольца, шейныя гривны, серьги въ видѣ колецъ, бусы изъ сердолика, горнаго хрусталя, стекла съ позолотою, серебряные браслеты и перстни; въ одной могилѣ — еще золотой обломанный крестъ съ финифтью, а въ другой— тщательно завернутая въ бересту фигурка человѣка, въ одеждѣ до колѣнъ, съ мечемъ съ правой стороны и съ кольцомъ въ видѣ жгута въ правой рукѣ. Въ фигуркѣ этой г. Чоловскій видитъ изображеніе скиѳа, но г. Сизовъ не находитъ въ ней ничего скиѳскаго, а скорѣе—сходство съ нѣкоторыми скандинавскими изображеніями эпохи Викинговъ.—Г. Сизовъ, кромѣ того, указалъ на вышедшій недавно трудъ г. Тотура по древностямъ Минской губерніи.— Н. Ѳ. Бѣляшевскій демонстрировалъ образцы предметовъ каменнаго вѣка обширной коллекціи, добытой имъ при раскопкахъ на Княжей горѣ, на берегу Днѣпра, недалеко отъ г. Канева, произведенныхъ [на средства и по

*) См. стр. 102 „Арх. Изв. и Зам.".

**) Въ закрытомъ засѣданіи Моск. Арх. Общества, 18 апрѣля 1893 года, И. В. Цвѣтаевъ заявилъ, что онъ свое возраженіе беретъ назадъ и присоединяется ко взгляду А. Н. Шварца, мотивируя это тѣмъ, что упоминаемая группа Кеѳисодота была бронзовая, тогда какъ оригиналъ, съ котораго сдѣлана копія на монетѣ, былъ мраморный, что онъ заключаетъ изъ подставки въ видѣ колонки подъ рукой, что свойственно только произведеніямъ изъ мрамора.

порученію В. В. Тарновскаго. На этой горѣ были найдены обширные слѣды поселенія велико княжеской эпохи, повидимому, раззореннаго татарами въ XIII в., но въ болѣе глубокихъ частяхъ культурнаго слоя здѣсь оказались и слѣды болѣе древняго періода, именно поселенія и мастерской каменнаго вѣка, всего вѣроятнѣе—конца его, какъ то доказываютъ находки многихъ продырявленныхъ топоровъ-молотковъ и одной бронзовой плоской стрѣлы. Предметовъ изъ кремня (приготовленныхъ оббивкою) сравнительно немного, и между ними преобладаютъ скребки, хотя есть также стрѣлки, пилы и др. Болѣе предметовъ изъ другихъ горныхъ породъ (песчаника, сланцевъ, гранита и др.), болѣе или менѣе полированныхъ и представляющихъ топоры, молоты, песты, грузила для неводовъ и т. п. Есть также издѣлія изъ кости — стрѣлки, шилья, рыболовные крючки и др., но нѣкоторыя изъ нихъ относятся, повидимому, уже къ металлической эпохѣ, такъ какъ выказываютъ слѣды обработки ихъ металлическими орудіями. Было найдено также много костей животныхъ (служившихъ въ пищу), рыбьей чешуи, раковинъ Unio—и черепковъ глиняной посуды, съ плоскимъ или круглымъ дномъ и съ различнымъ вдавленнымъ и выпуклымъ орнаментомъ.

Первое засѣданіе Славянской коммиссіи при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, происходившее 29 октября 1892 г. подъ предсѣдательствомъ проф. М. И. Соколова, открылось рѣчью Предсѣдателя, изложившаго цѣли и объемъ занятій Славянской Коммиссіи и отношеніе ея занятій къ занятіямъ Археологическаго Общества. Въ Славянскую Коммиссію рѣшено было разсылать приглашенія тѣмъ членамъ Общества, которые изъявятъ желаніе принимать въ ней участіе, а также и постороннимъ лицамъ, выразившимъ тоже желаніе. Предсѣдатель возбудилъ вопросъ объ обзорѣ и приведеніи въ извѣстность книгъ и журналовъ, интересныхъ для всѣхъ занимающихся славянской древностью, и рѣшено было на первое время ограничиться осмотромъ таковыхъ, получаемыхъ въ московскихъ библіотекахъ, обществахъ и учрежденіяхъ; составленные т. о. списки представить въ Коммиссію, гдѣ они и будутъ храниться для справокъ. Секретаремъ Коммиссіи, Мих. Нест. Сперанскимъ, былъ доложенъ рефератъ: „Обзоръ славянскихъ библіотекъ въ Австро-Венгріи и Сербіи". Рефератъ былъ дополненъ П. А. Лавровымъ, сообщившимъ о библіотекѣ покойнаго Л. Гая въ Загребѣ. И. А. Линниченко сдѣлалъ обзоръ и оцѣнку труда проф. Иконникова „Опытъ русской исторіографіи". Правила, которыми будетъ руководиться „Славянская Коммиссія" слѣдующія:

1. Славянская Коммиссія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества образуется изъ членовъ Общества, желающихъ принять участіе въ изученіи славянскихъ древностей, изданіи и сохраненіи относящихся къ нимъ памятниковъ.

Примѣчаніе. Ежегодно къ годичному засѣданію Общества Предсѣдатель Коммиссіи освѣдомляется у членовъ объ ихъ желаніи оставаться въ ея составѣ.

2. Славянская Коммиссія выбираетъ изъ своей среды Предсѣдателя и товарища Предсѣдателя срокомъ на три года. Предсѣдатель заботится объ устройствѣ засѣданій Коммиссіи, ея занятіяхъ и изданіи ея „Трудовъ“.

Примѣчаніе. Секретарь приглашается Предсѣдателемъ.

3. Коммиссія имѣетъ право на основаніи § 3-го Устава Московскаго Археологическаго Общества привлекать къ своимъ занятіямъ лицъ, непринадлежащихъ къ числу членовъ Общества; въ случаѣ, если бы лица эти отвѣчали требованіямъ §§ 11 и 19 Устава Общества, членамъ Коммиссіи предоставляется право предлагать ихъ на общепринятыхъ основаніяхъ (§§ 23 и 24) въ члены Общества и просить объ ихъ баллотировкѣ.

4. Засѣданія Коммиссіи происходятъ въ домѣ Археологическаго Общества; о днѣ и часѣ ихъ созыва извѣщается заблаговременно Предсѣдатель Общества.

Примѣчаніе. Засѣданія Коммиссіи не публичныя. Приглашеніе или допущеніе случайныхъ посѣтителей предоставляется усмотрѣнію Предсѣдателя.

5. Протоколы Славянской Коммиссіи докладываются въ ближайшихъ засѣданіяхъ Московскаго Археологическаго Общества. Сообщенія, представляющія общій археологическій интересъ, докладываются въ засѣданіяхъ Общества.

6. Къ годовому собранію Московскаго Археологическаго Общества Предсѣдатель и секретарь Коммиссіи озабочиваются приготовленіемъ отчета о дѣятельности Коммиссіи, который и печатается вмѣстѣ съ отчетомъ Общества.

7. Труды Славянской Коммиссіи печатаются на средства Общества.

8. Въ виду спеціальности трудовъ Коммиссіи, Предсѣдатель и секретарь ея признаются членами Редакціоннаго Комитета Общества.

Въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества 20 января 1893 г. В. М. Истринъ прочелъ рефератъ „Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ“; референтъ, разсмотрѣвъ исторію „Сказаній“ вообще и о царѣ-пресвитерѣ Іоаннѣ въ частности, подробно остановился на сказаніяхъ о диковинныхъ людяхъ и животныхъ, упоминаемыхъ въ „Сказаніи“, при чемъ отмѣтилъ отношеніе „Сказанія“ къ „Александріи“, куда частью вошло и самое „Сказаніе“. Изъ анализа какъ отдѣльныхъ списковъ „Сказанія“, такъ и того, который послужилъ источникомъ для редактора славянскаго перевода „Александріи“, референтъ нашелъ возможнымъ сдѣлать слѣдующіе выводы: а) списокъ „Сказанія“, вошедшій въ „Александрію“, долженъ быть признанъ первоначальнымъ для славянскихъ текстовъ, переведенныхъ съ 3-й редакціи латинскаго текста „Сказанія“; б) ближайшимъ, но уже изгладившимъ слѣды латинскаго оригинала, долженъ быть признанъ текстъ Кирилло-Бѣлозерскій, изданный акад. Веселовскимъ, и в) переводъ совершенъ, вѣроятно, тамъ же, гдѣ и переводъ сербской „Александріи“, т. е. въ Далмаціи

или на побережьѣ Адріатики. Въ преніяхъ по поводу этого доклада В. Ѳ. Миллеръ, соглашаясь въ общемъ съ референтомъ, предложилъ для непонятнаго слова „шидъ“ (что-то въ родѣ шелку) производство не отъ sidus, а отъ вост. слова set. М. И. Соколовъ указалъ на то, что самый порядокъ перечисленія чудесъ въ различныхъ редакціяхъ „Сказанія“ могъ бы дать, можетъ быть, указанія полезныя для рѣшенія вопроса о редакціи оригинала „Сказанія“, и попросилъ объясненія относительно списка Бѣлградской библіотеки, списаннаго М. Н. Сперанскимъ. Референтъ призналъ этотъ списокъ весьма позднимъ и по составу не идущимъ къ его изслѣдованію. С. О. Долговъ указалъ, что въ цитатахъ, приведенныхъ референтомъ въ текстѣ, вошедшемъ въ „Александрію“ и въ старшемъ Кирилловскомъ—2 различные перевода, изъ которыхъ второй, какъ не носящій на себѣ признаковъ латинскаго оригинала, могъ быть иного происхожденія; кромѣ того, въ текстѣ, вошедшемъ въ „Александрію“,—важная черта—отсутствіе упоминанія о царѣ Іоаннѣ; наконецъ С. О. Долговъ находилъ, что необходимо вести доказательство на основаніи сравненія болѣе крупныхъ отрывковъ изъ того и другого текста, чѣмъ это сдѣлано референтомъ. Такимъ образомъ фактъ перевода „Сказанія“ съ латинскаго нельзя признать доказаннымъ.

М. И. Соколовымъ было приведено одно мѣсто изъ пророчествъ о судьбахъ Балканскаго полуострова (по рукоп. П. С. Сречковича), переведенныхъ съ греческаго, гдѣ встрѣчается какой-то Іоаннецъ „сирѣчь индійскій“.

П. А. Лавровъ прочелъ докладъ о новомъ изданіи пѣсенъ бр. Миладиновыхъ (Софія, 1891 г.); охарактеризовавъ дѣятельность современныхъ болгарскихъ собирателей памятниковъ народнаго творчества (по „Сборнику“ болг. мин. нар. просв.), референтъ сравнилъ новое изданіе съ первымъ, указалъ недостатки того и другаго и предложилъ рядъ исправленій.

Въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества, 23 февраля 1893 года, В. В. Богдановъ сдѣлалъ сообщеніе „Къ вопросу о звуковой транскрипціи русскаго языка“, вызванное запросомъ одного изъ провинціальныхъ этнографовъ въ этнографическомъ отд. И. О. Л. Е. А. и Э. о выработкѣ научной и точной транскрипціи для передачи всѣхъ звуковыхъ явленій изслѣдуемаго говора,—чтобы записанными въ такомъ видѣ матеріалами могъ пользоваться не только этнографъ и историкъ, но и лингвистъ. Референтъ изложилъ транскрипцію, какою онъ пользовался для записыванія говора крестьянъ Бѣльскаго и Духовщинскаго уѣздовъ Смоленской губ. А. В. Башкировъ прочелъ рефератъ „О стихотвореніяхъ Юрія Крижанича“, о которыхъ до послѣдняго времени ничего не было извѣстно; но въ 1886 г. въ Starin'ахъ о. Евс. Фермеджинъ помѣстилъ 4 стихотворенія Крижанича, найденныя имъ въ старопечатной книгѣ „Triumphus caesareus polyglottus“, но при перепечаткѣ почему-то выпустилъ еще одно стихотвореніе на турецкомъ языкѣ, въ которомъ Крижаничъ обращается къ тур-

камъ съ увѣщаніемъ прочесть кн. Кирхера „Oedipus Aegyptiacus", изъ которой де они познаютъ истиннаго Бога. Кромѣ указанныхъ стихотвореній, мы имѣемъ еще одинъ стихотворный опытъ Крижанича, помѣщенный на чистыхъ листахъ рукописи „De arte bene moriendi"; это черновой переводъ двухъ гимновъ Іоанну Крестителю, слитыхъ въ одинъ, изъ которыхъ одинъ извѣстный „нотный" гимнъ.

Въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества, 13 марта 1893 г., были прочтены некрологи двухъ славянскихъ ученыхъ, А. Я. Вртятки и Я. М. Чернаго, недавно скончавшихся въ Прагѣ, послѣ чего присутствующіе почтили ихъ память вставаніемъ. Затѣмъ С. О. Долговъ изложилъ свои соображенія и возраженія по поводу славянскихъ текстовъ „Сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ", бывшихъ предметомъ доклада В. М. Истрина въ 3-мъ засѣданіи Коммиссіи: С. О. Долговъ въ своихъ выводахъ склонялся болѣе на сторону греческаго происхожденія оригинала нашихъ текстовъ, находя возможнымъ и возникновеніе самого „Сказанія" объяснять изъ греческихъ и вообще восточныхъ источниковъ; поэтому онъ не находилъ возможнымъ основываться на текстѣ „Сказанія", вошедшемъ въ „Александрію", для опредѣленія времени и мѣста перевода. Въ противоположность этому В. М. Истринъ, какъ и прежде, отстаивалъ связь отдѣльныхъ текстовъ „Сказанія" съ тѣмъ, который вошелъ въ „Александрію", а этотъ послѣдній ставилъ въ связь съ латинскими текстами памятника. Вторая половина засѣданія была посвящена также преніямъ по поводу доклада В. В. Богданова (въ засѣданіи 23 февр.) „О звуковой транскрипціи живаго русскаго языка". Главными оппонентами были Е. А. Ляцкій, приготовившій для этой цѣли обширный докладъ и разборъ взглядовъ и теоріи В. В. Богданова и Ѳ. Е. Коршъ. Разсужденія по этому вопросу не были окончены и перенесены на одно изъ послѣдующихъ засѣданій Коммиссіи.

Въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества, 16 апрѣля 1893 г., первая половина посвящена была двумъ докладамъ библіографическаго характера: пражскаго ученаго, археолога Л. Г. Нидерле и секретаря Коммиссіи М. Н. Сперанскаго. Л. Г. Нидерле познакомилъ присутствующихъ съ недавно вышедшимъ трудомъ своего соотечественника и сотоварища по работамъ пражскаго же ученаго О. В. Пича „Археологическія изысканія въ средней Чехіи" (Archeologický výzkum ve středních Čechách), изложивши съ своими замѣчаніями, главнымъ образомъ, первую половину труда О. В. Пича, посвященную вопросу объ отношеніяхъ и времени поселенія различныхъ племенъ въ современной Чехіи, именно Галловъ-Бойевъ, Германцевъ-Маркомановъ и Славянъ. Исправивъ нѣсколько неточностей у автора книги, референтъ вполнѣ присоединился къ мысли О. В. Пича о необходимости и возможности провѣрять данныя историческихъ источ-

никовъ данными археологическихъ изслѣдованій и раскопокъ. М. Н. Сперанскій сдѣлалъ докладъ о наиболѣе выдающихся трудахъ по славяновѣдѣнію, явившихся въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго года; особенное вниманіе было обращено на труды проф. Ягича, Вандрака и Облака, посвященные начальному періоду славянской письменности и ново-открытому письму Анастасія библіотекаря. Докладъ объ этой новости вызвалъ нѣсколько замѣчаній и дополненій со стороны М. И. Соколова, обратившагося къ присутствующимъ съ предложеніемъ В. И. Ламанскаго объ источникахъ о Кириллѣ, могущихъ найтись у С. Метафраста, А. В. Орѣшникова, указавшаго на интересъ легендъ и сказаній о Кириллѣ въ связи съ раскопками на островѣ въ Казачьей бухтѣ, близь Севастополя, и М. Н. Сперанскаго по поводу преданій о епископствѣ Кирилла на основаніи фресокъ X — XI в. въ церкви S. Clemento въ Римѣ.

Вторая половина засѣданія была посвящена докладу члена Восточной Коммиссіи А. С. Хаханова о найденномъ имъ грузинскомъ переводѣ „Александріи“, сдѣланномъ, какъ доказывалъ референтъ, непосредственно съ *сербской* редакціи памятника—фактъ доселѣ неизвѣстный въ исторіи повѣстей: о связи между грузинской литературой и юго-славянскими. По взглядамъ референта переводъ сдѣланъ, можетъ быть, въ Россіи и, можетъ быть, стоитъ въ связи съ литературной дѣятельностью царевича Арчила, жившаго въ Москвѣ въ XVII в., а также съ стихотворной грузинской обработкой Александріи нѣкоего Петра.

---

18 марта 1893 г., состоялось засѣданіе восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена. Сообщенія были сдѣланы А. Я. Гаркави и барономъ В. Р. Розеномъ. Первый изъ референтовъ читалъ докладъ на тему: „Предположенія мусульманъ объ упоминаніи Мухамеда въ Пятикнижіи“. Критически отнесясь къ гипотезѣ, которую высказалъ по этому предмету одинъ изъ европейскихъ оріенталистовъ, А. Я. Гаркави указалъ на то, что мусульманскія толкованія въ данномъ случаѣ опираются на совпаденіе въ числовомъ значеніи буквъ въ составѣ даннаго слова Библіи и въ имени Мухамеда. Баронъ В. Р. Розенъ въ сообщеніи своемъ: „Слѣды новаго ирансконндійскаго сказочнаго цикла“—указалъ на сохранившійся въ одномъ арабскомъ сочиненіи IX вѣка разсказъ о походѣ въ Индію персидскаго царя Балаша, сына Фируза; вставныя повѣсти въ этомъ разсказѣ — индійскаго происхожденія и находятъ для себя близкое соотвѣтствіе въ Джатакахъ, Гитопадесѣ и Магабгаратѣ (Нов. Вр. № 6128, 1893.).

19-го марта 1893 г., въ засѣданіи классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ управляющаго отдѣленіемъ Н. Н. Стояновскаго, Г. Е. Кизерицкій сдѣлалъ сооб-

щеніе: „О сибирскихъ древностяхъ временъ Петра Великаго". Докладчикъ представилъ результаты того художественнаго анализа, которому онъ подвергъ золотыя вещи, присланныя изъ Сибири въ началѣ прошлаго столѣтія въ Кунсткамеру, основанную Императоромъ Петромъ Великимъ для собранія всякаго рода „раритетовъ" и „натуралій", и перешедшія затѣмъ въ собственность Императорскаго Эрмитажа послѣ преобразованія Кунсткамеры въ естественно-историческій музей Императорской Академіи Наукъ. Эти художественные предметы представляютъ различныя украшенія одеждъ и оружія, съ причудливыми изображеніями животныхъ (грива и хвостъ оканчиваются птичьими головами, изо рта льва выходитъ другое животное и т. п.). Не имѣя ничего общаго съ античнымъ греческимъ искусствомъ, эти художественные памятники неизвѣстнаго народа, обитавшаго въ сибирскихъ степяхъ на югъ отъ Томска, обнаруживаютъ сходство съ чертами древне-персидскаго искусства и относятся докладчикомъ, на основаніи сближеній съ извѣстными уже памятниками, къ VI-му вѣку до Р. Хр.

Въ томъ же засѣданіи А. Ѳ. Энманъ прочиталъ рефератъ: „Объ именахъ—Эллада и эллины". Указавъ на то, что въ Иліадѣ и Одиссеѣ эти названія еще не имѣютъ общенаціональнаго значенія для всѣхъ грековъ, докладчикъ путемъ сопоставленій съ представляемыми исторіей другихъ народовъ фактами обозначенія однимъ и тѣмъ же именемъ и незначительной народности и цѣлаго племени, объединяющаго группу народовъ, подвергъ критическому разбору миѳы, связанные съ вышесказанными названіями и какъ бы объясняющіе ихъ происхожденіе (Нов. Вр. № 6129, 1893 г.).

31-го марта 1893 г., засѣданіе русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества состоялось въ помѣщеніи Императорской Археологической Коммиссіи, въ зданіи Императорскаго Эрмитажа. Засѣданіе было посвящено осмотру древностей, добытыхъ Императорской археологической коммиссіей въ истекшемъ 1892 г. Управляющій русскимъ отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, онъ же предсѣдатель археологической коммиссіи, графъ А. А. Бобринскій, открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой привѣтствовалъ прибывшаго въ засѣданіе Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, Его Императорское Высочество Великаго Князя Константина Константиновича и многочисленныхъ членовъ Общества, а за симъ предоставилъ слово спеціалистамъ, которые и приступили къ демонстрированію коллекцій, размѣщенныхъ въ залахъ коммиссіи. Объясненія выставленныхъ предметовъ даны были А. А. Спицынымъ — по доисторической археологіи, В. М. Радловымъ—по сибирскимъ древностямъ, Н. Я. Марромъ—по армянскимъ древностямъ и Н. И. Веселовскимъ—по древностямъ Таврическаго полуострова. Выставка эта отличается чрезвычайнымъ богатствомъ. Результаты раскопокъ гг. Смирнова—въ бассейнѣ рѣки Камы, Дружинина—по скатамъ Урала, Романова—въ Витебской губерніи, Брауна—въ Эстлян-

дін и Спицына—въ Тамбовской губерніи, даютъ драгоцѣнный матеріалъ для живыхъ обобщеній относительно культуры народовъ, населявшихъ нашу равнину до возникновенія здѣсь исторической жизни. Херсонесъ и Керчь попрежнему остаются неисчерпаемымъ источникомъ эпиграфическаго матеріала и замѣчательныхъ образцовъ классическаго искусства. Раскопки въ Арменіи обнаружили скрытые въ землѣ архитектурные памятники, большею частью въ обломкахъ, но замѣчательные по характеру орнамента и стѣнной живописи въ строго-византійскомъ духѣ (Нов. Вр. № 6138, 1893 г.).

8-го апрѣля 1893 г., въ классическомъ отдѣленіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества И. В. Помяловскій сдѣлалъ сообщеніе— „О путешествіи въ Палестину св. Виллибальда (VIII вѣка)“. Среди обширной литературы западныхъ, болѣе древнихъ, чѣмъ византійскія, путешествій въ Святую Землю, путешествіе св. Виллибальда, англійскаго монаха, а впослѣдствіи епископа, рукоположеннаго св. Бонифаціемъ, побывавшаго въ Палестинѣ четыре раза, отличается точностью, непосредственностью впечатлѣній и отсутствіемъ легендарности.

Въ томъ же засѣданіи А. М. Щукаревъ представилъ докладъ—„О греческихъ надписяхъ съ береговъ Пропонтиды“. Это надписи, собранныя г. Лишинымъ и разобранныя докладчикомъ по порученію отдѣленія. Изъ 50-ти надписей только 9 уже изданы въ свое время различными изслѣдователями. Всѣ надписи надгробныя; одна изъ нихъ представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что на ней приведены численныя, а не имянныя названія филъ города Перинеа (Нов. Вр. № 6146, 1893 г.).

15-го апрѣля 1893 г., въ засѣданіи русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. А. Бобринскаго, прочтенъ былъ докладъ А. А. Спицына „о мордовскихъ могильникахъ IX—XVII в.“. Въ связи съ современными этнографическими данными и соотвѣтственными историческими фактами, послѣдовательно проведенными докладчикомъ, совмѣстно съ профессоромъ Смирновымъ, раскопки въ бассейнѣ рѣкъ Мокши и Цны ясно устанавливаютъ различный характеръ культуры мордовскаго племени въ такія эпохи, какъ IX вѣкъ, потомъ XIV и, наконецъ, XVII вѣкъ.

Въ томъ же засѣданіи князь П. А. Путятинъ сдѣлалъ сообщеніе „О пещерныхъ жителяхъ южной Европы“. Докладчикъ познакомилъ собраніе съ подробностями сдѣланнаго въ прошломъ году въ ментонскихъ каменноломняхъ открытія пещеры съ тремя скелетами съ несомнѣнными слѣдами древнѣйшаго ритуала погребенія. Каменныя орудія, найденныя при костякахъ ментонской пещеры, воспроизведенныя въ рисункахъ, въ изслѣдованіяхъ французскихъ ученыхъ, докладчикъ демонстрировалъ на соотвѣтственныхъ

экземплярахъ изъ собственной коллекціи каменныхъ орудій такихъ же точно типовъ, собранныхъ княземъ Путятинымъ въ его имѣніи Бологое (Нов. Вр. № 6153, 1893 г.).

Въ засѣданіи Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ 13-го апрѣля 1893 г., были заслушаны слѣдующія сообщенія: И. А. Износкова „Памяти В. А. Казаринова". Скончавшійся 16-го марта В. А. Казариновъ, бывшій инспекторъ народныхъ училищъ въ Казанской губерніи, былъ въ началѣ 80-хъ годовъ дѣятельнымъ членомъ сотрудникомъ Общества, въ „Извѣстіяхъ" котораго помѣстилъ нѣсколько сообщеній и замѣтокъ. Въ дополненіе къ поминкѣ г. Износкова проф. А. В. Васильевъ сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ о заслугахъ покойнаго Казаринова въ дѣлѣ народнаго образованія, а П. А. Пономаревъ—объ одной изъ заслугъ его въ области мѣстной археологіи, именно объ опредѣленіи имъ мѣстоположенія болгарскаго города Тубуму-тау. Общество почтило память усопшаго сочлена обычнымъ вставаніемъ. Слѣдующія два сообщенія были объ открытыхъ памятникахъ древности — вблизи г. Спасска, Казанской губерніи и у селенія Муранки Сызранскаго уѣзда Симбирской губерніи. Первое сообщеніе было сдѣлано студентомъ мѣстнаго университета Обрѣзковымъ, второе—дѣйствительнымъ членомъ Общества В. Н. Поливановымъ. Г. Обрѣзковъ, экскурсируя лѣтомъ прошлаго года по Спасскому уѣзду, наткнулся тамъ на слѣды древняго поселенія вблизи самаго Спасска. На берегахъ омывающей этотъ городъ рѣчки Бездны Обрѣзковъ усмотрѣлъ въ землѣ слѣды четыреугольныхъ ямъ, наполненныхъ золою, рыбьими костями, кухонными отбросами и вообще соромъ. Въ двухъ изъ этихъ ямъ, по произведеннымъ Обрѣзковымъ раскопкамъ, оказались между прочимъ два человѣческихъ черепа, по одному въ каждой. Такъ какъ ямы эти были усмотрѣны имъ на берегахъ Бездны въ большомъ количествѣ, то онъ и сдѣлалъ выводъ, что мѣсто нахожденія ихъ служило въ древности обитателямъ этой мѣстности кладбищемъ. Сообщеніе это вызвало въ собраніи оживленныя пренія. П. А. Пономаревъ заявилъ, что такія ямы и съ такимъ же содержимымъ встрѣчаются въ огромномъ количествѣ всюду, гдѣ находятся слѣды древнихъ поселеній булгаръ, при чемъ костяки и черепа почти не попадаются въ такихъ ямахъ, вслѣдствіе чего считать ихъ могилами нельзя. По мнѣнію П. А. Пономарева, это скорѣе сорныя ямы, которыя устраивались булгарами для свалки отбросовъ и нечистотъ, вывозившихся за поселенія, отчего онѣ и представляются при раскопкахъ наполненными исключительно кухонными отбросами. Это обстоятельство показываетъ, кромѣ того, что булгары были народомъ очень чистоплотнымъ и старательно заботились о санитарномъ благоустройствѣ въ своихъ поселеніяхъ. Профессоръ И. Н. Смирновъ возражалъ, высказывая предположеніе, что эти ямы служили мѣстомъ для жилья древнихъ обывателей Спасскаго уѣзда, которые отличались, по всей вѣроятности, крайней неряшливостью и неопрятностью и держали возлѣ себя соръ, не убирая его

вовсе; когда же его накоплялось такъ много, что въ ямѣ становилось тѣсно, обитавшіе въ нихъ люди устраивали для себя по сосѣдству новыя ямы-землянки. Вообще предположенія по поводу обнаруженныхъ вблизи г. Спасска ямъ въ землѣ на рѣчкѣ Безднѣ высказывались разныя.

Второй памятникъ древности представляетъ дѣйствительно древній могильникъ. Въ немъ открыто болѣе 200 могилъ. Всѣ обнаруженныя въ нихъ гробницы находятся на глубинѣ не болѣе 16—20 вершковъ отъ поверхности почвы и представляются выдолбленными изъ обрубковъ сосноваго дерева въ закругленную колодообразную форму. Въ гробницахъ были откапываемы въ большомъ количествѣ, кромѣ череповъ и костяковъ, множество женскихъ косъ, подвѣски съ пряжками, кожаная обувь, топоры, ножи, огнивы и др. домашняя утварь. Всего изъ Муранскаго могильника добыто около 550 различныхъ вещей, въ числѣ которыхъ имѣются даже золотыя. Во многихъ гробницахъ найдены серебряныя и мѣдныя татарскія монеты начала XIV-го вѣка. Большинство этихъ монетъ имѣютъ надписи и изображенія, относящія чеканку ихъ къ временамъ хановъ Золотой Орды—Узбеку, Джанибеку, Тимуру, Ходжа и др. Серебряныя украшенія, добытыя въ этомъ могильникѣ,—браслеты, серьги и кольца,—по характеру работы имѣютъ близкое сходство съ издѣліями булгаръ. Всѣ эти вещи передаются, по мѣрѣ откапыванія, въ распоряженіе Императорской археологической коммиссіи. Хотя производящій въ этомъ могильникѣ раскопки В. Н. Поливановъ и высказалъ въ своемъ сообщеніи мнѣніе, что возникновеніе его должно быть отнесено къ X-му вѣку, но большинство членовъ собранія признали, что найденныя въ этомъ могильникѣ татарскія монеты при костякахъ свидѣтельствуетъ о принадлежности его татарамъ XIV вѣка.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ 12 разъ въ годъ и составятъ томъ въ 25 листовъ. Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою ТРИ (3) рубля въ годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Историческомъ Музеѣ, на Красной Площади, у Алексѣя Васильевича Орѣшникова ежедневно (кромѣ субботъ и праздниковъ), отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня.

2) Въ антикварной книжной торговлѣ П. П. Шибанова. Москва, Петровскія линіи.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные ТРИ рубля исключительно на имя Московскаго Археологическаго Общества (Москва, Берсеневская набережная, у Каменнаго Моста, собств. домъ)

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности — церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы въ Москву, въ Историческій Музей, на Красной Площади, Алексѣю Васильевичу Орѣшникову.

Археологическія извѣстія и замѣтки

издаваемыя

Императорскимъ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

дѣйствительнаго члена

А. В. ОРѢШНИКОВА.

№ 6

МОСКВА.
Товарищество типографіи А. И. Мамонтова.
[illegible]
[illegible]

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I

Пластинка диптиха изъ слоновой кости изъ собранія графа Г. С. Строганова въ Римѣ.

Эта въ высшей степени интересная пластинка изъ слоновой кости (30½ сант. дл. и 7 сант. шир.), издаваемая впервые, (см. рис. 15 въ уменьш. видѣ) представляетъ часть оклада Евангелія или другой какой нибудь книги церковнаго назначенія.

Верхній ободокъ пластины, состоящій изъ двухъ родовъ орнамента, показываетъ, что дѣленія всей пластины были таковы же, какъ и на извѣстныхъ Миланскомъ, Парижскомъ, Ватиканскомъ, Эчміадзинскомъ, и др. окладахъ, т. е. въ центрѣ, который опредѣляется орнаментомъ изъ аканѳа, находилось главное изображеніе, а по сторонамъ, указываемымъ боковыми орнаментами изъ завитка съ листикомъ въ изгибѣ его, находились сцены изъ жизни этого главнаго изображенія. Верхняя часть или верхняя пластина, соотвѣтствовавшая нижней, должна была заключать, по аналогіи, монограмму Христа, несомую двумя Ангелами. Потемнѣвшая слоновая кость носитъ слѣды раскраски по всему полю между сценами и фигурами, на самихъ фигурахъ, ровно какъ и на листьяхъ орнамента. Въ этой раскраскѣ можно еще и теперь угады-

Рис 15.

вать коричневый и золотой цвѣта. Такъ, звѣздочки, состоящія изъ четырехъ листиковъ и четырехъ черточекъ между ними съ точками, восьмиконечныя звѣзды — золотыя. Такіе же золотые крестики и звѣздочки украшаютъ одежды всѣхъ лицъ. Раскраска, очевидно, была сначала сплошная, но отъ времени она выцвѣла, оставивъ слѣды множества штриховъ на листьяхъ аканѳа, на ногахъ и туловищѣ осла, гдѣ эти штрихи представляли шерсть, на крестѣ и крыльяхъ Ангела, на стволѣ пальмы.

Между звѣздочками попадается еще родъ завитковъ, очевидно также представлявшихъ родъ звѣздообразныхъ или крестообразныхъ формъ въ соотвѣтствіе съ крестиками и звѣздами. Въ виду того обстоятельства, что эти крестообразныя формы встрѣчаются и на одеждахъ, никакъ нельзя предположить, чтобы на фонѣ пластины онѣ представляли собою звѣзды, расположенныя по небу. Въ данномъ случаѣ эти разнообразныя крестовидныя формы принадлежатъ къ роду, тѣхъ которыя въ такомъ обиліи извѣстны въ мозаикахъ церкви св. Констанцы въ Римѣ, въ ея сводчатыхъ потолкахъ, и которыхъ употребленіе на различныхъ предметахъ христіанской древности также хорошо извѣстно. Распространенность крестовидныхъ формъ въ орнаментѣ и въ украшеніи потолковъ кубикуловъ катокомбъ, перенятыхъ затѣмъ и потолками раннихъ христіанскихъ церквей, основывается еще на томъ воззрѣніи христіанъ, которое высказалъ Іустинъ Мученикъ въ своей Апологіи, разсматривая крестъ, какъ зиждительное начало всякой вещи и на примѣрахъ указавъ нахожденіе креста во

многихъ формахъ геометрическихъ и иныхъ [1]). Такіе-же крестовидные орнаменты изъ лепестковъ находятся на двухъ квадратикахъ и по нижнимъ концамъ пластины, а въ центрѣ лиственнаго орнамента, идущаго по низу пластины, изображенъ равноконечный крестикъ. Въ общемъ эти формы въ видѣ креста представляютъ родъ орнамента, заполняющаго фонъ и украшающаго одежды, являясь въ то же время христіанской эмблемой креста.

На пластинкѣ представлены три сцены, идущія въ хронологическомъ порядкѣ слѣва направо и заключающія интересныя разновидности въ сравненіи съ тѣми сценами, которыя уже однажды были описаны по поводу керченской пиксиды и эчміадзинскаго оклада Евангелія. Первая сцена представляетъ Благовѣщеніе. Богородица сидитъ на широкомъ креслѣ со спинкой, представляющемъ родъ плетенаго изъ тростника кресла; она одѣта въ верхнюю пенулу и въ нижній женскій хитонъ. Она протягиваетъ лѣвую руку къ плетеной корзинѣ съ пряжей (веретена не видно), а правую открываетъ ладонью у груди въ знакъ смиренія, а быть можетъ и внезапнаго страха, смѣшаннаго съ почтеніемъ передъ внезапно явившимся небеснымъ посланникомъ. Архангелъ Гавріилъ, только что опустившись на землю, направляется къ ней съ распущенными и еще неуспокоившимися крыльями, въ томъ движеніи, которое соотвѣтствуетъ выраженію „предсталъ“ (*ἔστη*) [2]). Онъ одѣтъ въ хитонъ и гиматій; послѣдній, охватывая его правое плечо и проходя у низа груди, покрываетъ лѣвую руку и свисаетъ съ нея внизъ. Архангелъ обращается къ Дѣвѣ, протягивая правую руку и дѣлая жестъ двуперстнаго сложенія, неловко выраженнаго грубостью рѣзьбы и обозначающаго бесѣду Ангела съ Дѣвой. Эта сцена наиболѣе подходитъ по композиціи къ той же сценѣ эчміадзинскаго диптиха, но не такъ сжата недостаткомъ мѣста, какъ послѣдняя. Любопытно то, что у Ангела нѣтъ мѣрила, какъ его нѣтъ на пиксидѣ изъ Керчи, на парижскомъ диптихѣ; на эчміадзинскомъ Ангелъ держитъ крестъ; полосу одежды, похожую на посохъ, нельзя принять за него, и отсутствіе его слѣдуетъ отнести на счетъ художественныхъ версій, изображающихъ Ангеловъ безъ мѣрилъ, какъ это часто встрѣчается въ мозаикахъ ц. S. Maria Maggiore. Отличіе отъ парижскаго и эчміадзинскаго диптиховъ состоитъ еще и въ томъ, что на нихъ нѣтъ всегда изображаемой въ этой сценѣ корзины [3]).

Слѣдующая сцена представляетъ Испытаніе Богородицы водою обли-

[1]) Іустина Мученика Апологія, въ переводѣ Преображенскаго. 1864. Москва., стр. 54.
[2]) Tischendorf, Evangelia apocrypha cap., XI: 21 стр.
[3]) Сравни Garrucci, Storia del arte crist., VI, 454.

ченія [1]). Богородица въ той же пенулѣ, какъ и въ первой сценѣ, отводя конецъ ея отъ лица, какъ на креслѣ Максиміана, на парижскомъ и эчміадзинскомъ диптихахъ, держитъ патеру съ водой, которую собирается выпить. По другую сторону виденъ жрецъ съ посохомъ, кото рый на диптихѣ собранія графа Уварова и на креслѣ Максиміана обратился къ Богородицѣ двуперстно. Унего длинная остроконечная борода и длинные волосы. Между Богородицей и жрецомъ представленъ колодецъ [2]) въ томъ видѣ, какъ онъ изображенъ на креслѣ Максиміана; но надъ колодцемъ изображена шестиконечная звѣзда, заключенная въ ободокъ. Такую звѣзду надъ Богородицей можно видѣть на одной пиксидѣ въ сценѣ поклоненія волхвовъ [3]) на диптихѣ собранія гр. Уварова въ сценѣ Благовѣщенія, [4]) и она представляетъ собою, очевидно, ту звѣзду, которая явилась волхвамъ на востокѣ, и въ данномъ случаѣ указываетъ на божественное зачатіе Богородицей младенца, ибо она является въ сценѣ, долженствующей выразить святость и чистоту Дѣвы. У колодца растутъ два небольшихъ кустика. Сцена дана кратко: ни Іосифа, ни храма, какъ на Максиміановомъ креслѣ, нѣтъ, и потому сцена относится къ роду обыкновенныхъ сокращенныхъ, какъ на парижскомъ и эчміадзинскомъ диптихахъ. Отличіе отъ послѣднихъ, а также отъ диптиха изъ собранія гр. Уварова и отъ сцены на Максиміановомъ креслѣ, состоитъ въ томъ, что жрецъ здѣсь стоитъ направо, тогда какъ на указанныхъ памятникахъ онъ всегда стоитъ налѣво. Это положеніе жреца сходится съ его положеніемъ на пиксидѣ изъ Керчи, гдѣ онъ стоитъ также направо.

За этой сценой слѣдуетъ изображеніе пальмы, столь хорошо извѣстное на памятникахъ христіанскаго искусства — на саркофагахъ, донышкахъ сосудовъ, мозаикахъ, гдѣ смыслъ ея является символическимъ. Въ данномъ мѣстѣ на пластинѣ эта пальма отдѣляетъ не одну сцену отъ другой, а двѣ сцены отъ третьей, и изображена она всего одинъ разъ, что должно быть принято въ разсчетъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ она не можетъ быть принимаема за орнаментальное украшеніе, которымъ пользуется художникъ для того, чтобы заполнить фонъ,

---

[1]) Сцена эта разобрана въ статьяхъ: „Диптихъ Эчміадзинской библіотеки“, Е. К. Рѣдина и „Три древнехристіанскіе сосуда изъ Керчи“ Д. Айналова, помѣщенныхъ въ V томѣ Записокъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за 1891 годъ.

[2]) Объ этомъ колодцѣ см. статью „Три древн. христ. сосуда изъ Керчи“, отдоттискъ, стр. 4 и 5.

[3]) Garrucci, Ibid. 437, 5.

[4]) Смотри также въ сценѣ Рождества на Максиміановомъ креслѣ, Garrucci, VI, 417, 4; въ сценѣ поклоненія волхвовъ 418, 1; на пиксидѣ изъ Вердена въ сценѣ Рождества 438, 1 и др.

или отдѣлить одну сцену отъ другой; въ послѣднемъ случаѣ онъ поступилъ бы такъ же, какъ мастеръ керченской пиксиды, который занялъ деревцомъ не только промежутки между сценами, но и между фигурами, какъ напр. въ сценѣ обличенія водой. Пальма также не находится и въ центрѣ, чтобы ее можно было считать раздѣльнымъ пунктомъ между двумя равными половинами пластины. Изо всего этого вытекаетъ, что пальма въ данномъ случаѣ представляетъ собою предметъ не орнаментальный, а иконографическій, и скорѣе всего предназначена для обозначенія пустыни, по которой идетъ въ Виѳлеемъ св. Семейство [1]).

Въ византійской миніатюрѣ такія деревья весьма часто сопровождаютъ изображеніе пейзажа въ данной сценѣ. Интересная композиція даетъ любопытныя, апокрифическія подробности. Іосифъ идетъ сзади, нѣсколько согнувшись, держа въ лѣвой рукѣ посохъ и конецъ гиматія, а правой двуперстно обращается съ разговоромъ къ Богородицѣ, которая поворачиваетъ къ нему голову, отводя конецъ пенулы. Ангелъ, держа крестъ въ лѣвой рукѣ, правой какъ бы ведетъ за уздцы осла. Въ композиціи, такимъ образомъ, имѣемъ два момента: разговоръ Іосифа и появленіе Ангела предъ приходомъ въ Виѳлеемъ. Относительно того и другого находимъ слѣдующія подробности въ Евангеліи Псевдоматѳея: „Cum ergo Ioseph et Maria irent per viam, quae ducit Bethleem, dixit Maria ad Ioseph: Duos populos video ante me, unum flentem et alium gaudentem. Cui respondit Ioseph: sede et tene te in iumento tuo et noli superflua verba loqui. Tunc apparuit puer speciosus aute eos, indutus veste splendida et dixit ad Ioseph: Quare dixisti verba superflua esse de duobus populis de quibus locuta est Maria? Populum enim Judaeorum flentem vidit, quia recessit a Deo suo, et populum gentium gaudentem, quia accessit et prope factus est ad dominum, secundum quod promisit patribus nostris Abraham, Isaac et Iacob; tempus enim advenit ut in semine Abrahae benedictio omnibus gentibus tribuatur. Et cum hoc dixisset, jussit angelus stare jumentum, quia tempus advenerit pariendi; et praecepit descendere de animali Mariam et ingredi in speluncam subterraneam, in qua lux non fuit unquam, sed semper tenebrae, quia lumen dici penitus non habebat [2]). На основаніи этого текста объясняется поза Богородицы, жестъ Іосифа, а также и та частность, что Ангелъ держитъ осла за узду: онъ приказываетъ ослу остановиться, а не ведетъ его, а это въ свою очередь означаетъ, что здѣсь представленъ послѣд

[1]) Пальмы на Брешіанской липсанотекѣ для обозначенія сада геѳсиманскаго, пол рощи, гдѣ пасется стадо, какъ это принято на саркофагахъ. см. Garrucci, Stor. dell'arte cris tav. 443, 445 и др.

[2]) *Tischendorf*, Evangelia pocrypha. Еванг. Псевдоматѳея, гл. XIII, стр. 76, 77.

ній моментъ путешествія и что далѣе должна была непремѣнно слѣдовать сцена Рождества. Эта любопытная сцена встрѣчается въ описанной композиціи довольно рѣдко и по преимуществу въ восточно-византійскомъ искусствѣ, при чемъ фигура Ангела, называемаго въ текстѣ и юношею, замѣняется иногда Іаковомъ, сыномъ Іосифа [1]). На креслѣ Максиміана въ Равеннѣ, на парижскомъ и эчміадзинскомъ диптихахъ изображеніе этой сцены идетъ по Протоевангелію, такъ какъ Іосифъ помогаетъ сойти съ осла Богородицѣ, о чемъ разсказывается въ указанномъ источникѣ. [2]). Въ немъ же разсказывается и о томъ видѣніи плачущаго и радующагося народовъ, о которыхъ Богородица разговариваетъ съ Іосифомъ. Но здѣсь Іосифъ самъ обращается къ ней съ вопросами, видя одинъ разъ печальное, другой разъ радостное лицо ея, а также опущено запрещеніе Іосифа Богородицѣ разговаривать и эпизодъ съ Ангеломъ.

Итакъ составъ сценъ на этой пластинкѣ данъ по апокрифическому Евангелію Псевдо-Матѳея и такъ какъ исторія, разсказанная этими тремя сценами заканчивается путешествіемъ въ Виѳлеемъ, то должно предполагать, что остальныя сцены, иллюстрирующія Рождество, поклоненіе волхвовъ и др., были изображены на другихъ, не уцѣлѣвшихъ частяхъ доски оклада. Въ данномъ случаѣ любопытно, что сцены, идущія слѣва направо расположены именно на нижней пластинѣ доски, а отсюда слѣдуетъ, что сцены шли снизу вверхъ. Такая послѣдовательность извѣстна на античныхъ греческихъ памятникахъ напр. на золотомъ коритѣ Императорскаго Эрмитажа, на саркофагахъ и на нѣкоторыхъ предметахъ изъ слоновой кости.

На знаменитой Брешіанской липсанотекѣ сцены изъ страстей расположены въ два ряда: въ нижнемъ изображено Взятіе Христа въ саду Геѳсиманскомъ, рядомъ отреченіе Петра; затѣмъ въ верхнемъ ряду направо Христосъ передъ Пилатомъ, налѣво предъ Анной и Каіафой [3]) и др. Такимъ образомъ пластина принадлежитъ къ немногочисленному разряду памятниковъ, дающихъ послѣдовательность сценѣ снизу вверхъ [4]).

Тѣмъ обстоятельствомъ, что сцены даны здѣсь въ хронологическомъ

---

[1]) *Fleury*, La Vierge, I. pl. XV. № 74, рук. Пар. Нац. Библ. XI вѣка; L'Evangile. t. I, pl. IX, 1, 2, 3.

[2]) *Tischendorf*, ib. Протоевангеліе, гл. XVII, 31,32 стр.

[3]) Garrucci VI: 438, 1; 447, 2, пиксиду и ящикъ изъ Вердена, и 445.

[4]) Вслѣдствіе такого расположенія сценъ не трудно видѣть, что вся доска заключала еще нѣсколько сценъ, которыя изображались вверхъ направо вслѣдъ за сценой путешествія въ Виѳлеемъ. Это могли быть по хронологической послѣдовательности: Рождество и Видѣніе звѣзды пастухами направо; налѣво уже сверху внизъ: Бѣгство въ Египетъ и Поклоненіе волхвовъ. Въ центральнымъ квадратѣ должна была быть Богородица съ Младенцемъ.

порядкѣ и что за сценами Благовѣщенія и Обличенія водою слѣдуетъ Путешествіе въ Виѳлеемъ, хорошо оправдывается предположеніе, что и на керченской пиксидѣ должна была быть эта сцена, и что слѣдовательно ни о какомъ символическомъ сопоставленіи сценъ тамъ, какъ и на описываемой таблеткѣ, не можетъ быть рѣчи. Выборъ сценъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ и имѣющихъ цѣлью указать на божественность Дѣвы и на чудесныя событія, сопровождавшія рожденія Искупителя, совершенно сходится съ тѣми сценами, которыя въ такомъ множествѣ встрѣчаются на слоновой кости, предназначавшейся для церковнаго обхода. Этотъ выборъ, слѣдующій деталямъ не каноническихъ, а апокрифическихъ Евангелій, указываетъ косвенно, какъ отнеслась церковь къ ереси Несторія и его послѣдователей; въ чудесномъ и сверхъестественномъ характерѣ событій апокрафическихъ Евангелій настаивается на божественность Дѣвы, и этотъ характеръ явственно запечатлѣнъ въ разобранныхъ сценахъ. Въ этомъ отношеніи церкви къ ересямъ коренится возможность изобрѣтенія новыхъ сценъ въ христіанскомъ искусствѣ.

Анализъ сценъ на такихъ памятникахъ, какъ Парижскій, Эчміадзинскій, Миланскій диптихи, кресло Максиміана, указываетъ, что многочисленныя сцены изъ жизни Богородицы и Христа, совершенно неизвѣстныя живописи катакомбъ и чрезвычайно рѣдкія на саркофагахъ, повторяются очень часто на указанныхъ памятникахъ и затѣмъ переходятъ въ мозаики; съ другой стороны тотъ-же анализъ показываетъ, что появленіе новыхъ сценъ идетъ не на основаніи символическихъ идей, заключенныхъ въ каждой изъ нихъ, а просто на основаніи хронологической послѣдовательности событій въ разныхъ каноническихъ и апокрифическихъ книгахъ. Символическаго значенія ни коимъ образомъ нельзя приписать ни сценѣ Благовѣщенія, ни сценѣ обличенія водою, ни путешествію въ Египетъ. Онѣ представляютъ историческую иллюстрацію къ жизни Богородицы, вызванной борьбой церкви съ ересями, не признававшими то божественности Христа, то Богородицы. Одно общее движеніе мысли, именно исканіе прообразовъ въ Ветхомъ Завѣтѣ для Новаго, давало въ это время символическія сопоставленія и прообразы, но уже не въ отдѣльныхъ сценахъ, а цѣлыхъ циклахъ сценъ, какъ бы иллюстрирующихъ книги Ветхаго и Новаго завѣтовъ, какъ это видно изъ исторіи Іосифа, Моисея, Іакова, Давида въ соотвѣтствіе съ жизнью Іисуса Христа. Въ этомъ заключается поучительная сторона историческихъ цикловъ, появившихся около V, VI вѣковъ и неизвѣстныхъ ранѣе.

Если на пиксидѣ изъ Болоньи [1]) еще нѣтъ этой хронологической послѣдовательности и завѣтный символъ Ветхаго Завѣта—Жертвопри-

[1]) Впервые приготовляется къ изданію Е. К. Рѣдинымъ.

ношеніе Исаака, еще изображено наряду съ исцѣленіями Христа, то тѣмъ важнѣе установить эту хронологическую послѣдовательность на описываемомъ памятникѣ.

Всѣ лица на описываемой таблеткѣ изображены безъ нимбовъ, что въ связи съ указаннымъ сходствомъ съ памятниками V, VI вѣка, вполнѣ опредѣляетъ время изготовленія ея. Нѣкоторая грубость работы, особенно замѣтная въ неясномъ исполненіи конечностей, глазъ и частей лица, совершенно сходная съ работой на пиксидѣ Эрмитажа съ изображеніемъ сценъ изъ жизни Іоны, а также съ характеромъ работы еще болѣе грубой на пиксидѣ, издаваемой Е. К. Рѣдинымъ, отличающейся однако большей близостью къ античному стилю по красотѣ фигуръ, ставятъ памятникъ въ опредѣленную эпоху V стол.

При грубости работы, такъ часто встрѣчаемой на памятникахъ изъ слоновой кости, все-же нельзя не признать такихъ близкихъ къ хорошимъ источникамъ въ искусствѣ частностей, какъ круглый античный овалъ лицъ, грубо, но вѣрно набросанные штрихи одеждъ, обрисовывающихъ движенія, достаточно легкія и естественныя. Видимая угловатость фигуръ не столько принадлежитъ художественному преданію, сколько грубости рѣзца, исполнявшаго спѣшную работу. Здѣсь напримѣръ еще неизмѣнно господствуетъ античное правило замѣщенія поверхности рельефа изокефалическими фигурами; ни одна фигура не отстаетъ головой отъ верхняго карниза; точно также здѣсь вполнѣ замѣтенъ пріемъ антика — раскрывать сцену вдоль плоскости фона, что уже достаточно измѣнено въ рельефахъ кресла Максиміана нагроможденіемъ фигуръ. Кромѣ того, фигуры не отличаются шириной корпуса и не грузны какъ на креслѣ Максиміана и Парижскомъ диптихѣ: эти фигуры умѣренны и скорѣе даже тонки, какъ фигуры Іосифа и жреца. Отсюда вытекаетъ, что пластика возникла на греческомъ востокѣ, тамъ, гдѣ впослѣдствіи развился византійскій стиль съ его тонкими фигурами. На это же восточное происхожденіе указываетъ и раскраска фигуръ и фона, спеціально черта восточнаго искусства. Эта любопытная раскраска заново напоминаетъ о полихроміи христіанскихъ рельефовъ. Ее можно наблюдать уже на саркофагахъ, [1]) а позднѣе и на слоновой кости, какъ показываетъ описываемый памятникъ, и какъ объ этомъ можно судить по образцамъ въ христіанскомъ музеѣ Ватикана, относимымъ къ IV вѣку и по медальону съ изображеніемъ Христа, носящему слѣды раскраски, а также по таблеткѣ IX вѣка съ раскрашенными фигурами.

Д. Айналовъ.

[1]) Swoboda, *Zur altchristlichen Marmor—Polychromie*, Röm. Quartalschrift, 1889. 2, 3. II, и Ficker, *Die altchristlichen Bildwerke im christlichen Museum des Laterans*, Lpz., 1890, стр. 91–93.

II

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ, пріобрѣтеній древностей музеями и проч. въ Россіи и за границею.

—— Ревельскія газеты заимствуютъ изъ отчета засѣданія эстляндскаго ученаго Общества нѣкоторыя выдержки доклада проф. Висковатова объ археологическихъ раскопкахъ, произведенныхъ около Іевве, въ Пюхтицѣ. Своему сообщенію профессоръ предпослалъ замѣчаніе о томъ, что въ прошлое лѣто ему пришлось пріостановить раскопки по причинѣ холерныхъ безпорядковъ. Затѣмъ референтъ предложилъ на разсмотрѣніе разные предметы, найденные имъ зарытыми въ землѣ. Пюхтица, лежащая въ 18 верст. отъ Іевве, несомнѣнно была во времена язычества мѣстомъ погребеній. Въ древнія времена, недалеко отъ этого мѣста, шла большая дорога, по которой проходили разные народы. До сихъ поръ тамъ находится такъ называемая Калевипегъ—могила. На третьемъ меньшемъ холмѣ этой „могилы“ находится старый дубъ, къ которому до сихъ поръ ѣздятъ на богомолье (кору дерева обращаютъ въ порошокъ, пьютъ съ водой и придаютъ ей цѣлебное свойство); здѣсь же находится поле, покрытое небольшими возвышеніями (на этомъ полѣ строится теперь монастырь). Эти холмики вышиною отъ 4 до 6 фут., и изъ нихъ 16 разрыты. Въ этихъ-то холмахъ и найдены разные предметы на неодинаковой глубинѣ, одни, особенно скелеты, лежатъ на глубинѣ 3—4 фут. отъ поверхности холма, другіе же гораздо глубже. Скелеты по большей части лежатъ отъ сѣверозапада къ юговостоку, но притомъ неправильно. Особенный интересъ представляютъ скелеты. На нѣкоторыхъ изъ нихъ видны слѣды одежды и разныхъ украшеній, даже цѣпи, амулеты, кольца и браслеты остались въ цѣлости. По этимъ скелетамъ, главное же по предметамъ, положеннымъ вмѣстѣ съ послѣдними въ могилу, можно судить о культурномъ развитіи народовъ, которымъ они принадлежали. Такъ, при однихъ скелетахъ найдено оружіе и масса украшеній; въ другихъ же могилахъ находятъ только лишь скелеты. Особенно обращаетъ на себя вниманіе одна могила, гдѣ найденъ на глубинѣ 2 фут. скелетъ. На шеѣ найдено въ видѣ украшенія 40 стеклянныхъ бусъ. На умершемъ былъ плащъ изъ грубой матеріи съ круглыми бляхами. Видно, что матерія шерстяная, хотя она сейчасъ же распалась и можно было собрать только маленькіе кусочки. Этотъ короткій плащъ застегивался на плечахъ двумя

булавками; на поясѣ и груди найдены остатки разнаго оружія, желѣзныхъ бляхъ и украшеній; на рукахъ браслеты и обручи, на пальцѣ— кольцо, а на груди кусокъ необработаннаго янтаря съ отверстіемъ, какъ видно амулетъ. На бедрахъ былъ поясъ, куски кожи котораго до сихъ поръ замѣтны на бляхахъ, а на ногахъ такіе же обручи, какъ на рукахъ. Въ другихъ могилахъ найдены наконечники копій, топоры, ножи, мечи, остатки лошадинаго скелета и проч. Эти предметы приписываются финнамъ и имѣютъ громадное сходство съ находками въ карельскихъ могилахъ, отлично обработанными Dr. Швиндтомъ въ Гельсингфорсѣ. Но нѣкоторыя могилы кажутся не финскаго происхожденія, а скорѣе славянскаго. Изъ описанія историковъ (напр., Карамзина въ Ист. Гос. Росс.) видно, что финское племя кареловъ уже въ XII-мъ столѣтіи находилось въ дружескихъ отношеніяхъ съ новгородскими славянами. И такъ, найденныя могилы считаютъ финскими и славянскими. Послѣднія отличаются недостаткомъ культурныхъ издѣлій, и въ нихъ по большей части находятъ только глиняные горшки. Это явленіе объясняютъ тѣмъ, что славяне, должно быть, всѣ положенные въ могилы предметы дѣлали изъ дерева, почему они и не могли сохраниться. Но окончательное разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ пока не можетъ быть сдѣлано, и раскопки, должно быть, будутъ продолжаться. (Рижск. Вѣст. № 85, 1893).

—— Рабочіе, производившіе въ Кіевѣ прокладку канализаціонныхъ трубъ по Десятинной улицѣ, наткнулись на какія-то глыбы отдѣланнаго камня, по всей вѣроятности, остатки стѣны или фундамента, идущаго какъ разъ вдоль Десятинной улицы, на протяженіи нѣсколькихъ футовъ. Часть камней вынута. Это большія обдѣланныя глыбы булыжника, хотя встрѣчаются и болѣе твердыя породы. Верхніе камни залегаютъ въ почвѣ настолько неглубоко, что можно удивляться, какъ до сихъ поръ стѣна не была открыта при перемащиваніи Десятинной улицы. Повидимому, перпендикулярно къ открытой части, по направленію къ правой сторонѣ улицы, пролегаетъ новая стѣна. Какъ извѣстно, усадьбы Десятинной церкви, князей Трубецкихъ и пр. составляли въ древности главную часть тогдашняго Кіева. Здѣсь находился дворецъ князя Владиміра, древняя Десятинная церковь и т. д. Археологамъ предстоитъ разрѣшить, представляетъ ли найденная стѣна фундаментъ древняго дворца, церкви, или просто стѣны, окружавшей великокняжескій дворъ. (Русск. Вѣд. № 162, 1893 г.).

—— Въ историко-географическомъ музеѣ елисаветградскаго реальнаго училища (херсонской губ.) къ 1 января текущаго года числилось 1687 предметовъ. Къ числу ихъ принадлежатъ вещи, добытыя изъ

кургановъ бл. селъ Кампанѣевки, Алексѣевки и Мартоношъ елисаветгр. у., какъ то: желѣзные и бронзовые наконечники стрѣлъ, желѣзные наконечники копій, желѣзная сабля, мѣдный тазикъ, глиняная амфора, глиняныя бусы и серьги изъ мѣднаго кольца съ надѣтой на немъ бусиной; изъ кургановъ бл. селъ Мироновки и Станишина александрійскаго у., а именно: бронзовые наконечники стрѣлъ и псалліи, бронзовыя чешуйчатыя пластинки съ остатками кожи, къ которой были пришиты, бусы, желѣзные наконечники копій; вещи, найденныя въ пескѣ на островѣ Каменоватомъ на Днѣпрѣ (бл. с. Лоцманской Раменки): стеклянная слезница, обломки стеклянныхъ браслетъ и колецъ, бронзовыя бляшки, пуговки, свинцовыя пломбы со значками, много черепковъ глиняной посуды съ грубымъ, но разнообразнымъ орнаментомъ; нѣсколько экземпляровъ глиняной посуды изъ Ольвіи, между прочимъ амфора съ гончарнымъ клеймомъ; коллекція желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей (большею частію украшеній), найденныхъ въ могилахъ минской губ. бывшимъ тамошнимъ губернаторомъ Касиновымъ *); кремѣ того, въ музеѣ сохраняется нѣсколько штукъ каменныхъ полированныхъ молотковъ, а также костяныхъ и кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ, найденныхъ въ херсонской и екатеринославской губ., кости, найденныя въ древнихъ могилахъ, между прочимъ обломки черепа съ слѣдами красной краски на нихъ (изъ кургана бл. с. Арсеньевки елис. у.), 2 каменныя бабы (одна изъ гранита, другая изъ гнейса); далѣе: старинныя малороссійскія кафли изъ с. Старый Кайдакъ екатеринославской губ. и пр., запорожскій поясъ, рукописная карта елисаветградской провинціи прошлаго вѣка, автографы императрицъ Елисаветы, Екатерины II, императора Александра I, колонизатора Новороссіи генерала Хорвата и пр., атласъ округовъ Новоросійскаго военнаго поселенія; изъ монетъ есть нѣсколько экземпляровъ греческихъ колоніальныхъ (мѣдныхъ) и 7 серебряныхъ-императоровъ Нервы, Марка Аврелія, Антонина Пія, Траяна, Э. Адріана и Луциллы—послѣднія изъ большаго клада, открытаго близь Новогеоргіевска александрійскаго у., разошедшагося по рукамъ и распроданнаго евреямъ. Изъ этнографическихъ предметовъ въ музеѣ имѣются образчики вышивокъ на полотенцахъ, молдаванскія нахрамы и до 400 малороссійскихъ, молдаванскихъ и болгарскихъ писанокъ, т. е. пасхальныхъ яицъ съ разнообразнѣйшими узорами.

Послѣ открытія осенью прошлаго года памятника на могилѣ извѣстнаго слависта профессора В. И. Григоровича въ Елисаветградѣ

*) Желательно было бы получить подробныя свѣдѣнія о раскопкахъ г. Касинова отъ лицъ, которыя могутъ получить ихъ на мѣстѣ. Не сохранилось ли слѣда въ оффиціальной перепискѣ?

вѣнки, возложеные на могилѣ при церемоніи открытія, поступили на храненіе въ музей реальнаго училищà; тамъ же собраны изображенія памятника, портреты Григоровича, произведенія печати о его жизни и трудахъ и объ открытіи памятника, а также нѣкоторыя статьи самого Григовича. (Сообщ. В. Н. Ястребовъ).

—— Въ библіотеку Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи недавно поступила интересная рукопись, пожертвованная В. И. Кульбицкимъ, живущимъ въ Большомъ Селѣ, Пронскаго уѣзда. Рукопись эта принадлежала одному изъ предковъ жертвователя, бывшаго дьякомъ архіерейскаго дома при митрополитѣ Стефанѣ Яворскомъ. Заглавіе ея: Догматъ ѡ с҃тѣйшей литургіи или безкровнѣй жертвѣ. Рукопись на 51 л., въ 8°, конца XVII или начала XVIII в., писана хорошимъ полууставомъ, въ современномъ кожаномъ переплетѣ, на которомъ оттиснуто: DОНМАТ 9: ОЛІТОРГІИ. На бѣломъ листѣ, передъ заглавнымъ, собственноручная надпись Стефана Яворскаго: На бл҃веніе и въ православнѣй вѣрѣ утвержденіе благородному Гд҃ну Гд҃ну Аѳанасію Ѳеѡдоровичу Кульбицкому дїаку дому архіерея Ріазанского смиренный Стефанъ митрополитъ Ріазанский и Муромский. 1722 Сентября 28. Въ с. Большомъ Селѣ сохранилась домовая церковь (въ саду), построенная въ началѣ прошлаго столѣтія. Въ церкви этой хранятся различныя древности: иконы, хоругви, книги и т. п , относящіяся ко времени Стефана Яворскаго. Изъ книгъ цѣлое собраніе старинныхъ крюковыхъ нотъ также пожертвовано г. Кульбицкимъ въ Рязанскую Ученую Архивную Коммиссію. (Сообщ. А. В. Селивановъ).

—— Настоятель рыльскаго монастыря, игуменъ Симонъ, доставилъ курской дух. семинаріи „уставъ литургіи Василія Великаго и Григорія Двоеслова“, относящійся къ 1641 году, писанный славянскимъ полууставомъ. Надо полагать, не мало хранится въ нашихъ монастырскихъ библіотекахъ подобнаго рода древностей, на что не мѣшало бы обратить вниманіе и другихъ оо. настоятелей. (Курянинъ № 82, 1893 г.).

—— Въ первомъ выпускѣ 1893 г. „Bulletin de corr. hell.“ сообщаются слѣдующія подробности о раскопкахъ въ нынѣшнемъ году французами въ Дельфахъ: Продолжая раскопки священной дороги, найденной еще въ 1882 г. Осулье (Haussoulier), на двухъ ея пунктахъ обнаружена была нижняя часть небольшаго зданія (около 10 метр.) изъ пентелійскаго мрамора, замѣчательной работы. Всѣ части зданія, необходимыя для его реставраціи, найдены въ насыпи: ступени, части пола, обломки дорическихъ колоннъ, капители, при чемъ нѣкоторыя въ пол-

ной сохранности и безъ малѣйшихъ царапинъ; многія еще сохраняютъ слѣды раскраски. Плоская и широкая форма фриза показываетъ на древнее его происхожденіе. Стиль скульптуръ, которыя украшали метопы, сохраняетъ еще архаическую строгость вмѣстѣ съ замѣчательною увѣренностью исполненія, большую смѣлость движеній и изящество, свойственныя аттическому искусству. Дѣйствительно, постройку зданія нужно приписать Аѳинянамъ, что подтверждается матеріаломъ, стилемъ и надписями, которыми были покрыты стѣны, относящимися, за малыми исключеніями, къ Аѳинянамъ.

Если прибавить, что этотъ аѳинскій памятникъ, судя по стилю и по скульптурамъ, начала V вѣка и воздвигнутъ на дорогѣ ниже портика Аѳинянъ, на краю священнаго пути, то никакого не будетъ сомнѣнія, что это сокровищница Аѳинянъ. Павсаній (X, 11, 5), не давая точныхъ указаній, однако помѣщаетъ ее выше портика Аѳинянъ. Эта сокровищница была воздвигнута, какъ извѣстно, изъ добычи Мараѳонской и въ воспоминаніе этой побѣды. Такимъ образомъ, утвержденъ одинъ пунктъ топографіи Дельфъ. Обломки скульптуръ, повидимому, принадлежатъ пяти метопамъ; наиболѣе сохранившіяся изображаютъ Аѳину, Геракла, Кентавра, сражающихся людей, животныхъ; найдено до сихъ поръ четыре головы, изъ которыхъ три въ хорошемъ состояніи. Найденныя горельефныя отдѣльныя фигуры, можетъ быть, принадлежатъ къ фронтону. До пятидесяти надписей высѣчены на различныхъ частяхъ храма и до сотни собрано вокругъ.

III

Разныя извѣстія.

—— Въ одномъ изъ засѣданій комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ, академикъ А. М. Павлиновъ сдѣлалъ сообщеніе о церкви Михаила Архангела, въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ недавно былъ открытъ подвалъ, служившій, какъ полагаютъ, мѣстомъ заточенія патріарха Гермогена. Въ XIV вѣкѣ на мѣстѣ Чудова монастыря находился ханскій дворъ. Жена хана Чанибека—Тайдула отдала его святителю Алексѣю за чудесное исцѣленіе отъ слѣпоты. Святитель Алексѣй выстроилъ тамъ церковь сначала деревянную, а потомъ и каменную. Верхъ церкви скоро обвалился; храмъ былъ разобранъ, но, вѣроятно, не весь, потому что его бѣлокаменный низъ (подвалы), какъ показалъ осмотръ,

древнѣе верхнихъ частей, сложенныхъ уже изъ кирпича. Такимъ образомъ, основаніе храма надо отнести къ XIV вѣку. Въ началѣ XVI вѣка онъ былъ возстановленъ и, по всей вѣроятности, по старымъ формамъ, такъ какъ наружный фасадъ представляетъ близкій сколокъ съ церквей владиміро-суздальскихъ. Подвалы подъ церковью — бѣлокаменные, двухэтажные, съ отдѣльными входами. Верхній подвалъ имѣетъ слабое освѣщеніе чрезъ малые оконные просвѣты, нижній же совершенно темный, и попасть въ него можно только чрезъ особое отверстіе съ помощью приставной лѣстницы. Предположеніе о томъ, что Гермогенъ былъ заключенъ въ нижнемъ новооткрытомъ подвалѣ основано на одной польской брошюрѣ, въ которой говорится, что патріархъ Гермогенъ заточенъ подъ церковью Михаила Архангела, въ Чудовомъ монастырѣ, и ему ставили туда періодически ведро воды и куль овса. При открытіи теперь этого подвала въ немъ найдены были желѣзныя вериги и нѣсколько человѣческихъ череповъ и костей. (Нов. Дня № 3550, 1893 г.).

—— По словамъ „Тер. Вѣд.“, начальникъ Терской области и наказный атаманъ утвердилъ журнальное постановленіе образованной при мѣстномъ статистическомъ комитетѣ комиссіи по вопросу объ учрежденіи въ г. Владикавказѣ терскаго областного музея. Комиссія приступила къ собиранію предметовъ для музея и средствъ, какъ на устройство для него спеціальнаго зданія, такъ и на пріобрѣтеніе, доставку и храненіе предметовъ; для этого, съ разрѣшенія начальника области, открыта подписка для сбора частныхъ пожертвованій и предполагается устройство народныхъ гуляній, спектаклей и пр. Для охраны существующихъ въ области древностей отъ разрушенія и расхищенія, комиссія ходатайствуетъ назначить особыхъ уполномоченныхъ. Всѣмъ наличнымъ древностямъ будутъ сдѣланы подробныя описи, по которымъ эти древности будутъ сданы на храненіе особымъ благонадежнымъ лицамъ. Представителямъ мѣстной администраціи будетъ поручено принять соотвѣтствующія мѣры къ тому, чтобы оградить древности отъ безцеремоннаго отношенія къ нимъ всевозможныхъ самозванныхъ археологовъ.

По поводу образованія терскаго областного музея и принятія мѣръ къ охранѣ мѣстныхъ древностей начальникъ области выразилъ увѣренность, что представители мѣстной администраціи окажутъ не только формальное содѣйствіе этому дѣлу, но и примутъ въ немъ ближайшее участіе, путемъ сбора пожертвованій, какъ предметами для музея, такъ и деньгами на расходы по устройству его. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начальникъ области увѣренъ, что выполненіе этого предпріятія вызоветъ самое глубокое сочувствіе и поддержку со стороны не только должностныхъ лицъ,

но и вообще всѣхъ образованныхъ жителей области, а при такихъ условіяхъ успѣхъ его слѣдуетъ считать обезпеченнымъ. (Сѣв. Кавказъ, № 36, 1893 г.).

—— Археологическая выставка В. С. Передольскаго обратила на себя вниманіе западно-европейскихъ ученыхъ: недавно докторъ Обстъ, директоръ лейпцигскаго „Музея народовѣдѣнія", обратился къ г. Передольскому съ предложеніемъ выставить его рѣдкостное собраніе въ „Музеѣ народовѣдѣнія" въ Лейпцигѣ, мотивируя такое предложеніе заявленіемъ, что на западѣ Европѣ съ живымъ интересомъ слѣдятъ за его крайне цѣнными въ научномъ отношеніи изысканіями и что его археологическая выставка возбуждаетъ большое вниманіе среди западно-европейскихъ археологовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ докторъ Обстъ, въ качествѣ директора названнаго музея, испрашиваетъ у г. Передольскаго согласія на избраніе его въ почетные члены своего Общества. (Нов. Вр. № 6176, 1893 г.).

—— Недавно, на пилонѣ одного храма-дворца въ Мединетъ-Абу, въ Египтѣ, прочитана любопытная надпись, заключающая хвастливое повѣствованіе Рамзеса III о его побѣдоносномъ походѣ на южную часть Палестины, во время котораго онъ завоевалъ всю Іудею и окрестности Мертваго моря. Профессоръ Оксфордскаго университета Сайсъ далъ географическое и хронологическое объясненіе этой надписи. Въ перечнѣ областей, завоеванныхъ Египтянами, надпись упоминаетъ объ области рѣки Іердана (Іордана), озера Ретфана (Мертваго моря, собственно— моря пламени или искръ) и области Салимской (Іерусалимъ). Точно также упоминается о Хевронѣ, Киріафъ-Сеферѣ и другихъ южно-іудейскихъ мѣстностяхъ. Встрѣчается названіе „Шимшана", которое Сэйсъ отожествляетъ съ Иръ-Шемешъ (городомъ солнца), упоминаемымъ въ книгѣ Іисуса Навина. Сэйсъ полагаетъ, что свой побѣдоносный походъ на Іудею Рамзесъ III совершилъ полстолѣтія спустя послѣ исхода Евреевъ изъ Египта. Въ такомъ опредѣленіи времени онъ слѣдуетъ астрономическимъ вычисленіямъ вѣнскаго ученаго Малера. Изъ этого вычисленія оказывается, что завоеваніе Іудеи и областей Мертваго моря совершено Рамзесомъ III во время Іисуса Навина или во всякомъ случаѣ немного времени спустя послѣ его смерти. Сэйсъ находитъ удивительнымъ, что ни въ книгѣ Іисуса Навина, ни въ книгѣ Судей не говорится объ этомъ временномъ подчиненіи Египтянамъ Іудеевъ и сосѣднихъ съ ними племенъ, и обнаруживаетъ явное стремленіе набросить тѣнь на достовѣрность свидѣтельствъ священныхъ книгъ. Въ журналѣ *Beweis des Glaubens* разбираются соображенія Сэйса по этому предмету. Его географическій комментарій признается весьма цѣннымъ,

но хронологическія расчисленія считаются ошибочными. Отождествленіе Рамзеса съ фараономъ, гнавшимъ Евреевъ, является весьма гадательнымъ: ни египетскіе памятники, ни Библія не даютъ достаточныхъ основаній для такого отожествленія. (Моск. Вѣд. № 146, 1893 г.).

—— Нѣсколькими оксфордскими учеными подъ руководствомъ Коценъ-Гарди организуется археологическая экспедиція въ Черногорію. Первыя раскопки предполагается произвести въ Діоклеѣ, считающейся мѣстомъ рожденія Діоклетіана, къ сѣверу отъ Подгорицы и озера Скутари. Отъ этихъ раскопокъ ожидаются весьма важные результаты для изученія исторіи. (Нов. Вр. № 6205, 1893 г.).

IV

Библіографія.

А. Н. Шварцъ. Замѣтки объ орнаментаціи саркофага, найденнаго около Анапы. Съ 2-мя фототип. табл. Москва, 1893 г. (Отт. изъ „Учен. Зап. Имп. Моск. Унив. по Истор.-Филол. отд.“).

Деревянный саркофагъ, найденный бар. В. Г. Тизенгаузеномъ въ 1882 г. на землѣ станицы Благовѣщенской, въ 10 в. отъ Анапы, былъ описанъ и изображенъ въ „Отчетѣ“ Археологической коммиссии за 1882 — 88 гг. Въ виду художественнаго значенія, которое имѣетъ богатая орнаментація саркофага, проф. Шварцъ объясняетъ значеніе рѣзанныхъ изъ дерева изображеній сценъ битвъ между Греками и варварами и Нереидъ, везущихъ доспѣхи Ахиллесу, которыми украшены стѣнки саркофага. Разсматривая подробно рѣзныя украшенія, сдѣланныя въ видѣ растительнаго орнамента и вышеупомянутыхъ фигуръ, пр. Шварцъ замѣчаетъ различіе въ отдѣлкѣ отдѣльныхъ частей, что объясняетъ въ изготовленіи ихъ различными руками. Это даетъ поводъ автору видѣть въ саркофагѣ не художественное произведеніе одного лица, а ремесленное издѣліе не одинаковаго достоинства, исполненнаго разными мастерами, чѣмъ объясняется авторомъ и безтолковое расположеніе и повторяемость однѣхъ и тѣхъ же группъ Нереидъ, везущихъ доспѣхи Ахиллесу (напр., онѣ везутъ три щита, три поножи, три шлема, а не по одному), которыя были куплены у рѣзчика деревянныхъ издѣлій и размѣщены на саркофагѣ его изготовителемъ. Сдѣланъ саркофагъ былъ не на мѣстѣ его находки, но привезенъ, что авторъ заключаетъ изъ его такъ сказать фабричнаго изготовленія. Это даетъ поводъ автору сообщить интересныя свѣдѣнія о различныхъ городахъ, на основаніи свидѣтельствъ древнихъ писателей, гдѣ особенно процвѣтало искусство рѣзьбы изъ дерева и, между прочимъ, Аѳинахъ, гдѣ, по нѣкоторымъ соображеніямъ автора, и

былъ изготовленъ анапскій саркофагъ. Авторомъ описанія саркофага въ „Отчетѣ" сказано, что нѣкоторыя, можетъ быть, изъ рѣзныхъ фигуръ Нереидъ саркофага идутъ отъ упоминаемой Плиніемъ группы Скопаса, изображавшей Нереидъ на морскихъ чудовищахъ на ряду съ Нептуномъ, Ѳемидой и Ахиллесомъ. Это предположеніе опровергается проф. Шварцемъ, главный мотивъ котораго состоитъ въ томъ, что оригиналы, съ которыхъ рѣзаны деревянныя Нереиды отнюдь не могутъ быть мраморными (Скопасъ-же работалъ, какъ кажется, исключительно изъ мрамора) и авторъ сближаетъ Нереидъ саркофага съ вазовыми рисунками и мозаиками; угловатыя формы чудовищъ напоминаютъ живописныя формы, но отнюдь не мягкія, волнистыя очертанія мраморнаго произведенія. Время изготовленія саркофага относится проф. Шварцемъ къ Александрійской эпохѣ—III-му в. до Р. Х.

А. Васильевъ. Сборникъ памятниковъ Византійской литературы. (Anecdota graeco-byzantina. Pars prior) М. 1893. LXXII+345+II, 8°.

Указанное изданіе является въ видѣ 11-го выпуска Ученыхъ Зап. Имп. Московскаго Университета (отдѣлъ историко-филологическій). Виновникъ этого изданія, одинъ изъ выдающихся воспитанниковъ словесниковъ Московскаго Университета Аѳанасій Васильевичъ Васильевъ, собравшій богатый матеріалъ по за-граничнымъ библіотекамъ въ 1884—86 г. Но ему не пришлось порадоваться выходу въ свѣтъ хотя части результатовъ своей дѣятельности: онъ скончался на Кавказѣ въ декабрѣ 1889 г., успѣвъ только обработать и отпечатать ту часть матеріала, которая помѣщена въ этой книгѣ. Обширное введеніе, написанное первоначально по-русски, но самимъ авторомъ предназначавшееся для перевода на латинскій, было напечатано, согласно его желанію, по-латыни уже послѣ его смерти. Цѣль этого перевода — дать объясненіе текстамъ, вошедшимъ въ Сборникъ, не только для русскихъ читателей, но и для западно-европейскихъ вазантологовъ. И дѣйствительно, самый составъ Сборника долженъ занять почтенное мѣсто въ ряду изданій памятниковъ византійской литературы.

Давно извѣстно, какую роль славянская литература постепенно пріобрѣтаетъ въ изученіи Византіи, насколько бываютъ важны славянскіе тексты, у насъ хорошо извѣстные и неизвѣстные на западѣ и въ византійской литературѣ для этихъ послѣднихъ.

Тѣмъ интереснѣе для русскихъ и славянскихъ ученыхъ изученіе этихъ памятниковъ, при чемъ, разумѣется, на первомъ мѣстѣ должно стоять изученіе источниковъ ихъ. Это и послужило исходной точкой покойнаго ученаго. Онъ въ первомъ выпускѣ задался цѣлію дать рядъ текстовъ—источниковъ нашей апокрифической переводной литературы, исходя, главнымъ образомъ, изъ трудовъ А. Н. Пыпина, Н. С. Тихонравова, И Я. Порфирьева и А. Н. Попова, положившихъ не мало труда для изданія и приведенія въ извѣстность текстовъ славянскихъ. Съ этой цѣлью А. В. Васильевымъ изучены были греческіе тексты библіотекъ: Московской Синодальной, Вѣнской, Италь-

янскихъ (Римъ, Флоренція, Неаполь, Венеція, Туринъ), гдѣ, дѣйствительно, ему удалось найти цѣлый рядъ важныхъ для славянскаго апокрифа текстовъ. На сколько разнообразны матеріалы, собранные Васильевымъ, можно судить хотя бы по оглавленію: сюда вошли тексты памятниковъ, часто весьма популярныхъ въ славянскихъ переводахъ и имѣющихъ за собой многовѣковую исторію, каковы: прѣніе Христа съ дьяволомъ, епистолія о недѣлѣ, какъ Христа въ попы ставили, вопросы Іакова къ Іоанну Богослову, рядъ „ложныхъ“ молитвъ, заговоровъ и т. д.

Большинство текстовъ, вошедшихъ въ сборникъ, впервые являются въ печати, другіе впервые — въ той редакціи, какая была переведена на славянскій. Достаточно указать для примѣра на т. н. „Историческую Палею“. Памятникъ этотъ весьма популярный у насъ и у юго-славянъ (См. Споліпик. Српске Академије XVI); давно было извѣстно, что онъ представляетъ переводъ съ греческаго, давно предполагался его оригиналъ въ одной вѣнской рукописи, считавшейся единственной; но ни Горскій, ни Поповъ не могли точнѣе опредѣлить отношеніе перевода къ подлиннику: у нихъ не было полнаго греческаго текста. Трудолюбивый Васильевъ не только издалъ этотъ текстъ, но розыскалъ и другіе болѣе древніе списки этого памятника [1]). Так. образ. возможно теперь только приступить въ точной постановкѣ вопроса объ исторіи перевода Палеи. Къ числу такихъ же памятниковъ принадлежитъ и „Прѣніе Панагіота съ Азимитомъ“ полемическій памфлетъ времени раздѣленія церквей, извѣстный въ древнихъ славянскихъ переводахъ (см. А. Н. Попова „Полемич. сочиненія противъ Латынянъ“) и впервые изданный по-гречески въ Сборникѣ; текстъ этотъ будетъ новостью и для византологовъ, изъ которыхъ едва-ли многіе знаютъ о существованіи подобнаго памятника [2]).

Так. образ. вышедшая книга является крупнымъ вкладомъ не только для изучающихъ славянскую древнюю литературу, но и для спеціалистовъ византологовъ.

Но это только меньшая часть того, что собрано было Васильевымъ (см. Ad lectorem, II). Судя по этому выпуску, можно надѣяться что и послѣдующіе матеріалы будутъ также интересны и важны для науки и также удачно выбраны были Васильевымъ, какъ и изданные. Поэтому, естественнѣе желать, чтобы и эти матеріалы стали доступны для ученаго міра.

М. Сперанскій.

---

[1]) Ему остались неизвѣстными только одинъ списокъ парижскій (№ 947) и мюнхенскій (№ 192), впрочемъ оба не изъ лучшихъ.

[2]) Единственный заграницей извѣстный текстъ это № 244 theol. въ Вѣнѣ изданъ Васильевымъ; второй, отрывочный, остался неизвѣстнымъ Васильеву; онъ находится въ рук. Моск. Син. библ. № 364, л. 519—533.

Gazette archéologique. 15-e Année, №№ 5—6.—1889.

Послѣдній выпускъ французской археологической газеты 1889 года появился только въ нынѣшнемъ году и, повидимому, изданіе это болѣе не возобновится. Содержаніе его составляютъ слѣдующія статьи: *Бронзовая нога изъ собранія Піо, находящаяся въ Британскомъ Музеѣ,—Э. Бабелона.* Этотъ замѣчательный обломокъ колоссальной бронзовой статуи, найденъ въ окрестностяхъ Анци, около Потенцы, крестьянами и черезъ нѣсколько рукъ попалъ въ Британскій Музей, заплатившій за него 70,500 фр.! Нога (правая) покрыта кнемидой съ рельефнымъ изображеніемъ головы Горгоны, имѣющей сходство съ такимъ же изображеніемъ, на бронзовой ручкѣ находящейся въ Эрмитажѣ (см. Отч. Арх. Комм. за 1889 стр. 30). Нѣсколько вытянутая ступня показываетъ, что нога принадлежала къ статуѣ бѣгущаго человѣка, вѣроятно атлета, изображенія которыхъ дѣлались въ древности. Судя по работѣ и стилю, нога относится авторомъ къ V в. до Р. Х. *Греческія терракотты изъ собранія Мура въ Нью-Іоркѣ,—Фрёнера.* Одна изъ статуэтокъ, называемая авторомъ морской Венерой, изображаетъ полуобнаженную женщину съ вѣеромъ въ правой рукѣ, лежащую на плывущемъ, среди морскихъ волнъ, дельфинѣ; по мнѣнію Фрёнера статуэтка сдѣлана въ эпоху Антониновъ. Другая статуэтка, напоминающая извѣстную „спящую Аріадну“, изображаетъ дѣвушку, покоющуюся на ложѣ, въ довольно манерной позѣ, головою опершуюся на верхнюю часть кисти лѣвой руки; въ ложу прислоненъ бубенъ. *Римская реплика Гермеса Праксителя, — А. Герона де Вильфосса.* Авторъ описываетъ бронзовую статуэтку изъ колл. Бюльо, очень посредственной римской работы, найденную въ 1886 г. въ Шандотръ лез-Оксонъ (Champdôtre lez-Auxonne), изображающую Меркурія съ малюткой Бахусомъ на лѣвой рукѣ; въ правой, приподнятой, рукѣ Меркурія находится виноградная кисть, такую-же кисть держитъ и Бахусъ лѣвою рукой, правая-же протянута къ кисти, которую держитъ Меркурій. Лѣвое плечо старшаго бога покрыто драпировкою; на головѣ крылатый петасъ. Статуэтка нѣсколько помята, но всѣ части ея вполнѣ сохранились. Стиль статуэтки тяжелый и выполненіе грубое, но возможно, что мотивъ ея навѣянъ знаменитою группою Праксителя, хотя съ существенными уклоненіями въ положеніи Меркурія: на римской статуэткѣ центръ тяжести въ правой ногѣ, у Праксителя Гермесъ опирается локтемъ лѣвой руки на стволъ дерева; но римская статуэтка драгоцѣнна по своимъ деталямъ, по ней несомнѣнно можно заключить, если только художникъ, дѣлавшій ее, заимствовалъ сюжетъ у Праксителя, что въ рукахъ старшаго бога, была виноградная кисть, а не какой либо другой предметъ. Другая бронзовая статуэтка, подобнаго-же сюжета, описанная въ тойже статьѣ и изображенная на прекрасной геліогравюрѣ рядомъ съ первой, находится въ Луврѣ (упомянута въ статьѣ А. Н. Шварца на стр. 109 Арх. Изв. и Зам.). Работа ея, вѣроятно греческая, несравненно лучше предыдущей во всѣхъ отношеніяхъ, но, къ сожалѣнію, правой руки у Гермеса не достаетъ; малютка Діонисъ, обращенъ, повидимому, не къ предмету, кото-

рый держитъ Гермесъ, но нѣсколько отвернулся въ сторону. Голова старшаго бога имѣетъ крылышки, которыя прикрѣплены были, очевидно, металлическою лентою, нынѣ утраченною, но бороздка, гдѣ она проходила, замѣтна; эта подробность интересна, такъ какъ позволяетъ высказать предположеніе, что можетъ быть, подобное-же украшеніе находилось и на головѣ Гермеса Праксителя. Въ остальныхъ статьяхъ, сопровождаемыхъ великолѣпными геліогравюрами, описаны: *Сцена похоронъ*, *рисунокъ Ант. Полайуло* и цѣлый рядъ предметовъ изъ колл. покойнаго Спицера, нынѣ распродающейся въ Парижѣ, между которыми представляютъ интересъ: *бронзовая циста* съ нарѣзными рисунками, изъ Пренесты; *двѣ половинки диптиха* изъ слоновой кости, VI вѣка, съ изображеніемъ Апп. Петра и Павла; *чехолъ для епископскаго посоха*, итальянской работы XIV в., великолѣпный маіоликовый *образъ Богоматери передъ Младенцемъ*, работы Луки делла Робіа и др.

Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde und für Kirchengeschichte. Siebenter Jahrgang. I—II Heft. Rom, 1893.

Римъ, по справедливому замѣчанію В. Модестова („Ученая жизнь въ Римѣ", Спб. 1892, стр. 1)—такой ученый центръ ,равнаго которому нѣтъ другаго. Въ немъ издается множество археологическихъ журналовъ, посвященныхъ изученію, изданію различныхъ памятниковъ древняго Рима, его провинцій, извѣстныхъ уже и только что открываемыхъ. Изученію, изданію памятниковъ христіанскихъ въ широкомъ смыслѣ и главнымъ образомъ древне-христіанскихъ посвященъ знаменитый журналъ Д. Б. de Росси „Bulletino di archeologia cristiana", издающійся съ 1863 г., и еще другой, заглавіе котораго мы выставили выше. Послѣдній издается де-Ваалемъ, ректоромъ коллегіума Campo-Sante, и Финке, профессоромъ исторіи. Журналъ, большая часть статей котораго принадлежитъ извѣстнымъ въ наукѣ ученымъ, даетъ богатый матеріалъ для исторіи христіанскаго искусства и иконографіи, а равно исторіи церкви, и обозрѣніе его содержанія [1]) представляетъ поэтому интересъ. Въ вышедшей за настоящій годъ книжкѣ находимъ статьи Стржиговскаго, Стевенсона, Эрхарда и др. — Стржиговскій даетъ собственно три небольшихъ замѣтки (Drei Miscellen), изъ которыхъ первая касается надписи Ѳеодосія Великаго—на золотыхъ воротахъ въ Константинополѣ [2]), извѣстной прежде по изданію C. J. L. III, 735, гдѣ источникъ ея указывался у Сирмонда, а нынѣ впервые открытый авторомъ въ 1889 г. Надпись эта гласитъ:

Haec loca Theodosius decorat post facta tyranni.

Aurea Saecla gerit qui portam construit auro.

Вторая замѣтка касается известковаго коптскаго рельефа изъ Каира, принадлежащаго собранію Голенищева въ С.-Петербургѣ. Рельефъ изображаетъ

---

[1]) Мы будемъ касаться лишь первой части, посвящаемой христіанскимъ древностямъ.

[2]) О золотыхъ воротахъ см. статью Дестуниса „Историко-топографическій очеркъ сухопутныхъ стѣнъ Константинополя" въ трудахъ VI Арх. Съѣзда, т. III, Одесса 1887, стр. 247 - 251.

хорошо извѣстный въ памятникахъ древне-христіанскаго искусства образъ Оранты-женской фигуры съ воздѣтыми вверхъ руками; надпись, сопровождающая изображеніе: *ἐν ἰρήνη ἐκυμήθη ἐν κὸ Ματρόνα, μεσόρη κθ ʼε ἰνδ*, полагаемъ, указываетъ, что въ подобныхъ изображеніяхъ нужно видѣть не всегда только душу умершаго, молящагося за живыхъ (Вильпертъ), но и извѣстное лицо, представленное предъ Богомъ въ молитвѣ [1]). Памятникъ по стилистическимъ признакамъ принадлежитъ VII—VIII в.

Третья замѣтка посвящена иконографіи Богородицы Оранты въ византійскомъ искусствѣ. Авторъ различаетъ три типа отдѣльнаго образа Богородицы: 1. Оранты безъ Младенца Христа 2) Оранты съ Младенцемъ, или Влахернитиссы и 3) Одигитріи. При богатомъ знакомствѣ автора съ памятниками можно было бы ожидать полной иконографіи этого интереснаго во многихъ отношеніяхъ образа Богородицы Оранты. Авторъ ограничился указаніемъ на то, что образъ этотъ встрѣчается въ изображеніяхъ Вознесенія Христа (древнѣйшіе примѣры—ампулы Монцы и Сирійск. Ев. Рабулы), которое дается и въ росписи куполовъ. Изъ указываемыхъ авторомъ почему-то только трехъ примѣровъ подобныхъ изображеній—въ ц. Софіи Ѳессалоникійской, ц. св. Марка въ Венеціи и св. Софіи Кіевской — послѣдній совершенно сюда не подходитъ, такъ какъ здѣсь образа Богородицы Оранты не имѣется среди 12 Апостоловъ, и онъ данъ въ конхѣ алтарной абсиды.

Поводомъ къ разсужденію о Богородицѣ Орантѣ автору послужили издаваемыя имъ, уже ранѣе извѣстныя, мозаичныя изображенія ц. Никейской, XI в., и архіепископской капеллы въ Равеннѣ (табл. XIII а). Послѣднее изображеніе, по мнѣнію автора, древнѣе XIII в.—XII в., къ которому относитъ его J. P. Richter (Die Mosaiken von Ravenna, стр. 96), но точнѣе онъ не указываетъ даты. Полагаемъ, не смотря на надпись, сообщаемую Bonamici, Metropolitana di Ravenna, Bologna 1748 — 1752, стр. X, по которой мозаика эта, находившаяся прежде въ трибунѣ Собора, исполнена въ 1112 г., что она не позже X в., въ чемъ убѣждаемся стилистическими сравненіями ея съ мозаикой ц. Софіи Кіевской.

Недоумѣніе возбуждаетъ замѣчаніе автора, что Никейскій образъ Оранты является уединеннымъ въ циклѣ церковной живописи; автору, повидимому, остается неизвѣстнымъ указываемое нами выше изображеніе въ ц. Софіи Кіевской, въ ц. Спаса Нередицкаго (близъ Новгорода), въ ц. св. Доната на о—вѣ Мурано (близъ Венеціи)—въ абсидахъ, въ соб. о—ва Торчелло — въ люнетѣ надъ дверьми, на западной стѣнѣ.

Изображенія въ живописи, полагаемъ, могутъ идти на ряду съ изображеніями въ пластикѣ, многочисленные примѣры которыхъ указаны авторомъ. Мнѣніе автора, что изображенія Богородицы Оранты безъ Младенца, отмѣчаютъ въ ней Дѣву, указываютъ на тайну рожденія, и подобно Орантамъ

---

[1]) Въ иныхъ случаяхъ Оранту возможно принимать за Богородицу, или же за олицетвореніе церкви. См. Rome Souterraine par Northcote et Brownlow, Paris 1872, p. 326—327.

древне-христіанскаго искусства—ходатаицу за умершихъ (стр. 9), при всей правдоподобности его, не обставлено никакими доказательствами, а равно не обнимаетъ вполнѣ значенія этого образа [1]). Не приведеніе его въ связь съ общей росписью храма и явилось причиной построенія гипотезы, что *пластическія* изображенія Оранты помѣщались главнымъ образомъ въ люнетѣ надъ входными дверьми церквей, посвященныхъ Богородицѣ. Какъ мы только что видѣли—на примѣрѣ цер. Торчелло и Никейской цер.—это изображеніе составляло часть общей живописной росписи церкви и помѣщеніе его въ данномъ мѣстѣ предписывалось Ерминіей (Didron, Manuel d'iconogr. chr., p. 432); *пластическое*-же изображеніе могло помѣщаться въ любой части храма, но преимущественно, повидимому, на фасадѣ.

Статья Стевенсона (11—31 стр.) посвящена открытіямъ, сдѣланнымъ при реставраціи цер. Св. Маріи in Cosmedin въ Римѣ. Объ этихъ открытіяхъ уже сообщалось въ „Археол. Извѣстіяхъ“ (№ 2, стр. 77). Авторъ статьи разсматриваетъ составныя части церкви, происходящія отъ трехъ различныхъ эпохъ и лишь бѣгло упоминаетъ объ открытой штукатуркѣ съ живописью IV в., и фрескахъ. Изъ послѣднихъ выдаются тѣ, что находятся на аркѣ большой абсиды. Въ центрѣ видна голова Христа; по сторонамъ въ первой линіи шестикрылатые херувимы, троны. Сверху по обѣимъ сторонамъ надпись: ΑΓΙΟϹ ΑΓΙΟϹ ΑΓΙΟϹ. Во второй линіи хоры Ангеловъ въ туникахъ и палліумахъ. На боковой правой стѣнѣ два бюста пророковъ, изъ которыхъ одинъ обозначенъ: HEREMIAS PROPHETA. Такимъ образомъ, судя по этимъ отрывкамъ, мы имѣемъ здѣсь часть росписи, обычной въ куполахъ византійскихъ церквей X—XII в.

Статья проф. Эрхарда (Ehrhard) излагаетъ исторію знаменитаго монастыря св. Саввы въ Палестинѣ и литературную дѣятельность его; въ концѣ даетъ перечень греческихъ рукописей его, извѣстныхъ въ различныхъ библіотекахъ Европы и хранящихся еще въ самомъ монастырѣ (стр. 52—79). По каталогу Попандопуло-Керамевсъ, на который ссылается авторъ, библіотека владѣетъ 706 рукописями, изъ которыхъ 200—старше XVI в.

Въ отдѣлѣ „Небольшихъ Извѣстій“ дано описаніе замѣчательной ризницы въ Сполато, и нѣкоторыхъ памятниковъ въ другихъ городахъ Далмаціи, какъ Трау, Зара. Кромѣ того, описаны памятники нѣкоторыхъ мѣстностей, находящихся близь Рима—Civita Castellana, Nepi, св. Иліи.

Е. Рѣдинъ.

---

[1]) См. объ немъ „Кіево-Софійскій соборъ“ въ Запискахъ Имп. Рус. Арх. Общ., т. IV, гл. VII, „Пречистая Дѣва“. Въ дополненіе къ опредѣленію этого изображенія, даннаго тамъ, какъ образа церкви земной и Заступницы предъ лицомъ Христа, отмѣтимъ спеціально изображеніе Оранты въ цер. Спаса Нередицкаго. (См. Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ Н. Покровскаго. Москва. 1890, таб. I). Здѣсь надъ головой ея изображенъ „Уготованный престолъ“, который, какъ извѣстно, имѣетъ значеніе представленія Страшнаго Суда и такимъ образомъ какъ Пречистая Дѣва и Матерь Христа (образъ котораго у нея на груди въ медальонѣ) она молится за церковь на Страшномъ Судѣ.

Bulletino. di Archeologia cristiana del commendatore Giovanni Batista de Rossi. Serie quinta. Anno III, № 1, 2. Roma. 1892.

Главный интересъ журнала въ данныхъ №№ составляетъ статья о крышкѣ Салонитскаго (въ Далмаціи) саркофага съ изображеніемъ божественнаго агнца, стоящаго на вершинѣ горы, изъ которой вытекаютъ райскія рѣки, между другихъ агнцевъ, обозначенныхъ въ надписи именами Апостоловъ. Изображеніе шести агнцевъ, данныхъ на двухъ акротеріяхъ саркофага съ латинской надписью надъ ними—именъ двѣнадцати Апостоловъ—было издано уже въ Bulletino 91 г., №№ 3 и 4 (таб. VIII) и тамъ-же было дано подробное объясненіе его (стр. 120 — 125), указывающее, между прочимъ, на то, что описываемый памятникъ, дающій имена двѣнадцати Апостоловъ—почти единственный въ своемъ родѣ: на барельефѣ цер. св. Марка въ Венеціи, VII в. надъ двѣнадцатью агнцами—надпись—ΟΙ ΑΓΙΟΙ ΑΠΟΣΤΟΛΟΙ, на фрагментѣ саркофага Кирхеріанскаго Музея (Garrucci, storia dell' arte crist., tav. 401,12) лишь IOHANIS EVAN... (Lucan)VS; болѣе подобныхъ памятниковъ съ именами надъ агнцами неизвѣстно. Общая композиція барельефа покрышки саркофага встрѣчается въ памятникахъ не ранѣе IV в. и составляетъ одинъ изъ часто встрѣчающихся сюжетовъ въ украшеніяхъ древне-христіанскихъ базиликъ и саркофаговъ—IV—V вѣка. По сторонамъ главы центральнаго агнца буквы Α и ω и слова: (e) cci ag nus (d) ei qui tollit (pec) catum seculi; надъ головой крестъ съ монограммой. Въ надписи замѣчательно слово seculi вмѣсто mundi. Этимъ словомъ въ церковной литературѣ дѣлается противоположеніе слову spiritualis, и въ христіанскихъ надписяхъ онъ отмѣчаетъ жизнь земную, настоящее время, такимъ образомъ въ pecatum saeculi—не ошибка, а употребленіе словъ, согласное съ торжественнымъ христіанскимъ языкомъ и, очевидно, есть версія, употреблявшаяся въ Далмаціи.

За этой статьей слѣдуетъ краткое изложеніе конференцій Общества Христіанской Археологіи за XVII-й годъ его существованія (1891 — 1892). Отмѣтимъ, что въ засѣданіи 13 декабря 1891 былъ докладъ о. Ванутелли о христіанскихъ памятникахъ Кіева, а въ засѣданіи 7 февр. 92 г.—докладъ де-Росси объ открытой проф. Кулаковскимъ керченской катакомбѣ [1]).

Слѣдующая статья трактуетъ о христіанскихъ памятникахъ Фидене, города, лежащаго недалеко отъ Рима (стр. 43—53). *Е. Рѣдинъ.*

Revue de l'art chrétien, publiée sous la direction d'un comité d'artistes et d'archéologues. 36-me année, V-me série, 1893, t. IV, 1 livr. Lille-Paris.

Въ книжкѣ этого журнала, богато иллюстрированнаго рисунками съ описываемыхъ памятниковъ, а равно заимствованныхъ изъ книгъ, библіографическій обзоръ которыхъ предложенъ въ ней, помѣщены статьи по различнымъ отдѣламъ христіанскаго искусства.

Статья Ю. Гельбига „Luc Fay d'Herbe etudié dans les travaux ignorés de

[1]) По недосмотру Секретаря катакомба названа Кіевской.

ses biographes" трактуетъ о малоизвѣстныхъ произведеніяхъ фламандскаго скульптора XVII в. фай-д'Эрба (стр. 1—13).

F. de Mély въ статьѣ „Du role des pierres gravées au moyen âge продолжаетъ объясненіе гравированныхъ камней, начатое Кардиналомъ Питрой въ его Spicilegium Solesm (14—24).

Въ статьѣ „Le culte des Docteurs de l'Eglise, à Rome" Barbier de Montault продолжаетъ въ алфавитномъ порядкѣ очеркъ культа отцовъ церкви въ Римѣ—на основаніи различныхъ документовъ. Описанъ культъ свв. Геларія, Ильдефонса, Иринея, Исидора, Іоанна Златоустаго, Іоанна Дамаскина (25—33).

Въ отдѣлѣ „Смѣси" продолжается каталогъ христіанскихъ лампочекъ и сосудовъ Карѳагена — въ порядкѣ сюжетовъ, и слѣдуетъ рядъ мелкихъ замѣтокъ о различныхъ памятникахъ. Въ журналѣ весьма богатъ отдѣлъ—отчетовъ о трудахъ ученыхъ обществъ (50—54) и Критико-библіографическій съ подробнѣйшимъ перечисленіемъ археологическихъ трудовъ и мелкихъ статей въ различныхъ журналахъ.

Е. Рѣдинъ.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, состоявшемся 4 мая 1893 г., были сдѣланы два сообщенія. Первое принадлежало А. С. Хаханову. Рефератъ посвященъ былъ ознакомленію съ Нинощминдскими актами на грузинскомъ языкѣ, доставленными Обществу М. П. Сабининымъ. Содержаніе этихъ актовъ, большею частью, касается пожертвованій грузинскими царями и владѣтелями имѣній со крестьянами Нинощминдской каѳедрѣ. Акты же относятся къ различнымъ эпохамъ, начиная съ конца XVII ст. и кончая началомъ XIX. Большинство дарственныхъ записей скрѣплено подписью Ираклія II и его сыновей, но есть также Ростомъ-Хана или царя Ростома и др. Подобные гуджары или акты изданы были въ I т. актовъ Кавказской археологической коммиссіи, но изъ разсмотрѣнныхъ референтомъ нѣкоторые отличаются отъ раньше изданныхъ актовъ. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія нѣкоторые, какъ, напримѣръ, актъ, по которому можно судить о численности населенія деревни Сагареджо. Дѣло въ томъ, что до настоящаго времени не имѣется данныхъ о количествѣ Грузинъ до начала русскаго владычества. Говорятъ что число Грузинъ въ лучшую эпоху династіи Багратидовъ (X—XII вѣка) не превышало двухъ милліоновъ. Но такое показаніе основано на предположеніи, а не на изученіи источниковъ. Поэтому, приходится собирать разбросанныя свѣдѣнія (изъ лѣтописей, юридическихъ актовъ и пр.) для приблизительнаго установленія статистики грузинскаго населенія до водворенія Русскихъ на Кавказѣ. Къ такимъ немногочисленнымъ источникамъ принадлежитъ вышеупомянутый актъ, сообща-

ющій свѣдѣнія о населеніи деревни Сагареджо. „Гуджаръ“ перечисляетъ фамиліи крѣпостныхъ крестьянъ названной деревни, принадлежащихъ Нинооцминдской каѳедрѣ. Въ каждой фамиліи онъ называетъ число „головъ“, то-есть душъ, причемъ „главами“ считаются только взрослые, способные нести повинности мужчины. Для образца статистики цитируемаго гуджара можно привести примѣръ: 1) Бедіашвили Іоаннъ, сынъ его Петръ, дымъ одинъ, главъ двѣ. 2) Кучіашвили Лука, дымъ одинъ, глава одинъ и пр. Слово „дымъ“ здѣсь употребляется въ смыслѣ отдѣльно живущей семьи. Такимъ образомъ перечислено 205 дымовъ, изъ которыхъ два дыма названы въ селеніи Петардзеули, а 203 дыма въ селеніи Сагареджо. Составитель „Гуджара“ вначалѣ считалъ въ каждомъ дымѣ и число „главъ“ или взрослыхъ мужскихъ душъ, но потомъ довольствуется простымъ перечисленіемъ дымовъ по именамъ старшихъ ихъ членовъ. Поэтому трудно сказать въ точности, какъ велико было населеніе Сагареджо ко времени составленія акта. Если среднимъ числомъ, какъ принято, будемъ считать въ дымѣ 5 душъ, безъ различія пола и возраста, то населеніе Сагареджо въ началѣ XVIII в. будетъ 1,015 душъ. Насколько увеличилась численность жителей въ теченіе двухъ вѣковъ можно судить изъ показанія „Кавказскаго календаря“ за 1893 г., въ которомъ населеніе Сагареджо показано въ числѣ 4,247 душъ, то-есть оно увеличилось почти вчетверо. Содержаніе другихъ актовъ, по словамъ референта, не прибавляетъ новыхъ фактовъ для освѣщенія исторіи Грузіи и большинство ихъ, какъ уже сказано выше, ранѣе были разсмотрѣны.

Второе сообщеніе принадлежало А. Е. Крымскому и касалось суфизма въ III в. гиджры. Настоящее сообщеніе было продолженіемъ сообщенія доложеннаго въ одномъ изъ предшествовавшихъ засѣданій коммиссіи [1]). По словамъ референта, когда мусульманское подвижничество (суфизмъ) проникъ въ Персію, оно тамъ нашло удобную для себя почву среди до-исламскихъ индо-персидскихъ сектантовъ. Усвоивъ арабскій суфизмъ, какъ аскетическій образъ жизни, эти сектанты не отказались отъ своихъ прежнихъ догматовъ, и такимъ образомъ, къ III в. гиджры (IX в. отъ Р. Х.) подъ ярлыкомъ „суфизмъ“ была нагромождена въ хаотическомъ безпорядкѣ цѣлая масса самыхъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ религіозныхъ элементовъ. Явилась потребность дать себѣ отчетъ въ своихъ убѣжденіяхъ, отбросить въ своемъ сознаніи случайныя черты суфизма, отвлечь существенныя и выразить суфійскую систему въ точной формулѣ. Съ приведеніемъ этого плана въ исполненіе начинаетъ сказываться разладъ въ суфійской средѣ, сказывается раздвоеніе: одна струя суфическаго теченія (преимущественно западная) видитъ въ суфизмѣ прежде всего аскетизмъ, затѣмъ невинный мистицизмъ; другая же струя (преимущественно восточная) выдвигаетъ на первый планъ теософію и въ ней-то видитъ суть суфизма. Каждая изъ этихъ двухъ вѣтвей въ то же время систематизируетъ и точнѣе опредѣляетъ свои задачи. Западная

[1]) См. Арх. Изв. и Зам. стр. 140.

вѣтвь идетъ рука объ руку съ ортодоксальною партіей, получаетъ свой голосъ въ офиціальной догматикѣ ислама, проникаетъ съ публичною проповѣдью мистицизма въ мечети, пріобрѣтаетъ всеобщее уваженіе. Восточная же вѣтвь охотно пользуется преимуществами, добытыми изъ „суфизма" первою его вѣтвію, а сама все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе уклоняется въ ересь и падаетъ въ объятія пантеизма. Переходъ аскетическаго мистицизма въ пантеизмъ мы можемъ констатировать въ концѣ III в. гиджры. Но связь западной и восточной вѣтвей суфіевъ не могла еще порваться, потому что многіе изъ пантеистовъ (въ особенности школы Джонейда) одни искренно, другіе притворно не отвергали авторитета Корана, а старались истолковать его въ пантеистическомъ смыслѣ, свое же ученіе выражали въ крайне двусмысленныхъ, туманныхъ формулахъ, которыя позволяли смѣшивать ихъ пантеизмъ съ простымъ мистицизмомъ. Съ началомъ IV в. гиджры понятія „*загидъ*" (отшельникъ, подвижникъ) и „*суфи*" получаетъ болѣе узкое значеніе — „*мистикъ*". Мистицизмъ остается связью между суфизмомъ правовѣрнымъ и неправовѣрнымъ.

---

18 марта 1893 г. происходило годовое засѣданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, состоящаго при Московскомъ Университетѣ, первое засѣданіе подъ предсѣдательствомъ недавно избраннаго новаго предсѣдателя, извѣстнаго историка и профессора В. О. Ключевскаго. Послѣдній, вступая въ исполненіе своихъ обязанностей, сказалъ въ виду этого нѣсколько словъ, о задачахъ Общества въ будущемъ и въ особенности объ изданіяхъ его. Исполняющееся ровно чрезъ 11 лѣтъ столѣтіе существованія Общества, сказалъ онъ, налагаетъ на него обязанность, чтобы 18 марта 1904 года въ засѣданіи Общества, кромѣ тѣхъ членовъ, на долю которыхъ выпадаетъ счастіе присутствовать, духомъ присутствовали и прежніе дѣятели Общества, чтобъ Общество имѣло къ тому времени исторію своей столѣтней дѣятельности. В. О Ключевскій закончилъ свою рѣчь увѣренностью что при дружныхъ работахъ всѣхъ членовъ намѣченныя имъ задачи будутъ достигнуты.

Изъ отчета объ ученой дѣятельности Общества видно было, что Обществомъ издано 11 книгъ Чтеній его, обнимающихъ болѣе 170 печатныхъ листовъ и заключающихъ какъ самые разнообразные, весьма цѣнные матеріалы, такъ и самостоятельныя изслѣдованія по различнымъ вопросамъ русской исторіи. По сообщеніи казначеемъ С. А. Бѣлокуровымъ подробнаго отчета о состояніи суммъ Общества, равно какъ и капиталовъ премій: 1) Г. Ѳ. Карпова за самостоятельныя изслѣдованія по русской исторіи (ежегодной по 500 руб.) и 2) за исторію градоначальствованія въ Москвѣ князя Д. В. Голицына (единовременная премія, нынѣ равняющаяся 2,200 руб.), былъ прочтенъ годичный отчетъ по библіотекѣ.

По прочтеніи отчетовъ дѣйствительнымъ членомъ С. А. Бѣлокуровымъ

сдѣлано было сообщеніе о весьма любопытныхъ новыхъ документахъ, найденныхъ имъ и касающихся извѣстнаго панслависта XVIII вѣка Юрія Крижанича. Въ числѣ хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ не разобранныхъ свитковъ референту удалось встрѣтить одинъ (не малаго размѣра — до 70 листковъ-столбцовъ), который заключалъ въ себѣ документы 1659—1677 гг., всѣ относящіеся къ Юрію Крижаничу—со дня его пріѣзда въ Россію по день его выѣзда изъ нея, въ томъ числѣ три его собственноручныя челобитныя (изъ коихъ одна весьма любопытна) и одно новое доселѣ неизвѣстное его сочиненіе. Руководясь находящимися въ семъ свиткѣ указаніями и намеками, С. А. Бѣлокуровъ произвелъ дополнительные розыски въ различныхъ архивахъ и библіотекахъ и нашелъ еще нѣсколько документовъ, такъ что въ настоящее время общее число листковъ-столбцовъ всѣхъ найденныхъ имъ документовъ болѣе ста. Въ виду такой многочисленности ихъ, а также и потому что его поиски новыхъ документовъ еще не окончены, референтъ въ настоящемъ засѣданіи ограничился сообщеніемъ только новыхъ данныхъ изъ періода жизни Крижанича по день пріѣзда его въ Москву, именно—данныхъ о пребываніи Крижанича въ Варшавѣ въ концѣ 1646 г. и его хлопотахъ по уничтоженію каплицы надъ гробами Шуйскихъ, объ его путешествіи въ Москву въ 1659 г. чрезъ Малороссію и о пятимѣсячномъ пребываніи его въ Нѣжинѣ у тамошняго протопопа Максима (Филимоновича). Изъ новыхъ документовъ, найденныхъ С. А. Бѣлокуровымъ, устанавливается фактъ отнынѣ безспорный, что мелкія „сочиненія“ Крижанича 1659 г. *Путно описаніе* и *Бесѣды ко Черкасомъ* никуда имъ посылаемы не были, никогда и никѣмъ не были перенимаемы, а поданы самимъ Крижаничемъ въ посольскій приказъ по пріѣздѣ въ Москву. Новое сочиненіе Крижанича, открытое С. А. Бѣлокуровымъ въ высшей степени интересно. Въ опроверженіе клеветъ, распространяемыхъ иностранцами, бывшими въ Россіи, Крижаничъ предлагаетъ написать исторію Московскаго государства и всего Словенскаго народа, при чемъ проситъ быть названнымъ „историкомъ-лѣтописцемъ царскаго величества, подъ этимъ именемъ служить“. Предлагаетъ также написать: 1) отвѣтъ противъ распространяемой Поляками клеветы что въ Московскомъ государствѣ нѣтъ никакой „вольности“, 2) царскомъ титулѣ, 3) Славянскіе грамматику и лексиконъ, а также перевести хронографъ и различныя книги — „политическія“ или говорящія о „земленачальническихъ дѣлахъ“, „дозирать“ за напечатаніемъ въ Москвѣ библіи, назначить его библіотекаремъ царской библіотеки и пр. Обѣщаніемъ сообщить въ одно изъ послѣдующихъ засѣданій Общества — о жизни Крижанича въ Москвѣ и Сибири, о возвращеніи изъ нея и выѣздѣ изъ Московскаго государства, С. А. Бѣлокуровъ закончилъ своей докладъ. (Моск. Вѣд. № 82, 1893 г.).

Въ засѣданіи Императорскаго Общества Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 24 апрѣля 1893 г. дѣйствительный членъ В. А. Уляницкій про-

читалъ рефератъ *О междукняжескихъ отношеніяхъ Московскаго государства въ XIV и XV вѣкахъ.* Поводомъ къ новому разсмотрѣнію этого вопроса послужило для референта появленіе статьи г. Карзинкина о двуименныхъ деньгахъ XV вѣка, то-есть о деньгахъ, имѣющихъ на одной сторонѣ имя Василія Темнаго, а на другой — одного изъ современныхъ ему удѣльныхъ князей. Такъ какъ, по мнѣнію г. Карзинкина, чеканка этихъ денегъ объясняется усиленіемъ политической власти московскаго великаго князя и служила переходною ступенью къ отмѣнѣ права чеканки самостоятельной монеты удѣльными князьями, то референтъ подвергнулъ вопросъ о междукняжескихъ отношеніяхъ подробному разбору и высказалъ, между прочимъ, слѣдующія основныя положенія: 1) что главнымъ ненадежнымъ матеріаломъ для сужденія о междукняжескихъ отношеніяхъ могутъ служить договорныя, а не духовныя грамоты князей, и историческіе факты; 2) что на основаніи историческихъ и юридическихъ памятниковъ можно констатировать полную независимость удѣльныхъ князей въ управленіи ихъ удѣлами; 3) что эту независимость можно прослѣдить со временъ Ивана Калиты вплоть до Ивана III и что въ частности въ великокняженіе Василія Темнаго никакихъ перемѣнъ въ отношеніяхъ между великимъ и удѣльными князьями не произошло, между прочимъ, потому, что до 1451 года великій князь Василій Васильевичъ вынужденъ былъ отстаивать свои собственныя права отъ постоянныхъ покушеній на нихъ князей удѣльныхъ; 4) что совершившіяся при немъ присоединенія удѣльныхъ княженій къ Москвѣ были мотивированы обычнымъ и вполнѣ соотвѣтствовавшимъ государственнымъ взглядамъ того времени мотивамъ, — неисправленіемъ лишенныхъ удѣла удѣльныхъ князей или же отсутствіемъ у удѣльнаго князя прямаго потомства; 5) что лишь Иванъ III устанавливаетъ полное политическое подчиненіе удѣльныхъ князей великому князю московскому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отмѣняетъ право чеканки ими монеты.

Предсѣдатель Общества профессоръ В. О. Ключевскій, соглашаясь съ положеніями референта, въ разъясненіе вопроса о связи двуименныхъ монетъ съ усиленіемъ политической власти великаго князя московскаго надъ удѣльными, замѣтилъ, что въ отношеніяхъ удѣльныхъ князей къ великому князю въ XIV и XV вѣкахъ надобно различать отношенія по службѣ и по удѣльному владѣнію. Отношенія того и другаго рода вытекали изъ различныхъ юридическихъ источниковъ, удѣльновладѣльческія изъ удѣльнаго порядка наслѣдованія, служебныя — изъ договора, и послѣднія первоначально не вліяли на первыя: удѣльный князь по договору могъ принимать на себя извѣстныя обязательства предъ великимъ, исполнять его военныя и административныя порученія, ходить въ походы по его приказу, служить его намѣстникомъ въ городѣ, могъ получать извѣстное вознагражденіе за свою службу, *кормленіе* и при этомъ оставаться независимымъ владѣльцемъ своего удѣла. Различіе тѣхъ и другихъ отношеній особенно явственно выражено въ процитованной референтомъ договорной грамотѣ 1362 года, въ которой

удѣльный князь Владиміръ обязуется служить великому князю Димитрію „безъ ослушанія по згадкѣ", по уговору, но при этомъ договаривающіеся князья обоюдно признаютъ другъ за другомъ полную независимость во внутреннемъ управленіи своими отчинами: „тобѣ знати своя отчина, а мнѣ знати своя отчина". При такомъ строгомъ раздѣленіи службы по договору и внутренняго управленія по удѣльному вотчинному праву трудно предположить, чтобы зависимость удѣльныхъ князей отъ великаго, возникавшая изъ договорныхъ служебныхъ отношеній, нашла себѣ выраженіе въ такомъ внутреннемъ правительственномъ дѣлѣ, какъ монетное клеймо, надпись на деньгѣ. Это предположить тѣмъ труднѣе, что въ эпоху, къ которой относятся разсмотрѣнныя референтомъ деньги, вовсе и незамѣтно особеннаго усиленія власти великаго князя, на что̀ совершенно вѣрно указалъ и референтъ. Позднѣе, при Іоаннѣ III, отмѣнено было и самое право удѣльныхъ князей чеканить монету; но это произошло уже тогда, когда владѣльческія отношенія удѣльныхъ князей къ великому стали въ зависимость отъ отношеній служебныхъ и самыя обязательства удѣльныхъ князей по службѣ стали обезпечивать ихъ вотчинами, какъ обезпечивается заемъ закладомъ; эта отмѣна была дѣломъ не вольнаго договора по удѣльному праву, а замѣнившей это право воли сильнѣйшаго князя, старшаго брата для однихъ князей и отца для другихъ. Въ виду того, что двуименныя монеты очень рѣдки, скорѣе можно думать, что по крайней мѣрѣ въ тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ говорилъ референтъ и которыя всѣ относятся къ первой половинѣ княженія Василія Темнаго, мы имѣемъ дѣло не съ политическимъ моментомъ изъ исторіи развитія власти великаго князя надъ удѣльными, а съ какимъ-нибудь исключительнымъ нумизматическимъ или финансовымъ случаемъ; можетъ быть появленіе такихъ монетъ было слѣдствіемъ какого-нибудь особаго договора, вызваннаго неясными для насъ фискальными соображеніями договаривавшихся князей или тогдашними условіями денежнаго обращенія, напримѣръ, намѣреніемъ облегчить обращеніе двуименной монеты во владѣніяхъ обоихъ князей, имена которыхъ на ней обозначены, или выгодами битья монеты для обоихъ княжествъ на одномъ великокняжескомъ монетномъ дворѣ съ цѣлью совмѣстнаго пользованія доходами отъ этой регаліи. Вообще надобно пересмотрѣть всѣ относящіяся къ вопросу данныя и прежде всего привести въ извѣстность уцѣлѣвшія двуименныя монеты удѣльнаго времени, чтобы вывести надежное заключеніе объ ихъ происхожденіи и значеніи. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ поблагодарить референта за постановку, данную имъ вопросу. (Моск. Вѣд. № 120, 1893 г.).

---

6 мая 1893 г. состоялось засѣданіе восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, который и доложилъ, что Н. Ѳ. Петровскій прислалъ изъ Кашгара коллекцію монетъ и новую серію санскритскихъ рукописныхъ отрывковъ. В. А.

Жуковскій прочиталъ рефератъ „Объ образцахъ персидскаго базарнаго творчества на современныя темы". Докладчикъ представилъ цѣлый рядъ пѣсенъ, слышанныхъ имъ на персидскихъ базарахъ. Пѣвцы такихъ пѣсенъ отзываются на всякаго рода злобы дня, каковы, напримѣръ, увлеченіе персовъ прибыльнымъ разведеніемъ опіума, ради котораго часто бросаются всѣ другія занятія. Дѣятельность градоначальника Тегерана, австрійскаго происхожденія, графа Монтефорте, также воспѣта въ этой поэзіи. Не мало пѣсенъ посвящено голодовкамъ, которыя въ Персіи бываютъ двухъ родовъ: отъ дѣйствительныхъ неурожаевъ и отъ искусственно создаваемой дороговизны при дѣйствующей въ Персіи откупной системѣ. Всѣ эти пѣсни въ Персіи распространяются только изустнымъ способомъ, а потому изданіе ихъ на русскомъ языкѣ закрѣпляетъ въ научной литературѣ богатый матеріалъ для характеристики быта современной Персіи и для уясненія мелкихъ подробностей ея новѣйшей исторіи. (Нов. Вр. № 6174, 1893 г.).

17-го мая, 1893 г. происходилъ актъ въ Археологическомъ Институтѣ. Въ числѣ многочисленныхъ присутствовавшихъ находился почетный гость— министръ народнаго просвѣщенія, графъ И. Д. Деляновъ.

Професоръ Н. В. Покровскій прочелъ отчетъ о дѣятельности Института за 1891—92 и 1892 — 93 учебные годы. Въ почетные члены Археологическаго Института избраны: великій князь Георгій Михаиловичъ, графиня П. С. Уварова, сенаторъ Д. А. Ровинскій, Ю. Б. Иверсенъ, А. Н. Андреевская и двое изъ жертвователей: В. Я Яковлевъ, внесшій въ фондъ Института 500 р., и М. И. Любимовъ, внесшій 2,500 р. Всѣхъ почетныхъ членовъ было 90, дѣйствительныхъ—42 и сотрудниковъ—20. Въ прошломъ году кончили курсъ въ Институтѣ гг. Изергинъ и Ретвигъ, въ нынѣшнемъ—гг. Никольскій и Гольдманъ. Въ составъ институтскаго преподаванія введены три новыхъ предмета: славяно-русская палеографія, читать которую приглашенъ професоръ А. И. Соболевскій, первобытныя древности Европы и Азіи (читаетъ проф. Н. И. Веселовскій) и древняя географія (читаетъ С. М. Серединъ). Въ настоящее время кругъ предметовъ, преподаваемыхъ въ институтѣ, шире, чѣмъ во французской Ecole des Chartes, послужившей прототипомъ института. Археологическій институтъ имѣетъ теперь въ составѣ профессоровъ представителей всѣхъ важнѣйшихъ отраслей археологіи и архивовѣдѣнія. Всѣхъ слушателей въ институтѣ было въ отчетное время 45: на первомъ курсѣ—28, на второмъ—17. Иститутъ перемѣнилъ помѣщеніе, что сократило расходы на тысячу рублей въ годъ. Сокращенію расходовъ ради того, чтобы расширить програму преподаванія, много содѣйствовало уменьшеніе числа должностныхъ лицъ по библіотекѣ и канцеляріи. Библіотека института обогатилась 1,200 томами преимущественно юридическаго и историческаго содержанія, завѣщанными покойнымъ И. Е. Андреевскимъ, и пожертвованіями графини П. С. Уваровой, сенатора Д. А. Ровинскаго и гг. Бар-

суковыхъ. Музей увеличился колекціей сосудовъ, привезенныхъ изъ Керчи въ 1891 г. графомъ А. А. Бобринскимъ, старинными монетами (вклады Императорской археологической комиссіи и А. Н. Труворова).

По предложенію А. Н. Труворова была почтена вставаніемъ память скончавшихся почетныхъ членовъ иститута: А. Д. Галахова — одного изъ первыхъ сотрудниковъ Н. В. Калачова по первоначальному устройству института, архимандрита Леонида, Ѳ. Г. Солнцева, Л. К. Ивановскаго, М. И. Семевскаго и И. Г. Харитоненко.

С. М. Середонинъ произнесъ рѣчь: „О наукѣ исторической географіи въ Россіи". Ораторъ указалъ на прошлое и будущность этой науки, которой предстоитъ внести свѣтъ въ область археологическихъ изученій. Рѣчь вызвала дружные аплодисменты.

Актъ закончился чтеніемъ привѣтственнаго адреса директору института, А. Н. Труворову, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его научной и служебной дѣятельности. Адресъ поднесли слушатели института, пожелавшіе выразить А. Н. свою благодарность за его доброжелательное и заботливое отношеніе къ нимъ и свое уваженіе къ его почтеннымъ и значительнымъ трудамъ по обработкѣ и изданію первоисточниковъ исторической науки. А. Н. Труворовъ благодарилъ слушателей. (Нов. Вр., № 6183, 1893 г.).

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности, 12-го марта 1893 г., Е. М. Гаршинъ сдѣлалъ докладъ объ иллюстраціи Космы Индикоплова. Выяснивъ вопросъ о родинѣ этого путешественника VI столѣтія и о его заслугахъ въ области топографіи, докладчикъ остановился на основномъ греческомъ иллюстрированномъ его трудѣ и указалъ, что реальная композиція его рисунковъ носитъ всѣ признаки самобытности творчества и отвѣчаетъ представленію его времени, ибо, напр., библейскіе цари являются здѣсь со всѣми признаками византійскихъ императоровъ. Переходя къ славянскому переводу „Христіанской топографіи", референтъ констатировалъ нѣкоторыя особенности въ передачѣ греческаго рисунка, свидѣтельствующія о самостоятельной переработкѣ византійскихъ художественныхъ традицій. По поводу доклада сдѣлали замѣчанія А. Ѳ. Бычковъ и И. В. Помяловскій, указавшіе на соотношеніе ватиканскаго и лаврентіанскаго кодексовъ книги Космы Индикоплова и затѣмъ на отношеніе между собою самыхъ славянскихъ списковъ топографіи. Вслѣдъ затѣмъ И. А. Шляпкинъ сдѣлалъ докладъ о рукописяхъ вологодской семинаріи, изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: Евангеліе XIII вѣка, Уставъ XIV вѣка, Стихирарь, Апостолъ и Указецъ 1584 г., любопытный по своей записи, изъ коей мы узнаемъ о новомъ игуменѣ Прилуцкаго монастыря Сергіи и о монастырскомъ библіотекарѣ Арсеніи, описателѣ книгъ, котораго референтъ называетъ отнынѣ первымъ нашимъ библіографомъ. За симъ секретарь Общества сдѣлалъ сообщеніе о двухъ житіяхъ греческихъ святыхъ—Евдокима Праведнаго и Ѳео-

дора Едесскаго, изъ коихъ первое по-гречески еще не издано. Древне-славянскій переводъ ихъ, одинъ неточный, другой—рабски исполненный, встрѣчается во множествѣ списковъ. Житіе Евдокима представляетъ мало историческихъ и біографическихъ данныхъ и уступаетъ въ этомъ отношеніи житію Ѳеодора Едесскаго. Референтъ путемъ изученія такъ называемаго Epistola ad Theophilum и особенно древнѣйшихъ ея славянскихъ списковъ опредѣлилъ совершенно точно день, мѣсяцъ и годъ вступленія св. Ѳеодора на епископскую каѳедру, а при посредствѣ другихъ изысканій опредѣлилъ приблизительно и время хожденія и кончины святителя. Наконецъ, А. П. Барсуковъ сдѣлалъ докладъ о графѣ А. Бобринскомъ (при императ. Павлѣ) и о его гербѣ, а также прочелъ неизданное письмо Державина, въ которомъ поэтъ хлопочетъ о присвоеніи своему племяннику дворянскаго званія. Секретарь Общества доложилъ о пожертвованіи Н. П. Барсуковымъ его собственноручныхъ рукописей, уже напечатанныхъ, и о поступленіи въ библіотеку Общества писемъ, рукописей и книгъ, принадлежавшихъ Ѳ. Н. Глинкѣ. Здѣсь оказывается много большею частью ненапечатанныхъ писемъ нашихъ поэтовъ: Пушкина, Жуковскаго, Кольцова, Державина, кн. Вяземскаго и пр. (Нов. Вр. № 6125, 1893 г.)

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности 19-го марта 1893 г., состоялось засѣданіе, въ которомъ Н. П. Лихачевъ сдѣлалъ сообщеніе: „Царская библіотека въ XVI столѣтіи“. Изложивъ гипотезу проф. Страсбургскаго университета Тремера о томъ, что библіотека царя Ивана Грознаго можетъ быть и до сихъ поръ хранится въ цѣлости въ подземныхъ тайникахъ Кремлевскаго Теремнаго дворца, референтъ подвергъ строгой критикѣ весь рядъ извѣстій о книжномъ собраніи великихъ князей московскихъ. Разсказъ пастора Веттермана, которому въ 1565—66 годахъ были показаны въ одномъ изъ дворцовыхъ помѣщеній какія-то иноязычныя книги, Н. П. Лихачевъ призналъ достовѣрнымъ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ пасторъ является очевидцемъ, но отвергъ варьирующееся въ разныхъ спискахъ извѣстіе о взламываніи сводовъ библіотечнаго помѣщенія. Констатировавъ странную забывчивость открывшаго извѣстіе о спискѣ рукописей царской библіотеки, такъ называемаго анонима профессора Дабелова, и отмѣтивъ въ спискѣ рядъ сомнительныхъ совпаденій, докладчикъ счелъ возможнымъ игнорировать впредь до нахожденія Дабеловской связки „Collectanea Pernaviensia“. Сопоставивъ сказанія о Максимѣ Философѣ съ документальными и лѣтописными данными, Н. П. Лихачевъ указывалъ на недостовѣрность его подробностей, на то, что самъ Максимъ Грекъ ссылается только на Толковую псалтырь „книгохранительницы“ и умалчиваетъ относительно другихъ рукописей библіотеки, о которыхъ онъ, по извѣстію сказанія, такъ восторженно отозвался. Выяснивъ затѣмъ широкое значеніе слова „казна“ въ языкѣ московскаго періода и приведя документальныя цитаты о „книгахъ

постельной казны", о „книгохранительной казнѣ" и т. д., референтъ отмѣтилъ возможность отождествлять понятія о казнѣ съ понятіемъ о библіотекѣ или архивѣ. Памятники XVI вѣка сообщаютъ, что докончальныя грамоты сохраняются въ казнѣ государевой, что списокъ съ духовной кн. Волоцкаго былъ выданъ изъ казны государя, что Судебнику и уставной грамотѣ надлежало „въ казнѣ быти" и что по просьбѣ князя Ногайскаго Тинехмата восточная рукопись „Азя-ибу-имахъ Лукатъ" („Чудеса природы"—Казвини?) сыскивалась въ царскихъ казнахъ. Н. П. Лихачевъ всѣ упомянутые документы и ящикъ „татарскихъ книгъ" указалъ въ „описи царскаго архива", отмѣтилъ совпаденіе понятій казны и архива, выяснилъ значеніе этого архива, какъ государственно-политическаго, и доказывалъ, что при каждомъ приказѣ была своя казна-архивъ. Въ виду отсутствія въ указанной описи важнѣйшихъ документовъ Разряднаго приказа и писцовыхъ книгъ, референтъ призналъ самостоятельное существованіе архивовъ разряднаго и помѣстнаго, при чемъ слѣды существованія послѣдняго изъ нихъ нашелъ въ актѣ исхода XV столѣтія. Изслѣдуя составъ „описи", Н. П. Лихачевъ пришелъ къ выводу, что такъ называемый „Царскій архивъ" находился при посольскомъ приказѣ. Вопреки мнѣнію В. О. Ключевскаго, докладчикъ доказывалъ древность посольскаго приказа и его архива, цитируя указанія на дьяковъ, живущихъ при посольскомъ дѣлѣ, и на архивные ящики въ документахъ эпохи вел. кн. Ивана III и Василія Ивановича. Въ заключеніе референтъ утрату части царской библіотеки связывалъ съ пожарами постельной палаты и постельныхъ хоромъ, случившимися до составленія „описи" „казны"—архива, а книги, видѣнныя Веттерманомъ, отождествилъ съ книгами латинскими, помянутыми въ описи царскаго архива, почему судьбу этой части царскаго книжнаго собранія и связывалъ съ судьбой всего архива, остатки котораго находятся теперь въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Продолжительный докладъ вызвалъ оживленныя пренія и сильныя возраженія со стороны В. Г. Васильевскаго, Д. Ѳ. Кобеко и П. А. Сырку, которые находили невѣроятнымъ отождествленіе царскаго архива съ царскою библіотекою, полагая, что книги „казны" представляли изъ себя дѣла дипломатическія на разныхъ языкахъ. Д. Ѳ. Кобеко высказалъ мысль, что царская библіотека скорѣе находилась бы въ рукахъ духовнаго лица, а не дьяковъ. В. Г. Васильевскій въ „латинскихъ книгахъ" архива видѣлъ переплетенные сборники документовъ на латинскомъ языкѣ (Нов. Вр. № 6131, 1893 г.).

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности 9-го апрѣля 1893 г., П. А. Сырку сдѣлалъ сообщеніе о житіи юго-славянскаго святого препод. Ромила, ученика Григорія Синаита, XIV вѣка. Въ литературѣ исихастической или аскетической оно занимаетъ видное мѣсто по простотѣ своего изложенія и довольно любопытно по своимъ бытовымъ даннымъ. Авторъ его—Григорій, который, по мнѣнію докладчика, не можетъ быть

отождествляемъ съ Григоріемъ Цамблакомъ, какъ это нѣкоторые допускали. По поводу этого сообщенія сдѣланы были замѣчанія Т. И. Филипповымъ и И. В. Помяловскимъ. Вслѣдъ затѣмъ секретарь Общества прочелъ рефератъ о книгѣ извѣстнаго византиниста Крумбахера, посвященной разбору св. Θеодосія киновіарха, и указалъ на достоинства и недостатки его работы; рефератъ вызвалъ нѣкоторыя замѣчанія со стороны П. А. Сырку. Наконецъ, секретарь Общества доложилъ о выходѣ въ свѣтъ новыхъ трудовъ Общества—изданія „Житія св. Прокопія Устюжскаго“, и памятника „Слова о святомъ патріархѣ Θеостириктѣ“ (къ вопросу о 29-мъ февраля въ древней письменности) (Нов. Вр. № 6149, 1893 г.).

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности 7-го мая 1893 г., состоялось торжественное годовое собраніе подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Изъ отчета секретаря выяснилось, что Общество продолжаетъ свою дѣятельность все въ томъ же направленіи, привлекаетъ въ свои ряды лицъ, интересующихся древне-русскою литературою, выпускаетъ въ свѣтъ изданія и памятники древней письменности, обогащается пополненіемъ своей библіотеки и составленіемъ неприкосновеннаго капитала. Почетный членъ Общества Т. И. Филипповъ прочелъ двѣ записки объ Арсеніи Мацѣевичѣ, изъ которыхъ обнаружилось, что личность ростовскаго святителя уже въ XVIII вѣкѣ покрылась ореоломъ святости и вызвала различныя чудесныя сказанія. Вслѣдъ затѣмъ секретарь Общества сообщилъ нѣсколько соображеній по поводу менологія имп. Василія, указалъ на его литературную исторію и на связь его съ минейнымъ житіемъ и нашимъ прологомъ. Рефератъ этотъ вызвалъ нѣкоторыя замѣчанія со стороны почетнаго члена Общества А. Θ. Бычкова. (Нов. Вр. № 6176, 1893 г.).

Въ засѣданіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, 2 марта 1893 г., подъ предсѣдательствомъ В. Н. Юргевича, былъ представленъ г. вице-президентомъ переводъ письма настоятеля церкви въ Alba Julia (теперешній Карлсбургъ въ Семиградіи) Доминика, протонотарія папскаго, съ донесеніемъ въ 1475 году о томъ, что Каффа взята турками и воеводы Стефанъ Молдавскій и Божорадъ Валахскій принесли присягу на вѣрность королю Венгерскому. (Подлинникъ въ письмѣ воеводскаго посланника въ Венгріи. Изданъ во II томѣ, части II, Documente privitore la istoria Romanilor Румынской Академіи и неизвѣстенъ издателямъ Atti): „Вамъ желательно знать отъ меня вкратцѣ, высокороднѣйшій посланникъ, какимъ образомъ городъ Каффа, принадлежавшій до сихъ поръ генуэзцамъ, былъ взятъ турками. Исполняя ваше желаніе, разскажу то, что я слышалъ отъ самаго Стефана воеводы Молдавскаго въ бытность у него въ посольствѣ отъ Его Величества Государя нашего Короля Матоея и проч. Этотъ государь, тро-

нутый столь внезапнымъ бѣдствіемъ и величиною угрожающей опасности, которой слѣдовало бояться по причинѣ близости мѣста, приказалъ тщательно разслѣдовать это дѣло, какъ оно происходило, ибо, какъ говорятъ соотечественники (Каффа), если плыть водою съ попутнымъ вѣтромъ, находится отъ Молдавіи на разстояніи однихъ сутокъ, если же ѣхать сушею, на разстояніи 4 или 5 дней. Причиной столь великаго несчастья была ссора между двумя старшими князьями татарскими [1]), изъ коихъ одинъ, желая царствовать и полагаясь на помощь своихъ подданныхъ, изгнавъ другаго изъ отечества, заставилъ его жить въ изгнаніи въ Каффѣ. Онъ же, видя, что съ каждымъ днемъ у него уменьшается надежда поймать врага, прибѣгнулъ къ уловкѣ и послалъ посольство къ турку, предлагая подѣлиться добычей, если тотъ захочетъ подать помощь при взятіи города, съ условіемъ, однако жъ, выраженнымъ въ особомъ договорѣ, что если удастся взять городъ, будетъ зависѣть отъ татарина завладѣть или городомъ или найденной въ немъ добычей, турокъ же долженъ довольствоваться тѣмъ, что ему уступитъ татаринъ. Турокъ, пользуясь представившимся случаемъ, отправляетъ сейчасъ готовое войско на флотѣ подъ предводительствомъ и командою паши востока [2]). Татаринъ думая, что ему прійдутъ въ помощь, придвинулъ сейчасъ и самъ свое войско къ городу. Такимъ образомъ, несчастный городъ, окруженный съ моря и съ суши, частію чрезъ измѣну своихъ гражданъ, частію оружіемъ, достался во власть турка, послѣ взятія сперва самаго города, а затѣмъ бывшей въ немъ крѣпости [3]). Турокъ, по своему старому обычаю, завладѣвъ городомъ, нарушилъ договоръ и, считая всю добычу своей, лишилъ татарина права владѣть взятымъ городомъ и взятой добычей. Люди зрѣлаго возраста, которыхъ средства и умъ подавали поводъ къ опасенію, для того, чтобы не составили какого-либо противъ него умысла, были отведены въ Константинополь, а въ Каффѣ оставленъ только простой народъ, надъ которымъ поставленъ начальникомъ съ 10 тыс. пѣхоты для защиты города, какой-то грекъ изъ Трапезунта. Татаринъ, жившій въ изгнаніи, былъ взятъ и казненъ [4]), а его голова, водруженная на пику съ двумя знаменами, богато вышитыми золотомъ, которыми пользовались (прежніе) правители города, вмѣстѣ съ 500 дѣвицами и столькими же мужчинами, которыхъ въ этой добычѣ признали выдающимися красотой и лѣтами, послали въ даръ турку и, какъ сообщилъ преподобный

---

[1]) Извѣстія, дошедшія до воеводы Стефана, перепутаны. Здѣсь, очевидно, надо думать объ Эминекѣ и Сейтакѣ, которые интриговали другъ противъ друга, желая быть ханскими намѣстниками и одинъ изъ нихъ, Эминекъ, призвалъ турокъ. Съ этимъ перепутано другое извѣстіе о Менгли-Гиреѣ, который, будучи изгнанъ братомъ Ахметъ-Гиреемъ, жилъ семь лѣтъ въ Каффѣ.

[2]) Ахмета; флотъ былъ приготовленъ противъ Кандіи.

[3]) Городъ раздѣленъ былъ на castrum, burgi, anti burgi, какъ сказано въ Уставѣ для генуэзскихъ колоній въ Черномъ морѣ 1449 года.

[4]) Сейтакъ былъ взятъ турками въ Каффѣ и казненъ.

отецъ Николай Тинскій [1]), получившій это извѣстіе отъ воеводы Валахскаго, который тогда по приказанію нашего князя былъ въ тѣхъ мѣстахъ съ подобнымъ же посольствомъ, изъ добычи этого города посланы были турку 1011 кожаныхъ мѣшковъ, полныхъ денегъ, не считая другой утвари, драгоцѣнныхъ камней и другихъ драгоцѣнныхъ вещей; каждый же мѣшокъ у этого народа обыкновенно заключаетъ 600 дукатовъ [2]). Довожу также до свѣдѣнія вашего высокородія, увѣдомляя о положеніи дѣлъ въ тѣхъ мѣстахъ, что оба князя, какъ Стефанъ Молдавскій, такъ равно и Божорадъ Валахскій, при посредничествѣ моемъ и преподобнаго отца Тинскаго, вмѣстѣ со всѣмъ краемъ принесли торжественную присягу вѣрности на всегдашнее подданство его королевскому величеству и его священной коронѣ и лично и со всѣмъ народомъ обѣихъ странъ вооружаются нынѣ для службы нашему Государю противъ турка, и мы вѣримъ, не сомнѣваясь, что изъ обѣихъ областей для настоящаго похода предпринятаго снова противъ турка, будетъ набрано 60 тыс. воиновъ въ службу его величеству. Вотъ новости, которыя сообщаемъ согласно съ вашимъ желаніемъ".

Почетный членъ общества А. Л. Бертье-Делагардъ принесъ въ даръ музею Одесскаго Общества цѣлый рядъ древнихъ предметовъ золотыхъ (ожерелья, серьги и проч.), глиняныхъ (статуэтки, лампочки и т. п.), бронзовыхъ, найденныхъ, главнымъ образомъ, въ Ольвіи и частью въ Керчи, стеклянной посуды, бусъ изъ Ольвіи, и 2 греческія надписи, одна на мраморѣ въ 18 строкъ, найденная въ Аджигёлѣ, на Бугѣ, другая въ формѣ мраморнаго блюда, 14 в. въ поперечникѣ, обдѣланное восьмиугольникомъ, съ надписью на оборотной сторонѣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΣ ΡΑΔΑΜΨΩΝΤΟΣ ΔΙΙ ΣΩΤΗΡΙ—изъ Ольвіи; затѣмъ цѣлый рядъ монетъ Херсониса, Пантикапеи, Ольвіи, частью неизданныхъ. (Извл. изъ проток. 269 засѣданія).

Некрологъ.

Въ мартѣ 1893 г. скончался молодой русскій археологъ *Германъ Германовичъ Вульфіусъ*, покойный родился въ 1865 г. и воспитывался въ спб. VII гимназіи. Окончивъ въ ней курсъ въ 1885 г. съ золотой медалью, онъ былъ принятъ въ Императорскій русскій археологическій институтъ при Лейпцигскомъ университетѣ, въ которомъ находился по 1889 г. и обратилъ на себя особое вниманіе профессоровъ, въ виду чего и былъ вторично командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія за границу, для занятій по каѳедрѣ классическій филологіи. Занимаясь въ теченіе двухъ лѣтъ, сначала въ Бер-

[1]) Tinensisi Castrum Tiniense въ Кроаціи.

[2]) По другимъ извѣстіямъ, турки взяли 25 тыс. червонцевъ выкупа за товары иностранные, половину городскаго имущества и отъ 15 до 100 аспровъ (аспръ=3 копѣйкамъ) съ каждаго жителя.

линскомъ и Боннскомъ университетахъ, а затѣмъ въ Италіи и Греціи, покойный посвятилъ себя преимущественно археологіи искусства. По возвращеніи въ Петербургъ онъ усердно принялся за магистерскую диссертацію, подъ заглавіемъ „Греческое искусство VI вѣка до Р. Х.“. Хотя этому труду и не суждено было появиться, тѣмъ не менѣе авторъ его, несмотря на свои 27 лѣтъ, успѣлъ уже составить себѣ нѣкоторое имя въ русскомъ ученомъ мірѣ тремя своими статьями: „De quintae heroidis Ovidianae fontibus“, „Александрійскіе этюды“, часть I и II и „О книгѣ Н. М. Благовѣщенскаго: Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры“. Эта статья особенно выказала обширную эрудицію и тонкій вкусъ молодаго ученаго. Въ послѣднее время покойный былъ занятъ по порученію Императорской археологической коммиссіи изслѣдованіемъ любопытнаго памятника, найденнаго въ южно-русскихъ раскопкахъ въ 1891 году, а именно терракотовой группы Ніобидъ. (Нов. Вр. № 6128, 1893 г.).

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Товарищъ Предсѣдателя *Д. Анучинъ.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ 12 разъ въ годъ и составятъ томъ въ 25 листовъ. Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою ТРИ (3) рубля въ годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Историческомъ Музеѣ, на Красной Площади, у Алексѣя Васильевича Орѣшникова ежедневно (кромѣ субботъ и праздниковъ), отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня.

2) Въ антикварной книжной торговлѣ П. П. Шибанова, Москва, Петровскія линіи.

Иногороднія подписчики благоволятъ присылать подписные ТРИ рубля исключительно на имя Московскаго Археологическаго Общества (Москва, Берсеневская набережная, у Каменнаго Моста, собств. домъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности — церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа; особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы въ Москву, въ Историческій Музей, на Красной Площади, Алексѣю Васильевичу Орѣшникову.

издаваемыя

Императорскимъ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

дѣйствительнаго члена

А. В. Орѣшникова.

№№ 7—8

МОСКВА
Товарищество типографіи А. И. Мамонтова
Леонтьевскій пер., д. Мамонтова.
1893.

№№ 7—8 1893 г.

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I

Древне-христіанская пиксида Болонскаго Музея.

Среди богатаго собранія памятниковъ рѣзьбы на слоновой кости, которыми владѣетъ городской музей Болоньи (Museo Civico), выдѣляется небольшой круглый ящичекъ, безъ дна и крышки, высоты $7^{3}/_{4}$ сантим., а въ діам. 9×10 сант. (изъ собр. Palaci, № 224). Ящичекъ этотъ—пиксида—тотъ родъ церковныхъ сосудовъ, которые служили для храненія св. Даровъ [1]). Она вся украшена христіанскими изображеніями, дѣланными довольно высокимъ рельефомъ (головы выступаютъ на 8 миллим.). Содержаніе изображеній на нашей пиксидѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію на памятникахъ того же рода: символическія, про-

[1]) Кромѣ св. Даровъ пиксиды могли содержать реликвіи, о чемъ см. у Du-Cange, Constantinop. Christ, lib. III, cap. 62; пиксида, найденная въ Римѣ съ изображеніемъ мученій св. Мины, могла содержать реликвіи этого мученика. См. Garrucci, *Storia dell'arte cristiana*, vol. VI, p. 61 и 56, и tav. 440, 3. Къ указанному назначенію пиксиды, какъ хранительницы св. Даровъ, весьма подходитъ изображеніе на одной недавно изданной Дж. Бат. де Росси Карѳагенской пиксидѣ Ливорнскаго музея; оно даетъ сцену чудеснаго увеличенія хлѣбовъ и рыбъ, столь извѣстную на памятникахъ древне-христіанскаго искусства и принимаемую согласно ученію Отцовъ церкви, какъ символъ св. Евхаристіи (Bulletino di archeologia cristiana, Serie V, Anno 2, № 2, Roma 1891, p. 50 и др., табл. IV—V).

образовательныя сцены ветхаго завѣта и главнѣйшія чудеса Христа и главнѣйшія событія изъ жизни Богородицы [2]).

На нашей пиксидѣ изображено изъ сценъ ветхаго завѣта—жертвоприношеніе Исаака, а изъ сценъ новаго завѣта: Воскрешеніе Лазаря, исцѣленіе паралитика, исцѣленіе нѣмаго и двухъ слѣпыхъ [3]). Памятникъ, описаніе и объясненіе котораго предлагаемъ далѣе, на сколько намъ извѣстно не былъ еще опубликованъ и бѣглое указаніе на него находимъ лишь у Вествуда въ перечнѣ предметовъ изъ слоновой кости, составлявшихъ часть собранія болонской Archiginnasio. (J. O. Westwood, A descriptive catalogue of the fictile ivories in the South-Kensington Museum, London 1876, p. 363). Описаніе сценъ даемъ въ порядкѣ ихъ нахожденія на памятникѣ.

Воскрешеніе Лазаря (см. рис. 16). Воскрешеніе Лазаря — одна изъ древнѣйшихъ композицій христіанскаго искусства; встрѣчается уже въ катакомбахъ (со 2-й половины II вѣка) и является затѣмъ одной изъ распространеннѣйшихъ сценъ въ скульптурѣ саркофаговъ, диптиховъ, пиксидъ, и т. д. Композиція ея весьма обычна и варьируется весьма мало: Лазарь—муміобразная фигура стоитъ въ эдикулѣ, юный Христосъ прикасается къ нему жезломъ, крестомъ или просто благословляетъ его; позади Христа одинъ или два Апостола, и у ногъ его колѣнопреклоненная сестра Мареа (напр., на Миланскомъ диптихѣ). Это сложная композиція; простая же состоитъ изъ Христа и Лазаря (напр., въ кубикулѣ св. Цециліи, Garrucci, Storia dell'arte cristiana. Prato 1859—1877 tav. 12, 2).

Композиція на нашей пиксидѣ ближе къ встрѣчающимся на саркофагахъ: юный Христосъ въ хитонѣ и гиматіи стоитъ предъ храмикомъ, въ дверяхъ котораго, образованныхъ двумя витыми колонками, стоитъ Лазарь, обвитый пеленами; Христосъ въ лѣвой рукѣ держитъ свитокъ—символъ своего ученія, а въ правой рукѣ, которую опустилъ къ ступенямъ лѣстницы гробницы, палку (virgula divina древнихъ). Изоб-

---

[2]) Такъ, на извѣстныхъ намъ пиксидахъ изъ сценъ ветхаго Завѣта встрѣчаемъ: жертвоприношеніе Авраама (Берлинская), Моисей, получающій законъ, жертвоприношеніе Авраама и Мельхиседека (Базилевскаго), три отрока въ пещи, три отрока предъ идоломъ (Вестфальская), исторія Іоны (Базилевскаго и изд. Ганномъ), и исторія Іосифа (Берлинск. и Базилевскаго). См. Garrucci, VI, 440, 1; 440, 2; 437, 1; 437, 2 и 3; 439, 5 и 6. Изъ сценъ новаго Завѣта встрѣчаются, какъ было сказано, преимущественно чудеса Христа, а на нѣкоторыхъ пиксидахъ V—VI в. и событія изъ жизни Богородицы, какъ напр.: Благовѣщеніе, бѣгство въ Виелеемъ, Рождество Христово (Миндельская, Garrucci 437, 4); Благовѣщеніе, Испытаніе водой обличенія (Керченская, см. Д. Айналова, *Три древне-христіанскіе сосуда изъ Керчи*, Спб. 1891, табл. I) и др.

[3]) Вествудъ сцену, принимаемую нами за исцѣленіе слѣпыхъ, считаетъ Воскрешеніемъ сына вдовы.

раженіе гробницы въ видѣ античнаго храмика—aedicula, не соотвѣтствуетъ разсказу Ев. Іоанна XI, 38, по которому Лазарь былъ погребенъ въ пещерѣ (σπήλαιον) [4]), и, очевидно, заимствованъ христіанскимъ художникомъ отъ античныхъ образцовъ [5]). Нельзя не отмѣтить весьма близкаго сходства нашего изображенія съ изображеніемъ на Брешіанской липсанотекѣ, гдѣ Христосъ кладетъ, однако, палку на голову Лазаря, какъ это въ большинствѣ изображеній; наше изображеніе въ этомъ случаѣ представляетъ уклоненіе, какъ и деталь—деревцо съ двумя вѣтвями у храмика. Позади Христа стоитъ, полуобернувъ голову въ его сторону, юный ученикъ, держащій правую руку подъ гиматіемъ.

Рис. 16.

Распространенность даннаго сюжета на древне-христіанскихъ памятникахъ объясняется отношеніемъ самого событія къ вѣрованіямъ древнихъ христіанъ въ воскресеніе по смерти; по ученію Тертулліана, Воскрешеніе Лазаря было—„primum resurrectionis exemplum“ (De resurr. carn. c. LII). На то же отношеніе его ко всеобщему воскресенію указываютъ и другіе свв. Отцы: Іоаннъ Златоустъ, Амвросій, Григорій Нисскій и др. [6]).

---

[4]) На одной пиксидѣ Лазарь видѣнъ у входа пещеры; дверь вырублена, повидимому, въ скалѣ (Garrucci, 439, 2).

[5]) Schultze, Archaeologische Studien über altchristliche Monumente. Wien 1880, p. 58

[6]) Martigny, Dictionnaire des antiq. chrét., p. 360.

Исцѣленіе паралитика (см. рис. 17). Тоже одна изъ распространеннѣйшихъ сценъ древне-христіанскаго искусства, особенно на золотыхъ стеклянныхъ донышкахъ. Какъ извѣстно объ разслабленномъ, который, будучи исцѣленъ Христомъ, взялъ и понесъ одръ свой, разсказывается у всѣхъ Евангелистовъ, только у Марка (II, 3 — 11) и Луки (V, 18 — 25) это произошло въ домѣ, куда больного спустили чрезъ раскрытую крышу, а у Ев. Іоанна (V, 8—10)—у Виѳезды. На древне-христіанскихъ памятникахъ изображается только моментъ ухода разслабленнаго и такимъ образомъ возможно полагать, что художники могли пользоваться не только Ев. Матѳеемъ IX, (2—7), у котораго нѣтъ

Рис. 17.

вышеуказанныхъ деталей, но и всѣми другими; отъ VI в., въ мозаикахъ ц. св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ имѣемъ изображеніе — ухода разслабленнаго съ постелью и спуска его съ крыши дома въ двухъ отдѣльныхъ сценахъ (Gar., 248, 1 и 3).

Изображеніе на нашей пиксидѣ ближе къ изображеніямъ, встрѣчаемымъ такъ часто на золотыхъ донышкахъ, гдѣ дается одинъ только, какъ и здѣсь, разслабленный, несущій постель, за спиной (Gar. 160, 1; 171, 2; 177, 3, 4), а Христосъ опускается. Такое сокращенное изображеніе чуда встрѣчается изрѣдка и на саркофагахъ среди другихъ чудесъ, совершаемыхъ Христомъ [7]), а равно на пикси-

[7]) См. на саркофагѣ Аира (Gar. 301, 3).

дахъ [8]). Замѣчательно, что на саркофагахъ исцѣленный разслабленный, какъ и другіе исцѣляемые, всегда почти изображается меньшихъ размѣровъ, чѣмъ Христосъ и Апостолы; въ этомъ, быть можетъ, можно видѣть отраженіе античнаго вліянія — возвышать фигуру божества въ сравненіи съ фигурой простаго смертнаго. Нельзя не отмѣтить способа несенія больнымъ постели. На нашей пиксидѣ больной, одѣтый въ хитонъ и гиматій, спускающійся у него на груди треугольникомъ, поддерживаетъ постель, лежащую у него вдоль всей спины за двѣ переднія ножки, которыя на плечахъ; въ этомъ наше изображеніе весьма сходно съ тѣми, что на пиксидѣ, изданной Ганномъ и Ватиканской (Gar. 438, 5 и 3)

Рис. 18.

и на Равенскомъ диптихѣ (Gar. 456), въ то время какъ на большинствѣ саркофаговъ господствуетъ два типа: или онъ несетъ держа его надъ головой [9]), или на спинѣ, держа руками за среднюю часть постели [10]).

Жертвоприношеніе Авраама (рис. 18). Также одна изъ распространеннѣйшихъ сценъ древне-христіанскаго искусства, особенно на саркофагахъ. Иконографія ея представляется довольно неустойчивой, особенно,

8) На пиксидѣ Ватикана и на изданной Ганномъ, гдѣ онъ изображенъ позади Христа, исцѣляющаго слѣпорожденнаго (Gar. 438, 3 и 5).

9) Gar. 362, 2; 375, 3; 376, 1 и др.

10) 312, 1; 313, 1; 314, 5; 318, 1, 4; 364, 1; 372, 3; 374; 376, 3. Въ одномъ случаѣ больной сидитъ на постели, а Христосъ положилъ на его голову руку (Gar. 400, 4).

если принять во вниманіе извѣстныя сцены во фрескахъ катакомбъ, гдѣ уже Авраамъ изображается то юнымъ, то старымъ. Такъ напр. весьма оригинальное и впослѣдствіи не повторяющееся изображеніе имѣемъ въ катакомбахъ Каллиста, гдѣ Авраамъ юноша стоитъ какъ Оранта, рядомъ съ нимъ Исаакъ тоже какъ Оранта; возлѣ него у дерева лежитъ вязанка хвороста и стоитъ овца, смотрящая на Исаака (Gar. 7, 4). Во фрескахъ катакомбы св. Марцеллина и Петра Авраамъ—пожилой, въ одной рубашкѣ, доходящей до колѣнъ, Исаакъ стоитъ на колѣняхъ на дровахъ; возлѣ него, однако, въ то-же время и алтарь съ огнемъ, сзади котораго агнецъ; но десницы не видно (Gar. 48, 1). Во фрескахъ катакомбы св. Агнесы и св. Присциллы Исаакъ, какъ позже въ въ миніатюрахъ Космы Индикоплова, несетъ на плечахъ вязанку дровъ; въ первой Авраамъ юноша, въ хитонѣ и гиматіѣ, заноситъ надъ нимъ ножъ, а во второй указываетъ ему на алтарь съ огнемъ (Gar. 67, 2; 77, 2). Выдающимся изъ ряда обычныхъ является изображеніе сцены на одномъ золотомъ донышкѣ, гдѣ у Исаака, стоящаго на колѣняхъ у дерева, завязаны глаза; Авраамъ—юный, положивъ одну руку на его голову, а въ другой держа ножъ, обернулся въ сторону агнца, что стоитъ у алтаря (Gar. 172, 8).

Простая схема данной сцены на саркофагахъ такова: Авраамъ, пожилой, бородатый, одѣтый въ хитонъ и гиматій [11]), или въ экзомисъ, [12]) стоитъ обернувшись въ лѣвую сторону, гдѣ видна десница Божія; въ правой приподнятой рукѣ онъ держитъ ножъ, а лѣвую кладетъ на голову нагого, или чаще одѣтаго въ короткую рубашку Исаака, обернувшагося къ нему лицомъ, или чаще спиной, за которой лежатъ его связанныя руки (Gar. 369, 4; 376, 4); кромѣ того возлѣ Исаака стоитъ часто алтарь зажженый, или не зажженый [13]), а налѣво отъ Авраама, у дерева, смотря на перваго, агнецъ; чаще же всего встрѣчаются и алтарь, и агнецъ въ указанномъ распредѣленіи, при чемъ на алтарѣ стоитъ на колѣняхъ Исаакъ [14]) — композиція, съ которой встрѣчаемся позже въ мозаикахъ ц. св. Виталія въ Равеннѣ (Gar., 262, 2). Любопытную подробность въ изображеніи сценъ въ нѣскольких случаяхъ представляетъ введеніе одной или двухъ человѣческихъ фигуръ по сторонамъ Авраама—юной, или пожилой. Въ однихъ случаяхъ однѣ изъ этихъ фигуръ дѣйствительно можно принимать за Ангела, остановив-

---

[11]) Gar., 318, 1; 322, 2; 323, 4 и др.

[12]) Gar., 310, 4; 312, 1; 312, 3; 358, 1; 359, 1; 360, 1; 364, 2; 367, 3; 369, 4; 376, 4; 384. 3.

[13]) Gar., 364, 3; 365, 1; 367, 3; 376, 3 и др.

[14]) Gar., 323, 4; 324, 3; 326, 2; 327, 4; 379, 3.

шаго жертвоприношеніе Авраама, какъ принимаетъ это Гарруччи, Фикеръ, не находя страннымъ этого плеоназма, ибо Ангелъ здѣсь является на ряду съ десницей Божіей [15]); но въ другихъ это просто фигуры, введенныя художникомъ для замѣщенія пространства, или для симметріи, какъ встрѣчаемъ напримѣръ ихъ и по сторонамъ Христа, творящаго чудеса. Такъ, на Берлинской пиксидѣ юная фигура, стоящая слѣва отъ Авраама и какъ бы бесѣдующая съ нимъ--внѣ сомнѣнія— Ангелъ, такъ какъ имѣетъ крылья (Gar. 440, 1); со значеніемъ Ангела, очевидно, даны фигуры юношей на саркофагахъ, гдѣ они схватываютъ за руку Авраама [16]). Судя по аналогіи, нужно было бы принимать за Ангела и бородатую фигуру, схватывающую Авраама за руку, но ни Гарруччи, ни Фикеръ не считаютъ этого возможнымъ; Гарруччи полагаетъ, что въ данномъ случаѣ въ ней нужно видѣть Петра, или олицетвореніе христіанскаго жречества (I, 331) [17]). Какъ лицъ, введенныхъ просто для замѣщенія пространства, симметріи мы видимъ юныя фигуры на саркофагахъ Толизскомъ (Gar. 312, 3), Латеранскомъ (358, 3), Юнія Басса (322, 2), другомъ Латеранскомъ (367, 3), на саркофагѣ изъ Арля (366, 3) и др.; ибо, если ихъ принимать за Ангеловъ, то тогда придется принимать за таковыхъ и тѣ юныя фигуры на саркофагахъ, на которыхъ онѣ представлены на ряду со схватывающими Авраама за руку (384, 3; 367, 1).

На нашей пиксидѣ жертвоприношеніе Исаака дано въ типѣ обычномъ саркофажномъ: Авраамъ пожилой, съ бородой, одѣтый въ хитонъ и гиматій, обернувшись немного въ лѣвую сторону къ десницѣ, что видна надъ деревомъ, стоящимъ сбоку отъ него, держитъ въ правой рукѣ длинный ножъ у плеча, а правую положилъ на голову нагого маленькаго Исаака; послѣдній стоитъ со связанными на спинѣ руками у алтаря, который имѣетъ видъ небольшой лѣстницы; слѣва Авраама, у его ногъ, стоитъ, смотря на него, агнецъ. Изображеніе весьма близко, какъ сказано, къ обычному саркофажному типу сюжета и отчасти съ изображеніемъ на Берлинской пиксидѣ (Gar. 440, 1).

Сцена жертвоприношенія Исаака символизовала собою, по ученію Отцовъ церкви первыхъ вѣковъ, не только страданія Хри-

---

[15]) Garrucci, *Storia* t. I, cap. Abraamo e Isaco. Ficker, *Die altchristlichen Bildwerke im Christlichen Museum des Laterans*, Leipzig 1890, p. 123, 140.

[16]) Garrucci, 314, 6; 384, 3; 367, 1, 2; 378, 3.

[17]) По мнѣнію Шульца и такую фигуру можно принимать за Ангела и онъ принимаетъ её за таковаго на указанномъ примѣрѣ, на Латеранскомъ саркофагѣ, гдѣ та стоитъ позади лица, сидящаго въ креслѣ, на одномъ римскомъ и галльскомъ саркофагѣ. По его мнѣнію бородатый типъ Ангела былъ переходнымъ къ типу юному, крылатому. Schultze, l. c., p. 150—151.

ста [18]), но и его Воскресеніе и воскресеніе вообще вѣрующаго; спасеніе Исаака, по ихъ мнѣнію, было ручательствомъ всеобщаго воскресенія. Въ такомъ смыслѣ объясняется жертва Исаака еще въ посланіи къ Евреямъ, гдѣ говорится: „Вѣрою Авраамъ будучи искушаемъ, принесъ въ жертву Исаака, и имѣя обѣтованіе, принесъ единороднаго... Ибо онъ думалъ, что Богъ силенъ и изъ мертвыхъ воскресить“ (XI, 17—19); а затѣмъ въ примѣненіи ко всѣмъ людямъ у свв. Отцевъ: Оригена (In gen. c. 11; hom. 8), Епифанія, Іоанна Златоуста (Homil. 25 in epist. ad Ebr.), Евхерія (lib. 2 in genes), Ѳеофилакта и др. [19]).

Рис. 19.

Исцѣленіе нѣмаго (рис. 19), такъ мы называемъ слѣдующую сцену, представляющую юнаго Христа, одѣтаго въ хитонъ и гиматій, держащаго въ лѣвой рукѣ жезлъ, а пальцемъ правой прикасающагося рта юноши; послѣдній, одѣтый въ хитонъ и гиматій, правую руку выдви-

---

[18]) Тертулліанъ, *Adv. Marc.* c. 18, говоритъ: Itque in primis Isaac quum a Patre hostia duceretur et lignum ipse sibi portaret, Christi exitum iam tum denotabat, in victimam concessus, a Patre. (Bosio, Roma Sotteranea, Roma 1632, p. 607 и Кондаковъ, *Исторія виз. иск.*, 94). Ѳеофилактъ, In Io, c. 8: „Sicut enim ille Isaac ligna, ita Dominus crucem portavit“. Въ такомъ-же смыслѣ толкуютъ св. Кириллъ Алекс., Исидоръ, Іеронимъ, Амвросій и др. См. у Бозіо, ibid, p. 607, и у Гарруччи, Storia, I, 329. Блаж. Августинъ въ соч., „о градѣ Божіемъ“, кн. 16, гл. 32: „потому-то какъ Господь свой крестъ, такъ Исаакъ самъ несъ для себя на мѣсто жертвоприношенія дрова, на которыя имѣлъ быть возложенный“ (твор. Блаж. Августина, изд. Кіевск. Дух. Акад., гл. 5, стр. 198).

[19]) Bosio, l. c., p. 608 и Schultze, l. c., p. 93–94.

нулъ впередъ и почти прикасается ею ногъ Христа, а лѣвую держитъ у груди. Позади Христа стоитъ юноша, вѣроятно, Апостолъ. Объ исцѣленіи нѣмаго и въ то же время бѣсноватаго разсказывается у Ев. Матѳея (IX, 32—33) [20]) и Ев. Луки (XI, 14), но изображенія этого чуда, на сколько извѣстно, не встрѣчалось на древне-христіанскихъ памятникахъ, по крайней мѣрѣ выраженнаго такимъ нагляднымъ образомъ — прикосновеніемъ ко рту. Но о чудѣ этомъ, наряду съ другими чудесами, служащими доказательствомъ божества Христа и его силы въ воскрешеніе мертвыхъ, упоминаютъ свв. Отцы, какъ, напр., Іустинъ мученикъ [21]), и потому неудивительно, если мы встрѣчаемъ эту сцену на описываемой пиксидѣ.

Рис. 20.

Исцѣленіе двухъ слѣпыхъ (рис. 20). Эту сцену мы полагаемъ возможнымъ видѣть въ слѣдующихъ изображеніяхъ [22]): юноша въ хитонѣ и гиматіи, представляющій, очевидно, слѣпца, опирается рукой на плечо женщины, данной ростомъ ниже его и обработанной лучше всѣхъ другихъ фигуръ; одну руку она держитъ у груди, а другой поддерживаетъ конецъ гиматія, который красиво обходитъ у нея по спинѣ поверхъ

[20]) У него же, XII, 22 разсказывается объ исцѣленіи нѣмаго и въ то же время слѣпаго.

[21]) Iust. M. Dial. c. Tryph. c. 69; ed. Otto, Jenae 1848, p. 241. *Χριστὸς ὃς καὶ ἐν τῷ γένει ὑμῶν πέφανται καὶ τοὺς ἐκ γενετῆς καὶ κατὰ τὴν σάρκα πηρούς, καὶ κωφοὺς καὶ* ***χωλοὺς*** *ἰάσατο*. Cp. Schultze, l. c., p. 16.

[22]) Вествудъ принимаетъ эту сцену за Воскрешеніе сына вдовы (Fict. ivor. стр. 363).

хитона. Женщина эта, очевидно, подводитъ его къ юному Христу, отдѣленному отъ нея лишь небольшимъ деревцомъ и творящему чудо надъ другимъ слѣпымъ. Христосъ—съ прекраснымъ продолговатымъ лицемъ, съ тонкимъ подбородкомъ, въ хитонѣ и гиматіи, переброшенномъ черезъ лѣвое плечо, обернулся въ сторону женщины и, имѣя въ лѣвой рукѣ свитокъ, держитъ протянутой правой жезлъ на головѣ другаго слѣпца, который смотритъ почти en face, склонивъ, однако, голову немного въ сторону Христа; гиматій, одѣтый у него поверхъ хитона, спускается на грудь въ видѣ треугольника, и лѣвой рукой онъ поддерживаетъ эту часть гиматія, а правую опустилъ внизъ; между нимъ и Христомъ стоитъ юный Апостолъ, повернувшій голову въ сторону Христа; у Апостола только голова сдѣлана барельефомъ, а одежды намѣчены рѣзцомъ.

Исцѣленіе одного слѣпаго, по разсказу Ев. Марка (VIII, 22—23) и Ев. Іоанна (IX, 1—8), одинъ изъ распространеннѣйшихъ сюжетовъ на христіанскихъ саркофагахъ и повторяется здѣсь въ простой, однообразной формѣ: слѣпой, обыкновенно мальчикъ, въ короткой туникѣ, стоитъ передъ Христомъ, который или касается пальцемъ одной руки его глазъ (Латер. № 135), а другой придерживая голову (Л. № 191), или прикрывая его два глаза (Л. № 193), или прикрывая лобъ (Л. № 55), или же положивъ её на голову (Л. № 125).

Исцѣленіе же двухъ слѣпыхъ встрѣчается весьма рѣдко на памятникахъ древне-христіанскаго искусства и при томъ въ иной композиціи, чѣмъ на нашей пиксидѣ. Такъ, въ единственномъ примѣрѣ на саркофагахъ, на одномъ Латеранскаго музея, оба слѣпыхъ—мальчики: передній съ посохомъ, задній опирается рукою на его плечо; Христосъ, исцѣляя, положилъ руку на голову перваго мальчика (Gar. 314, 5). На Миланскомъ диптихѣ два слѣпыхъ юныхъ, опираясь на посохи, стоятъ одинъ возлѣ другаго подъ портикомъ; Христосъ благословляетъ ихъ; сзади него Апостолъ (Gar. 455) [23]. Сравнительно съ указанными памятниками композиція сценъ на пиксидѣ является такимъ образомъ осложненной и вмѣстѣ съ тѣмъ единственной, такъ какъ въ послѣдующихъ памятникахъ въ такомъ видѣ не встрѣчается.

При разборѣ нѣкоторыхъ изъ вышеописанныхъ сценъ (Воскрешеніе Лазаря, Жертвоприношеніе Исаака) мы указывали на тотъ интересъ, какой представляли онѣ для древнихъ христіанъ. То же самое можно указать и для другихъ памятниковъ древне-христіанскаго искусства. Чу-

---

23) Въ болѣе позднихъ памятникахъ, VI в., въ мозаикахъ ц. св. Аполинарія Новаго въ Равеннѣ—оба слѣпыхъ—мужчины, первый съ посохомъ, второй стоитъ позади него, Христосъ прикасается къ глазамъ перваго (Gar. 249, 4).

десами прообразовательными ветхаго завѣта и главнѣйшими чудесами Христа доказывались божественность, могущество Христа, его святое посланничество въ міръ: они выдвигались свв. Отцами первыхъ вѣковъ для этой цѣли въ виду различныхъ ересей, съ которыми пришлось вести борьбу церкви, и они-же служили имъ лучшимъ доказательствомъ главнѣйшей надежды, вѣры первыхъ христіанъ, въ воскрешеніе ихъ Христомъ по смерти. И искусство, выдвигаемое этимъ ученіемъ, вѣрованіями, естественно изображало эти же самыя чудеса, тѣ событія, которыя были для нихъ такъ понятны, дороги. Лучшей иллюстраціей сказаннаго, а равно изображеній на описываемой пиксидѣ и на другихъ древне-христіанскихъ памятникахъ, можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ „Постановленій Апостольскихъ“ — памятника, относимаго къ III вѣку: „*Кто и Лазаря воскресилъ на четвертый день*, и дочь Іаира, и сына вдовы, и самого себя, по приказанію отца пробудилъ на третій день, тотъ упованіе нашего воскресенія; кто вывелъ Іону живымъ и не пострадавшимъ на третій день изъ чрева кита и трехъ юношей изъ пещи Вавилонской, и Даніила изъ пасти львовъ, у того будетъ могущество и насъ пробудить. *Кто паралитика здравымъ сотворилъ* и мужа съ иссохшей рукой исцѣлилъ и *слѣпому отъ рожденія* возвратилъ недостававшее зрѣніе отъ праха и слюны, тотъ и насъ воскреситъ. Кто пятью хлѣбами и двумя рыбами пять тысячъ человѣкъ насытилъ съ остаткомъ въ двѣнадцать корзинъ и претворилъ воду въ вино и изъ тѣла рыбы статеръ чрезъ Петра отдалъ требовавшимъ подати, тотъ и насъ воскреситъ изъ мертвыхъ [24])“.

Изображенія на описываемой пиксидѣ дѣланы довольно грубо и небрежно; одежда высѣкается лучше, чѣмъ лица; но высокій рельефъ головы и свободныя движенія, равнымъ образомъ какъ и красота фигуръ, сквозящая сквозь грубое исполненіе, приближаютъ памятникъ по стилю къ Берлинской пиксидѣ. Всѣ композиціи даны въ художественномъ замыслѣ, т. е. часто недостатокъ мѣста обойденъ только указаніемъ, что фигура принадлежитъ извѣстной композиціи; напримѣръ, по-

---

[24]) „*Ὁ καὶ Λάζαρον ἀναστήσας τετραήμερον καὶ τὴν θυγατέρα Ἰαείρου καὶ τὸν υἱὸν τῆς χήρας καὶ ἑαυτὸν προστάγματι τοῦ πατρὸς διὰ τριῶν ἡμέρων ἀνεγείρας, ὁ ἀρραβῶν τῆς ἀναστάσεως ἡμῶν, ὁ τὸν Ἰωνᾶν διὰ τριῶν ἡμερῶν ξῶντα καὶ ἀπαθῆ ἐξαγαγὼν ἐκ τῆς κοιλίας τοῦ κήτους καὶ τοὺς τρεῖς παῖδας ἐκ καμίνου Βαβυλωνίας καὶ τὸν Δανιὴλ ἐκ στόματος λεόντων οὐκ ἀπορήσει δυνάμεως καὶ ἡμᾶς ἀνεγεῖραι.—Ὁ τὸν παραλυτικὸν σῶον ἀνεγείρας καὶ τὸν ἐξηραμένην ἔχοντα τὴν χεῖρα ἰασάμενος καὶ τὸ λεῖπον μέρος ἐν τῷ ἐκ γενετῆς πηρῷ ἐκ γῆς καὶ σιέλου ἀποδοὺς, ὁ αὐτὸς καὶ ἡμᾶς ἀνεγερεῖ· ὁ ἐκ πέντε ἄρτων καὶ δύω ἰχθύων πεντακισχιλίους κορέσας καὶ περισσεύσας δώδεκα κοφίνους καὶ ἐξ ὕδατος οἶνον μεταποιήσας καὶ ἐκ στόματος ἰχθύος στατῆρα δι᾽ ἐμοῦ πέτρου τοῖς ἀπαιτοῦσι κῆνσον ἀποστείλας, ὁ αὐτος καὶ τοὺς νεκροὺς ἀνεγερεῖ*“. (Const. apost., lib. V, 7, p. 133; 137, ed. Lagarde). Ср. у Schultze, l. c., 17—18.

воротъ головы паралитика указываетъ на его отношеніе къ Христу въ сценѣ воскрешенія Лазаря; такой же поворотъ головы Христа въ сторону слѣпаго, подводимаго къ нему съ лѣвой стороны, указываетъ на отношеніе этихъ двухъ фигуръ къ самому исцѣленію. Для обозначенія поля художникъ даетъ деревцо, замѣщающее и оставшійся промежутокъ, и кромѣ того, всѣ фигуры даетъ по извѣстному правилу изокефализма. Интересно, что типъ Христа не вездѣ одинаково сдѣланъ; въ сценѣ исцѣленія нѣмаго у него лицо довольно широко, подбородокъ косой, ротъ сдѣланъ двумя штрихами, волосы клочьями; въ сценѣ исцѣленія слѣпаго оно у него иное, обработанное съ большей старательностью и изяществомъ: продолговатое, съ тонкимъ подбородкомъ, ртомъ, сдѣланнымъ двумя тонкими линіями; въ Воскрешеніи Лазаря лицо приближается къ тому, что въ первой сценѣ.

Памятникъ можетъ принадлежать концу IV, началу V вѣка.

Е. Рѣдинъ.

II

Одинъ изъ типовъ Христа въ мозаикахъ церкви св. Констанцы въ Римѣ.

Надъ сѣверными и южными дверями круглаго баптистерія св. Констанцы на via Nomentana, въ двухъ конхахъ и въ потолкѣ сохранились интересныя мозаики, много разъ изданныя и описанныя. Полнота литературныхъ извѣстій, собранныхъ въ статьяхъ Е. Мюнца [1]), а также въ извѣстномъ изданіи римскихъ мозаикъ де-Росси [2]), во многомъ разсѣиваютъ тѣ недоумѣнія, которыя возбуждали и отчасти до сихъ поръ возбуждаютъ эти мозаики.

Сюжеты въ конхахъ были впервые объяснены Н. П. Кондаковымъ и новому издателю этихъ мозаикъ де-Росси ничего не оставалось болѣе, какъ принять почти до мелочей это объясненіе.

Нельзя сказать, что бы раскрашенные рисунки этого изданія, представляющіе двѣ сцены въ конхахъ, могли бы вполнѣ удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя можно предъявить къ рисункамъ, важнымъ для

---

[1]) Revue Archéologique 1875, II; 1878, V.

[2]) *Mosaici cristiani e saggi dei pavimenti delle chiese di Roma* anteriori al secolo XV con cenni storici e critici del Com. Giov. Battista de Rossi. Roma.

хеологіи; они малы, мелки и не точны; типы Христа, столь важные я исторіи образовъ Христа, не внушаютъ никакого довѣрія, а между мъ типъ Христа надъ сѣверными дверями, обыкновенно опредѣляе-

Рис. 21.

й какъ типъ юношественный, требуетъ самаго точнаго воспроизве-нія (см. рис. 21).

Христосъ представленъ стоящимъ на облакахъ надъ холмикомъ, ъ котораго текутъ райскія рѣки; по сторонамъ холмика изображены

четыре овцы, подходящія къ источникамъ водъ и символизующія четырехъ евангелистовъ; сзади овецъ изображены Іерусалимъ и Виѳлеемъ въ видѣ круглыхъ башенъ, представляющія древнѣйшій типъ этихъ городовъ, принятый въ иконографіи. По сторонамъ Христа изображены Петръ и Павелъ; одному изъ нихъ Христосъ вручаетъ развернутый свитокъ съ надписью—Dominus pacem dat [3]), а по направленію къ другому, или скорѣе по направленію къ пальмѣ, ростущей сзади него, простираетъ руку; такая же пальма растетъ и сзади перваго Апостола.

Что мозаика во многихъ частяхъ подвергалась реставраціи — это доказываетъ число трехъ рѣкъ вмѣсто четырехъ, равнымъ образомъ и то обстоятельство, что Христосъ стоитъ надъ холмикомъ, въ то время какъ на совершенно тѣхъ же композиціяхъ, на саркофагахъ, на донышкахъ сосудовъ онъ всегда стоитъ на холмикѣ; равнымъ образомъ непонятнымъ является и жестъ правой руки Христа, высоко поднятой надъ головой Апостола; этотъ жестъ объясняется хорошо сохранившимися аналогическими композиціями на саркофагахъ Ватиканскаго грота, Веронскаго, другаго Ватиканскаго, открытаго подъ настилкой Ватиканской базилики, а также нѣкоторыхъ другихъ [4]). На всѣхъ этихъ саркофагахъ Христосъ протягиваетъ руку къ фениксу, сидящему на пальмѣ и такимъ образомъ жестъ является вполнѣ мотивированнымъ и обозначаетъ указаніе на безсмертіе. На иныхъ примѣрахъ Христосъ прямо протягиваетъ руку къ Апостолу и тогда феникса нѣтъ [5]). Отсутствіе этой любопытной подробности въ мозаикѣ должно отнести на счетъ реставраціи; тѣмъ не менѣе, согласно общему наблюденію и отсутствію слѣдовъ реставраціи въ самомъ образѣ Христа, онъ представляетъ наилучшую часть сохранившейся мозаики и всё, что извѣстно о реставраціи его, состоитъ въ томъ, что фонъ близь нимба, отставшій отъ стѣны въ началѣ нынѣшняго столѣтія, былъ заново прикрѣпленъ къ ней посредствомъ гвоздя со звѣздообразной головкой. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что композиція дана съ чертами катакомбной символики; но это обстоятельство ничуть не можетъ имѣть рѣшающаго значенія для того, чтобы отодвигать памятникъ болѣе къ четвертому, чѣмъ пятому столѣтію, такъ какъ всѣ саркофаги, имѣющіе данную композицію, вслѣдствіе своего уже падшаго стиля, должны быть относимы къ V и VI вѣкамъ. Съ другой стороны распространенность этой композиціи въ римскихъ мозаи-

---

3) О типахъ Апостоловъ см. статью Мюнца, Revue Archéologique 1875, II, p. 10. Онъ совершенно справедливо отрицаетъ сходство Апостола, получающаго свитокъ съ традиціоннымъ типомъ Петра; измѣненіе типа нужно отнести на счетъ реставраціи.

4) Garrucci, *Storia dell'arte cristiana*, V, tav. 327, fig. 2; 333, 1; 334, 2.

5) Garrucci, Ibid., 330, 5; 335, 2; 334, 3 и др. Нѣкоторые примѣры не могутъ идти въ сравненіе потому, что фигура Петра и Павла даны въ половину роста Христа.

кахъ указываетъ на то, что она создалась сравнительно поздно; эта композиція, заключающая въ себѣ пальму съ фениксомъ, Христа, холмикъ съ четырьмя рѣками и овецъ извѣстна въ мозаикѣ абсиды ц. Космы и Даміана VI в., гдѣ кромѣ Петра и Павла мы видимъ еще мѣстныхъ святыхъ—Космy и Даміана и Θеодора; таковы же композиціи въ ц. св. Андрея и Пракседы въ Римѣ (IX в.) [6]). Вслѣдствіе этого даже донышко сосуда, соединяющее композицію саркофаговъ и мозаикъ, т. е. дающее Христа, Петра и Павла, феникса на пальмѣ, холмикъ съ четырьмя рѣками и овецъ, не должно быть относимо ранѣе V вѣка [7]). Къ этому присоединяется еще и то весьма любопытное обстоятельство, что на громадномъ большинствѣ указанныхъ сценъ типъ Христа данъ въ такихъ чертахъ, которыя характеризуютъ его какъ типъ историческій. Еще болѣе любопытно то, что на саркофагахъ Христосъ въ данной сценѣ, т. е. въ сценѣ врученія Петру свитка, всегда дается въ типѣ историческомъ, а въ сценахъ чудесъ и страстей, сопровождающихъ эту центральную сцену, онъ сохраняетъ свой юный, идеальный типъ. Таковымъ онъ является въ сценахъ—бесѣды съ Самаритянкой, цѣлованія Іуды, невѣрія Θомы, предъ Пилатомъ, размѣщенныхъ по сторонамъ разбираемой сцены [8]). Вышеупомянутое донышко сосуда также даетъ историческій типъ.

Уже въ виду подобнаго согласія памятниковъ [9]) любопытно опредѣлить въ частностяхъ типъ Христа въ мозаикѣ св. Констанцы.

Христосъ здѣсь имѣетъ свѣтлые, впадающіе въ желтый цвѣтъ волосы, огибающіе гладкими космами темя, раздѣленные на лбу на двѣ пряди и спадающіе на плечи роскошными локонами. Овалъ лица явственно удлиненъ и подбородокъ опушенъ небольшой раздвоенной бородкой. Глаза выражены синими кубиками, а въ углы глазъ у носа вставлено по красному кубику, обозначающему железу. Такіе же кубики вставлены и въ оконечность прямаго правильнаго носа и въ губы—для приданія лицу цвѣтущаго вида. Самый цвѣтъ лица отличается блѣдностью въ сравненіи съ цвѣтомъ лица у Христа въ противуположной конхѣ. Въ этомъ образѣ видна схема и сразу бросается въ глаза стиль, который уничтожаетъ въ лицѣ индивидуальность. Таковы всѣ черты въ этомъ образѣ, которыя относятся на счетъ античнаго преданья: большіе миндалевидные глаза, цвѣтущія губы и полныя щеки, т. е. иначе,

---

[6]) Garrucci, IV; 252; 253 и 240.

[7]) Garrucci, *Vetri ornati*, tav. 10.

[8]) Garrucci, *Storia dell'arte crist*, 331, 2, 1; 335, 2, 3, 4 и др.

[9]) Изображеніе въ Урзіанскомъ Баптистеріѣ въ Равеннѣ, данное въ рельефѣ, не позволяетъ разобрать типа. Мозаическое изображеніе баптистерія Неаполя (V-VI) еще ожидаетъ своего изслѣдователя и хорошаго изданія; рис. у Гарруччи IV, 169 и VI, 484, 14.

въ самомъ типѣ виденъ, съ одной стороны, античный характеръ. Съ другой стороны, нельзя не видѣть, что черты образа весьма сходятся съ тѣми чертами, которыя извѣстны въ апокрифическомъ посланіи Лентула къ римскому сенату. Текстъ, относящійся сюда, гласитъ слѣдующее: Homo quidem staturae procerae mediocriter, et spectabilis vultum habens venerabilem, quem intuentes possunt diligere et formidare. Capillos habuit coloris nucis avellanae praemature, et planos fere usque ad aures, ab auribus vero cincinnos, crispos, aliquantulum ceruleos, et fulgentiores ab oculis ventilantes, discrimen habens in medio capitis juxta more Nazareorum, frontem planam et serenissimam cum facie sine ruga et macula aliqua, quam rubor moderatus venustat. Nasi et oris nulla prorsus est reprehensio. Barbam habens copiosam et intensam, capillos concolorem, non longam, sed in medio bifurcatam. Aspectum habet simplicem, et maturum, oculis glaucis, variis et claris existentibus [10]).

Этотъ текстъ приводится здѣсь, какъ наиболѣе подходящій, хотя нельзя не видѣть, что выраженіе barbam habens copiosam et intensam совершенно не подходитъ къ данному образу. Въ другой версіи Лентулова посланія, приводимой Фабриціусомъ о бородѣ говорится только: barba ejus multa [11]), но настаивается на строгости (severitate) лица, чего нѣтъ въ первой редакціи. Принимая во вниманіе замѣчательное разнообразіе въ редакціяхъ посланія, не будетъ казаться удивительнымъ существенное противорѣчіе въ опредѣленіи характера бороды въ первомъ текстѣ: barbam copiosam et intensam... non longam. Выраженія эти съ характернымъ опредѣленіемъ, что борода раздвоена на двѣ половины, констатируются памятниками весьма древними, и существованіе цѣлыхъ наслоеній въ опредѣленіи характера бороды зависитъ прямо отъ художественныхъ типовъ, въ разныя времена вліявшихъ на составъ посланія. На недлинной бородѣ настаиваетъ и Никифоръ Каллистъ въ словахъ: Barbae capillus flavus nec admodum demissus.

Длина бороды, опредѣляемая въ этихъ выраженіяхъ, конечно, не такъ велика, какъ та, о которой говоритъ текстъ св. Бригитты [12]): „longitudo barbae palmo per transversum manus“, каковая длина должна быть отнесена къ тѣмъ образамъ V, VI вѣка, которые извѣстны подъ именемъ чудотворныхъ, напр. въ Латеранской базаликѣ въ Римѣ въ катакомбѣ Марцеллина и Петра и др., и имѣютъ длинную, но нераздво-

---

[10]) *Jesu Christi Crucifixi stigmata sacrae Sindoni impressa.* Ab Alphonso Palaroto, Archiepiscopo II. Bononiensi explicata Auctore Daniele Mallonio, Venetiis, 1606, Cap. III, pag. 35.

[11]) Fabricius, *Codex apocryphus Novi Testamenti*, Hamburgi 1703, I, 302.

[12]) *Mallonius* ibid, pag. 36, cap. III.

енную бороду: въ указанномъ текстѣ ничего не говорится о раздвоенномъ видѣ бороды.

Какія бы еще частности относительно бороды не заключало посланіе Лентула, уже на основаніи образа въ мозаикѣ ц. св. Констанцы, должно принять въ немъ за черты первоначальныя—типъ блондина съ длинными локонообразными у плечъ волосами и съ раздвоенной бородкой. Этотъ типъ въ то-же самое время долженъ быть признанъ уже сложившимся не только для пятаго столѣтія, но и для четвертаго. Если мы припомнимъ, что всѣ священныя изображенія идутъ съ востока, что образъ Авгаря [13]), Вероники упоминаются очень рано и что въ зависимости отъ нихъ могли находиться тѣ длинноволосые образы Христа на востокѣ, о которыхъ упоминается въ V и VI вѣкахъ, напр. въ Гіераполѣ, такъ какъ до насъ дошло извѣстіе Епифанида, около 485 года: κόμην ἔχοντα, τὸν Σωτῆρα γράφουσιν ἐξ ὑπονοίας διὰ το Ναζωραίων αὐτὸν καλεῖσθαι εἴπερ οἱ Ναζωραῖοι κόμας ἔχοντα [14])..., то не будетъ казаться удивительнымъ возникновеніе въ V вѣкѣ въ Римѣ, типа, дающаго длинные назорейскіе волосы и раздвоенную бороду. Около 536 года Захарія, епископъ Мелитины, поклонился въ гор. Амидѣ, въ церкви свв. Сорока Мучениковъ также Христу съ длинными назорейскими волосами [15]). Если извѣстно перенесеніе образа Авгаря изъ Эдессы въ Константинополь въ X вѣкѣ, а легендарное перенесеніе образа Вероники въ Римѣ во времена императора Тиверія [16]), то надо для объясненія распространенности историческихъ типовъ Христа предположить перенесеніе въ разныя времена съ Востока на Западъ священныхъ образовъ; иначе останется неяснымъ, какимъ образомъ на Трульскомъ соборѣ въ 692 году символическій образъ агнца была замѣненъ историческимъ образомъ Христа. Путешествія въ св. землю достаточно объясняютъ проникновеніе на западъ такихъ священныхъ образовъ [17]). Образъ мозаики ц. св. Констанцы долженъ быть считаемъ однимъ изъ тѣхъ раннихъ типовъ, которые сохраняютъ слѣды первоначальныхъ художественныхъ и литературныхъ версій, проникшихъ съ Востока на Западъ и закрѣп-

---

[13]) У Евсевія, у Моисея Хоренскаго, см. *Lettre d'Abgar ou l'histoire de la conversion des Edesséens* par Laboubnia ecrivain contemporain des apôtres, traduite sur la version arménienne du V me siécle. Venise 1868. Моисей Хоренскій заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ исторіи Лабубнія. Имя Лерубна б. м. измѣненное Лабубнія упоминаетъ и Евсевій.

[14]) Garrucci, *Stor. dell'arte cristiana* T. I, стр. 516.

[15]) Asseman, *Bibl. Orient.* II, pag. 61.

[16]) *Dissertatio historico dogmatica de sacrarum imaginum* cultu religioso quatuor epochis complectens etc. Auctore Abb. Josepho Hispano Fiulciniae. 1789, pag. 8 и 9. Guevara.

[17]) *Peregrinatio ad loca sancta*, изданное И. В. Помяловскимъ: Палестинскій сборникъ т. VII, выпускъ 20. Спб. 1889. Путешественница видѣла образъ Авгаря, упоминаетъ объ образѣ Вероники, стр. 181.

ленныхъ въ посланіи Лентула. Отсюда вытекаетъ, что историческій типъ Христа удержанъ въ композиціи всей мозаики совершенно аналогично съ современными ей памятниками.

Голова Христа окружена овальнымъ, а не круглымъ нимбомъ, состоящимъ изъ голубой, зеленой и синей полосы, совершенно не переданныхъ въ изданіи де-Росси; эти три полосы объясняютъ въ высшей степени употребительное въ византійскомъ искусствѣ изображеніе νεφέλη, состоящее изъ трехъ полосъ, такъ что и самый нимбъ долженъ быть отнесенъ на счетъ заимствованія съ востока.

Моложавый видъ образа Христа является единственнымъ въ своемъ родѣ среди мозаикъ Рима. Наиболѣе близокъ къ нему типъ на нѣкоторыхъ таблеткахъ изъ слоновой кости, дающихъ юный типъ въ связи съ назорейскимъ способомъ ношенія волосъ [18]), каковые типы хорошо извѣстны и на донышкахъ сосудовъ [19]). Въ сравненіи съ этимъ типомъ образъ св. Констанцы дѣлаетъ шагъ впередъ, ибо даетъ раздвоенную бороду, небольшую, извѣстную также на памятникахъ слѣдующаго времени: въ сирійскомъ Евангеліи и др. Среди различныхъ извѣстій о томъ, что у Христа были короткіе волосы [20]) или длинные, большая или малая борода, раздвоенная или нераздвоенная, образъ ц. св. Констанцы даетъ въ V вѣкѣ типъ по одному изъ тѣхъ преданій, которыя утверждаютъ назорейскіе волосы и раздвоенную бороду при типѣ блондина, что весьма важно, ибо наряду извѣстны и попытки иного рода, давшіе въ результатѣ типъ брюнета [21]). Какъ посланіе Лентула, такъ и образъ Констанцы отмѣчаютъ въ образѣ Христа красоту лика, его благолѣпіе, что должно быть также отмѣчено въ виду существованія типовъ, слѣдующихъ ученіямъ о ничтожномъ видѣ и некрасивомъ обликѣ Іисуса Христа, возникшимъ еще въ первые вѣка христіанства.

Д. Айналовъ.

---

18) Garrucci, Stor. 450. Особенно на покрышкѣ манускрипта Парижск. Нац. Библ. *Labarte*, *Histoire des arts industriels*. Paris 1864, T. I, pl. VII.

19) Garrucci, *Vetri ornati* XVIII, 12; особенно XIX, 4, гдѣ назорейскій способъ ношенія даетъ прекрасный овалъ, близкій къ типу ц. св. Констанцы.

20) *Φασὶ δὲ τινες τῶν ἱστορικῶν ὅτι τὸ οὖλον καὶ ᾿ολιγότριχον σχῆμα ἐπὶ τοῦ Σωτῆρος οἰκειότερον ἐστί.* См. Труды Кіевской Духов. Акад. 1871, Апрѣль, *Христіанскій Востокъ*, еп. Порфирія Чигиринскаго, стр. 105.

21) *Οὐλόθριξιν, γενείαδα μέλανα ἔχοντα.* Такъ описали образъ Христа отцы на соборѣ въ IX вѣкѣ.

III

Матеріалы для византійской и древне-русской иконографіи.

1.

Софія—премудрость Божія.

Въ знаменитомъ кодексѣ латинской Библіи Аміатскаго монастыря, нынѣ Лаврентіанской Библіотеки, № 1, относимомъ Бандини къ VI в., на л. 6,—исчисленіе книгъ св. писанія исходитъ отъ круга, въ которомъ, по мнѣнію Бандини, изображенъ монахъ, м. б. самъ Servandus, списатель этого кодекса, или Григорій Великій.

Ближайшее разсмотрѣніе этого изображенія показываетъ, что въ немъ никакъ нельзя видѣть какое-нибудь изъ тѣхъ лицъ, на которыхъ указываетъ Бандини. Это—прежде всего—юная фигура, въ золотыхъ одеждахъ, съ золотыми волосами и съ золотымъ лицомъ, съ благословляющей десницей; на красномъ фонѣ круга по сторонамъ головы видны слѣды перекрестья. По всѣмъ этимъ признакамъ—здѣсь скорѣе всего можно видѣть образъ Христа Еммануила, изображаемаго, какъ извѣстно, всегда юнымъ; золотое лицо и золотые волосы быть можетъ отмѣчаютъ въ немъ тѣ черты, съ которыми встрѣчаемся въ русской иконописи въ иконографіи Софіи новгородской редакціи, т. е. въ видѣ Ангела съ огненнымъ лицомъ, съ огненными крыльями (см. ст. Филимонова въ Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства, Москва 1874, стр. 1—3).

Что въ описываемомъ изображеніи круга, отъ котораго исходитъ исчисленіе книгъ св. писанія, скорѣе всего можно видѣть Еммануила, или Софію—Христа, а не лицъ, указываемыхъ Бандини, убѣждаетъ и сопоставленіе его съ другими изображеніями въ подобныхъ же кругахъ, относящимися къ лицамъ св. Троицы: на л. 5—агнецъ (жертва Христова), на л. 8—Св. Духъ.

2.

Легенда о смерти Каина.

Легенда о смерти Каина весьма древняго происхожденія [1]): древнѣйшее упоминаніе объ убіеніи Каина Ламехомъ находимъ у Іеронима

---

[1]) Заимствована изъ іудейской книги Іашаръ. Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой Библіотеки. Спб. 1877 стр. 51.

въ одномъ письмѣ къ папѣ Дамасу; затѣмъ у Исидора Севильскаго, у Беды, Рабана Мавра. Въ IX в., полагаютъ, она получила полное развитіе въ томъ видѣ, какъ находится въ коментаріяхъ Walafried Strabo (Gloss. ord. In genes., vers. 23). Въ XII в. ее разсказываетъ Петръ Коместоръ въ Histor. scol., Lib.gen., cap. 28, а въ XIII в. о ней упоминаетъ Винцентій Бове въ своей Miroir historial.

Легенда эта извѣстна и у насъ въ Палеяхъ [1]). Сравнительно съ разсказомъ книги Іашаръ, откуда она заимствована, въ Палеяхъ только та особенность, что вмѣсто Тубалкаина въ качествѣ руководителя слѣпаго Ламеха упоминается просто мальчикъ-пастухъ [2]).

Этой легенды касается E. Male въ послѣдней книжкѣ Revue Archéologique, Mars - Avril, 1893, p. 186 — 194, данными статьи котораго „La légende de la mort de Cain à propos d'un chapiteau de Tarbes", мы воспользовались для вышеприведенной исторіи легенды.

Рис. 22.

Легенда нашла отраженіе и въ памятникахъ искусства, но, повидимому, не ранѣе XI—XII в.

Изъ византійскихъ памятниковъ, автору вышеупомянутой статьи извѣстенъ лишь одинъ примѣръ: мозаика соб. Монреале (надпись надъ нею: Trahens Lamec arcu suo interfecit Caym). Мы можемъ указать еще на два другихъ: въ совершенно тождественныхъ миніатюрахъ Ватиканскаго Октотевха № 746 и № 747, XI — XII в., л.л. 47 и 26 об. Мині-

---

[1]) Тихонравовъ, Памятники отреченной литературы, т. I, стр. 24. Порфирьевъ, указ. сп., стр. 105—106.

[2]) Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Казань, 1873, стр. 42, примѣч. 5.

атюра [1]) представляетъ слѣва городъ, въ оградѣ котораго бесѣдуютъ двое юношей. Внѣ города, справа Ламехъ (голова стерта) въ рубашкѣ и гиматіи, держитъ лукъ, стрѣлу котораго направляетъ на кустъ („движоущееся тростіе") мальчикъ („наставникъ его юноша съ нимъ"); у ногъ послѣдняго лежитъ, нужно полагать, убитый — онъ же самъ („і оудари юношу роукою и оуби его").

За кустомъ далѣе представленъ вновь Ламехъ съ опущеннымъ лукомъ, стоящимъ предъ двумя фигурами: или предъ женами, или же предъ „нѣціими", которые „поимше и ведоша и въ домъ свой ему и въспріа рыданіе велико, смил'шужеся женама своима" [2]).

Надъ изображеніями надписи:

Φονεὺς λάμεχ πέφυκε καὶ μετὰ νόμον—
Εχθιστα τ' ἔργα ταῖς γυναιξί πως λέγει.

Е. Рѣдинъ.

IV

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ, пріобрѣтеній древностей музеями и проч. въ Россіи и за границею.

—— Находящееся вблизи извѣстнаго с. Коломенскаго такъ называемое „Дьяковское городище" давно уже обращало на себя вниманіе археологовъ. Болѣе двадцати лѣтъ назадъ Д. Я. Самоквасовъ производилъ раскопки на этомъ городищѣ, и найденныя имъ вещи находятся теперь въ Историческомъ Музеѣ; послѣ г. Самоквасова изслѣдованіе городища производилъ г. Филимоновъ; вещи, добытыя имъ при раскопкѣ городища, хранятся въ Румянцевскомъ Музеѣ, а отчетъ о раскопкахъ былъ помѣщенъ въ одномъ изъ номеровъ „Вѣстника любителей древне-русскаго искусства". Года три тому назадъ новыя изслѣдованія городища предприняты были В. И. Сизовымъ, на средства Московскаго Археологическаго Общества. Двукратныя раскопки дали обильный археологическій матеріалъ; наконецъ, нынѣшнимъ лѣтомъ въ теченіе трехъ дней г. Сизовымъ были сдѣланы вновь раскопки на томъ же городищѣ, а также и раскопки, находящихся вблизи деревни Котляровой, кургановъ. Собранный тремя послѣдними раскопками разно-

---

[1]) № 746. См. рис. 22, издаваемый впервые.

[2]) Текстъ въ ковычкахъ по Порфирьеву, указ. соч., стр. 105.

образный археологическій матеріалъ знакомитъ довольно подробно съ характеромъ культуры первонасельниковъ этой подмосковной мѣстности и даетъ право культуру эту, по обилію найденныхъ орудій изъ кости, поставить въ родовую связь съ костеносными городищами, изслѣдованными г. Спицынымъ въ Вятской губерніи. Въ Дьяковомъ городищѣ найдены въ большомъ количествѣ разнаго рода острія, изготовленныя изъ реберъ животныхъ, а также выдѣланные изъ кости наконечники стрѣлъ, иглы со сверлинами, даже найдено вырѣзанное изъ кости изображеніе животнаго, по всему вѣроятію — медвѣдя [1]). Большая масса глиняныхъ черепковъ отъ сосудовъ знакомятъ съ формами и характерной орнаментаціей гончарныхъ издѣлій. Наконецъ, на обработку и отливку металловъ въ городищѣ указываютъ найденные въ значительномъ количествѣ и разнообразные по размѣрамъ плавильные тигли и „путцы“ и форма для отливки бронзовыхъ украшеній. Найденныя повсемѣстно въ культурномъ слоѣ кости животныхъ указываютъ на тѣ виды домашнихъ и дикихъ животныхъ, которыми пользовался обитатель городища. Культурный слой въ городищѣ залегаетъ мѣстами до 2-хъ саженей глубины; къ срединѣ эта глубина культурнаго слоя уменьшается. Самое городище расположено на правомъ крутомъ берегу Москвы-рѣки и возвышается на 24 сажени надъ уровнемъ рѣки, имѣя форму усѣченнаго конуса со всходомъ къ сѣверу; самая площадь представляетъ закругленный по угламъ треугольникъ со слѣдами сохранившагося мѣстами вала. По мнѣнію г. Сизова городище принадлежитъ финской народности, а не славянской и съ ближними курганами обычнаго московскаго типа (въ д. Котляровой), судя по вещамъ, культурнаго родства не имѣетъ. Судя по вещамъ верхнихъ слоевъ городище закончило свое существованіе въ VIII—IX в., вѣроятно, отъ пожара, а нижній слой указываетъ на болѣе древнюю эпоху, довольно близкую къ эпохѣ Ананьинскаго могильника, вообще характернаго для начала желѣзнаго вѣка въ сѣверо-восточной Россіи.

Раскопки городища однако еще не закончены вполнѣ, такъ какъ работы пришлось прекратить по случаю наступленія ненастной погоды. Осталась неизслѣдованной еще небольшая часть площади и боковыя осыпи.

Что касается названія городища, то, очевидно, оно происходитъ отъ ближней деревни „Дьяково“, но болѣе древнее и болѣе народное названіе „Чортово городище“ указываетъ по всему вѣроятію на иноплеменность и язычество его древнихъ обитателей по отношенію къ новѣйшимъ насельникамъ-славянамъ.

---

[1]) По мнѣнію г. Анучина — лошади.

—— Въ прошломъ году въ Историческій Музей поступило пожертвованіе отъ профессора А. Я. Кожевникова, состоящее изъ бронзовыхъ украшеній, снятыхъ съ женскаго скелета, который былъ случайно найденъ профессоромъ въ своемъ имѣніи Городище, Бронницкаго уѣзда, на песчаной покатости праваго берега Москвы-рѣки. Изъ вещей особенно интересны браслеты особой формы, весьма древней, съ украшеніями изъ выпуклыхъ полушариковъ на овальной бронзовой пластинкѣ. Характеръ этихъ браслетовъ даетъ право отнести погребеніе къ VI—VII в. по Р. Хр. Изслѣдованіе мѣстности посредствомъ траншей, гдѣ найденъ былъ скелетъ, наводитъ на мысль, что разливъ Москвы-рѣки снесъ песчаные слои могильника, оставя лишь случайно означенный скелетъ.

Въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ, лѣтомъ, А. Я. Кожевниковымъ вмѣстѣ съ В. И. Сизовымъ были сдѣланы раскопки лежащихъ въ окрестностяхъ его имѣнія кургановъ. Разрытые, близь деревни Колоколово курганы, числомъ десять, относятся къ обычному московскому типу кургановъ съ извѣстными семи-лепестными височными кольцами на женскихъ скелетахъ, съ положеніемъ скелетовъ, оріентированныхъ съ востока на западъ. Изъ особенно интересныхъ находокъ можно отмѣтить прекрасно обожженные горшки съ клеймами на днищахъ въ видѣ свастики и треугольной розетки. Въ одномъ курганѣ при двухъ скелетахъ найдены расположенные вокругъ въ видѣ прямоугольника большіе гвозди, числомъ до 40, большею частью въ вертикальномъ положеніи, безъ малѣйшаго признака дерева. Подобнаго рода факты при погребеніи были замѣчены гг. Антоновичемъ и Гамченко въ Волынской губерніи. По близости этого могильника на возвышенномъ полѣ сохранились отдѣльно два кургана, изъ которыхъ одинъ весьма большой, а другой маленькій, расплывшійся. Въ послѣднемъ найдена при мужскомъ скелетѣ железная сѣкира, что составляетъ, какъ кажется, первый единичный фактъ въ курганахъ Московской губерніи. Раскопка большаго кургана не приведена еще къ концу и, вѣроятно, закончится будущимъ лѣтомъ, но и при настоящей раскопкѣ въ большой глубинѣ на обожженномъ мѣстѣ, вмѣстѣ съ обгорѣлой доской, найдена серебряная монета, хотя и весьма плохой сохранности, но по типу подходящая къ монетамъ англо-саксонскимъ и германскимъ X—XI в. Это также первый случай находки монетъ въ московскихъ курганахъ.

На основаніи сосудовъ съ клеймами и самаго обряда погребенія г. Сизовъ считаетъ болѣе возможнымъ искать родства обитателей этихъ кургановъ съ радимичами, кривичами, древлянами, но не съ финскими народностями.

—— На правомъ берегу р. Камы на *воложкѣ*, близъ с. Дмитрі-

евскаго, членомъ Императорскаго Общ. Люб. Ест. Антр. и Этн. Ф. Д. Нефедовымъ открытъ обширный могильникъ, по своему типу, вещамъ при скелетахъ, способу погребенія покойниковъ и проч. относящійся къ одному типу съ знаменитымъ Ананьинскимъ могильникомъ, съ тою лишь разницею, что въ Дмитріевскомъ могильникѣ желѣзныхъ орудій не оказывается, а только орудія и разныя вещи изъ бронзы, кости и камня. Есть основаніе полагать, что этотъ могильникъ болѣе древняго происхожденія, чѣмъ Ананьинскій; тамъ же найдены и жилища-землянки первыхъ обитателей Камы (Волжск. Вѣстн. № 215, 1893 г.).

—— Въ засѣданіи Астраханскаго Петровскаго Общества, 5 іюня 1893 г., г. Малиновскій читалъ рефератъ объ археологической экскурсіи А. А. Спицына въ Астраханскій край; содержаніе доклада было помѣщено въ Астраханскомъ Вѣстникѣ (№ 1136): Императорской Археологической Коммиссіей, командированъ былъ въ минувшемъ маѣ въ Астрахань А. А. Спицынъ съ цѣлью изслѣдованія Шаренаго бугра, считающагося мѣстонахожденіемъ древне - хазарскаго города Итиля, а позднѣе — древней татарской Астрахани.

На Шареномъ бугрѣ г. Спицынъ пробылъ 2 дня, измѣрилъ мѣстность, нанесъ ее на планъ и велъ бесѣды съ мѣстными старожилами. Одинъ изъ послѣднихъ, ветеринаръ Ѳ. П. Кваченковъ, между прочимъ разсказалъ, что берегъ р. Волги въ данной мѣстности (у с. Хохлацкаго) съ каждымъ половодьемъ систематически разрушается, такъ что въ каждыя 10 лѣтъ онъ обваливается на 20 саж. (вглубь отъ разрѣза). По словамъ старожиловъ, при обвалахъ этихъ обнажаются кувшины старой формы, мѣдныя и желѣзныя вещи, монеты и т. д.

Нанявъ 4 работниковъ, г. Спицынъ произвелъ, при помощи ихъ, раскопки въ трехъ мѣстахъ Шаренаго бугра, глубиною до 2 арш. Найдены были: нѣсколько костяковъ, множество битаго кирпича, посуды, отдѣльныхъ костей, разныхъ металлическихъ вещей, нѣсколько бронзовыхъ стрѣлъ, мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ. Г. Спицынъ пришелъ къ заключенію, что данная мѣстность полна историко-археологическаго интереса, почему систематическое ея изслѣдованіе является необходимымъ. Несомнѣнно, что на Шареномъ бугрѣ было въ древности какое-то поселеніе (между прочимъ, въ одномъ разрѣзѣ открыты слѣды правильнаго кирпичнаго сооруженія, масса пепла, угля, битаго камня, черепковъ). На поверхности земли также усматриваются остатки старины, въ особенности же много монетъ (серебряныхъ и мѣдныхъ). Г. Спицыну удалось собрать ихъ до 200 штукъ. По нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ, г. Спицынъ относитъ эти монеты не ко временамъ хазаровъ, а къ эпохѣ владычества татаръ, но нѣсколько монетъ (пре-

имущественно серебряныхъ) признаются имъ за арабскія. Вообще слѣдовъ хазарской культуры г. Спицынъ не открылъ, но высказалъ предположеніе, что таковыя отыщутся, если постоянно и внимательно будетъ изслѣдоваться содержимое хотя бы только одних береговыхъ разрѣзовъ.

Посѣтилъ также г. Спицынъ и Могильный бугоръ (ниже Астрахани верстъ на 15). Здѣсь, подъ руководствомъ П. А. Русакова, производились нѣкоторыя раскопки, при чемъ найдено было нѣсколько старинныхъ кувшиновъ, наполненныхъ золой, углями и остатками разныхъ металлическихъ вещей. Одинъ цѣльный кувшинъ переданъ г. Русаковымъ г. Спицыну, другіе же два имѣютъ поступить въ Астраханскій музей. Результатомъ произведенныхъ самимъ г. Спицынымъ раскопокъ было нахожденіе трехъ костяковъ съ остатками около нихъ мелкихъ металлическихъ вещей и бронзовыхъ стрѣлъ. Это, по мнѣнію г. Спицына, намекаетъ на то, что на Могильномъ бугрѣ было во времена монгольскія обширное становище, почему дальнѣйшее изслѣдованіе этой мѣстности представляетъ археологическій интересъ. Вмѣстѣ съ К. Н. Малиновскимъ, г. Спицынъ совершилъ экскурсію на холмы, извѣстные подъ названіемъ Черной гряды, и на Золотой бугоръ (близъ Сѣроглазинской станицы).

Названные холмы тянутся по берегу Волги вер. на $1^1/_2$ и саж. на 150 вглубь отъ рѣки. Склоны ихъ покрыты убогой растительностью (главнымъ образомъ полынью), верхушки же совсѣмъ обнажены. Состоятъ онѣ изъ суглинка, перемѣшаннаго съ золой и углемъ. Въ нихъ встрѣчается масса битаго кирпича, стекла, разнаго рода посуды, мѣдныхъ, желѣзныхъ и свинцовыхъ вещицъ, а также и отдѣльныя кости человѣческихъ остововъ. Г. Спицынымъ найдена была тамъ, между прочимъ, небольшая желѣзная печать очень древняго происхожденія.

По разсказамъ окрестныхъ жителей, на Черныхъ грядахъ находятъ много мѣдной монеты. Показанныя экскурсантамъ найденныя монеты относились къ 30-мъ и 40-мъ годамъ прошлаго столѣтія. Говорятъ также, что здѣсь находили кувшины съ серебряной монетой. По мѣстнымъ преданіямъ, на грядѣ давнымъ давно проживалъ „черный народъ“, „мамаи“, но былъ оттуда прогнанъ русскими. Холмы Черной гряды насыпнаго происхожденія.

Въ трехъ верстахъ отъ Черной гряды находится такъ называемый Золотой бугоръ, возвышающійся надъ уровнемъ воды саж. на 20-ть и представляющійся издали довольно величественнымъ. Съ него открывается прекрасная панорама окрестностей, видныхъ на далекое разстояніе.

По состоящимъ изъ супеска и суглинка склонамъ бугра, поросшихъ полынью и другими дикими травами, экскурсанты не нашли ничего достопримѣчательнаго въ археологическомъ отношеніи. Оголенная вершина бугра за то оказалась густо усѣянной кусками стариннаго кирпича, небольшими камешками, костями, обломками гвоздей и т. д. Обрывы бугра глинистопесчанаго строенія; во многихъ мѣстахъ они изборождены канавками, образовавшимися отъ стока снѣговой и дождевой воды. Въ одной изъ такихъ канавокъ видны были какъ бы оторванные отъ земли большіе куски стариннаго кирпича и подлѣ нихъ искрошившіяся кости.

Экскурсанты вооружились лопатами и вскорѣ отрыли въ названномъ мѣстѣ два хорошо сохранившихся человѣческихъ скелета (большой и рядомъ съ нимъ маленькій), окруженныхъ стариннымъ кирпичемъ и въ изобиліи обложенныхъ березовой корой. Скелеты лежали головами на сѣверъ, ногами—на югъ; черепа оказались у нихъ раздробленными, грудныя же и позвоночныя и ножныя кости сохранились въ цѣлости. Близъ большого скелета найдены были обломки желѣзной стрѣлы, въ пескѣ же усмотрѣны разныя желѣзныя вещицы, въ видѣ ободковъ, колецъ, гвоздей и т. п. Экскурсанты заключили, что обширныя раскопки бугра могутъ дать много цѣннаго въ археологическомъ отношеніи.

—— Землевладѣлецъ д. Кульпинки Елисаветградскаго у. Херсонской губ. г., Бохенскій раскапываетъ курганы въ своемъ имѣніи на хозяйственныхъ началахъ. Между прочимъ раскопкѣ былъ подвергнутъ одинъ курганъ значительнаго размѣра. Сначала г. Бохенскій раскапывалъ его наемными рабочими, пользуясь для этого такимъ временемъ въ году, когда сельско-хозяйственныя работы прекращаются и рабочіе нипочемъ; онъ разрѣзалъ курганъ узкой траншеей, при чемъ нашелъ скелеты человѣка съ саблей и лошади съ остатками упряжи; траншея завалилась; по расчисткѣ ея впослѣдствіи, нашли грунтовую яму, а въ ней кости человѣка, бронзовый котелъ на одной ножкѣ и большое число бронзовыхъ и костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ; въ настоящемъ году раскопки возобновлены на новыхъ основаніяхъ: г. Бохенскій уступилъ раскопку мѣстнымъ крестьянамъ, условившись подѣлить съ ними поровну тѣ сокровища, которыя ими будутъ найдены; въ настоящемъ году нашли въ курганѣ двѣ глиняныя амфоры, глиняный кувшинъ, лаковое съ травянымъ узоромъ блюдце, бронзовый ковшъ, бронзовую бляшку, бронзовыя пуговицы и желѣзный мечъ. Вещи эти находятся у г. Бохенскаго. (Сообщ. В. Н. Ястребовъ).

—— Недавно въ Чемкентскомъ уѣздѣ, Сыръ-Дарьинской области,

на крестьянскомъ полевомъ надѣлѣ села Мамаевки отысканъ кладъ. На лѣвомъ берегу рѣки Арысь, верстъ на 25 выше развалинъ древняго Отрара, лежащаго по правую сторону той же рѣки, имѣются, какъ передаютъ *Туркестанскія Вѣдомости*, слѣды какого-то загадочнаго сооруженія. Здѣсь высятся два насыпные кургана. Отъ одного изъ нихъ, подъ острымъ угломъ, расходятся двѣ прямыя линіи маленькихъ кургановъ, какъ бы обозначающихъ слѣды древней стѣны. Линія кургановъ, идущихъ параллельно Арыси, тянется версты на три, а затѣмъ расположено множество маленькихъ кургановъ занявшихъ огромное пространство предъ другимъ большимъ курганомъ, высота котораго достигаетъ саженъ пятнадцати. Послѣдній окруженъ огромнымъ валомъ или, быть-можетъ, это слѣды магистральнаго арыка. Во время межевыхъ работъ землемѣръ, устанавливая межевой знакъ на первомъ курганѣ, приказалъ рабочимъ рыть яму. Послѣ нѣсколькихъ взмаховъ кетменемъ, работавшіе услышали звукъ разбиваемаго глиняннаго сосуда. Работу повели осторожнѣе и вскорѣ отрыли глиняный горшокъ, покрытый металлическимъ кружкомъ. Въ сосудѣ оказалось: 1.800 серебряныхъ и болѣе 4.000 мѣдныхъ монетъ, нѣсколько зеренъ жемчуга, куски сердолика, двѣ или три маленькія проткнутыя морскія раковины, бронзовое стремя, два серебряные браслета и много разныхъ мелкихъ украшеній. На другомъ курганѣ, при такихъ же обстоятельствахъ, найдены большой круглый столъ изъ обожженой глины, а подъ нимъ ручная мельница. Столъ—на низенькихъ ножкахъ, на немъ видны слѣды украшеній; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ крестообразную форму. Находка, судя по увѣренію одного грамотнаго киргиза, прочитавшаго надпись на монетѣ, должна быть отнесена къ эпохѣ султана Бабура, изъ династіи Тимуридовъ. (Моск. Вѣд. № 162, 1893 г.).

—— Англійскій путешественникъ Бентъ (Bent) открылъ въ долинѣ Годасъ, въ Абиссиніи, развалины греческаго города, о которомъ упоминаютъ нѣкоторые древніе географы, въ томъ числѣ и Птоломей, называющій этотъ городъ Колоэ. Птоломей упоминаетъ, между прочимъ, объ огромной цистернѣ, бывшей въ этомъ городѣ. Бентъ нашелъ цистерну, какъ разъ подходящую къ его описанію. По мнѣнію греческихъ археологовъ, городъ Колоэ былъ основанъ греческими выходцами послѣ Александра Македонскаго. Кромѣ этого города въ Абиссиніи были и другіе греческіе города. (Нов. № 234, 1893).

—— Профессоръ Марръ, по словамъ газеты „Ардзаганкъ“, въ развалинахъ древней столицы Арменіи нашелъ массу древностей, какъ-то: разныхъ видовъ серебряные, мѣдные и желѣзные инструменты, украшенія и т. д. Вещи эти найдены вмѣстѣ съ человѣческимъ скеле-

томъ въ углу одной изъ комнатъ. Въ другой комнатѣ Марръ подъ землей нашелъ 12 человѣческихъ череповъ и 2 скелета, а также массу кувшиновъ; между прочимъ, онъ возлѣ развалины „мечеть“ открылъ новый, до сихъ поръ неизвѣстный рядъ стѣнъ, что даетъ г. Марру основаніе продполагать, что именно отсюда начинается граница стараго Ани.

—— Британскій Музей получилъ въ даръ отъ г. Вебба превосходный обломокъ греческой скульптуры изъ бѣлаго мрамора—голову мужчины въ натуральную величину, въ высшей степени выразительную, относимую, можетъ быть, къ VII в. до Р. Х. Носъ отбитъ, подбородокъ слегка реставрированъ въ послѣднее время. Волосы коротко острижены; глазныя впадины указываютъ, что глаза очевидно были сдѣланы изъ другаго матеріала (Chr. d. Arts, № 16, 1893 г.).

—— Проф. Бернабеи представилъ римской академіи dei Lincei два обломка ручекъ бронзовой вазы въ формѣ быка и львицы, превосходной архаической работы. Обломки вазы и обломки треножника, на которомъ она стояла, были найдены около Асколи, недалеко отъ Адріатическаго моря. Нѣсколько разъ въ этомъ мѣстѣ находили обломки превосходныхъ вещей, очевидно греческихъ, которыя были привозимы въ эти мѣста, вѣроятно тарентинцами съ цѣлью обмѣна на шерсть, которая была необнеобходима имъ для производства тканей (Rev. Crit. № 12, 1893 г.).

—— Шлумбергеръ представилъ парижской Академіи Надписей, купленный Луврскимъ Музеемъ предметъ изъ слоновой кости византійской работы. Съ наружной стороны вырѣзаны рельефомъ апостолъ, говорящій проповѣдь среди толпы слушателей, одѣтыхъ въ костюмы, сходные съ тѣми, въ которые одѣты изображенія людей на равеннскихъ мозаикахъ. Можетъ быть, это изображеніе представляетъ ап. Павла, проповѣдующаго язычникамъ. Слушатели сгруппированы подъ воротами города, представленнаго въ уменьшенномъ видѣ, главныя зданія котораго, очень различныхъ формъ, усѣяны зрителями, слушающими изъ оконъ и съ балконовъ проповѣдь святаго. Особенное расположеніе зданій, умышленная неправильность, съ которой они тѣснятся одно около другаго, характерное разнообразіе формъ, присутствіе обширнаго полукруглаго центральнаго портика—всѣ эти обстоятельства, въ совокупности, заставляютъ предположить, что художникъ хотѣлъ изобразить городъ, вѣроятно, очень извѣстный. Аббатъ Дюшенъ замѣтилъ, что двѣ подробности этого скульптурнаго произведенія могутъ быть сближаемы съ двумя эпизодами проповѣди ап. Павла: въ Троадѣ, Дѣянія апостольскія разсказываютъ, одинъ юноша заснулъ у окна и упалъ на улицу—на памятникѣ, справа, одна фигура человѣка изображена, на

половину выставившеюся изъ окна. Въ Иконіи, какъ разсказывается въ легендѣ св. Θеклы, эта святая, слушая изъ окна апостола, говорившаго проповѣдь въ сосѣднемъ домѣ, была такъ поглощена его краснорѣчіемъ, что ея мать не могла ее убѣдить удалиться отъ окна,—на памятникѣ изображены, слѣва, двѣ женскихъ фигуры, очевидно матери и дочери (Rev. crit., № 12, 1893 г.).

V.

Разныя извѣстія.

—— „Кіевлянинъ“ сообщаетъ свѣдѣнія о 13-ти фрескахъ кіевскаго Софійскаго собора, открытыхъ проф. А. В. Праховымъ и расположенныхъ на пилонахъ жертвенника, главнаго алтаря и діаконника. (См. Арх. Изв. и Зам. стр. 174).

Между новооткрытыми фресками особеннаго вниманія заслуживаютъ изображенія Іоанна Предтечи и Богоматери. Іоаннъ Предтеча изображенъ стоящимъ въ пустынѣ, покрытой цвѣтами. Въ рукѣ онъ держитъ хартію съ текстомъ на греческомъ языкѣ: „Се Агнецъ Божій“. Эта фреска особенно интересна въ томъ отношеніи, что на ней стоитъ подпись мастера (?) Янъ Медринскій и годъ—1622 г. Фресковое изображеніе Богоматери представляетъ собою точную копію мозаичной иконы Божіей Матери, находящейся надъ горнимъ мѣстомъ главнаго алтаря Кіево-Софійскаго собора. Какъ тамъ, такъ и здѣсь Пресвятая Дѣва изображена съ приподнятыми руками, въ хитонѣ голубого цвѣта, перетянутомъ узкимъ поясомъ; какъ тамъ, такъ и здѣсь на поясѣ виситъ бѣлый платокъ. Видно, что надъ головой Богоматери помѣщенъ былъ серебряный вѣнчикъ, а на рукахъ—серебряныя поручи. Интересно, что такое же фресковое изображеніе Богоматери находится на алтарномъ сводѣ полоцкой Спасской церкви, сооруженной св. княжною Евфросиніей около 1160 г. Подобное изображеніе св. Дѣвы считается однимъ изъ древнѣйшихъ и встрѣчается уже въ римскихъ катакомбахъ, а также—въ мозаичномъ видѣ —въ константинопольской Софіи надъ бывшимъ иконостасомъ. Мѣстами надъ фресками и кое-гдѣ въ углахъ сохранился и древній орнаментъ.

Что касается вопроса, кто замазалъ древнія софійскія фрески—

замѣчаетъ „Кіевлянинъ“ — то Закревскій, въ своемъ „Описаніи Кіева“, высказываетъ правдоподобную догадку, что эту работу слѣдуетъ приписать уніатамъ, которые „старались истребить или скрыть все то, что напоминало греческое вѣроисповѣдываніе“. Уніаты владѣли Кіево-Софійскимъ соборомъ въ теченіе 37 лѣтъ.

—— Въ новгородскомъ Кремлѣ при ремонтѣ подворья Софійскаго собора и возведеній при немъ новыхъ построекъ копали ямы и нашли дубовую колоду, обложенную берестою. Колоду извлекли изъ ямы и разбили; тогда глазамъ присутствующихъ представился скелетъ, лежавшій навзничь, со сложенными на груди руками. Кромѣ костей, въ колодѣ усмотрѣны красноватая кожа отъ башмаковъ и три мѣдныя пуговицы, имѣющія форму горошины, съ придѣланными ушками; предполагаютъ, что пуговицы остались отъ кафтана, въ которомъ былъ погребенъ покойникъ. Если колоду измѣрять по человѣческому росту, то ширина ея къ ногамъ суживается, а длина хотя и равняется росту человѣка, но долбленіе оканчивается у плечъ, а выше ихъ имѣется ямка для головы. Находка была взята въ мѣстный археологическій музей. (Нов. Вр. № 6245. 1893.).

—— Въ Херсонѣ, при губернскомъ статистическомъ комитетѣ, стараніями секретаря его, В. И. Гошкевича, образованъ археологическій музей, въ которомъ считается около 1,000 предметовъ древности. Въ составъ его входятъ древности, полученныя изъ Ольвіи, какъ то глиняные сосуды и свѣтильникъ, мѣдная головка, свинцовая пластинка, изображающая голову быка, статуетка богини Гигеи и пр.; изъ Пантикапеи—глиняная статуетка женщины, глиняныя маски и сосуды, одинъ изъ нихъ расписной); древности, собранныя въ кучугурахъ (дюнахъ) между г. Алешками и Кинбурнской косой, а именно: 7 экземпляровъ кремневыхъ стрѣлъ, кремневые нуклеусы, обломки каменныхъ топоровъ, 52 экземпляра кремневыхъ ножей, скребковъ и др. мелкихъ кремневыхъ орудій, 54 экземпляра бронзовыхъ стрѣлъ различной формы, бронзовые: буравъ, шило, игла пряжки, серьги, подвѣска, обломокъ пилы, обломки бубенчиковъ, кольца, гвозди, обломки зеркалъ, далѣе — принадлежности для литья изъ бронзы, какъ то формы для литья, фрагменты сосуда, въ которомъ плавилась бронза, потомъ желѣзные ножи, стрѣлы, кольца отъ кольчуги, стволъ стариннаго огнестрѣльнаго оружія, затѣмъ глиняныя, стеклянныя, янтарныя, каменныя и сдѣланныя изъ композиціи бусы, обломокъ стекляннаго браслета, глиняные сосуды и пр.; предметы, собранные на пескахъ близъ деревни Вишенки, Остерскаго уѣзда, Черниговской губ. (глиняныя и шиферная пряслицы, кремневыя стрѣлки и ножички, обломки стеклянныхъ браслетовъ, бронзовыя

стрѣлки и бронзовая фибула); нѣсколько вещей изъ кургановъ близъ деревни Могилиной, Днѣпровскаго уѣзда, Таврической губерніи, обломки шиферной плиты съ греческой надписью изъ Херсона, казацкіе списъ (пика) и келепъ (знакъ власти куреннаго атамана); монетъ въ музеѣ числится около 400; между ними есть изъ греческихъ колоній сѣвернаго берега Чернаго моря, римскія, византійскія, татарскія (золотоордынскія, крымскія) и др. (Сообщ. В. Н. Ястребовъ).

—— Въ „Нижегородской Почтѣ“ описывается рукопись, недавно проданная въ Нижнемъ-Новгородѣ какому-то любителю. Это—„Лѣтописецъ келейный смиреннаго Димитрія, архіерея ростовскаго“. Вся она писана полууставомъ южно-русскаго письма въ листъ, на 291 л., и отличается отъ многихъ подобныхъ тѣмъ, что мѣстами сдѣланы поправки ошибокъ переписчика характернымъ почеркомъ самого автора св. Димитрія.

Подобнаго рода рукопись такого же содержанія находится въ синодальной библіотекѣ. Она тоже имѣетъ не мало поправокъ автора. Нужно сказать, что „Келейный Лѣтописецъ“ и по настоящее время еще не напечатанъ вполнѣ. Въ одномъ изъ первыхъ изданій Новиковъ, печатая его въ своей вольной типографіи, долженъ былъ не мало сдѣлать пропусковъ въ виду строгости цензуры тогдашняго времени, не позволявшей касаться вопроса объ отобраніи монастырскихъ имѣній, тогда какъ въ своемъ „Лѣтописцѣ“ авторъ порицалъ распоряженіе императора Петра Великаго по поводу нѣкоторыхъ сокращеній монастырскихъ владѣній. Это любопытное мѣсто въ описываемой рукописи находится во всемъ объемѣ и даже полнѣе, чѣмъ то, которое напечаталъ графъ М. В. Толстой въ „Чтеніяхъ Историческаго Общества“. „Отъ всего, яже ми даси, одесятствую тебѣ десятину. Виждь, коль отъ древнихъ временъ начатся бывати Богу и церквамъ его отъ людей благочестивыхъ подаяніе, а не отъятіе и грабленіе“. Далѣе авторъ подробно разбираетъ вопросъ о десятинахъ и указываетъ, какъ на времена первыхъ патріарховъ, и на русскаго князя Владиміра. „Ибо и святый Владиміръ, великій князь россійскій, просвѣти землю святымъ крещеніемъ, устави десятины церковныя въ пропитаніе служителей Божіихъ и т. д.“.

Св. Димитрій хотѣлъ подъ названіемъ „Лѣтописца“ передѣлать въ сокращенномъ видѣ библію со своими толкованіями, болѣе понятными простому народу. Эту лѣтопись онъ передѣлывалъ неоднократно и посылалъ въ спискахъ къ своимъ друзьямъ. Однако, „Лѣтописецъ остался неоконченнымъ за смертью автора въ 1709 году“.

—— Въ нынѣшнемъ году исполнилось 669 лѣтъ со дня битвы

на р. Калкѣ. Гдѣ же было это мѣсто побоища? Почему до сихъ поръ это не изслѣдовано нашими учеными? Постараемся припомнить нѣкоторыя обстоятельства этой битвы, которыя, быть можетъ, помогутъ точному опредѣленію мѣста битвы. Мы знаемъ, что русскіе князья отъ о. Хортицы направились по „восточному берегу" Днѣпра, степью, къ Азовскому морю, къ р. Калкѣ или Кальміусу. Г. Шмаковъ въ своей замѣткѣ объ этой битвѣ, помѣщенной въ „Екатеринославскихъ Губерн. Вѣдом." за 1888 или 1889 г., говоритъ, что отъ Хортицы до рѣки Калки „русскіе шли 9 дней", и предполагаетъ, что „это разстояніе около 180 верстъ". Если это такъ, то разстояніе это, по прямой линіи отъ Хортицы на юго-востокъ, приходится на р. Калчикѣ, на поляхъ нѣмецкихъ колоній Киршъ-Вальдъ, Шенбаумъ, Розенъ-Гартенъ, Бѣло-межа, Руденвица и Гольшей Кальчиковки. Отъ этой мѣстности, въ 6 верстахъ, на оврагѣ Кара-Ташъ, находится скалистая и крутая возвышенность, имѣющая видъ природнаго бастіона. На этой то позиціи, быть можетъ, и укрѣпился великій князь Мстиславъ Романовичъ и успѣшно отражалъ татарскіе приступы. Такъ полагаетъ и г. Шмаковъ въ своей обстоятельной статьѣ. Далѣе, на западъ отъ этой позиціи видны и теперь курганы, изъ которыхъ одинъ, кажется, носитъ названіе „Камени" (?), другой „Бесъ-Тохъ". Названіе колоніи „Бѣлая Межа" очень напоминаетъ татарское слово—бѣлая вежа, т. е. бѣлая палатка, воинскій станъ. Не было ли это то именно мѣсто, гдѣ стояли татары? Для обозрѣнія этого достопримѣчательнаго мѣста ближе всего проѣхать отъ ст. Кальчикъ, Донецкой желѣзной дороги (въ 28 вер. отъ Маріуполя), оттуда прямо на западъ, черезъ с. Чердаклицкое, до колоніи Бѣлая-Межа, всего около 20 верстъ. Единственное скалистое, возвышенное мѣсто, о которомъ говорилось выше, находится въ 3 верстахъ отъ колоніи „Малый Вердеръ". Намъ кажется, что обслѣдованіе этого мѣста и раскопки, хотя небольшія, займутъ немного времени и потребуютъ не особенно большихъ расходовъ. Почти навѣрно можно утверждать, что при раскопкахъ можно найти наконечники стрѣлъ и копій, мечи, кольчуги, монеты и другія вещи — „остатки великой битвы", а Шмаковъ полагаетъ, что могутъ попасться и болѣе древнія вещи бронзоваго и каменнаго вѣка (?). Это мѣсто усѣяно курганами, и всѣ они насыпаны не даромъ... Быть можетъ, при тщательномъ и умѣломъ изслѣдованіи этой мѣстности, удастся напасть, хотя случайно, на прахъ и кости князей-героевъ, „положившихъ головы для защиты отечества". Да, мѣсто это достойно того, чтобы на него обратили вниманіе наши ученые и археологи. („Новоросс. Тел.", № 5796, 1893 года).

—— Въ Турчанскомъ св. Мартинѣ (Венгрія) въ половинѣ апрѣля основалось общество—„Museálna Slovenská Spolocnost“. Это общество устраиваетъ Музей, въ которомъ должно быть собираемо все, что касается народа Словацкаго въ этнографическомъ, бытовомъ и археологич. отношеніяхъ. Это—первая цѣль Общества и Музея. Слѣдующей цѣлью членовъ Общества будетъ заботиться о сохраненіи собраннаго въ Музеѣ матеріала, а также заботиться объ охраненіи отъ погибели того, что не поступило въ Музей, но имѣетъ значеніе для главной цѣли Общества (§ 2, пунктъ 2 устава). Наконецъ, третьимъ пунктомъ въ дѣятельности Общества должно быть обнародованіе коллекцій Музея, а равно и предметовъ, не принадлежащихъ Музею, но интересныхъ для изученія края. Это достигаться будетъ: а) изданіемъ журнала Общества, въ который войдутъ: описанія коллекцій и отдѣльныхъ предметовъ Музея, статьи этнографическія, топографическія, естественно-историческія, археологическія, историческія, касающіяся настоящаго и прошлаго Словаковъ и ихъ края; б) изданіемъ отдѣльныхъ книгъ—матеріаловъ, какъ то пѣсни, сказанія, пословицы и т. д.; в) устройствомъ ежегодной выставки предметовъ Музея, особенно новыхъ его пріобрѣтеній, и г) чтеніемъ публичныхъ лекцій по предметамъ, входящимъ въ программу Общества; ближайшая цѣль лекцій—обращать вниманіе публики на предметы, важные для исторіи края, и пріохочивать её къ собиранію и храненію этихъ предметовъ (§ 2, пунктъ 3-й устава).

Общество состоитъ: изъ а) членовъ основателей, б) почетныхъ, в) членовъ-корреспондентовъ и г) дѣйствительныхъ. Всѣ члены дѣлаютъ различные взносы. Иноземцы могутъ быть приняты только съ согласія правительства (Národnie noviny. 1893 г., № 69. Приложеніе).

—— Французскій археологъ Делошъ сообщилъ въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ по отдѣленію изящной словесности и надписей о произведенныхъ имъ изслѣдованіяхъ относительно древности существовавшаго во всѣхъ странахъ обычая носить на пальцахъ перстни. У древнихъ Римлянъ желѣзный перстень служилъ знакомъ особаго отличія и жаловался какъ воинамъ за доблестные подвиги, такъ и гражданамъ за чрезвычайныя заслуги. Впослѣдствіи перстни изъ желѣза стали носить патриціи, всадники и судьи въ отличіе отъ низшихъ классовъ населенія; когда же кольца утратили свое значеніе и ношеніе ихъ вошло въ обыкновеніе также и среди плебеевъ, то представители знатныхъ родовъ, а также сенаторы и всадники стали украшатъ свои пальцы только золотыми кольцами, ношеніе которыхъ возбранялось плебеямъ самимъ закономъ. При византійскихъ императорахъ люди изъ простаго званія не имѣли права носить другихъ колецъ, кромѣ желѣзныхъ, но

потомки прежнихъ плебеевъ, съ улучшеніемъ ихъ матеріальнаго быта, предъявили притязаніе на право имѣть перстни изъ драгоцѣннаго металла. Ихъ ходатайства по этому предмету долго оставались безъ всякаго удовлетворенія, и только императоръ Юстиніанъ разрѣшилъ всѣмъ безъ различія подданнымъ своимъ носить кольца изъ всякаго металла. Съ тѣхъ поръ это украшеніе утратило значеніе сословнаго отличія. (Моск. Вѣд., № 232; 1893 г.).

—— Между пріобрѣтенными Британскимъ Музеемъ въ Египтѣ папирусами оказалось потерянное сочиненіе Менона—„Исторія греческой медицины“. Менонъ—одинъ изъ извѣстнѣйшихъ учениковъ Аристотеля, содѣйствовавшій своему великому учителю при изданіи энциклопедіи наукъ, предпринятой Аристотелемъ. Самъ учитель составилъ собраніе государственныхъ учрежденій 158 государствъ, для котораго имъ написанъ былъ извѣстный трактатъ о политикѣ Аѳинъ; Теофрастъ обнародовалъ въ 13 книгахъ изложеніе всѣхъ философскихъ системъ и въ 24—собраніе дѣйствующихъ правовыхъ положеній; Эвдемъ написалъ исторію геометріи, ариѳметики и астрономіи и, наконецъ, Менонъ—собраніе медицинскихъ системъ. Послѣднее до сихъ поръ считалось навсегда потеряннымъ и было извѣстно лишь по нѣкоторымъ отрывкамъ у Галена. (Русск. Вѣд., № 230, 1893 г.).

—— Интересное открытіе было сдѣлано въ нынѣшнемъ году въ Британскомъ Музеѣ. Между обломками Парѳенона, первоначальное мѣстонахожденіе которыхъ на храмѣ не было опредѣлено, находился торсъ, считавшійся Лапиѳомъ одной изъ метопъ. Молодой вѣнскій скульпторъ Шверцекъ, которому было поручено возстановить фронтоны Парѳенона, пришелъ къ заключенію, что этотъ торсъ составляетъ часть фигуры мальчика, стоящаго около фигуры Левкоѳеи на западномъ фронтонѣ. Торсъ былъ снятъ съ современнаго пьедестала и помѣщенъ среди фигуръ западнаго фронтона. Фуртвенглеръ по поводу этого открытія высказалъ аналогичное мнѣніе. Другой чиновникъ Британскаго Музея, которому ранѣе удалось опредѣлить мѣсто девятнадцати обломкамъ скульптуръ Парѳенона, также сдѣлать дополненіе изъ нѣсколькихъ обломковъ къ конной статуѣ изъ Мавзолея. (Chr. d. Arts, № 16, 1893 г.).

———

VI

Библіографія.

Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Коммиссіею.

№ 10. Лядинскій и Томниковскій могильники Тамбовской губерніи. Изслѣдованіе В. Н. Ястребова. Съ XV табл. рис. и съ 51 политип. въ текстѣ. СПБ. 1893 г. Цѣна 2 р.

№ 11. Древности Юго - Западнаго края. Раскопки въ странѣ Древлянъ. В. Б. Антоновича. Съ 7 планами и 47 политип. СПБ. 1893 г. Цѣна 2 р.

Лядинскій могильникъ (въ 12 в. отъ Тамбова, близъ р. Ляды) былъ впервые случайно обнаруженъ въ 1869 г. при проведеніи тамбовско-саратовской ж. д. рабочими, дѣлавшими насыпь; тогда было найдено значительное количество желѣзныхъ орудій—топоровъ, кирокъ, наконечниковъ копій и т. д. мѣдныхъ предметовъ — браслетовъ, колецъ, котловъ и проч., глиняныхъ горшковъ, бусъ, сердоликовая рѣзная печать и нѣсколько серебряныхъ подражаній арабскимъ диргемамъ. Это обстоятельство заставило Археол. Комм. въ 1888 г. произвести изслѣдованіе могильника, которое и было поручено В. Н. Ястребову. Мѣсто изслѣдованія могильника представляетъ поле изъ чернозема съ примѣсью песка, толщиною въ $^1/_2$ арш., ниже слой песка въ $1^1/_2$ арш. и еще ниже глина; при такихъ условіяхъ почвы послѣ дождей образуются водомоины, вслѣдствіи чего авторъ не рѣшается отвергать возможности существованія въ прежнее время могильныхъ насыпей, впослѣдствіи размытыхъ. Могильникъ имѣлъ около 100 саж. длины и до 25 саж. ширины, но изслѣдовано только около четверти всего пространства, заключавшаго 143 могилы, находившихся на довольно незначительной глубинѣ: отъ $^1/_2$ арш. до 2 арш. Характеръ погребенія двоякій — обыкновенный, т. е. простое зарытіе и съ остатками трупосожженія. Могилъ перваго разряда раскопано 127. Положеніе костяковъ въ большинствѣ случаевъ головою на югъ, съ вытянутыми ногами, головы, большею частію лежали на вискахъ, больше на лѣвомъ; руки лежали или на груди (не скрещиваясь), у таза или были въ вытянутомъ положеніи. Костяки многихъ могилъ были покрыты лубками и одинъ разъ въ могилѣ былъ найденъ костякъ лошади. Могилы раздѣлялись на мужскія и женскія; отличительнымъ признакомъ первыхъ служили ремни съ украшеніями, ножи, бронзовыя ведра, деревянная посуда, удила и проч.; во вторыхъ находились головные вѣнчики, ожерелья, масса украшеній, глиняная посуда и проч., а также косы, намотанныя на палочку и обвитыя ремнемъ. Въ могилахъ съ остатками трупосожженія В. Н. Ястребовъ сдѣлалъ слѣдующія наблюденія: нѣкоторые покойники были частью сожжены, другіе вполнѣ, при чемъ обрядъ сожженія совершался внѣ могилы,

послѣ котораго пепелъ и черепки посуды высыпались въ могилу, туда же клались и вещи умершаго. Въ виду того, что наряду съ полнымъ сожженіемъ допускалось неполное, авторъ предполагаетъ, что обрядъ трупосожженія въ эпоху существованія могильника былъ неустойчивъ. Вещи въ послѣднихъ могилахъ сходны съ первыми. Авторъ подробно описываетъ найденныя вещи, важнѣйшіе типы которыхъ представлены на рисункахъ, сравниваетъ ихъ съ другими предметами самыхъ разнообразныхъ эпохъ, начиная отъ классической и кончая современной, и въ результатѣ приходитъ къ такому выводу, что Лядинскій могильникъ относится къ X—XI вв. Вопроса, къ какой національности принадлежали покойники изслѣдованнаго могильника, авторъ не рѣшаетъ, и мнѣніе Аспелина, отнесшаго могильникъ къ мордовскому племени авторъ считаетъ не доказаннымъ, за неимѣніемъ никакихъ основаній.

Другой могильникъ, Томниковскій, находящійся въ имѣніи гр. И. И. Воронцова-Дашкова, Тамбовской губ., Шацкаго уѣзда, с. Ново-Томниковѣ, по погребеніямъ, о которыхъ, впрочемъ, опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣется, и по характеру близко подходитъ къ Лядинскому. Въ приложеніи помѣщены: извлеченіе изъ дневника раскопокъ Лядинскаго могильника, химическій анализъ бронзовыхъ предметовъ, найденныхъ въ немъ въ 1869 г., и извлеченіе изъ дневника раскопокъ Томниковскаго могильника.

Трудъ проф. В. Б. Антоновича посвященъ описанію раскопокъ кургановъ сѣверной части Кіевской губ. и юго-восточной Волынской. Курганы этихъ мѣстностей расположены большими группами, начиная отъ 150 до 200, 300, а у нѣкоторыхъ мѣстъ, напр. у с. Ягнятина, на р. Раставицѣ, количество ихъ болѣе 1000. При изслѣдованіи кургановъ, проф. Антоновичъ, принимая во вниманіе характеръ предметовъ, останавливаетъ особенное вниманіе на называемыхъ имъ *древлянскихъ* курганахъ, особенно обильныхъ въ этой мѣстности. Границы распространенія кургановъ древлянскаго похороннаго типа слѣдующія: на югѣ Ирпень и Раставица, на сѣверѣ Припеть, на востокѣ — Днѣпръ и на западѣ — верхнія теченія рр. Тетерева и Уши. Въ указанной мѣстности авторъ насчитываетъ 307 могильниковъ и въ нихъ не менѣе 7400 кургановъ. Изъ этого количества раскопано 313 кургановъ, изъ которыхъ 261 древлянскихъ, которымъ и посвященъ 11-й выпускъ „Матеріаловъ". Форма древлянскихъ кургановъ конусообразная съ куполообразными вершинами; вышина отъ 25 сантиметр. до 2,85 м.; многіе курганы окружены рвомъ. Въ насыпи кургановъ почти постоянно попадаются черепки глиняныхъ сосудовъ, кости животныхъ (быка, барана, свиньи, грызуновъ), комки угля, осколки дерева, валуны. Присутствіе этихъ предметовъ на разныхъ уровняхъ насыпи авторъ объясняетъ тѣмъ, что насыпка дѣлалась не за одинъ разъ. Кромѣ того, попадались и отдѣльные предметы, случайно уроненные устроителями кургановъ: обломки шейныхъ гривенъ, браслетовъ, бусы и т. д. Въ шести курганахъ въ насыпи встрѣтилась деревянная постройка изъ дубовыхъ брусьевъ, срубленная въ видѣ двускатной крыши, хотя архитектуру опредѣлить трудно, вслѣдствіе разрушенія дерева.

Наиболѣе чаще встрѣчавшееся погребеніе было въ ямахъ въ грунтѣ, затѣмъ на поверхности и, наконецъ, менѣе всего въ насыпи. Костяки лежали чаще всего въ насыпи, но попадались и окруженные слоемъ угля, извести, глины, песку. Болѣе $^3/_4$ всего количества погребеній не имѣло дерева, въ остальныхъ могилахъ дерево попадалось въ видѣ бревенъ, досокъ, окружавшихъ костякъ. Многія могилы заключали желѣзные гвозди, расположенные по контуру костяковъ. Положеніе покойниковъ головою на западъ въ вытянутомъ положеніи, при чемъ руки располагались въ разнообразныхъ видахъ. Оружіе (копья, кинжалы, стрѣлы, ножи) попадались рѣдко, также какъ и глиняные горшки; найденные сосуды имѣютъ видъ широкогорлыхъ кувшиновъ безъ ушей, большею частію безъ орнамента или украшенныхъ рядами горизонтальныхъ выпуклыхъ линій.

Въ нѣсколькихъ могилахъ найдены ведра. Интересна находка въ одной могилѣ чаши, сдѣланной изъ отпиленной верхней части человѣческаго черепа, находившейся въ лѣвой рукѣ костяка, лежавшей на груди. Многочисленны находки желѣзныхъ ножиковъ съ остатками костяной или деревянной оправы; кромѣ того, найдено 2 серпа и 2 пряслицы изъ шифера отъ веретенъ. Матеріалъ и покрой (конечно и форму) одежды покойниковъ опредѣлить, за разрушеніемъ, невозможно, но авторъ говоритъ, что воротъ ея застегивался на шеѣ особою застежкою въ видѣ кольца, бусъ или пуговицъ, на которыя надѣвалась ременная петля; въ нѣсколькихъ случаяхъ найдены остатки поясовъ изъ ткани и ременныхъ. Въ 2-хъ курганахъ найденъ при костякахъ толстый слой волоконъ, считаемыхъ, по предположенію автора, остатками овчинныхъ тулуповъ и шапокъ. Обувь въ нѣсколькихъ могилахъ сохранилась хорошо: она состояла изъ тонкой кожи, сложенной въ 2 пласта, имѣла форму полусапога немного выше лодыжки съ широкими отворотами, спускавшимися до стопы; подошвы нѣтъ и сапогъ состоялъ изъ 4-хъ кусковъ, сшитыхъ 4-мя продольными швами: 2 по бокамъ и по одному сверху и снизу стопы; носки сапогъ острые. При нѣкоторыхъ костякахъ найдены желѣзныя огнива и кремни, носимыя въ мѣшечкахъ изъ кожи и въ одномъ мѣшкѣ, кромѣ огнива, найдены были: брусокъ, 2 куска сѣры и 3 астрагала. Украшеніями служили, серебряныя, бронзовыя кольца, проволочныя серьги, бусы (довольно рѣдко), перстни; въ одной могилѣ найденъ головной вѣнчикъ, состоящій изъ березовой коры, обтянутой шерстяною тканью, обшитой серебряными колечками и стеклянными бусами. Въ заключеніе авторъ говоритъ, что факты, добытые раскопками, подтверждаютъ свѣдѣнія лѣтописи о значительномъ развитіи Древлянъ и противорѣчатъ характеристикѣ лѣтописца о Древлянахъ, которые „живяху звѣрскимъ образомъ“. Многіе предметы свидѣтельствуютъ о мирномъ характерѣ племени и объ отсутствіи всякой воинственности. Монетъ не найдено, поэтому время насыпки древлянскихъ могилъ опредѣлить трудно. Въ концѣ общаго очерка приложены дневники раскопокъ и общія замѣчанія.

Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1889 г. Съ 89 политип. Спб. 1892 г. Цѣна 2 р.

Отчетъ начинается Высочайшимъ повелѣніемъ о правѣ Археологической Коммиссіи главнаго надзора за производствомъ археологическихъ раскопокъ и за реставраціей памятниковъ и затѣмъ приведены пункты выработаннаго положенія относительно наилучшаго способа разрѣшенія археологическихъ раскопокъ, которыя желали бы производить члены ученыхъ обществъ. Раскопки 1889 г. въ Керчи и ея окрестностяхъ, произведенныя г. Гроссомъ и гр. Бобринскимъ, дали нѣсколько золотыхъ предметовъ (украшеній), сосудовъ и т. п. Отчетъ г. Гросса крайне сжатъ и не даетъ никакой картины погребеній; монеты найденныя при раскопкѣ гробницъ не опредѣлены, что лишаетъ возможности опредѣлить, хотя приблизительно, время погребеній. Въ Херсонесѣ въ томъ-же году шло изслѣдованіе городища, при чемъ найдены остатки 3-хъ христіанскихъ храмовъ со слѣдами фресокъ, мозаичными полами, мраморными колоннами, плитами и т. п.; интересна найденная капитель съ головами барановъ, изображеніями орловъ и птицъ. Въ Мелитопольскомъ и Симферопольскомъ уѣздахъ раскопки производилъ Н. И. Веселовскій. Близъ Ногайска имъ раскопано 3 кургана и одинъ заключалъ скелеты лошади, при ней деревянное сѣдло и рядомъ костякъ мужчины въ деревянномъ гробу, съ надѣтыми на ноги кожаными сапогами. Вблизи Симферополя тѣмъ же лицомъ были изслѣдованы развалины древняго укрѣпленія—Керменчика, предполагаемое мѣсто скиѳской крѣпости Неаполиса; въ скалѣ, гдѣ находятся развалины крѣпости, находятся гробницы, которыя частью были раскопаны и довольно обстоятельно описаны въ отчетѣ. Изъ вещей случайно найденныхъ тамъ, интересна бронзовая пряжка, изображающая скачущаго скиѳа. В. Н. Ястребовъ произвелъ раскопку кургана близъ с. Мартоноши, Елисаветградск. у., разрытами въ 1870 г. крестьянами, которые нашли тамъ бронзовую вазу съ ручками съ изображеніемъ архаической Горгоны. Но раскопка г. Ястребова благопріятныхъ результатовъ не дала. Жаль, что найденные въ курганѣ въ 1870 г. предметы находятся въ разныхъ собраніямъ и, между прочимъ, часть бронзовой вазы въ Одесскомъ музеѣ, а ручка въ Эрмитажѣ. Близъ того же села г. Ястребовымъ раскопано еще нѣсколько кургановъ. Въ Минской губ. раскопки производилъ проф. Завитневичъ (подробности описаны въ IV кн. „Чтеній въ Историческ. Общ. Нестора лѣтописца“) и г. Авенаріусъ, который въ Борисовскомъ уѣздѣ раскопалъ нѣсколько кургановъ и городищъ. Г. Вольтеръ продолжалъ раскопки, начатыя въ 1888 г. въ Виленской губ., въ Трокскомъ и Лидскомъ уѣздахъ, гдѣ онъ нашелъ какъ болѣе древнія погребенія съ трупосожженіемъ, такъ и довольно поздвія, судя по найденнымъ монетамъ, XIII вѣка. А. В. Селивановъ продолжалъ изслѣдованіе Старо-Рязанскаго городища, гдѣ имъ были открыты остатки древняго храма и около него костяки; тѣмъ же изслѣдователемъ произведены раскопки въ Старо-Ольговскомъ городкѣ 13 кургановъ (при устьѣ Прони) и остатковъ храма. Раскопкамъ на Кавказѣ

могильниковъ въ верховьяхъ р. Уруха посвященъ довольно длинный отчетъ г. Долбежева; между прочимъ, имъ обнаружены погребенія съ трупосожженіемъ. Въ Сибири, въ долинѣ р. Абакана, мѣстности очень богатой памятниками древности (камни съ письменами, каменныя бабы) производилъ раскопки кургановъ г. Клеменцъ; на р. Томи — г. Адріановъ (въ приложеніи напечатано извлеченіе изъ дневника г. Адріанова). Въ отдѣлѣ случайныхъ находокъ и приношеній описано нѣсколько очень интересныхъ предметовъ, какъ, напр., великолѣпный кладъ золотыхъ и серебряныхъ вещей XII в., найденныхъ въ Кіевѣ, между которыми замѣчателенъ золотой брачный княжескій вѣнецъ (или діадима) съ финифтяными изображеніями святыхъ, вѣроятно, русской работы, судя по славянскому написанію имени Павелъ; другая интересная находка поступила изъ Казанск. губ. съ Болгарскаго городища, состоитъ изъ двухъ серебряныхъ подвѣсокъ и восьми такихъ съ позолотою и чернью бармъ, повидимому византійскихъ. Въ концѣ отчета находится таблица распредѣленія древностей, поступившихъ въ 1889 г. въ Археологическую Коммиссію, между различными учрежденіями.

Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль, въ Екатеринославѣ. Вып. 1-й. Составила К. Мельникъ. Кіевъ, 1893 г. (I—V+1—217).

О коллекціи покойнаго А. Н. Поля была помѣщена замѣтка на стр. 126 Арх. Изв. и Зам.“. Въ настоящее время коллекція эта назначена въ продажу и довольно обстоятельный каталогъ знакомитъ съ ея содержаніемъ. Въ 1-мъ выпускѣ (2-й будетъ посвященъ описанію предметовъ искусства: картинъ, гравюръ, фарфора, эмалей, бронзы, рѣзныхъ камней и т. п.), описаны предметы каменнаго и бронзоваго вѣка, предметы греческихъ колоній, скиоскія древности, предметы княжеской эпохи, старины запорожской и южнорусской, этнографическіе, оружіе, монеты и медали. Особенно тщательно описаны предметы каменнаго (522 №№) и бронзоваго вѣка (84 №№) — всѣ почти изъ Новороссіи. Предметы греческихъ колоній заключаются въ бронзовыхъ и глиняныхъ статуэткахъ, зеркалахъ, пряжкахъ, бусахъ, серьгахъ изъ благородныхъ металловъ, клейменыхъ ручкахъ (клейма приведены въ текстѣ), сосудахъ и т. п. вещахъ изъ нашихъ черноморскихъ колоній. Подъ названіемъ скиескихъ древностей описаны предметы изъ кургановъ Чертомлыцкаго (пріобрѣтенныхъ на мѣстѣ или полученныхъ покойнымъ владѣльцемъ отъ Археологической Коммиссіи въ обмѣнъ на древности изъ его раскопокъ) и другихъ, заключавшихъ предметы, сходные съ Чертомлыцкими (Краснокутскаго, Долгой Могилы и др.); между ними довольно много золотыхъ вещей (всѣхъ №№ 355). Въ отдѣлѣ желѣзнаго вѣка описаны древности княжеской эпохи съ Княжей Горы у Канева, предметы изъ кургановъ с. Любомирки, изъ окрестностей Никополя и изъ другихъ мѣстностей; между ними есть много серебряныхъ, золотыхъ и бронзовыхъ бытовыхъ вещей, иконъ, крестовъ, курганныхъ желѣзныхъ саблей, стрѣлъ и т. д., и въ томъ же отдѣлѣ описаны 4 каменныхъ бабы. Отдѣлъ запорожской и южно-рус-

ской старины, въ количествѣ 281 №№, заключаетъ, судя по описанію, очень интересные памятники военные и бытовые: пушки, оружіе, конскіе уборы, предметы домашніе—ложки, чарки, тарелки, музыкальные инструменты, вериги и проч. Отдѣлъ сравнительной этнографіи содержитъ иконы и всевозможные предметы быта русскаго и нерусскаго — серьги, пряжки, восточное оружіе и т. д. Кромѣ того оружію-мушкетамъ, пистолетамъ и разнымъ принадлежностямъ (пороховницамъ и т. п.) посвященъ особый отдѣлъ; большинство оружія не русскаго производства. Въ отдѣлѣ монетъ, 434 относятся къ греческимъ черноморскимъ колоніямъ, которыя описаны по каталогу Бурачкова, но судить о качествѣ ихъ по описанію трудно. Остальное количество (всѣхъ, включая черноморскія, 2060)—греческія, римскія, византійскія, русскія (не представляющія интереса), польскія, западно - европейскія и нѣсколько восточныхъ. Всякая монета имѣетъ оцѣнку. Къ каталогу приложенъ географическій указатель, портретъ А. Н. Поля и 14 табл. фототипій съ древностей. Желающіе купить описанныя въ каталогѣ коллекціи должны обращаться въ Екатеринославъ, въ Опекунское Управленіе по дѣламъ и имуществу А. Н. Поля.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи (при Казанскомъ университетѣ). *Т. XI. (1893), вып. 3.*

Муранскій могильникъ. Археологическій очеркъ *В. Н. Поливанова.* — Башкиръ Саловатъ Юлаевъ, Пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ. *Р. Г. Игнатьева* (продолженіе).—Извѣстія иностранцевъ о народахъ В. Россіи. Strahlemberg, Nord—und Oestliche Theil von Europa und Asia.—Формы жилищъ и поселеній у народовъ В. Россіи. Камчадалы, Коряки, Чукчи.—Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. I. Мелодіи чувашскихъ пѣсенъ (продолженіе) *В. А. Мошкова.* — *Матеріалы*: замѣтка о происхожденіи нѣсколькихъ кладбищъ при татарскихъ селеніяхъ Волжско-Камскаго края. *Г. Ахмарова.* — Памятники старины близь с. Архангельскаго. *И. Хохлова.* — Эпиграфическій памятникъ Волжской Булгаріи. *И. А. Износкова.* — Акты, относящіеся къ исторіи Мордвы Пензенской губерніи.—Изъ архива Спасскаго Краснослободскаго монастыря. *В. М. Терехина.* — Письмо князя Ивана Бакаевича Ширинскаго къ родственнику его въ Казань. Сообщ. *А. И. Соколовъ.*—Замѣтки о Мордвѣ и памятникахъ мордовской старины въ Нижегородской губ. *А. Д. Смирнова.* — Слѣды человѣческихъ жертвоприношеній у Вотяковъ. *Г. Вихмана.*— Изъ областной печати.— *Хроника.* На текущія темы. *И. Н. Смирнова.* — *Библіографія:* Саратовское поволжье съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII в. Ѳ. Ѳ. Чекалина. *С. Кедрова.*—Литература археологіи, исторіи и этнографіи В. Россіи въ 1893 г. — *Приложеніе:* черемисско - русскій словарь *В. П. Троицкаго* (продолженіе).

Л. Стојановић. Мирославлево јеванђеље (одломци) — Споменик XX (Беогр. 1893) XII + 23,4°.

Настоящій выпускъ „Памятниковъ" Сербской Кралевской Академіи посвященъ изданію отрывковъ (стр. 1—23) одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ сербскаго языка: вмѣстѣ съ т. н. Вукановымъ евангеліемъ (нынѣ Спб. И. Публ. библ.), Мирослававо принадлежитъ къ древнѣйшимъ сербскимъ текстамъ XII в.; оба эти евангелія указываютъ на то время сербской графики, когда еще писались **Ѭ**, **Ѧ** и **ѧ**, впослѣдствіи, какъ излишніе для сербскаго языка, исчезнувшіе. Изъ этого Мирословова ев. до сихъ поръ въ печати (изд. Срезневскимъ, Свѣд. и зам. XLVI, затѣмъ Новаковичемъ и Дучичемъ) извѣстенъ былъ только одинъ листъ, привезенный преосв. Порфиріемъ (Успенскимъ) и хранящійся нынѣ въ Спб. Публ. библ.—Л. Стояновичъ три года назадъ сдѣлалъ на мѣстѣ (въ Хиландарѣ, на Аѳонѣ) подробное описаніе и рядъ выписокъ изъ этого евангелія, которыя и составляютъ содержаніе выпуска. Характеризуетъ издатель Мирославово ев. такъ: если оно и небогомильское, то во всякомъ случаѣ должно быть поставлено въ ряду т. н. босанскихъ текстовъ, сохраняя вмѣстѣ съ этими послѣдними глаголическую традицію: ђ, ѣ=ѣ и ꙗ, е=е и ѥ; отличается оно отъ этой группы евангелій тѣмъ, что оно апракосъ (недѣльное, тогда какъ босанско-богомильскія ев., доселѣ извѣстныя,—четверо-евангелія), писано въ два столбца (босанскія — въ одинъ) и въ листъ (41 × 25 с.), тогда какъ форма босанскихъ евангелій приближается къ 4-кѣ (тоже и въ глаголич. пам.). Писана рукоп. двумя руками: 1-я—до 45 л., 2-я—остальное (л. 45 об.—180). Вліяніе западное въ орнаментахъ этого евангелія, отмѣченное когда то Ѳ. И. Буслаевымъ, подтвердилось и въ языкѣ: на л. 36 въ иниціалѣ В. изображеніе святого написано: *жвань батиста* (итальян. Giovanni Battista) *). Для **ѧ** употребляются **ѧ** и **ꙗ**. Замѣчательно въ палеографическомъ отношеніи употребленіе *ꙋ* вмѣсто обычнаго *оу* у втораго писца; впрочемъ съ листа 90 оба начертанія путаются; ꙋ — въ текстѣ отсутствуетъ; исключительно *щ* (а не шт); иногда є = ѥ, ѕ — только, какъ числовой знакъ. Употребленіе **ѫ** и **ѧ** весьма интересно: они нигдѣ не смѣшиваются другъ съ другомъ, но ставятся или на своемъ мѣстѣ (какъ въ старо-славянск.), или же вм. *е* и *оу*; иногда они замѣняются по правиламъ сербскаго языка этими послѣдними—обстоятельство, ясно доказывающее, какъ произносили ихъ писцы; **ѫ** встрѣчается сравнительно рѣже, нежели **ѧ**, но чаще, нежели **ѧ**, стоитъ на своемъ мѣстѣ.

Издатель расположилъ свои выписки не по порядку въ рукописи, а по евангелистамъ, что несомнѣнно и удобнѣе, снабдилъ варіантами изъ Никольскаго, Марьинскаго, Загрофскаго, Савина и Остромирова евв., указателемъ листовъ рукоп., гдѣ помѣщены изданные имъ отрывки. Одно только замѣчаніе издателя возбуждаетъ недоумѣніе: говоря о синаксарѣ ев. онъ замѣ-

*) Также въ боснійскомъ ев. XV в. проф. Сречковича (въ Бѣлградѣ) въ заставкѣ изображенъ кентавръ — типа совершенно западнаго.

чаетъ, что въ немъ славянскіе святые отсутствуютъ; слѣдомъ же приводитъ выписки изъ этого синаксаря (стр. VI), гдѣ подъ 14 февраля читается: *„с(ве)т(а)го авъксентиѣ и с(ве)т(а)го Ѡца оучитель словѣньска коурила филосопа“*. Какъ понимать въ такомъ случаѣ слова издателя: „у синаксару нема ниједног словенског свеца“? *М. Сперанскій.*

Bulletino di archeologia cristiana del commendatore G. B. de Rossi, Serie V, anno III, № 3, 4, Roma, 1892.

Настоящая книжка этого журнала отличается богатствомъ матеріала, впервые издаваемаго и вносящаго много новыхъ данныхъ для исторіи древнехристіанскаго искусства, иконографіи. Де-Росси продолжаетъ здѣсь сообщеніе эпиграфическаго матеріала изъ новыхъ находокъ въ наиболѣе древней части катакомбъ Присциллы (№№ 283—370) и въ нижнемъ этажѣ ихъ (№№ 1—36). Надписи послѣдняго мѣста даютъ обычныя формулы, уже ранѣе извѣстныя, но такихъ, какъ pax, pax tecum, pax tibi—не имѣется; очевидно, что здѣсь переходъ отъ одного періода къ другому, въ которомъ прежде всего развивается употребленіе символическихъ и идеографическихъ образовъ. Изъ символическихъ образовъ первенствующую роль играетъ *якорь*, отдѣльно, или въ соединеніи съ рыбой, съ кораблемъ, съ птицей, имѣющей вѣтвь въ клювѣ (№ 15, 19), между двухъ звѣздъ (№ 17) и др. Не меньшую роль играетъ образъ Добраго Пастыря. Здѣсь же встрѣчаемъ рѣдчайшую сцену (на ряду съ Добрымъ Пастыремъ)—встрѣча дѣтьми своей матери въ загробной жизни (табл. III). Всѣ эти изображенія, по мнѣнію де-Росси, относятся къ концу II, началу III вѣка (стр. 120).

Здѣсь же встрѣчаемся съ замѣчательнымъ фактомъ, имѣющимъ громадное значеніе для исторіи монограммы Христа: послѣдняя имѣется здѣсь, внѣ всякаго сомнѣнія, какъ памятникъ болѣе ранній времени Константина, къ которому относятъ ея появленіе; она современна надписямъ, которыя исполнены красной краской, ибо и сама писана ею же (см. № 3, табл. IV, 1); форма ея: ☧ Выясненію ея значенія, какъ монограммы Христа, сравнительно со сходнымъ по формѣ явленіемъ на языческихъ памятникахъ (монеты Ирода III, нѣкоторые памятники времени Траяна, Адріана—въ значеніи—мѣры, per, pedes и др.) посвящена глава § III (стр. 122—129).

Въ 1888 г. открыты катакомбы возлѣ Кальяри, въ Сардиніи, съ надписями и фресковой живописью. Въ 1892 г. о нихъ появилась замѣтка проф. Виванетъ „Catacombe cristiane di Cagliari scoperte nella collina di Buonaria presso l'attuale cimitero“ въ Notizie degli scavi, издаваемыхъ Академіей dei Lincei. А въ настоящемъ нумерѣ бюллетеня—изслѣдованіе о нихъ де-Росси, съ приложеніемъ рисунковъ съ живописи (табл. V и хромолитогр. VI—VIII).

Катакомбы Кальяри, выкопанныя въ холмѣ, состоятъ изъ отдѣльныхъ целъ и кубикулъ; найденныя въ нихъ монеты Діоклеціана и Максиміана опредѣляютъ ихъ эпоху — конецъ III в. Въ одномъ изъ кубилъ встрѣчено множество открытыхъ гробницъ; одна изъ гробницъ, главная, — съ аркосо-

ліемъ; въ люнетѣ аркосолія найдена надпись на мраморѣ, сдѣланная наобѣихъ сторонахъ послѣдняго и говорящая объ одномъ и томъ же лицѣ—Munatius Ireneus; по сторонамъ надписи — по павлину, сверхъ которыхъ надпись: pax tecum sit cum tuis; выше павлиновъ два голубка. Сводъ кубикула усѣянъ цвѣтками, розами, обозначающими блаженство небесной жизни.

Вторая открытая камера вся была украшена живописью; теперь она имѣется лишь на двухъ стѣнахъ. Живопись эта замѣчательна по новымъ сюжетамъ, по необыкновеннымъ композиціямъ ранѣе извѣстныхъ сценъ, на сколько, конечно, о таковыхъ можно судить по приложеннымъ рисункамъ; весьма жаль, что къ нимъ не присоединены фотографіи, такъ какъ въ достовѣрности нѣкоторыхъ фигуръ, положеніи ихъ на рисункахъ сомнѣвается и самъ де-Росси.

Живопись представляетъ слѣдующія сцены:

1) Корабль—съ двумя парусами, на которомъ семь юношей; одинъ—у кормы обращается къ остальнымъ какъ бы съ рѣчью; двое закинули сѣть въ воду, гдѣ плаваютъ трое юношей; у носа корабля на берегъ протянута доска, по которой на корабль взбирается овца.

2) Такой же корабль, на которомъ пять юношей; одинъ тащитъ сѣть изъ воды; слѣва отъ корабля въ воду летитъ внизъ головой юноша; къ самому кораблю подплываетъ морское чудище; справа оно же выбрасываетъ изъ пасти юношу; далѣе этотъ юноша на сушѣ—стоитъ на колѣняхъ въ позѣ оранты.

3) Родъ хижины или шатра съ купольной крышей между оливковымъ деревомъ и пальмой; на крышѣ сидитъ голубь съ оливковой вѣтвью въ клювѣ; далѣе юноша несетъ обѣими руками у груди овцу.

Первая сцена—единственная въ христіанской иконографіи; она представляетъ, по мнѣнію обоихъ изслѣдователей, художественное воспроизведеніе обѣщанія, даннаго Христомъ своимъ ученикамъ: „идите за Мной и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ“ (Матѳея, IV, 19; Марка, I, 17; Луки, V, 10—въ примѣненіи къ одному Петру). Юноша, сидящій у кормы, это Христосъ; агнецъ, подымающійся на корабль—вѣрующій, принимаемый въ лоно спасительнаго корабля, въ число агнцевъ Христа.

Вторая сцена, внѣ всякаго сомнѣнія, представляетъ исторію Іоны. Необычно въ композиціи этого сюжета положеніе Іоны на колѣняхъ, въ позѣ оранты; по словамъ Виванетъ, онъ подъ cucurbita, котораго, однако, на рисункѣ не видно.

Хижина въ третьей сценѣ, по мнѣнію де-Росси, представляетъ погребальный мавзолей; голубь съ вѣтвью символизуетъ блаженную душу in pace; юноша, несущій овцу—добрый пастырь.

Композиція живописи въ общемъ, по мнѣнію де-Росси, выражаетъ мысль „спасенія отъ бурнаго моря идолопоклонничества проповѣдью апостольскою вѣрныхъ овецъ Христа, достигшихъ счастливаго конца земной жизни и принятыхъ въ вѣчный миръ, несомыхъ руками божественнаго пастыря (стр. 143).

Предложенное де-Росси толкованіе описанныхъ изображеній при отсутствіи

параллелей изъ древне-христіанской иконографіи и литературныхъ данныхъ, поясняющихъ ихъ, не можетъ считаться вполнѣ исчерпывающимъ вопросъ объ новооткрытыхъ фрескахъ.

На боковыхъ стѣнахъ того же кубикула изображены двѣ сцены, изъ которыхъ можно разобрать лишь одну, такъ какъ отъ другой имѣются лишь незначительные остатки. Эта сцена — скорѣе Воскрешеніе Лазаря, какъ и полагаетъ Виванетъ, чѣмъ исцѣленіе паралитика: юный Христосъ въ хитонѣ и гиматіи, надъ головой котораго надпись: pax tecum sit in aeternum cum tuis, простираетъ жезлъ къ Лазарю, стоящему у дверей гробницы и протягивающему ко Христу руки; сзади Христа бородатая мужская фигура, быть можетъ Апостолъ, но никакъ не Муцій Иреней, ибо изображенія эти даны въ другомъ кубикулѣ, а не въ томъ же, гдѣ найдена надпись въ честь его.

Е. Рѣдинъ.

Revue de l'art chrétien, V me série, T. IV, 2-me livr. 1893.

Въ данномъ номерѣ журнала на ряду съ продолженіемъ старыхъ статей [1]) имѣется нѣсколько новыхъ. Между ними наибольшаго интереса статья Ю. Гельбига, трактующая о любопытной коллекціи церковныхъ вещей кавалера Росси въ Римѣ (Le trésor d'ornements et d'instruments liturgiques de la collection du chevalier Giancarlo Rossi à Rome). Какъ сама коллекція, такъ исторія ея открытія—любопытны во многихъ отношеніяхъ, и мы позволимъ себѣ подробнѣе остановиться на нихъ, пользуясь данными статьи.

Весною 1880 г. неизвѣстный крестьянинъ явился въ Римъ къ одному золотыхъ дѣлъ мастеру съ предложеніемъ продать нѣсколько драгоцѣнныхъ вещей: покрышку книги, серебряный дискосъ, крестъ и золотую фобулу. Вещи были изслѣдованы извѣстнымъ ученымъ о. Бруцци и пріобрѣтены гр. Строгановымъ за четыре тысячи лиръ.

Черезъ нѣкоторое время тотъ же крестьянинъ снова является къ золотыхъ дѣлъ мастеру и открываетъ подъ секретомъ, не указывая мѣста находки, что у него имѣется еще много вещей, подобныхъ проданнымъ раньше. Покупка и другихъ вещей совершилась, и узнано было ихъ происхожденіе. Крестьянинъ разсказалъ, что однажды, копая землю, онъ натолкнулся на каменную кладку съ аркадой; открывъ послѣднюю, онъ увидѣлъ странное явленіе: предъ нимъ предсталъ какъ бы епископъ, одѣтый въ блестящія одежды, окруженный утварью, золотыми и серебряными вазами, но видѣніе продолжалось лишь моментъ; въ могилѣ онъ нашелъ лишь крестъ и различные предметы, изъ которыхъ и захватилъ наиболѣе драгоцѣнные. Болѣе ничего точнаго неизвѣстно ни о мѣстѣ находки, ни о гробницѣ и т. п. Между тѣмъ, по мнѣнію автора, открытыя вещи—церковные сосуды—высокой археологической цѣнности. Онѣ были изслѣдованы Гарруччи, Бруццой, де-Росси и

---

[1]) De-Mely, О роли гравированныхъ камней въ средніе вѣка, Barbier de Montault — О культѣ учителей церкви въ Римѣ (св. Іеронимъ, св. Леандръ, св. Левъ, св. Петръ Хрисологъ).

др. и послѣ этого пріобрѣтены настоящимъ ихъ владѣльцемъ, а въ 1888 г. по поводу юбилея папы Льва XIII были имъ же частью изданы, и въ болѣе полномъ видѣ въ 1890 г. съ собраніемъ статей объ нихъ нѣкоторыхъ археологовъ.

Вещи вначалѣ возбудили сомнѣніе въ ихъ подлинности, но, по указанію автора, это сомнѣніе устраняется сходствомъ въ стилѣ всѣхъ ихъ, въ символическомъ характерѣ и въ качествѣ работы, быть можетъ исполненной одной и той же рукой.

Вещи эти въ общемъ—новость въ археологіи; правда изображенія, данныя на нихъ, какъ рыба, агнецъ, павлинъ, голубь, виноградная кисть и т. п., уже хорошо извѣстны изъ множества другихъ древне-христіанскихъ памятниковъ; но такая ихъ группировка, какъ здѣсь, представляющая собою какъ бы цѣлыя поэмы, встрѣчается впервые. Къ статьѣ приложены въ качествѣ образца два снимка съ двухъ золотыхъ пластинокъ, служившихъ быть можетъ переплетомъ рукописи. Объясненіе изображеній дѣлается авторомъ на основаніи изслѣдованія проф. Гори. Не имѣя возможности передавать подробно соображеній этого изслѣдователя относительно различныхъ изображеній, мы можемъ только сказать, что они, какъ и общій характеръ самихъ памятниковъ, въ высшей степени странны. Характеръ работы грубый, варварскій, комбинація сюжетовъ посредственна, составъ композицій наивенъ и обличаетъ, повидимому, въ составителѣ ихъ искуснаго поддѣлывателя, заботившагося о возможно большемъ количествѣ различныхъ древне-христіанскихъ символовъ и образовъ.

Изслѣдователь видитъ во всѣхъ изображеніяхъ (табл. III) на крестѣ символы св. таинствъ и церковныхъ обрядовъ: крещенія (голубь съ сосудомъ на спинѣ), мѵропомазанія (агнецъ съ крестомъ на спинѣ), покаянія (агнецъ безъ креста), евхаристіи (круглый хлѣбецъ и виноградная кисть по сторонамъ креста), брака (двѣ овцы на протянутыхъ рукахъ Христа) и т. п.

Странный характеръ памятника вызвалъ и разнородныя заключенія о времени его происхожденія: одни относятъ къ I вѣку по Р. Х. (Vecchi-Pieralice), другіе къ IV в. (владѣлецъ коллекціи), третьи къ VI—VIII в. (Дж. Б. де-Росси) или даже VIII—IX (de Waal). Гори, изслѣдованіемъ котораго пользуется авторъ, относитъ къ V в. Если въ дѣйствительности мы имѣемъ предъ собой оригиналы, а не поддѣлку, то мнѣніе Ваала относительно времени памятника, повидимому, ближе всего къ истинѣ.

Другая новая статья журнала (стр. 122—135) Бертене трактуетъ о литейщикахъ колоколовъ кантоновъ Бурмонъ (Haute-Marne) и Клермонтъ XVI—XVIII в., давая интересный матеріалъ для исторіи индустріальныхъ искусствъ.

Въ отдѣлѣ, дающемъ отчетъ о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, встрѣчаемъ изложеніе нѣкоторыхъ весьма интересныхъ рефератовъ Общества Антикваріевъ Франціи. Такъ, Le Blant (25 янв.) дѣлалъ отчетъ о своихъ розысканіяхъ, произведенныхъ имъ въ Туркестанѣ въ 1890 и 1891 г.; M. de Baye дѣлалъ отчетъ о трудахъ археологическаго и антропологическаго съѣзда

въ Москвѣ; Durrieu (8 февр.) по поводу миніатюръ золотаго кодекса эскуріальской библіотеки, отмѣтивъ особенности, устанавливающія тѣсную связь между нѣмецкимъ и византійскимъ искусствомъ въ 1-ой половинѣ XI вѣка. Мюнцъ, подтверждая мнѣніе докладчика, указалъ на то, что греческіе художники были вызваны въ Германію императрицей Өеофаніей. Мюнцъ (15 февр.) привелъ рядъ свидѣтельствъ отъ V по XV в., указывающихъ на существованіе близкихъ артистическихъ связей Германіи и Италіи съ Византіей. Харузинъ (1 марта) прочелъ докладъ о курганахъ центральной Россіи, въ которомъ доказывалъ, что они не обязаны своимъ происхожденіемъ финнамъ.

Золотыя ворота въ Константинополѣ.

Вопросу объ ихъ происхожденіи, составѣ, пластическихъ украшеніяхъ посвящена статья Стржиговскаго въ Jahrbuch des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts, B. VIII, 1893, S. 1—39.

Стѣнная живопись церкви S. Angelo in Formis близъ Капуи.

Подробное описаніе и изслѣдованіе замѣчательной живописи этой церкви, не безызвѣстной въ нашей археологической литературѣ, начинаетъ F. X. Kraus въ Jarhbuch der Königlich Preussischen Kunstsammlungen XIV B, 1 Heft, стр. 3—21. О результатахъ этого изслѣдованія дадимъ отчетъ по окончаніи статей. *Е. Рѣдинъ.*

Въ послѣдней книжкѣ (II,2) *Byz. Zeitschr.* Густавъ Шлумбергеръ помѣстилъ двѣ интересныхъ статьи: Quelques monuments byzantins inédits (amulettes, méreaux ect.) (стр. 187—191) и Bas-relief du campo Angaran à Venise représentant un empereur byzantin du X siècle (стр. 192—194). Первая статья служитъ какъ бы продолженіемъ его работъ по сигиллографіи, точнѣе его же статьи объ амулетахъ, изданной въ Revue des études grecques 1891. Здѣсь имъ изданы 7 подобныхъ же бытовыхъ вещицъ старой Византіи, именно: 1) образокъ односторонній VI — VII в. съ изображеніемъ въ верхней половинѣ Распятія съ разбойниками и Предстоящими (?), служившій амулетомъ какому-то Абамуну; образокъ, по мнѣнію Ш. происхожденія Египетскаго. 2) образокъ двусторонній съ изображеніемъ весьма грубымъ жертвоприношенія Исаака Авраамомъ; образокъ служилъ амулетомъ отъ болѣзней желудка и относится къ древнему времени (d'origine orientale, d'epoque chrétienne ancienne). 3) образокъ съ изображеніемъ Богородицы и подписью, показывающей, что онъ былъ въ связи съ студійской діаконіей (нѣчто въ родѣ service de la charité). 4) Жетонъ XI—XII в. съ именемъ довольно извѣстной фамиліи Пепагоменосъ, что то въ родѣ посвятительнаго дара; 5—6) два перстня, одинъ съ именемъ Евдокіи и изображеніемъ Христа, второй съ именемъ *Гіорасъ* и изображеніемъ Благовѣщенія; второй перстень происхожденія или грузинскаго, или армянскаго; относятся оба амулета къ IX—X в. 7) Образокъ эпохи Палеологовъ; съ одной стороны отдыхъ въ Эммаусѣ, съ другой стороны Распятіе съ Предстоящими.

Вторая статья описываетъ барельефъ X в., изображающій императора

въ полномъ облаченіи съ жезломъ и державой. Къ статьѣ приложенъ рисунокъ барельефа. По предположенію Ш. въ Венецію попалъ этотъ барельефъ въ числѣ многихъ византійскихъ памятниковъ, вывезенныхъ въ Венецію послѣ покоренія Константинополя Латинянами (1204 г.).

VII.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, 24 мая 1893 г., подъ предсѣдательствомъ В. Н. Юргевича было доложено:

Отношеніе Моск. Арх. Общества отъ 23 апрѣля, по поводу газетныхъ извѣстій объ открытіи въ г. Тираснолѣ Херс. губ. древняго кладбища, въ коемъ найдены были ожерелье и браслетъ, препровожденные въ Импер. Одесское Общество Исторіи и Древностей—съ просьбою о сообщеніи обстоятельствъ этой находки, а равно по возможности и описанія извлеченныхъ при раскопкахъ предметовъ. При этомъ вице-президентъ заявилъ, что имъ послано 7 мая въ Московское Общество увѣдомленіе, что объ открытіи кладбища въ городѣ Тирасполѣ не было сообщено Одесскому Обществу Тираспольскимъ уѣзднымъ исправникомъ, препроводившимъ найденныя вещи, а сказано только, что онѣ найдены въ этомъ городѣ 3-го числа ноября 1892 г., по Покровской улицѣ, при раскопкѣ канавы для устройства водопровода, рабочимъ Иконниковымъ и что онѣ находились, повидимому при трупѣ. Въ присланномъ затѣмъ Обществу маленькомъ мѣшкѣ съ землей оказались слѣдующія вещи: I. Множество стеклянныхъ бусъ, которыхъ набраны три нитки, одна обхватывающая два раза шею, изъ бѣлыхъ, круглыхъ, прозрачныхъ бусъ, между которыми нѣсколько позолоченныхъ внутри, другая такой же длины изъ бусъ, въ родѣ бѣлаго стекляруса и одна изъ бусъ разной величины, большихъ и меньшихъ, покрытыхъ разноцвѣтною стеклянною массою, въ родѣ тѣхъ, которыя находятся часто въ гробницахъ Ольвійскихъ и Керченскихъ. II. Бронзовый тоненькій браслетъ въ видѣ проволоки, несомкнутый, со сплющенными концами. III. Большой бронзовый изломанный перстень со слѣдами какихъ-то изображеній на щиткѣ. IV. Четыре желѣзныхъ толстыхъ кольца неизвѣстнаго назначенія, одно въ діаметрѣ равномъ мѣднымъ 5 копѣйкамъ, три—3 копѣйкамъ. V. Наконецъ весьма замѣчательный по нахожденію вмѣстѣ съ упомянутыми вещами, бронзовый, разломанный по поламъ, крестъ изъ круглаго прута, безъ изображенія на немъ распятія Спасителя, вышиною $8^1/_2$ сантиметровъ, на вертикальной части котораго, отъ вершины до средняго перекрестія находятся въ ровномъ разстояніи одинъ отъ другаго три шарика, а на нижней оконечности что то въ родѣ двухъ, расходящихся въ противоположныя стороны корней. Такіе же шарики и на

оконечностяхъ средняго перекрестья. Въ одномъ мѣстѣ сохранились слѣды позолоты. Объяснить форму этаго креста помогаетъ изображенный и описанный В. Н. Юргевичемъ въ „Запискахъ“, томъ XI, стр. 9, крестъ, изсѣченный на церковной колоннѣ, хранящейся въ Херсонисѣ. Три верхнія оконечности его представляютъ листья смоковницы, изъ нижней же въ родѣ украшенія выростаютъ длинные и широко развѣтвляющіеся корни. На самомъ же крестѣ, на вертикальной и на поперечной частяхъ находится надпись, объясняющая форму креста: Οὗτος (ὁ σταυρός), φυτεύσει εἰς κράδην Θεοῦ καὶ ῥίζας οἱ θερίζον(τες οὐκ ἐκριζώσουσι). „Этотъ крестъ выростетъ въ отводокъ смоковницы Божіей и жнецы не искоренятъ его корней“. Подобная же мысль о животворящей силѣ креста руководила составителемъ рисунка для найденнаго въ Тираспольѣ креста, въ которомъ вмѣсто листьевъ смоковницы видимъ плоды, изображенные шариками, и выростающіе изъ нижней оконечности корни.—Судя по маленькому браслету надо предполагать, что похоронена была молодая дѣвушка, которой принадлежали ожерелья изъ упомянутыхъ бусъ, доказывающихъ сходствомъ своимъ съ бусами, находимыми въ Ольвіи и Керчи, что умерла въ этихъ мѣстахъ въ весьма древнее время, и какъ можно заключить изъ найденнаго креста весьма близко къ первымъ вѣкамъ христіанства,—если не была сама христіанкой. При этомъ вице-президентъ предъявилъ упомянутыя выше вещи.

Затѣмъ были представлены Обществу предметы, принесенные въ даръ 1) П. О. Бурачковымъ, состоящіе изъ древнихъ глиняныхъ сосудовъ, лампочекъ, масокъ, изъ которыхъ нѣкоторые возбудили сомнѣніе въ ихъ подлинности, нѣсколькихъ монетъ, между которыми особый интересъ по ихъ рѣдкости представляютъ — скиѳскаго царя Канита и города Ѳеодосіи (съ надписью ΘΕΟΔΟ) и 2) А. Л. Бертье-Делагардомъ, состоящими изъ мраморной плиты съ надписью, принадлежащая древней Тирѣ, найденная въ Аккерманѣ, дающая право гражданства за посольство къ М. Аврелію; обломка съ нѣсколькими буквами, найденнаго въ Шабѣ; мраморной плиты съ надписью найденной въ Аджиголѣ, дающей разныя права Ахемену Ахеменову; мраморной плиты съ надписью найденной въ деревнѣ Кисляковкѣ съ копіей части псифисма Протогенова. Всѣ надписи хорошей сохранности и будутъ напечатаны въ ближайшей книжкѣ Записокъ Общества. 3) Священникомъ Очаковскаго собора Никитою Новицкимъ маленькая амфора подъ чернымъ лакомъ съ тисненымъ узоромъ. Д) Очаковскимъ жителемъ Леономъ Гохманомъ весьма рѣдкій стеклянный сосудъ частію обломанный съ надписью вокругъ: ЄΥΦΡΑΙΝΟΥ ΕΦΩΠΑΡΕΙ, т. е. Εὐφραίνου ἐφ' ᾧ πάρει—Радуйся тому, что ты здѣсь.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Секретарь *В. Трутовскій.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ 12 разъ въ годъ и составятъ томъ въ 25 листовъ. Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою ТРИ (3) рубля въ годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Историческомъ Музеѣ, на Красной Площади, у Алексѣя Васильевича Орѣшникова ежедневно (кромѣ субботъ и праздниковъ), отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня.

2) Въ антикварной книжной торговлѣ П. П. Шибанова, Москва, Петровскія линіи.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные ТРИ рубля исключительно на имя Московскаго Археологическаго Общества (Москва, Берсеневская набережная, у Каменнаго моста, собств. домъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности — церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа; особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы въ Москву, въ Историческій Музей, на Красной Площади, Алексѣю Васильевичу Орѣшникову.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки

издаваемыя

Императорскимъ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

[illegible]

А. В. Орѣшникова.

№№ 9—10

Москва
[illegible]
[illegible]
[illegible]

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I

Икона изъ собранія графа Гр. Серг. Строганова *).

Эта замѣчательная икона (см. рис., уменьшенный въ половину, на табл. IV) пріобрѣтена графомъ Гр. Серг. Строгановымъ въ 1892 г въ южной Италіи. Она представляетъ квадратную доску съ возвышенными полями, образующими рамы. По тябламъ рамы, облицованнымъ мѣдными пластинками, расположены части св.мощей въ продолговатыхъ ложахъ и въ гнѣздахъ розетокъ, представляющихъ цвѣтки; нѣкоторыя мощи поименованы; такъ здѣсь находятся: мощи Іоанна Предтечи (ΛΥΨΑΝΟΝ ΤȢ ΠΡΟΔΡΟΜȢ) Іоанна Златоуста (ΛΥΨΑΝΟΝ ΤȢ ΧΡΥ-ΣΟ(Σ)ΤΟΜȢ), Стефана Новаго (ΛΥΨΑΝΟΝ ΤȢ ΑΓΙΟΥ СΤΕΦΑΝȢ ΤȢ ΝΕȢ), кровь св. Димитрія (ΑΙΜΑ ΤȢ ΑΓΙȢ ΔΗΜΗΤΡΙȢ) и мощи св. Θеодора (ΛΥΨΑΝΟΝ (ΤȢ) Θ(Ε)ΟΔΟΡ(Ȣ). Не поименованныя мощи находятся въ промежуткахъ между рельефными пластинками и вообще размѣщены симметрично: продолговатыя и круглыя гнѣзда перемежаются

*) Краткое сообщеніе объ этомъ памятникѣ было помѣщено на стр. 173 «Арх. Изв. и Зам.».

съ розетками. По концамъ иконы вверху также должны были находиться мощи, такъ какъ врядъ ли образокъ здѣсь могъ быть прикрѣпленъ къ доскѣ гвоздемъ, вбитымъ въ центръ его.

Рельефныя пластинки представляютъ: свв. Петра и Павла, Іоанна, Матѳея и Марка, Ѳеодора Стратилата и несеніе Креста Симономъ.

Въ среднемъ квадратѣ въ центрѣ находится Распятіе—эмалью; по сторонамъ Святители: Іаковъ Братъ Господень (Ⓐ ΙΑΚΟΒΟϹ Ο ΑΔΕΛΦΟϹ ΘΕΟΥ), Григорій Богословъ (Ⓐ ΓΡΗΓΟΡΙΟϹ Ο ΘΕΟΛΟΓΟϹ),—эмалью; подъ Распятіемъ также эмалью изображеніе Христа, лежащаго на платѣ, съ двумя Ангелами по сторонамъ. Надъ Распятіемъ—Успеніе Богородицы и по четыремъ угламъ четыре святителя: Василій, Николай, Іоаннъ Златоустъ и Аѳанасій;—всѣ пластинки изъ тонкаго золоченаго серебра. Три эмалевыя пластинки съ изображеніемъ Распятія и Святителей Іакова и Григорія Богослова представляютъ собственно выпуклыя бляхи, при чемъ двѣ изъ нихъ, имѣющія миндалевидную форму, разрѣзаны по сторонамъ для того, что бы ихъ можно было распластать и прикрѣпить на поверхности иконы.

Уже изъ этого голаго перечня отдѣльныхъ изображеній и сценъ видно, что составитель иконы имѣлъ подъ рукой самый разнообразный матеріалъ, который ему надлежало соединить въ одно гармоническое цѣлое, но который никакъ не могъ уложиться въ строгую систему. Мы видимъ здѣсь всего трехъ Евангелистовъ, вмѣсто четырехъ; имѣемъ Распятіе въ прекрасномъ эмалевомъ изображеніи, а одну изъ сценъ Страстей на маленькой серебряной пластинкѣ, которой мѣсто отведено въ углу иконы. Она должна была бы находиться среди другихъ сценъ изъ Страстей Господнихъ, которыя обыкновенно изображаются по сторонамъ Распятія, въ тѣсной связи съ нимъ по мѣсту. Кромѣ того, мы находимъ здѣсь сцену Успенія Богородицы, которая если и встрѣчается на ряду съ Распятіемъ, то только какъ изображеніе праздника въ необходимой связи съ другими праздниками, которыхъ здѣсь, однако, нѣтъ. Принимая во вниманіе также и то обстоятельство, что одни изображенія—эмалевыя, а другія чеканныя, что они соединены здѣсь весьма грубо и по правиламъ лишь одной симметріи, въ настоящей иконѣ нельзя видѣть памятника, возникшаго изъ предметовъ, изготовленныхъ по одному плану и для одной цѣли, а памятникъ сборный и возникшій случайно. Двѣ эмалевыя бляхи съ изображеніемъ святителей, равно какъ и Распятіе, должны были принадлежать, какъ на то указываетъ ихъ форма, какому нибудь окладу книги, сосуду, или иному предмету, гдѣ миндалевидная форма двухъ изъ нихъ стояла въ зависимости отъ мѣста помѣщенія; здѣсь-же эта форма должна была быть замаскирована

прибавками полосокъ орнамента. Очевидно, что сборъ иконы былъ произведенъ у мастера, который изготовилъ облицовку, грубый орнаментъ, идущій по бордюру рамы, а также и тѣ полоски орнамента, которыя окружаютъ эмали, замѣщая свободныя мѣста. Только разнообразною величиной предметовъ, которые нужно было размѣстить по узкимъ тябламъ иконы, можно объяснить себѣ, почему тремъ пластинкамъ лѣваго тябла отвѣчаютъ четыре на правомъ; почему въ соотвѣтствіе съ одной фигурой Θеодора Стратилата мы видимъ цѣлую сцену несенія Креста Симономъ. Поэтому, если эмалевая пластинка съ изображеніемъ покоющагося на платѣ Христа хорошо подошла по смыслу къ эмали съ Распятіемъ, то это должно считать за счастливую случайность, такъ какъ обѣ эмали различаются и по стилю, и по техникѣ и принадлежатъ разнымъ временамъ.

Дѣйствительно, не только этотъ внѣшній распорядокъ изображеній указываетъ на сборный характеръ иконы, но и стиль изображеній и иконографическія подробности. Пластинки съ изображеніемъ Іоанна Златоуста, Аѳанасія и Николая—представляютъ совершенно однородныя по стилю и работѣ изображенія: погрудное изображеніе Святителя заключено въ кругъ, состоящій изъ бусинокъ съ такимъ же нимбомъ; широкія цвѣтущія лица безъ всякаго слѣда поздне-византійской дряблости, большіе широко раскрытые глаза, волосы на бородѣ и усахъ, кончающіеся завитками—все въ этихъ типахъ указываетъ на хорошую раннюю пору византійскаго искусства и близко напоминаетъ нѣсколько тяжелый характеръ рѣзьбы Максиміановой каѳедры въ Равеннѣ. Іоаннъ Златоустъ въ своемъ обычномъ типѣ, т. е. съ остроконечной бородой и широкимъ лбомъ, имѣетъ живое и выразительное лицо; прядь волосъ на лбу указываетъ, что типъ гораздо ранѣе тѣхъ типовъ Святителя, которые извѣстны въ XI в., когда онъ изображается лысымъ. То же самое должно сказать о типѣ Св. Николая и о типѣ третьяго Святителя; головы ихъ покрыты волосами и это сильно отличаетъ ихъ отъ лысыхъ типовъ Паноплія Ватик. Библ. № 566, мозаикъ Палатинской капеллы и др. Напротивъ, близкое родство съ типами рукописи Косьмы Индикоплова выступаетъ довольно ярко. Всѣ прочія детали стиля и исполненія указываютъ на болѣе позднюю эпоху. Рѣзкій и тупой взглядъ, оплывшія щеки, тонкій носъ и маленькія губы — все это черты скорѣе X вѣка, чѣмъ вѣка рукописи Косьмы Индикоплова. Они очень ясно выражены на пластинкахъ изъ слоновой кости Національнаго музея въ Миланѣ (№№ 863—869) съ изображеніями сценъ изъ жизни св. Павла и св. Мины. Характеристика типовъ и внимательная работа, даже планы бороды, кончающейся тѣми-же завитками (идущими еще отъ

полной бороды античной скульптуры), какъ и на пластинкахъ иконы, не только указываютъ на одновременность возникновенія тѣхъ и другихъ памятниковъ, но и на школу, изъ которой они вышли. Какъ изображенія рельефныя, они имѣютъ сходство съ послѣдними лишь въ широтѣ овала и бодромъ видѣ лицъ. Прекрасныя правильнаго полуустава надписи на пластинкахъ Св. Іоанна Златоуста и св. Николая въ связи съ указанными чертами позволяютъ относить эти три изображенія къ IX—X вѣку. Что касается надписи у Аѳанасія, то легко видѣть, что она позднѣе самого изображенія; въ этомъ убѣждаетъ ея однородность съ надписями надъ мощами, и также и то обстоятельство, что ранѣе этой надписи была другая, которой слѣды на пластинкѣ остались до сихъ поръ: явственно видна буква Г, часть буквы О во второй строкѣ, О на другой сторонѣ; по типу Святитель сходится съ изображеніемъ Святителя Григорія Богослова на эмали, помѣщенной надъ нимъ и, очевидно, надпись была сбита и замѣнена другой для того, чтобы не повторить на иконѣ два раза изображеніе одного и того же Святителя. Изображеніе четвертаго Святителя Василія, нѣсколько испорченное, по аскетическому угрюмому морщинистому лицу, по техникѣ, дающей уже вмѣсто правильныхъ складокъ лишь грубую схему ихъ, можно отнести къ XII—XIII вѣку, съ чѣмъ будетъ согласенъ и самый характеръ надписи. Іоаннъ Златоустъ держитъ закрытую книгу и крестъ, форма котораго извѣстна еще въ V — VI в., напр., на хранительницѣ св. реликвій, присланной имп. Юстиномъ святой Редегундѣ, VI в. [1]). Св. Николай не имѣетъ креста и благословляетъ двуперстно. Свв. Василій и Аѳанасій благословляютъ именословно и держатъ книги.

Къ иному стилю и къ иному времени принадлежатъ изображенія, расположенныя по тябламъ, Петра и Павла, Евангелистовъ, св. воина и несеніе Креста. Если они и представляютъ еще черты византійскаго стиля, то самая фактура, т. е. грубость и отсутствіе сухости въ фигурахъ, отдаляютъ ихъ отъ чисто византійскихъ произведеній и ставятъ на рубежѣ съ тѣми, которые въ XIII вѣкѣ распространяются въ Италіи.

Достаточно взглянуть на искаженный типъ длиннаго лица Ев. Марка, чтобы видѣть близость этого стиля къ произведеніямъ подобнаго рода.

Грубыя надписи, битыя острымъ орудіемъ послѣ изготовленія самой пластинки, ошибочно называютъ святыхъ и поэтому странно читать надпись АГ МАТѲЕОС рядомъ съ фигурой, не имѣющей обыкновеннаго аттрибута Евангелиста—Евангелія; видѣть типъ, болѣе подхо-

[1]) *Garrucci,* Storia dell'arte cristiana, tav. 457, 2. Рис. см. у Molinier, *L'Emaillerie*, Paris, 1891, p. 31.

дящій къ типу Павла, переименованнымъ въ Іоанна, и наоборотъ, типъ Іоанна въ типъ Павла. У перваго написано на переплетѣ закрытой книги *ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος;* у втораго, въ открытомъ Евангеліи: *εἶπεν ὁ κύριος τὴν παραβολήν;* вся эта путаница могла быть вызвана грубостью и малой типичностью фигуръ.

Образокъ Успенія Богородицы, прикрѣпленный надъ Распятіемъ, по нѣсколько удлиненнымъ фигурамъ и красотѣ лицъ, долженъ быть отнесенъ къ XI в. По сторонамъ Успенія представлены двое юныхъ мучениковъ съ крестами въ рукахъ, держащихъ правую руку ладонью къ зрителю. Богородица лежитъ со сложенными на груди руками на ложѣ; Христосъ, обращая къ ней лицо, держитъ душу Ея въ видѣ спеленатаго младенца; справа и слѣва къ нему подлетаютъ два Ангела, протягивая какъ бы для принятія души руки, покрытыя гиматіемъ. Апостолы стоятъ по сторонамъ, Петръ кадитъ, Іоаннъ стоитъ въ позѣ плачущаго, приложивъ руку къ щекѣ; справа видна надпись: Η ΚΥΜΗϹΙΣ ΘΚȣ (*ἡ κοίμησις Θεοτόκου*) Изображеніе уготованнаго престола надъ Успеніемъ, посрединѣ орнамента, изображеніе двухъ Ангеловъ съ мѣрилами по угламъ образка и многія частности композиціи Успенія объясняются на основаніи апокрифовъ, вошедшихъ въ составъ *сказанія Іоанна Богослова объ Успеніи Пресвятыя Богородицы*. Апостолы, окружающіе тѣло Богородицы, слетѣлись, по этому сказанію, на облакахъ изъ разныхъ странъ міра; Христосъ на тронѣ херувимскомъ появляется въ сопровожденіи Ангеловъ и послѣ разговора съ Маріей беретъ ея душу, послѣ чего Богородица умираетъ [2]). По сказанію Мелитона, Христосъ вручилъ душу Богородицы Архангелу Михаилу, такъ что эта подробность на образкѣ должна быть отнесена па счетъ послѣдняго сказанія [3]); другія же частности, какъ, напр., что Петръ кадитъ, а Павелъ и Θома—одинъ обнимаетъ ноги Богородицы, другой склоняется къ ней — должно быть отнесено на счетъ перваго сказанія, такъ какъ въ немъ говорится, что Христосъ приказалъ Петру пѣть похвальную пѣснь, и Петръ вмѣстѣ съ Павломъ, Іоанномъ и Θомой обняли ноги усопшей.

Въ виду того обстоятельства, что оба сказанія возникли очень рано, одно около II вѣка, другое III — IV в., композиція Успенія, появившаяся не ранѣе VII—VIII вѣка, т. е. послѣ установленія празд-

[2]) *„Βάλετε θυμίαμα, ὅτι Χριστὸς ἔρχεται μετὰ στρατιᾶς ἀγγέλων. Καὶ ἰδοὺ παραγίνεται Χριστός, καθήμενος ἐπὶ θρόνου χερουβίμ.*

.....Καὶ τοῦ κυρίου ἁπλώσαντος τὰς ἀχράντους αὐτοῦ χεῖρας ἐδέξατο τὴν ἁγίαν καὶ ἄμωμον αὐτῆς ψυχήν“. (Tischendorf. *Apocalypses apocryphae*. 1866, p. 109). Латинскій текстъ, ibid, pag. 117.

[3]) А. И. Кирпичниковъ, *Успеніе Богородицы въ легендѣ и искусствѣ* (отд. оттискъ изъ трудовъ VI Арх. Съѣзда въ Одессѣ, стр. 192, 194).

ника Успенія Императоромъ Маврикіемъ (582—602), должна была заключать уже эти апокрифическія подробности, такъ какъ въ каноническихъ Евангеліяхъ на этотъ счетъ никакихъ указаній нѣтъ [4]). Въ силу этого обстоятельства Отцы Церкви, какъ Косьма Маюмскій, монахъ Епифаній, Андрей Критскій, Іоаннъ Дамаскинъ и др. передаютъ черты апокрифическихъ сказаній. Для сужденія о самомъ образкѣ нѣкоторую важность представляетъ изображеніе кувшина съ водой, стоящаго въ чашѣ, подъ ногами Богородицы; въ сказаніи ничего не говорится на счетъ этой подробности и она должна быть отнесена къ тому разряду натуралистическихъ чертъ, которыя въ большомъ обиліи пробиваются въ византійскомъ искусствѣ въ XI—XII вѣкѣ; вода въ кувшинѣ есть та вода, которую при положеніи тѣла на ложе, ставятъ подъ него для омовенія души; на таблеткѣ Равеннской Библіотеки вѣка IX-го этой подробности нѣтъ. Миловидность фигурокъ, ихъ улыбающіяся лица и особенно стройныя фигурки двухъ мучениковъ по сторонамъ, сближаютъ эту пластинку съ лучшими произведеніями византійскаго искусства.

Эмалевое Распятіе чрезвычайно тонкой выдѣлки даетъ изображеніе Распятаго въ нѣсколько изогнутомъ положеніи и со склоненной головой; по сторонамъ—налѣво двѣ Маріи, направо—плачущій Іоаннъ и изумленный Лонгинъ; на Голгоѳѣ Адамова голова, а надъ крестомъ четыре летящихъ полуфигуры Ангеловъ. Этотъ переводъ Распятія передаетъ моментъ смерти Христа на крестѣ и, начиная съ XI вѣка, замѣняетъ собою Распятіе съ Христомъ, у котораго открыты глаза и не обвисло тѣло. Вплоть до X вѣка надъ Распятіемъ обыкновенно видны солнце и луна, какъ, напр., въ Сирійскомъ Ев., въ рукописи Григорія Назіанзена № 510 Париж. Нац. Библ., IX в. и др., и, наоборотъ, на дверяхъ ц. св. Павла „внѣ стѣнъ Рима", во фрескахъ ц. св. Урбана (въ Римѣ)—солнца и луны нѣтъ, а вмѣсто нихъ Ангелы; во фрескахъ ц. св. Марка въ Венеціи надъ Распятіемъ изображено шесть летящихъ Ангеловъ [5]). Вообще присутствіе плачущихъ Ангеловъ указываетъ на измѣненіе торжественнаго характера Распятія на страдальческій. Апокрифическіе источники, какъ напр., *Narratio Iosephi*, говорятъ о присутствіи милліарда Ангеловъ въ то время, когда Христосъ висѣлъ распятымъ на крестѣ [6]), а апокрифическіе *Акты Пилата* говорятъ о появленіи безчисленныхъ Ангеловъ послѣ смерти Христа, возвѣстившихъ Его сошествіе въ адъ [7]). Также точно изображеніе текущей крови изъ прободен-

---

4) А. И. Кирпичниковъ, ук. ст., стр. 192.
5) Rahault de Fleury, *L'Evangile*, I, LXXXV I, 1; LXXXVIII, 1 и 4, LXXXIX, 1 и XC, 1.
6) Tischendorf, *Evangelia apocrypha*, Lipsiae 1876, p. 465.
7) Tischendorf, Ibid., см. *'Αναφορὰ Πιλάτου*, p. 362.

наго ребра появляется позднѣе X вѣка, что соотвѣтствуетъ перемѣнѣ изображаемаго момента, ибо Христосъ изображается уже умершимъ [8]).

На раннихъ памятникахъ крови, текущей изъ ребра Христова, не изображается, равно какъ нѣтъ изображенія и Адамовой головы, о которой апокрифы сложились также сравнительно поздно; въ раннихъ апокрифическихъ Евангеліяхъ, актахъ Пилата и пр. ничего не говорится объ Адамовой головѣ и, напротивъ, сказаніе о ней очень распространено въ средневѣковыхъ легендахъ; надо полагать, во всякомъ случаѣ, что легенда эта была извѣстна на Востокѣ и въ Іерусалимѣ ранѣе XIV ст. [9]), такъ какъ дьяконъ Игнатій, путешествовавшій отъ Москвы до Царьграда (1391 г.), уже видѣвшій ее, говоритъ: „а съ правую сторону греческія службы на палатѣхъ Голгоѳа, зовомое Лобное мѣсто, гдѣ распяша окаянные Іудеи Господа нашего Іисуса Христа: тамо есть *Адамля голова*“ [10]). На памятникахъ искусства Адамова голова появляется только съ XI в., и потому эмаль не можетъ быть ранѣе этого времени. Вообще же помѣщеніе Адамовой головы на Голгоѳѣ вытекаетъ изъ того апокрифическаго разсказа, по которому Христосъ былъ распятъ на томъ деревѣ, которое выросло изъ главы Адамовой [11]). Интересно, что Богородица держитъ въ лѣвой рукѣ бѣлый платочекъ, а правую руку, окутанную въ мафорій, подноситъ къ струѣ крови, текущей изъ ребра Христа. На эмали изъ собранія г. Звенигородскаго болѣе поздней, чѣмъ описываемая [12]), кровь собираетъ въ кантаръ одна изъ Магдалинъ (образъ церкви). На этой эмали видны двое ангеловъ надъ крестомъ, Адамова голова подъ крестомъ и Христосъ имѣетъ нѣсколько опустившееся тѣло.

Эмаль на нашей иконѣ еще довольно яркихъ цвѣтовъ; крестъ синій, тѣло Христа мутно-розовое, какъ и лица у всѣхъ, стоящихъ по сторонамъ Христа; перекрестье нимба алое; борода, волосы и глаза у Христа черные; лентіонъ бѣлый; у Іоанна также черные волосы, черные глаза, зеленый нимбъ, голубой гиматій, испещренный синими зигзагами для выраженія складокъ, хитонъ красный съ лазурными складками; у

[8]) Mallonius, *Historia Admiranda Jesu Christi* etc., p. 13., Извѣстно привезеніе изъ разныхъ мѣстъ восточной Греціи въ 1205 году на Западѣ Европы крови Господней; нахожденіе ея приписывается Генриху II Мантуанскому. На изображеніяхъ Распятія иногда кровь собираетъ церковь въ видѣ женской фигуры, поэтому изображеніе крови, текущей изъ ребра, можетъ стоять въ зависимости отъ ея почитанія.

[9]) Объ Адамовой пещерѣ внутри Голгоѳы см. Tobler, Itinera Hierosolymitana I, 58, 151; о краніевомъ мѣстѣ (лобномъ), получившемъ названіе будто отъ лобной кости Адама, найденной здѣсь, см. Георгія Амартола въ Правосл. Палест. Сборн., выпускъ 16-й, стр. 28, 29.

[10]) Сахаровъ, *Сказанія русскаго народа*, II т., VIII, 105.

[11]) Кушелевъ-Безбородко, *Памятники старинной русской литературы*, вып. 3, стр. 8.

[12]) *Schulz*, Der byzantinische Zellenschmelz. Frankfurt a. M. 1890, Taf. 13.

Лонгина—бѣлая головная накидка, перья панцыря голубыя, а самый панцырь желтый; яйцевидный щитъ состоитъ изъ синей и бѣлой полосъ, огибающихъ внутреннее сердечко, въ которомъ сидитъ на красной вѣточкѣ зеленый попугай, штаны узорные съ бѣлыми полосками и синими полукругами, сапожки голубые, плащъ лазурный съ желтыми сердечками; Богородица въ синемъ мафоріи, изъ подъ котораго виденъ бѣлый чепецъ, платье лазоревое, нимбъ темнозеленый въ соотвѣтствіе къ нимбу Іоанна. У Магдалины, стоящей позади нея, лазоревый мафорій и пепельно-голубой хитонъ, нимбъ голубой въ соотвѣтствіе къ голубому нимбу Лонгина; Ангелы въ пепельно-голубыхъ хитонахъ и синихъ гиматіяхъ, имѣютъ зеленые нимбы; буквы IC XC бѣлыя, H CTAΥPOCHC (т. е. ἡ σταύρωσις)—синія.

Тончайшія перегородки эмали, разнообразіе и сохранность эмалеваго состава, роскошь орнаментаціи на вооруженіи Лонгина, указываютъ на то, что пластинка представляетъ одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній эмальернаго византійскаго мастерства. Къ этимъ техническимъ особенностямъ присоединяется и чрезвычайно тонкая художественность въ исполненіи фигуръ. Ихъ настроеніе запечатлѣно той печалью, которая далека еще отъ всего изувѣрскаго и чрезмѣрнаго. Эта печаль идеальна: фигуры скорѣе грустны и тихо страдаютъ. Ихъ спокойныя позы, склоненныя головы лишены всякой порывистости, и по нимъ еще нельзя себѣ представить перехода къ той драмѣ, которая разыграется у креста въ картинахъ эпохи Возрожденія. Одна фигура Лонгина, который изумляется чуду въ природѣ, вноситъ свѣжую струю въ общее настроеніе печали. Не даромъ византійское искусство съ любовью останавливается на этой фигурѣ и опускаетъ очень часто двухъ разбойниковъ. Въ фигурѣ сотника дается ясный образъ увѣровавшаго христіанина, образъ поучительный и выразительный, между тѣмъ какъ распятыя тѣла двухъ разбойниковъ лишь преувеличиваютъ смыслъ драмы. Византійское искусство искало и находило наиболѣе экспрессивныя и художественныя фигуры для своихъ композицій.

Одновременны ей и совершенно схожи по исполненію двѣ эмалевыя бляхи съ изображеніями святителей—Іакова брата Господня и Григорія Богослова; оба они сѣдые, глаза имѣютъ черные; у обоихъ синія фелони, бѣлые омофоры и пепельно-голубые саккосы; у Григорія Богослова подъ фелонью желтый набедренникъ, въ рукѣ голубая закрытая книга; Іаковъ стоитъ на зеленой травѣ съ синими вѣточками и красными цвѣточками и держитъ обѣими руками бѣлый свитокъ. Ихъ сѣдина, впадающая въ зеленый цвѣтъ, рѣзкое выраженіе глазъ и иконописная поза не выдвигаютъ ихъ изъ числа извѣстныхъ эмалевыхъ изображеній.

Ниже Распятія прикрѣплено эмалевое изображеніе Христа, лежащаго на платѣ, украшенномъ сердечками (кѣрами), тремя полосами и зелеными и красными точками. Разрушеніе эмали, происшедшее отъ перелома пополамъ пластинки, позволяетъ видѣть, что она была перегородчатая, что перегородки были припаяны къ основѣ. Форма тѣла Христа заключена въ толстый контуръ, который со стороны нимба, средней части тѣла и ногъ, скрѣпленъ такими же толстыми жгутиками, образующими узорныя полосы плата. Эти толстые контуры нужны были потому, что приходилось заполнить эмалью и фонъ, и весь фонъ плащаницы. Такимъ образомъ, эмаль эта имѣетъ лишь внѣшнее сходство съ родомъ выемчатой и по существу сходится съ эмалью на иконѣ изъ монастыря Джумати (на Кавказѣ) съ изображеніемъ двухъ Архангеловъ [13]) XIII—XIV в., а также съ эмалью на иконѣ изъ коллекціи Базилевскаго въ Императорскомъ Эрмитажѣ, представляющей св. Θеодора. Въ позднемъ происхожденіи эмали убѣждаетъ еще и способность ея къ быстрому разрушенію, а также и самый сюжетъ, весьма рѣдкій въ христіанской иконографіи. Христосъ со сложенными ниже груди руками, опоясанный въ лентіонъ, лежитъ на плащаницѣ; два Ангела, въ позѣ моленія, на маленькихъ отдѣльныхъ пластинкахъ, предстоятъ по сторонамъ; надпись: *Χριστός πρόκειται κοιμέζεται θεός*, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь Христа, который былъ „тридневенъ" въ гробѣ. Среди сценъ Страстей Христовыхъ мы нигдѣ не находимъ сценъ въ этомъ переводѣ; (мнѣ неизвѣстна совершенно эта сцена среди миніатюръ рукописей, обыкновенно иллюстрирующихъ текстъ Евангелія; укажу примѣръ подобной композиціи на иконѣ монастыря Хопи въ Грузіи XIII, XIV в. Христосъ на платѣ лежитъ, имѣя руки вдоль тѣла; въ верхней части иконы Распятіе. *Кондаковъ и Бакрадзе*, Опись памятн. древности Грузіи, стр. 89); всегда изображается круглый храмикъ (пещера), который стерегутъ воины, такъ какъ въ немъ покоится тѣло Христа; появленіе же разбираемой композиціи должно быть связано съ обрѣтеніемъ и почитаніемъ того плата, или синдона, въ который былъ завернутъ Христосъ и на которомъ отобразилось его лице и все тѣло; на западѣ извѣстны два синдона, одинъ въ Туринѣ, сохраняющійся и теперь, а другой въ Безансонѣ, разрушившійся въ прошломъ столѣтіи; оба синдона даютъ тоже изображеніе Христа со сложенными руками и опоясаннаго въ лентіонъ, что и на разбираемой эмали. Готфридъ Бульонскій въ 1099 году нашелъ синдонъ въ Іерусалимѣ, который затѣмъ наслѣдственнымъ образомъ достался

[13]) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, *Русскія древности*, вып. IV, Спб. 1891, рис. 79.

Турину [14]) (около 1453 г.). Любопытно въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что Христосъ не обернутъ въ плащаницу, а лишь въ лентіонъ, т. е. въ ту одежду, которую на Него одѣли предъ Распятіемъ; для иконографіи сюжета это важно въ томъ смыслѣ, что мы имѣемъ здѣсь не тѣло Христа, погребенное и завернутое въ плащаницу, а изображеніе плащаницы, на которой отображено тѣло Христа.

На иконѣ, такимъ образомъ, мы имѣемъ изображенія, происходящія отъ различныхъ временъ, отъ IX—X по XII—XIII вѣка. Поэтому не будетъ ошибочнымъ признать сборъ иконы и приведеніе ея въ тотъ видъ, въ которомъ она существуетъ въ XII или XIII вѣкѣ. Большинство предметовъ на этой иконѣ, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ на боковыхъ тяблахъ ея рамы, равно какъ и мощи, представляютъ родъ тѣхъ предметовъ, ввозъ которыхъ въ Италію и вообще въ Европу особенно усилился со времени крестовыхъ походовъ и паденія Византійской имперіи.

Извѣстія о ввезенныхъ въ Европу съ востока св. мощахъ, между которыми упоминаются и мощи св. Димитрія, Θеодора, Іоанна Златоуста, Іоанна Предтечи и др., о серебряныхъ предметахъ, украшенныхъ золотомъ и драгоцѣнными камнями и „болѣе драгоцѣнными, чѣмъ золото и камни, св. мощами“, и о другихъ предметахъ съ изображеніями святыхъ, во множествѣ сохранились въ лѣтописяхъ старинныхъ церквей и монастырей Европы [15]).

Такіе памятники, какъ pala d'oro церкви св. Марка въ Венеціи, сборный эмалевый окладъ Евангелія Сіенской Библіотеки — подтвержда-

[14]) Mallonius *Historia admiranda* etc., p. 24 — 25. Исторія св. плащаницы съ образомъ Христа чрезвычайно темна; о св. синдонѣ говорится въ Евангеліяхъ: у Матθея гл. XXVII, ст. 59; у Марка XVI, 46; у Луки XXIII, 53; у Іоанна XIX, 40; упоминается также и въ апокриѳахъ, гдѣ, однако, слову синдонъ усвоивается понятіе убруса, на которомъ отобразилъ свое лице Христосъ во время пути къ Голгоѳѣ—для Вероники (Tischendorf, *Evangelia apocrypha,* Acta Pilati, p. 482). Іоаннъ Златоустъ, Никифоръ Каллистъ говорятъ о sudarium, который былъ на головѣ Христа во время погребенія вмѣстѣ съ прочими одеждами, но ничего не говорятъ объ образѣ, отображенномъ на немъ; св. Аθанасій говоритъ, что образъ на синдонѣ былъ изображенъ Никодимомъ, что пронзенный Іудеями, онъ далъ воду и кровь, и что именно этотъ образъ чудеснымъ образомъ явился въ Латеранской Базиликѣ, какъ явствуетъ изъ Breviarium Romanum: „Die IX Novembris“. По разсказу того-же Аθанасія одинъ благочестивый еврей Гамаліилъ, по Воскресеніи Христовомъ, сохранилъ этотъ синдонъ и передалъ своимъ сыновьямъ, который долгое время хранился между вѣрующими, затѣмъ былъ перенесенъ изъ Іерусалима въ Сирію; Готфридъ Бульонскій опять засталъ его, однако, въ Іерусалимѣ. См. у Mallonius, op. cit., гл. II Alphonsi Palleoti sacrae Syndonis explicatio, p. 24. 27 и слѣд. Что синдоны были и въ другихъ мѣстахъ восточной Греціи указывается тѣмъ обстоятельствомъ, что, наприм., въ 1205 г. изъ Тира, Анконы и др. мѣстъ привезены были въ Саксонію въ числѣ многихъ предметовъ также часть de syndone et de sudario Domini. (*P. de Rian*, Exuvia sacra Constantinopolitana, т. I, гл. II, p 19).

[15]) Exuvia Constantinopolitana. T. I, гл. II, стр. 22—34; III, VI, стр. 25 и др.

2.

Арх. Изв. и Зам. 1893 г.

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

ютъ эти извѣстія. Многочисленныя сборныя иконы монастырей и церквей Грузіи показываютъ, что способъ собиранія иконъ изъ различныхъ памятниковъ былъ самымъ обыкновеннымъ способомъ въ древности [16]). Сборныя иконы существовали на всемъ востокѣ. Икона изъ собранія графа Григ. Серг. Строганова принадлежитъ къ числу такихъ же памятниковъ.

Д. Айналовъ.

II

Серебряная туалетная шкатулка польской королевы Екатерины Гонзаго.

Недавно извѣстный въ Москвѣ антикварный торговецъ г. С—ъ, пріобрѣлъ серебряную золоченую туалетную шкатулку (coffret), фототипическое изображеніе которой съ разныхъ сторонъ прилагается къ настоящей статьѣ на табл. II и III *). Шкатулка эта, возбудившая много толковъ среди любителей древностей, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, какъ по оригинальности своего стиля, такъ и по своей претензіи на историческое значеніе: шкатулка украшена сверху польско-литовскимъ гербомъ, а съ боку рельефнымъ портретомъ польской королевы Екатерины Гонзаго, третьей жены Сигизмунда II Августа (1548—1572)—послѣдняго короля изъ рода Ягеллоновъ. Вокругъ портрета королевы находится надпись: Catharina D. G. Pol. Regina, т. е.: „Катерина Божіей милостью королева польская". Такого рода надпись указываетъ на то, что вещь эта составляла собственность королевы, и сдѣлана была при жизни королевы. Екатерина Гонзаго стала супругой Сигизмунда въ 1553 году, а уже въ 1567 году король съ ней развелся, вслѣдствіе ея болѣзни — эпилепсіи; вскорѣ послѣ развода королева умерла въ Линцѣ. Намъ извѣстна еще бронзовая медаль, отлитая въ 1561 году, также съ портретомъ Екатерины Гонзаго и съ подобной же надписью. Оба предмета напоминаютъ о королевѣ, которая никакой исторической роли не играла. Однако медаль эта заподозривается въ подлинности. Оба портрета представляютъ сходство, такъ что безспорно изображаютъ одно и то-же лицо — небольшая

[16]) *Кондаковъ и Бакрадзе.* Опись памятниковъ древности въ нѣкоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи. Спб. 1890.

*) Рис. 1-й на табл. II сдѣланъ въ $1/2$ нат. величины.

разница замѣчается только въ поворотѣ фигуры. Такимъ образомъ, судя по изображенію и надписи шкатулка относится ко второй половинѣ XVI вѣка. По первому взгляду форму шкатулки и стиль украшеній можно отнести къ той-же эпохѣ, т. е. ко времени полнаго разцвѣта италіанскаго ренессанса; но, вглядываясь пристальнѣй въ подробности, можно замѣтить двойственность въ характерѣ техники и изображеній: головки драконовъ, женскія фигурки-каріатиды, ящерицы отличаются художественнымъ выполненіемъ и прекрасной техникой; рельефныя же женскія фигурки на крышкѣ, по сторонамъ герба указываютъ на полное непониманіе пропорцій тѣла и на шаблонность техники; точно также орнаменты съ боку шкатулки значительно новѣе XVI вѣка. Чистымъ „барокко“ отзываются фигурки купидоновъ, неумѣстно помѣщенныя на срединѣ ручки—тутъ уже не можетъ быть и рѣчи о XVI столѣтіи: очевидно эти фигурки взяты съ другой вещи, и прежде въ рукахъ купидоновъ были какіе-то предметы, быть можетъ, стрѣлы, такъ какъ въ рукахъ сохранились отверстіи. Задвижки двустворной крышки, въ формѣ сфинксовъ, отличаются грубостью и новизной работы. Позолота снаружи нѣсколько потерта, но внутри сохраняетъ весьма подозрительную свѣжесть. На днѣ шкатулки оттиснуто два раза клеймо, опредѣлить которое намъ не удалось, а потому изображеніе его помѣщается здѣсь.

Такое различіе въ стилѣ украшеній и въ техникѣ указываетъ, по нашему мнѣнію, прежде всего на сборный характеръ самой вещи; что же касается до мѣста, гдѣ произошла фабрикація этого предмета, то мѣсто это можно предположить съ большимъ вѣроятіемъ никакъ ни въ Германіи, а въ Италіи, и скорѣй всего во Флоренціи; на этотъ городъ указываетъ нетолько общій характеръ стиля, но и обработка нѣкоторыхъ деталей, какъ напр. *ящерицъ* и головъ драконовъ. Замѣтная потертость позолоты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ наружныхъ сторонъ шкатулки и впечатлѣніе мягкости въ поверхности многихъ частей служатъ доказательствомъ, что фабрикація этой вещи произведена уже довольно давно. Къ установленію болѣе точной даты этой шкатулки является на помощь случайно указанный намъ рисунокъ нѣмецкаго иллюстрированнаго журнала—„Gewerbehalle“ 1887 года, гдѣ въ 9-й тетради изображена подобная же серебряная шкатулка и также съ портретомъ Екатерины Гонзаго, принадлежащая директору Эберле (Häberle) въ Ганноверѣ. При первомъ взглядѣ на этотъ рисунокъ можно признать въ общемъ стилѣ и въ техникѣ близкое родство этой шкатулки (названной, впрочемъ, —„Schreibzeug“) съ описанной нами шкатулкой: та-же вычурность украшеній, то-же смѣшеніе стилей и почти тотъ-же портретъ королевы

4.

Фототипия Р. Ю. Тиле. Москва.

съ той-же надписью — очевидно обѣ эти вещи сработаны одной рукой. Къ счастью, орнаменты на стѣнкахъ ганноверской шкатулки такъ ярко выражаютъ стиль „рококо“, что мы можемъ не колеблясь, отнести ее ко второй половинѣ XVIII вѣка. Въ силу совершенно законной аналогіи, по нашему мнѣнію, той же даты заслуживаетъ и наша шкатулка. Портретъ Екатерины Гонзаго въ такомъ изобиліи появляющійся на разныхъ вещахъ, подтверждаетъ наше мнѣніе объ изготовленіи этихъ вещей въ Италіи, гдѣ имя мантуанской династіи Гонзаго было весьма популярнымъ въ эпоху Возрожденія—по своему культурному значенію. Въ XVIII вѣкѣ эти вещи могли изготовляться съ цѣлью сбыта ихъ въ средѣ польскихъ магнатовъ, среди которыхъ любовь къ роскоши въ это время была характернымъ явленіемъ ихъ общественной жизни.

В. Сизовъ.

III

Засѣданія IX Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ.

Засѣданіе Совѣта 31 іюля 1893 г.

Засѣданіе было открыто въ 12 часовъ дня, въ помѣщеніи Виленской Публичной Библіотеки, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, при секретарѣ засѣданія И. А. Линниченко и въ присутствіи депутатовъ, прибывшихъ на Съѣздъ.

Въ предсѣдатели Съѣзда была избрана единогласно графиня П. С. Уварова. Въ секретари Съѣзда были приглашены: Ю. А. Кулаковскій, М. Н. Соколовъ. Предсѣдателемъ распорядительнаго комитета Съѣзда избранъ Ю. Ѳ. Крачковскій; въ члены распорядительнаго комитета Ф. Н. Добрянскій, А. С. Долинскій, Л. М. Слезкинъ, Ѳ. В. Покровскій, А. И. Маркевичъ, П. И. Яхонтовъ, М. А. Бржезинскій.

Затѣмъ были избраны предсѣдателями отдѣленій: I. В. Б. Антоновичъ, II. А. И. Павинскій, III. Н. В. Покровскій, IV. Н. И. Веселовскій, V. Н. И Петровъ, VI. А. И. Кирпичниковъ, VII. Ѳ. И. Успенскій, VIII и IX. Т. Д. Флоринскій, X. В. Н. Сторожевъ.

Въ секретари отдѣленій были приглашены: I. В. З. Завитневичъ, II. М. Н. Бережковъ, III. Ѳ. В. Покровскій, IV. С. М. Середонинъ, V. Н. И. Троицкій, VI. Х. П. Ящуржинскій, VII. Ю. А. Кулаковскій, VIII и IX. И. А Линниченко, X. Н. Ѳ. Бѣляшевскій.

Предсѣдателемъ ученаго комитета Съѣзда былъ избранъ Ѳ. И Успенскій.

Прочитана была программа открытія Съѣзда 1 августа.

Открытіе Съѣзда 1 августа.

1 Августа, въ 4 часа, въ домовой церкви виленскихъ среднеучебныхъ заведеній было молебствіе, совершенное архіепископомъ Донатомъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ актовомъ залѣ 1-й виленской гимназіи состоялось открытіе Съѣзда, въ присутствіи начальника края сенатора П. В. Оржевскаго и многихъ представителей мѣстной администраціи. Съѣздъ былъ открытъ краткою рѣчью начальника края послѣ чего предсѣдатель Съѣзда гр. П. С. Уварова доложила телеграмму Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича съ извѣщеніемъ о дарованіи Государемъ Императоромъ Съѣзду 5000 р., а Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ 2000 р. на изданіе трудовъ Виленскаго Съѣзда. Затѣмъ гр. П. С. Уварова прочла привѣтствіе Съѣзду отъ Почетнаго Предсѣдателя Виленскаго Археологическаго Съѣзда Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича. Послѣ послѣдовавшей затѣмъ рѣчи попечителя учебнаго округа т. с. Н. А. Сергіевскаго, былъ прочтенъ Предсѣдателемъ Съѣзда отчетъ Предсѣдателя предварительнаго комитета IX Археологическаго Съѣзда. Упомянувъ о пользѣ и развитіи археологическихъ Съѣздовъ, графиня П. С. Уварова сообщила о дѣятельности комитета, собравшагося впервые въ январѣ 1891 г. въ Москвѣ:

Комитетъ имѣлъ три засѣданія, въ которыхъ: а) сформировался комитетъ московскаго археологическаго Общества, б) признано необходимымъ образовать филіальныя отдѣленія въ Вильнѣ и другихъ губернскихъ городахъ западнаго края, в) записаны вопросы и запросы, обсужденіе и разработка которыхъ признаны желательными во время Съѣзда, г) рѣшеніе вопроса о выставкѣ и д) выслушаны мнѣнія проф. Кояловича о предметахъ древности въ Западно-Русскомъ краѣ, Ѳ. В. Покровскаго о разработкѣ древностей края, Е. Р. Романова о неудовлетворительности археологическихъ изслѣдованій, письмо проф. Завитневича о характерѣ могильниковъ края, заявленіе уральскаго общества любителей естествознанія о сохраненіи древнихъ памятниковъ и проф. Павлова о составленіи комментарій къ изданіямъ кн. Оболенскаго о древне-литовской миѳологіи. Предварительнымъ комитетомъ выработаны правила Съѣзда, утвержденныя по ходатайству попечителя округа Н. А. Сергіевскаго, г. министромъ Народнаго Просвѣщенія. Осенью 1891 г. сформировалось Виленское Отдѣленіе комитета. Къ содѣйствію по устройству Съѣзда приглашены были всѣ мѣстные губернаторы, предводители дворянства, епископы православные и католическіе, духовенство и помѣщики, которые, по мнѣнію комитета, должны были имѣть архивы и коллекціи, каковы: князья Огинскіе, Сангушки, Радзивиллы, графы: Тышкевичи, Пляттеры, Чапскіе, Замойскіе. Обращено вниманіе на коллекціи въ Галиціи, Богеміи и на границахъ Пруссіи. Составлены при содѣйствіи П. Н. Милюкова, И. А. Линниченко, Н. А. Янчука, В. И. Сизова и гр. Уваровой записки о

замкахъ западнаго края и при содѣйствіи К. М. Быковскаго записка объ архитектурныхъ памятникахъ края. Разослано многимъ правительственнымъ и частнымъ лицамъ около семи тысячъ экземпляровъ вопросныхъ пунктовъ по собиранію свѣдѣній о памятникахъ древности каменнаго и бронзоваго вѣка. Приглашены къ содѣйствію трудамъ Съѣзду профессора, ученые и любители, числомъ 172.

Кромѣ того, обращено вниманіе на желательность ихъ усиленія библіографическаго указателя русскихъ и польскихъ источниковъ, касающихся исторіи, археологіи и этнографіи западныхъ губерній; на необходимость изученія *лѣтописнаго списка*, сохраненнаго въ варшавской библіотекѣ гр. Замойскихъ и на важное значеніе изученія и возобновленія древнихъ храмовъ края съ ихъ архитектурою и живописью.

Систематизируя далѣе все, что было сдѣлано комитетомъ для организаціи Съѣзда, гр. П. С. Уварова указала на полученные результаты по всѣмъ вопросамъ и запросамъ.

Выразивъ сожалѣніе по поводу нѣкоторыхъ неудачъ, выразившихся въ отказахъ нѣкоторыхъ лицъ, къ которымъ комитетъ обращался, какъ напримѣръ, въ отказѣ графа К. Замойскаго оказать содѣйствіе въ изученіи лѣтописнаго списка, предсѣдатель перешелъ къ исчисленію лицъ, предложившихъ свои услуги Съѣзду.

Такъ проф. А. Ѳ. Мѣржинскій предлагаетъ вопросы для Съѣзда, проф. А. П. Павинскій разработалъ вопросъ о составленіи этнографической карты Царства Польскаго, Н. П. Авенаріусъ резюмируетъ свои взгляды о дрогичинскихъ древностяхъ, графъ Флери сообщаетъ о раскопкахъ, Брезе представляетъ отчетъ о раскопкахъ; помѣщикъ Чудовскій предлагаетъ раскопки въ своемъ имѣніи, князь Радзивиллъ, графъ Э. Чапскій и князь Сангушко предлагаютъ свои коллекціи для выставки; пасторъ Билленштейнъ предлагаетъ разработку вопросовъ присланныхъ Комитетомъ; докторъ Пичъ изъ Праги предлагаетъ модели могилъ Чехіи и Моравіи, Давидъ Запольскій возбуждаетъ вопросъ объ основаніи археологическаго Общества въ Западномъ краѣ, проф. Завитневичъ производитъ раскопки, проф. В. Б. Антоновичъ относится вообще къ Съѣзду тепло и сочувственно и предлагаетъ рядъ раскопокъ.

Не утруждая затѣмъ чтеніемъ объемистаго списка сотрудниковъ и помощниковъ Комитета, предсѣдатель заявляетъ, что справедливость требуетъ чтобы изъ всѣхъ сотрудниковъ были названы съ особеннымъ уваженіемъ три лица, которыя поработали для Съѣзда болѣе другихъ и ожидали его, какъ свѣтлаго праздника для Западной Руси; лица эти: А. М. Сементовскій, А. П. Тыртовъ и Ю. Ѳ. Крачковскій, изъ которыхъ первые двое не дожили до Съѣзда.

Изъ лицъ оффиціальныхъ и правительственныхъ учрежденій оказали особенное содѣйствіе комитету: попечитель виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскій, могилевскій губернаторъ А. С. Дембовецкій, Императорская Археологическая Комиссія, Археологическій Институтъ, Археографическая Комиссія.

Въ заключеніе предсѣдатель обращаетъ вниманіе на литературную дѣятельность, вызванную вопросами Съѣзда въ ученомъ мірѣ и среди отдѣльныхъ лицъ.

Тверская архивная комиссія издала изслѣдованіе прот. Успенскаго о литовскихъ пограничныхъ городкахъ. Могилевскій губернаторъ издалъ дневникъ курганныхъ раскопокъ Фурсова и Чолоковскаго. Общество Нестора лѣтописца разработало вопросъ о Болоховѣ и Болоховцахъ, Довнаръ-Запольскій издалъ очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII в., Г. Х. Татуръ напечаталъ очеркъ археологическихъ памятниковъ на пространствѣ Минской губерніи. Священникъ Будиловичъ напечаталъ два изслѣдованія о холмской чудотворной иконѣ Божіей Матери и о Малавской Параскевіевской церкви. Н. И. Теодоровичъ приготовилъ описаніе приходовъ и церквей Волынской епархіи, священникъ Горбачевскій издалъ книгу „Русскія древности Холмско-Подляшской Руси“. Е. Орловскій напечаталъ изслѣдованіе г. Гродны. Е. Ѳ. Карскій—изслѣдованіе бѣлорусскаго нарѣчія, В. К. Струкалисъ—Бѣлоруссія и Литва.

Наиболѣе серьезно и добросовѣстно отнеслась къ дѣлу виленская комиссія по разбору древнихъ актовъ, персоналъ которой, входя въ составъ отдѣленія комитета Съѣзда, или скорѣе, ставъ во главѣ ея, направилъ свою дѣятельность къ разъясненію историческихъ и топографическихъ данныхъ, которыя могли бы послужить необходимымъ подспорьемъ для изученія края или служить продолженіемъ работъ, намѣченныхъ Съѣздомъ. Два тома этихъ матеріаловъ о Копныхъ судахъ и о внутреннемъ бытѣ западнаго русса XVI ст. и старая Вильна явилась результатомъ работъ комиссіи.

Та же комиссія составила и издала особой книгой „Виленское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета Съѣзда“. Труды эти составляютъ чрезвычайно пріятное явленіе, должны радовать всякаго русскаго человѣка, любящаго свою родину и особенно они пріятны Съѣзду.

Затѣмъ предсѣдатель виленскаго отдѣленія предварительнаго комитета IX археологическаго Съѣзда Ю. Ѳ. Крачковскій прочелъ отчетъ о дѣятельности комитета:

5 января 1891 г. въ Москвѣ состоялось первое засѣданіе московскаго предварительнаго комитета IX Археологическаго Съѣзда. Въ этомъ засѣданіи представителями виленскаго учебнаго округа Ю. Ѳ. Крачковскимъ и Е. Р. Романовымъ были внесены разные вопросы и запросы, сдѣланъ докладъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ, которыя желательно было бы предпринять во время Съѣзда и опредѣлено время Съѣзда. Тогда же выработана была программа Съѣзда и открыто отдѣленіе комитета въ г. Вильнѣ.

Фактическое открытіе отдѣленія было сдѣлано попечителемъ виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскимъ, образовавшимъ это отдѣленіе изъ членовъ археографической комиссіи центральнаго архива, преподавателей и другихъ опытныхъ въ семъ дѣлѣ лицъ. Предсѣдателемъ отдѣленія былъ

приглашенъ генералъ-лейтенантъ А. П. Тыртовъ. Отдѣленіе открыло свои засѣданія 26 октября 1891 года.

Отдѣленіе признало необходимымъ, прежде всего возможно широко распространить въ обществѣ свѣдѣнія о Съѣздѣ, для достиженія каковой цѣли, рѣшило разослать и раздать большое количество правилъ Съѣзда и печатать протоколы своихъ засѣданій въ „Виленскомъ Вѣстникѣ", оттиски коихъ разсылать всѣмъ интересующимся западно-русской археологіей. Кромѣ того, правила Съѣзда были напечатаны, по указанію или распоряженію г. попечителя, въ памятныхъ книжкахъ Виленской, Минской и Витебской губерніи, въ „Виленскомъ календарѣ" и въ циркулярѣ по виленскому учебному округу.

Тогда же, для успѣха дѣла, Отдѣленіе приняло двѣ главныя мѣры. Понимая громадность задачи предстоящаго археологическаго Съѣзда и находя возможнымъ ея осуществленіе только объединенными силами возможно большаго числа лицъ, занимающихся учеными изслѣдованіями края въ томъ или другомъ отношеніи, Отдѣленіе постановило пригласить для совмѣстной работы въ свои сочлены различныхъ лицъ, мѣстныхъ и иногородныхъ, занимающихся археологіей и исторіей края. На призывъ Отдѣленія въ высшей степени сочувственно откликнулись ученые изъ различныхъ мѣстъ нашего обширнаго отечества: Одессы, Кіева, Харькова, Житоміра, Кременца, Варшавы, изъ многихъ городовъ Сѣверо-Западнаго края, Москвы, Петербурга.

Другая мѣра, принятая отдѣленіемъ для успѣшнаго выполненія задачъ предстоящаго Съѣзда, состояла въ томъ, чтобы составить вполнѣ подходящую къ Сѣверо-Западному краю программу для собиранія свѣдѣній о древностяхъ края. Присланный матеріалъ оказался очень пригоднымъ для составленія археологической карты Сѣверо-Западнаго края.

Занятія въ Отдѣленіи неминуемо повлекли за собою извѣстные расходы. Сочувствуя цѣлямъ Съѣзда, г. попечитель округа поспѣшилъ на помощь Отдѣленію и изъ скудныхъ средствъ округа въ томъ же 1891 году была выдѣлена значительная сумма въ 713 р. 43 к. на расходы по подготовительнымъ работамъ къ предстоящему Съѣзду. Въ прошломъ 1892 году на тотъ же предметъ г. попечитель перевелъ въ распоряженіе Отдѣленія еще болѣе крупную сумму въ 1000 рублей; такая же сумма ассигнована имъ въ текущемъ 1893 году. Всѣ эти средства израсходованы на нужды по канцеляріи и изданію трудовъ Отдѣленія.

На эти средства напечатанъ текстъ и сдѣланы фотографическіе снимки, иногда въ натуральную величину, двухсотъ семи предметовъ Виленскаго музея, расположенныхъ на двадцати одной таблицѣ.

Такъ какъ первоначально Виленское Отдѣленіе состояло только изъ предсѣдателя и членовъ комиссіи для разбора древнихъ актовъ, то и работы свои это Отдѣленіе пріурочивало къ задачамъ московскаго предварительнаго комитета. Въ виду этого, Виленскою комиссіею издано два тома актовъ къ вопросамъ, постановленнымъ въ засѣданіи послѣдняго комитета,

именно: „О внутреннемъ домашнемъ бытѣ западно-русса XVI ст.“ и „О коповищахъ и копныхъ судахъ въ западной Россіи“. По ближайшему отношенію названныхъ изданій къ предстоящему Археологическому Съѣзду, предсѣдательствующій исходатайствовалъ у г. попечителя виленскаго учебнаго округа разрѣшеніе на предоставленіе въ распоряженіе Отдѣленія по 100 экземпляровъ того и другого изданія, съ цѣлью раздать таковые членамъ предстоящаго Съѣзда. Тою же комиссіею подготовленъ еще одинъ новый трудъ, который тоже имѣетъ прямое и непосредственное отношеніе къ IX Съѣзду; это XX томъ актовъ, относящихся къ городу Вильнѣ и касающихся, главнымъ образомъ, его топографіи. Въ этомъ новомъ изданіи, какъ и въ предыдущихъ двухъ, въ предисловіи разсматриваются указанные вопросы, на которые дается почти полный отвѣтъ, на основаніи какъ печатаемыхъ документовъ, такъ и другихъ изданій. Къ XX тому актовъ приложены три плана города Вильны, имѣющихъ большую цѣнность. 100 экземпляровъ и этого тома, съ разрѣшенія т. с. Н. А. Сергіевскаго, будетъ представлено членамъ Съѣзда.

Далѣе Виленское Отдѣленіе къ настоящему времени издало археологическую карту Виленской губерніи. Эта карта потребовала отъ ея составителя г. Покровскаго большого труда и значительныхъ усилій. Онъ долженъ былъ разсмотрѣть, кромѣ печатныхъ трудовъ по археологіи Виленской губерніи, массу, въ буквальномъ смыслѣ, рукописнаго матеріала, собраннаго Отдѣленіемъ отъ различныхъ лицъ Сѣверо-Западнаго края, и другую, не меньшую массу, такого-же матеріала, хранящагося въ литовской духовной консисторіи. Зато все вмѣстѣ дало возможность составителю быть въ работѣ положительнымъ и основательнымъ. Составленная карта очень удовлетворительно исполнена въ литографіи г. Маца въ Вильнѣ. Археологическая карта вмѣстѣ съ обширнымъ къ ней пояснительнымъ текстомъ помѣщена въ изданныхъ особымъ томомъ „Трудахъ Виленскаго Отдѣленія“.

Кромѣ напечатаннаго, Виленское Отдѣленіе собрало очень много весьма важнаго рукописнаго актоваго матеріала къ вопросу о евреяхъ въ Западной Россіи, татарахъ, и составило большой, хотя еще не совсѣмъ полный, библіографическій указатель сочиненій, относящихся къ Западной Россіи. Изъ него напечатана въ „Трудахъ“ только очень незначительная доля. Всѣ названные матеріалы и другія статьи не могли быть напечатаны, за недостаткомъ въ Отдѣленіи матеріальныхъ средствъ.

Кромѣ ученой издательской дѣятельности, члены Виленскаго Отдѣленія обращали серьезное вниманіе на устройство при Съѣздѣ археологической выставки. На всѣхъ большихъ съѣздахъ выставки всегда имѣли особенное значеніе. Это понятно. Здѣсь собравшіеся ученые вообще и археологи въ частности наглядно могутъ видѣть распространеніе по извѣстной территоріи того или другого типа археологическихъ предметовъ, могутъ судить объ общности или оригинальности выставленныхъ предметовъ, дѣлать нѣкоторыя догадки о взаимномъ сродствѣ насельниковъ извѣстной мѣстности или

ихъ замкнутой обособленности, судить о развитіи у нихъ искусствъ, художествъ, богатства, сравнивать ихъ нравы, обычаи на пространствѣ цѣлыхъ столѣтій и т. п. Чѣмъ разнообразнѣе археологическая выставка, чѣмъ больше выставлено типовъ извѣстной мѣстности, съ обстоятельнымъ ихъ описаніемъ, тѣмъ многоплоднѣе можетъ быть выставка, тѣмъ многозначительнѣе польза ея изученія. Въ виду этого, обращено вниманіе на сосредоточеніе на выставкѣ возможно большаго числа извѣстныхъ археологическихъ коллекцій. Въ устройствѣ выставки приняли участіе многія лица въ краѣ и учрежденія. Въ настоящую пору поступили для выставки коллекціи отъ слѣдующихъ лицъ и учрежденій: отъ гг. Кусцинскаго, могилевскаго губернатора, Авенаріуса, отъ Императорской археологической комиссіи (очень богатые, многочисленные и разнообразные экспонаты), отъ ковенскаго и волынскаго статистическихъ комитетовъ, отъ графа Плятера, графа Флери, Романова, Хайновскаго, т. сов. Стадольскаго, Болсуновскаго, В. В Грязнова, отъ Земли Войска Донскаго, гг. Морачевскаго, Пизани, Татура. Кромѣ коллекціи для выставки, въ Отдѣленіи полученъ рукописный матеріалъ: отъ генералъ - лейтенанта П. О. Бобровскаго и члена смоленскаго окружнаго суда Бугославскаго; археологическіе рисунки присланы и изъ-за границы— изъ Праги.

Много подготовлено старинних мѣстныхъ плановъ, фотографій видовъ и т. п. предметовъ. Всѣ экспонируемые предметы въ настоящее время установлены, развѣшаны, расположены въ витринахъ и будутъ представлены для осмотра Съѣзду. Каталогъ предметовъ выставки печатается.

Первое общее собраніе 2-го августа.

Почетный предсѣдатель Ю. Ѳ. Крачковскій.—Предсѣдатель графиня П. С. Уварова.—Секретарь М. И. Соколовъ.

1. Баронъ де-Бай, делегатъ французской ассоціаціи для развитія наукъ и Общества французскихъ антикваріевъ, произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь, въ которой привѣтствовалъ Съѣздъ отъ лица французскихъ археологовъ.

2. Депутатъ московскаго архива министерства юстиціи В. Н. Сторожевъ прочиталъ докладъ: Московское управленіе въ Вильнѣ XVII вѣка. Довольно значительный матеріалъ для исторіи польскихъ войнъ двухъ первыхъ царей изъ дома Романовыхъ находится въ столбцахъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи подъ несовсѣмъ точною рубрикою столбцовъ *московскаго стола Разряда* и разбираемыхъ для академическаго изданія *Актахъ Московскаго Государства*. Первый томъ этого изданія вышелъ еще въ 1890 г., второй долженъ выйти въ самомъ началѣ будущаго года. Въ составъ втораго тома, между прочимъ, войдетъ серія актовъ, касающихся исторіи пребыванія Вильны въ рукахъ московскаго правитель-

ства XVII в. и воеводскаго управленія въ ней князя Мих. Сем. Шаховскаго, а частью военныхъ дѣйствій въ виленскомъ повѣтѣ и виленскаго посольскаго съѣзда; акты представляютъ собою рядъ донесеній виленскаго воеводы московскому правительству („отписки") и отвѣтныхъ на нихъ или самостоятельныхъ указныхъ грамотъ; они не дадутъ матеріала для полной характеристики дѣятельности московскаго воеводы въ Вильнѣ князя М. С. Шаховскаго, но, представляя все-таки самостоятельный мѣстный интересъ, становятся особенно цѣнными при сопоставленіи ихъ съ другими актами подобнаго рода, такъ какъ выясняютъ направленіе и характеръ политики московскаго правительства въ процессѣ округленія границъ московскаго государства. Названные акты обнаруживаютъ страстное желаніе московскаго правительства удержать за собою Литву и Жмудь, такъ что приведеніе къ къ вѣрѣ на царское имя мѣстнаго населенія должно было составить предметъ особенныхъ попеченій виленскаго воеводы; онъ долженъ былъ всячески привлекать сторонниковъ Москвы и въ общемъ строго держаться мѣръ примирительныхъ, гуманныхъ, отнюдь не репрессивныхъ. Эти сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ и отдѣльными особенно извѣстными лицами давали виленскому воеводѣ матеріалъ для донесеній о польскихъ, литовскихъ, шведскихъ и жмудскихъ вѣстяхъ, которыхъ такъ жаждало московское правительство. Борьба съ послѣдствіями военной грозы, пронесшейся надъ страною и все еще продолжавшей носиться надъ ней,—вотъ вторая задача, съ которою приходилось считаться виленскому воеводѣ. Продовольственное дѣло, защита города, разрѣшеніе разнаго рода казусовъ гражданскаго и уголовнаго порядковъ, вопросы хозяйственной администраціи — словомъ все, что только можно себѣ представить, составляло предметъ вѣдомства виленскаго воеводы, крайне ограниченнаго докладомъ государю и страхомъ жалобы на него со стороны мѣстнаго населенія, такъ что о самостоятельности воеводской власти въ Вильнѣ можно говорить слишкомъ условно. Попутно акты сообщаютъ интересныя данныя о состояніи русскаго войска и разореніи страны.

Референтъ полагаетъ, что для изученія такого любопытнаго эпизода изъ исторіи первой польской войны царя Алексѣя Михайловича, какъ пребываніе Вильны въ рукахъ московскаго правительства XVII вѣка, много помогло бы подлинное дѣлопроизводство воеводскаго управленія князя М. С. Шаховскаго въ Вильнѣ. Ему извѣстенъ одинъ документъ, косвенно относящійся къ дѣлопроизводству воеводскаго управленія, можетъ быть, интересный для исторіи г. Вильны и не вошедшій во второй томъ *Актовъ Московскаго Государства:* это—книги приходныя каменишныя 1658 г. по городу Вильнѣ.

По поводу этого доклада членъ съѣзда Флав. Ник. Добрянскій сдѣлалъ дополненіе, что въ книгахъ Виленскаго Гродскаго суда, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ, находятся документы, поясняющіе условія, при которыхъ мѣстные жители давали присягу на вѣрность московскому царю. Оказывается, что польское правительство разсылало агентовъ, убѣждавшихъ населеніе давать притворную присягу. Однимъ изъ такихъ агентовъ

въ 1659 г. былъ „зацный панъ“ Девялтовскій, дѣятельность котораго была раскрыта доносомъ Рогинскаго коменданту Вильны Мышецкому; послѣдній и казнилъ Девялтовскаго. Ф. Н. Добрянскій сообщилъ также, что въ тѣхъ же документахъ есть данныя, рисующія мирныя частныя отношенія между пришлыми московскими людьми и мѣстнымъ населеніемъ; въ примѣръ такихъ мирныхъ связей г. Добрянскій разсказалъ дѣло о женитьбѣ полковника Льва Сытина.

3. Профессоръ Варшавскаго университета Адольфъ Ивановичъ Павинскій сдѣлалъ докладъ „о Подляшскомъ воеводствѣ въ XVI вѣкѣ въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ“.

Въ началѣ референтъ разъяснилъ значеніе географическаго элемента въ воспроизведеніи прошлаго, извѣстной исторической индивидуальности и отмѣтилъ пробѣлы и недостатки географической программы въ современной наукѣ. Далѣе, говоря о способахъ исчисленія площади геометрической фигуры исторической территоріи по географической картѣ, референтъ подробно объяснялъ и демонстрировалъ употребленіе планиметра Амслера, которымъ онъ пользовался при своихъ работахъ. Для нанесенія политическихъ границъ Подляшскаго воеводства въ XVI стол. и для изученія его въ статистическомъ отношеніи ему служили главнымъ источникомъ подымные списки. Въ заключеніе географической части реферата сообщены были главные выводы относительно территоріи Подляшскаго воеводства. Разъяснивъ значеніе статистическаго метода и оцѣнивъ труды другихъ ученыхъ, референтъ сообщилъ о народонаселеніи Подляшья и поземельной собственности въ этой землѣ, приведши числовыя данныя. Среднее число народонаселенія Подляшья въ XVI вѣкѣ простиралось до 164,000 душъ. Въ заключеніе референтъ указалъ на недостаточность статистическаго метода, какъ самостоятельнаго научнаго метода, внѣ связи его съ географическимъ элементомъ, и сдѣлалъ общій выводъ, что, примѣняя, между прочимъ, методъ географическій и статистическій, историческая наука сумѣетъ отстоять за собою значеніе науки настоящей.

По поводу доклада проф. Павинскаго священникъ Левъ Паевскій заявилъ о важности точныхъ и безпристрастныхъ изслѣдованій относительно Подляшской земли, какъ важнаго боеваго пункта въ національной и религіозной борьбѣ западной Руси. По примѣру покойнаго Е. М. Крыжановскаго, о. Паевскій находитъ болѣе правильнымъ называть эту „землю“ не *Подляшье*, а Подлясье, ставя это имя въ связь со словами лясъ—лѣсъ, а не ляхъ—полякъ. Подробное указаніе границъ Подляшской земли, къ которому затѣмъ приступилъ оппонетъ, предсѣдатель собранія предложилъ о. Паевскому представить въ видѣ особаго доклада.

Подполковникъ Гиршфельдъ, сотрудникъ по нѣкоторымъ работамъ ген. Стрѣльбицкаго, указалъ на примѣненіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ для вычисленія площади данной территоріи болѣе простаго инструмента, — такъ называемой планшетки, стеклянной пластинки, точно раздѣленной на квадратные сантиметры, которая накладывается на карты.

Проф. А. И. Маркевичъ замѣтилъ, что для точности вычисленій слѣдуетъ прибѣгать къ такъ называемой въ геодезіи системѣ координатъ.

Проф. Ѳ. И. Успенскій сочувственно привѣтствовалъ примѣненіе къ славянской и русской исторіи того метода, который въ трудахъ Герара, Штернегга и др., привелъ къ замѣчательнымъ результатамъ по экономической и соціальной западно-европейской исторіи среднихъ вѣковъ. Затѣмъ проф. Успенскій выразилъ мысль, что можно было бы у г. референта попросить объясненій относительно матеріаловъ, къ разработкѣ которыхъ примѣняется указанный имъ географическій и статистическій методъ.

Въ своемъ отвѣтѣ проф. Павинскій, поблагодаривъ оппонентовъ за вниманіе къ его реферату, сообщилъ болѣе полныя свѣдѣнія о разныхъ способахъ вычисленія площади извѣстной территоріи по картѣ, объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ (при помощи простой планшетки, инструмента Амслера, вырѣзыванія геометрической фигуры территоріи изъ картона и взвѣшиванія). Относительно своихъ вычисленій территоріи при посредствѣ инструмента Амслера, проф. Павинскій сообщилъ, что они провѣрялись инженеромъ Мерчингомъ и математикомъ Климомъ и оказались вполнѣ точными. По вопросу о названіяхъ Подляшье и Подлясье проф. Павинскій заявилъ, что историка, замѣчающаго и преслѣдующаго болѣе общія цѣли, подобные вопросы не могутъ занимать, и онъ лично предоставляетъ ихъ филологамъ. По вопросу о матеріалахъ для своихъ географическихъ и статистическихъ выводовъ проф. Павинскій пояснилъ, что въ основу изслѣдованія положены имъ исключительно оффиціальные документы (подробно имъ перечисленные), и субъективныя мнѣнія авторовъ той или другой брошюры и книги для него въ этомъ случаѣ не имѣютъ никакого значенія. Въ заключеніе проф. Павинскій отъ лица историковъ протестовалъ противъ писателей-философовъ въ родѣ Бурдо, изъявляющихъ притязаніе начертать программу для историковъ, и заявилъ, что самъ онъ вовсе не перешелъ, какъ нѣкоторые думаютъ, въ лагерь позитивистовъ, а только желаетъ отстоять значеніе исторіи, какъ науки, обнимающей всѣ явленія, какъ духовной, такъ и матеріальной жизни.

4. Профессоръ Новороссійскаго университета Ал. И. Маркевичъ сообщилъ рефератъ: „Къ вопросу о народахъ, жившихъ въ древнее время въ Черноморьи“.

Опредѣленіе по сохранившимся памятникамъ народностей, жившихъ въ древнее время въ Черноморьи, представляетъ величайшую трудность; единственнымъ способомъ должно быть классифицированіе памятниковъ по ихъ сходству. Референтъ представилъ фотографическіе снимки съ трехъ памятниковъ: вазы, находящейся въ Императ. Эрмитажѣ и изданной въ отчетѣ Император. Археолог. Коммиссіи за 1872 г., надгробія, находящагося въ музеѣ Одесск. Общ. Ист. и Древн., изданнаго референтомъ въ Изв. Тавр. Учен. Арх. Коммиссіи № 12, и барельефа, находящагося въ музеѣ Е. Н. Скаржинской въ г. Лубнахъ и до сихъ поръ неизданнаго. Всѣ эти памятники найдены разновременно, но приблизительно въ одномъ мѣстѣ—восточномъ Чер-

номорьи и, по мнѣнію референта, въ изображеніяхъ людей на памятникахъ есть сходство, позволяющее отнести ихъ къ одному племени, но не къ грекамъ или римлянамъ, а также не къ скиѳамъ, такъ какъ изображенныя на памятникахъ лица не сходны съ находящимися на извѣстныхъ уже изображеніяхъ этихъ народовъ. На барельефѣ, принадлежащемъ г-жѣ Скаржинской, есть греческая надпись, прочтенная, по просьбѣ референта, проф. А. В. Никитскимъ и дающая отчасти возможность судить о племени изображеннаго лица.

На основаніи различныхъ соображеній референтъ пришелъ къ заключенію, что на памятникахъ изображено племя, жившее въ Черноморьи въ эпоху подчиненія его римлянамъ, подвергшееся вліянію греческой культуры и, вѣроятно, ѳракійское.

По поводу реферата проф. Маркевича проф. А. А. Кочубинскій замѣтилъ, что въ рефератѣ все сводится къ признанію въ предложенныхъ изображеніяхъ ѳракійскаго типа; но опредѣленіе тѣхъ или другихъ жителей южной Руси, какъ ѳракійцевъ, не имѣетъ значеніе въ виду того, что національность ѳракійцевъ въ наукѣ точно не опредѣлена. Съ этимъ согласился и проф. Маркевичъ.

Депутатъ Таврической архивной коммиссіи, Арсеній Ив. Маркевичъ, замѣтилъ, что изображеніе на 2-мъ изъ разсмотрѣнныхъ проф. Маркевичемъ памятниковъ, найденномъ, по мнѣнію г. референта, въ мѣстности т. наз. Неаполиса, вблизи Симферополя, имѣетъ мало сходства съ изображеніями на другихъ памятникахъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Симферополя и имѣющихъ чисто скиѳскій характеръ.

Депутатъ съѣзда отъ кіевской духовной академіи проф. Н. И. Петровъ въ своемъ возраженіи предостерегалъ референта отъ излишняго довѣрія къ изображеніямъ неопредѣленныхъ по своему характеру древнихъ памятниковъ и привелъ примѣръ подобнаго ученаго увлеченія. По словамъ г. Петрова, въ Крыму, недалеко отъ Инкермана, была сдѣлана серія слѣпковъ съ предметовъ древнихъ храмовъ и „столовыхъ“ находящихся теперь въ церковно-археологическомъ музеѣ, которые одинъ археологъ г. Струковъ, принялъ сначала за памятники кельтійскаго происхожденія. Но впослѣдствіи, когда проѣзжавшимъ черезъ Крымъ уремійскимъ епископомъ Ур-Габріелемъ были прочитаны надписи на указанныхъ памятникахъ, то оказалось, что надписи эти написаны на сиро-халдейскомъ языкѣ и, слѣдовательно, памятники эти— восточнаго происхожденія.

Засѣданіе III-го отдѣленія (памятники искусствъ и художествъ) 3 августа.

Почетный предсѣдатель Д. И. Иловайскій.—Предсѣдатель Н. В. Покровскій.— Секретарь Ѳ. В. Покровскій.

1. Депутатъ академіи художествъ, академикъ-архитекторъ В. В. Сусловъ, сдѣлалъ докладъ: „О Спасо-Преображенскомъ соборѣ въ Мирожскомъ монастырѣ въ г. Псковѣ“.

В. В. Сусловъ, представивъ вниманію Съѣзда копіи (въ натуральную величину) съ открытыхъ имъ при недавней реставраціи фресокъ Мирожскаго храма и архитектурные чертежи храма, ознакомилъ собраніе прежде всего съ архитектурной стороной памятника. При выемкѣ позднѣйшихъ половъ, подъ ними былъ обнаруженъ г. Сусловымъ древній полъ и архіерейское сѣдалище въ главной абсидѣ. Затѣмъ, при отбивкѣ внѣшней штукатурки, имъ найдены всѣ позднѣйшія накладки, задѣлки древнихъ оконъ, очертанія первоначальныхъ архитектурныхъ формъ и масса другихъ данныхъ, по которымъ референтъ уяснилъ первоначальный видъ собора, относящагося къ XII ст.: храмъ основанъ былъ въ 1156 г. св. Нифонтомъ, епископомъ Новгородскимъ. Типъ храма оказался совершенно сходнымъ съ греко-византійскими церквами IX — XI ст. Переходя къ объясненію расположенія иконописныхъ сюжетовъ, докладчикъ сначала указалъ на современное ветхое положеніе какъ стѣнъ и сводовъ собора, такъ и весьма любопытной и цѣнной въ научномъ отношеніи фресковой живописи. Излагая перечень иконографическихъ сюжетовъ живописи, сплошь покрывающей всѣ стѣны храма, г. Сусловъ тутъ же указывалъ и на копіи съ фресокъ, сдѣланныя подъ его наблюденіемъ. Въ заключеніе имъ былъ высказанъ взглядъ на обстоятельства, при которыхъ вообще на Руси велось наше иконографическое дѣло. Затѣмъ, указавъ на характеръ западной живописи, докладчикъ отмѣтилъ нѣкоторые недостатки и указалъ на большія достоинства нашей древней религіозной иконописи.

Послѣ доклада г. Суслова, г. Грязновъ выразилъ мнѣніе, что фрески относятся къ разнымъ временамъ и, какъ на болѣе художественный экземпляръ, указалъ на фреску Богоматери—Оранты.

2. Депутатъ С.-Петербургской духовной Академіи проф. Н. В. Покровскій представилъ оцѣнку того же памятника съ художественной и съ иконографической точки зрѣнія.

Построеніе Спасо-Преображенскаго собора въ Мирожскомъ монастырѣ относится къ XII в. Одновременны съ сооруженіемъ собора и находящіяся на его внутреннихъ стѣнахъ фрески. Сходныя и близкія по времени фрески наблюдаются также на стѣнахъ Кіево-Софійскаго собора (XI в.), въ Кіево-Кирилловомъ монастырѣ (XII), въ Спасо-Нередицкой церкви, близъ Новгорода, и въ Староладожской церкви св. Георгія, и изъ нихъ ближе всѣхъ, по археологической важности и художественному характеру, стоятъ къ мирожскимъ фрескамъ стѣнописи спасонередицкія. Сверхъ того, въ мирожскихъ фрескахъ есть не мало такихъ композицій, какихъ нѣтъ не только въ Нередицахъ, но и ни въ одномъ русскомъ памятникѣ, относящемся къ первымъ вѣкамъ христіанства въ Россіи.

Композиціи въ мирожскихъ фрескахъ представляютъ собою болѣе или менѣе вѣрныя копіи съ греческихъ образцовъ: типы лицъ — греческіе, костюмы также традиціонные—византійскіе; даже уцѣлѣвшія отчасти надписи сдѣланы, повидимому, съ греческихъ образцовъ. Стиль фресокъ тотъ же

самый, что въ фрескахъ нередицкихъ и староладожскихъ; это — условный, іератическій стиль мозаикъ Кахріе-Джами въ Константинополѣ, въ которомъ религіозная идея начинаетъ преобладать надъ свободою художественнаго творчества и личное религіозно-художественное воззрѣніе подчиняется установившемуся обще-церковному воззрѣнію на задачи религіознаго искусства. Всѣ композиціи вообще весьма удовлетворительны, типы величественны и превосходны, костюмы условны и нѣкоторые отличаются роскошью; постановка фигуръ по большей части нормальна. Самое размѣщеніе изображеній въ храмѣ носитъ на себѣ отпечатокъ византійскаго обычая, установившагося подъ вліяніемъ символическаго воззрѣнія на храмъ и его составныя части. Здѣсь различаются два цикла изображеній: въ алтарѣ и въ средней части храма.

Изъ изображеній въ алтарѣ должны быть отмѣчены: евхаристія, — въ формѣ такъ называемаго литургическаго перевода Тайной Вечери „деисисъ" и этимасія—уготованіе престола.

Росписи средней части храма, согласно византійскому и древне-русскому обычаю, выражаютъ идею торжествующей церкви Христовой; въ зенитѣ купола—сидящій на тронѣ Спаситель, въ трибунѣ купола—апостолы и пророки, въ парусахъ сводовъ помѣщены изображенія четырехъ евангелистовъ, безъ символовъ; своды, стѣны и арки расписаны сценами изъ евангельской исторіи, каковы, напр., Преображеніе, Распятіе, Положеніе Іисуса Христа во гробъ, Успеніе Богоматери (безъ чуда съ жидовиномъ), Крещеніе Іисуса Христа съ олицетвореніемъ Іордана въ формѣ обнаженной женщины съ опрокинутою урною, Рождества Христова, Тайная вечеря (сигматическая форма) и Сошествіе Св. Духа на апостоловъ. Но наибольшій интересъ, съ точки зрѣнія исторіи православной иконографіи, представляютъ изображенія, относящіяся къ дѣтству Богоматери, — въ западной части южнаго нефа. Жаль, что нѣкоторыя изъ изображеній этого цикла здѣсь погибли, но во всякомъ случаѣ уцѣлѣвшая часть доказываетъ съ очевидностью, что уже въ XII в. предки наши знали подробныя сказанія объ этомъ предметѣ и передали намъ въ видѣ опредѣленныхъ художественныхъ композицій.

Въ заключеніе референтъ коснулся вопроса о реставраціи Мирожскаго Спасо-Преображенскаго собора и вообще—о реставраціи древнихъ русскихъ церковныхъ стѣнописей.

По поводу этого реферата академикъ Сусловъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о техникѣ и копированіи мирожскихъ фресокъ, а г. Троицкій указалъ на неточность размѣщенія фресокъ съ точки зрѣнія символическаго храма.

3. Депутатъ Кіевской духовной Академіи проф. Н. И. Петровъ доложилъ Съѣзду: „О монетахъ великаго кіевскаго князя Изяслава Ярославича".

Въ своемъ капитальномъ трудѣ о монетахъ вел. княжества Кіевскаго гр. Толстой описываетъ три типа монетъ, приписываемыхъ имъ Ярославу I. Одинъ изъ этихъ типовъ (третій) безспорно всѣми признается принадлежащимъ Ярославу I; что же касается другихъ двухъ типовъ, то ихъ принад-

лежность этому великому князю оспаривается, вслѣдствіе различія въ чтеніяхъ находящейся на нихъ надписи. Гр. Толстой читаетъ въ ней имя, болѣе или менѣе искаженное, ГЕГІОС, а Н. П. Черневъ и референтъ читаютъ: одинъ ПЕТРОС, а другой—DИНИТЬРИ и считаютъ находящееся на нихъ изображеніе за изображеніе св. Петра и св. Димитрія. Въ своемъ послѣднемъ трудѣ о кіевскихъ сребренникахъ [1]) гр. Толстой настаиваетъ на правильности своей классификаціи и своего чтенія, между прочимъ, на томъ основаніи, что никакого князя Петра въ числѣ южно-русскихъ князей XI—XII в. донынѣ неизвѣстно, а вопроса о кн. Димитріи вовсе не касается. Въ своемъ рефератѣ проф. Петровъ доказываетъ, что сребренники съ именемъ Димитрія могутъ быть приписаны преемнику Ярослава I на кіевскомъ великокняжескомъ престолѣ Изяславу Ярославичу, въ крещеніи называвшемуся Димитріемъ и основавшему въ Кіевѣ около 1062 г. Димитріевскій монастырь, и сыну его Ярополку Изяславичу, построившему въ этомъ монастырѣ церковь Петра, вѣроятно, въ честь своего патрона, и въ 1087 г. погребенному въ этой церкви (см. труды кіев. дух. Акад. 1892, янв., стр. 112). „Такимъ образомъ, вел. кн. кіевскій Изяславъ Ярославичъ въ крещеніи назывался Димитріемъ, а сынъ его Ярополкъ, по всей вѣроятности, Петромъ; а оба эти имени, т. е. Димитрій и Петръ, и являются на монетахъ перваго и втораго типа, приписывавшихся Ярославу I: Петръ на монетахъ перваго типа, а оба вмѣстѣ—на монетахъ втораго типа“. Появленіе именъ отца и сына на одной и той же монетѣ можетъ быть объяснено, по догадкѣ референта, желаніемъ Изяслава измѣнить порядокъ престолонаслѣдія (къ старшему въ родѣ), и сдѣлать кіевскій столъ наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ, а потому Изяславъ и чеканилъ монету съ своимъ именемъ и именемъ своего будущаго преемника Ярополка—Петра; или же происхожденіе имени и изображенія св. Петра на разсматриваемыхъ монетахъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что Изяславъ Ярославичъ, будучи согнанъ съ великокняжескаго стола братомъ своимъ Святославомъ (быть можетъ, вслѣдствіе желанія своего измѣнить порядокъ престолонаслѣдія), обратился за помощью къ папѣ и къ польскому королю и получилъ отъ папы грамоту, ставившую его подъ защиту и покровительство папскаго престола и ап. Петра, который поэтому и могъ быть изображенъ на Изяславовыхъ монетахъ.

Послѣ референта проф. Петрова нѣкоторые изъ членовъ съѣзда сдѣлали заявленіе о новыхъ находкахъ по нумизматикѣ. Такъ, одинъ изъ нихъ говорилъ о своей находкѣ въ Смоленскѣ трехъ свинцовыхъ нумизматическихъ знаковъ въ той части города, гдѣ производилась торговля съ Ганзой и гдѣ стоялъ Козмодемьянскій монастырь, основанный въ 1146 году.

Знаки эти имѣютъ форму 2 копѣекъ и на одномъ изъ нихъ вырѣзано четко древнимъ шрифтомъ (до XIII в.), въ обратную сторону „Господи, помози рабу своему Димитрію“, а на оборотной сторонѣ знака находится изоб-

---

[1]) Отчетъ о немъ см. на стр. 180-й Арх. Изв. и Зам.

раженіе святаго. На другомъ свинц. знакѣ есть изображеніе св. Николая чудотворца—какъ можно предположить по общеизвѣстнымъ признакамъ, а на обратной сторонѣ—изображеніе вооруженнаго человѣка.

Такъ какъ предполагался еще цѣлый рядъ рефератовъ по нумизматикѣ, то и вопросъ возникшій о найденныхъ знакахъ былъ отложенъ до того времени.

Засѣданіе II-го отдѣленія (исторіи, географіи и этнографіи) 3 августа.

Почетный предсѣдатель Д. Я. Сомоквасовъ.—Предсѣдатель А. И. Павинскій.—Секретарь Н. М. Бережковъ.

1. Проф. кенигсбергскаго университета Л. Х. Штида сдѣлалъ докладъ „О наименованіяхъ мѣховъ въ ганзейской торговлѣ". Отмѣтивъ ту важную роль, какую имѣли мѣха въ древней торговлѣ русскихъ съ нѣмцами и указавъ необходимость имѣть спеціальную исторію по торговлѣ мѣхами, какъ весьма обширной по размѣрамъ и очень древней по времени, референтъ сдѣлалъ опытъ объясненія изъ русскаго языка многихъ названій мѣховъ, встрѣчающихся въ латинскихъ и нѣмецкихъ документахъ ганзейскаго времени. Референтъ представилъ классификацію этихъ названій по географическимъ особенностямъ, по цвѣту мѣха, качеству товаровъ и по самымъ звѣрямъ, шкуры которыхъ продавались. Всѣхъ названій, изслѣдованныхъ референтомъ, оказалось 46. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: wimeteken,—рус. выметка (мѣхъ низшаго достоинства, выборки), schewenіss—рус. шевня (полотнище, сшитое изъ нѣсколько мѣховъ, для шубы), „smaschi" и "merlici"—рус. смушки и мерлушки, и много др. Нѣкоторыя изъ подобныхъ терминовъ окончательно утратили свой смыслъ и оказываются непонятными и для самого докладчика.

Докладъ проф. Штиды вызвалъ замѣчанія со стороны проф. М. Н. Бережкова и Е. Ф. Шмурло. М. Н. Бережковъ сдѣлалъ весьма лестный отзывъ объ изслѣдованіяхъ проф. Штиды; онъ вполнѣ согласенъ съ правильностью общаго пріема ученаго докладчика объяснять древнія, иногда очень загадочныя названія мѣховъ въ упомянутыхъ документахъ не изъ инаго языка, какъ именно изъ русскаго; это пріемъ вполнѣ правильный, научный и надежный. Проф. Шмурло, указавъ на большую эрудицію проф. Штиды, замѣтилъ, что въ научной области подобнаго рода филологическихъ объясненій недостаточно: они не убѣдительны, хотя, можетъ быть, и вѣрны. Проф. Штида и Бережковъ признали нѣкоторую основательность въ замѣчаніи проф. Шмурло.

Въ дополненіе настоящаго реферата профессоръ варшавскаго университета, Е. Ѳ. Карскій выяснилъ значеніе непонятныхъ для референта выраженій: „попелица" (маленькій звѣрекъ на мѣстномъ простонародномъ языкѣ), „беранъ" (баранъ, на основаніи рукописи XVI в. подъ заглавіемъ „Аристотелевы врата") и „бугай" быкъ.

2. Г. А. Виссендорфъ сдѣлалъ докладъ: „О мѣстоположеніи варяжской

Руси“. Докладчикъ на основаніи извѣстій Адама Бременскаго, Дитмара Мерзебургскаго и Анналовъ Кведлинбургскихъ полагаетъ, что первоначальное мѣсто жительства варяжской Руси было на берегахъ рѣки Руси, притока Нѣмана—Русь Жемойтская.

Докладчику возражалъ проф. Ѳ. И. Успенскій, развивая мысль, что въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи варяжской Руси весьма важны и болѣе надежны источники византійскіе, какъ болѣе древніе, нежели западно-европейскіе. Съ другой стороны, начальникъ виленскаго центральнаго архива И. Я. Спрогисъ, по поводу того же реферата г. Виссендорфа, указавъ на значительную близость языка латышско-литовскаго къ русскому, заявилъ, въ видѣ общаго положенія, что было бы весьма важно пользоваться латышско-литовскимъ языкомъ при разъясненіи нѣкоторыхъ сторонъ начальной русской лѣтописи и географіи. Для примѣра онъ предложилъ названія рѣки *Пины* и полоцкой княжны *Рогнѣды*, какъ возможныя для истолкованія изъ литовско латышскаго языка („пина“ — латышск. гирлянда); значитъ Пина—рѣка, сплетенная изъ многочисленныхъ притоковъ-ручьевъ; Рогнѣда — латышск. „рагана“, жрица, колдунья, а въ переносномъ смыслѣ—красавица.

3. Депутатъ одесскаго Общ. исторіи и древностей, Х. П. Ящуржинскій, сдѣлалъ докладъ: „О превращеніяхъ въ бѣлорусскихъ сказкахъ“. Докладчикъ поставилъ два тезиса: 1) что къ превращеніямъ способны миѳическія существа и 2) что этой же силой обладаютъ существа, имѣющія съ ними сношенія, какъ-то: колдуны и вѣдьмы. Въ подтвержденіе своихъ тезисовъ докладчикъ изложилъ нѣсколько бѣлорусскихъ сказокъ и обратилъ вниманіе на ихъ близость къ природѣ и на свѣжесть чувства въ нихъ. Проф. Кирпичниковъ обратилъ вниманіе на то, что нѣкоторыя сказки, изложенныя докладчикомъ, какъ бѣлорусскія, имѣютъ происхожденіе другое: онѣ позаимствованы отъ другихъ народовъ и не могутъ быть признаны сказками чисто народными. Затѣмъ А. И. указалъ на значительное накопленіе матеріала этнографическаго и на необходимость разработывать его сравнительнымъ методомъ и въ частности сравненіемъ народныхъ сказочныхъ сюжетовъ съ литературными. Проф. Владиміровъ замѣтилъ, что при изученіи народныхъ сказочныхъ сюжетовъ для того, чтобы опредѣлить общія схемы сказокъ, необходимо употреблять разнообразные пріемы при изученіи. Г. Лонгиновъ указалъ на сходство нѣкоторыхъ сюжетовъ бѣлорусскихъ сказокъ съ образами въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Въ заключеніе произошелъ еще краткій обмѣнъ мыслей между докладчикомъ и А. И. Кирпичниковымъ.

Засѣданіе I-го отдѣленія (первобытныя древности) 4 августа.

Почетный предсѣдатель Д. Н. Анучинъ—Предсѣдатель В. Б. Антоновичъ.—Секретарь В. З. Завитневичъ.

Первымъ референтомъ выступилъ депутатъ кіевской академіи проф. В. З. Завитневичъ съ рефератомъ „Формы погребальнаго обряда въ курга-

нахъ Мозырскаго, Рѣчицкаго и Бобруйскаго уѣздовъ Минской губерніи". Задачу реферата составляло изображеніе въ сжатомъ видѣ характерныхъ особенностей погребальнаго обряда и его формъ въ курганную эпоху въ мѣстностяхъ Мозырскаго, Рѣчицкаго и Бобруйскаго уѣздовъ Минской губерніи, на основаніи раскопокъ, произведенныхъ докладчикомъ въ послѣдніе годы. Предметомъ научнаго наблюденія для референта послужили 627 изслѣдованныхъ имъ кургановъ, принадлежавшихъ 70 болѣе или менѣе отдѣльнымъ могильникамъ. По формѣ погребальнаго обряда изслѣдованные курганы дѣлятся на двѣ категоріи: 1) курганы съ трупосожженіемъ и 2) курганы съ зарываніемъ покойниковъ въ землю.

Распредѣленіе кургановъ первой категоріи по уѣздамъ, ихъ процентное отношеніе къ общей суммѣ изслѣдованныхъ кургановъ таковы: въ Мозырскомъ уѣздѣ курганы съ трупосожженіамъ составляютъ 5%, въ Бобруйскомъ—7,6%, въ Рѣчицкомъ—25,8%. Эти цифровыя данныя, показывающія процентное отношеніе кургановъ первой категоріи къ общей суммѣ изслѣдованныхъ кургановъ, а равно и распредѣленіе ихъ по территоріи изслѣдованной области служатъ основаніемъ для слѣдующихъ двухъ выводовъ: 1) обрядъ трупосожженія не былъ господствующимъ въ данной области; 2) такъ какъ форма этого обряда по направленію къ Днѣпру усиливается, то представляется вѣроятнымъ, что она занесена на западную сторону Днѣпра съ восточной, гдѣ, въ бассейнѣ р. Десны, она имѣетъ господствующее значеніе.

Обрядъ зарыванія покойниковъ въ землю, въ свою очередь, подраздѣляется въ рефератѣ г. Завитневича на три категоріи: 1) погребеніе въ насыпи кургана, т. е. выше поверхности земли; 2) погребеніе на поверхности земли и 3) погребеніе въ ямахъ, т. е. ниже поверхности земли. Первая форма встрѣтилась только въ 3-хъ курганахъ березинскаго бассейна. Курганы съ обрядомъ погребенія въ ямахъ, по уѣздамъ, составляютъ: въ Бобруйскомъ уѣздѣ 11,95 проц., въ Рѣчицкомъ—14,76 проц. и въ Мозырскомъ—21 проц. изъ всего числа изслѣдованныхъ кургановъ. Распредѣленіе кургановъ второго типа по могильникамъ и ихъ процентное отношеніе къ общей суммѣ изслѣдованныхъ кургановъ показываетъ, что обрядъ погребенія въ ямахъ къ сѣверу отъ Припети игралъ второстепенное значеніе и занесенъ былъ сюда, по всей вѣроятности, съ южнаго берега, гдѣ, въ области Древлянскихъ поселеній, онъ былъ господствующимъ. Господствующее же значеніе въ изслѣдованной области имѣлъ обрядъ погребенія на *поверхности* земли. Курганы съ погребеніемъ на поверхности земли по уѣздамъ распредѣляются такъ: въ Мозырскомъ уѣздѣ 73,89 проц., въ Рѣчицкомъ уѣздѣ—59,43 проц. и Бобруйскомъ 80,53 проц. Въ общемъ изъ 627 кургановъ эта форма погребенія наблюдалась въ 443, что составляетъ 70,65 процента.

Встрѣчающіеся въ курганахъ предметы можно раздѣлить на двѣ категоріи: практически-бытовые и служившіе украшеніемъ. Первые предметы свидѣтельствуютъ, что люди курганной эпохи жили въ желѣзномъ вѣкѣ и

находились на сравнительно высокой степени культурнаго развитія. Для предметовъ украшенія употреблялся матеріалъ: золото, серебро, бронза, желѣзо, металлъ неизвѣстнаго состава, сердоликъ, аметистъ, горный хрусталь, стекло и различная композиція. Предметы украшенія группировались около головы шеи и рукъ. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ бусы филигранной работы, повидимому мѣстнаго приготовленія. Въ краніологическомъ отношеніи преобладалъ типъ долихоцефаловъ 53,5 проц. и субдолихоцефаловъ 28,5 проц., въ общемъ—82,24 проц.

Для опредѣленія хронологіи разсматриваемой курганной культуры служатъ извлеченныя изъ кургановъ три монеты X вѣка: двѣ арабскихъ самаркандскаго чекана и одна—византійская, времени Константина Порфиророднаго.

Д. Н. Анучинъ обратилъ вниманіе на полноту и обстоятельность доклада и выразилъ референту отъ лица собранія благодарность.

Д. Я. Самоквасовъ, указавъ на серьезное значеніе реферата въ ряду другихъ работъ этого рода, сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе. Основываясь на показаніяхъ Геродота, онъ полагаетъ, что изслѣдованная референтомъ область въ эпоху Геродота представляла незаселенную пустыню, которая впервые занята была пришедшими съ Дуная славянами, т. е. людьми одного типа, а поэтому различать между ними элементы древнѣйшіе и новѣйшіе и и отмѣчать ихъ взаимодѣйствіе—едва-ли возможно.

На это замѣчаніе референтъ отвѣтилъ, что до занятія славянами при—Днѣпровскихъ областей послѣднія несомнѣнно заселены были людьми культуры каменнаго вѣка, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ курганнымъ населеніемъ культуры желѣзнаго вѣка: каменныя орудія, въ громадномъ количествѣ встрѣчающіяся въ изслѣдованной области, въ курганахъ не встрѣчаются. Что же касается сравнительной древности отдѣльныхъ погребальныхъ типовъ и ихъ предполагаемаго взаимодѣйствія, то обо всемъ этомъ въ рефератѣ говорится въ условномъ смыслѣ.

Д. И. Иловайскій, присоединяясь къ мнѣнію референта, нашелъ невозможнымъ согласиться съ мнѣніемъ г. Самоквасова о приходѣ славянъ съ Дуная.

Князь Путятинъ замѣтилъ, что при изученіи формъ погребальнаго обряда необходимо обращать вниманіе на практическія цѣли, которыя преслѣдовались при сооруженіи могильныхъ насыпей и которыя имѣли вліяніе на форму погребальнаго обряда Референтъ на это отвѣтилъ, что на эту сторону вопроса уже давно обращено вниманіе въ нашей ученой литературѣ и—между прочимъ—самимъ же референтомъ.

2. Вторымъ сдѣлалъ докладъ депутатъ университета св. Владиміра В. Б. Антоновичъ: „Погребальный типъ могилъ Радимичей".

Радимицкій похоронный типъ изслѣдованъ въ раскопкахъ гг. Фурсова, Яременки и референта. Всего раскопано 262 кургана въ томъ числѣ референтомъ 115 на берегу р. Сожа подлѣ Гомеля и Чечерска.

Главныя черты этого похороннаго типа состоятъ въ самомъ устройствѣ могилъ: покойники были погребены выше горизонта (78%), на большей или меньшей возвышенности; средняя ея высота 0,53 метра; ложе, подостланное подъ ними, состоитъ изъ смѣси золы съ зернами угля и свѣтлаго песку безъ всякаго, впрочемъ, признака сожженія или обугленія костей. Дерево въ устройствѣ могилы встрѣчалось рѣдко (18%), чаще всего въ видѣ нѣсколькихъ досокъ или брусьевъ, положенныхъ сверху или по бокамъ скелета; настоящихъ гробовъ нигдѣ не найдено, равно какъ и гвоздей. Коллективныхъ гробницъ также не встрѣчается въ радимицкихъ курганахъ. Скелеты лежали головою къ западу, на спинѣ, руки были протянуты вдоль тѣла, ноги также протянуты. Измѣрено было 33 черепа, изъ нихъ 28 оказались длинноголовыми; среднiй черепной указатель 75,09, т. е. типъ черепа находится на границѣ долихоцефализма и субдолихоцефализма по схемѣ Брока. Ростъ измѣренъ въ 22 случаяхъ, по схемѣ Топинара, средняя его цифра 1,66 метра, т. е. ростъ выше средняго. Особенныхъ аномалiй не найдено.

При покойникахъ ни разу не было найдено оружiя, что безспорно говоритъ въ пользу мирныхъ занятiй того племени, и подтверждается лѣтописными свидѣтельствами. Сосуды—глиняные горшки двухъ типовъ встрѣчались очень часто; они стояли у головы или у ногъ и были наполнены органическимъ перегноемъ. Горшки не симметрической формы, вѣроятно, сдѣланы безъ гончарнаго круга.

Курганы изобилуютъ количествомъ украшенiй. Украшенiя одежды и бытовые предметы встрѣчались рѣже въ мужскихъ могилахъ; они здѣсь состояли изъ поясныхъ бронзовыхъ пряжекъ, литыхъ бронзовыхъ колецъ, привѣшивавшихся къ поясу, и желѣзныхъ ножиковъ съ деревянными или костяными рукоятками. Въ женскихъ могилахъ было гораздо болѣе украшенiй: у головы встрѣчались украшавшiя волосы височныя кольца семилопастныя, рѣже серьги На шеѣ встрѣчались витыя бронзовыя гривны и многочисленныя (до 7 нитокъ) ожерелья, состоящiя или изъ крупныхъ бусъ, стеклянныхъ, глиняныхъ, сердоликовыхъ, аметистовыхъ и горнаго хрусталя, или изъ мелкихъ глиняныхъ и стеклянныхъ бусъ, нанизанныхъ въ два ряда и перехваченныхъ серебряными привѣсками, имѣвшими форму: ромбовъ, ажурныхъ розетокъ, полумѣсяцевъ, бубенчиковъ и крестообразныхъ фигуръ. На рукахъ встрѣчались браслеты изъ бронзовыхъ проволокъ и пластинокъ и перстни серебряные изъ проволокъ и пластинокъ, а также бронзовые литые. Въ двухъ случаяхъ встрѣчены фибулы дугообразныя: одна бронзовая и одна желѣзная, на браслетахъ и кольцахъ много орнаментики, большею частью представляющей сосенку Металлическiе предметы, всѣ безъ исключенiя не были спаяны. Серебряные предметы были гораздо численнѣе ($^9/_{10}$) бронзовыхъ. Янтаря встрѣчается мало.

Хронологическiя данныя встрѣтились два раза: въ одномъ случаѣ найдены 5 медальоновъ, сдѣланныхъ изъ восточныхъ монетъ, которыя оказа-

лись саманидскими диргемами первой половины X ст., въ другомъ случаѣ найденъ былъ христіанскій крестикъ, съ изображеніемъ Распятія, привѣшенный, въ качествѣ украшенія, къ ожерелью,—по формѣ одѣянія на Спасителѣ относящійся не позже начала XI ст. Обѣ данныя указываютъ такимъ образомъ на X-ое столѣтіе.

Д. Я. Самоквасовъ, замѣтивъ, что люди науки привыкли видѣть въ докладахъ референта труды, удовлетворяющіе самымъ строгимъ научнымъ требованіямъ, нашелъ, что и настоящій рефератъ не составляетъ исключенія изъ общаго правила.

Предсѣдатель Д. Н. Анучинъ, находя что докладъ референта кромѣ другихъ замѣчательныхъ достоинствъ, отличается прекрасными научными пріемами, выразилъ ему отъ лица собранія глубокую благодарность.

3. Депутатъ могилевскаго статистическаго комитета М. В. Фурсовъ сдѣлалъ докладъ о раскопкахъ кургановъ, произведенныхъ въ 1892 году въ пяти центральныхъ уѣздахъ Могилевской губерніи. Цѣль раскопокъ заключалась въ выясненіи погребальнаго типа поселенцевъ береговъ Днѣпра, Сожи и притоковъ ихъ: Друти, Прони, Остра и Бесѣди. Раскопано 60 кургановъ изъ 350 приблизительно. Въ результатѣ, по словамъ докладчика, найдено: 1) полное трупосожженіе (въ 19 курганахъ); 2) неполное, съ положеніемъ трупа на догарающемъ кострѣ (въ 18 курганахъ); 3) погребеніе на поверхности земли (въ 62 курганахъ) и ниже поверхности земли — въ могилахъ (въ 8 курганахъ). Положеніе скелетовъ довольно разнообразное. Найдено 2 случая совмѣстнаго погребенія по 4 и по 2 трупа. Обнаружены также два случая двухярусныхъ кургановъ (трупы одинъ надъ другимъ). Результаты добытые референтомъ, во многомъ сходятся съ таковыми же профессора Антоновича, но существуютъ и различія. Такъ, напримѣръ, большія кольца были найдены на груди скелетовъ съ привѣсками изъ сердолика, горнаго хрусталя и стеклянныхъ золоченыхъ бусъ, тогда какъ на костякахъ Гомельскихъ такія кольца служатъ головнымъ украшеніемъ; ромбовидныя привѣски, въ формѣ рыбокъ, на костякахъ Гомельскихъ составляютъ часть ожерелій и найдены тамъ во множествѣ; въ раскопкахъ-же г. Фурсова такія привѣски встрѣчены въ небольшомъ количествѣ и постоянно какъ серьги; массивные браслеты изъ серебра, изящное кольцо съ камнемъ, золотой съ финифтью крестъ (со сломаннымъ нижнимъ концомъ), литая изъ мѣди фигура человѣка найдены въ курганахъ Мстиславскаго и Быховскаго уѣздовъ. Въ Гомельскихъ же не встрѣчено вовсе ничего подобнаго. Но всѣ эти разновидности не существенно важны.

Затѣмъ докладчикъ перешелъ къ описанію погребальныхъ формъ, встрѣченныхъ имъ въ пяти уѣздахъ губерніи.

Погребеніе черезъ положеніе трупа на потухающемъ кострѣ и погребеніе въ искусно-вырытыхъ и обложенныхъ толстыми слоями бересты могилахъ не встрѣчено при раскопкахъ въ Гомельскомъ уѣздѣ, другія же двѣ формы: погребеніе на грунтѣ и погребеніе выше грунта, какъ бы на ложѣ изъ золы

и песку (иногда разноцвѣтнаго), найдены профессоромъ Антоновичемъ, какъ преобладающій типъ погребенія у Радимичей. Съ этимъ согласиться нѣтъ достаточныхъ оснований, при характеристикѣ погребальнаго обряда въ пяти разслѣдованныхъ уѣздахъ, гдѣ жила большая часть (почти $^{4}/_{5}$) Радимичей. Кромѣ того, признать погребеніе на ложѣ изъ песку и золы за типическое—значитъ сдѣлать обобщеніе изъ небольшого числа добытыхъ фактовъ (раскопки въ 2-хъ мѣстахъ Гомельскаго уѣзда); оно было бы поспѣшно даже и тогда, когда такое погребеніе оказалось бы преобладающимъ въ 60-ти раскопкахъ кургановъ пяти уѣздовъ, ибо всѣхъ кургановъ въ бассейнѣ Сожи считается свыше тысячи, раскопано же ихъ не болѣе десятой части.

Затѣмъ, послѣ демонстрированія устройства трехъ Мозырскихъ могилъ, изъ коихъ двѣ обложены внутри берестою въ нѣсколько слоевъ и имѣли надъ собою такъ называемый бдынъ (отъ—будовать, строить) или деревянную изъ толстыхъ плахъ постройку, сверху которой и былъ насыпанъ курганъ, докладчикъ перешелъ къ описанію глиняныхъ горшковъ, встрѣчающихся разбитыми въ каждомъ курганѣ и въ цѣломъ видѣ у ногъ или у головы скелета во многихъ курганахъ. Разновидность ихъ противъ Гомельскихъ состоитъ въ томъ, что всѣ горшки (цѣлые) весьма красивой формы, съ глубокою вытяжкою и изъ хорошо вымѣшанной глины (бѣлой или черной), тогда какъ въ Гомельскихъ курганахъ всѣ безъ исключенія горшки сдѣланы изъ плохой глины, съ примѣсью кварца и не на кружалѣ. Кромѣ того, въ горшкахъ, помѣщенныхъ при скелетахъ въ курганахъ пяти уѣздовъ, не оказывается слѣдовъ чего либо, что можно было бы назвать содержимымъ въ нихъ, но стѣнки ихъ большею частью только закопчены; въ Гомельскомъ же уѣздѣ существованіе содержимаго въ горшкахъ замѣчено проф. Антоновичемъ.

Высказавъ народный взглядъ на постановку (даже и по нынѣ) горшковъ на могилахъ, референтъ закончилъ этимъ докладъ свой.

Засѣданіе V-го отдѣленія (церковныя древности) 4 августа.

Почетный предсѣдатель протоіерей П. Ф. Николаевскій. - Предсѣдатель Н. И. Петровъ. — Секретарь Н. И. Троицкій.

1. М. П. Истоминъ прочелъ рефератъ: „Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской лаврѣ въ прошломъ столѣтіи".

Кіево-Печерская лавра имѣла громадное историческое значеніе, какъ хранительница завѣтовъ православія для З. Руси; отсюда понятною становится и вся важность изученія этого памятника какъ въ историческомъ, такъ и въ археологическомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, въ послѣднемъ отношеніи встрѣчаются непреодолимыя препятствія: время проходило, всѣ остатки древней старины не сохранились, такъ, напримѣръ, не сохранилось древней мозаики, „мусійной живописи", которою, по извѣстіямъ Патерика и Синопсиса, былъ украшенъ главный храмъ. Въ особенности для лавры памятенъ

пожаръ 1718 года. Поэтому-то самая древняя живопись въ соборной церкви Кіево-Печерской лавры, уцѣлѣвшая лишь въ немногихъ мѣстахъ, не восходитъ по времени раньше прошлаго столѣтія.

Въ прошломъ столѣтіи, по свидѣтельству надписи, находящейся на столбѣ у лѣваго клироса, великая лаврская церковь была расписана два раза: въ 1730 и отъ 1772—1776 гг.

Въ описаніи лавры митрополита Евгенія, эта послѣдняя иконопись именуется „превосходною греческою". Это мнѣніе о греческомъ характерѣ лаврской живописи прошлаго столѣтія требуетъ тщательной провѣрки, насколько она возможна при наличности существующихъ данныхъ. Намъ извѣстны два документа: одинъ, хранящійся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, другой — въ архивѣ Кіево-Печерской лавры; на основаніи ихъ устанавливается фактъ пребыванія въ этомъ монастырѣ живописца Веніамина Фредериче, который около 1758 г. перешелъ изъ бердичевскаго кармелитскаго монастыря, гдѣ исполнялъ нѣкоторые заказы въ Кіево-Печерскую лавру. Его мы здѣсь встрѣчаемъ еще въ концѣ 1760 г. Изъ разобранныхъ нами дѣлъ видно, что ему поручена была какая-то работа администраціею лавры. Г. Истоминъ полагаетъ, что Фредериче были поручены росписи лаврской церкви.

Въ теченіе почти всего XVIII столѣтія лавра считалась единственнымъ разсадникомъ иконописнаго искусства на всю Западную Россію, хотя, впрочемъ, есть факты, указывающіе на то, что состояніе иконописнаго искусства въ самой лаврѣ не стояло на должной высотѣ; тѣмъ не менѣе, потребность въ этомъ искусствѣ и сознаніе необходимости его усовершенствованія давали себя чувствовать, повидимому, очень сильно. Для удовлетворенія таковой, прежде всего нужна была школа церковной древней живописи, а ея не было при лаврѣ, гдѣ обученіе ему желающихъ происходило „приватно" по кельямъ монастырской братіи, иноковъ-иконописцевъ. Такая школа была открыта при Кіево-Печерской лаврѣ 17 мая 1763 года. Основаніе ея подвинуло дѣло; подъемъ „иконописнаго мастерства" выразился въ томъ, что, при выполненіи живописныхъ работъ въ соборной лаврской церкви въ 1772—1776 гг., участвовали исключительно ученики недавно открытой школы.

Послѣ всего сказаннаго становится понятнымъ, почему администрація Кіево-Печерской лавры пригласила къ себѣ для живописныхъ работъ художника итальянца и удерживала его при монастырѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Къ историческимъ заслугамъ Кіево-Печерской лавры нужно отнести то, что она, какъ одинъ монастырь изъ передовыхъ постовъ на стражѣ національныхъ задачъ Западной Руси въ эпоху непрекращавшейся религіозной борьбы, взяла на себя обязанности по обученію иконописному искусству.

Отрывочный фактъ пребыванія въ Кіево-Печерской лаврѣ итальянскаго живописца свидѣтельствуетъ о томъ, что въ церковной иконописи Западной Руси имѣло мѣсто и западное вліяніе, которое должно было отразиться на видоизмѣненіи прежнихъ образцовъ и композицій, унаслѣдованныхъ отъ Ви-

зантіи (слѣды этого вліянія замѣтны, напр., въ предѣлѣ св. первомученика Стефана). Съ этой точки зрѣнія получаетъ научный интересъ и изученіе того немногаго, что уцѣлѣло въ Кіево-Печерской лаврѣ отъ живописи прошлаго столѣтія. Поэтому, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что параллельное изученіе живописи въ древнихъ православныхъ и католическихъ храмахъ Западной Руси дастъ богатый матеріалъ для исторіи искусства, съ точки зрѣнія соприкосновенія двухъ культуръ — византійско-русской и западно-латинской. Къ реферату г. Истомина сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній проф. Н. И. Петровъ.

2. Н. И. Троицкій доложилъ съѣзду сообщеніе: „Пѣснь Пѣсней въ фрескахъ Тульскаго Успенскаго собора".

Тульскій Успенскій каѳедральный соборъ, обращающій на себя вниманіе своими архитектурными достоинствами,—въ отношеніи обширности, легкости и освѣщенія,— заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія по своему внутреннему убранству, и притомъ какъ въ художественномъ отношеніи, такъ въ особенности со стороны церковной иконографической символики. Въ этомъ отношеніи замѣчательна его стѣнная фресковая иконопись. Хотя этотъ храмъ построенъ отъ 1762 по 1764 г., а расписанъ al-fresco отъ 1765 по 1767 г., тѣмъ не менѣе фрески его замѣчательны въ высшей степени и по своей техникѣ, и по стилю, а главное — по своей полнотѣ и содержательности. Сколько извѣстно, эта роспись есть послѣднее и совершеннѣйшее созданіе русскаго фресковаго письма. Заполняя все пространство поверхности стѣнъ, столбовъ, сводовъ и куполовъ, она представляетъ въ прекрасныхъ образахъ и лицахъ всю перспективу тысячелѣтней жизни царства Божія на землѣ. Размѣщеніе фресковыхъ изображеній, въ основныхъ чертахъ своего плана, имѣетъ, конечно, большое сходство съ извѣстными росписями храмовъ владимірскихъ, московскихъ и ярославскихъ, а непосредственно примыкаетъ къ ярославскимъ подлинникамъ. И это потому, что — по выраженію лѣтописной надписи на сѣверной двери собора — „трудившіеся о Бозѣ иконописцы" были „града Ярославля посадскіе люди стѣннаго писанія". Находясь въ такой зависимости отъ ярославскихъ подлинниковъ, фрески тульскаго Успенскаго собора имѣютъ, однако, свою весьма замѣчательную особенность и въ составѣ изображеній и въ стилѣ писанія. Какъ таковыя, они служатъ и развитіемъ фресковаго дѣла, и дополненіемъ цикла изображеній, принятыхъ уже въ древнихъ храмахъ и въ частности—въ ярославскихъ. Выдающуюся особенность такого рода фресокъ представляютъ четыре болѣе или менѣе обширныхъ клейма, составляющихъ цѣлый рядъ или ярусъ и расположенныхъ на западной стѣнѣ храма, во всю ея длину—съ изображеніями, которыя стоятъ въ непосредственной связи съ текстомъ ветхозавѣтной канонической книги „Пѣснь Пѣсней" Соломона.

Тульскія фрески представляютъ прежде всего особенность стиля, хотя она касается главнымъ образомъ декоративной стороны (костюмовъ лицъ, вида палатъ и ландшафта),—духъ и вкусъ эстетическій XVIII в. сказался

въ этомъ вѣкѣ и во фресковой росписи (въ особенности—платье широкое съ узкимъ лифомъ). Но главное отличіе тульскихъ фресокъ составляетъ сложность ихъ состава и полнота содержанія, ее обусловливающая: эти фрески воспроизводятъ *все* содержаніе книги „Пѣснь Пѣсней“ и даютъ свое особенное толкованіе основной ея идеѣ.

По толкованію фресковыхъ лицевыхъ изображеній, въ „Пѣсни Пѣсней“ воспѣвается отношеніе не мудрости къ Соломону, на что указываетъ его „Книга Премудрости“,—не народа Израильскаго къ Іеговѣ, какъ училъ р. Акиба,—не души христіанина ко Христу, какъ проповѣдывалъ Оригенъ и прочіе,—не благополучнаго государства Соломона къ нему — царю или къ Іеговѣ, какъ народному благодѣтелю, какъ соображалъ Лютеръ,—не отношеніе жены къ мужу, состоящихъ въ благословенномъ бракѣ, какъ думаетъ Деличъ, — и, наконецъ, не отношеніе Палестины къ своему солнцу, какъ мудрствуетъ Тайяръ;—нѣтъ: „Пѣснь Пѣсней“ воспѣваетъ глубокую любовь ветхо-завѣтной Церкви къ обѣтованному Искупителю, къ новому и вѣчному союзу съ Нимъ.

Такъ опредѣленная идея книги „Пѣснь Пѣсней“ устраняетъ весьма многія недоумѣнія и затрудненія при послѣдовательномъ толкованіи всего текста этой превосходной поэтической книги Ветхаго Завѣта. А именно такому опредѣленію идеи книги „Пѣснь Пѣсней“ по фрескамъ соотвѣтствуетъ ихъ символика, т. е. размѣщеніе ихъ всѣхъ именно на западной стѣнѣ храма.

Церковное ученіе о символическомъ значеніи храма и его частей издревле и до днесь безспорное, незыблемое и совершенно опредѣленное; храмъ — это міръ, алтарь, высшее небо; средняя часть храма — земля; западная стѣна — нижняя область земли, даже адъ. И это символическое ученіе о храмѣ ставится въ неразрывную связь съ символическими богослужебными дѣйствіями епископа.

При этомъ символическомъ ученіи Церкви о храмѣ совершенно понятно отношеніе фресокъ „Пѣсни Пѣсней“ именно къ западной стѣнѣ онаго. Западъ—страна мрака, область скорби, мѣсто томленія, воздыханія, надежды. И вотъ почему на западную сторону переносится и на западной стѣнѣ храма помѣщается изображеніе ветхо-завѣтной Церкви, любящей своего Искупителя, но еще скорбящей о Немъ, ищущей Его, но еще не обрѣтающей, встрѣтившей Его, но нерѣшительно послѣдовавшей за Нимъ,—а вмѣстѣ и изображеніе Искупителя, любящаго свою церковь, говорящаго ей о Себѣ, но еще страждущаго за нее. Это—мѣсто томленія жениха и невѣсты, любящихъ другъ друга, но еще страдающихъ въ любви, не вошедшихъ еще въ брачный, свѣтлый, радостный и славный чертогъ. На семъ-то мѣстѣ и переданы столь художественные образы „Пѣсни Пѣсней“ въ прекрасныхъ фрескахъ Тульскаго Успенскаго каѳедральнаго собора.

Н. И. Троицкій закончилъ рефератъ слѣдующими словами: „Мнѣ суждено было открыть вамъ господа, только одну страницу величественной хартіи стѣнныхъ росписей православнаго храма, и не очевидно ли, какъ величес-

твенъ православный храмъ по своему символическому значенію, какъ глубока его стѣнная иконопись по своимъ идеямъ. — Безпредѣленъ онъ, какъ безпредѣленъ міръ Божій; глубокъ онъ по своей идеѣ, какъ глубокъ разумъ Божій, художествененъ онъ, какъ художественны картины историческихъ тысячелѣтій жизни церкви Божіей!"

3) Проф. Н. И. Петровъ сдѣлалъ докладъ „О новыхъ археологическихъ открытіяхъ въ г. Кіевѣ и особенно о новооткрытыхъ фрескахъ Кіево-Софійскаго собора". Референтъ коснулся двухъ предметовъ: древняго града Владимірова въ Кіевѣ и новооткрытыхъ фресокъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. При выемкѣ земли для прокладки канализаціонныхъ трубъ по Большой Владимірской улицѣ, открыта была древняя кладка изъ квадратныхъ тонкихъ кирпичей. Какое тутъ было въ древности зданіе — это объясняетъ планъ г. Кіева XVII в., хранящійся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. На этомъ планѣ обозначено два крѣпостныхъ вала на Старомъ Кіевѣ—оба съ воротами. Ворота перваго вала обозначены приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ открыта древняя кладка. Это — древній городъ св. Владиміра. Далѣе, на планѣ обозначенъ городъ Ярославовъ со св. Софіею въ центрѣ. Очевидно, оба вала сохранялись до XVII в. и занесены были на планъ.

Фрески въ Кіево-Софійскомъ соборѣ открыты двоякаго рода: однѣ на арочныхъ столбахъ алтаря, который очевидно, не закрывался въ древности иконостасомъ, а другіе въ аркахъ притвора, облегавшаго соборъ съ трехъ сторонъ, и въ такъ называемой крещальнѣ, находящейся на правой сторонѣ отъ главнаго западнаго входа въ соборъ. Къ реферату проф. Петрова сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній г. Хойновскій.

Засѣданіе для рефератовъ на иностранныхъ языкахъ 5 августа.

Почетный предсѣдатель Л. Х. Штида.—Предсѣдатель графиня П. С. Уварова.— Секретарь Ю. А. Кулаковскій.

1. Графъ Флери, депутатъ археологич. Общества въ Шарантѣ, доложилъ „О неолитической стоянкѣ въ Кемнѣ". Мѣстность стоянки пограничіе Гродненской губерніи въ разстояніи одного километра отъ сліянія Нарева и Бобра. Это островокъ кварцевыхъ песковъ, возвышающійся надъ окрестными заливными лугами; равнину обрамляютъ холмы, усѣянные гранитнымъ камнемъ ледниковаго происхожденія. Населеніе этой стоянки жило рыбной ловлей и охотой, не знало желѣза. Въ обиліи были найдены кремневыя орудія разныхъ типовъ, и лишь незначительное количество бронзовыхъ украшеній. Богатую коллекцію кремневыхъ орудій (ножей, скребковъ, пилъ, стрѣлъ, и др.) въ прекрасной сортировкѣ на таблицахъ докладчикъ предложилъ на на разсмотрѣніе собранія. Указывая на то, что въ данной мѣстности была не только стоянка неолитической эпохи, но и мастерская кремневыхъ ору-

дій, а также найдены были въ обиліи фрагменты многочисленныхъ керамическихъ издѣлій и горшковъ съ углями и жжеными костями (горшки различной формы, съ прямыми и острыми донышками) докладчикъ старался установить здѣсь существованіе могильника той же эпохи. Неолитическое происхожденіе стоянки доказывалъ онъ между прочимъ тѣмъ, что уровень рѣкъ Нарева и Бобра остается и теперь тотъ же, даже во время наводненія, каковъ онъ былъ въ неолитическую эпоху.

Профессора Антоновичъ и Анучинъ просили у докладчика нѣкоторыхъ разъясненій.

2. Депутатъ Общества Антикваріевъ Франціи, баронъ де-Бай, представилъ докладъ: „Объ Асторгскомъ ковчежцѣ для мощей“. Напомнивъ въ краткихъ чертахъ исторію Асторги и области, центромъ которой былъ этотъ городъ въ теченіе вестготскаго періода исторіи Испаніи, референтъ представилъ подробное описаніе ковчежца, хранящагося въ асторгскомъ соборѣ. Его жертвователемъ былъ король Альфонсъ III (866 — 910). Сдѣланъ онъ изъ дерева и обложенъ чеканными серебряными позолоченными пластинами. Характеръ работы варварскій и стиль ея грубый. Мастеръ обнаружилъ безпомощность въ изображеніи фигуръ людей и животныхъ. Со стороны техники особый интересъ представляютъ припаянныя пластинки съ рельефными изображеніями и вставленными гранатными и темнозелеными камнями. Это и есть та манера, которую разносили съ собою повсюду варвары въ періодъ переселенія народовъ.—Крышка ковчежца имѣетъ форму усѣченной пирамиды. На верхней площадкѣ изображенъ агнецъ съ крестомъ и надпись: Agnus Dei, а вверху и внизу отъ этого изображенія вытѣснены надписи въ одну строку каждая съ именами короля и его супруги. На узкихъ сторонахъ ската изображено по одному ангелу на той и другой съ надписью: Angelus подъ первымъ и Gabriel подъ вторымъ. На длинныхъ боковыхъ скатахъ изображены: быкъ съ надписью Lucas и орелъ съ надписью Ioannes. Боковыя стѣнки ковчежца декорированы въ верхней части цвѣточнымъ орнаментомъ, а въ нижней изображеніями людей. На пластинкѣ, покрывающей днище ковчежца, изображенъ крестъ съ символическими буквами α и ω. Главный интересъ этого памятника составляетъ самый стиль работы, который, несомнѣнно, идетъ съ Востока.

3. Депутатъ Археологич. С.-Петербургскаго Института, князь П. А. Путятинъ, предложилъ нѣсколько замѣчаній: „Къ вопросу о дѣленіяхъ предметовъ каменнаго вѣка въ Россіи“. По мнѣнію докладчика, было бы весьма желательно, для успѣха изученія данныхъ доисторической археологіи на обширномъ пространствѣ Россіи, выработать нѣкоторыя общія рубрики для классификаціи относящихся сюда предметовъ. Въ виду разнообразія физическихъ условій отдѣльныхъ мѣстностей Россіи, все пространство нашего отечества можно было бы подраздѣлить на четыре пояса: 1) поясъ полярный съ населеніемъ, не восходящимъ къ очень давнему времени, 2) поясъ сѣверныхъ лѣсовъ съ нѣкоторыми характерными кремневыми орудіями (рѣзаки)

и многочисленными образцами керамическаго дѣла, 3) поясъ центральный, гдѣ констатировано присутствіе человѣка вмѣстѣ съ мамонтомъ, т. е. находимы были орудія палеолитической эпохи, 4) степной поясъ, гдѣ несомнѣнно констатировано присутствіе мамонта.

Баронъ де-Бай въ отвѣтъ на предложеніе кн. Путятина замѣтилъ, что онъ вообще противъ классификацій. Во Франціи, гдѣ классификаціи сдѣланы были преждевременно, онѣ отстранили и продолжаютъ отстранять отъ доисторической археологіи многихъ серьезныхъ историковъ. Коснувшись нѣкоторыхъ частностей, упоминавшихся въ докладѣ кн. Путятина, баронъ де-Бай замѣтилъ, что, по его мнѣнію, эра прирученія животныхъ совпадаетъ съ эмиграціей новой расы съ Востока; древности Ментоны принадлежатъ неолитической, а не палеолитической эпохѣ, хотя тамъ попадаются предметы этой послѣдней; объясняется это тѣмъ, что онѣ найдены въ ямѣ, сдѣланной въ палеолитическую эпоху.

Кн. Путятинъ замѣтилъ, что онъ считаетъ классификацію первымъ условіемъ каждой науки и въ данномъ вопросѣ солидаренъ во взглядахъ съ предсѣдателемъ парижскаго антропологическаго общества Salmon'омъ.

4. Графъ Флери сдѣлалъ сообщеніе: „О церкви св. Михаила въ Ломжѣ". Сооруженіе этой церкви относится къ 1520 г. и сдѣланы на средства старосты ломжинскаго, Ивана Войславскаго, съ пособіемъ отъ князя мазовецкаго съ сестрою. Широкій фасадъ съ разукрашеннымъ фронтономъ выведенъ въ томъ же стилѣ, что и Нюренбергскій соборъ. Позднѣйшая реставрація значительно измѣнила внѣшній видъ церкви, не коснулась лишь колокольни съ ея типическими башенками. Внутри церковь меньше пострадала, нежели снаружи. Главный интересъ церкви въ археологическомъ и художественномъ смыслѣ составляютъ мраморныя и гранитныя гробницы ломжинскихъ старостъ въ хорахъ капеллъ и ихъ портреты, нарисованные на оловянныхъ доскахъ. Доски эти прибивались къ изголовью гроба и т. о. портретъ служилъ вмѣсто надписанія имени, какъ дѣлается это теперь. Референтъ предложилъ на разсмотрѣніе собранія фотографіи колокольни и трехъ гробницъ, а также цѣлую серію досокъ съ портретами XVII и XVIII вв.

Засѣданіе V-го отдѣленія (памятники быта) 5 августа.

Почетный предсѣдатель В. Г. Васильевскій. — Предсѣдатель Н. И. Веселовскій.—Секретарь С. М. Середонинъ.

1. А. Я. Ефименко доложила съѣзду: „О копныхъ судахъ".

1-й томъ Актовъ виленской археографической коммиссіи (о копныхъ судахъ) представляетъ собою совершенно исключительный по полнотѣ деталей матеріалъ, выясняющій архаическій судный процессъ.

Копный процессъ представляетъ въ своемъ полномъ развитіи три момента, которымъ соотвѣтствуютъ три типичныхъ копы: 1) горячая—предварительное дознаніе, 2) при неудовлетворительномъ результатѣ ея дѣло переходило въ

копу великую, вальную—судебное слѣдствіе и 3) завитая, судебное рѣшеніе вмѣстѣ съ приведеніемъ его въ исполненіе. Характеренъ для горячей копы обычай гнать слѣдъ. Великая копа — центръ суднаго процесса: присутствіе на ней обязательно для всѣхъ членовъ копнаго округа; она обставлялась особою торжественностью; главныя ея процессуальныя дѣйствія—„вольное правное мовенье“ (словесное состязательство сторонъ) и предъявленіе судебныхъ доказательствъ, между которыми первенствующее мѣсто принадлежитъ присягѣ, очистительной и обвинительной, тогда какъ поличное не играло почти никакой роли, а свидѣтели имѣли лишь второстепенное значеніе. Великой же копой выяснялось, какой характеръ имѣетъ правонарушеніе: простой ли шкоды, допускающей матеріальное возмѣщеніе, или злодѣйства. Завитая копа собиралась только для злодія. Это пока позволяетъ заглянуть въ самый генезисъ понятія уголовной преступности. Злодій сохраняетъ свое частно правовое отношеніе къ истцу; но и другіе члены копнаго округа могутъ предъявлять къ нему притязанія и пытать „о свои шкоды“, буде таковыя бывали, а виновникъ ихъ былъ не найденъ. Обыкновенный конецъ завитой копы — повѣшенія злодія. Опредѣливъ, затѣмъ, отношенія правонарушителя къ потерпѣвшему, какъ отношенія. частноправовыя, референтъ во второй части своего изслѣдованія затронулъ вопросъ объ отношеніи народнаго суда къ великокняжескому.

Копный судъ есть судъ народной сходки, громады, вѣча. Какое же мѣсто онъ долженъ занимать въ исторіи суда вообще? Наука исторіи права, въ лицѣ авторитетнѣйшихъ представителей, утверждаетъ, что въ предѣлахъ исторіи судъ есть принадлежность государственной власти. Авторъ реферата считаетъ такое утвержденіе ошибочнымъ. Многія свидѣтельства памятниковъ, говорящія о великокняжескомъ судѣ, можно объяснить въ смыслѣ взиманія въ пользу князя пошлинъ при допущеніи народнаго суда. Но авторъ реферата не отвергаетъ этого великокняжескаго суда, только полагаетъ, что до относительно позднихъ эпохъ онъ имѣлъ характеръ суда полюбовнаго: по крайней мѣрѣ авторъ въ этомъ смыслѣ толкуетъ выраженіе уставныхъ грамотъ XVI в. о выдачѣ. Это утвержденіе авторъ ставитъ въ зависимость отъ своего основнаго взгляда на развитіе права, заключающееся въ томъ, что право, какъ матеріальное, такъ и формальное, шло въ своемъ развитіи первоначально по двумъ русламъ, по двумъ типамъ: правды для своихъ (внутри родовыхъ группъ) и правды для чужихъ (въ междугрупповыхъ отношеніяхъ). Первому типу соотвѣтствуетъ судъ народный, второму — великокняжескій, какъ развившійся изъ суда полюбовнаго.

Рефератъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей.

И. Я. Спрогисъ, поблагодаривъ автора реферата за ея работу, привѣтствовалъ его особенно, какъ трудъ женщины, сердце которой чутко къ свободѣ, такъ какъ въ разсматриваемое время и крестьянинъ стоялъ на ряду съ боярами и творилъ судъ; но г. Спрогисъ заявилъ, что расчленение копнаго суднаго процесса, сдѣланное авторомъ, придаетъ отдѣльнымъ копамъ

характеръ судебныхъ инстанцій, между тѣмъ какъ копы, не инстанціи, а только разные моменты одной и той же копы. Г-жа А. Я. Ефименко отвѣтила, что только документами можно доказать точность вывода, но что, вѣроятно, и И. Я. Спрогисъ не станетъ отрицать того, что каждая копа имѣетъ опредѣленное юридическое значеніе; кромѣ того, расчлененіе копнаго суднаго процесса важно и тѣмъ, что оно связываетъ этотъ процессъ съ суднымъ процессомъ другихъ правъ, особенно славянскихъ, которыя постоянно упоминаютъ о трехъ судиыхъ рокахъ. И. А. Линниченко указалъ на то, что въ актахъ т. наз. Бернардинскаго Архива во Львовѣ, можно найти матеріалы для копныхъ судовъ въ болѣе раннее время, чѣмъ акты XVIII тома виленской коммиссіи, относящіеся къ XVI—XVII стол., когда копные суды начали уже разлагаться; въ заключеніе И. А. Линниченко выразилъ надежду, что А. Я. Ефименко, столь много уже поработавшая надъ русскимъ обычнымъ правомъ, выяснитъ въ своихъ трудахъ характеръ древне-русской общины. Къ этому заявленію присоединился А. В. Романовичъ-Славатинскій, горячо благодарившій А. Я. Ефименко за ея докладъ.

Ѳ. И. Успенскій обратилъ вниманіе собранія на то, что рефератъ особенно интересенъ съ сравнительно исторической точки зрѣнія. Такъ, въ изученіи германскихъ древностей, трудами Sohm'a выяснено, что община имѣла въ древности участіе въ такихъ актахъ государственнаго характера, которые послѣ перешли въ компетенцію королей. Это видно, наприм., изъ глоссы къ manumissio ante regem (ana theatha, что значитъ народъ). Далѣе, онъ указалъ въ юго-славянскихъ памятникахъ употребленіе термина купа, именно въ словѣ cumpa.

Ар. В. Лонгиновъ возбудилъ вопросъ о значеніи обычая — приставленія голени къ голени противника и находилъ, что это есть не что̀ иное, какъ очная ставка свидѣтелей.

А. Я. Ефименко полагала, что раціональный смыслъ этого обряда уже утраченъ, но что онъ, по всей вѣроятности, одного значенія съ обрядомъ— ставить шапки съ деньгами и имѣлъ значеніе судебнаго заклада. Въ древнемъ чешскомъ правѣ, какъ свидѣтельствуетъ Kniha stareho pana Z. Rosenberga, истецъ и отвѣтчикъ приставляли ногу къ ногѣ, выговаривая при этомъ формулу судебнаго заклада wdania (sacramentum, Wette).

И. Я. Спрогисъ также находилъ, что этотъ обрядъ имѣлъ для тяжущихся большее значеніе, чѣмъ очная ставка.

Д. Я. Самоквасовъ видѣлъ въ этомъ обрядѣ упоминаніе о судебномъ поединкѣ, къ которому судьи прибѣгали тогда, когда всѣ другія доказательства были уже исчерпаны.

В. З. Завитневичъ указалъ на то, что въ нашей ученой литературѣ (между прочимъ Владимірскимъ-Будановымъ) уже высказано мнѣніе, что дѣлить строго судъ на княжескій и народный нельзя, что населеніе принимало значительное участіе и въ княжескомъ судѣ, княжескіе чиновники наблюдали за правильнымъ поступленіемъ пошлинъ въ княжескую казну.

Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій утверждалъ, что историки права не отрицаютъ участія народа въ судѣ; на что В. Г. Васильевскій замѣтилъ, что въ ученой литературѣ это составляетъ предметъ спора: такъ относительно Меровингской эпохи Фюстель де-Куланжъ отрицаетъ участіе народа въ судѣ, Зомъ совершенно различаетъ судъ народный отъ суда княжескаго, Бруннеръ пытается согласить два эти мнѣнія.

2. Депутатъ Московскаго университета, И. А. Линниченко, сдѣлалъ сообщеніе: „Общины на Валашскомъ правѣ въ юго-западной Руси“.

Указавъ на необходимость всесторонняго изученія прошлой жизни народа и на услуги, оказываемой русской исторической наукѣ археологическими съѣздами, авторъ перешелъ къ спеціальной темѣ своего реферата. По актамъ, поселенія на валашскомъ правѣ возникаютъ въ Галицкой Руси въ XIV в., но можно съ большою вѣроятностью предполагать, что онѣ возникли еще въ XIII ст. Авторъ готовъ считать загадочныхъ болоховскихъ князей за князей валашскихъ поселеній. Внутренній строй валашскихъ поселеній отличается общиннымъ характеромъ. Нѣсколько поселеній въ одной и той же мѣстности составляли *крайну*, во главѣ крайны стоялъ *крайникъ;* всѣ села одной и той же крайны собирались два раза въ годъ на вѣче, гдѣ происходилъ судъ; община отвѣчаетъ круговой порукой за своихъ сочленовъ, имѣетъ общественныя земли, распоряжается ими, несетъ сообща повинности и отбываетъ извѣстныя работы. Значеніе крайника мало выясняется актами, онъ присутствуетъ въ судѣ съ оффиціальными лицами, онъ присутствуетъ при исполненіи судебныхъ приговоровъ. Во главѣ каждаго села стоялъ князь (часто называемый *солтысъ*, такъ какъ роли ихъ почти одинаковы). Сначала князьями бывали и крестьяне, и священники, и шляхтичи; позднѣе княства скупались большею частью дворянствомъ. Князь получалъ земельный надѣлъ, но самую существенную часть дотаціи князя составляли его доходы съ крестьянъ: ему шла третья часть крестьянскихъ чиншевъ, третья часть судебныхъ пошлинъ, и т. д. Повинности князя состояли прежде всего въ военной службѣ, затѣмъ въ платежахъ въ пользу владѣльца. Княства обыкновенно уступались владѣльцами за услуги или продавались въ наслѣдственную собственность; съ нашей точки зрѣнія князь въ княствѣ являлся только какъ usufructor, но сами князья смотрѣли на себя какъ на собственниковъ. Крестьяне въ валашскихъ общинахъ [illegible] на отмѣре[illegible] ныхъ участкахъ-дворищахъ; форма в[illegible]щами[illegible] которая въ XVI вѣкѣ начинаетъ у[illegible] валашскихъ поселеній слѣдуетъ [illegible] продуктами и дичью. Особенно[illegible] валаховъ скотоводовъ. Пер[illegible] изъ переселенцевъ - Валахо[illegible] ленія переходили на это п[illegible] нѣмецкое, столь распрос[illegible] литовско-польскому госуда[illegible]

характеръ судебныхъ инстанцій, между тѣмъ какъ копы, не инстанціи, а только разные моменты одной и той же копы. Г-жа А. Я. Ефименко отвѣтила, что только документами можно доказать точность вывода, но что, вѣроятно, и И. Я. Спрогисъ не станетъ отрицать того, что каждая копа имѣетъ опредѣленное юридическое значеніе; кромѣ того, расчлененіе копнаго суднаго процесса важно и тѣмъ, что оно связываетъ этотъ процессъ съ суднымъ процессомъ другихъ правъ, особенно славянскихъ, которыя постоянно упоминаютъ о трехъ судныхъ рокахъ. И. А. Линниченко указалъ на то, что въ актахъ т. наз. Бернардинскаго Архива во Львовѣ, можно найти матеріалы для копныхъ судовъ въ болѣе раннее время, чѣмъ акты XVIII тома виленской коммиссіи, относящіеся къ XVI—XVII стол., когда копные суды начали уже разлагаться; въ заключеніе И. А. Линниченко выразилъ надежду, что А. Я. Ефименко, столь много уже поработавшая надъ русскимъ обычнымъ правомъ, выяснитъ въ своихъ трудахъ характеръ древне-русской общины. Къ этому заявленію присоединился А. В. Романовичъ-Славатинскій, горячо благодарившій А. Я. Ефименко за ея докладъ.

Ѳ. И. Успенскій обратилъ вниманіе собранія на то, что рефератъ особенно интересенъ съ сравнительно исторической точки зрѣнія. Такъ, въ изученіи германскихъ древностей, трудами Sohm'а выяснено, что община имѣла въ древности участіе въ такихъ актахъ государственнаго характера, которые послѣ перешли въ компетенцію королей. Это видно, наприм., изъ глоссы къ manumissio ante regem (ana theatha, что значитъ народъ). Далѣе, онъ указалъ въ юго-славянскихъ памятникахъ употребленіе термина купа, именно въ словѣ cumpa.

Ар. В. Лонгиновъ возбудилъ вопросъ о значеніи обычая — приставленія голени къ голени противника и находилъ, что это есть не что иное, какъ очная ставка свидѣтелей.

А. Я. Ефименко полагала, что раціональный смыслъ этого обряда уже утраченъ, но что онъ, по всей вѣроятности, одного значенія съ обрядомъ— ставить шапки съ деньгами и имѣлъ значеніе судебнаго заклада. Въ древнемъ чешскомъ правѣ, какъ свидѣтельствуетъ Kniha stareho pana Z. Rosenberga, истецъ и отвѣтчикъ приставляли ногу къ ногѣ, выговаривая при этомъ формулу судебнаго заклада wdania (sacramentum, Wette).

И. Я. Спрогисъ также находилъ, что этотъ обрядъ имѣлъ для тяжущихся большее значеніе, чѣмъ очная ставка.

Д. Я. Самоквасовъ видѣлъ въ этомъ обрядѣ упоминаніе о судебномъ поединкѣ, къ которому судьи прибѣгали тогда, когда всѣ другія доказательства были уже исчерпаны.

В. З. Завитневичъ указалъ на то, что въ нашей ученой литературѣ (между прочимъ Владимірскимъ-Будановымъ) уже высказано мнѣніе, что дѣлить строго судъ на княжескій и народный нельзя, что населеніе принимало значительное участіе и въ княжескомъ судѣ, княжескіе чиновники наблюдали за правильнымъ поступленіемъ пошлинъ въ княжескую казну.

Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій утверждалъ, что историки права не отрицаютъ участія народа въ судѣ; на что В. Г. Васильевскій замѣтилъ, что въ ученой литературѣ это составляетъ предметъ спора: такъ относительно Меровингской эпохи Фюстель де-Куланжъ отрицаетъ участіе народа въ судѣ, Зомъ совершенно различаетъ судъ народный отъ суда княжескаго, Бруннеръ пытается согласить два эти мнѣнія.

2. Депутатъ Московскаго университета, И. А. Линниченко, сдѣлалъ сообщеніе: „Общины на Валашскомъ правѣ въ юго-западной Руси“.

Указавъ на необходимость всесторонняго изученія прошлой жизни народа и на услуги, оказываемой русской исторической наукѣ археологическими съѣздами, авторъ перешелъ къ спеціальной темѣ своего реферата. По актамъ, поселенія на валашскомъ правѣ возникаютъ въ Галицкой Руси въ XIV в., но можно съ большою вѣроятностью предполагать, что онѣ возникли еще въ XIII ст. Авторъ готовъ считать загадочныхъ болоховскихъ князей за князей валашскихъ поселеній. Внутренній строй валашскихъ поселеній отличается общиннымъ характеромъ. Нѣсколько поселеній въ одной и той же мѣстности составляли *крайну*, во главѣ крайны стоялъ *крайникъ;* всѣ села одной и той же крайны собирались два раза въ годъ на вѣче, гдѣ происходилъ судъ; община отвѣчаетъ круговой порукой за своихъ сочленовъ, имѣетъ общественныя земли, распоряжается ими, несетъ сообща повинности и отбываетъ извѣстныя работы. Значеніе крайника мало выясняется актами, онъ присутствуетъ въ судѣ съ оффиціальными лицами, онъ присутствуетъ при исполненіи судебныхъ приговоровъ. Во главѣ каждаго села стоялъ князь (часто называемый *солтысъ*, такъ какъ роли ихъ почти одинаковы). Сначала князьями бывали и крестьяне, и священники, и шляхтичи; позднѣе княэства скупались большею частью дворянствомъ. Князь получалъ земельный надѣлъ, но самую существенную часть дотаціи князя составляли его доходы съ крестьянъ: ему шла третья часть крестьянскихъ чиншевъ, третья часть судебныхъ пошлинъ, и т. д. Повинности князя состояли прежде всего въ военной службѣ, затѣмъ въ платежахъ въ пользу владѣльца. Княэства обыкновенно уступались владѣльцами за услуги или продавались въ наслѣдственную собственность; съ нашей точки зрѣнія князь въ княэствѣ являлся только какъ usufructor, но сами князья смотрѣли на себя какъ на собственниковъ. Крестьяне въ валашскихъ общинахъ сидѣли на отмѣренныхъ земельныхъ участкахъ-дворищахъ; форма владѣнія дворищами—семейно-общинная, которая въ XVI вѣкѣ начинаетъ уже разлагаться; характерною особенностью валашскихъ поселеній слѣдуетъ считать уплату повинностей скотомъ, его продуктами и дичью. Особенность эта вытекала изъ спеціальнаго занятія валаховъ скотоводовъ. Первыя поселенія на валашскомъ правѣ состояли изъ переселенцевъ-Валаховъ, но съ теченіемъ премени многія русскія селенія переходили на это право, болѣе выгодное для населенія, чѣмъ право нѣмецкое, столь распространенное въ западной Руси послѣ подчиненія ея литовско-польскому государству.

А. В. Лонгиновъ выразилъ сожалѣніе, что авторъ реферата не остановился подробнѣе на тожествѣ болоховскихъ князей съ валашскими князьями. Около 1240 г. болоховскіе князья перешли къ границамъ Мазовіи, тогда же могли появиться валашскія поселенія на Волыни; характерныя черты валашскаго права вытекаютъ изъ занятія валаховъ скотоводствомъ вообще и овцеводствомъ въ частности. Затѣмъ оппонентъ привелъ соображенія, въ доказательство того, что русское право, господствовавшее въ Червонной Руси со временъ Ярослава I, не могло подавить валашскаго права, вытекавшаго изъ бытовыхъ условій румынской народности.

На это предсѣдательствовавшимъ, В. Г. Васильевскимъ, было замѣчено, что референтъ отклонилъ отъ себя вопросъ о болоховскихъ князьяхъ, потому что вопросъ этотъ подробно разработывался на одномъ изъ предыдущихъ съѣздовъ.

Засѣданіе II-го отдѣленія (исторіи, географіи и этнографіи) 7 августа.

Почетный предсѣдатель А. Ө. Мѣржинскій.—Предсѣдатель А. И. Павинскій.—Секретарь М. Н. Бережковъ.

1. Депутатъ одесскаго Общ. исторіи и древностей, А. В. Лонгиновъ, прочелъ рефератъ: „О князѣ Любартѣ-Өеодорѣ Ольгердовичѣ и его потомкахъ, князьяхъ Сангушкахъ“. Референтъ доказывалъ существованіе двухъ сходныхъ по имени князей: 1) Любарта-Дмитрія Гедиминовича и 2) Любарта-Өеодора Ольгердовича Сенкушко или Сангушко, — какъ его позднѣе стали называть,—родоначальникъ князей Сангушковъ, вопреки распространенному между учеными мнѣнію, былъ сыномъ не Любарта-Дмитрія Гедиминовича, а Любарта Өеодора Ольгердовича. Имя Сенкушки или Сангушки, производимое референтомъ отъ слова—*Семенъ*, *Сенька*, и, слѣдовательно, сначала—личное, по мнѣнію референта, впослѣдствіи обратилось въ фамильное прозвище для всѣхъ его потомковъ. Родословная Сангушковъ доведена въ рефератѣ до конца XVII в. и представлена подробная родословная роспись. Настоящее изслѣдованіе было напечатано въ Трудахъ виленскаго предварительнаго комитета. На этотъ рефератъ были сдѣланы возраженія г. Любой-Радзиминскимъ. Признавая большую важность настоящаго труда референта, г. Люба-Радзиминскій не соглашался съ нѣкоторыми выводами его хронологическими и генеалогическими по исторіи князей Любартовъ, такъ, наприм., онъ настаивалъ на томъ пунктѣ, что Сангушко былъ сыномъ Өедора Ольгердовича, князя Ратненскаго, не называвшагося Любартомъ и не имѣющаго ничего общаго съ Өедоромъ Любартомъ, сыномъ Любарта Гедиминовича. Референтъ, отвѣчая на эти возраженія, замѣтилъ, между прочимъ, что напрасно г. Радзиминскій отвергаетъ значеніе церковныхъ памятниковъ, какъ историческихъ и генеалогическихъ источниковъ: они представляютъ несомнѣнную историческую цѣнность, особенно при совпаденіи показаній ихъ со свидѣтельствами историческихъ писателей.

2. Депутатъ Новороссійскаго университета, проф А. И. Кирпичниковъ, прочелъ: „О палладіумѣ Константинополя“. Сдѣлавъ историческія справки на счетъ обычая, распространеннаго въ городахъ Римской имперіи, ставить статуи Судьбы, покровительницы вновь строимыхъ городовъ, авторъ собралъ указанія источниковъ о таковой же статуѣ Судьбы въ Константинополѣ, при основаніи его поставленной императоромъ Константиномъ Великимъ и торжественно имъ освященной, равно о другихъ статуяхъ, въ томъ же значеніи позже воздвигавшихся. Къ обзору свѣдѣній по этому предмету (на основаніи статьи Стржиговскаго) референтъ присоединилъ народныя византійскія преданія разныхъ временъ о Константиновомъ палладіумѣ, и показалъ, какъ постепенно значеніе прежнихъ статуй покровительницъ Царяграда получили статуи императоровъ Константина и Юстиніана, о коихъ говорятъ съ удивленіемъ наши русскіе паломники (іеромонахъ Зосима) и западно-европейскіе путешественники, посѣщавшіе Царьградъ. Авторъ заключилъ свой рефератъ обращеніемъ къ русскимъ ученымъ поискать, нѣтъ ли указаній въ русскихъ источникахъ на какой-нибудь подобный же обычай въ древней Руси.

Докладчику отвѣчали Ѳ. И. Успенскій и Д. И Иловайскій. Первый изъ нихъ обратилъ вниманіе на аналогичныя указанія другихъ литературныхъ источниковъ Византіи, высказывающихъ ту же самую вѣру въ значеніе палладіумовъ — статуй при разныхъ историческихъ случаяхъ, напр., при взятіи Царяграда крестоносцами, при нашествіяхъ варваровъ и т. п. Д. И. Иловайскій указалъ, что въ старой Руси значеніе покровителей городовъ имѣли каѳедральные храмы и священныя, особенно чтимыя изображенія въ нихъ, какъ, напримѣръ, св. Софія въ Кіевѣ съ ея иконой Богоматери—Нерушимой стѣны, и св. Софія въ Новгородѣ съ изображеніемъ Спасителя со сжатою десницей, содержащей судьбу Великаго Новгорода. Такимъ образомъ, древняя Русь своеобразно ставила этотъ вопросъ; она имѣла свои священные палладіумы, съ коими связывалась судьба того или другого города, по народнымъ понятіямъ.

3. Н. П. Авенаріусъ сообщилъ „О дрогичинскихъ пломбахъ“. Изложивъ предварительныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ находки пломбъ въ древнемъ Дрогичинѣ, нынѣ заштатномъ городѣ Гродненской губерніи, приведя затѣмъ мнѣнія о значеніи этихъ пломбъ, высказанныя граф. Тышкевичемъ, проф. Лучицкимъ и другими, референтъ высказалъ свой взглядъ на значеніе этихъ интересныхъ, но загадочныхъ памятниковъ старины. По его мнѣнію, дрогичинскія пломбы, носящія изображенія славянскихъ буквъ, были изготовлены дома на русской почвѣ, а не въ Германіи, и имѣли значеніе не таможенныхъ знаковъ, а печатей, кои должны были привѣшиваться къ документамъ.

Докладъ г. Авенаріуса вызвалъ много разнообразныхъ замѣчаній и сужденій о предметѣ его сообщенія со стороны присутствующихъ въ собраніи: одни, согласно съ г. референтомъ, приписывали дрогичинскимъ пломбамъ значеніе печатей вмѣсто подписей, другіе смотрѣли на нихъ, какъ на гербы

и знаки собственности; третьи приписывали имъ значеніе таможенныхъ знаковъ. Такъ, профессоръ и академикъ В. Г. Васильевскій замѣтилъ, что торговые и таможенные знаки очень рано были употребительны въ Византіи; по примѣру грековъ, и у насъ могли употребляться такіе же таможенные знаки. Было обращено вниманіе на сходство знаковъ, изображенныхъ на пломбахъ, со знаками на древне-русскихъ кирпичахъ; было выражено желаніе, чтобы знаки собственно буквъ были изучены съ палеографической стороны и проч.

4. Е. Ф. Орловскій прочелъ рефератъ „О началѣ города Гродны". Г. Орловскій въ своемъ рефератѣ сперва познакомилъ собраніе съ вещественными памятниками старины, какіе въ настоящее время сохранились въ г. Гроднѣ; между этими памятниками референтъ на первомъ мѣстѣ упомянулъ о древнѣйшей въ западномъ краѣ (XII в.) Коложской церкви, которой въ настоящее время, благодаря работамъ, предпринятымъ на противоположномъ берегу Нѣмана (для стоянки судовъ), угрожаетъ полное уничтоженіе. Затѣмъ референтъ обозрѣлъ всѣ прочіе памятники гродненской старины: „Старый" замокъ Стефана Баторія съ его подземными ходами, новый замокъ, въ которомъ происходилъ извѣстный молчаливый сеймъ 1793 года, а также развалины Симеоновской церкви.

Во второй части своего реферата авторъ разбиралъ вопросъ о томъ, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ *Городнею* или *Городнемъ*, о которыхъ упоминается въ лѣтописяхъ XII вѣка. Референтъ доказывалъ, что мнѣніе, будто Городню или Городень слѣдуетъ искать въ губерніи Волынской или Минской, ни на чемъ не основано, что только великій авторитетъ Карамзинъ распространилъ это мнѣніе, которое, впрочемъ, повторяетъ Соловьевъ и, въ самое новѣйшее время, составители „Бѣлоруссіи и Литвы" извѣстнаго изданія П. Н. Батюшкова. Основаніе г. Гродно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится и въ настоящее время, г. Орловскій объяснялъ причинами: 1) религіозными, полагая здѣсь древнее Ромове (литовское языческое капище), и 2) стратегическими. Въ заключеніе своего реферата авторъ относилъ основаніе г. Гродны къ одному изъ походовъ на ятвяговъ великаго князя Владиміра Святого въ 938 году, или же—Ярослава Мудраго въ 1038 году.

Докладчику были сдѣланы возраженія и замѣчанія со стороны Н. И. Петрова: онъ не считаетъ рѣшенымъ вопросъ о началѣ Гродны въ изложеніи референта, а склоняется къ мнѣніямъ прежнихъ авторитетныхъ историковъ, что показанія лѣтописи XII вѣка относятся къ Городнѣ въ Минской области. Въ томъ же смыслѣ высказывался Е. Ѳ. Карскій, сообщившій нѣсколько устныхъ разсказовъ, слышанныхъ имъ при посѣщеніи мѣстечка Городни. Священникъ Паевскій и С. В. Писаревъ высказались въ пользу древности Гродны на Нѣманѣ, согласно съ референтомъ, который привелъ новый доводъ — древность Коложской церкви въ Гроднѣ. Было обращено вниманіе на выраженія Слова о полку Игоревѣ о „трубахъ городенскихъ". А. И. Соболевскій полагаетъ, что тутъ идетъ дѣло о пограничномъ городѣ,

имѣвшемъ особое стратегическое значеніе. В. Г. Васильевскій напомнилъ о князѣ Давыдѣ Гарденскомъ, про котораго говорятъ нѣмецкіе источники XIV-го вѣка и котораго упустилъ изъ вниманія г. референтъ.

Засѣданія VIII—IX отдѣленія (древности литовскія, славянскія и восточныя) 7 августа.

Почетный предсѣдатель профессоръ А. Беценбергеръ. — Предсѣдатель Т. Д. Флоринскій. — Секретарь И. А. Линниченко.

Проф. А. Ѳ. Мѣржинскій прочелъ рефератъ „О Криве". Обратившись къ источникамъ, референтъ указалъ, что Дюсбургъ первый и единственный достовѣрный источникъ въ этомъ вопросѣ: до него никто о Криве не упоминалъ, послѣ него два вѣка никто не знаетъ о Криве; только въ XVI вѣкѣ Грунау сообщаетъ намъ свѣдѣнія о Криве, но они недостовѣрны. Всѣ послѣдующіе писатели пользовались только Грунау, и поэтому извѣстія эти не имѣютъ никакого значенія.

Референтъ привелъ изъ Дюсбурга четыре текста изъ V главы, III книги и подвергъ критикѣ первый отрывокъ (остальныя данныя Дюсбурга подтверждаются позднѣйшими, независимыми отъ Дюсбурга или Грунау, источниками).

Изъ содержанія перваго отрывка можно заключить, что онъ былъ написанъ между 1275 — 1326 г. Въ 1275 г. Надровія была покорена; такимъ образомъ Дюсбургъ имѣлъ довольно много свидѣтелей и могъ провѣрить ихъ сообщенія.

Во второмъ отрывкѣ слѣдуетъ отличать факты отъ мнѣній и толкованій фактовъ. Первые не подлежатъ сомнѣнію (Romowe лежало въ Надровіи, въ немъ проживалъ жрецъ огня, Criwe). Въ числѣ мнѣній производство Romowe отъ Roma невѣрное. Слова Дюсбурга о громадной власти Criwe подлежатъ критическому разбору. Власть его могла быть политической или іерархической. На основаніи историческихъ фактовъ можно утверждать, что въ Литвѣ того времени не существовало верховной политической власти; данныя о литовской миѳологіи и религіозные институты литовцевъ указываютъ также, что высшей іерархической власти Криве имѣть не могъ, отсюда заключеніе, что Дюсбургъ преувеличилъ власть Criwe. Какія же были основанія такого преувеличенія? Criwe, какъ жрецъ огня, занималъ выдающееся мѣсто среди гадателей. Найдя созвучіе въ названіяхъ Romowe и Roma, сопоставивъ извѣстіе о существованіи въ Romowe выдающагося по значенію жреца съ положеніемъ папы въ Римѣ, Дюсбургъ и вывелъ, что Criwe имѣетъ такое значеніе среди языческой Литвы, какъ папа у католиковъ. По мнѣнію референта, власть Criwe не могла быть такъ обширна, какъ ее рисуетъ Дюсбургъ. Повидимому, она распространялась только на одну Надровію. Затѣмъ проф. М. перешелъ къ вопросу, означаетъ ли названіе Criwe должность или что иное,

и пришелъ къ заключенію, что это собственное имя послѣдняго жреца огня въ надровскомъ Ромове.

Съ легкой руки Грунау названіе Criwe коверкается писателями на разные лады. Грунау первый пишетъ Krywo Krywaite въ значеніи жрецъ надъ жрецами; Гартнохъ пишетъ Kriwe Kriweita, и эту послѣднюю форму употребляютъ слѣдующіе за нимъ писатели; но это не литовская и не прусская форма. Современные знатоки литовскаго языка пишутъ Krivu Krivaitis. Грамматически это правильно, но по значенію безсмысленно (верховный верховный).

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о значеніи посоха Криве, о чемъ упоминаетъ Дюсбургъ, проф. М. замѣтилъ только, что Криве, повидимому, имѣлъ власть собирать на совѣщанія о народныхъ дѣлахъ знатныхъ людей.

А. Ляцкій замѣтилъ, что названіе Криве Кривейте могло означать—верховный-верховный. Г. Васильевскій высказалъ соображеніе, что выраженія, которыми характеризуются у Дюсбурга значеніе Криве, оказываются преувеличенными вслѣдствіе того, что онъ заимствовалъ ихъ *готовыми* у какого-нибудь изъ классическихъ писателей, служившихъ источникомъ его фразеологіи. Въ повѣствованіи о свиданіи Гедимина съ францисканскими монахами говорится, что литовцы почитаютъ своего бога (въ параллель съ Богомъ христіанскимъ). Если подлинность этого извѣстія можно заподозрить, то византійскій писатель Грегора заставляетъ то же самое говорить Ольгерда.

Проф. Мѣржинскій отвѣтилъ, что не знаетъ никого, кто бы такъ плохо писалъ, какъ Дюсбургъ; онъ слѣдовалъ общей манерѣ нѣкоторыхъ классическихъ писателей (Цезаря, Юстина), но изъ этихъ писателей ничего не выписывалъ. Что касается вопроса о верховномъ богѣ у литовцевъ, то извѣстіе объ этомъ находимъ у Ласицкаго; но извѣстіе это принадлежитъ XII в., а христіанство проникло въ Жмудь въ XV в. и въ теченіе 100 лѣтъ могло повліять на образованіе понятія о высшемъ богѣ, управлявшемъ низшими. Многочисленныя данныя показываютъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ литовцы обращались къ отдѣльнымъ божествамъ — спеціальнымъ опекунамъ какого-либо занятія человѣка. До христіанства не было условій для выработки понятія о верховномъ божествѣ.

А. И. Маркевичъ замѣтилъ, что Дюсбургъ могъ прочесть у кого-либо изъ классиковъ или въ Библіи о финикійскомъ божествѣ Еммунѣ и нѣкоторыя черты его перенесть въ литовскій Олимпъ.

Проф. Мѣржинскій отвѣтилъ, что знакомство съ какою-либо классическою литературою не могло быть у народа, стоявшаго на столь низкой степени культуры, какъ древніе литовцы.

Д. И. Иловайскій не соглашался съ отрицательными доводами референта, указывалъ на возможныя параллели — Кривичи и Криве, Ромове и Роменъ (Римъ), Перкунасъ-Перунъ. Въ русской миѳологіи были старшіе и младшіе боги. Возможное дѣло, что Дюсбургъ и преувеличилъ кое что, но отрицать его показанія едва ли возможно. Упорство, съ которымъ жмудины отстаивали свою религію, доказываетъ большое значеніе религіознаго начала у литовцевъ.

Проф. Мѣржинскій отвѣтилъ, что созвучіе Ромове и гор. Роменъ случайно. Понятіе о верховномъ божествѣ не могло выработаться у литовцевъ уже потому, что на землѣ въ государственномъ устройствѣ литовцевъ для него не было аналогіи, а небесный Олимпъ у всѣхъ народовъ характеризуется чертами соціально-политическаго строя народа. Литовская троица выдумана у Грунау.

2. А. А. Кочубинскій прочелъ рефератъ: „Литовскій языкъ и наша старина".

Указавъ на значеніе литовскаго языка, какъ хранителя аризма, т. е. главныхъ чертъ языковъ арійской семьи, референтъ замѣтилъ, что всестороннее изученіе литовскаго языка—нашъ долгъ передъ европейской наукой, требованіе времени, пока время не зашло.

Референтъ остановился въ своемъ докладѣ главнымъ образомъ на выясненіи генезиса слова „druska"—названіе для соли въ литовскомъ языкѣ. Вопросъ о знакомствѣ съ солью у арійской семьи проблематиченъ въ виду положенія литовскаго языка, имѣющаго свое оригинальное слово для обозначенія соли. Попытки доказать присутствіе общеевропейскаго слова для соли въ литовскомъ языкѣ неудовлетворительны. Докладчикъ ищетъ начала литовскаго термина для соли въ культурныхъ коммерческихъ отношеніяхъ давняго, доисторическаго для самой Литвы времени. Отношенія эти слабо отмѣчены исторіей, но они имѣли когда-то мѣсто на громадномъ пространствѣ бассейна Вислы, между побережьемъ Балтійскаго моря и славянскими Карпатами. Вопросъ о происхожденіи слова „druska" аналогиченъ съ вопросомъ о происхожденіи названія бронзы отъ имени итальянскаго города Brindisi, русскаго слова берковецъ (при древней прилагаг. формѣ *берковьскъ)* отъ шведскаго города Birka и т. д. Референтъ приводитъ названіе druska въ связь съ прусскимъ городомъ Truso (вблизи нынѣшняго Эльбинга). Городъ Truso могъ имѣть раннія коммерческія сношенія съ югомъ по Вислѣ, т. е. съ Карпатами, и возможно поэтому предположить вывозъ соли изъ Трансильваніи на сѣверъ по Вислѣ въ гор. Трусо, т. е. къ литовцамъ какъ былъ вывозъ той же соли на Западъ въ Моравію и на Востокъ, къ русскимъ (коломыйская соль въ Ипатьевской лѣтописи).

В. А. Богородицкій замѣтилъ, что слово druska могло быть заимствовано у народовъ не индоевропейскаго происхожденія (сюда можетъ относиться татарское тузъ — соль). Референтъ отвѣтилъ, что культура соли была такъ развита у славянъ, что не только латыши, но и мадьяры заимствовали ея названіе отъ славянъ.

И. О. Яблонскій сопоставилъ слово druska съ латышскимъ druska—мелочь.

И. А. Линниченко указалъ на возможность болѣе прямаго полученія соли литовцами изъ Галиціи; путь черезъ Труску окольный.

И. П. Филевичъ указалъ на статью Пастернака о терминахъ горнаго дѣла въ Прикарпатской области. По изслѣдованію этого ученаго, всѣ термины эти славянскіе и указываютъ на очень древнюю разработку славянами соляного промысла.

Засѣданіе VI-го отдѣленія (памятники языка и письма) 9 августа.

Почетный предсѣдатель А. А. Кочубинскій. Предсѣдатель А. И. Соболевскій.—Секретарь Хр. П. Ящуржинскій.

1. Проф. И П Созоновичъ сдѣлалъ сообщеніе „Къ вопросу о происхожденіи великорусскихъ былинъ".

Референтъ заявилъ, что нашу духовную древность составляютъ былины, или поэмы о героическихъ подвигахъ преимущественно историческихъ лицъ.

Въ объясненіи русскаго былиннаго эпоса, какъ и народной поэзіи вообще, смѣнилось нѣсколько теорій: миѳологическая, историко-бытовая, литературная. Въ этихъ направленіяхъ было написано значительное количество работъ, имѣвшихъ цѣлію разъяснить смыслъ и происхожденіе русскихъ былинъ; но, тѣмъ не менѣе, въ существенныхъ чертахъ вопросъ о происхожденіи былиннаго эпоса остается еще и донынѣ открытымъ и спорнымъ.

Подъ вліяніемъ опубликованныхъ въ послѣднее время новыхъ матеріаловъ, записанныхъ на юго-востокѣ Россіи, на Кавказѣ, а также среди тюркомонгольскихъ народовъ, изъ старыхъ теорій получила нѣкоторое оживленіе теорія восточнаго происхожденія русскихъ былинъ, предполагающая, что пѣсенное эпическое творчество въ своемъ содержаніи передано къ намъ съ востока отъ ближайшихъ сосѣдей нашихъ, съ которыми съ давнихъ поръ приходилось сталкиваться русскому народу.

Такой взглядъ, примѣненный къ объясненію нѣкоторыхъ былинныхъ мотивовъ, оказывается вполнѣ несостоятельнымъ, какъ это напр. съ особенною наглядностью можно видѣть при изученіи одного изъ эпизодовъ, вошедшихъ въ составъ былины про Добрыню Никитича. Я имѣю въ виду разсказъ о томъ, какъ другъ Добрыни, его названный братъ Алеша Поповичъ, пользуясь отсутствіемъ друга, принуждаетъ жену его Настасью Микуличну выйти за него замужъ. Обманомъ ему удается склонить къ этому жену Добрыни; но въ самый разгаръ свадебнаго пира, герой возвращается переодѣтымъ; происходитъ признаніе по кольцу, и вѣроломный Алеша Поповичъ несетъ наказаніе.

Изученіе этого мотива въ литературахъ Запада, какъ напр. литература скандинавская и точнѣе – Эдда, затѣмъ средневѣковыя литературы – англійская, французская, нѣмецкая, шведская, датская, испанская, итальянская, затѣмъ народная поэзія албанская, румынская, ново-греческая, юго-славянская, цыганская, непринятыя до сихъ поръ къ сравненію русскими писателями, даютъ полное основаніе думать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ излюбленнымъ сюжетомъ средневѣковой рыцарской литературы, постепенно перешедшимъ изъ письменности въ устную поэзію, при чемъ распространялся онъ въ направленіи съ запада на востокъ: чрезъ посредство славянъ, а быть можетъ, и чрезъ Скандинавію и Великій-Новгородъ проникъ на Русь, а чрезъ посредство ново-греческой народности далѣе на востокъ, въ Малую Азію и Кавказъ.

Идя далѣе въ глубь вѣковъ, доступную для нашего изученія, мы можемъ возвести разбираемый сюжетъ къ его несомнѣнному первотипу, который открывается для насъ въ повѣствованіи Гомера о томъ, какъ Одиссей послѣ долгаго отсутствія возвращается въ Итаку, гдѣ его вѣрная жена Пенелопа, осаждаемая предложеніями жениховъ, все еще надѣялась дождаться мужа.

Такимъ образомъ, въ основѣ былиннаго мотива про Добрыню и его жену, обмановъ принуждаемую къ выходу замужъ за Алешу Поповича, лежитъ не разсказъ про невѣрность жены, какъ писалъ объ этомъ г. Халанскій, и не восточный разсказъ, какъ предполагаетъ Вс. Өед. Миллеръ, но классическій, прошедшій черезъ западно-европейскія литературы, отразившійся въ западноевропейской народной поэзіи и нашедшій свое выраженіе въ русскомъ былинномъ эпосѣ.

Прочтенный рефератъ возбудилъ продолжительныя пренія.

М. С. Корелинъ замѣтилъ, что предложенный рефератъ касается какъ исторіи культуры, такъ и сравнительной миѳологіи, и что изслѣдованіе можетъ быть убѣдительно при одномъ условіи—строгости метода, а методъ г. референта, по замѣчанію г. Корелина, хромаетъ, такъ какъ одно сходство сюжета не можетъ служить доказательствомъ его чужеземнаго происхожденія, а часто указываетъ только на общность законовъ поэтическаго творчества у различныхъ народовъ.

А. И. Соболевскій сказалъ, что мы имѣемъ дѣло со сказочнымъ сюжетомъ, который распространенъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, и потому могъ находиться уже у предка ихъ — обще-индоевропейскаго народа, и что нельзя говорить о заимствованіи, когда нѣтъ никакихъ слѣдовъ заимствованія.

В. П. Владимировъ замѣтилъ, что указанный мотивъ могъ возникнуть путемъ родства въ представленіяхъ, бытѣ и психикѣ народовъ. Затѣмъ добавилъ, что такъ какъ большинство богатырей—личности историческія, упоминаемыя въ лѣтописи, то многія былины объ этихъ богатыряхъ могли сложиться по слѣдамъ историческихъ событій, которыя въ перепѣвахъ могли измѣниться.

И. П. Созоновичъ отвѣтилъ, что объ обще-индоевропейскомъ происхожденіи сюжета онъ не берется говорить; его задача—скромная: указать какъ данный сюжетъ перешелъ къ намъ чрезъ западно-европейскія литературы; что у него нѣтъ восточныхъ сказаній съ этимъ сюжетомъ, и что вообще онъ не можетъ мѣряться съ Гриммомъ въ отношеніи полноты матеріала.

А. И. Кирпичниковъ замѣтилъ, что не слѣдуетъ быть скромнымъ и ограничиваться однимъ индо-европейскимъ матеріаломъ, что слѣдуетъ идти дальше Гримма: быть можетъ, этотъ сюжетъ—общечеловѣческій.

А. А. Кочубинскій замѣтилъ, что при изслѣдованіи литературныхъ сюжетовъ надо пользоваться методомъ сравнительнаго языкознанія; что одно сходство сюжетовъ не даетъ права говорить о заимствованіи.

В. А. Богородицкій указалъ, въ чемъ состоитъ методъ сравнительнаго языкознанія.

Д. И. Иловайскій выразилъ желаніе, чтобы указано было, какимъ путемъ перешли наши былины съ юга на сѣверъ.

2. Проф. П. Вл. Владимировъ доложилъ рефератъ: „Новыя данныя къ изученію литературной дѣятельности кн. А. Курбскаго".

Референтъ заявилъ, что въ одномъ изъ сборниковъ XVI в. московской Синодальной библіотеки заключаются нѣкоторые новые неизвѣстные доселѣ переводы кн. Курбскаго изъ Симеона Метафраста, Евсевія Кессарійскаго, Никифора Каллиста и другихъ Связь этого замѣчательнаго сборника, нѣкогда принадлежавшаго Кутеинскому монастырю (Могилевской губ.), съ сочиненіями кн. Курбскаго устанавливается предисловіемъ и отдѣльными замѣчаніями о русскихъ князьяхъ, о Максимѣ Грекѣ, о положеніи переводчика-пришельца въ юго-западной Руси, наконецъ повтореніями извѣстныхъ уже въ печати объясненій кн. Курбскаго. Референтъ высказалъ положеніе, чтобы литературная дѣятельность кн. Курбскаго, этого талантливаго, плодовитаго и разнообразнаго писателя XVI в., подверглась всестороннему изученію; чтобы сочиненія и переводы его были изданы на основаніи сличенія всѣхъ извѣстныхъ списковъ, и въ доказательство въ этомъ послѣднемъ отношеніи референтъ указалъ на пропуски въ нѣкоторыхъ печатныхъ изданіяхъ даже оригинальныхъ сочиненій кн. Курбскаго, которыя возстановляются новыми списками.

А. И. Соболевскій по поводу прочтеннаго реферата замѣтилъ, что такъ какъ Курбскій трудился надъ переводами не одинъ, а во главѣ цѣлаго кружка, то лучше говорить не о переводахъ Курбскаго, а о переводахъ подъ редакціей Курбскаго.

П. Вл. Владимировъ замѣтилъ, что переводы Курбскаго рѣзко отличаются отъ переводовъ его сотрудниковъ: 1) поясненіями (глоссами), касающимися отношеній Курбскаго къ царю Ивану Грозному, къ Максиму Греку, іосифлянамъ, боярамъ и друг., 2) языкомъ, 3) выборомъ переводовъ (на что имѣются указанія въ письмахъ Курбскаго).

Н. И. Петровъ заявилъ, что одинъ его товарищъ ему сообщилъ, что въ Ковельскомъ уѣздѣ, Вол. губ., у одного мирового посредника или помѣщика находится неизвѣстный еще списокъ переписки кн. Курбскаго.

С. П. Писаревъ заявилъ, что въ Смоленскомъ Историческомъ музеѣ есть списокъ сочиненій кн Курбскаго, нѣсколько отличающійся отъ изданнаго.

3. Проф. А. И. Соболевскій прочелъ рефератъ: „Особенности русскихъ переводовъ до-монгольскаго періода".

Референтъ заявилъ, что въ лѣтописи существуетъ краткое указаніе на то, что Ярославъ собралъ переводчиковъ; поэтому необходимо предполагать, что нѣкоторыя сочиненія были переведены на церковно-славянскій языкъ въ Россіи до-монгольскаго періода Но какъ отличить эти сдѣланные на Руси переводы отъ сдѣланныхъ на славянскомъ югѣ?

Фонетическія и морфологическія особенности не даютъ достаточнаго ма-

теріала для отвѣта на этотъ вопросъ, и потому имѣютъ рѣшающее значеніе особенности лексическія.

Наиболѣе важны три группы словъ, не встрѣчающихся въ церковно-славянскихъ текстахъ южно-славянскаго происхожденія: 1) слова славянскія по происхожденію со специальными значеніями — названія должностныхъ лицъ, монетъ, мѣръ, вѣса и разстоянія, судовъ, одеждъ и т. п., въ родѣ *посадникъ*, *гривна*, *верста*, *кожухъ*; 2) слова, заимствованныя русскимъ языкомъ изъ другихъ языковъ, съ самыми разнообразными значеніями, въ родѣ *тіунъ*, *шелкъ*, *жемчугъ*, *обезьяна*; 3) названія городовъ и народовъ, хорошо извѣстныхъ древней Руси, но неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ южнымъ славянамъ, отличныя отъ названій греческихъ въ родѣ *Сурожъ*, *Мурманинъ* (Норманнъ). Сверхъ того, не лишены важности многія слова и выраженія самаго разнообразнаго значенія, извѣстныя намъ по несомнѣнно русскимъ текстамъ, въ родѣ Несторовой Лѣтописи, Русской Правды, Слова о полку Игоревѣ, какъ, напр., *хвостъ*, *думати*, *оба-полы* (по обѣ стороны). На основаніи лексическихъ данныхъ можно считать переведенными въ древней Руси житія св. Андрея Юродиваго, Ѳеодора Студита, Стефана Сурожскаго, Сказаніе о перенесеніи мощей св. Николая Черногорца въ Баръ, Монастырскій Студійскій уставъ, Пандекты Никона Черногорца, Исторію Іудейской войны Іосифа Флавія, Александрію, Топографію Козмы Индикоплова, нѣсколько апокрифовъ и друг. Сверхъ того, рядъ сочиненій, переведенныхъ на славянскомъ югѣ, былъ исправленъ въ древней Руси по греческимъ оригиналамъ, между прочимъ: Чудеса св. Николая Чудотворца, Пчела, Хронографъ Георгія Амартола.

П. Вл. Владимировъ, выразивши глубокую признательность референту за удачный выборъ имъ темы, за его труды въ этой области, замѣтилъ, что предметъ этотъ отчасти уже намѣченъ въ трудахъ И. И. Срезневскаго; затѣмъ указалъ на отношеніе русскихъ и южно-славянскихъ списковъ Пандектовъ Никона Черногорца, и въ заключеніе указалъ, что по отмѣченному референтомъ методу, не всегда возможно вѣрно и точно опредѣлить происхожденіе переводовъ (переписчики могли подставлять слова русскія вмѣсто южно-славянскихъ и наоборотъ).

А. И. Соболевскій заявилъ, что онъ имѣетъ въ виду цѣлыя группы словъ, а не отдѣльныя слова.

Засѣданіе I-го отдѣленія (первобытныя древности) 9 августа.

Почетный предсѣдатель А. И. Маркевичъ.—Предсѣдатель В. Б. Антоновичъ.— Секретарь В. З. Завитневичъ.

1) С. В. Люба-Радзиминскій сдѣлалъ докладъ: „Памятники каменнаго вѣка въ западной Волыни“.

Данныя добытыя референтомъ при раскопкѣ около 20 кургановъ, распо-

ложенныхъ при имѣніи Радзиминъ Сивки, Острожскаго уѣзда, Волынской губерніи, послужили для него основаніемъ для слѣдующихъ выводовъ: 1) изслѣдованные курганы принадлежатъ каменному вѣку, что, заключая по аналогіи, слѣдуетъ сказать и о всей массѣ кургановъ, расположенныхъ въ бассейнѣ р. Горыни и ея притока Виліи; 2) данная область несмотря на отсутствіе въ ея районѣ залежей кремня и діорита, въ старину была мѣстомъ приготовленія кремневыхъ и діоритовыхъ орудій, каковы: молоты - топоры, пилы, ножи, между которыми особеннаго вниманія заслуживаютъ „закривленные ножи" скандинавскаго типа; 3) оставившее послѣ себя курганы населеніе принадлежало къ типу долихоцефаловъ; 4) покойники погребались (а не сожигались) на поверхности земли и придавливались сверху 6-ю „валиками" изъ бѣлой глины, которые клались поперекъ покойника параллельно одинъ другому; 5) кромѣ каменныхъ орудій (замѣнявшихся иногда осколками) въ могилахъ, у головы, ставились сосуды (2 — 3) изъ разноцвѣтной глины, предназначавшіеся, какъ полагаетъ рефѐрентъ, для пищи. Каменныя орудія такого типа, по словамъ референта, встрѣчаются въ городищѣ с. Матвіевицы, Кременецкаго уѣзда, и среди археологическихъ памятниковъ села б. Мощаница, Дубенскаго уѣзда, изслѣдованныхъ проф. В. Б. Антоновичемъ. Отступленіе отъ описаннаго типа составляютъ курганы съ трупосожженіемъ, обнаруженные близь селъ: Корытное (урочище Надышенъ) и Плужное (ур. Нева), Острожскаго уѣзда. Въ заключеніе авторъ познакомилъ собраніе съ каменной могилой („плитовой гробъ"), открытой въ 1878 г. въ Радзиминѣ.

А. К. Жизневскій добавилъ, что кривой кремневый ножъ того же типа найденъ былъ на берегу Волги въ Твери.

Баронъ де-Бай замѣтилъ, что коллекція, собранная г. Радзиминскимъ на Волыни, свидѣтельствуетъ, что на Волыни были мастерскія, гдѣ обрабатывали кремень такъ же хорошо и изящно, какъ и въ Скандинавіи; но сверхъ кремневыхъ пилъ, тожественныхъ съ скандинавскими, въ коллекціи г. Радзиминскаго (которая тутъ же была выставлена) обращаетъ на себя вниманіе количество особыхъ кривыхъ ножей;до настоящаго времени баронъ де-Бай встрѣтилъ только два такія орудія—въ сочинен. Эванса и у графа Бобринскаго, въ окрестностяхъ Смѣлы, такъ что кривые ножи въ коллекціи г. Радзиминскаго составляютъ самую многочисленную коллекцію этихъ предметовъ.

В Б. Антоновичъ добавилъ, что въ музеѣ Кіевскаго университета находится нѣсколько такихъ же кривыхъ ножей, найденныхъ въ мастерской орудій каменнаго вѣка у села Мощеницы, сосѣдней съ мѣстностью, описанною г. Радзиминскимъ

2. Докладъ князя П. А. Путятина: „Каменный ножъ и его измѣненія". Въ процессѣ своего развитія каменный ножъ съ его видоизмѣненіями проходитъ слѣдующія формы.

Первообразъ. Миндалевидное орудіе съ остріемъ и рѣжущими боками, изъ которыхъ нижній составляетъ основаніе скоблилъ и скребковъ. Его форма

перешла въ наконечники копій, дротиковъ и стрѣлъ. Способъ приготовленія этого орудія состоитъ въ удаленіи осколковъ посредствомъ ударовъ. Типъ этотъ носитъ названіе Сенташель.

Эволюція 1-ая. Широкіе и длинные ножи съ остріемъ и безъ него, образовавшіеся путемъ удлиненія миндалевиднаго орудія, обитаго съ каждой стороны по одной плоскости, а не по двумъ. Орудіе это современно мамонту и носорогу; названіе этого типа—Демустье.

Эволюція 2-ая. Ножи во многихъ мѣстностяхъ начинаютъ принимать миніатюрныя формы, что обусловливается какъ ихъ матеріаломъ, такъ и ихъ практическимъ назначеніемъ; тщательная отдѣлка ножей этого типа достигается обыкновеннымъ путемъ нажима; въ скребкахъ преобладаетъ удлиненная форма; остріе достигаетъ высокой степени отдѣлки; блестящіе образчики такой отдѣлки представляютъ наконечники копій и лавролистовыхъ ножей—кинжаловъ. Варіантомъ этого типа, по мѣстамъ, является такъ называемый „клювъ попугая", имѣющій особое практическое значеніе буравчикъ и рѣзецъ, служащій для рѣзьбы на кости. На ряду съ каменными орудіями этого типа въ большомъ количествѣ встрѣчаются и костяныя, а равно и кости такихъ сѣверныхъ животныхъ, какъ сѣверный олень, лось и другія породы. Это типъ—Маделенъ.

Эволюція 3-я. Переходная ступень отъ палеолитическихъ къ неолитическимъ орудіямъ характеризуется рѣзаками; рѣзакъ — это видоизмѣненный клинъ съ поперечнымъ лезвіемъ, перешедшій потомъ въ долота, стамески, топоры, стрѣлы съ поперечнымъ остріемъ и др. Грубыя, первичныя формы орудій этой фазы находимы были въ датскихъ кухонныхъ отбросахъ, во многихъ мѣстностяхъ Франціи, Испаніи, Россіи. Форма позднѣе трансформируется въ соотвѣтствующія формы орудій Швеціи, Венгріи и др.

Эволюція 4-ая. Полированныя каменныя орудія. Въ эту фазу, начиная съ отбивныхъ и кончая полированными, въ особенности происходило высшее развитіе наконечниковъ копій, дротиковъ и стрѣлъ самыхъ разнообразныхъ типовъ. Каменный ножъ маделеновой фазы теперь тоже встрѣчается въ большомъ количествѣ. Продукты гончарнаго производства встрѣчаются въ большомъ количествѣ и самыхъ разнообразныхъ типовъ.

Эволюція 5-ая. Переходная фаза отъ каменныхъ орудій къ металлическимъ. Многія изъ нарождающихся бронзовыхъ орудій по своей формѣ тожественны бываютъ съ отживающими каменными; сюда принадлежатъ: рѣзаки, наконечники копій, дротиковъ, стрѣлъ, долотца и др. Форма ножей и стрѣлъ съ насадкой часто находитъ себѣ аналогію даже въ предметахъ желѣзной культуры.

3. Л. К. Житинскій сдѣлалъ докладъ: „Языческое кладбище въ селѣ Б. Рыкань, Дубенскаго уѣзда". Сказавъ нѣсколько словъ о географическо-топографическомъ положеніи могильника, референтъ познакомилъ слушателей съ результатами произведенныхъ въ немъ раскопокъ, начало которымъ положено было еще въ 1858 году. Покойники погребены были не въ очень

глубокихъ ямахъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ обставлены были деревянными бревнами; въ каждой раскопанной могилѣ найдено было по одному костяку; костяки лежали головою на западъ; руки вытянуты были вдоль туловища. Въ мужскихъ могилахъ, кромѣ кусковъ окислившагося желѣза, ничего не находилось. Въ могилахъ женскихъ были находимы; кольца, серьги, браслеты, небольшой желѣзный ножикъ и бусы — каменныя, стеклянныя, янтарныя и бронзовыя. Кромѣ того, найдены были еще слѣдующіе предметы: кусокъ золотаго позумента, медальонъ съ изображеніемъ Божіей Матери и славянскою (трудно разбираемою) надписью и небольшой стеклянный зеленоватаго цвѣта шарикъ—пустой, закупоренный. Авторъ полагаетъ, что данный могильникъ образовался въ теченіе ряда столѣтій, и что древнѣйшимъ его пунктомъ была западная сторона, откуда онъ постепенно развивался на востокъ.

В. Б. Антоновичъ, замѣтивъ, что, кромѣ сообщеній г. Любы-Радзиминскаго, о первобытныхъ древностяхъ этого края до настоящаго времени ничего не было извѣстно и что работа референта есть первая въ своемъ родѣ, предложилъ вопросъ: доходила-ли яма до подпочвеннаго слоя или оканчивалась выше его? Референтъ отвѣтилъ, что доводилась до подпочвеннаго слоя.

А. А. Спицынъ, желая сопоставить форму погребальнаго обряда даннаго могильника съ формами, обнаруженными раскопками гг. Антоновича и Завитневича, попросилъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы: 1) не обнаружено-ли каменныхъ прикрытій могилъ? 2) обнаруженные въ могилахъ слѣды березовыхъ бревенъ не были-ли остатками деревянныхъ срубовъ, обнаруженныхъ другими археологами? 3) не обнаружено-ли въ данномъ могильникѣ слѣдовъ трупосожженія? На всѣ эти вопросы референтъ отвѣтилъ отрицательно. Въ виду важнаго значенія данной области въ археологическомъ отношеніи, г. Спицынъ, въ заключеніе, выразилъ желаніе, чтобы референтъ, не ограничиваясь добытыми результатами, направилъ свою дѣятельность на дальнѣйшія разысканія въ этомъ краѣ.

Общее собраніе въ присутствіи Почетнаго Предсѣдателя IX-го Археологическаго Съѣзда Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, 10 августа, въ 10 часовъ утра.

Предсѣдатель графиня П. С. Уварова.—Секретарь Ю. А. Кулаковскій.

1. Ю. Ѳ. Крачковскій сдѣлалъ сообщеніе: „Къ исторіи старой Вильны".

Указавъ на связь, которую можно установить между движеніями религіозной мысли въ Вильнѣ и данными виленской топографіи въ извѣстныя эпохи многовѣковой жизни города, докладчикъ представилъ общій очеркъ религіозныхъ отношеній въ центрѣ Литвы въ XVI и XVII вѣкахъ. Въ пору начала реформаціи въ Германіи отчужденіе отъ Рима и папы выразилось вполнѣ опредѣленно въ средѣ виленскаго общества и особенно литовской

знати. Протестантскія идеи нашли въ Вильнѣ готовую почву и быстро тамъ распространились подъ покровительствомъ Радзивилла и съ его помощью кальвинисты утвердились въ мѣстности нынѣшпяго Конвикта по сосѣдству отъ костела Бернардиновъ. Рѣзкій переворотъ въ настроеніи руководящихъ сферъ того времени произошелъ вмѣстѣ съ призваніемъ іезуитовъ въ Вильну. Будучи вызваны епископомъ Протасевичемъ, они скоро сумѣли твердо устроиться въ новомъ мѣстѣ. Завладѣвъ сначала однимъ домомъ, который пріобрѣлъ для нихъ епископъ Протасевичъ отъ нѣкоего Ясинскаго (нынѣшній домъ канцеляріи генералъ-губернатора), они вскорѣ оказались въ обладаніи значительной части тогдашней Вильны въ предѣлахъ улицъ: Дворцовой (бывшей Бискупской), Ивановской и Замковой. Костелъ св. Іоанна вмѣстѣ съ его фундушами вскорѣ также перешелъ въ ихъ руки, послѣ чего іезуиты вознамѣрились основать въ Вильнѣ академію по образцу краковской. Осуществилось это при Стефанѣ Баторіи въ 1579 году.

Въ теченіе цѣлаго столѣтія шла затѣмъ ожесточенная борьба между іезутами и кальвинистами, сопровождавшаяся съ обѣихъ сторонъ неправдами всякаго рода и всевозможными насиліями. Кальвинисты были побѣждены: уже въ половинѣ XVII вѣка они утратили свои прежнія владѣнія, были вытѣснены за предѣлы города и основались въ мѣстности нынѣшней реформатской церкви. Въ заключеніе референтъ указалъ, что побѣжденные тогда реформаты сохранились однако и доселѣ, какъ стройное цѣлое въ гармоніи городской жизни. Что же касается до іезуитовъ, то они давно изгнаны, но почти всѣ ихъ старыя пріобрѣтенія продолжаютъ служить той же самой цѣли, для которой они основаны, а именно: дѣлу учебному и благотворительности. „Одинъ изъ такихъ домовъ,—такъ закончилъ референтъ,—удостоился чести прынять въ своихъ стѣнахъ настоящее высокопочтенное собраніе“.

2. В. Б. Антоновичъ доложилъ: „О бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Днѣпра“.

Установленная скандинавскими учеными классификація періодовъ, черезъ которые проходила культура доисторическаго прошлаго на три эпохи—каменную, бронзовую и желѣзную, допускаетъ значительныя исключенія и для нѣкоторыхъ народовъ непримѣнима во всей полнотѣ. Можно привести много примѣровъ, гдѣ въ цѣлой странѣ недостаетъ одного изъ членовъ упомянутой классификаціи. Въ такомъ именно положеніи находилась средняя Россія.

Разсматривая памятники до-исторической Россіи, мы полагаемъ, что на значительномъ пространствѣ ея отсутствуетъ бронзовый вѣкъ и что желѣзная культура прямо наслоилась на каменную. Для того, чтобы обосновать это положеніе, нужно установить тѣ признаки, по которымъ констатируется присутствіе въ данной странѣ бронзоваго вѣка. Такихъ признаковъ референтъ полагаетъ три: 1) Нахожденіе предметовъ бронзоваго вѣка такихъ именно, которые быстро исчезли при появленіи желѣза. Такими предметами могутъ считаться: оружіе (за исключеніемъ стрѣлъ и булавъ) и нѣкоторыя орудія: топоры, ножи, серпы, бритвы. Но признакъ этотъ не вполнѣ проч-

ный; если указанные предметы находятся единично, рѣдко и разсѣяны спорадически, то происхожденіе ихъ можетъ быть отнесено или къ торговымъ сношеніямъ людей каменнаго вѣка или въ случайныхъ иммиграціяхъ людей бронзовой культуры уже въ желѣзномъ вѣкѣ. 2) Другой болѣе прочный признакъ составляетъ присутствіе мастерскихъ бронзоваго вѣка, характеризуемыхъ формами для отливки бронзовыхъ предметовъ, шлаками, запасами металла и готовыхъ проволокъ различнаго размѣра, орудіями недоконченными, испорченными при отливкѣ или испорченными употребленіемъ и назначавшимися для починки или переплавки. 3) Третій признакъ очень прочный—это присутствіе въ странѣ гробницъ бронзоваго вѣка.

Если примѣнимъ эти признаки къ территоріи Россіи, то убѣдимся, что бронзовая культура надвигалась на русскую территорію съ двухъ сторонъ и изъ двухъ самостоятельныхъ центровъ: 1) съ востока—культура центрально-азіатская, ходъ которой можно прослѣдить по чудскимъ копямъ и гробницамъ отъ Алтая до Урала—перешедши Уралъ, она охватила бассейнъ Камы, здѣсь достигла въ древней Біарміи высшаго своего развитія, но дальше не пошла; 2) другая бронзовая культура передне-азіатская, распространенная по всему бассейну Средиземнаго моря финикіянами, проникла, видоизмѣняясь и совершенствуясь, на материкъ западной Европы и съ запада двигалась къ восточной равнинѣ. Предѣлами ея можно пока считать: Днѣстръ, Смотричъ и Западный Бугъ. На всемъ промежуткѣ между этими границами и бассейномъ Камы, какъ кажется, бронзовой культуры не было. Въ Финляндіи, Остзейскомъ краѣ, Литвѣ, Бѣлоруссіи, центральной Россіи и бассейнѣ средняго Днѣпра находятъ лишь немногочисленные спорадически разсѣянные бронзовые предметы, но вовсе нѣтъ ни мастерскихъ, ни гробницъ бронзоваго вѣка.

Исключеніе составляетъ лишь побережье Чернаго моря (Новороссійскій край), гдѣ присутствіе бронзовой культуры можно доказать, но невозможно указать ея происхожденіе, такъ какъ среди найденныхъ предметовъ нѣтъ такихъ, которые рѣзко, по формѣ или орнаменту, могли бы быть рѣшительно отнесены къ западной или восточной культурѣ. Трудность этого опредѣленія зависитъ также въ значительной мѣрѣ отъ того, что область Дона остается совсѣмъ не изслѣдованною въ археологическомъ отношеніи и потому мы лишены возможности прослѣдить эволюцію бронзовой культуры и сличить формы побережья Чернаго моря съ бронзою сибирскою или кавказскою, такъ какъ переходныя формы, если таковыя окажутся, несомнѣнно явятся въ бассейнѣ Дона.

Д. Н. Анучинъ, указавъ на значеніе и интересъ реферата пр. Антоновича, замѣтилъ, что бронзовый (или мѣдный) вѣкъ въ предѣлахъ Россіи констатируется почти всюду при условіяхъ, указывающихъ уже на знакомство населенія съ желѣзомъ. Какъ въ Сибири, такъ и на Кавказѣ, равно какъ и въ южной и средней Россіи, типичныя мѣдныя орудія были находимы большею частью въ могильникахъ, кладахъ и т. д., съ примѣсью желѣз-

ныхъ. Тѣмъ не менѣе, и въ Россіи была эпоха, повидимому—слѣдовавшая непосредственно за каменною, когда, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ желѣзомъ, мѣдь (и бронза) играла преобладающую роль, какъ матеріалъ для выдѣлки орудій и оружія. Распространеніе этой „бронзовой“ культуры въ предѣлахъ Россіи шло, дѣйствительно, какъ доказываетъ пр. В. Б. Антоновичъ, съ Востока (изъ Сибири) и Средней Азіи и съ Запада; тѣмъ не менѣе, едва ли будетъ подходящимъ придавать этой западной культурѣ названіе „финикійской“. Финикіяне, конечно, принимали нѣкогда большое участіе въ переносѣ азіатской культуры въ Европу и въ фабрикаціи и распространеніи бронзовыхъ издѣлій, но преемниками и продолжателями ихъ явились этруски и греки, и послѣдніе имѣли для южной Россіи, несомнѣнно, наиболѣе важное значеніе. Съ другой стороны, бронзовая культура распространялась у насъ не только съ востока и съ запада, но и съ юга, съ Кавказа, бронзовая культура котораго, можетъ быть и нѣсколько болѣе поздняя, чѣмъ сибирская, отличающаяся отъ нея по многимъ признакамъ, но въ то же время и представляющая нѣкоторыя общія съ ней черты (напр., въ стремленіи къ украшенію орудій и др. предметовъ изображеніями животныхъ), можетъ быть констатирована (правда, еще въ слабыхъ слѣдахъ) и въ бассейнѣ Дона. Что касается до западной культуры, то въ Финляндіи, Польшѣ, Западномъ краѣ — находимыя бронзовыя орудія сходны съ скандинавскими и среднеевропейскими и указываютъ, очевидно, на занесеніе ихъ изъ этихъ странъ, тогда какъ въ юго-западномъ краѣ, гдѣ былъ найденъ и рядъ формъ для отливки бронзовыхъ орудій, послѣднія были завезены сюда и изготовлялись здѣсь, по всей вѣроятности, греками. Восточная (сибирская) „бронзовая“ культура захватывала и весь Приуральскій край; значительные слѣды ея мы встрѣчаемъ въ Вятской, Казанской, Уфимской и даже въ Самарской губ. Повидимому, она распространялась и далѣе на западъ, какъ то доказываетъ могильникъ близъ деревни Ефано, Муромскаго уѣзда, къ сожалѣнію оставшійся не обслѣдованнымъ научно, но изъ котораго были добыты нѣсколько бронзовыхъ кельтовъ и наконечниковъ копій, а отчасти и нѣкоторыя находки бронзовыхъ кельтовъ въ Московской губ. Интересно, что и въ Новороссійскомъ краѣ (какъ то доказываетъ коллекція А. Н. Поля, въ Екатеринославѣ), были найдены бронзовые серпы типа, совершенно сходнаго съ тѣмъ, который былъ констатированъ неоднократно въ Приуральскомъ краѣ (такъ, проф. Марковниковъ представилъ въ Моск. Арх. Общ. кладъ, найденный въ Казанской губ. и состоящій изъ 24 такихъ же мѣдныхъ серповъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими топорами, долотами, наконечниками дротиковъ и двумя слитками мѣди). Любопытно, что здѣсь, кромѣ этихъ серповъ (распространенныхъ также въ Венгріи, но не попадающихся далѣе на Западѣ), встрѣчаются и другіе, меньшихъ размѣровъ, безъ крючка (на мѣсто рукоятки), но съ особымъ шипомъ (для насаживанія на ручку) и иногда съ 2—3 продольными валиками вдоль серпа, несомнѣнно, западнаго происхожденія.— Какъ на существенную особенность восточно-русскаго бронзоваго вѣка (равно

какъ и Кавказскаго), отличающую его отъ бронзоваго вѣка западной Европы, слѣдуетъ указать (кромѣ характерныхъ формъ нѣкоторыхъ орудій), на орнаментацію и украшеніе бронзовыхъ издѣлій изображеніями животныхъ, которыя встрѣчаются и въ формѣ отдѣльныхъ статуэтокъ, прорѣзныхъ бляхъ и т. д. Этотъ мотивъ украшеній совершенно отсутствуетъ на бронзовыхъ издѣліяхъ западной Европы, гдѣ онъ замѣняется геометрическимъ орнаментомъ, знакомымъ, впрочемъ и сибирско-кавказской бронзовой культурѣ. Этимъ стремленіемъ къ изображенію животныхъ формъ, искусство бронзоваго вѣка связывается у насъ съ болѣе древнею костяною и каменною промышленностью, тогда какъ на западѣ—оно является рѣзко обособленнымъ отъ искусства неолитическаго вѣка. Съ другой стороны, культура „бронзовой" эпохи у насъ представляетъ и болѣе явственные переходы (въ формахъ орудій) къ желѣзному вѣку, гораздо болѣе рѣзко обособленному отъ бронзоваго на западѣ. Въ заключеніе, проф. Анучинъ указалъ на существенную необходимость составленія объяснительныхъ каталоговъ типичныхъ предметовъ бронзовой эпохи, по возможности съ изображеніями ихъ, подобно тому, какъ это сдѣлано для Минусинскаго музея гг. Клеменцомъ и Мартеномъ, для сибирскихъ древностей вообще—Радловымъ, и въ недавнее время для новороссійской коллекціи А. Н. Поля, подъ руководствомъ проф. В. Б. Антоновича, г-жей Е. Н. Мельникъ.

Д. Я. Самоквасовъ указалъ на огромный прогрессъ археологическихъ изученій въ Россіи, совершившійся въ самое недавнее время, благодаря иниціативѣ Московскаго Археологическаго Общества и археологическимъ съѣздамъ, которые были имъ вызваны къ жизни. Въ недавнее еще время наша старина начиналась съ IX вѣка по Р. Х., а въ настоящее время наука находится въ обладаніи точно установленныхъ фактовъ за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Что касается въ частности до бронзоваго вѣка въ предѣлахъ Россіи, то, повидимому, его можно датировать VII вѣкомъ до Р. Х. Изъ Геродота извѣстно, что въ VII вѣкѣ массагеты вытѣснили скиѳовъ изъ прикаспійскихъ степей въ бассейнъ рѣки Дона. Оба народа жили въ условіяхъ бронзовой культуры, которую и принесли съ собой Скиѳы на новое мѣсто жительства. Вмѣстѣ съ основаніемъ скиѳской державы между Дономъ и Дунаемъ началась греческая колонизація на сѣверномъ побережьи Чернаго моря. Съ этого времени входитъ въ эти предѣлы знакомство съ желѣзной культурой.

Депутатъ Воронежскаго статистическаго комитета и Орловской архивной комиссіи, С. Е. Звѣревъ, сообщилъ о находкахъ бронзовыхъ орудій въ предѣлахъ Воронежской губерніи, въ бассейнѣ рѣки Дона. Въ 1891 году найдены были два бронзовые топора, долото и ножъ. Императорская Археологическая Коммиссія поручила г. Звѣреву произвести археологическія разысканія на мѣстѣ находки, при чемъ найдены были еще два бронзовыхъ топора, изъ которыхъ одинъ съ пояскомъ на ударной части, и одно долото. Подробный перечень всѣхъ подобнаго рода находокъ въ предѣлахъ Воронежской губерніи

съ 1863 по 1893 годъ помѣщенъ былъ г. Звѣревымъ въ памятной книжкѣ Воронежской губерніи за 1893 годъ.

В. З. Завитневичъ замѣтилъ, что орудія бронзоваго вѣка, встрѣчающіяся на пространствѣ между Припетью и Зап. Двиной, съ одной стороны, Нѣманомъ и Днѣпромъ—съ другой, по своей формѣ тожественны съ аналогичными каменными орудіями, въ огромномъ количествѣ находимыми въ этой области. Въ виду этого естественно возникаетъ вопросъ: не были ли эти предметы мѣстнаго происхожденія, и не слѣдуетъ ли поэтому искать слѣдовъ бронзоваго вѣка и въ средней полосѣ Россіи? Сравнительно незначительное количество бронзовыхъ предметовъ легко объясняется тѣмъ, что позднѣе ихъ передѣлывали въ предметы украшенія. Фактъ этотъ, не подрывая вывода референта, расширяетъ область бронзоваго вѣка, какъ предмета изслѣдованія. Пока это изслѣдованіе не будетъ произведено, весьма рисковано утверждать, что средняя полоса Россіи не знала культуры бронзоваго вѣка.

А. А. Кочубинскій прибавилъ слѣдующее замѣчаніе: языкъ, этотъ контроль для общихъ выводовъ въ области доисторической археологіи, какъ будто подтверждаетъ заключенія проф. Антоновича. Въ то время, какъ въ языкахъ славянъ и литовцевъ есть общій терминъ для желѣза: *желѣзо—gelezis*, для мѣди слова отдѣльныя и оба темнаго происхожденія: *мѣдь—varys*. Но вмѣстѣ съ этимъ самый терминъ *желѣзо—gelezis* одного происхожденія съ названіемъ для мѣди въ греческомъ—*χαλκός*, т. е. слово, оказавшееся лишнимъ, получило новое значеніе—желѣза.

В. Б. Антоновичъ благодарилъ своихъ оппонентовъ за сдѣланныя ими замѣчанія и дополненія, а затѣмъ представилъ подробныя разъясненія по отдѣльнымъ частнымъ пунктамъ. Что касается до значенія Кавказа, на чемъ настаивалъ Д. Н. Анучинъ, то референтъ утверждалъ отсутствіе въ южной Россіи бронзовыхъ предметовъ съ опредѣленно выраженнымъ кавказскимъ характеромъ.

По окончаніи засѣданія предсѣдатель ученаго комитета Съѣзда, проф. Ѳ. И. Успенскій, принесъ отъ имени Съѣзда благодарность Его Императорскому Высочеству Великому Князю Сергію Александровичу.

Общее собраніе 10 августа въ 3 часа пополудни.

За болѣзнію предсѣдателя Съѣзда предсѣдательствовалъ Ѳ. И. Успенскій. Секретарь М. И. Соколовъ.

Д. Я. Самоквасовъ сдѣлалъ докладъ объ организаціи и дѣятельности центральныхъ архивовъ древнихъ актовъ въ западныхъ губерніяхъ. Ознакомивъ съ исторіей правительственныхъ мѣропріятій къ измѣненію и улучшенію устройства этихъ архивовъ, референтъ подробно ознакомилъ съ тѣми заключеніями, къ которымъ пришла Высочайше утвержденная при министерствѣ народнаго просвѣщенія коммиссія 1892 г. по преобразованію централь-

ныхъ архивовъ въ западныхъ губерніяхъ. Имѣя важное практическое значеніе, заключая огромное количество историко-юридическихъ документовъ, правительственные архивы Кіевскій, Виленскій и Витебскій представляютъ собою лабиринты, въ которыхъ не могутъ найтись не только посторонніи лица, но и сами архиваріусы. Для охраны и удобства пользованія документами съ научными и практическими цѣлями необходимо составленіе инвентарныхъ описей по отдѣламъ, послѣ чего должно приступить къ составленію систематическихъ описаній или обозрѣній документовъ по отдѣленіямъ съ приложеніемъ къ инвентарямъ и описаніямъ алфавитныхъ указателей именъ личныхъ и географическихъ. Для систематизаціи по отдѣламъ содержанія правительственныхъ архивовъ древнихъ актовъ и для составленія инвентарныхъ описей, систематическихъ описаній и алфавитныхъ указателей одинаково необходимы штаты архивистовъ съ высшимъ образованіемъ и обезпеченныхъ средствами существованія съ условіемъ, чтобы архивная служба не совмѣщалась съ другою службою.

Очертивъ пространно современное неудовлетворительное состояніе архивовъ Кіевскаго, Виленскаго и Витебскаго, референтъ ознакомилъ съ проектированными Высочайше учрежденною коммиссіею по преобразованію дѣятельности центральныхъ архивовъ правилами организаціи и дѣятельности архивовъ въ Кіевѣ и Вильнѣ.

При обсужденіи реферата И. Я. Спрогисъ очертилъ современное состояніе Виленскаго архива и высказался безусловно въ пользу проектированныхъ правилъ. Г. Истоминъ предлагалъ составлять въ архивахъ не инвентари и систематическія описанія, а систематическіе предметные указатели не столько съ практическими цѣлями, сколько съ научными.

Священ. Паевскій указалъ на необходимость позаботиться о судьбѣ мелкихъ провинціальныхъ архивовъ.

А. В. Лонгиновъ совѣтовалъ, при соединеніи архивовъ Виленскаго и Витебскаго, туда же помѣстить часть архива Варшавскаго, именно документы, относящіеся къ западно-русскимъ губерніямъ.

Арс. И. Маркевичъ указалъ на необходимость новаго, болѣе удобнаго и безопаснаго помѣщенія для Виленскаго архива и на примѣненіе проектированныхъ коммиссіею правилъ и къ имѣющему образоваться архиву Новороссійскаго края.

И. Я. Спрогисъ сообщилъ, что было сдѣлано настоящимъ управленіемъ Виленскаго архива по вопросу о новомъ изолированномъ помѣщеніи для архива.

С. Л. Пташицкій возражалъ противъ правила о несовмѣстимости архивной службы съ какою либо другою, указывая на ту пользу, какую въ провинціальныхъ архивахъ могли бы приносить преподаватели учебныхъ заведеній, и предлагалъ не ограничивать занятій въ архивѣ временемъ до 3-хъ часовъ дня.

А. П. Львовъ оспаривалъ пользу совмѣщенія архивной службы съ по-

стороннею и предлагалъ для удержанія на архивной службѣ образованныхъ людей прогрессивное увеличеніе жалованья, какъ это дѣлается въ гимназіяхъ.

Засѣданіе X-го отдѣленія (памятники археографическіе) 11 августа.

Почетный предсѣдатель И. Я. Спрогисъ. – Предсѣдатель В. Н. Сторожевъ. – Секретарь Н. Ѳ. Бѣляшевскій.

1. А. Н. Львовъ прочелъ рефератъ „Архивъ греко-уніатскихъ митрополитовъ“. Архивъ греко-уніатскихъ дѣлъ находится нынѣ въ архивѣ св. синода и заключаетъ въ себѣ дѣла, касающіяся управленія греко-уніатскими епархіями, монастырями и церквами со времени присоединенія Сѣверо-Западнаго края къ Россіи до присоединенія уніатовъ въ 1839 году. Кромѣ того, въ немъ есть особый отдѣлъ, извѣстный подъ именемъ „архива греко-уніатскихъ митрополитовъ“, заключающій въ себѣ бумаги, дѣла, акты, документы, письма и дневники греко-уніатскихъ митрополитовъ. Отдѣлъ этотъ начинается съ 1470 г. и оканчивается бумагами послѣдняго уніатскаго митрополита Іосифа Булгака. Содержаніе архива чрезвычайно разнообразно; здѣсь есть дѣла о монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ, о церквахъ и монастыряхъ уніатскихъ и православныхъ съ инвентарями, дѣла объ уніатскомъ управленіи, о столкновеніяхъ между православными и уніатами, масса судебныхъ дѣлъ, церковно-практическихъ, церковно-административныхъ и т. п. Архивъ этотъ до послѣдняго времени не былъ не только описанъ, но даже и разобранъ. Два года тому назадъ г. оберъ-прокуроръ св. синода, вполнѣ понимая историческую важность этого архива, далъ особыя средства на правильное, научное описаніе его, и въ настоящее время это описаніе приводится къ концу и пользованіе архивомъ для постороннихъ лицъ представляется уже возможнымъ. По окончаніи описанія предполагается приступить къ изданію его, при чемъ тѣ акты и документы, которые нигдѣ еще не были напечатаны, будутъ изданы въ видѣ особыхъ приложеній къ описанію.

И. Я. Спрогисъ сдѣлалъ замѣчаніе по поводу документовъ съ двуязычнымъ письмомъ, упомянутыхъ референтомъ. По Литовскому Статуту писарь гродскій обязанъ былъ писать по-русски, съ конца же XVI вѣка входитъ въ употребленіе польскій языкъ, и въ оффиціальныхъ документахъ лишь для соблюденія формы вступительныя и заключительныя слова писались на русскомъ языкѣ; до 1697 г. русскій языкъ еще держался, но въ этомъ году оффиціальнымъ распоряженіемъ употребленіе его въ актахъ было запрещено. Затѣмъ почетный предсѣдатель спросилъ у референта о помѣщеніи архива и освѣдомился о томъ, нѣтъ ли въ бумагахъ архива дѣлъ, относящихся до Остробрамской иконы Божіей Матери. Ререфентъ отвѣтилъ, что помѣщеніе вполнѣ удовлетворительно; на второй же вопросъ отвѣчалъ отрицательно.

В. Н. Сторожевъ предложилъ вопросъ о характерѣ будущаго изданія архива греко-уніатскихъ митрополитовъ, высказавъ пожеланіе, чтобы при изданіи архива частная переписка и дневники были изданы цѣликомъ. На что референтъ отвѣтилъ, что изданіе—вопросъ сложный, еще не рѣшенный во всѣхъ деталяхъ.

И. Я. Спрогисъ замѣтилъ, что задача архивовъ описаніе, а не изданіе; послѣднее есть дѣло археографическихъ коммиссій. Предсѣдатель В. Н. Сторожевъ согласился съ тѣмъ, что главная задача архивовъ—описаніе, но настаивалъ, что они должны быть вмѣстѣ съ тѣмъ и учрежденіями археографическими.

С. Л. Пташицкій замѣтилъ, что на практикѣ обыкновенно и происходитъ соединеніе этихъ двухъ цѣлей, примѣромъ можетъ служить Львовскій архивъ.

2. В. Н. Сторожевъ прочелъ рефератъ И. И. Васильева: „Архивъ упраздненнаго Рижскаго генералъ-губернаторства". Въ началѣ реферата помѣщенъ краткій историческій очеркъ ливонскаго края съ 1710 г. и перечень генералъ-губернаторовъ по 1876 г. По упраздненіи генералъ-губернаторства назначена была особая ликвидаціонная коммиссія, которая и отобрала дѣла для архива. Архивъ этотъ имѣетъ не только мѣстное, но и общегосударственное значеніе (въ немъ, между прочимъ, хранятся письма Петра I); доступъ въ архивъ до послѣдняго времени былъ затрудненъ, архивъ не имѣетъ ни устава, ни штата, а потому будущность его не обезпечена.

3. Проф. московской духовной академіи А. Д. Бѣляевъ сдѣлалъ докладъ „Объ устройствѣ археологическо-этнографическихъ музеевъ".

Референтъ сначала указалъ причины недостатка строгой системы въ распорядкѣ археологическихъ памятниковъ въ музеяхъ, а именно: хотя археологическихъ памятниковъ собрано теперь довольно много, но для научной полноты ихъ все таки слишкомъ недостаточно, а добытый археологическій матеріалъ мало описанъ и еще менѣе объясненъ; однородные археологическіе памятники разбросаны по разнымъ странамъ, напр., памятники Египта разсѣны, кромѣ Египта, почти по всѣмъ столичнымъ музеямъ Европы; наконецъ, въ археологіи не выработана классификація и не установлено твердыхъ принциповъ для распредѣленія матеріала. Въ главнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ музеяхъ (изъ послѣднихъ референтъ ознакомился съ музеями Берлина, Дрездена, Праги и Парижа) археологическіе памятники распредѣляются преимущественно по культурнымъ и племеннымъ типамъ. Такъ, напр., восточныя древности обыкновенно занимаютъ особое помѣщеніе, при чемъ вся масса ихъ раздѣляется на древности египетскія, вавилонско-ассирійскія, персидскія, финикійскія и т. д. Но этотъ принципъ не проводится послѣдовательно. Напр., церковныя христіанскія древности обыкновенно помѣщаются отдѣльно отъ бытовыхъ памятниковъ, т. е. распредѣляются уже по существу своему и по назначенію ихъ въ жизни. Распредѣляются еще древности въ музеяхъ и по вѣкамъ или эпохамъ, т. е. въ хронологическомъ порядкѣ. Хронологическій порядокъ примѣняется преимущественно при распредѣленіи первобыт-

ныхъ древностей, которыя принято дѣлить на орудія археологическія, неолитическія, орудія бронзовой эпохи и орудія эпохи желѣзной. Признавая распредѣленіе археологическихъ памятниковъ въ хронологическомъ порядкѣ желательнымъ, референтъ находитъ, что оно трудно исполнимо при настоящемъ состояніи археологіи, и отдаетъ предпочтеніе дѣленію древностей по ступенямъ культуры. Онъ предлагаетъ строить музеи въ видѣ продолговато-широкихъ зданій, имѣющихъ въ основаніи правильный параллелограмъ. Долевая стѣна посрединѣ дѣлитъ зданіе на двѣ половины. Въ одномъ рядѣ комнатъ размѣщаются коллекціи археологическія, въ другомъ — этнографическія. Какъ археологическіе, такъ и этнографическіе памятники распредѣляются по степени совершенства въ ихъ обработкѣ. Простѣйшіе, самой грубой обработки, должны быть расположены такъ: этнографическіе въ комнатѣ или въ комнатахъ подъ № 1 этнографической половины, археологическіе въ комнатахъ подъ тѣмъ же № археологической половины. Въ комнатахъ подъ № 2 въ обѣихъ половинахъ должны быть размѣщены этнографическія и археологическія вещи нѣсколько болѣе совершенныя и т. д. При такомъ близкомъ сопоставленіи и параллелизмѣ памятниковъ этнографическихъ, значеніе которыхъ намъ всегда извѣстно, съ памятниками археологическими, часто непонятными, этнографія, по мнѣнію референта, прольетъ въ мракъ прошедшихъ временъ гораздо болѣе свѣта, нежели сколько заимствуетъ его отъ нея археологія въ настоящее время.

Засѣданіе I-го отдѣленія (древности первобытныя) 11 августа.

Почетный предсѣдатель А. К. Жизневскій. – Предсѣдатель В. Б. Антоновичъ.– Секретарь А. А. Спицынъ.

1. В. И. Сизовъ сдѣлалъ сообщеніе: „О расположенномъ близъ Москвы Дьяковомъ городищѣ“. Такъ называемое „Дьяково городище“, или „Чертово“, находится верстахъ въ 7 отъ Москвы и лежитъ на правомъ берегу Москвы-рѣки, представляя изъ себя форму усѣченнаго конуса, высота котораго надъ уровнемъ рѣки достигаетъ до 24 саж. Культурный слой достигаетъ глубины до 2 саж. Площадь городища имѣетъ форму треугольника, обнесеннаго валомъ, насыпаннымъ изъ желтой глины, взятой, вѣроятно, у подошвы городища.

Уже лѣтъ 20 тому назадъ городище это обращало на себя вниманіе археологовъ: такъ, здѣсь производили раскопки гг. Самоквасовъ и Филимоновъ; вещи, извлеченныя г. Самоквасовымъ изъ культурнаго слоя городища, находятся въ Историческомъ музеѣ и могутъ служить важнымъ дополненіемъ къ раскопкамъ референта, который производилъ ихъ три раза и послѣдній разъ въ началѣ нынѣшняго лѣта. Добытыя вещи, демонстрируемыя предъ собраніемъ, распредѣлены по группамъ, на основаніи различія матеріала:

a) Глина. Фрагменты отъ сосудовъ найдены въ огромной массѣ; матеріалъ ихъ преимущественно темная глина (черепки красной глины сравнительно рѣдки). Хотя орнаментація сосудовъ имѣетъ примитивный геометрическій стиль, но, комбинируя точки и черточки, она достигаетъ замѣчательнаго разнообразія въ этихъ предѣлахъ, при чемъ волнистая линія, характерная для сосудовъ славянскихъ, здѣсь отсутствуетъ. Форма сосудовъ, судя по фрагментамъ, отличается отъ сосудовъ славянскихъ могилъ большей котловидностью, не столь рѣзко обозначенными днищами и прямыми широкими вѣнцами безъ загибовъ. Другія издѣлія изъ глины представляютъ тигли разнаго вида, большое количество пряслицъ, орнаментированныхъ вырѣзками и точками; погремушки и маленькіе сосудики.

b) Кость. Издѣлія изъ кости даютъ особый характеръ городищу, представляя по количеству главный матеріалъ для издѣлій разнаго рода орудій. Болѣе всего встрѣчается здѣсь заостренныхъ реберъ животныхъ, иногда со сверлинами, и костяныхъ стрѣлъ. Такого рода предметы попадались въ городищахъ Вятки, Камы и вообще сѣверо-восточной Россіи. Это сходство сближаетъ могильникъ съ культурой указанныхъ мѣстностей и позволяетъ предположить въ жителяхъ богатаго костяными орудіями городища финскую народность.

c) Бронза. По характеру бронзовыхъ издѣлій (гривны, пряжки, обломки влагалища ножа, привѣски) могильникъ сближается съ Курманскимъ и съ другими, гдѣ находятся вещи т. н. мерянскаго типа. Выдѣлка вещей происходитъ на мѣстѣ, на что указываютъ тигли, формы для отливки привѣсокъ.

d) Бусы найдены изъ стекла, шарообразныя, золоченыя, какія обыкновенно встрѣчаются въ могильникахъ Осетіи (Комунта, Чми и др.), относящихся къ VI и VIII вв. и которые въ курганахъ центральной Россіи встрѣчаются не позднѣе X вѣка.

e) Въ числѣ желѣзныхъ вещей особеннаго вниманія заслуживаютъ желѣзныя, плоскія, съ двумя отростками, стрѣлы, сохранившія архаическую форму кремневыхъ стрѣлъ.

f) Находка подковообразной съ эмалью фибулы, кромѣ другихъ признаковъ, позволяетъ древность могильника опредѣлить VI — VII в. и новую границу обозначить X-мъ вѣкомъ (приблизительно).

Раскопки сосѣднихъ кургановъ указали на отсутствіе культурной связи этихъ кургановъ и вообще кургановъ московскаго типа съ насельниками городища. По мнѣнію референта, культура городища имѣетъ весьма характерныя черты культуры финской народности.

По поводу демонстрированныхъ референтомъ черепковъ изъ Дьякова городища, кн. П. А. Путятинъ замѣтилъ, что среди орнаментовъ на этихъ черепкахъ онъ усматриваетъ три такія разновидности, которыя встрѣчаются на сосудахъ, находимыхъ на круглыхъ городищахъ сѣверной Германіи и Австріи, именно волнистый, предположительно приписываемый славянамъ, лужицкаго типа, и произведенный круглымъ рѣзцомъ узоръ такъ называе-

маго франкскаго типа. Хотя нерѣдко городища эти носятъ явно смѣшанный характеръ, но обыкновенно они приписываются славянамъ. Референтъ отвѣтилъ на это указаніе замѣчаніемъ, что приведенная теорія орнамента ему извѣстна; аналогій же съ далекими древностями онъ сознательно избѣгалъ, оберегая основные признаки изучаемой имъ культуры отъ слишкомъ большаго раздробленія на отдѣльныя черты; отсутствіе волнистаго орнамента ставитъ городище въ связь, по его мнѣнію, съ восточными финскими народностями, а не съ западомъ.

А. А. Спицынъ счелъ невозможнымъ согласиться съ положеніемъ референта о близости Дьякова городища къ камскимъ костеноснымъ городищамъ, указывая на отсутствіе въ немъ характерныхъ признаковъ культуры костеносныхъ городищъ и сравнительную бѣдность обнаруженныхъ на немъ предметовъ. Точно также опредѣленіе новѣйшей даты городища онъ нашелъ недостаточно обоснованнымъ, такъ какъ не установлено, что указанные г. референтомъ предметы относятся именно къ тому времени, къ какому онъ ихъ пріурочиваетъ. По его мнѣнію, Дьяково городище вмѣстѣ съ другими городищами того же типа должно быть обособлено въ отдѣльную группу, почти не имѣющую никакого отношенія къ костеноснымъ городищамъ прикамскимъ.

А. К. Жизневскій нашелъ много сходнаго между предметами Дьякова городища и нѣкоторыми случайными находками въ тверскомъ краѣ; счелъ возможнымъ признавать культуру Дьякова городища смѣшаннаго характера и въ дополненіе къ реферату поставилъ вопросъ о томъ, не могли ли служить маленькіе сосуды, встрѣчаемые на этомъ городищѣ, какою-нибудь принадлежностью жертвоприношеній. Н. И. Троицкій расширилъ районъ распространенія городищъ Дьяковскаго типа въ сторону юга, указавъ на существованіе совершенно аналогичнаго по находкамъ городища въ Перемышльскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, вещи изъ котораго хранятся въ Тульскомъ музеѣ.

Референтъ, въ отвѣтъ на обращенные къ нему запросы, объяснилъ, что онъ не настаиваетъ на тождественности Дьякова городища въ частностяхъ съ костеносными городищами и указываетъ лишь на родовое сходство между ними; на опредѣленности указанныхъ имъ хронологическихъ датъ онъ продолжаетъ настаивать. Дьяковское городище, можетъ быть, впослѣдствіи войдетъ въ особенную группу окскаго бассейна, но пока изслѣдованное городище съ такимъ количествомъ вещей представляетъ единичный примѣръ въ этой мѣстности.

2. Депутатъ рязанской ученой архивной коммиссіи, А. В. Селивановъ, прочелъ рефератъ о произведенной имъ въ 1892 г., по порученію импер. археологической коммиссіи и при участіи А. И. Черепнина и В. А. Городцова, раскопкѣ Борковскаго могильника, находящагося въ 3 в. отъ Рязани и открытаго еще въ 1874 г. при желѣзнодорожныхъ земляныхъ работахъ (при чемъ вмѣстѣ съ различными вещами найденъ былъ небольшой кладъ диргемовъ VIII и IX в.).

Раскопка могильника, произведенная въ 1892 г., продолжалась съ перерывами въ теченіе 29 рабочихъ дней. Обнаружено болѣе 111 могилъ, изъ коихъ въ 61 оказались погребенія обыкновенныя, въ 4—погребенія въ сидячемъ положеніи и въ 13—трупосожженія. Преобладающее направленіе костяковъ, вообще весьма плохо сохранившихся, было головою на СВ, ССВ и СВВ. Руки большею частью вытянуты вдоль туловища; лежащими на боку оказалось лишь нѣсколько костяковъ. Слѣдовъ деревянныхъ гробовъ не оказалось. Повидимому, умершихъ клали прямо въ землю, но въ нѣкоторыхъ могилахъ подъ костями, въ особенности подъ черепомъ, можно было замѣтить остатки луба или бересты. Въ ногахъ или подлѣ головы были находимы во многихъ могилахъ цѣльные погребальные горшки, большею частью безъ всякаго орнамента; но нѣкоторые изъ горшковъ по ободку были орнаментированы насѣчками или точкообразными вдавленіями. Изъ вещей, характеризующихъ мужскія могилы, должны быть отмѣчены слѣдующія: желѣзное оружіе, какъ-то: наконечники копій и дротиковъ, топоры съ продольнымъ отверстіемъ, напоминающимъ широкое долото или кельтъ, затѣмъ мечи разной величины и формы, ножи, удила, бронзовыя шейныя гривны съ коробкой, бляхообразныя фибулы съ крышкой, гладкія гривны въ видѣ утолщенной въ срединѣ проволоки, браслеты изъ толстой проволоки съ утолщенными концами, спиральки, бронзовыя и серебряныя крестообразныя фибулы, напоминающія по типу римскія, самострѣлообразныя фибулы, подобныя находимымъ въ Западныхъ и Прибалтійскихъ губерніяхъ, спиральныя кольца, кожаные пояса, украшенные бляшками, глиняныя красныя бусы, трапецевидныя и колокольчатыя подвѣски. Въ женскихъ могилахъ были находимы: гривны съ коробкой, каменныя пряслицы (по одной въ могилѣ), плоскіе узкіе браслеты, круглыя 4 и 5—лопастныя, съ отверстіемъ по срединѣ, височныя украшенія, ажурныя височныя привѣски, красныя бусы, спиральки, находимыя чаще близъ головы въ волосахъ, и различнаго рода колокольчатыя и трапецевидныя привѣски, которыя, повидимому, пришивались по краямъ одежды. Принадлежностью какъ мужскихъ, такъ и женскихъ могилъ были круглыя въ видѣ плоскаго ободка пряжки съ подвижной иглой. Всѣ вещи, характеризующія погребенія, совершенныя по обыкновенному обряду, отличаются простымъ и иногда полнымъ отсутствіемъ орнамента.

Совершенно инымъ характеромъ отличались украшенія, находимыя при трупосожженіяхъ. Надъ кучкой пережженыхъ костей или по близости были находимы вещи, или сложенныя въ кучу, или расположенныя рядомъ, иногда на доскѣ. Чаще встрѣчались при трупосожженіяхъ слѣдующія вещи: гривны съ маленькой коробкой, бляхи безъ крышки, плоскіе широкіе браслеты, ажурныя паяныя, а не литыя, фибулы и привѣски, маленькія бронзовыя спиральки, стеклянныя позолоченыя и сѣрыя мелкія бусы и бисеръ. Всѣ эти вещи отличались болѣе тонкой работой и изяществомъ отдѣлки, указывающимъ на болѣе развитую культуру.

Многія бронзовыя вещи какъ въ случаяхъ погребенія, такъ и при трупосожженіяхъ, были обертываемы въ лубъ.

Указавъ на сходство предметовъ Борковскаго могильника съ вещами, найденными въ Курманскомъ могильникѣ, а также въ могильникахъ Старо-Рязанскомъ и еще не вполнѣ изслѣдованныхъ Пальновскомъ и Константиновскомъ, референтъ подробно остановился на нѣкоторыхъ типическихъ предметахъ всѣхъ означенныхъ могильниковъ, раскинутыхъ по берегамъ р. Оки на протяженіи болѣе 250 верстъ и представляющихъ собою остатки древнѣйшаго населенія Рязанской области, жившаго здѣсь задолго до основанія Рязанскаго княжества.

Перейдя затѣмъ къ вопросу о племени, къ которому принадлежало населеніе, оставившее Борковскій могильникъ, А. В. Селивановъ высказалъ предположеніе, что какъ характеръ погребеній, такъ и найденныя въ могилахъ вещи указываютъ не на одну эпоху, но по меньшей мѣрѣ на двѣ отдѣленныя одна отъ другой извѣстнымъ промежуткомъ времени, при чемъ, по мнѣнію референта, первоначальное коренное населеніе окской долины оставило послѣ себя погребенія обыкновеннаго типа, но впослѣдствіи въ томъ же самомъ мѣстѣ позднѣйшее населеніе этой мѣстности оставляло могилы другого типа: въ формѣ погребеній въ сидячемъ положеніи и трупосожженій. Въ вещахъ древнѣйшей эпохи Борковскаго могильника замѣтно вліяніе западно-славянской и литовской культуры, тогда какъ предметы, находимые при трупосожженіяхъ, носятъ на себѣ слѣды иныхъ культурныхъ вліяній.

Коснувшись одной особенности Борковскаго могильника, а именно нахожденія въ немъ между могилами и надъ ними полуистлѣвшихъ деревянныхъ столбовъ, стоящихъ, по мнѣнію референта, въ связи съ погребеніями, А. В. Селивановъ высказалъ свои соображенія относительно хронологіи какъ Борковскаго, такъ и родственныхъ съ нимъ могильниковъ окской долины.

Позднѣйшая дата съ достаточною вѣроятностью можетъ быть установлена на основаніи найденныхъ въ 1874 г. монетъ, которыя относятся къ VIII—IX в. нашей эры. Эта дата, по мнѣнію референта, относится не ко всѣмъ могиламъ, но лишь къ трупосожженіямъ и немногимъ изъ погребеній. Что же касается до хронологіи типическихъ могилъ всѣхъ окскихъ могильниковъ Борковскаго и Курманскаго типа, то референтъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Нахожденіе въ Борковскомъ могильникѣ крестообразныхъ и въ особенности арбалетныхъ фибулъ, указываетъ, съ одной стороны, на западное вліяніе въ характерѣ украшеній, а съ другой, на время, близкое къ эпохѣ гето-дакійской колонизаціи послѣ покоренія римлянами царства Даковъ, стало быть къ I—II вѣкамъ по Р. Х. Отсутствіе римскихъ монетъ не можетъ, по мнѣнію докладчика, служить поводомъ къ измѣненію этой даты, такъ какъ населеніе, обитавшее въ окской долинѣ въ данную эпоху, могло вести торговлю мѣновую, безъ употребленія денежныхъ цѣнностей.

2) Нѣкоторыя серебряныя бляшки, вѣроятно отъ пояса, находимыя въ Борковскомъ могильникѣ, вполнѣ тождественны съ бляшками, найденными проф. Самоквасовымъ въ катакомбѣ № 12 могильника близъ аула Чми, въ Осетіи, вмѣстѣ съ серебряной сассанидской монетой Хозроя I, (531—579 г. по Р. Х.).

3) Присутствіе желѣзныхъ топоровъ съ отверстіемъ вдоль и отсутствіе боевыхъ топоровъ обычнаго курганнаго типа также указываетъ на эпоху, когда въ памяти населенія еще жило представленіе о древнѣйшихъ бронзовыхъ кельтахъ.

Наконецъ, 4) двѣ бронзовыя фибулы, найденныя въ Борковскомъ могильникѣ въ 1874 г. и изданныя въ Трудахъ Рязанской уч. архивной комиссіи за 1891 г. (т. VI, таб. I) относятся къ одному типу съ человѣкообразными чудскими идолами, находимыми въ костищахъ Пермской губерніи и относимыми къ V и VI в. по Р. Х.

Указанныя аналогіи, по мнѣнію референта, даютъ основаніе съ нѣкоторою вѣроятностью принять за первоначальную дату Борковскаго могильника V—VI вѣка нашей эры.

Не возбудивъ возраженій по существу, сообщеніе г. Селиванова вызвало цѣлый рядъ соображеній и заявленій по поводу послужившихъ для него темою древностей. А. А. Спицынъ обратилъ вниманіе на весьма замѣчательныя археологическія открытія послѣдняго времени въ бассейнѣ рѣки Оки и Зап. Двины, именно въ области мордвы и мещеры съ одной стороны, и въ странѣ ливовъ и куровъ съ другой. Весьма любопытно, что между древностями того и другаго района замѣчается много точекъ соприкосновенія; сходство наблюдается не только въ близости вещей (что и было показано на примѣрѣ нѣсколькихъ типичныхъ предметовъ), но даже въ самомъ обрядѣ погребенія. Сходство это можетъ быть объяснено или совмѣстною жизнью основныхъ народныхъ группъ той и другой мѣстности, или же заимствованіями отъ одной богатой культуры, какою, напр., могла бы быть готская, которую приходится отыскивать на Нѣманѣ, Зап. Двинѣ и Донѣ. Г. Спицынъ заявилъ, что цѣлью его попутнаго эксурса было примкнуть къ выраженному на предыдущемъ засѣданіи напоминанію проф. Антоновича о томъ, что древности Дона остаются до сихъ поръ совершенно незатронутыми изслѣдователями. Д. Я. Самоквасовъ нашелъ неизлишнимъ предупредить, что близость Борковскаго могильника къ области вятичей не можетъ подать повода къ сближенію между сдѣланными на немъ находками и предметами изъ кургановъ вятичей, такъ какъ между ними нѣтъ никакой органической связи. Борковскій могильникъ долженъ быть признанъ финскимъ.

На это замѣчаніе послѣдовалъ отвѣтъ референта, что указанное г. Самоквасовымъ различіе онъ имѣетъ въ виду; что если въ рефератѣ своемъ онъ упомянулъ о древностяхъ вятичей, то лишь для удобства опредѣленія хронологической даты могильника и для объясненія факта появленія въ древностяхъ Борковскаго типа нѣкоторыхъ такихъ вещей, которыя, повидимому,

должны быть признаны особенностью древностей Сѣверо-Западнаго края; наконецъ, что въ Борковскомъ могильникѣ дѣйствительно встрѣчено нѣсколько могилъ несомнѣнно славянскихъ, но онѣ рѣзко отличаются отъ другихъ погребеній этого могильника.

Д. И. Иловайскій, отозвавшись съ большимъ одобреніемъ о работѣ, представленной вниманію отдѣленія г. Селивановымъ, и имѣя въ виду указаніе референта на обнаруженные имъ въ могильникѣ признаки деревянныхъ столбовъ, поставилъ вопросъ: не представляется ли возможнымъ видѣть въ этихъ столбахъ тѣ „столпы“, которые выступаютъ въ разсказѣ Нестора о погребеніяхъ у вятичей? Если къ этому есть серьезныя основанія, то само собою является любопытное предположеніе, что Борковскій могильникъ, быть можетъ, представляетъ образецъ погребенія, существовавшаго у вятичей. Затѣмъ имъ же былъ поставленъ другой вопросъ: данный могильникъ не есть ли собственно некрополь древняго Переяславля Рязанскаго (нынѣшняго города Рязани), начало котораго, такимъ образомъ, могло бы быть отнесено къ VII—VIII вв. Д. И. Иловайскій, въ виду своей теоріи объ очень давнемъ заселеніи восточными славянами занимаемой ими нынѣ территоріи, не счелъ бы такого рода положеніе натяжкою. Поддерживая далѣе ту же точку зрѣнія, Д. И. Иловайскій призналъ спорнымъ данное проф. Котляревскимъ толкованіе слова „столпъ“ въ смыслѣ „сопка“, о которомъ напомнилъ ему Д. Я. Самоквасовъ. В. З. Завитневичъ замѣтилъ, что имъ первымъ указаны случаи нахожденія въ курганахъ деревянныхъ столбовъ, объ отношеніи которыхъ къ упоминаемымъ въ лѣтописи „столпамъ“ онъ уже возбудилъ вопросъ, и что теперь онъ склоненъ видѣть въ подобныхъ столбахъ прямые слѣды погребальнаго обряда финновъ. Обративъ вниманіе на нѣкоторые предметы Борковскаго могильника, обработанные изъ спаянной проволоки, проф. Завитневичъ указалъ на совершенную несостоятельность одного изъ признаковъ, считавшагося чуть ли не по настоящее время весьма надежнымъ при опредѣленіи времени археологическихъ находокъ—спаянность и неспаянность металлическихъ издѣлій, при чемъ неспаянность считалась признакомъ древнѣйшихъ культуръ. А. К. Жизневскій сдѣлалъ общее резюме всего высказаннаго по поводу реферата г. Селиванова и съ своей стороны сдѣлалъ замѣчаніе, что при рѣшеніи сложнаго вопроса о томъ, какіе именно „столпы“ имѣлъ въ виду лѣтописецъ въ своемъ разсказѣ, необходимо принять во вниманіе существовавшій въ древности обычай ставить на могилахъ „боженки“ (часовни), позднѣе принявшій нѣсколько другія формы: такъ, можно полагать, что отсюда идетъ обыкновеніе ставить надъ могилами фонари съ иконами и лампадкою въ нихъ, наблюдаемое на старовѣрческомъ кладбищѣ во Ржевѣ. Это замѣчаніе дало поводъ А. В. Селиванову сообщить краткія свѣдѣнія о найденномъ имъ деревянномъ столбѣ надъ пустой могилой въ старой Рязани, на которомъ оказалось изображеніе изъ бронзы въ видѣ женскаго бюста, и В. Н. Поливанову передать свѣдѣнія о встрѣченныхъ имъ деревянныхъ столбахъ въ Муранскомъ могильникѣ, а проф. За-

витневичу — напомнить о приведенномъ Котляревскимъ свидѣтельствѣ изъ одного древняго памятника, гдѣ упоминается объ обычаѣ ставить на распутьяхъ деревянные столбы, предъ которыми приносились жертвы.

В. Б. Антоновичъ, вызванный предсѣдателемъ засѣданія дать свое авторитетное заключеніе о древностяхъ Борковскаго могильника, заявилъ, что эти древности представляютъ для него еще совершенно новое явленіе, что онъ находитъ весь добытый г. Селивановымъ матеріалъ весьма поучительнымъ и что изъ высказанныхъ по поводу его мнѣній онъ рѣшается склониться на сторону Д. Я. Самоквасова, не признавшаго Борковскій могильникъ славянскимъ.

Замѣчанія Д. Н. Анучина, закончившія пренія, относились не къ самому реферату, а къ тѣмъ общимъ заключеніямъ, которыя по поводу его были сдѣланы А. А. Спицынымъ. Проф. Анучинъ предостерегалъ отъ злоупотребленія въ археологіи пріемомъ объясненія сходства простымъ заимствованіемъ изъ одного общаго источника и находилъ возможнымъ, что финская культура могла развиваться самостоятельно, безъ особенно замѣтнаго готскаго или иного вліянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ дополненіе къ аналогіямъ, проведеннымъ г. Спицынымъ между древностями западныхъ и восточныхъ финскихъ народностей, проф. Анучинъ далъ описаніе той пряжки—сустуга, какія до сихъ поръ въ ходу подъ этимъ названіемъ у нижегородской мордвы.

3. Профессоръ Кенигсбергскаго университета Бецценбергеръ сдѣлалъ на нѣмецкомъ языкѣ сообщеніе: „О доисторическихъ древностяхъ Восточной Пруссіи“. Прежде всего референтъ остановился на геологическихъ условіяхъ страны, бывшей покрытою въ эпоху, предшествующую современной, великимъ сѣвернымъ ледникомъ, и территорія которой значительно увеличилась въ послѣ-третичный періодъ, вслѣдствіе поднятія почвы въ Привислинской низменности на 18 футовъ. Это измѣненіе очертаній страны сопровождалось измѣненіемъ въ теченіи рѣкъ: Нѣмана, Вислы, Одера, направлявшихся прежде къ западу и стоявшихъ въ связи между собою, а послѣ отдѣлившихся и проложившихъ себѣ дорогу на сѣверъ. Человѣкъ еще засталъ въ данной области эти измѣненія, появившись здѣсь по окончаніи ледниковаго періода, по всей вѣроятности съ В. и Ю.-В., изъ территоріи, входящей нынѣ въ составъ Россіи. Впрочемъ, отъ палеолитическаго періода извѣстно до настоящаго времени только двѣ находки человѣческихъ костяковъ съ долихоцефалическими и прогнатическими черепами. Большимъ числомъ находокъ представленъ неолитическій и древнѣйшій металлическій вѣкъ, и есть основанія думать, что населеніе этихъ эпохъ было тожественно литовсколатышскому племени. На это указываютъ названія нѣкоторыхъ мѣстностей, напр., одной, называемой еще и теперь по-литовски берегомъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время берегъ моря отстоитъ отъ этой мѣстности на значительное разстояніе. Можно даже констатировать, что уже съ весьма отдаленной эпохи литовское племя было представлено въ этой территоріи двумя вѣтвями, прусскою и литовскою, и что граница между ними шла приблизи-

тельно тамъ же, гдѣ она проходитъ и теперь. Бронзовая эпоха въ краѣ представлена довольно явственными слѣдами, указывающими на два послѣдовательныхъ способа преданія умершихъ землѣ — трупосожженіе и погребеніе, и на культурную связь въ то время съ Помераніей и Шлезвигомъ. Желѣзный вѣкъ распадается на нѣсколько эпохъ, изъ коихъ древнѣйшая, около начала нашей эры (примѣрно со 2-го вѣка до Р. Х.), характеризуется нѣкоторымъ вліяніемъ культуры la Tène и отсутствіемъ римскихъ монетъ. Есть основанія думать, что торговля янтаремъ, впослѣдствіи достигшая значительнаго процвѣтанія въ этой области, развивалась сначала медленно, и лишь по мѣрѣ того, какъ стали истощаться запасы янтаря на побережьи Нѣмецкаго и западной части Балтійскаго морей и какъ сталъ увеличиваться спросъ на этотъ продуктъ въ предѣлахъ Римской имперіи, — торговля имъ охватила и юго-восточную часть Балтики. Вторая эпоха желѣзнаго вѣка характеризуется слѣдами римскаго вліянія и находками римскихъ императорскихъ монетъ, особенно II—IV вѣковъ. Наконецъ, третья эпоха можетъ быть названа эпохой викинговъ и захватываетъ VI—VIII в. Она характеризуется, между прочимъ, нѣкоторыми спеціальными формами фибулы, которыя были встрѣчены также и въ нѣкоторыхъ могильникахъ русскаго Прибалтійскаго края и вообще западной Россіи, между прочимъ и въ Люцинскомъ могильникѣ, древность котораго, по мнѣнію референта, можетъ быть удалена до VI—VIII вѣковъ.

В. И. Сизовъ по поводу реферата проф. Бецценбергера объяснилъ, что X—XI вв. для Люцинскаго могильника русскими изслѣдователями принимаются по аналогіи этого могильника съ Ашераденскимъ, давшимъ монеты этого времени; ливамъ же онъ приписывается на основаніи того, что въ это время Ашераденъ, какъ слѣдуетъ изъ указаній Генриха-латыша, заселенъ былъ именно этимъ племенемъ.

Засѣданіе IV-го отдѣленія (памятники быта) 11 августа.

Почетный предсѣдатель А. В. Романовичъ-Славатинскій. — Предсѣдатель Н. И. Веселовскій.—Секретарь С. М. Середонинъ.

Почетный предсѣдатель А. В. Романовичъ-Славатинскій обратился къ собранію съ краткою рѣчью, въ которой указалъ связь археологіи съ юриспруденціей и выразилъ надежду, что на слѣдующихъ археологическихъ съѣздахъ отдѣленіе памятниковъ юридическаго быта получитъ еще большее развитіе.

1. А. Я. Ефименко прочитала рефератъ: „Къ вопросу о феодализмѣ въ Западной Руси и Литвѣ“.

Въ основаніи того комплекса явленій, который мы называемъ феодализмомъ, лежитъ феодализація земельной собственности. Сущность этого процесса въ слѣдующемъ: Земледѣльческіе народы Европы (съ увѣренностью

говоримъ относительно германскихъ и славянскихъ) осѣли на свою территорію земледѣльческими клѣточками, извѣстными на средневѣковомъ латинскомъ языкѣ подъ именемъ mansus, германское названіе huoba, западнославянское tan, восточно-славянское село, деревня, дворище. Эта клѣточка заключала въ себѣ союзъ свободныхъ людей, связанныхъ родствомъ, и имѣла опредѣленный размѣръ воздѣланной земли съ неопредѣленнымъ, тянущимъ къ нему, количествомъ дикой земли, угодьевъ. Опредѣленность размѣра этой клѣточки констатируется точными свидѣтельствами и находится въ зависимости отъ естественныхъ условій роста этой клѣточки, отъ неудобствъ и невыгодъ, заключающихся въ чрезмѣрномъ расширеніи ея периферіи. Союзы, обнимаемые этими клѣточками, и есть до относительно позднихъ историческихъ временъ единственные безусловные или аллодіальные земельные собственники. Всякая иная земельная собственность есть собственность условная, имѣющая источникъ въ jus publicum, а не въ jus privatum, состоящая въ правѣ пользованія продуктомъ труда этихъ аллодіальныхъ собственниковъ. Оно вытекаетъ изъ потребностей складывающагося государства, которому необходимъ большой классъ лицъ, могущихъ служить органамъ государства, главнымъ образомъ по отношенію къ организаціи военной защиты. Эта условная собственность постепенно всасываетъ въ себя всѣ атрибуты собственности безусловной и становится на ея мѣсто. Есть и другой путь образованія условной собственности: это передача первоначальными собственниками своей земли безземельнымъ.

Весь этотъ процессъ феодализаціи земельной собственности можно наблюдать и въ литовской Руси; процессъ этотъ шелъ, конечно, вполнѣ самостоятельно. Но на ряду съ нимъ можно замѣтить нѣкоторые слѣды прямого заимствованія изъ Европы формъ феодальнаго строя. Слѣды эти сильнѣе на территоріи русско-польскихъ областей и слабѣе на территоріи собственной литовской Руси.

В. Г. Васильевскій замѣтилъ, что выслушанное мнѣніе интересно, какъ принадлежащее такой значительной ученой силѣ, какъ А. Я. Ефименко. Вопросъ: „былъ ли феодализмъ въ Литвѣ,“ поставленъ былъ еще Ярошевичемъ и занимаетъ историковъ и въ настоящее время. Если мы опредѣлимъ феодализмъ, какъ его опредѣляютъ нѣкоторые англійскіе ученые (Мэнъ, напр.), т. е. какъ смѣну общинныхъ отношеній частно-имущественными съ подчиненіемъ населенія владѣльцу въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, то придется признать, что феодализмъ въ Литвѣ былъ. Если же мы примемъ опредѣленіе феодализма, дѣлаемое нѣмецкими, по преимуществу, учеными (крупная земельная собственность, передача владѣльцу земли политическихъ правъ и вмѣсто союза подданичества по отношенію къ королю союзъ вассальности), то слѣдуетъ признать, что феодализма въ Литвѣ не было.

В. З. Завитневичъ указалъ на то, что сжатыя, блестяще выраженныя мнѣнія автора отличаются, однако, проблематичностью; нѣкоторыя же фразы вызываютъ недоумѣніе.

А. Я. Ефименко отвѣтила, что и въ началѣ и въ концѣ реферата ею было оговорено, что она не беретъ на себя задачи рѣшать, былъ ли въ Литвѣ феодализмъ и тѣмъ болѣе, какой стадіи развитія западно европейскаго феодализма онъ соотвѣтствовалъ. А. Я. Ефименко хорошо сознаетъ, какія чрезвычайныя трудности заключаетъ въ себѣ этотъ вопросъ при громадности европейской литературы по этому предмету; она проситъ объ одномъ—обратить вниманіе на то, что она считаетъ центральнымъ пунктомъ какъ своего реферата, такъ и самаго предмета (не феодализма, а процесса феодализаціи земельной собственности). Вотъ въ чемъ этотъ центральный пунктъ: понятіе земельной собственности въ историческую уже эпоху подверглось большому измѣненію, и значительное недоразумѣніе возникаетъ въ наукѣ именно изъ-за того, что она опускаетъ это обстоятельство изъ виду и объясняетъ архаическія явленія, исходя изъ современныхъ понятій.

2. Н. Я. Чижовъ доложилъ собранію рефератъ: „Нѣкоторыя черты брачно - юридическихъ символовъ Ярославской губ. (Ростовскаго и Угличскаго уѣздовъ)“.

Символы - самыя древнія формы выраженія юридическихъ понятій и идей. Существованіе символовъ на первыхъ ступеняхъ развитія народной жизни обусловливается потребностью неразвитаго человѣка изображать свои мысли образно, наглядно. Въ символахъ воплощаются различныя стороны народнаго быта, и они принадлежатъ къ публичному, такъ и частному праву. Изъ всѣхъ областей общественной жизни самое широкое развитіе нашли символы въ области семейныхъ отношеній. Указавъ на символы, касающіеся похищенія, завладѣнія невѣстъ (вѣнокъ, кольцо, лента въ косѣ), референтъ перешелъ къ разсмотрѣнію символовъ, относящихся къ покупкѣ невѣстъ, въ которыхъ брачный договоръ отождествляется съ договоромъ купли - продажи. Существенными принадлежностями этого договора являются: купецъ (женихъ), товаръ (невѣста), передача товара (изъ полы въ полу), закрѣпленіе договора (литки). Одной изъ главныхъ цѣлей сообщенія было желаніе референта обратить вниманіе членовъ съѣзда на важность изученія юридическихъ символовъ, какъ средства познанія брачно - юридическихъ отношеній древняго періода русской исторіи.

П. В. Владиміровъ по поводу реферата указалъ на необходимость сравнительнаго изученія народныхъ обычаевъ, обрядовъ и т. д.

3. С. Ѳ. Платоновъ прочиталъ рефератъ „Объ огнищанахъ“.

Указавъ на чрезвычайно большое количество объясненій, предложенныхъ учеными для того, чтобы опредѣлить смыслъ какъ самаго термина „огнищанинъ“, такъ и того общественнаго слоя, который былъ извѣстенъ подъ именемъ „огнищанъ“, докладчикъ пытался раздѣлить эти ученыя мнѣнія на двѣ основныя группы: одна изъ нихъ полагаетъ, что словомъ „огнищанинъ“ обозначались люди извѣстнаго соціальнаго положенія; другая же видитъ въ этомъ словѣ только придворное званіе, означающее извѣстную степень приближенности къ князю или зависимости отъ князя. Принять первую точку

зрѣнія значитъ, по мнѣнію референта, связать вопросъ объ „огнищанахъ“ съ вопросомъ о такъ называемыхъ земскихъ боярахъ и придать ему несвойственный объемъ и значеніе. Самъ референтъ, на основаніи приведенныхъ имъ извѣстій Русской Правды и лѣтописей, высказался въ томъ смыслѣ, что подъ „тіуномъ огнищнымъ“ и „огнищаниномъ“ Русской Правды всего основательнѣе разумѣть то лицо княжеской администраціи, которое вѣдало княжескій дворъ и дворню, челядь, и которое позднѣе получило названіе дворскаго, дворецкаго. Новгородское употребленіе слова „огнищане“ охватывало этимъ словомъ большій кругъ лицъ, именно, всѣхъ людей, принадлежавшихъ къ княжескому двору, и, такимъ образомъ, отождествляло это слово со словомъ дворяне. Оговариваясь, что предлагаемое толкованіе имѣетъ въ его глазахъ силу лишь догадки, а не категорическаго вывода, докладчикъ видѣлъ почву для такой догадки въ древнемъ значеніи слова „огнище“— *ἀνδράποδον*—въ славянскомъ переводѣ поученій Григорія Богослова и слово ohniščenin—libertus—въ Mater verborum, гдѣ эта глосса (libertus, cui post servitium accedit libertas) не могла быть, по внутреннему ея смыслу, плодомъ поздней фальсификаціи. Нисколько не противорѣчитъ предложенному толкованію и другое пониманіе слова „огнище“ въ смыслѣ очага или дома. Княжескій домочадецъ могъ быть граждански не свободнымъ лицомъ и въ то же время занимать высокое и важное положеніе въ княжескомъ дворцовомъ управленіи.

А. В. Лонгиновъ замѣтилъ, что наибольшее значеніе въ этомъ вопросѣ имѣетъ этимологическое значеніе слова; несомнѣнно, что огнищане занимали высокое общественное положеніе, но сопоставленіе ихъ съ дворскимъ едва-ли имѣетъ подъ собою надежную почву; объясненія этого слова, по его мнѣнію, слѣдуетъ искать въ языческой эпохѣ: быть можетъ оно связано съ культомъ огня.

А. И. Маркевичъ высказалъ предположеніе, не спуталъ-ли неизвѣстный составитель глоссы въ „Mater verborum“ понятій „изгой“ и „огнищанинъ“.

А. И. Соболевскій полагалъ, что въ „Mater verborum“ слово „огнищанинъ“ передѣлано изъ какого-нибудь другого; для доказательства предположенія референта слѣдовало бы указать употребленіе въ какомъ нибудь русскомъ памятникѣ слова „огнище“ въ смыслѣ княжескаго двора; это слово встрѣчается въ древнихъ памятникахъ (житіе Андрея Юродиваго, толкованія Никиты Ираклійскаго на Григорія Богослова) въ смыслѣ „очага“, „печи“.

М. Н. Бережковымъ указано было употребленіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи словъ: „огнище“ въ смыслѣ расчищеннаго огнемъ для пашни мѣста, „огнищанина“—работника на такомъ мѣстѣ.

В. З. Завитневичъ указалъ на то, что „Русская Правда“ назначаетъ высшій размѣръ виры за княжихъ мужей: такъ какъ за убійство огнищанина назначенъ высшій размѣръ виры, то очевидно, что это былъ княжій чиновникъ.

С. Ѳ. Платоновъ отвѣтилъ, что для объясненія этого слова онъ не видитъ надобности обращаться къ языческой эпохѣ: должность дворскаго была

сложна, ему потребовались помощники (бояре введенные?); дворскій предводительствовалъ войсками, какъ это прямо вытекаетъ изъ его обязанностей (начальствованіе надъ людьми „подъ дворскимъ"); огнищанинъ могъ также становиться во главѣ челяди; слово „огнище" имѣетъ много значеній, очевидно, это былъ ходячій терминъ; въ „Mater verborum" это слово (какъ и вся глосса) вписано на чистомъ мѣстѣ. Наконецъ, С. Ѳ. Платоновъ вполнѣ принялъ и дополнилъ толкованіе, приведенное во время преній г. Лонгиновымъ статьи „Русской Правды" о убіеніи „во пса мѣсто" головника, убившаго огнищанина на княжескомъ дворѣ.

Засѣданіе VII-го отдѣленія (древности классическія и византійскія) 12 августа

Почетный предсѣдатель А. В. Лонгиновъ.—Предсѣдатель В. Г. Васильевскій.—
Секретарь Ю. А. Кулаковскій.

1. Баронъ де Бай поднесъ Съѣзду труды Обществъ, депутатомъ которыхъ онъ состоитъ, а именно: 1) Bulletin et Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France. 6-me série. Mémoires за 1890—1891 годы; 2) Association française pour l'avancement des sciences. 20-me session. Marseille. 1891 (два тома), 21-me session. 1892 (два тома), а также слѣдующіе труды отъ имени ихъ авторовъ: 1) Delamain, Le cimétiere d'Herpes, 2) Barriere Flavy, Etude sur les sépultures barbares du Midi et de l'Ouest de la France. Industrie Wisigothique, 3) Courajod, Origines de l'art gothique и лекцію того же автора изъ курса по исторіи скульптуры.

Представивъ общую характеристику находокъ, изданныхъ въ сочиненіяхъ Delamain'а и Barriére Flavy, докладчикъ перешелъ къ общему обзору вещей такъ называемаго готскаго типа въ предѣлахъ скитанія Готовъ по европейской территоріи. Иллюстрируя свое изложеніе предложенными на разсмотрѣніе собранія многочисленными фотографіями, баронъ де-Бай указывалъ на азіатскій востокъ, какъ на мѣсто, откуда предметы этого типа распронялись на западъ въ эпоху великаго переселенія народовъ. Докладчикъ закончилъ любезнымъ замѣчаніемъ, что западно-европейская наука ожидаетъ отъ русскихъ ученыхъ окончательнаго выясненія многочисленныхъ вопросовъ, вызываемыхъ вещами такъ называемаго готскаго типа.

Д. Н. Анучинъ благодарилъ барона де-Бая за поднесенныя имъ изданія и сочиненія, а также сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о распространеніи и характерѣ предметовъ, составляющихъ спеціальный научный интересъ докладчика, посвятившаго имъ цѣлый рядъ статей во французскихъ ученыхъ изданіяхъ.—Пожертвованныя Съѣзду книги и изданія рѣшено было передать въ Виленскую публичную библіотеку.

2. Э. Р. Штернъ прочелъ докладъ: „Замѣтки по исторіи Ольвіи". Указавъ на печальное положеніе, въ которомъ находится территорія древней

за эксплоатацію темными промышленниками древностей, которыя

въ изобиліи хранитъ почва этого города, рефентъ сообщилъ о трехъ вновь найденныхъ надписяхъ, относящихся къ разнымъ періодамъ исторіи города и дающихъ возможность возстановить нѣкоторые интересные факты изъ жизни Ольвіополитовъ. Первая надпись относится къ IV в. до Р. Х. и представляетъ почетный декретъ. Изъ ея текста явствуетъ, что Ольвіополиты называли себя Ворисѳенитами въ декретахъ, издаваемыхъ для иностранцевъ. Изъ той же надписи явствуетъ, что замѣчательная перемѣна во взглядахъ на значеніе права гражданства, возникшая впервые въ высокоразвитыхъ греческихъ государствахъ малой Азіи, нашла себѣ воспріимчивую почву въ Ольвіи. Вторая надпись, копія письма или посланія къ царю Синтафарну (Саитафарну?) въ Канкитъ, даетъ весьма важныя данныя, какъ о топографіи Ольвіи, такъ и по исторіи зависимости города отъ царя Саевъ. Третья надпись посвятительный декретъ, изданный между 197 и 200 годами, заключаетъ въ себѣ весьма важныя свидѣтельства. Изъ нея мы узнаемъ о гражданскихъ смутахъ, предшествовавшихъ признанію римской власти и упроченію болѣе аристократическаго образа правленія, о которомъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ имена архонтовъ. Эти послѣднія принадлежатъ всѣ извѣстнымъ и знатнымъ ольвійскимъ фамиліямъ.

3. Ѳ. И. Успенскій сдѣлалъ сообщеніе: „Вопросъ о Готахъ“.

Въ виду безуспѣшности попытокъ разъясненія этнографіи Южной Россіи и придунайскихъ областей съ точки зрѣнія изученія скиоскаго вопроса, референтъ разсматриваетъ, какъ счастливый шагъ въ наукѣ, то обстоятельство, что въ послѣднее время сталъ выдвигаться съ особенной настойчивостью готскій вопросъ. Важность изученія Готовъ сознается археологами и филологами; къ готскому вопросу въ послѣднее время обратился знаменитый Моммзенъ, поставившій на очередь вопросъ о готскихъ военныхъ учрежденіяхъ.—Указавъ въ краткихъ чертахъ историческое значеніе Готовъ въ 4 и 5 вв., особенно въ исторіи восточной имперіи, референтъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что Готамъ нѣкогда принадлежала самая выдающаяся роль, что въ рукахъ ихъ были судьбы Востока и Запада. Императоръ Ѳеодосій I далъ имъ громадныя преимущества въ имперіи и думалъ создать въ нихъ оплотъ противъ новыхъ враговъ. Въ теченіе 5-го вѣка высшія военныя и гражданскія мѣста принадлежали Готамъ (Аспаръ и Ардабурій). Съ этого времени Готы обнаруживаютъ вліяніе на учрежденія Византійской имперіи. Прежде всего важно выяснить ихъ военную роль. Здѣсь референтъ обращаетъ вниманіе на *готскую дружину* и въ извѣстіяхъ византійскихъ писателей усматриваетъ дополнительныя черты въ характеристикѣ германскаго comitatus (Германія Тацита, гл. XIII и XIV); германскій дружинный бытъ выясняется широкими чертами у византійскихъ писателей (термины *φοιδεράτος, δορυφόρος, ὑπασπιστής, παῖδες*, и проч.); о громадномъ наплывѣ германскаго (готскаго) элемента въ Константинополь говорятъ I. Антіохійскій Синезій и др. Характеризуя готскую дружину, референтъ разобралъ извѣстія о Ѳеодорикѣ, сынѣ Тріарія.—Обращаясь къ главнымъ источникамъ для

этнографіи 4 и 5-го вѣка, Марцеллину и Іорнанду, референтъ показалъ, что сообщаемыя у нихъ данныя по этнографіи находятъ себѣ объясненіе въ дружинномъ бытѣ, и именно въ сбродномъ, смѣшанномъ характерѣ дружины.—Готскія занятія могутъ пролить свѣтъ и на древности славянскія, а можетъ быть, и русскія. Здѣсь референтъ 1) напомнилъ о теоріи готскаго происхожденія имени Русь и объ имени Rosomanorum gens у Іорнанда; 2) указалъ на проникновеніе восточныхъ обычаевъ къ Готамъ, иллюстрируя свою мысль слѣд. мѣстомъ: *ὁ δὲ Ἀρεοβίνδος ἐβάσταζε καὶ σωκάρην κατὰ τὸ γοτθικὸν ἔτος*; 3) сослался на имя *Ὄστρος* или *Ὄστρους* (comes въ дружинѣ Аспара) и доказывалъ, что славяне вступали въ германскія дружины; наконецъ, 4) привелъ мѣсто изъ Θеофана, изъ котораго видно, что *ὁδὸς Τραϊανοῦ* (путь Трояновъ) есть реальный фактъ, и замѣтилъ, что древнія свѣдѣнія о Дунаѣ и Трояновомъ пути могли быть перенесены въ Россію дружинниками.

Рефератъ проф. Успенскаго вызвалъ живой обмѣнъ мнѣній.

М. С. Корелинъ возразилъ противъ сравненія Готовъ съ Кельтами въ судьбахъ европейской исторіи. О Готахъ нельзя сказать того же, что о Кельтахъ. Послѣдніе, дѣйствительно, не создали ни одного государства; что же до Готовъ, то ихъ государства имѣли свою исторію въ древности, а въ Испаніи Готы были главнымъ элементомъ государственнаго единства.

Д. И. Иловайскій указалъ на то, что въ сообщеніи Θ. И. Успенскаго не были помянуты факты, которые связываютъ готскій вопросъ съ русской исторіей. По вопросу о дружинѣ, Д. И. Иловайскій высказывается за однородность ея состава и возражалъ на замѣчаніе референта, будто каждый храбрый человѣкъ могъ собрать дружину и стать королемъ; аристократическое начало было гораздо сильнѣе во внутреннемъ строѣ готскаго племени, какъ и у другихъ германцевъ.

В. Г. Васильевскій соглашался во взглядѣ на дружину съ Д. И. Иловайскимъ, замѣтивъ, что дружины были не многочисленны и опредѣленной роли въ историческомъ развитіи имѣть не могли. Что касается до gens Rosomanorum, упоминаемой у Іордана, то это было, по всей вѣроятности, кавказское племя. Одинъ изъ древнѣйшихъ армянскихъ историковъ знаетъ это имя.

А. И. Соболевскій замѣтилъ по поводу собственнаго имени *Ὄστρους* слѣдующее: отъ славянскаго слова „острый“ могло образоваться собственное имя на *ышъ* или *ысь*, такъ что возможно предположить имя „Острышъ“ или „Острысь“. Къ этому соображенію Е. Θ. Карскій присоединилъ замѣчаніе, что въ славянскомъ имени такого образованія удареніе должно бы было быть на послѣднемъ слогѣ, а потому по-гречески было бы *Ὀστροῦς*. а не *Ὄστρους*.

Θ. И. Успенскій благодарилъ своихъ оппонентовъ за сдѣланныя ими замѣчанія и указалъ въ частности, что замѣчаніе М. С. Корелина о непра-

Готовъ къ Кельтамъ онъ принимаетъ во всей силѣ;

о дружинѣ признаетъ для себя не обязатель-

нымъ и считаетъ дружинный бытъ весьма важнымъ моментомъ въ изученіи готскаго вопроса. На замѣчаніе В. Г. Васильевскаго референтъ отвѣчалъ, что вопросъ о дружинѣ долженъ быть изучаемъ на основаніи Прокопія, въ сочиненіяхъ котораго заключено множество указаній относительно характера и численности дружины.

Засѣданіе І-го отдѣленія (первобытныя древности) 12 августа.

Почетный предсѣдатель В. И. Сизовъ. — Предсѣдатель В. Б. Антоновичъ. — Секретарь В. З. Завитневичъ.

1. Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ сообщеніе: „О слѣдахъ трепанаціи черепа въ доисторическую эпоху въ Россіи". Археологическія изслѣдованія, произведенныя за послѣднія 20 лѣтъ въ Зап. Европѣ, особенно во Франціи, доказали, что въ неолитическій періодъ здѣсь практиковался иногда обычай трепанаціи черепа, т. е. произведенія въ немъ (преимущественно въ теменной и височной областяхъ) болѣе или менѣе значительныхъ отверстій, обыкновенно неправильно овальной формы. Отверстія эти производились какъ при жизни субъектовъ, съ цѣлью, по всей вѣроятности (какъ можно полагать по аналогіи съ нѣкоторыми племенами, практикующими такой обычай и теперь), излѣченія отъ падучей болѣзни и другихъ формъ истеріи, часто объясняемыхъ, какъ одержаніе особымъ духомъ, который можетъ быть удаленъ изъ тѣла (головы) посредствомъ искусственнаго отверстія, могущаго служить ему для выхода,—отчасти же послѣ смерти, на мертвыхъ черепахъ, для полученія „черепныхъ амулетовъ", которымъ придавалась, повидимому, какая-то особая предохранительная сила. Трепанація, сдѣланная при жизни, если субъектъ жилъ послѣ того болѣе или менѣе продолжительное время, можетъ быть отличена отъ трепанаціи посмертной, такъ какъ въ первомъ случаѣ края представляются округленными, выказываютъ слѣды новаго костеобразованія, тогда какъ во второмъ случаѣ края являются рѣзкими и внутренняя пластинка кости, равно какъ и находящееся между ними костное вещество, остаются явственно обозначенными. Амулеты изъ мертвыхъ череповъ были носимы въ качествѣ привѣсокъ еще въ галльскую эпоху, судя по находкамъ въ нѣкоторыхъ могилахъ этого племени. У насъ въ Россіи, до послѣдняго времени, никакихъ слѣдовъ трепанаціи черепа въ доисторическую эпоху констатировано не было, поэтому референтъ нашелъ не лишнимъ сообщить о двухъ, извѣстныхъ ему, находкахъ. Одна изъ этихъ находокъ заключается въ „черепномъ амулетѣ" (привѣскѣ, со сквознымъ отверстіемъ, неправильно яйцевидной формы, сдѣланной изъ части теменной и лобной кости), найденномъ на одномъ городищѣ неолитическаго вѣка, на р. Ветлугѣ Костромской губерніи (раскопка Ф. Д. Нефедова), а другая въ черепѣ, добытомъ при раскопкахъ на „Княжей горѣ" (близъ Канева на Днѣпрѣ) Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ; на черепѣ этомъ имѣется неправильно округ-

лое отверстіе на верхней боковой части лобной кости, сдѣланное, очевидно, искусственно на мертвомъ черепѣ, и притомъ не посредствомъ удара, а помощью его вырѣзанія ножомъ, или подобнымъ ему иструментомъ. Съ опредѣленіемъ этого отверстія, какъ произведеннаго грубымъ пріемомъ трепанаціи, согласились видѣвшіе этотъ черепъ проф. Штида и докторъ Юндзиллъ. Референтъ закончилъ свое сообщеніе просьбой ко всѣмъ лицамъ, производившимъ раскопки, обращать вниманіе на подобныя измѣненія костей черепа и сохранять такіе черепа (или части) для ихъ дальнѣйшаго изслѣдованія компетентными лицамй (анатомами или хирургами).

Рефератъ вызвалъ замѣчаніе со стороны Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, замѣтившаго, что демонстрированный черепъ, судя по нѣкоторымъ условіямъ его нахожденія, относится къ велико-княжеской эпохѣ, и со стороны барона Де Бая, который также выразилъ мнѣніе, что черепъ этотъ, по всей вѣроятности, относится къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ неолитическій періодъ.

2. Е. Н. Мельникъ сдѣлала докладъ: „О мастерскихъ каменнаго вѣка въ бассейнѣ Днѣпра". Референтъ представилъ свѣдѣнія о 40 мастерскихъ, которыя распредѣлилъ на 3 большія географическія группы.—*Первая* группа западно-волынская, для характеристики типическихъ особенностей которой, референтъ ознакомилъ съ мастерскою у с. Мощаницы (Дубенскаго уѣз.). Это была мастерская полированныхъ орудій и отбивныхъ кремневыхъ, относящихся къ концу неолитическаго періода. *Вторую* группу представляютъ мастерскія по берегамъ р. Уши и Норини; это по преимуществу мастерскія, производившія кремневыя отбивныя орудія. Типъ ихъ представляетъ мастерская между селами Збранки и Патугня, подробно охарактеризованная въ рефератѣ. Особое вниманіе обращено было на орудія производства и оригинальные типы отбойниковъ. Къ той же группѣ географически примыкаетъ нѣсколько мастерскихъ, въ которыхъ изготовлялись въ большомъ количествѣ пряслицы изъ краснаго шифера. Затѣмъ референтъ, упомянувъ о мастерскихъ, разсѣянныхъ на площади Кіевской губерніи, перешелъ къ описанію *третьей* группы, расположенной, главнымъ образомъ, близъ Екатеринослава и днѣпровскихъ пороговъ. Какъ наиболѣе типичная въ этомъ районѣ, охарактеризована была мастерская у с. Волошскаго (Екатеринославскаго уѣз.), гдѣ замѣчены четыре вида производства: отбивныя орудія изъ кремня, полированныя каменныя орудія, предметы изъ кости и гончарныя издѣлія. Перечисливъ подробно предметы производства, референтъ обратилъ особое вниманіе на орудія производства, преимущественно на весьма характерные для этой группы полированные камни.

3. Графъ Де-Флери сдѣлалъ докладъ: „О Ятвяжскихъ кладбищахъ". Референтъ познакомилъ съ особымъ типомъ кладбищъ — съ перегородками, встрѣчающихся на пространствѣ между р. Наревомъ и г. Данцигомъ. Кладбище съ перегородками - это холмъ, усѣянный могилами, которыя обозначены находящимися на поверхности земли кругами и перегородками. Добытые изъ могилъ черепа мужскіе—длинноголовые, женскіе—короткоголовые,

что даетъ поводъ референту сдѣлать предположеніе о похищеніи женщинъ у народа другаго племеннаго типа. Гробницы изобилуютъ предметами: кольца, бусы, серьги славянскаго типа и другіе предметы украшеній, а также пряслицы и много желѣзныхъ предметовъ, составляющихъ военное оружіе и домашнія орудія; встрѣчаются обломки умышленно поломанныхъ бронзовыхъ чашъ; стрѣлы и цѣлые горшки вовсе не встрѣчаются; но зато попадается много черепковъ типа Бурггаль. Любопытно то, что предметы, добываемые изъ могилъ, тѣ же, какіе встрѣчаются и въ сосѣднихъ городищахъ, съ тою однако же разницею, что въ городищахъ, просуществовавшихъ рядъ вѣковъ, встрѣчаются позднѣйшія наслоенія съ предметами новѣйшаго времени, каковы, наприм., стрѣлы позднѣйшаго типа; а въ городищѣ въ Визнѣ находимы были монеты и другіе предметы среднихъ вѣковъ и даже кафли XVI вѣка и т. д. Гробницы, занимающія возвышенные пункты холма, принадлежатъ къ типу древнѣйшихъ; расположенныя еще ниже — позднѣйшія. Референтъ думаетъ, что гробницы эти принадлежатъ Ятвягамъ, что онъ старался доказать свидѣтельствомъ письменныхъ источниковъ.

4. Секретарь отдѣленія передалъ въ извлеченіи содержаніе реферата С. С. Слуцкаго: „Къ вопросу о каменныхъ бабахъ". Указавъ на то, что при изученіи каменныхъ бабъ необходимо отличать въ нихъ различные типы, С. С. Слуцкій намѣчаетъ слѣдующіе четыре типа: 1) типъ, преобладающій на югѣ Россіи, но извѣстный и въ другихъ мѣстахъ; онъ характеризуется такъ: отдѣлка со *всѣхъ* сторонъ, *помочи* на мужскихъ бабахъ, полныя статуи держатъ *обѣими руками* подъ животомъ сосудъ въ родѣ *стакана*; у мужчинъ три косы, есть усы, но бороды нѣтъ; на головѣ шапка полушаромъ; у женщинъ остроконечная широкополая шляпа, на спинѣ платокъ; встрѣчаются богатые кафтаны; щиколотки весьма тонкія, а бедра очень толстыя. Это типъ—половецкій. 2) Типъ, по преимуществу сибирскій (Алтай и Киргизская степь) и весьма рѣдкій въ Европейской Россіи; его характерныя черты: полу-рельефъ (изображеніе только спереди, а сзади и съ боковъ—плоскій камень); одна рука у груди, держитъ рогъ, другая лежитъ ниже, часто придерживая у пояса кинжалъ. 3) Полу-рельефныя плиты съ рельефнымъ изображеніемъ человѣка, который окруженъ бываетъ другими изображеніями. 4) Осетинскій христіанскій истуканъ (Матер. по Археол. Кавказа, т. III). Кромѣ этихъ основныхъ типовъ, г. Слуцкій указываетъ еще исключенія, требующія еще внимательнаго изученія.

А. Н. Толмачевъ обратилъ вниманіе членовъ Съѣзда на то, что форма каменныхъ бабъ, при которой статуямъ придано сидячее, со сложенными на колѣнахъ руками, положеніе, могла бы вызвать вопросъ: не имѣлъ ли какого либо, хотя бы самаго отдаленнаго, на происхожденіе ея вліянія Буддизмъ, такъ какъ подобное положеніе придается обыкновенно статуямъ Будды.

Въ отвѣтъ на это Н. И. Веселовскій замѣтилъ, что каменныя бабы въ Европѣ существовали въ эпоху Рубруквиса, когда вліяніе буддизма такъ далеко заходить не могло.

Э. Р. Штернъ заявилъ, что районъ распространенія каменныхъ бабъ въ направленіи къ западу значительно расширяется и доходитъ до Бамберга (въ Данцигскомъ и Кенигсбергскомъ музеяхъ), и хотя эти статуи съ мужскими эмблемами, тѣмъ не менѣе народъ называетъ ихъ „бабами". Извѣстно также изображеніе каменной бабы на золотомъ блюдѣ (въ Испаніи) готскаго происхожденія. Наконецъ извѣстно, что каменныя бабы встрѣчаются на греческихъ островахъ.

5. Предсѣдатель отдѣленія, за недостаткомъ времени, въ немногихъ словахъ передалъ содержаніе реферата проф. Пича: „Замѣтки о Чешской археологіи".

По даннымъ историческимъ, Чехію первоначально заселяли Боіи, которыхъ смѣнили Маркоманы, а съ половины VI вѣка здѣсь появляются Чехи-Славяне. По даннымъ же археологическимъ дѣло представляется въ иномъ видѣ. Первоначальными насельниками Чехіи были какіе-то долихоцефалы, преемственность связи которыхъ съ позднѣйшимъ населеніемъ этой области констатировать трудно. Затѣмъ, одновременно появляется въ Чехіи два народа. Въ сѣверной Чехіи живетъ народъ, который хоронитъ своихъ покойниковъ въ *сидячемъ* положеніи въ каменныхъ ящикахъ, подъ кучей камней, въ курганахъ подъ камнемъ, въ каменныхъ кругахъ, или просто въ землѣ. Хотя онъ жилъ въ каменномъ вѣкѣ, но уже отчасти знакомъ былъ и съ металлами; здѣсь онъ оставался приблизительно до начала христіанской эры. Въ это же время на югѣ Чехіи живетъ другой народъ, который сожигаетъ своихъ покойниковъ и остатки хоронитъ въ курганахъ, построенныхъ изъ камней и прикрытыхъ землею. Остатки сожженнаго покойника полагались обыкновенно безъ урнъ, на поверхности земли; но встрѣчаются и въ урнахъ („пепельницахъ") ниже поверхности земли. Предметы и орудія, встрѣчающіеся въ курганахъ, — по преимуществу бронзоваго вѣка. По этимъ предметамъ можно заключать, что народъ этотъ пришелъ въ Чехію съ культурою бронзоваго вѣка и оставался здѣсь до начала римской имперіи. Затѣмъ въ сѣверной Чехіи появляется новый народъ. Пришельцы отличаются и соматически, и обрядомъ погребенія; своихъ покойниковъ не садятъ, а кладутъ на спинѣ ровно. Находимые въ курганахъ предметы отличаются богатствомъ культуры бронзоваго и желѣзнаго вѣка. По нѣкоторымъ даннымъ видно, что пришельцы подчинили себѣ туземцевъ. Это—Боіи классическихъ писателей. Всѣ эти три погребальные типа находятся въ связи съ остальными западно-европейскими типами. Но съ сѣвера проникаетъ въ Чехію новый народъ, который тоже сожигаетъ своихъ покойниковъ, но остатки хоронитъ въ *пепельницахъ*. Характерныя особенности этого типа встрѣчаются только въ Силезіи, Лузаціи, Познани и Бранденбургѣ. Колонизація этого новаго типа, начиная со II вѣка, совершается сначала частично, а къ VI вѣку этотъ новый типъ уже составляетъ въ Чехіи господствующую массу; это и были Чехи-Славяне.

Засѣданіе II-го отдѣленія (древности историко-географическія и этнографифическія) 12 августа.

Почетный предсѣдатель С. Т. Голубевъ.— Предсѣдатель (за болѣзнію А. И. Павинскаго) графиня П. С. Уварова.—Секретарь М. Н. Бережковъ.

1. Депутатъ варшавскаго университета И. П. Филевичъ доложилъ рефератъ подъ заглавіемъ: „Угорская Русь и научные вопросы, съ нею связанные“. Описавъ нынѣшнія границы Угорской Руси, ея административное дѣленіе и количество народонаселенія въ ней, референтъ обратился къ вопросу о времени поселенія русскаго племени при Карпатахъ: на основаніи географической номенклатуры, въ особенности названій рѣкъ, на основаніи извѣстій начальной русской лѣтописи, а также византійскихъ и иныхъ источниковъ, авторъ, согласно съ Шафарикомъ и Надеждинымъ, предполагаетъ глубокую древность поселенія русскихъ по обѣимъ сторонамъ Карпатскихъ горъ, названіе которыхъ подобозвучно съ названіемъ „Горбаты“ и племеннымъ названіемъ „Хорваты“. Но трудно рѣшить вопросъ, какъ далеко простирались границы племени хорватовъ въ начальную пору исторической жизни русскаго племени, гдѣ была его граница съ дулѣбами, съ одной стороны, и какъ далеко она доходила на западѣ, съ другой. Относительно перваго референтъ замѣтилъ, что ближайшая къ горамъ территорія западнаго ихъ склона однородна по географическимъ названіямъ (особенно рѣкъ) съ восточной территоріей, и что, принимая во вниманіе обширность земель хорватской и дулѣбской, ихъ едва ли можно умѣстить на территоріи нынѣшняго этнографическаго распространенія русскаго племени на Карпатахъ. Относительно же западной границы референтъ обратилъ вниманіе на извѣстіе открытаго В. Кентржинскимъ новаго источника, говорящее о племени хорватовъ на Дунаѣ, въ Нижней Австріи. Это извѣстіе требуетъ дальнѣйшаго разъясненія, равно какъ и частные вопросы о гуцулахъ, лемкахъ, бойкахъ и проч. Во всякомъ случаѣ нѣкоторыя указанія даютъ основаніе значительно раздвинуть древнюю хорватскую территорію на западъ.

Въ отвѣтъ референту А. И. Соболевскій замѣтилъ, что названія рѣкъ въ Угорской и Галицкой Руси не должны быть толкуемы непремѣнно изъ русскаго языка: несомнѣнно только одно, что эти названія суть славянскія. Неправильно, на взглядъ проф. Соболевскаго, сближеніе именъ: „карпаты“, „горбаты“ и „хорваты“. Вообще, на взглядъ проф. Соболевскаго, вопросы, затронутые референтомъ, не всегда правильно поставлены имъ, не столь новы и не столь пренебрегаемы были въ наукѣ, какъ ему это представляется.

И. П. Филевичъ остался при своемъ утвержденіи, что возбужденные имъ важные вопросы по исторіи и этнографіи Угорской Руси недостаточно еще изслѣдованы и заслуживаютъ полнаго вниманія русскихъ ученыхъ.

Д. И. Иловайскій, соглашаясь съ референтомъ на счетъ важности поставленныхъ вопросовъ объ Угорской Руси, высказалъ соображеніе о племени руговъ или ругіевъ, упоминаемыхъ въ средневѣковыхъ источникахъ, указавъ, что мѣсто ихъ жительства можетъ быть пріурочено къ прикарпатской странѣ или къ подунайской области Нижней Австріи. По личнымъ наблюденіямъ того же историка самый языкъ угорскихъ руссовъ представляется ему очень близкимъ въ великорусскому, гораздо ближе къ нему, чѣмъ къ малорусскому языку. Ѳ. И. Успенскій обратилъ вниманіе на византійское извѣстіе о русскомъ племени „вардонитовъ", которые подали помощь болгарамъ въ войну ихъ съ греками, въ эпоху второго болгарскаго царства. Въ отношеніи метода г. референта Ѳ. И. Успенскій замѣтилъ, что его методъ изслѣдованія вполнѣ правильный. Н. И. Петровъ высказалъ предположеніе, не суть ли эти вардониты то же, что „бродники", и не могутъ ли они быть отнесены къ пограничнымъ жителямъ Галицкой и Угорской Руси.

2. Депутатъ Одесск. общ. ист. и древностей А. В. Лонгиновъ прочелъ рефератъ: „О родственныхъ связяхъ русскихъ князей съ угорскимъ королевскимъ домомъ". По его изслѣдованію, родственныя связи князей русскихъ съ угорскимъ королевскимъ домомъ начинаются съ Х-го вѣка, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше возрастаютъ числомъ; въ доказательство референтъ привелъ нѣсколько данныхъ о такихъ брачныхъ союзахъ,—болѣе или менѣе отчетливыхъ данныхъ—изъ русскихъ лѣтописей, равно и западноевропейскихъ источниковъ. (Подробное изслѣдованіе г. Лонгинова по сему предмету напечатано въ „Трудахъ Вилен. отдѣлен. Московск. предварит. комитета по устройству IX Археолог. Съѣзда", на стр. 313—338).

3. Проф. А. И. Соболевскій прочелъ замѣтку „О названіяхъ населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніи для исторической этнографіи". Главное положеніе его состоитъ въ томъ, что наука, пользуясь названіями населенныхъ мѣстъ для выводовъ историко-этнографическихъ, не всегда обращаетъ должное вниманіе на различіе названій по ихъ этимологическому строенію. Очень важны, конечно, названія поселеній, тожественныя съ названіемъ племенъ, въ родѣ: меря, поляки, нѣмцы; очень вѣроятно, что подъ такими названіями разумѣется населеніе, отличное отъ коренного русскаго. Важны въ томъ же смыслѣ названія съ окончаніями на *ское, ская:* чудское, мещерское и т. п. Но не имѣютъ значенія этнографическія названія на *ово*, *овка*, *ино,* напр., Мериново, Литвиново, Мещерино и проч. Такія названія произошли просто отъ именъ владѣльцевъ того или другого поселка въ позднѣйшее время.

4. Х. И. Поповъ предложилъ рефератъ о томъ: „Гдѣ находилась хозарская крѣпость Саркелъ". Припомнивъ данныя о Саркелѣ или Бѣлой Вѣжѣ на Дону, находящіяся въ начальной русской лѣтописи и у византійскихъ писателей, референтъ обратился къ разслѣдованію вопроса о мѣстности города, при чемъ свелъ и разобралъ мнѣнія ученыхъ изслѣдователей по этому вопросу. Эти мнѣнія раздѣляются: по однимъ, Саркелъ находился прибли-

зительно на переволокѣ между Дономъ и Волгой, около Качалинской станицы; по другимъ, мѣстность Саркела слѣдуетъ искать въ направленіи болѣе южномъ внизъ по Дону, именно тамъ, гдѣ нынѣ станица Цымлянская, гдѣ находятся городища съ развалинами какихъ-то древнихъ построекъ. Референтъ привелъ обстоятельныя данныя по изслѣдованію этихъ городищъ и развалинъ разными лицами и учеными обществами въ прошломъ вѣкѣ и особенно въ нынѣшнемъ; нѣсколько археологическихъ предметовъ, найденныхъ въ Цымлянскихъ городищахъ, были представлены имъ на лицо дла обозрѣнія присутствующими членами; но референтъ не рѣшается сказать опредѣлительно: суть ли Цымлянскія городища остатки древняго Саркела, или иного, неизвѣстнаго по имени, города.

Въ отвѣтъ референту Н. И. Веселовскій сообщилъ нѣсколько личныхъ наблюденій надъ Цымлянскими городищами и археологическими находками въ нихъ: до сихъ поръ, по его мнѣнію, тамъ ничего не найдено такого, что свидѣтельствовало бы собственно о хозарахъ, какъ владѣтеляхъ города; проф. Весселовскій напомнилъ также о мнѣніи В. Б. Антоновича, высказанномъ на одесскомъ археологическомъ Съѣздѣ, что Цымлянское городище — христіанское. Ѳ. И. Успенскій утверждалъ свое прежнее воззрѣніе, что Саркелъ есть крѣпость византійская, построенная византійскими инженерами отнюдь не въ пользу хозаръ, а противъ нихъ самихъ, какъ враговъ имперіи. Но Д. И. Иловайскій высказалъ рѣшительное убѣжденіе, что Саркелъ по прямому извѣстію византійскихъ источниковъ, былъ построенъ византійскими инженерами по просьбѣ хозаръ, не всегда враговъ, но часто и союзниковъ греческой имперіи; построеніе города было вызвано съ ихъ стороны стратегическими соображеніями, какъ крѣпости противъ кочевниковъ и противъ русскихъ, ходившихъ изъ Кіева въ Прикаспійскій край какъ разъ по пути къ Саркелу, который и разрушенъ былъ ими, какъ препятствіе на ихъ пути въ восточныя страны. Нѣтъ нужды дѣлать натяжку, то есть искать Саркела къ югу отъ Переволоки между Дономъ и Волгой; что же касается Цымлянскаго городища, то оно представляетъ остатки какого-то другого, пока неизвѣстнаго по имени города. Въ заключеніе Д. И. Иловайскій высказалъ, что онъ не видитъ надобности въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи на счетъ мѣстоположенія Саркела: по его убѣжденію по всѣмъ историческимъ даннымъ и соображеніямъ, хозарская крѣпость Саркелъ находилась именно въ мѣстности переволоки на Дону, тамъ, гдѣ онъ всего больше сближается въ Волгой. Пренія закончились замѣчаніемъ С. Е. Звѣрева, который обратилъ вниманіе на обстоятельное разслѣдованіе г. Веневитинова, гдѣ хорошо разъясняется путь митрополита Пимена въ предѣлахъ воронежскаго края и его извѣстіе о видѣнныхъ имъ остаткахъ города Саркела.

Засѣданіе IV-го отдѣленія (памятники языка и письма) 13 августа.

Почетный предсѣдатель В. А. Богородицкій. Предсѣдатель А. И. Соболевскій.—Секретарь Хр. П. Ящуржинскій.

1. Депутатъ Моск. Археолог. Общества, проф. М. И. Соколовъ, прочелъ рефератъ: „Славянскіе тексты апокрифической книги Еноха".

Книга Еноха пользовалась значительнымъ авторитетомъ въ древней русской литературѣ; но еще болѣе важное значеніе славянскіе тексты ея имѣютъ въ отношеніи къ вопросу объ оригиналѣ этого важнаго апокрифа, который не дошелъ до насъ, а сохранились лишь греческіе отрывочные тексты и большая эѳіопская книга, но также не полная и страдающая недостаткомъ плана. Главные выводы референта относительно славянскихъ текстовъ были слѣдующіе: полный и сравнительно исправный текстъ книги Еноха сохранился въ Бѣлградской рукописи болгарскаго письма, представляющій тотъ же переводъ, что и въ изданномъ А. Поповымъ хлудовскомъ текстѣ; но послѣдній не имѣетъ второй части, содержащей разсказъ о Меѳусаламѣ, Нирѣ, Милхиседекѣ и Ноѣ. Полный текстъ перевода былъ сокращенъ; референтъ знаетъ три списка этой второй редакціи славянскій книги Еноха: Бѣлградскій, изданный Новаковичемъ, Вѣнскій (оба сербскаго письма) и Московскій (въ собраніи Е. В. Барсова). Отрывки въ „Мѣрилѣ Праведномъ" (по рукоп. XIV в.), въ Посланіи архіеп. Геннадія (XV в.) и въ Хронографѣ взяты изъ краткой редакціи. Открытые референтомъ списки полной редакціи: бѣлградскій и краткій — Барсовскій, приготовлены имъ къ печати съ варіантами изъ прочихъ текстовъ.

А. И. Соболевскій по поводу прочтеннаго реферата заявилъ, что онъ наводилъ справку у свѣдущихъ лицъ относительно тѣхъ еврейскихъ словъ, которыя встрѣчаются въ книгѣ Еноха Оказывается, что это дѣйствительно еврейскія слова. Быть можетъ, этотъ апокрифъ побывалъ въ рукахъ нашихъ жидовствующихъ.

М. И. Соколовъ возразилъ, что архіеп. Геннадій не упоминаетъ о томъ, что книга Еноха была въ рукахъ жидовствующихъ.

2. Проф. Е. Ѳ. Карскій прочелъ рефератъ: „Что такое древнее западнорусское нарѣчіе?"

Сущность реферата заключается въ слѣдующемъ.—Старое западнорусское нарѣчіе имѣетъ особыя, характерныя черты, которыя выдѣляютъ его, какъ самостоятельный организмъ; таковы: полугласное *у*, твердое *р*, группа *жч*, аканье, проточный *г* = *h*, переходное смягченіе гортанныхъ, слоги *ый* и *ій* при теперешнихъ великорусскихъ *ой* и *ей*, удвоеніе согласнаго звука передъ *j*, дзеканье. Эти черты не случайны, а совпадаютъ съ особенностями бѣлорусскаго нарѣчія, легшаго въ основу западно-русскаго языка. Особенности бѣлорусскаго нарѣчія по своей древности почти не уступаютъ другимъ на-

рѣчіямъ; въ общемъ же онѣ не моложе XV в. Въ XIV-XV ст. западно-русское нарѣчіе было чище, нежели въ XVI—XVII вѣкахъ, когда оно приняло въ себя массу полонизмовъ и другихъ чуждыхъ наростовъ. Однако и въ эту послѣднюю эпоху посторонніе стихіи не сдѣлали западно-русскаго нарѣчія до такой степени искусственнымъ, чтобы лишить его всякой индивидуальности. Полонизмы принадлежатъ болѣе лексической сторонѣ и только отчасти звукамъ и формамъ. Въ этомъ отношеніи книжное западно-русское нарѣчіе отличается отъ общерусскаго литературнаго языка того времени, въ которомъ сильно сказывается церковно-славянское вліяніе не только въ лексическомъ отношеніи, но также въ звукахъ и формахъ. Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ изученіе стараго западно-русскаго нарѣчія такъ же интересно для исторіи русскаго языка, какъ и восточно-русскаго литературнаго языка того времени.

По прочтеніи реферата Н. И. Петровъ заявилъ, что онъ настоящимъ лѣтомъ видѣлъ въ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры Толковый Апостолъ, писанный на бѣлорусскомъ нарѣчіи въ Витебскѣ дьякомъ Симеономъ въ 6000 году отъ сотв. міра. Эта дата приводитъ въ недоумѣніе. Переписчикъ или опустилъ сотни, десятки и единицы, или поставилъ *зѣло* вмѣсто *земля*, т. е. надо читать въ семитысячномъ году (въ 1492 г).

А. И. Соболевскій замѣтилъ. что полонизмы являются въ западно-русскомъ нарѣчіи очень рано, съ XIV в., и что это происходило оттого, что въ канцеляріи литовскихъ великихъ князей были нерѣдко чиновники поляки и нѣсколько ополячившіеся русскіе. Галицкіе и западно-русскіе документы имѣютъ формулы, заимствованныя изъ чешскихъ документовъ.

3. А. Е. Прѣсняковъ прочелъ рефератъ: „Московскіе лѣтописные своды".

Указавъ на необходимость пересмотра, и переизданія московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, референтъ доказывалъ, что представленіе о Воскресенскомъ и Никоновскомъ сводахъ, какъ отдѣльныхъ произведеніяхъ, было бы неточно. Это скорѣе двѣ редакціи одного историческаго труда: первая, болѣе простая по стилю, и вторая, принаровленная къ литературнымъ вкусамъ московской эпохи. Львовская лѣтопись, въ рукописи неизвѣстная, также только списокъ съ того-же лѣтописнаго свода. По мнѣнію референта, можно съ достаточнымъ основаніемъ настаивать на единствѣ оффиціознаго московскаго лѣтописнаго свода, разсматривая отдѣльныхъ лѣтописцевъ, какъ его списки. Составленіе этого свода предшествовало составленію Макарьевской Степенной книги. Наиболѣе полный списокъ—лицевой, который будучи разрозненъ по частямъ, хранится въ Московскихъ и Петербургскихъ книгохранилищахъ. Эти части: списки Голицынскій, Лаптевскій, Шумиловскій, Древній лѣтописецъ и синодальный. Текстъ утраченныхъ листовъ можетъ быть возстановленъ по копіямъ съ лицевого свода, т. е. александро-невской лѣтописи и рукописи, принадлежащей д-ру А. Н. Лебедеву. Съ помощью этихъ рукописей можно возстановить непрерывный текстъ московскаго лѣтописнаго свода до 1567 г. Существуютъ указанія на то, что разсказъ шелъ

дальше, но текстъ утраченъ. Цѣлью реферата было указать на затрудненія, возникающія при пользованіи лицевыми списками для возстановленія московскаго лѣтописнаго свода; затрудненія, происходящія отъ того, что нѣкоторые изъ нихъ: шумиловскій, а особенно — никоновскій съ рисунками и его двойникъ „Царственная книга", носятъ слѣды позднѣйшей переработки. Для оцѣнки этого факта необходима твердо установленная датировка лицевыхъ рукописей. Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ вызвалъ разногласіе среди палеографовъ. Референтъ закончилъ пожеланіемъ, чтобы спеціалисты художественной археологіи обратили вниманіе на цѣнные рисунки лицевыхъ лѣтописей и изученіемъ ихъ оказали весьма существенную услугу какъ исторіи нашего стараго искусства, такъ и исторіи лѣтописнаго дѣла въ Московскую эпоху.

4. Проф. П. В. Владиміровъ прочелъ рефератъ: „Два памятника русской литературы XVI вѣка".

Референтъ заявивъ, что замѣчательное „Слово о лѣнивомъ и о сонливомъ", извѣстное въ нѣсколькихъ редакціяхъ XVI — XVII вв., особенно любопытно по древнѣйшей редакціи XVI в. Оно находится въ сборникѣ Ундольскаго (Московск. Публ. и Румянцевск. Музеи) и представляетъ такія интересныя подробности, какъ упоминаніе о „злыдняхъ", о „христіанахъ чернокунцахъ", „дворныхъ людяхъ", „боярахъ" и проч. Слово это замѣчательно и по литературной формѣ. Референтъ высказалъ предположеніе, что Слово это появилось въ предѣлахъ Московской Руси и представляетъ передѣлку назидательнаго Слова о лѣнивыхъ изъ „Измарагда". Въ XVII в. это же Слово было переложено въ стихи, но уже и въ XVI в. оно излагается риѳмами и складными поговорочными выраженіями. Слово XVI в. замѣчательно, какъ образчикъ того реализма въ изображеніи отрицательныхъ сторонъ древнерусской жизни, какой мы находимъ и въ Домостроѣ, а также и въ нѣкоторыхъ русскихъ повѣстяхъ XVII в.

Другой памятникъ русской письменности XVI в. относится къ области трудовъ извѣстнаго виленскаго первопечатника, доктора Франциска Скорины, переводчика и издателя Библіи. Это Западно-Русскій Апостолъ 1500 году, принадлежащій московскому купцу И. Л. Силину. Референтъ указалъ на позднѣйшее (подложное) происхожденіе записи при этомъ Апостолѣ и на непосредственное отношеніе его къ печатному Виленскому Апостолу Скорины 1525 года.

Засѣданіе V-го отдѣленія (церковныя древности) 13 августа.

Почетный предсѣдатель протоіерей І. А. Котовичъ. Предсѣдатель Н. И. Петровъ.— Секретарь Н. И. Троицкій.

1. В. Г. Васильевскій сдѣлалъ сообщеніе: „Когда жилъ Романъ Сладкопѣвецъ?"

Романъ Сладкопѣвецъ—авторъ особыхъ пѣснопѣній, называемыхъ конда-

ками, которыя отчасти сохранились до сихъ поръ и употребляются въ православной церкви. Ему принадлежитъ рождественскій кондакъ „Дѣва днесь пресущественнаго рождаетъ“ и умилительныя строфы, которыя поются въ началѣ поста: „Душе моя, душе моя, возстани“ и т. д. Въ подлинникѣ на греческомъ языкѣ эти гимны имѣли особый стихотворный размѣръ, называемый тоническимъ и основанный на количествѣ слоговъ и удареніи, въ отличіе отъ метрическаго, который господствовалъ первоначально и въ христіанской гимнографіи, унаслѣдованъ отъ классической поэзіи и былъ основанъ на количествѣ слоговъ. Именно, Романъ Сладкопѣвецъ былъ тѣмъ церковнымъ поэтомъ, который, если не былъ изобрѣтателемъ, то доставилъ торжество новой формѣ стихосложенія. Законы этого стихосложенія впервые открыты были знаменитымъ кардиналомъ Питрою (Pitra), при помощи рукописей московской синодальной библіотеки и одного древняго сборника, которымъ онъ получилъ возможность пользоваться въ С.-Петербургѣ (кард. Питра былъ отправленъ папою на коронацію въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II). Съ тѣхъ поръ ученые нѣмецкіе, французскіе и англійскіе стали весьма усердно заниматься вопросомъ о происхожденіи и складѣ греческой церковной пѣсни. При этомъ имя Романа получило большую славу и въ западной наукѣ. Православная церковь всегда высоко почитала его поэтическое одушевленіе и причислила его къ лику святыхъ. Въ настоящее время извѣстный нѣмецкій византіистъ Крумбахеръ, авторъ недавно появившейся исторіи Византійской литературы, готовящій полное изданіе гимновъ Романа по рукописямъ острова Патмоса, болѣе полнымъ, чѣмъ тотъ сборникъ, которымъ прежде пользовался Питра, и который послѣ былъ палеографически изданъ архимандритомъ (впослѣдствіи епископомъ) Амфилохіемъ, - выражается о Романѣ такъ: „по поэтическому дарованію, жару, одушевленію, глубинѣ чувства и возвышенности языка онъ превосходитъ всѣхъ другихъ греческихъ пѣснопѣвцевъ. Исторія литературы въ будущемъ будетъ прославлять его, какъ величайшаго церковнаго поэта всѣхъ временъ“.

До сихъ поръ не рѣшеннымъ остается вопросъ о времени, когда жилъ Романъ. Мы имѣемъ только краткое сказаніе объ его жизни – въ формѣ синаксаря. Отсюда видно, что онъ былъ родомъ изъ Сиріи, былъ діакономъ въ Бейрутѣ, прибылъ въ Константинополь при *императорѣ Анастасіи*, поступилъ въ клиръ церкви Богоматери; съ начала онъ ничѣмъ не выдавался, напротивъ, подвергался насмѣшкамъ и былъ въ пренебреженіи у товарищей; но однажды послѣ горячей молитвы онъ увидѣлъ во снѣ Богородицу, которая вручила ему *свитокъ* и велѣла проглотить его, проснувшись онъ почувствовалъ въ себѣ вдохновеніе; когда дошла до него очередь пѣть, онъ вышелъ и пропѣлъ вмѣсто прежней обычной пѣсни новую, именно „Дѣва днесь“, такъ какъ это былъ праздникъ Рождества.—Вопросъ въ томъ—какого нужно разумѣть Анастасія?

Было два Анастасія—одинъ ранѣе Юстина и Юстиніана отъ 491 по 518, другой незадолго до начала иконоборства, 713–716. Русскіе ученые, съ

преосв. Филаретомъ во главѣ, безъ дальнихъ разсужденій принимали Анастасія перваго; за Анастасія перваго стоялъ и Питра, хотя не безъ колебаній; другіе склонялись въ сторону позднѣйшей даты. Казалось неестественнымъ, чтобы тотъ родъ поэтическаго творчества, котораго лучшимъ и наиболѣе высокимъ представителемъ является Романъ, такъ рано и такъ внезапно достигъ самой совершенной формы. Съ этой точки зрѣнія удобнѣе было ставить Романа ближе къ эпохѣ иконоборства, послѣ патріарха Сергія, автора знаменитаго Акаѳиста Богоматери (составленнаго около 622 года) и другихъ представителей того-же рода произведеній. Референтъ сообщилъ нѣсколько соображеній, высказанныхъ преимущественно французомъ Bouvy (Буви), авторомъ книги: Poétes et mélodies, 1883, нѣмцевъ Якоби (Jakobi, zur Geschichte des griechischen Kirchenliedes) англичаниномъ Стифенсономъ, библіотекаремъ Ватиканской библіотеки,—въ пользу позднѣйшей даты, и показалъ слабость основаній, на которыхъ покоится аргументація этихъ ученыхъ. Впрочемъ, положеніе вопроса хорошо изложено у Крумбахера, который болѣе склоняется на сторону Анастасія I.

Референтъ полагаетъ, что ему удалось найдти прямое и положительное свидѣтельство, рѣшающее вопросъ. Оно находится въ подробномъ сказаніи о чудесахъ св. Артемія, которое доселѣ не издано въ греческомъ подлинникѣ, но недавно напечатано Археографическою коммиссіею въ Макарьевскихъ Минеяхъ за *Октябрь*. Подробное сказаніе о чудесахъ при храмѣ Артемія въ Константинополѣ, весьма интересное по многимъ чертамъ быта и по даннымъ для топографіи Царьграда, носитъ явные признаки времени своего происхожденія. Оно написано было ранѣе иконоборства, но послѣ Маврикія и Ираклія. Объ одномъ изъ чудесъ прямо сказано, что оно совершилось въ такой-то годъ правленія Константина Погоната, годъ, соотвѣтствующій 685 году. Восемнадцатое чудо (всѣхъ 34) посвящено любопытной повѣсти объ одномъ юношѣ, который особенно почиталъ Іоанна Предтечу: „нѣкто пребывая во всенощномъ пѣніи предтеча отъ млада возраста, поя стихи иже во святыхъ мудраго Романа“ и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что въ концѣ VII вѣка Романъ уже считался святымъ (ибо авторъ сказанія писалъ въ это время) и что въ царствованіе Ираклія, къ которому прямо отнесено событіе, его произведенія хорошо были извѣстны. Такъ какъ правленіе Ираклія относится къ началу VII вѣка, то, очевидно, Романа нужно относить ко времени Анастасія I. Слѣдуетъ прибавить, что въ изданіи Амфилохія можно отыскать и самые кондаки Романа въ честь Предтечи.

По поводу реферата В. Г. Васильевскаго Н. И. Троицкій замѣтилъ, что слѣдуетъ обратить вниманіе на отношеніе языка и размѣра пѣснопѣній Романа Сладкопѣвца къ греческому переводу библейскихъ пѣсней, съ текстомъ которыхъ они имѣютъ очевидное сходство (пѣснь Анны, матери Самуила и др.), дабы объяснить такое выдающееся явленіе, которое представляетъ поэзія гимновъ Романа Сладкопѣвца, не имѣвшаго себѣ предшественниковъ въ ритмическомъ построеніи гимновъ.

2. Н. И. Петровъ представилъ докладъ: „О Купятицкой иконѣ Богородицы въ связи съ древними энколпіонами".

Референтъ сперва изложилъ сказаніе о явленіи иконы въ с. Купятичахъ Минской губ., а потомъ разсматривалъ ее, какъ предметъ церковно-археологическій въ сравненіи съ древними энколпіонами, къ числу коихъ она принадлежитъ. Икона явилась въ глубокой древности и помѣщена была въ церкви, построенной на мѣстѣ ея явленія. Церковь была сожжена во время одного изъ татарскихъ набѣговъ въ XIII вѣкѣ, затѣмъ возобновлена въ началѣ XVI вѣка, а въ началѣ XVII вѣка устроенъ при церкви православный монастырь, обращенный въ половинѣ XVII в. въ уніатскій. Оставшіеся въ православіи монахи удалились въ Кіевъ и принесли съ собою Купятицкую икону, гдѣ она и находится нынѣ, именно въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Икона эта есть не что иное, какъ одинъ изъ древнихъ энколпіоновъ, относящихся къ до-татарской эпохѣ русской исторіи и находимыхъ въ большомъ количествѣ въ предѣлахъ Кіевской Руси. Различны сюжеты и типы этихъ энколпіоновъ. Можетъ, быть, они воспроизводятъ собою Кіевскія святыни, какъ напр. „Нерушимую стѣну", Благовѣщеніе мозаическое въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, Пирогощскую икону Богородицы и пр., вслѣдствіе географической и политической близости южной части этого края съ Кіевомъ въ дотатарскую эпоху. Типъ Купятицкой иконы Богородицы есть типъ Одигитріи.

По поводу реферата Н. И. Петрова сдѣлалъ дополненіе Н. И. Троицкій: 1) о томъ, что въ вопросѣ объ энколпіонахъ нужно имѣть въ виду не одинъ ихъ типъ—складной крестъ, но и другіе, какъ-то: панагіаріи и проч.; тогда не будетъ никакого затрудненія указать отличіе энколпіоновъ византійскихъ отъ русскихъ; 2) относительно распространенія энколпіоновъ изъ Византіи и Кіева въ сѣверо-восточную Русь чрезъ города Черниговскаго княжества.

3. М. Н. Бережковъ представилъ докладъ: „Елена Ивановна, великая княгиня литовская и королева польская".

Историческія отношенія двухъ великихъ славянскихъ государствъ восточной Европы, т. е. Московскаго и Польскаго, соединеннаго съ Литовскимъ западно русскимъ государствомъ, принято характеризовать, какъ отношенія тяжбы. То дѣйствительно была тяжба, длинная и упорная, производившаяся разными способами и силами, какъ въ военное время, такъ и въ мирное, не политическая только, но и культурная борьба во всемъ широкомъ значеніи слова.

Въ исторіи этой борьбы, исполненной высокаго внутренняго смысла, интересно слѣдить не только за политическими отношеніями обоихъ государствъ,—за крупною такъ сказать политикой; очень интересно также слѣдить за дѣятельностью единичныхъ лицъ, какъ они исполняютъ задачу своей дѣятельности, при данныхъ для нихъ условіяхъ, сообразно ихъ понятіямъ и ихъ силамъ, въ духѣ общихъ стремленій вѣка. Съ этой точки зрѣнія біографія, напримѣръ, великой княгини литовской и королевы польской Елены Ивановны была бы весьма интересна; она можетъ быть составлена доста-

точно полною, такъ какъ матеріаловъ для нея имѣется достаточное количество. Референтъ имѣетъ въ виду представить опытъ этой біографіи для будущихъ „Трудовъ Виленскаго Археологическаго Съѣзда", а пока представляетъ только краткую поминку объ Еленѣ Ивановнѣ, этой личности замѣчательной и дорогой для русскихъ памяти. Назадъ тому почти четыре вѣка она въѣзжала въ Вильну невѣстой великаго князя литовскаго Александра Казиміровича, неся наилучшія надежды и свои лично, и всѣхъ русскихъ людей обѣихъ половинъ Руси; здѣсь въ Вильнѣ, въ западной Россіи, она прожила 18 лѣтъ и здѣсь же послѣ трудовой жизни и дѣятельности, плодотворной для православія, упокоилась вѣчнымъ сномъ. Вполнѣ умѣстно вспомнить о ней на историческомъ и археологическомъ съѣздѣ въ городѣ Вильнѣ.

Дочь Іоанна III Васильевича, великаго князя всея Руси, и Софіи Ѳоминичны Палеологъ, Елена Ивановна родилась въ 1474 году; она была первымъ плодомъ супружества Іоанна съ Софіей. Съ 1492 года, когда на литовскій престолъ вступилъ Александръ Казиміровичъ и когда вмѣстѣ открылась война между нимъ и московскимъ государемъ, начались во время самой войны переговоры о бракѣ между великимъ княземъ литовскимъ и московскою великою княжной. Переговоры продолжались особенно успѣшно послѣ заключенія мира: въ началѣ 1494 года послѣдовало обрученіе Елены Ивановны съ Александромъ Казиміровичемъ. Самый существенный вопросъ въ предстоявшемъ брачномъ союзѣ былъ вѣроисповѣдный: великій князь Александръ Казиміровичъ (иначе „Андреевичъ" по русскимъ лѣтописямъ) былъ вѣроисповѣданія римско-католическаго; его супруга должна оставаться въ православномъ греческомъ вѣроисповѣданіи. На этомъ существенномъ условіи Іоаннъ III настаивалъ рѣшительно; онъ потребовалъ формальной записи отъ Александра, что тотъ никоимъ образомъ не будетъ принуждать своей супруги къ римскому закону. Когда требуемая запись была дана, то вопросъ о бракѣ былъ рѣшенъ окончательно. Въ началѣ 1495 года литовское посольство пріѣхало въ Москву за великою княжной; она отправилась въ Вильну, сопровождаемая московскимъ посольствомъ и значительною свитой изъ бояръ съ боярынями, изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, кои имѣли составить ея временный дворъ въ Вильнѣ. 15 февраля 1495 года она прибыла въ столицу литовскую и въ тотъ же день была обвѣнчана въ католической церкви св. Станислава виленскимъ бискупомъ, при чемъ православный священникъ изъ Москвы одновременно читалъ православныя молитвы надъ вѣнчаемою, а бояре и боярыни исполнили обычные русскіе обряды: новобрачная, наряженная въ кику, была осыпана хмѣлемъ; была разбита и скляница съ виномъ. Подробности о путешествіи вел. княжны въ Вильну и объ ея вѣнчаніи читаемъ въ отчетѣ пословъ московскихъ, отправленномъ тогда же къ великому князю Іоанну. Этотъ отчетъ, равно какъ извѣстія о сватовствѣ и о всей послѣдующей жизни Елены Ивановны въ Литвѣ, и ея переписка съ родителями находятся въ посольской книгѣ времени Іоанна III Васильевича

и его преемника Василія III Іоанновича. Она — главный источникъ для біографіи Елены Ивановны (Сборникъ И. Русск. Историч. Общ., томъ XXXV).

Изъ соображенія различныхъ данныхъ выходитъ, что молодые супруги жили согласно: в. кн. Александръ Казиміровичъ, вскорѣ ставшій королемъ польскимъ, любилъ и почиталъ свою супругу. Конечно, онъ желалъ отъ супруги единенія въ вѣрѣ; но не видать, чтобы онъ когда нибудь принуждалъ ее къ перемѣнѣ вѣроисповѣданія, какъ ни желали того въ Польшѣ и при папскомъ дворѣ. Онъ умѣлъ отстоять себя и свою супругу, не допустилъ до расторженія брака, какъ о томъ было заговаривали въ Римѣ. Съ своей стороны Елена Ивановна, не жертвуя для брака свободою религіозной совѣсти, употребляла всѣ старанія къ тому, чтобы поддерживать миръ между государями, отцомъ и супругомъ. Она была добрымъ, умѣлымъ посредникомъ между ними. Она имѣла много ума и характера, много вѣрнаго такта, чтобы съ достоинствомъ держаться въ новой средѣ. Правда, родители упрекали ее иногда за слишкомъ большую сдержанность, напримѣръ, за то, что она не увѣдомила ихъ о томъ, какъ бискупы виленскій и смоленскій, да бернардинскіе монахи приходили къ ней съ убѣжденіями быть послушной римскому престолу; но это обстоятельство не бросаетъ на нее никакой тѣни. Елена Ивановна оставалась твердою въ вѣрѣ отцовъ и въ отеческихъ обычаяхъ; не увѣдомила же она родителей о сказанномъ обстоятельствѣ, вѣроятно, потому, что не видѣла въ томъ никакой надобности, никакой пользы. Въ другихъ случаяхъ она исполняла, сколько могла, порученія своихъ родителей, дѣйствуя съ благоразумной осторожностью. Затруднительно стало положеніе ея въ войну Александра съ Іоанномъ. Въ эту войну она писала отцу трогательное письмо, умоляя помириться съ ея супругомъ, унять кровопролитіе. Іоаннъ Васильевичъ мало обратилъ вниманія на письмо дочери и продолжалъ войну; но исторія, отдавая честь его настойчивости и всей его политической дѣятельности, не можетъ не оцѣнить также поступка его дочери, поднявшей свой голосъ въ пользу мира и любви межъ государями.

Вскорѣ по заключеніи перемирія, въ 1503 году, Елена Ивановна понесла много утратъ. Въ этомъ году скончалась ея мать; черезъ два года скончался отецъ, а еще черезъ годъ и супругъ ея. Королева, осиротѣвшая и овдовѣвшая, очутилась въ положеніи трудномъ. Правда, положеніе вдовствующей королевы не было лишено почета: она имѣла большія земельныя владѣнія, много богатства, слугъ; отъ деверя Сигизмунда Казиміровича она получила еще новыя владѣнія; ей было также предоставлено право патроната относительно православнаго Троицкаго монастыря въ Вильнѣ; она дѣлала вклады въ разные церкви и монастыри, покровительствовала православнымъ русскимъ жителямъ; при всемъ томъ однако Елена Ивановна чувствовала себя затруднительнѣе прежняго. Къ ней относились холодно; на ея богатства смотрѣли завистливо. Въ 1512 году было сдѣлано покушеніе на ея свободу: ей не дозволили поѣхать въ свой городъ Бряславль, насильно задержали ее въ Вильнѣ, потомъ перевели въ Троки и Бирштаны. Вскорѣ она при-

была все-таки и въ Бряславль, куда желала пріѣхать, но жила здѣсь не долго: 24 января она неожиданно скончалась. Пошли слухи о насильственной смерти ея. Въ Москвѣ, въ 1517 году, литовскимъ посламъ и цезарскому послу Герберштейну открыто говорили, что Елена Ивановна умерла отъ злыхъ людей, называли по имени людей виновныхъ и обстоятельства. Но дѣло остается доселѣ темнымъ: трудно доказать и отрицать обвиненіе. Погребена Елена Ивановна въ Пречистенскомъ храмѣ, въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ она впервые молилась, вступая въ Вильну. Надгробная металлическая доска съ гербами королевы и надписью не уцѣлѣла; въ 1810 году эта доска попала въ невѣжественныя руки и перелита была, говорятъ, на домашнюю посуду. Но сохранился въ Вильнѣ одинъ памятникъ благочестивой королевы, — икона пресвятой Богородицы — Одигитріи, находящаяся нынѣ въ иконостасѣ Троицкаго монастыря. Судя по значительнымъ размѣрамъ, икона эта была предназначена именно для домовой церкви Елены Ивановны, построенія которой безуспѣшно домогался великій князь Іоаннъ Васильевичъ у своего зятя, Александра Казиміровича.

По поводу реферата М. Н. Бережкова сдѣлали замѣчанія В. З. Завитневичъ и Н. И. Троицкій въ томъ смыслѣ, что референтъ не воспользовался нѣкоторыми печатными актами и статьями. Референтъ отвѣчалъ, что его задачей было предложить краткую историческую поминку на основаніи главнаго источника, т. е. дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-литовскимъ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка; что въ печатной статьѣ пробѣлы будутъ восполнены и тѣми актами, на которые указывалъ проф. Завитневичъ и которые референту пока извѣстны только по указаніямъ и ссылкамъ на нихъ.

Общее собраніе 13 августа.

Почетный предсѣдатель Е. В. Пѣтуховъ.—Предсѣдатель графиня П. С. Уварова.—Секретарь М. И. Соколовъ.

1. Священникъ Л. Паевскій сдѣлалъ очеркъ исторіи города Бреста на основаніи, главнымъ образомъ, рукописной визитаціонной книги брестской каѳедры 1759 года, при чемъ объяснялъ старинный планъ города Бреста.

2. П. И. Тиховскій прочелъ рефератъ: „Паденіе народной пѣсни“.

Референтъ высказалъ мнѣніе, что пѣсня падаетъ качественно, но не умираетъ. Вымираетъ пѣсня историческая, что естественно. Пѣсня обрядовая держится пока только силою народнаго консерватизма. Но пѣсня бытовая нѣсколько въ иномъ положеніи.

Бытовая пѣсня вытѣсняется новой, такъ наз. фабрично-заводской. Она падаетъ въ своемъ содержаніи. Съ другой стороны, крестьянинъ отрывается отъ преданія грамотностью, всеобщей воинской повинностью и т. п. и за-

бываетъ пѣсню. Въ пѣсняхъ видимъ путаницу, находимъ только обрывки ихъ. Въ образованномъ классѣ знаютъ одни начальные куплеты и поютъ ихъ лишь изъ-за мотива. Пѣсня теряетъ свою цѣльность. Бытовая пѣсня падаетъ потому, что разрушился самый патріархальный быть подъ такимъ или инымъ вліяніемъ культуры. Но у той же культуры есть такія средства какъ народная книга. Давно пора издавать научно обработанные пѣсенники (съ голосомъ, нотами передъ каждой пѣсней въ самомъ текстѣ).

Сила пѣсни въ томъ, что она выражаетъ душевное состояніе пѣвца. Пѣсня пѣлась ради словъ и мотива вмѣстѣ, вся, до полнаго раскрытія сюжета. Въ образованномъ классѣ любимыя стихи тоже становятся романсами. Остаться въ устахъ народа можетъ лишь та пѣсня, содержаніе которой онъ и нынѣ переживаетъ. Только она и должна входить въ пѣсенники. Поддержать въ народѣ можно многое изъ пѣсни лирической. Народная пѣсня очень жизненна (переработка формъ: дума въ семейную пѣсню). Дать полезные пѣсенники можетъ только этнографъ, вникнувшій въ то, почему именно поетъ пѣвецъ данную пѣсню, какъ онъ ее понимаетъ. Въ пѣсенникѣ пѣсня для грамотнаго станетъ какъ бы фактомъ искусственной литературы. Пѣсенники могутъ поддержать въ указанныхъ предѣлахъ, пѣсню въ устахъ народа и предохранить ее отъ путаницы. Вліяніе народной книги несомнѣнно. Въ народной пѣснѣ (особенно малорусской) много искусственныхъ произведеній. Чрезвычайно важна помощь книгѣ со стороны школы и пѣвческихъ обществъ (С. Миропольскій).

Гораздо труднѣе борьба съ пѣсней фабричной. Каковъ бытъ, такова и пѣсня. Народъ самъ слагаетъ сатирическія пародіи на „питерскія“ пѣсни. При всеобщей грамотности, народный пѣсенникъ еще болѣе показалъ бы ему безобразность этихъ пѣсенъ. Есть даже мнѣніе, что у насъ выработается новая пѣсня съ размѣромъ литературнаго стиха (Львовъ. Новое время – новыя пѣсни. Устюгъ). Въ теперешнемъ кризисѣ народной жизни повторяется, говорятъ, кризисъ эпохи Петровскихъ реформъ. Въ пѣсенники можно, пожалуй помѣщать искусственныя произведенія, но въ видѣ отдѣла „стиховъ“. Въ народныхъ пѣсенникахъ должны помѣщаться пѣсни великорусскія, малорусскія и бѣлорусскія въ подлинномъ видѣ; народъ усвояетъ даже болгарскую „Шуми Марица“. Желательны также особые сборники пѣсенъ, отжившихъ свой вѣкъ, историческихъ, обрядовыхъ бытовыхъ, для цѣлей воспитательныхъ.

Если дѣло будетъ идти и впредь такъ, какъ нынѣ, то нашъ народъ разучиться пѣть. Этнографамъ надо спѣшить организовать дѣло, записывать народную пѣсню.

А. И. Соболевскій замѣтилъ, что историческая пѣсня всегда живетъ недолго, лѣтъ сто, уступая мѣсто новой. Варіанты той же пѣсни лирической встрѣчаемъ въ старыхъ сборникахъ Прача, Сахарова и въ новѣйшихъ записяхъ. Новые варіанты бываютъ хуже, но бываютъ и лучше. Въ современной пѣснѣ является риѳма, чего не было въ старой. Пошлыя пѣсни

представляютъ временное наслоеніе. Основная народная старая пѣсня переживаетъ ихъ. Думать, что она падаетъ, нѣтъ основанія. Народные пѣсенники, какъ и христоматіи стиховъ, могутъ имѣть самое незначительное вліяніе. Скорѣе можетъ повліять школа и пѣвческія общества.

М. И. Соколовъ указалъ, что напрасно всю вину взваливаютъ на фабрики и заводы. Большинство отхожаго деревенскаго люда живетъ въ столицахъ на службѣ, при лавкахъ и проч. Пошлая пѣсня идетъ изъ увеселительныхъ заведеній, часто бываетъ такъ наз. цыганской. Это тѣ же шансонетки, только болѣе низкаго разбора. Народъ откровеннѣе поетъ ихъ, чѣмъ люди образованные. Питерщики и москвичи только перенимаютъ ихъ. Въ деревнѣ онѣ распространяются очень быстро, потому что пріѣзжій изъ столицы — лицо очень интересное, завидный женихъ и т. п. Въ Ярославской губерніи вездѣ носятъ модное платьѣ. Описаніе его въ пѣснѣ: „Какъ подъ деревомъ такимъ красна дѣвица сидитъ"... такъ же обстоятельно, какъ былинное изображеніе стараго наряда. Это говоритъ о силѣ народнаго поэтическаго таланта. Народъ вовсе не усвояетъ той грязи какую поетъ въ заносныхъ пѣсняхъ полусознательно. Онѣ скоро выходятъ изъ моды и народъ возвращается къ старой пѣснѣ.

П. И. Тиховскій заявилъ, что мнѣнія эти очень оптимистичны и тѣмъ опасны. Новыя условія жизни, грамотность и пр. сильнѣе измѣняютъ народный бытъ, чѣмъ опустошительныя войны прошлаго. Недорогой народный пѣсенникъ будетъ руководствомъ для народнаго учителя и другихъ. Пѣсня изъ книги проникнетъ въ народъ. Референтъ указалъ нѣкоторыя искусственныя малороссійскія пѣсни („Кармелюкъ" и др.), сослался на пѣсню „Проснется день"—отрывокъ прощальной пѣсни Чайльдъ-Гарольда въ переводѣ И. Козлова. Фабрично-заводская—точнѣе, городская пѣсня — является уже самостоятельнымъ видомъ народной пѣсни.

А. И. Соболевскій замѣтилъ, что въ старые печатные пѣсенники пѣсни попадали отъ хоровъ, напр. цыганскихъ, гдѣ и явились выраженія: „милашка", „миленокъ" и проч., Обратившись къ М. И. Соколову, какъ къ эксперту, онъ предложилъ ему вопросъ: успѣшно ли проникаютъ въ народъ стихотворенія нашихъ поэтовъ (Кольцова и др.), а также не является ли заносная городская пѣсня явленіемъ очень эфемернымъ?

М. И. Соколовъ пояснилъ, что въ Ярославской губ. Некрасовское „Хорошо было дѣтинушкѣ" стало пѣсней, но его занесли семинаристы. Модныя новѣйшія пѣсни мѣняются ежегодно. Изданіе народныхъ пѣсенниковъ желательно. Они не поддержатъ народнаго творчества, но могутъ сохранять пѣсни.

Ц. Я. Спрогисъ выразилъ свое убѣжденіе, что народная пѣсня, созданная вѣками и отличающаяся такими достоинствами, не можетъ исчезнуть. У латышей, съ ихъ народнымъ пробужденіемъ, возродилась и пѣсня, и теперь проявляютъ самую живую дѣятельность пѣвческія общества.

3. Депутатъ Казанскаго университета Б. А. Богородицкій доложилъ: „Къ вопросу о смѣшанныхъ языкахъ".

При соприкосновеніи языковъ получаются два явленія: 1) заимствованныя слова и 2) смѣшанныя нарѣчія.

Русскій лингвистъ находится въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для изученія смѣшанныхъ нарѣчій. Уже съ перваго взгляда на этнографическую карту Россіи видно, съ какимъ разнообразіемъ народностей соприкасается русское населеніе. Что касается *процесса* образованія смѣшанныхъ нарѣчій, то таковой можно наблюдать въ случаяхъ изученія чужаго языка. При этомъ представляются два наиболѣе характерные типа ошибочныхъ выраженій: 1) ошибочныя образованія по аналогіи къ тому, что имѣется въ языкѣ своемъ, природномъ (если, напр., нѣмецъ, плохо еще говоря по-русски, о собакѣ скажетъ „онъ", то это потому, что въ его родномъ языкѣ говорится der Hund; еще примѣры изъ того же смѣшаннаго русско-нѣмецкаго нарѣчія: мало вод*а* ср. wenig Wasser, брать часы вм. уроки и т. п.); 2) Ошибочныя образованія по аналогіи къ тому, что имѣется въ языкѣ изучаемомъ (ср. выраженія въ неправильной русской рѣчи нѣмца: симпат*ическій* человѣкъ, т. е. неправильная подстановка суффикса, существующаго въ языкѣ изучаемомъ; или: лѣн*ивость*, не ѣд*ите* и т. п.).

Смѣшанныя нарѣчія референтъ раздѣляетъ на три класса:

I. Смѣшанныя нарѣчія, возникающія при соприкосновеніи двухъ разныхъ языковъ, при чемъ языки эти могутъ быть родственны между собою (напр., русскій и нѣмецкій и т. п.), или же не родственны (напр., русскій и чувашскій и т. п.). Наблюденія референта производились надъ русской рѣчью двухъ тюркскихъ народностей: чувашъ и татаръ (напр., чувашинъ говоритъ: „время-то проше*лъ* ужъ", т. е. смѣшеніе родовъ; „училъ сво*я* теревня", т. е. перенесеніе функціи предлоговъ на окончаніе, и т. п.).

II. Смѣшанныя нарѣчія, возникающія при соприкосновеніи двухъ близко родственныхъ языковъ, напр., русскаго и польскаго, русскаго и чешскаго и т. п. Вслѣдствіе присутствія въ такихъ языкахъ массы сходныхъ въ звуковомъ отношеніи словъ, но выработавшихъ разное значеніе (ср. рус. милость и польск. miłość и т. п.), въ смѣшанной рѣчи этого типа будутъ встрѣчаться ошибки въ семазіологическомъ употребленіи словъ.

III. Смѣшанныя нарѣчія, возникающія въ томъ случаѣ, когда соприкасаются нарѣчія одного и того же языка. Таковы переходные говоры отъ малорусскаго къ бѣлорусскому, отъ малорусскаго къ великорусскому и т. п.

Что касается *характера* смѣшанности, то нужно различать два главныхъ случая: 1) одно соприкасающееся нарѣчіе имѣетъ тенденцію ассимилироваться съ другимъ, уступать мѣсто другому; 2) ни одно изъ соприкасающихся нарѣчій не проявляетъ особенной наклонности къ ассимиляціи, и только въ случаѣ разговора между лицами двухъ разныхъ нарѣчій дѣлаются попытки приспособить свою рѣчь къ лучшему пониманію другаго.

Смѣшанныя нарѣчія требуютъ всесторонняго изученія, т. е. въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ и синтаксическомъ. При этомъ фонетическое изученіе должно стремиться представить соотношеніе звуко-

выхъ системъ въ соприкасающихся нарѣчіяхъ, а также и то, какъ звуки одной системы субституируются звуками другой системы.

Матеріалъ для изученія смѣшанныхъ нарѣчій долженъ почерпаться изъ непосредственныхъ наблюденій; художественныя пародіи смѣшанной рѣчи (напр., рѣчь Карла Ивановича въ „Дѣтствѣ, отрочествѣ и юности“ гр. Л. Толстаго, или еврейскій жаргонъ въ повѣсти „Жидъ“ Тургенева и т. п.) должны составлять хотя и важный, но лишь дополнительный источникъ: онѣ могутъ обратить вниманіе на такія типическія черты, которыя могли ускользнуть при непосредственныхъ наблюденіяхъ.

Изученіе смѣшанныхъ русско-инородческихъ нарѣчій будетъ способствовать уясненію историческаго процесса ассимиляціи инородцевъ при поступательномъ колонизаціономъ движеніи русскаго племени. Въ самомъ русскомъ языкѣ на такихъ смѣшанныхъ территоріяхъ могутъ быть явленія, обусловленныя существованіемъ той или другой инородческой подпочвы. Такія явленія будутъ выражаться, по мнѣнію референта, въ томъ или другомъ характерѣ вокализма (напр., „низкомъ“ и пр.), въ характерѣ мелодическаго и ритмическаго строенія словъ и фразъ, въ порядкѣ словъ въ предложеніи и др.

А. И. Соболевскій не соглашался съ тѣмъ положеніемъ референта, что русскій литературный языкъ, принявшій много элементовъ языка церковнославянскаго, относится къ числу смѣшанныхъ.

4. В. М. Площанскій сдѣлалъ докладъ о древнѣйшихъ актовыхъ книгахъ Виленскаго Центральнаго Архива, относящихся къ Люблинской губерніи, именно о гродскихъ книгахъ гор. Холма съ XV в. до половины XVII. Въ своемъ рефератѣ докладчикъ знакомилъ съ наиболѣе любопытными дѣлами и тяжбами, записанными въ гродскія книги, и рисующими внутреннюю жизнь Холма.

Засѣданіе IV-го отдѣленія (памятники быта) 13 августа.

Почетный предсѣдатель Арс. И. Маркевичъ.—Предсѣдатель Н. И. Веселовскій.—
Секретарь С. М. Середонинъ.

1. К. П. Гуковскій познакомилъ членовъ съѣзда, въ виду предстоящей экскурсіи въ Ковно, съ древностями этого города и его уѣзда.

2. Проф. Ю. А. Кулаковскій сдѣлалъ сообщеніе: „О керченскихъ катакомбахъ съ фресками“.

Указавъ на давность археологическаго изслѣдованія на почвѣ древняго Пантикапея (нынѣ Керчь) и на обиліе добытаго на этой территоріи матерьяла, референтъ далъ опредѣленіе того типа погребальныхъ сооруженій, который извѣстенъ подъ терминомъ „катакомбъ“. Упомянувъ затѣмъ о катакомбахъ съ фресками, найденныхъ въ прежнее время, онъ перешелъ къ отчету о двухъ памятникахъ того же рода, открытыхъ въ 1890 и 1891 году. Отмѣтивъ общую хронологію этого типа погребенія (первые вѣка по Р. Х.) и по-

слѣдовательно останавливаясь затѣмъ на отдѣльныхъ мотивахъ декораціи (по сколько позволяли то имѣвшіеся на лицо рисунки), референтъ доказывалъ, что всѣ они принадлежатъ греко-римскому искусству и отрицалъ присутствіе восточнаго элемента (на чемъ настаивалъ по отношенію къ такой же катакомбѣ, открытой въ 1872 году, г. Стасовъ). Съ большей подробностью референтъ разсмотрѣлъ сцену такъ называемой „семейной трапезы“ и указалъ на смѣну въ археологической наукѣ воззрѣній въ ея изъясненіи. Въ заключеніе онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о надписи, которая выведена красной и черной красками на столбѣ въ катакомбѣ, открытой въ 1890 году. Надпись эта даетъ имя и званіе лица (Соракъ, сынъ Сорака, взыскатель штрафовъ), содержитъ указаніе на сооруженіе катакомбы (причемъ интересно отмѣтить то, что она названа *ἡρῷον*) и заканчивается заклятіемъ нарушителю могильнаго покоя почившаго.

Свой докладъ проф. Кулаковскій закончилъ слѣдующимъ обращеніемъ къ Съѣзду: „Если въ Керчи и не идетъ теперь непрерывная и живая работа по изслѣдованію древностей, какъ то было раньше, то, тѣмъ не менѣе, эта территорія находится подъ охраной подлежащей власти и продолжаетъ давать время отъ времени важныя и цѣнныя находки. Но есть другое мѣсто на побережьи Чернаго моря, мѣсто забытое и заброшенное, по разнымъ условіямъ недоступное для научнаго изслѣдованія, это—Ольвія. О печальномъ положеніи дѣла науки въ этихъ предѣлахъ сообщалъ въ своемъ недавнемъ докладѣ профессоръ Штернъ. Въ Ольвіи идутъ раскопки, но тайныя и хищническія. Добываемыя такимъ путемъ вещи или безслѣдно исчезаютъ для науки или, въ рѣдкихъ случаяхъ, попадая иной разъ въ руки ученыхъ спеціалистовъ и въ ученыя учрежденія, они поучаютъ насъ гораздо меньше, чѣмъ какъ то могло бы быть при иныхъ условіяхъ находки. Территорія Ольвіи находится въ частномъ владѣніи. Не оказалось ли бы поэтому возможнымъ обратиться отъ имени Съѣзда къ собственницѣ, графинѣ Мусиной, Пушкиной, съ просьбой открыть доступъ въ эти предѣлы людямъ ученаго интереса“.

Ѳ. И. Успенскій дополнилъ указаніе референта на расхищеніе древностей Ольвіи. Въ Одессѣ, по его словамъ, циркулируютъ предметы, добываемые въ Ольвіи и, такъ какъ мѣстное ученое общество не всегда можетъ покупать эти предметы, то они иногда безслѣдно пропадаютъ, т. е. продаются за-границу. Въ настоящее время Ольвія недоступна для ученыхъ, такъ какъ мѣстность эта находится въ частномъ владѣніи и безъ разрѣшенія владѣлицы раскопки производимы быть не могутъ; между тѣмъ мѣстное населеніе не только пріобрѣло сноровку добывать и сбывать предметы древности, но крестьяне села Порутина научились даже поддѣлывать надписи. Въ виду такого печальнаго положенія дѣла, Ѳ. И. Успенскій полагалъ необходимымъ поднять вопросъ о принятіи мѣръ для прекращенія расхищенія предметовъ древности. І. А. Хойновскій добавилъ, что эти предметы попадаются уже и въ Кіевѣ.

Графиня П. С. Уварова заявила, что, по ея мнѣнію, слѣдовало бы отъ лица Съѣзда обратиться къ гр. Мусиной-Пушкиной, которой принадлежитъ Порутино, съ ходатайствомъ — дать одесскому Обществу Исторіи и Древностей право производить тамъ раскопки. Съѣздъ вполнѣ присоединился къ этому предложенію предсѣдателя.

2. А. И. Соболевскій доложилъ собранію рефератъ В. М. Довнара-Запольскаго: „Къ вопросу о Лелѣ". Авторъ реферата указалъ прежде всего на то, что въ настоящее время существованіе божества „Лель" у славянъ отрицается наукой на томъ основаніи, что имя этого божества встрѣчается только у хронистовъ, и притомъ извѣстіе Стрыйковскаго объ этомъ божествѣ передано въ такой формѣ, что само извѣстіе кажется очень сомнительнымъ. Въ текстахъ пѣсенъ этого имени до сихъ поръ не встрѣчали; но автору удалось найти одну пѣсню, въ текстѣ которой оно находится; поэтому онъ думаетъ, что найденная имъ пѣсня приближаетъ сомнительный вопросъ о существованіи этого божества къ положительному рѣшенію.

Прочитавъ рефератъ, А. И. Соболевскій замѣтилъ, что эта пѣсня свадебная, выдернутая изъ ряда пѣсенъ свадебнаго обряда; имя невѣсты въ пѣснѣ упомянуто, а имени жениха, которое въ свадебныхъ пѣсняхъ въ родѣ приведенной обыкновенно также упоминается, въ этой пѣснѣ нѣтъ; поэтому самому является возможнымъ предположеніе, что „Лелей", пѣсни есть сокращенное имя жениха; въ частности А. И. Соболевскій полагалъ, что это сокращеніе имени „Фалелей" и привелъ велико-русскую фамилію „Лилеевъ".

А. В. Лонгиновъ полагалъ, что у славянъ была богиня Леля, имѣвшая близкое отношеніе къ водѣ и морю.

3. Н И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе: „О татарскомъ вліяніи на русскій посольскій церемоніалъ до Петра Великаго".

Прежніе изслѣдователи не видѣли здѣсь ничего татарскаго: Лешковъ считалъ пріемы Московской Руси въ этомъ случаѣ продолженіемъ тѣхъ, которые существовали въ удѣльный періодъ; Сахаровъ признавалъ ихъ заимствованными изъ Византіи. Референтъ старался доказать, что у насъ посольскій этикетъ цѣликомъ былъ принятъ татарскій. Высказавъ положеніе, что во время господства татаръ мы должны были принимать татарскихъ пословъ и отправлять своихъ къ ханамъ такъ, какъ этого требовали послѣдніе, референтъ разобралъ отдѣльныя явленія въ посольскомъ обиходѣ и сравнилъ ихъ съ подобными же, существовавшими у татаръ, а отчасти существующими на Востокѣ и теперь. Подробности касались встрѣчи иностранныхъ пословъ, ихъ содержанія, аудіенціи, подарковъ, а равно и наказовъ нашимъ посламъ, какъ вести себя за границей. Здѣсь формальность была развита въ высшей степени и за нарушеніе ея посолъ, по возвращеніи, подвергался осужденію и опалѣ. Заимствованный нами отъ татаръ церемоніалъ съ теченіемъ времени нѣсколько измѣнился. Такъ, у насъ были отмѣнены земные поклоны (бить челомъ), отмѣнено цѣлованье ноги и замѣнено цѣлованіемъ руки.

Ю. А. Кулаковскій замѣтилъ, что нѣкоторые изъ перечисленныхъ референтомъ обрядовъ (челобитіе, цѣлованье ногъ и др.) соблюдались уже при дворѣ римскихъ императоровъ, а позднѣе введены были въ церемоніалъ, дѣйствовавшій при византійскомъ дворѣ, откуда они могли проникнуть въ Московскую Русь. По вопросу о костюмѣ византійскаго императора г. Кулаковскій напомнилъ о навѣйшей ученой разработкѣ этого вопроса въ изслѣдованіи проф. Д. Ѳ. Бѣляева. Что касается до значенія коня, какъ аттрибута благороднаго происхожденія, то такое значеніе конь имѣлъ во всѣ вѣка европейской исторіи. Такъ, на греческихъ рельефахъ конь (или только голова коня) подлѣ мужской фигуры является аттрибутомъ или символомъ „героя", а по мнѣнію многихъ археологовъ, вообще всякаго человѣка благороднаго происхожденія.

Н. И. Веселовскій отвѣтилъ, что указанныя оппонентомъ подробности придворнаго церемоніала и къ римлянамъ проникли съ Востока, а къ намъ отъ татаръ и до татаръ отсутствовали на Руси.

4. С. Ѳ. Платоновъ прочиталъ рефератъ М. В. Фурсова: „По поводу бѣлорусскаго праздника „Свѣча".

Сообщивъ по статьѣ г. Жудро (Могилев. Епарх. Вѣдомости, 1893 г., № 13) описаніе праздника въ уѣздахъ: Гомельскомъ, Быховскомъ и Климовичскомъ, М. В. Фурсовъ остановился на значеніи этого праздника. По его мнѣнію, праздникъ „Свѣча" дошелъ до насъ, какъ наслѣдіе отъ временъ языческихъ, это—остатокъ культа огня. Можно допустить, далѣе, что праздникъ „Свѣча" былъ зерномъ, изъ котораго впослѣдствіи выросли и развились подъ нѣкоторымъ вліяніемъ церкви въ XVI ст. медовыя братства. Хр. П. Ящуржинскій и А. Н. Толмачевъ указали на то, что обычай этотъ сохранился и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

А. Н. Толмачевъ прибавилъ, что въ его проживаніи съ 1846 по 1849 г. въ Козмодемьянскѣ ему приходилось не разъ слышать, что нѣкоторые изъ проживавшихъ въ этомъ городѣ простолюдиновъ имѣли обыкновеніе отправляться въ сосѣднее село Нижегородской губ. (Пальцево) „на свѣчу". По его мнѣнію, докладъ М. В. Фурсова вызываетъ желаніе, чтобы собраны были кѣмъ-либо изъ любителей древности свѣдѣнія, продолжаются ли эти паломничества и донынѣ и не представляютъ ли какого либо сходства происходящія во время ихъ собранія съ описанными г. Фурсовымъ бѣлорусскими.

А. И. Миловидовъ отмѣтилъ, что рефератъ не отличается ни новизною, ни оригинальностью: обрядъ этотъ былъ описанъ еще Срезневскимъ; обстоятельный очеркъ его данъ также въ „Минскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ"; впрочемъ, рефератъ даетъ нѣкоторыя варіаціи обряда въ различныхъ уѣздахъ; оппонентъ не согласенъ видѣть въ этомъ обрядѣ отголоска языческой эпохи.

Засѣданіе I-го отдѣленія (первобытныя древности) 14 августа.

Почетный предсѣдатель С. Ѳ. Платоновъ.—Предсѣдатель В. Б. Антоновичъ.—Секретарь А. А. Спицынъ.

1. Деп. Имп. Археологической коммиссіи А. А. Спицынъ прочелъ рефератъ, имѣющій темою: „Общій обзоръ восточно славянскихъ курганныхъ древностей“, въ которомъ на основаніи новыхъ данныхъ и матеріала, уже извѣстнаго въ археологической литературѣ, сдѣлалъ характеристику древностей, находимыхъ въ каменныхъ могилахъ Западнаго края и въ курганахъ древлянъ, дреговичей, кривичей, полочанъ, новгородскихъ славянъ, вятичей, радимичей и сѣверянъ. В. И. Сизовъ дополнилъ это сообщеніе болѣе детальнымъ описаніемъ смоленскихъ древностей. Между прочимъ, г. Сизовъ сообщилъ, что у кривичей встрѣчаются курганы, обложенные камнями, и есть курганныя поля, заключающія по нѣскольку рядовъ параллельно расположенныхъ валовъ со слѣдами трупосожженія; онъ указалъ далѣе на то, что въ кривичскихъ древностяхъ необходимо отмѣчать вещи скандинавскаго происхожденія, и высказалъ убѣжденіе, что височныя кольца въ финскихъ курганахъ встрѣчаются лишь спорадически и не характерны для нихъ. Референтъ, выразивъ благодарность г. Сизову за сообщенныя имъ новыя и очень интересныя свѣдѣнія, счелъ однако возможнымъ допустить сомнѣніе, чтобы скандинавскій элементъ среди кривичскихъ древностей могъ имѣть какое-либо серьезное значеніе, и находилъ, что случайность находокъ въ финскихъ могильникахъ предметовъ славянскаго типа не легко доказать. В. Б. Антоновичъ высказался противъ выраженнаго въ рефератѣ мнѣнія, что каменныя могилы, расположенныя по Зап. Бугу, принадлежатъ бужанамъ; онъ готовъ охотнѣе приписать ихъ ятвягамъ, племени еще неопредѣленнаго происхожденія. Референтъ поспѣшилъ отвѣтить на это замѣчаніе, что слово „бужане“ онъ употребилъ въ видѣ географическаго, а не этнографическаго термина. На замѣчаніе г. Бѣляшевскаго о томъ, что референтъ въ своемъ обозрѣніи совершенно не затронулъ древностей полянъ, послѣдній отозвался, что онъ сдѣлалъ это преднамѣренно, такъ какъ лѣтопись очень неопредѣленно говоритъ о полянахъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ то, что извѣстно въ литературѣ подъ именемъ полянскихъ древностей, столь не подходитъ къ общему типу другихъ славянскихъ древностей, что ихъ приходится пока обходить молчаніемъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласился В. З. Завитневичъ. Д. Н. Анучинъ выразилъ пожеланіе, чтобы референтъ полнѣе развилъ и обработалъ затронутую имъ тему, и напомнилъ, что при подобной работѣ невозможно обойтись безъ сравненій, безъ изслѣдованія степени и характера иноземнаго вліянія на славянскую культуру, для чего, между прочимъ, рекомендовалъ обратиться къ пособію статистическаго метода, который долженъ опредѣлить пути развитія и распространенія наиболѣе харак-

торныхъ отдѣльныхъ предметовъ. В. З. Завитневичъ, упомянувъ, что силъ одного человѣка для выполненія такой задачи недостаточно, напомнилъ, что очень многія цѣнныя археологическія коллекціи до сихъ поръ остаются не изданными, что о многихъ раскопкахъ совершенно ничего не извѣстно, и выразилъ пожеланіе, чтобы описанія такихъ раскопокъ появились возможно скорѣе.

2. Г. Х. Татуръ прочелъ рефератъ: „О курганахъ Минской губерніи".

По собраннымъ въ разное время свѣдѣніямъ въ Минской губерніи считается около 30,000 кургановъ и около 1,000 городищъ, замковищъ и окопищъ; но на основаніи опыта можно утверждать, что на самомъ дѣлѣ кургановъ здѣсь имѣется до 60,000 и городищъ до 1,200. Пространство губерніи заключаетъ памятники періодовъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго, и отъ каждаго изъ нихъ остались курганы разнороднаго происхожденія. Референтъ ограничился описаніемъ кургановъ, заключающихъ погребенія цѣлыхъ, не сожженныхъ труповъ. Описавъ приготовленіе мѣста для погребенія, референтъ сдѣлалъ попытку доказать, что покойника клали на потухшемъ кострищѣ и что если встрѣчаются скелеты, обложенные обожженными досками, то доски эти обожжены были не при покойникѣ, а раньше. Объясненъ былъ способъ образованія кругомъ курганныхъ насыпей, особыхъ рвовъ, и высказано предположеніе, что замѣчаемыя въ курганахъ прослойки угля удобно объясняются обычаемъ творить по усопшемъ чрезъ извѣстные промежутки времени поминки. Составные курганы представляютъ собою гробницы членовъ одного рода, а можетъ быть одного званія, и образовались постепенными досыпями, сдѣланными рядомъ, числомъ по 5, при чемъ курганъ получалъ форму вала,—а также досыпями, сдѣланными на верху, числомъ до 3-хъ. Между минскими курганами особенно интересны тѣ, которые, по мнѣнію референта, могутъ быть отнесены къ бронзовому періоду. Имъ были демонстрированы двѣ таблицы съ вещами изъ кургановъ этого типа, расположенныхъ близъ м. Полелѣевки, Борисовскаго уѣзда; изъ вещей этихъ особенно любопытны: головной уборъ изъ парчевой ленты съ серебрянными золочеными бляшками, серьги, костяной гребень, позолоченныя бляшки, нашиваемыя на одеждѣ, нагрудное украшеніе изъ парчевой ленты, височныя кольца, перстни.

В. З. Завитневичъ отрицалъ принадлежность демонстрированныхъ рефеферентомъ предметовъ къ бронзовому вѣку и указывалъ на ихъ полное сходство съ вещами, находимыми въ дреговичскихъ курганахъ; расположеніе всходовъ при окружающихъ курганы рвахъ онъ признавалъ совершенно случайнымъ и утверждалъ, что гробы обжигались въ самой могилѣ, при чемъ огонь иногда проникалъ внутрь гроба и повреждалъ помѣщенный тамъ трупъ. Референтъ рѣшительно отстаивалъ свое мнѣніе, что покойникъ полагался уже на потухшемъ кострищѣ. В. Б. Антоновичъ присоединился къ мнѣнію, что служившія предметомъ доклада вещи не могутъ принадлежать бронзовому вѣку, и высказалъ мнѣніе, что онѣ несомнѣнно должны быть отнесены къ самому

концу желѣзнаго вѣка, какъ на то указываютъ, напр., серьги съ фиксированными бусами, орнаментъ находокъ и проч. Г. Татуръ, защищая свое положеніе, утверждалъ, что демаркаціонной линіи между предметами бронзоваго и желѣзнаго періода невозможно указать, что прямымъ признакомъ близости описанныхъ имъ кургановъ къ бронзовому вѣку онъ считаетъ присутствіе позумента и отсутствіе бусъ, и указалъ, что имъ представлены не всѣ предметы, находимые въ курганахъ описаннаго имъ типа.

3. В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ докладъ: „Замѣтка о крашеныхъ скелетахъ“.

Курганы съ окрашенными костями встрѣчены уже въ значительномъ количествѣ на весьма обширномъ пространствѣ, именно въ границахъ Бессарабіи, Новороссіи, Кіевской и Полтавской губ. и Кубанской области. Находки предметовъ въ нихъ самыя незначительныя: глиняные горшки, каменныя орудія и слѣды бронзы. Скелеты лежатъ на спинѣ, а часто также на боку, съ нѣсколько поджатыми ногами. Окрашенъ бываетъ не весь костякъ, а лишь черепъ, первые шейные позвонки и частью ключицы, а также кости рукъ и ногъ. Мнѣніе о томъ, что кости окрашивались уже послѣ того, какъ отъ трупа оставался одинъ скелетъ, проф. Антоновичъ признаетъ вполнѣ недопустимымъ и высказалъ съ своей стороны предположеніе, что трупы при погребеніи въ курганѣ покрывались поверхъ одежды толстымъ слоемъ охры, которою и окрашивались части скелета, не покрытыя одеждой и обнажившіяся при разложеніи трупа прежде другихъ. Предположеніе это основывается между прочимъ на любопытной находкѣ въ одномъ курганѣ окрашенныхъ сверху наглазницъ.

По поводу реферата проф. Антоновича А. И. Маркевичъ сообщилъ, что въ недавнихъ раскопкахъ г. Скадовскаго встрѣтился довольно большой, но низкій курганъ съ тремя окрашенными костяками, изъ которыхъ одинъ, дѣтскій, былъ покрытъ краскою весьма густо и замѣчательно ровно. Внутри кургана оказалась большая каменная кладка. Костяки лежали головою на сѣверъ; вещей при нихъ, кромѣ глиняныхъ горшковъ, никакихъ не найдено. Весьма любопытнымъ представляется то обстоятельство, что въ насыпи кургана найдено огромное количество кусковъ охры, въ величину большаго орѣха, расположенныхъ гнѣздами.

Д. Н. Анучинъ, убѣдившись помощью переспроса, что В. Б. Антоновичъ не находилъ слѣдовъ цѣлаго краснаго слоя въ курганахъ съ окрашенными костями, въ видѣ особой подстилки подъ трупомъ, напомнилъ о раскопкахъ г. Витковскимъ въ долинѣ р. Ангары могилъ каменнаго вѣка, обнаружившихъ красныя прослойки во всю ширину погребенія, и объ обычаѣ, наблюдаемомъ до сихъ поръ у нѣкоторыхъ финскихъ народностей, отыскивать для погребенія покойника мѣсто съ глиною опредѣленнаго цвѣта въ почвѣ.

Для рѣшенія вопроса объ окрашиваніи костей проф. Анучинъ считалъ бы не излишнимъ сдѣлать опытъ надъ какимъ-нибудь животнымъ. На положительное утвержденіе Д. Н. Анучина и А. И. Маркевича, что кости въ курганахъ встрѣчаются окрашенными сплошь, со всѣхъ сторонъ, а не сверху

только, референтъ отвѣтилъ, что онъ наблюдалъ лишь легкую окраску въ видѣ полосъ. Н. И. Веселовскій, резюмируя результаты своихъ раскопокъ 1887—1893 гг. въ курганахъ съ окрашенными костями, составляющихъ въ нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ преобладающую массу кургановъ, сообщилъ, что ему приходилось вообще наблюдать сплошную окраску всего костяка и что подстилка изъ слоя охры въ изслѣдованныхъ имъ курганахъ — самое обычное явленіе. Часто охра лежитъ въ видѣ бруска у изголовья, и въ такихъ случаяхъ бываетъ окрашена лишь часть черепа. Несомнѣнныхъ признаковъ насыпанія или наложенія поверхъ трупа слоя охры проф. Веселовскій не наблюдалъ. Изрѣдка, въ очень незначительномъ количествѣ, въ курганахъ съ окрашенными костями встрѣчаются вещи изъ бронзы. І. А. Хойновскій сообщилъ, что при своихъ раскопкахъ онъ не замѣчалъ слѣдовъ подстилки подъ скелетами изъ охры, которая чаще всего лежала комьями въ головахъ покойника (иногда даже въ горшечкѣ). Г. Хойновскій полагаетъ, что курганы съ окрашенными костями принадлежатъ людямъ первобытной культуры, носившимъ одежды изъ мѣха, который они имѣли обыкновеніе окрашивать охрою, равно какъ лицо и волосы.

4. И. А. Линниченко сдѣлалъ сообщеніе: „О городѣ Глинскѣ и его древностяхъ", въ которомъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на характеристикѣ расположенныхъ около Глинска (Полтавской губ.) кургановъ, ближе всего подходящихъ по типу къ группѣ суджанскихъ кургановъ, раскопанныхъ проф. Самоквасовымъ. По находкамъ въ этихъ курганахъ референтъ считаетъ возможнымъ сдѣлать предположеніе, что они принадлежатъ не славянамъ, а какому-то кочевому племени, быть можетъ половцамъ.

Возражая на такое заключеніе, А. А. Спицынъ выразилъ сожалѣніе, что члены Съѣзда лишены возможности непосредственно ознакомиться съ коллекціей предметовъ, добытыхъ изъ раскопанныхъ г. Линниченкомъ кургановъ, и утверждалъ, что предметы, указанные докладчикомъ въ качествѣ присущихъ только курганамъ этой мѣстности, именно мѣдныя спирали и головные обручи, встрѣчены какъ въ курганахъ несомнѣнно славянскихъ, такъ и въ кладахъ со славянскими вещами.

Заключительное собраніе 14 августа въ 2 часа дня.

Предсѣдатель графиня П. С. Уварова.—Секретарь Ю. А. Кулаковскій.

1. М. С. Корелинъ прочелъ докладъ: „Первые шаги классической археологіи". — Отмѣтивъ важность и значеніе исторіи классической археологіи, референтъ охарактеризовалъ ея направленія за первое столѣтіе ея существованія, начиная съ первой половины XIV вѣка, въ связи съ господствовавшими тогда общественными теченіями. Изъ отношенія къ древности въ эпоху Возрожденія вытекъ самый ранній взглядъ на монументальные памятники античной старины, какъ на средство патріотическаго одушевленія и полити-

ческой пропаганды. Представителями этого направленія являются Петрарка въ своей перепискѣ и Сирійскомъ путеводителѣ и преимущественно Коля ди Ріенцо, авторъ самаго ранняго описанія римскихъ достопримѣчательностей и первый собиратель надписей въ новое время. Въ XV вѣкѣ точка зрѣнія мѣняется. Подъ вліяніемъ взгляда на науку, какъ на средство моральнаго воспитанія, такое же значеніе приписываютъ памятникамъ античной старины. Главнымъ выразителемъ этого воззрѣнія является Поджіо въ своемъ трактатѣ „De varietate fortunae". Съ XV-го же столѣтія на почвѣ всеобщаго увлеченія классической древностью появляются первые научные труды въ этой области. Извѣстный собиратель Чиріако де Пиццикoли д'Анкона впервые воспользовался монументальными памятниками, какъ историческимъ источникомъ, въ своей работѣ о знатныхъ римскихъ фамиліяхъ, а Пьетро Кандидо Дечембріо въ неизданной трилогіи „Peregrina historia" составилъ первое сочиненіе по римскимъ государственнымъ древностямъ: De muneribus reipublicae, и сдѣлалъ попытку поставить въ связь науку о древностяхъ съ другими науками.

2. В. Г. Васильевскій сдѣлалъ сообщеніе: „Гдѣ находился виленскій Кривой замокъ". — Историки Литвы и Вильны, какъ польскіе, начиная съ Крашевскаго, такъ и русскіе (Д. И. Иловайскій и новѣйшій изслѣдователь виленской топографіи Ю. Ѳ. Крачковскій), признаютъ существованіе въ Вильнѣ въ XIV вѣкѣ двухъ замковъ: верхняго и нижняго. Первый изъ нихъ находился на нынѣшней Замковой горѣ, и развалины его существуютъ и доселѣ; второй лежалъ подъ горой, охватывая мѣстность отъ каѳедральнаго костела св. Станислава и до костела св. Анны. Къ этому нижнему замку и пріурочиваютъ изслѣдователи названіе „Кривой замокъ", сохраненное въ нѣкоторыхъ историческихъ свидѣтельствахъ. Референтъ долго и самъ раздѣлялъ это воззрѣніе; но изученіе источниковъ, свидѣтельствующихъ объ осадѣ Вильны крестоносцами въ 1390 и 1394 годахъ, привело его къ иному взгляду. О походахъ крестоносцевъ подъ Вильну есть у насъ цѣлый рядъ современныхъ свидѣтельствъ. Таковы: 1) подлинныя донесенія, отчеты и посланія магистровъ ордена; 2) анналы Торнскія, Іоанна Позильгенскаго и Виганда Марбургскаго; 3) документы, относящіеся къ препирательству между рыцарями и польскимъ правительствомъ на Констанцскомъ соборѣ; 4) счетная книга Генриха IV Ланкастерскаго, который былъ среди крестоносцевъ подъ Вильной съ апрѣля 1390 года и по май 1391 года съ 300 рыцарями, и наконецъ, 5) сюда можно присоединить Длугоша, хотя въ этомъ послѣднемъ источникѣ многое перепутано и смѣшаны факты первой и второй осады. Изъ сопоставленія свидѣтельствъ перечисленныхъ источниковъ оказывается, что крестоносцы въ первую осаду взяли *деревянный* замокъ, при взятіи котораго и былъ убитъ командовавшій тамъ братъ короля Ягайлы, Каригайло. Въ Lites и у Длугоша взятый замокъ называется castellum curvum, въ Торнскихъ анналахъ — non muratum, у Іоанна Позильгенскаго—верхній (das obirste Hus), у Виганда Марбургскаго, въ описаніи осады 1394 года, сообщается между

прочимъ, что осажденные сдѣлали вылазку и расположились на мѣстѣ древняго верхняго замка (in loco antiqui castri in monte); наконецъ, въ счетной книгѣ Генриха IV сообщается о суммѣ, уплаченной въ награду за труды при взятіи замка инженерамъ и минерамъ. И такъ, замокъ, взятый въ 1390 году крестоносцами, былъ деревянный, стоялъ на возвышенности и былъ по своему времени достаточно укрѣпленъ, если для его взятія нужна была помощь и искусство инженеровъ. Этому деревянному замку, который и носитъ названіе Криваго, противополагаются *два* другіе, окруженные каменными стѣнами, которыхъ не удалось взять крестоносцамъ, несмотря на продолжительную осаду. И такъ, общепринятое отожествленіе Криваго замка съ нижнимъ есть ошибка изслѣдователей виленской старины. — Возникаетъ вопросъ: гдѣ же находился этотъ третій виленскій замокъ, взятый и разрушенный рыцарями въ первую осаду Вильны? Основываясь на нѣкоторыхъ мѣстныхъ сказаніяхъ о существованіи подземнаго хода съ Бакшты на Замковую гору, референтъ высказалъ предположеніе, что на Бакштѣ и слѣдуетъ искать мѣсто Криваго замка. Окончательное рѣшеніе вопроса проф. Васильевскій предоставлялъ мѣстнымъ изслѣдователямъ, которые могутъ располагать болѣе обильными и разнообразными средствами для топографическихъ разысканій.

По поводу этого сообщенія Н. И. Петровъ высказалъ нѣсколько соображеній на счетъ возможности опредѣлять хронологію построекъ путемъ измѣренія размѣра кирпичей, изъ которыхъ сложено зданіе. Попадавшіеся ему кирпичи въ Ботаническомъ саду заставляютъ предполагать, что сооруженіе замка на горѣ относится къ XIV вѣку.

3. II. Ѳ. Бѣляшевскій обратился отъ имени Московскаго Нумизматическаго Общества къ Съѣзду съ просьбой доставлять точныя свѣдѣнія о находимыхъ въ разныхъ мѣстахъ монетныхъ кладахъ. Желая содѣйствовать выясненію вопроса о топографическомъ распредѣленіи монетныхъ кладовъ, Общество заготовило бланки для такихъ сообщеній и надѣется путемъ собранія въ одинъ центръ подобнаго рода свѣдѣній и своевременной ихъ публикаціи содѣйствовать развитію нумизматическихъ свѣдѣній въ предѣлахъ Россіи.

4. Предсѣдатель ученаго комитета Съѣзда, проф. Ѳ. И. Успенскій, прочелъ отчетъ объ ученой дѣятельности Съѣзда. Представивъ перечисленіе рефератовъ по группамъ, онъ сдѣлалъ общую характеристику направленія, взаимной связи и значенія заслушанныхъ на Съѣздѣ ученыхъ сообщеній и закончилъ отчетъ общимъ обзоромъ состоявшей при Съѣздѣ археологической выставки.

5. Предсѣдатель Съѣзда, графиня П. С. Уварова, обратилась къ собранію съ заключительнымъ словомъ:

Ни одинъ Съѣздъ не возбуждалъ такъ много толковъ, переговоровъ и докладовъ, какъ нынѣ, заканчивающій свою дѣятельность, IX археологическій Съѣздъ. Ни одинъ Съѣздъ не возбуждалъ такъ много опасеній, ни объ одномъ не распространялось такъ много разсказовъ, предположеній и проч.

Основаніемъ для этихъ слуховъ, страховъ и опасеній послужило то, что а) филіальныя отдѣленія комитета въ многихъ городахъ края не могли основаться, б) описаніе церквей и костеловъ не сдѣланы, в) содѣйствіе со стороны славянскихъ музеевъ не достигнуто, г) мѣстныхъ коллекцій края не доставлено и д) къ работамъ Съѣзда многіе относились съ недовѣріемъ.

Но Съѣздъ однако состоялся, собрался въ назначенное время и оказался очень многолюднымъ (пріѣхавшихъ 161 и всѣхъ членовъ 411). Съ первыхъ засѣданій замѣтно было расположеніе публики, посѣщавшей засѣданія весьма послѣдовательно и доброжелательно. На Съѣздъ пріѣхали посѣтители прежнихъ Съѣздовъ — корифеи археологической науки, многіе ученые привезли изъ разныхъ мѣстъ имперіи свои доклады и предложенія, въ публикѣ замѣчались представители мѣстной интеллигенціи, прислушивающіеся и присматривающіеся къ трудамъ болѣе заслуженныхъ археологовъ съ очевидною цѣлью впослѣдствіи заполнять ихъ ряды. Явились на Съѣздъ многіе почтенные священники, принявшіе живое участіе въ засѣданіяхъ Съѣзда. Такое общеніе мѣстнаго духовенства съ людьми археологической науки принесетъ пользу серіозному, научному изученію древностей края и дастъ возможность включить въ труды Съѣзда описаніе мѣстныхъ церквей, замковъ и проч. Хотя католическое духовенство и отсутствовало на Съѣздѣ, но мѣстный епископъ обѣщалъ доставить московскому археологическому Обществу описаніе костеловъ.

И такъ, Съѣздъ состоялся, посѣщался и велъ свое дѣло серіозно, какъ о томъ свидѣтельствуетъ докладъ предсѣдателя ученаго комитета Ѳ. И. Успенскаго.

Если не произвело никакого внѣшняго смятенія заявленіе проф. Успенскаго о германскомъ происхожденіи славянъ, послѣ того какъ проф. Мѣржинскій развѣнчалъ Криве, а проф. Бецценбергеръ сдѣлалъ предложеніе, что не русскіе, а литовцы сидятъ въ мѣстномъ краѣ уже болѣе 7000 лѣтъ, то археологическіе Съѣзды могутъ впередъ быть увѣрены въ доброжелательности и чистотѣ ихъ намѣреній и никакихъ сомнѣній въ этомъ больше быть не можетъ.

Милости Царскія оказанныя виленскому Съѣзду, и посѣщеніе его Ихъ Императорскими Высочествами достаточно свидѣтельствуютъ о расположеніи Державнаго Повелителя земли Русской къ археологическимъ Съѣздамъ вообще и къ представителямъ русской науки въ частности.

Будущій очередный Съѣздъ 1896 г. назначенъ въ г. Ригѣ, при чемъ почетное предсѣдательство будущаго Съѣзда, по просьбѣ совѣта Съѣзда, изволилъ принять Его Императорское Высочество Великій Князь Сергѣй Александровичъ. Императорскому московскому археологическому Обществу поручено испросить Высочайшее соизволеніе на созваніе предварительнаго комитета въ январѣ будущаго 1894 г. (отъ 4-го по 7-е января).

Печатаніе трудовъ Съѣзда въ виду совершенно обезпеченныхъ на это средствъ будетъ произведено московскимъ археологическимъ Обществомъ въ самомъ скоромъ времени, если только будутъ доставлены своевременно

докладчиками ихъ рефераты. Въ трудахъ Съѣзда будетъ отведенъ особый отдѣлъ для описанія мѣстныхъ памятниковъ старины. Въ трудахъ будутъ напечатаны всѣ рефераты, доставленные Съѣзду, но не прочитанные за недостаткомъ времени.

Совѣтъ Съѣзда постановилъ; а) просить предварительный комитетъ будущаго X Съѣзда выработать правила сохраненія древнихъ памятниковъ на Руси и болѣе научнаго обслѣдованія ихъ и б) просить владѣтельницу древней Ольвіи графиню Мусину-Пушкину о разрѣшеніи одесскому Обществу Исторіи и Древностей заняться систематическимъ изученіемъ Ольвіи. Мѣстные ученые и изслѣдователи, какъ Сѣверо такъ и Юго-Западнаго края, высказываютъ желаніе основать въ Вильнѣ археологическое Общество, которое имѣло бы задачей послѣдовательное и научное разслѣдованіе древняго края. Мысль эта принята съ полнымъ сочувствіемъ и надъ выполненіемъ ея будетъ идти усердная работа.

Но, какъ ни хорошо было въ Вильнѣ, какъ ни внимательны и добры были къ Съѣзду жители и власти, но настала минута разстаться.

Затѣмъ, графиня Уварова выразила отъ лица всего Съѣзда искреннюю благодарность за любезность, за пріемъ и привѣтъ и за всѣ ихъ хлопоты: г. генералъ-губернатору П. В. Оржевскому, его предупредительной и любезной супругѣ Натальѣ Ивановнѣ, господину попечителю Н. А. Сергіевскому, съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившему за обсужденіями Съѣзда, г. губернатору барону Н. А. Гревеницу, городскому головѣ, представителямъ города, господамъ директорамъ: Яхонтову, Бржезинскому и Богоявленскому. Особую благодарность графиня Уварова выразила предсѣдателю ученаго комитета Ѳ. И. Успенскому.

Рѣчь свою графиня Уварова закончила такъ:

„Имѣю счастье заявить, что Почетный Предсѣдатель Съѣзда, Его Императорское Высочество Великій Князь Сергѣй Александровичъ, покидая Вильну, заявилъ мнѣ, что Его Высочеству угодно также прибавить и свою денежную лепту къ уже дарованнымъ Высочайше суммамъ на изданіе трудовъ Съѣзда. Я выражаю желаніе, чтобы наши засѣданія были закрыты единодушнымъ выраженіемъ тѣхъ чувствъ, которыя мы всѣ испытываемъ къ нанашему Августѣйшему Почетному Предсѣдателю и Покровителю и что бы мнѣ разрѣшено было отправить немедленно Его Высочеству депешу съ выраженіями этихъ чувствъ. Покидая же каѳедру ,позвольте мнѣ лично благодарить не только всѣхъ членовъ Съѣзда, но даже и публику, присутствовавшую на нашихъ засѣданіяхъ, за ихъ сердечное и любезное къ намъ отношеніе. Благодарю не только какъ предсѣдательница, но и въ особенности какъ женщина, умѣющая чувствовать и цѣнить подобныя дружескія отношенія“.

6. Г. попечитель округа, Н. А. Сергіевскій, объявилъ о закрытіи Съѣзда и высказалъ сердечную признательность его участникамъ.

IV

Библіографія.

Труды Виленскаго отдѣленія Московскаго предварительнаго комитета по устройству въ Вильнѣ IX Археологическаго Съѣзда. Вильна. 1893 года. (I—XI+170+371+104).

Вышедшій къ Съѣзду томъ „Трудовъ“ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) Протоколовъ засѣданій предварительнаго комитета и приложеній къ нимъ, заключающихъ замѣтки о раскопкахъ гг. Авенаріуса и Романова, небольшое изслѣдованіе Ѳ. В. Покровскаго о „налучныхъ кольцахъ“, мелкія археологическія замѣтки г. Шулицкаго, нѣсколько археологическихъ экскурсій по теченію рѣкъ Виленской губ. и т. п. 2) Заключаетъ изслѣдованія, между ними довольно обширное объясненіе Ѳ. В. Покровскаго къ археологической картѣ Виленской губерніи. Въ числѣ изслѣдованій напечатана г. Веревкинымъ „Записка объ археологическихъ памятникахъ Витебской губ.“ (могилы, курганы, кресты и т. д.), составленная по документамъ витебскаго центральнаго архива. Покойнымъ предсѣдателемъ Комитета ген. А. П. Тыртовымъ напечатано нѣсколько отвѣтовъ на запросы, предложенные Съѣзду (съ прил. плана окрестностей древняго полотскаго города Герсике). Затѣмъ—древніе народные копные суды въ сѣверо-западной окраинѣ Россіи, И. Спрогиса; „Кн. Ѳедоръ Ольгердовичъ и его потомки“, А. Лонгинова; „Родственныя связи русскихъ князей съ угорскимъ королевскимъ домомъ“, его-же; „значеніе Литовскаго языка въ вопросѣ о происхожденіи Руси“, З. Ляцкаго; „Коложская Борисоглѣбская церковь въ г. Гроднѣ“, В. Грязнова (съ планомъ и таблицею рельефныхъ знаковъ на древнихъ кирпичахъ Коложской церкви)—и др. Послѣдній отдѣлъ содержитъ матеріалы для библіографіи Западнаго края въ историко-археологическомъ отношеніи.

Каталогъ предметовъ, доставленныхъ на археологическую выставку при IX археологическомъ Съѣздѣ въ Вильнѣ въ 1893 году. Вильна. 1893 года (122 стр.).

Прекрасный обычай устраивать при Съѣздахъ археологическую выставку, введенный впервые, кажется, на Одесскомъ Съѣздѣ, былъ также примѣненъ и въ Вильнѣ. Наглядность во всякой отрасли знанія, а въ особенности въ археологіи, въ высшей степени важна, такъ какъ публика не менѣе поучается,

разсматривая остатки прежней культуры на самихъ памятникахъ, какъ и слушая спеціальные доклады о нихъ, которые не всегда могутъ быть ей доступны, поэтому толковое объясненіе выставки путемъ разсказа (что и практиковалось въ Москвѣ) или понятное, общедоступное описаніе хотя наиболѣе выдающихся древностей весьма желательны. Къ сожалѣнію послѣдняго достичь трудно, вслѣдствіе того, что выставка составляется передъ самымъ Съѣздомъ, и потому нѣтъ возможности успѣть приготовить популярно-научнаго объясненія, и приходится ограничиваться простымъ перечисленіемъ предметовъ. Описаніе предметовъ выставки Виленскаго Съѣзда сдѣлано, повидимому, не подъ одною общею редакціею, а по описаніяхъ, сообщеннымъ экспонентами—различными учрежденіями и лицами, поэтому нѣкоторые отдѣлы представляютъ только сухой перечень безъ малѣйшаго описанія. Курганныя древности Западнаго края представлены Археологической Коммиссіей, приславшей предметы изъ Люцинскаго могильника Витебск. губ. и изъ другихъ мѣстностей той-же губ. Ею-же присланы предметы изъ могильника близъ гор. Бауске, Курляндск. губ., изъ разныхъ мѣстъ Виленской, Сувалкской губ., образцы (типы) предметовъ изъ кургановъ древлянскихъ, дреговическихъ, Смоленск., Черниговск. и Петербургск. губ. — Могилевскій историко-этнографическій музей выставилъ рядъ курганныхъ древностей, раскопокъ гг. Фурсова и Чоловскаго, нѣсколько церковныхъ вещей, рукописное Евангеліе XV в., нѣсколько другихъ рукописей и цѣлый рядъ брошюръ, фотографій и плановъ, относящихся до Могилевской губ. Курганныя древности Виленской, Курляндской, Ковенской и Гродненской губ. также представлены гг. Вольтеромъ, Шукевичемъ", (Лидскій уѣздъ), О. В. Покровскимъ, Шмитомъ (Альтъ-Раденскій могильникъ), Ковенскимъ Статист. Ком. и Авенаріусомъ (Дроги чинъ). Минская губ. представлена г. Цыбышевымъ. Западно-русская палеографія представлена собраніемъ снимковъ съ рукописныхъ церковныхъ книгъ, собран. на Волыни г. Бугославскимъ (50 №№). Г. Хойновскій изъ Кіева выставилъ разнородные предметы своего музея, между прочимъ отдѣлъ классическій его собранія носитъ слѣдующее заглавіе: „Археологическія древности греческихъ колоній, найденныя въ странѣ Скифовъ Южной Россіи, до занятія ея Сарматами" и далѣе „Пантикапейскія древности изъ Митридатовой горы, найденныя жителями въ 1857 г. съ III-го ст. до Р. Х. на мѣстѣ, гдѣ теперь г. Керчь, въ Крыму". Описаніе, древностей сарматскихъ, христіанскихъ (найденныхъ на мѣстахъ дворцовъ Кіевскихъ князей) и проч., и проч. изъ музея Хойновскаго, сдѣланное, очевидно, самимъ авторомъ, имѣетъ достоинство недавно вышедшаго его труда (см. выше стр. 186). Г. Татуръ выставилъ мѣстныя бытовыя вещи, г. Стадольскій предметы каменнаго и металлическаго вѣковъ (безъ опредѣленія мѣста), гр. Платеръ—предметы каменнаго вѣка, находки въ имѣніи Швекшни, Ковенск. губ. (бронз. обручи, кольца и т. п.), и рядъ вещей безъ опредѣленія мѣста находки. Библіотека Главнаго Штаба доставила рукописи XVI—XVIII ст. (10 №№), относящихся до Зап. края. Г. Морачевскій—каменные и желѣзные топоры и др. предметы

изъ Виленск. губ. (20 №№). Г. Грязновъ—фотографіи и рисунки виленскихъ древностей и друг. предметы. Проф. Пичъ (изъ Праги) доставилъ 9 рисунковъ, представляющихъ различные способы погребеній въ разныя эпохи Чешской исторіи—отъ древнѣйшихъ временъ до утвержденія христіанства. Донской музей доставилъ: 10 таблицъ съ древностями, найденными по р.р. Хопру, Медвѣдицѣ, Дону (каменные предметы, бронзовые топоры, долота, кинжалы, стрѣлы, зеркала, нѣсколько серебр. и золот. вещей и т. д.); предметы изъ Цымлянскаго городища, фотографіи съ надписей, найденныхъ въ Танаидѣ (уже изданныхъ) и др. древности.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Секретарь *В. Трутовскій.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ 12 разъ въ годъ и составятъ томъ въ 2[illegible] листовъ. Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою ТРИ (3) рубля въ годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Историческомъ Музеѣ, на Красной Площади, у Алексѣя Васильевича Орѣшникова ежедневно (кромѣ субботъ и праздниковъ), отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня.

2) Въ антикварной книжной торговлѣ П. П. Шибанова, Москва, Петровскія линія.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные ТРИ рубля исключительно на имя Московскаго Археологическаго Общества (Москва, Берсеневская набережная, у Каменнаго моста, собств. домъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ любителямъ старин[illegible] присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древ[illegible] ности — церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газе[illegible] ныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (от[illegible] дѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа; особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы въ Москву, в[illegible] Историческій Музей, на Красной Площади, Алексѣю Васильевич[illegible] Орѣшникову.

Археологическія извѣстія и замѣтки

издаваемыя

Императорскимъ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

дѣйствительнаго члена

А. В. ОРѢШНИКОВА.

№ 11

МОСКВА
Товарищество типографіи А. И. Мамонтова
Леонтьевскій пер., д. Мамонтова.
1893

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I

Опричный дворецъ царя Ивана Васильевича.

Учреждая свою знаменитую Опричнину, вознамѣрившись жить особнякомъ, въ полной независимости отъ старозавѣтныхъ преданій и порядковъ боярской среды и съ полною волею свирѣпаго самодержавія, царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ и самое свое жилище устроить тоже особнякомъ, подальше отъ старыхъ палатъ своего дѣда и отца, гдѣ и бояре (въ родѣ кн. Курбскаго) и духовныя власти (каковъ былъ св. митрополитъ Филиппъ), весь старый синклитъ столько стѣснялъ и тревожилъ его непомѣрное царское самовластіе, стѣснялъ и тревожилъ нравственнымъ, хотя бы и молчаливымъ укоромъ, что такъ не дѣлалось. такъ не водилось въ старой Москвѣ.

Духовная власть и бояре въ самыя трудныя времена татарскаго ига съ торжествомъ вынесли на своихъ плечахъ всю скорбную исторію старой Москвы и изъ рядового княжества создали государство. По существу дѣла народившійся въ Москвѣ *государь* былъ ихъ созданіемъ, ихъ воспитанникомъ, а потому, какъ родители, творцы новаго истори-

ческаго явленія, они хранили въ своемъ сознаніи право наблюдать за своимъ ребенкомъ, указывать ему какъ должно вести общее дѣло, какъ должно охранять старые Московскіе завѣты.

Но ребенокъ возмужалъ въ идеяхъ государя-самодержца и по характеру времени, какъ и по собственному характеру не могъ иначе растолковать себѣ свое призваніе какъ подъ видомъ полнѣйшаго безпрекословнаго самовластія. Идея государства воплотилась въ личность со всѣми достоинствами и еще болѣе со всѣми недостатками и слабостями живой человѣческой личности.

Синклитъ, то есть вся правящая и владѣющая власть въ государствѣ, вся государева Дума не въ силахъ была понять такого поворота въ мысляхъ и побужденіяхъ государя, какъ и государь не могъ понять непререкаемаго доселѣ права Думы думать о государственныхъ дѣлахъ за одно съ государемъ, направлять его намѣренія по своимъ разсужденіямъ и обсужденіямъ. А въ этомъ именно и сохранялся старый завѣтъ Московскаго бытія, вся старая исторія Москвы.

Грозный царь, хорошо изучившій теорію царскаго самовластія по древнимъ книгамъ, по писанію, вынесшій изъ этихъ книгъ глубокое убѣжденіе въ своей полной самостоятельности и независимости, въ полной неприкосновенности отъ какихъ бы то ни было совѣтовъ и указаній или вообще ограниченій своей воли и власти, рѣшилъ совсѣмъ порвать всякую связь съ Московскою стариною. Онъ возненавидѣлъ *боярское государство* и всенародно объявилъ свою опалу на все тогдашнее такъ называемое правительство, на бояръ, дворянъ и приказныхъ людей, обвиняя ихъ во всѣхъ преступленіяхъ, создавшихъ государственное неустройство, а больше всего въ угнетеніи крестьянства, въ расхищеніи казны и государственныхъ земель, въ полномъ нерадѣніи о защитѣ государства отъ иновѣрныхъ враговъ. Онъ объявилъ себя ратоборцемъ именно за угнетенный боярами народъ, а потому къ гостямъ, купцамъ и ко всему православному крестьянству прислалъ особую грамоту, велѣлъ ту грамоту передъ всѣми людьми прочесть, а въ ней писалъ, чтобы „они себѣ никотораго сумнѣнія не держали, гнѣву на нихъ и опалы никоторыя нѣтъ". Заботливо выдѣляя изъ опалы православный народъ, онъ возложилъ вину и на духовную власть въ томъ, что архіепископы и епископы, сложась съ боярами и приказными людьми стали покрывать виновныхъ своимъ заступленіемъ.... похочетъ онъ кого виноватыхъ понаказати и посмирити, а они за нихъ же заступаются... Онъ, такимъ образомъ, объявлялъ опалу всему старозавѣтному порядку государевой жизни, проходившей въ тѣсной нравственной зависимости отъ старой исторической силы Москвы, отъ Думы боярства и духовенства.

Въ великой жалости сердца отъ такихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ *боярскаго государства* онъ порѣшилъ уйти изъ этого государства и основать свое особое, *опричное государево государство*, а для того порѣшилъ и поселиться въ иномъ мѣстѣ, какъ Богъ его наставитъ и какъ Богъ ему укажетъ.

Съ этою цѣлью онъ отдѣлилъ въ Опричнину не только многіе города и волости, но также и нѣкоторыя улицы Москвы, весь юго-западный уголъ тогдашняго городскаго населенія, начиная отъ Москвы-рѣки, Остоженку, Пречистенку, Арбатъ и по Никитскую, тотъ именно уголъ, гдѣ издревле помѣщались различныя хозяйственныя и служебныя заведенія царскаго дворца.

Въ самомъ Кремлѣ онъ тоже хотѣлъ обособиться отдѣльнымъ своимъ *опричнымъ* дворцомъ, для постройки котораго избрана была мѣстность вдали отъ большихъ пріемныхъ палатъ, на заднемъ государевомъ дворѣ, гдѣ теперь стоятъ такъ называемые Кавалерскіе корпуса и казармы, между дворцовою церковью Рождества Богородицы и Кремлевскими Троицкими воротами. „На дворъ же свой и своей царицѣ дворъ повелѣ мѣсто чистити, гдѣ были хоромы царицы, позади Рожества Пречистые и Лазаря св., и погребы и ледники и поварни всѣ и по Куретные (дворцовыя) ворота, также и княже Володимерова двора Андреевича мѣсто (гдѣ теперь стоитъ царь-пушка) принялъ, и митрополича мѣста (возлѣ теперешней церкви Двѣнадцати Апостоловъ)“.

Всѣ эти рѣшенія происходили зимою 1565 г. въ январѣ, и пока собирались очищать упомянутую мѣстность, на ней 1 февраля случился пожаръ, опустошившій именно тѣ дворы, кн. Владиміра Андреевича и митрополичій (отчасти), которые были назначены подъ постройку Опричнаго дворца. Мѣстность очистилась, стало быть, и при помощи пожара.

Повидимому, это обстоятельство остановило намѣреніе Грознаго царя поселиться Опричнымъ дворцомъ въ Кремлѣ. Цѣлый годъ прошелъ какъ-бы въ раздумьи и наконецъ на другой уже годъ (1566) весною онъ порѣшилъ выселиться изъ Кремля совсѣмъ за городъ, и „повелѣлъ дворъ себѣ ставити за городомъ, за Неглинною, межъ Арбацкіе улицы и Никитцкіе, *отъ полого мѣста*, гдѣ церкви Великомученикъ Христовъ Дмитрей да храмъ святыхъ Апостолъ Петра и Павла, и ограду камену вокругъ добру повелѣ сдѣлати“.

Другой лѣтописецъ о постройкѣ этого Опричнаго дворца записалъ слѣдующее: „Царь и В. К. (въ 1565 г.) учинилъ Опришнину: изъ града и изъ двора своего перевезся жити за Неглинну на Воздвиженскую улицу, на кн. Михайловской дворъ Темрюковича, и велѣлъ на томъ

дворѣ хоромы строити царскія и ограду учинити, и все строеніе новое ставити, городъ (ограду) и дворъ свой“.... [1]).

Года за два передъ тѣмъ временемъ, 18 апрѣля 1564 г., эта мѣстность также была опустошена пожаромъ. Въ тотъ день „загорѣся за Неглинною на Воздвиженской улицѣ княже Семеновъ дворъ Палецкаго, и сгорѣла церковь великій мученикъ Дмитрей, да дворъ княжъ Михайловъ Темгрюковича [2]) и иныхъ, всего девять дворовъ да пять келей“.

Несомнѣнно, что и хоромы Темрюковича, и церковь св. Димитрія, какъ и другіе погорѣвшіе дворы послѣ пожара вновь были выстроены на старыхъ мѣстахъ, но пожаръ могъ обозначить просторную мѣстность, которую грозный царь и избралъ для постройки своего дворца.

Дворецъ строился все лѣто и осень 1566 года. Зимою онъ былъ готовъ и 12 генваря 1567 г. государь переселился въ него на житье. Онъ жилъ тамъ до 3 февраля, когда отправился въ далекій объѣздъ, сначала къ Троицѣ въ монастырь, потомъ въ Вологду и дальше въ Кириловъ монастырь, возвратившись въ Москву 29 іюня. Однако съ того времени онъ постоянно началъ жить съ своею Опричниною въ Александровой Слободѣ и въ Москву пріѣзжалъ изрѣдка на короткое время. Должно полагать, что во время такихъ пріѣздовъ царь останавливался въ своемъ Опричномъ дворцѣ.

Гдѣ же находился этотъ достопамятный дворецъ?

Для опредѣленія его мѣстности необходимо указать мѣста упомянутыхъ двухъ церквей, вмч. Димитрія и Петра и Павла.

О послѣдней церкви не находимъ никакихъ свидѣтельствъ въ записяхъ послѣдующаго времени, но первая вмч. Димитрія Солунскаго въ началѣ деревянная, а потомъ каменная существовала до начала нынѣшняго столѣтія и находилась въ XVII ст. въ первомъ тупикѣ улицы Воздвиженки, идя отъ Кремля по правой сторонѣ, тамъ, гдѣ теперь находится отдѣльный домъ и дворъ графа А. Д. Шереметева, возлѣ его же большаго дома, въ которомъ недавно помѣщалась наша Городская Дума.

Такимъ образомъ мѣстность Опричнаго дворца мы должны отыскивать гдѣ-либо вблизи этой церкви.

1) Карамзинъ. И. Г. Р. IX, пр. 138.

2) Князь Мих. Темгрюковичъ Черкасскій (Салтанъ Мурза), сынъ князя Темгрюка Пятигорскихъ Черкасъ выѣхалъ въ Москву изъ Кабарды въ 1554 г. Государь помѣстилъ его „жити у себя во дворѣ и крестить его велѣлъ и нарекли ему имя князь Михайло и велѣлъ государь его грамотѣ учить“. Въ 1561 г. Грозный вторымъ бракомъ женился на его сестрѣ Марьѣ Темгрюковнѣ.

Указаніе лѣтописи, что дворецъ былъ построенъ *между* улицами Арбатскою и Никитскою, даетъ основаніе отыскивать его мѣстность или на углу Воздвиженки и Моховой, гдѣ существуетъ теперь въ обширномъ зданіи гостинница Петергофъ (домъ Скворцовыхъ) или на углу той же Моховой и Никитской, гдѣ находится новое зданіе университета. Но послѣдняя мѣстность, выходя на Никитскую, была бы и лѣтописцемъ прямо обозначена, что дворецъ выстроенъ былъ на Никитской улицѣ, между тѣмъ лѣтописецъ прямо указываетъ, что дворецъ находился на Воздвиженкѣ.

Угловое мѣсто гостинницы Петергофъ также не можетъ подходить подъ мѣстность Опричнаго дворца по той причинѣ, что оно слишкомъ незначительно по своему пространству для стариннаго дворцоваго размѣщенія, во всякомъ случаѣ требовавшаго болѣе обширной площади.

По обширности такой площади очень могъ бы подходить къ мѣсту Опричнаго дворца домъ и широкій дворъ графа Шереметева, вблизи, почти на самой межѣ котораго стояла и церковь св. Димитрія, если бы лѣтописецъ не обозначилъ точно, что дворецъ занялъ мѣстность отъ *полаго мѣста*, то есть отъ площади, существовавшей между р. Неглинною и улицею Воздвиженкою. Это полое мѣсто, во избѣжаніе пожаровъ, устроилъ еще въ 1493 г. дѣдъ Грознаго В. К. Иванъ Вас., опредѣливъ здѣсь разстояніе отъ Кремлевской стѣны на 110 саж., именно для полаго мѣста, для чего были снесены не только жилецкіе дворы, но и самыя церкви.

Обширная мѣстность дома графа Шереметева въ началѣ XVII ст. принадлежала боярамъ Ивану Никитичу, а потомъ его сыну Никитѣ Ив. Романовымъ, родственникамъ Грознаго царя и царя Михаила Ѳедоровича. Легко предполагать, что Опричный дворецъ могъ перейдти въ ихъ владѣніе, какъ даръ государей. Но такъ какъ этотъ дворъ стоялъ далеко отъ упомянутаго *полаго* мѣста, то подобныя предположенія теряютъ свою основательность [3]).

Однако весьма важнымъ указаніемъ на мѣстность Опричнаго Дворца можетъ служить обозначеніе церкви св. Димитрія, какое изрѣдка присвоивалось ей въ дѣловыхъ записяхъ XVII ст., что она находилась *на старомъ Государевѣ Загородномъ Дворѣ*, или просто на *Старомъ Государевѣ Дворѣ*. Но въ то время, когда такъ обозначали (въ 1616,—1629, 1681 гг.) мѣсто этой церкви, около нея не было никакихъ при-

---

[3]) Въ XVIII ст. этотъ знаменитый Шереметевскій дворъ съ церковью Знаменія, построенною еще Ив. Никит. Романовымъ, принадлежалъ боярину Льву Кирилловичу Нарышкину, потомъ его сыну Ивану, дочери Ивана—Екатеринѣ, затѣмъ графу Кириллу Григор. Разумовскому, по женитьбѣ на Екатеринѣ Ив. Нарышкиной.

знаковъ особаго государева двора, кромѣ обширнаго двора боярина Ив. Никит. Романова. Церковь стояла въ тупикѣ, который пролегалъ именно только къ этому двору (нынѣ, какъ упомянуто, домъ гр. А. Д. Шереметева). Съ другой ея стороны, отъ Моховой улицы (нынѣ домъ гг. Скворцовыхъ съ гостинницею Петергофъ) находились дворы Бориса Григорьевича Пушкина, выходившій на Воздвиженку, и рядомъ дворъ боярина и Оружейничаго Григорья Гавр. Пушкина, простиравшіеся до самыхъ алтарей церкви.

Такимъ образомъ, обозначеніе: Старый Загородный Государевъ Дворъ можетъ относиться только къ двору Ив. Никит. Романова, который по принадлежности царской семьѣ Романовыхъ долженъ былъ, при царѣ Михаилѣ Ѳед., обозначаться его собственностью съ именемъ Государева Стараго Двора, подобно тому, какъ обозначался ихъ дворъ у Знаменскаго монастыря — Старый Государевъ *Патріарховъ* дворъ, принадлежавшій Ѳедору (патріарху Филарету) Никитичу Романову, родному брату Ивана Никитича.

И на этомъ дворѣ Иванъ Никитичъ построилъ церковь Знаменія. Въ церковныхъ записяхъ начала XVII ст. она такъ и прозывалась: *строеніе* боярина Ив. Никит. Романова, что у двора Ивана Никит. Романова [4]).

Есть извѣстіе, по всему вѣроятію относящееся къ этой церкви, что она построена въ 1613 г. (дек.) *у Стараго Государева Двора* [5]), когда Знаменская церковь на Старомъ Государевомъ Дворѣ, пониже Варварскаго Крестца (Знаменскій монастырь), уже существовала.

Вообще должно полагать, что обозначеніе церкви св. Димитрія на второмъ Загородномъ Государевѣ дворѣ относилось исключительно къ двору Ивана Никит. Романова, и не заключало въ себѣ указанія на Загородный Опричный Дворецъ, остатковъ котораго въ этой мѣстности совсѣмъ не видно.

Какъ бы ни было, но существуетъ еще мѣстность вблизи упомянутой церкви, въ бывшемъ разстояніи 20 саженъ отъ ея ограды, заслуживающая столько же вниманія для опредѣленія мѣстоположенія Опричнаго Дворца.

Нельзя миновать въ розысканіяхъ объ этомъ дворцѣ отъ *полаго мѣста* другой уголъ Воздвиженки и Моховой, занимаемый нынѣ дворомъ и зданіемъ Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Обширная мѣстность этого теперь архивскаго двора (70 × 70 с.),

[4]) Матеріалы для исторіи и пр. города Москвы, I, 518.

[5]) Чтенія Общ. Истор. и Древн. 1882 г. Кн. I, 14.

вполнѣ можетъ отвѣчать и искомой мѣстности Опричнаго Дворца [6]). Но при этомъ встрѣчается не малое затрудненіе объяснить слова лѣтописца, что дворецъ занялъ мѣстность между Арбатскою и Никитскою улицами, то есть, въ кварталѣ *между* этими двумя улицами, Архивъ же находится въ кварталѣ между Знаменкою и Воздвиженкою.

Арбатскою улицею и просто Арбатомъ, а впослѣдствіи Смоленскою улицею въ XVI и XVII ст. прозывалась по преимуществу улица Воздвиженка и самая церковь св. Димитрія до послѣдняго времени обозначалась: *что на Арбатѣ*. Дальнѣйшее направленіе этой улицы отъ Арбатскихъ воротъ въ Земляномъ Городѣ то же именовалось Арбатскою улицею, а такъ какъ здѣсь пролегала дорога въ Смоленскъ, то во второй половинѣ XVII ст. обѣ Арбатскія улицы именовались также и Смоленскими, отчего и рынокъ у воротъ Землянаго Города и до сихъ поръ сохраняетъ имя Смоленскаго.

Впрочемъ, именемъ *Арбатъ* въ XVI и XVII ст. прозывалась вся мѣстность Бѣлаго Города, лежавшая между улицами Знаменкою и Никитскою, въ которой Воздвиженка занимала серединное мѣсто, почему, быть можетъ, и сохраняла за собою названіе Арбата по преимуществу. Сосѣдняя мѣстность между Знаменкою и Москвою рѣкою носила также общее прозваніе Черторьи, или Черторья.

До сихъ поръ не рѣшено, откуда взялось это имя *Арбатъ*. Конечно и несомнительно оно имя татарское, такъ точно, какъ нѣкогда толковали имя Кремль словомъ татарскимъ, означавшимъ будто бы *крѣпость*, и Китай то же относили къ словамъ татарскаго происхожденія, что значило будто бы *среднiй* городъ. Такимъ способомъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ эти имена изданный въ 1792 г. Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ, часть 1, стр. 5 и часть 2, страница 3.

Карамзинъ (IV, пр. 322), встрѣтивши въ лѣтописи наименованіе Московскаго Кремля *Кремникомъ*, съ удовольствіемъ воскликнулъ: „И такъ названіе Кремля не есть татарское и происходитъ отъ кремня". Стало быть, въ то время никто не сомнѣвался въ татарскомъ происхожденіи этого слова. Такъ точно толковали и прозваніе Арбатъ напр., отъ слова арба, объясняя что Арбатъ собственно слобода мастеровыхъ Колымажнаго Государева двора, находившагося по сосѣдству.

Недавно снова продолжались толкованія слова Арбатъ отъ татарскаго и турецкаго, остановившіяся на томъ, что Арбатъ происходитъ отъ арабскаго *Рибатъ*, по персидскому произношенію *Робатъ*, что значитъ

[6]) И отъ стѣнъ Кремля она отстоитъ именно на 110 саж., какъ было опредѣлено *полое мѣсто*.

странно-пріимный домъ. Турки и татары передѣлали это въ *Арбатъ* или *Арватъ*. Другіе прибавляли, что въ такой передѣлкѣ было бы *Арабатъ* или *Оробатъ*, тоже очень сходное имя. Предлагали также арабское слово *Рубатъ*—кварталъ. Въ концѣ концовъ рѣшено было навести въ архивахъ справки не существовалъ ли въ мѣстности Арбата основанный татарами *Робатъ*, т. е. страннопріимный домъ [7].

Въ старой Москвѣ, конечно, было не мало татаръ, но они жили только за Москвою-рѣкою на Ордынкахъ и въ Татарскихъ тамошнихъ слободахъ. Въ старой Москвѣ столько же, если не больше, жило и разныхъ иноземцевъ изъ Европы, въ XVI ст. – итальянцевъ, потомъ голландцевъ, нѣмцевъ, а потому, если подыскивать созвучныя слова, то нѣтъ основаній исключать, напр., и латинскій языкъ, въ которомъ находимъ слово arbutum—вишня, въ значеніи плода и дерева.

Въ старой Арбатской мѣстности существовали и страннопріимный домъ для объясненія татарско-турецкому происхожденію имени Арбатъ, и обширные сады для объясненія латинскаго его происхожденія. Между улицею Знаменкою и Боровицкимъ мостомъ черезъ Неглинную противъ теперешняго Публичнаго и Румянцовскаго музея въ XVII ст. существовали богадѣльни, даже каменныя, которыя въ началѣ назывались *Боровицкими*, а въ послѣдствіи въ XVIII ст. *Тургеневскими*. Въ нихъ по временамъ призрѣвалось около 100 челов. богадѣленныхъ бѣдняковъ.

Существовали также богадѣльни и у Арбатскихъ воротъ при церкви Тихона чуд., какъ и въ другихъ мѣстахъ Арбата. Въ какое время эти богадѣльни основаны, неизвѣстно, но на такихъ перекрестныхъ мѣстахъ онѣ должны были существовать издревле, конечно, не по татарскому замыслу.

Тутъ же, начиная отъ мѣстности этихъ богадѣленъ вверхъ по Неглинной, отъ Знаменки почти до Воздвиженки, по берегу рѣчки, былъ расположенъ обширный дворцовый и при томъ съ наименованіемъ *Аптекарскій* садъ, гдѣ садоводствомъ руководили аптекаря-нѣмцы разныхъ европейскихъ націй, потому что наша старина прозывала нѣмцами вообще европейцевъ. Какъ извѣстно, аптекаря-садоводы безъ латыни не обходятся въ названіи растеній и деревъ, а потому прозваніе арбутумъ, arbutum, или arbutus могло отъ нихъ пойти и въ народъ.

Кромѣ того, еще въ началѣ XV ст. за Неглинною существовалъ большой *Тереховъ* садъ, который, какъ особую хозяйственную доходную статью, князья отказывали своимъ наслѣдникамъ по духовному завѣщанію.

---

7) Моск. Вѣд. 1889 г., № 297. Упомянемъ здѣсь кстати Крымскія имена: *Арабатская* стрѣлка и *Арбадокъ, Арбутокъ*, приморскій городокъ, взятый нашими войсками во время Крымскаго похода кн. В. В. Голицына.

Въ древней Москвѣ садоводство было распространено повсемѣстно; при каждомъ и маломъ обывательскомъ дворѣ былъ свой садъ или огородъ, а богатые дворы всегда содержали и богатые обширные сады.

Слово Арбатъ въ первое время, какъ оно появилось въ лѣтописи, въ концѣ XV ст., написано было *Орбатъ*, и впослѣдствіи даже и въ XVII ст. точно также весьма часто оно писалось *Орбатъ*.

Этимъ именемъ, главнымъ образомъ, обозначался уголъ Бѣлаго города у Арбатскихъ воротъ, гдѣ городовое укрѣпленіе въ началѣ земляное и деревянное, а потомъ бѣлокаменное, по случаю протекавшаго здѣсь ручья Черторыя, было по необходимости устроено съ значительною кривизною, линія которой впадала у Арбатскихъ воротъ внутрь городской мѣстности.

Эта кривизна явственно обозначается кривымъ направленіемъ Никитскаго бульвара и разстояніемъ стѣнъ Бѣлаго города (нынѣ бульваровъ) отъ стѣнъ кремля, отъ котораго до Никитскихъ воротъ считалось 550 саж., а до Арбатскихъ меньше 400 саж. Стало быть, мѣстность Арбата, изображая кривую линію, уходила внутрь города на 150 саженей.

Въ древнемъ языкѣ находимъ слово: „*горбавьство*—кривизна, *горбавьство*—рекше *кривость*".

Можемъ предполагать, что именемъ горбатый въ народномъ понятіи и говорѣ была обозначена существовавшая здѣсь кривость городоваго укрѣпленія, которое и до постройки каменныхъ стѣнъ (въ 1587—1593 гг.) по необходимости сохраняло эту кривость и въ сооруженіи земляного вала и деревяннаго острога по направленію ручья Черторыя.

Что касается утраты звука *г* въ имени Орбатъ вмѣсто Горбатъ, то этотъ звукъ нерѣдко исчезалъ въ народномъ говорѣ и при другихъ подобныхъ словахъ, вмѣсто господарь говорили и писали осподарь, вмѣсто Госпожино говѣнье (Успенскій постъ) Оспожино говѣнье, Оспожинки, даже Спожинки; вмѣсто господá (судная власть) осподá и т. п.

Какъ бы ни было, но въ старину и улица Знаменка обозначалась тоже Арбатомъ. Въ 1608 г., въ перепискѣ городовъ по случаю смутнаго времени, такъ разсказывали о происхожденіи второго самозванца: „которой де воръ называется царемъ Дмитреемъ и тотъ де воръ съ Москвы, *съ Арбату*, *отъ Знаменья* Пречистыя *изъ-за Конюшенъ*, попов сынъ Митка... [8]).

Въ концѣ Знаменки, близъ Арбатскихъ воротъ, существовала церковь Саввы Стратилата съ подворьемъ Саввинскаго монастыря, мѣстность котораго тоже обозначена въ 1559 г. на *Орбатѣ*. Существо-

[8]) Акты Археограф. Экспед. II. 192.

вавшая по другую сторону Арбатскихъ воротъ, среди Кисловскихъ переулковъ, церковь Козмы и Даміана точно также обозначалась въ XVIII ст. что на Арбатѣ, на Ржищѣ.

Такимъ образомъ именемъ Орбатъ прозывалась собственно упомянутая кривость городового укрѣпленія, и лѣтописецъ подъ именемъ Арбатской улицы могъ разумѣть и Знаменку, и Воздвиженку, такъ какъ обѣ улицы направлялись къ той кривости или кривизнѣ. Примѣчательно, что и каменныя Арбатскія ворота въ проѣздѣ не были прямыми: въ нихъ въѣзжали съ боку отъ Знаменки и потомъ поворачивали на прямую дорогу.

На Крутицахъ, возлѣ теперешнихъ казармъ, пролегаетъ улица къ берегу Москвы-рѣки, называемая и доселѣ Арбатецъ, не потому ли что она, сходя къ берегу, упирается въ образовавшуюся здѣсь его кривость въ видѣ небольшаго овражистаго угла.

Малый Арбатецъ, переулокъ, упоминаемый на Воронцовомъ полѣ, въ приходѣ Грузинской Богородицы [9]), быть можетъ, тоже обозначалъ какую-либо топографическую кривизну.

Возвращаясь къ изысканіямъ о мѣстности Опричнаго Дворца, мы должны упомянуть и о поселенной передъ нимъ *Стрѣлецкой слободѣ*, которая расположена была по теперешней Моховой улицѣ, между Знаменкою и Воздвиженкою, и оставила память о себѣ въ наименованіи урочища церкви Николы *Стрѣлецкаго*, противъ Румянцевскаго музея. При устройствѣ Опричнины Грозный царь рѣшалъ, что онъ и стрѣльцовъ учинитъ себѣ *особь*, и нѣтъ сомнѣнія, что поселенная здѣсь Стрѣлецкая слобода устроилась въ одно время съ постройкою Опричнаго Дворца.

Подтвержденіемъ тому, что Опричный Дворецъ существовалъ на мѣстѣ теперешняго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, могъ бы служить и переходъ его въ XVII ст. въ частное владѣніе къ лицамъ, очень близкимъ государевой особѣ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ отдалъ это мѣсто своему сверстнику и любимцу, впослѣдствіи боярину Василію Ивановичу Стрѣшневу, по смерти котораго царь Алексѣй Михайловичъ передалъ этотъ дворъ своему тестю Кириллу Полуехтовичу Нарышкину.

По всему вѣроятію Стрѣшневъ выпросилъ себѣ это дворцовое мѣсто, какъ запустѣвшее и въ дворцовомъ обиходѣ совсѣмъ излишнее. Въ свое время точно также онъ выпросилъ себѣ во владѣніе, не въ видѣ пожалованія, а въ видѣ купли, обмѣна на его собственную вотчину, из-

[9]) Указатель Москвы 1893 г., ч. I. 349; ч. II, 117.

вѣстное дворцовое же село Ильинское, принадлежащее нынѣ Государю Великому Князю Сергѣю Александровичу.

Дворянскій родъ Стрѣшневыхъ становится очень извѣстнымъ со времени избранія царемъ Михаиломъ Ѳед. себѣ въ супруги дочери Мещовскаго дворянина Лукьяна Степановича Стрѣшнева Евдокіи Лукьяновны въ 1626 г. Но Василій Ив. Стрѣшневъ гораздо раньше уже находился въ большомъ приближеніи у царя Михаила. Онъ съ первыхъ дней его царствованія состоялъ при немъ сначала въ качествѣ *государева дворянина* (октябрь, 1613 г.), а потомъ занималъ самую довѣренную должность *спальника* и *комнатнаго стряпчаго*, то есть вообще былъ домашнимъ человѣкомъ у государя, наряду съ знаменитымъ впослѣдствіи бояриномъ Борисомъ Ив. Морозовымъ, который также состоялъ при государѣ спальникомъ.

Можно полагать, что и бракъ царя на Стрѣшневой былъ устроенъ не безъ участія ея родственника, столько близкаго человѣка къ государю, ставшаго потомъ и при комнатахъ царицы, своей родственницы, самымъ близкимъ и довѣреннымъ лицомъ. Быть можетъ и пожалованіе ему во владѣніе запустѣлаго Опричнаго Дворца состоялось по случаю этого брака, если не случилось это раньше, вскорѣ по вступленіи Михаила на царство, когда въ разоренной Москвѣ необходимо было найти хотя бы и разрушенное, но удобное жилище и для царскаго спальника. Въ 1629 г. Опричный Дворецъ, повидимому, уже давно находился во владѣніи Стрѣшнева.

Въ 1630—1638 годахъ Василій Ив. завѣдывалъ при Дворѣ Приказомъ Золотаго Дѣла, а также Серебряною Палатою, то есть всѣмъ производствомъ различныхъ вещей изъ дорогихъ металловъ для обихода царя и царицы и ихъ дѣтей, начиная отъ мелкихъ пуговицъ, застежекъ, колецъ, перстней и т. п. и оканчивая царскою шапкою (короною). Эта должность всегда поручалась самому близкому и довѣренному лицу, такъ какъ въ подобныхъ издѣліяхъ, по мнѣніямъ вѣка, могла явиться злоумышленная какая-либо опасность (въ родѣ волшебства) для здоровья царскихъ особъ. Въ его управленіе въ 1632 г. въ Золотомъ Приказѣ была сдѣлана царю Михаилу Ѳед. „царская шапка“ (корона), которая въ дворцовыхъ записяхъ такъ и обозначалась, что дѣлана при В. И. Стрѣшневѣ.

Его управленіе Золотымъ Дѣломъ повело къ тому, что въ тотъ же годъ, когда была сдѣлана царская корона, начались и особыя заботы о томъ, какъ бы добыть золотую руду въ своей въ Русской землѣ. Можно полагать, что эта мысль была внушена Стрѣшневу, а черезъ него и царю, иноземными золотыхъ дѣлъ мастерами или же учеными

нѣмцами, какихъ при царѣ Михаилѣ въ Москвѣ было не мало. Стрѣшневъ съ горячностію взялся за исполненіе этого дѣла.

22 февраля 1633 г. онъ былъ самъ посланъ въ Пермь Великую *сыскивать золотой руды* вмѣстѣ съ гостемъ Надѣею Андр. Свѣтешниковымъ и дьякомъ Вас. Сергѣевымъ, въ сопровожденіи для посылокъ десяти человѣкъ молодыхъ дворянъ. Главнымъ руководителемъ и знатокомъ техники всего дѣла былъ отправленъ также и рудознатецъ, пушечный литейщикъ Елисей Коетъ, вѣроятно, голландецъ или англичанинъ. И въ прежнее время предпринимались такіе поиски, но они всегда оканчивались неудачею по причинамъ, не зависѣвшимъ отъ технической стороны.

На этотъ разъ успѣхъ въ розыскахъ превзошелъ всѣ ожиданія.

Зимою, въ концѣ того же года, Стрѣшневъ возвратился въ Москву съ полнымъ торжествомъ и вскорѣ 6 генваря 1634 г., на праздникъ Богоявленія, былъ пожалованъ въ окольничіе.

Нашелъ ли онъ золотую руду, объ этомъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Но черезъ три мѣсяца, 8 апрѣля, во вторникъ на Святой, онъ за Царскимъ столомъ былъ щедро награжденъ за открытіе *мѣдной руды*, причемъ записано слѣдующее: „А пожаловалъ Государь его за службу, что онъ посыланъ былъ для Государева *великаго дѣла*, для сыску мѣдныя руды къ Соли Камской. А напередъ сего для той руды посыланы Чюлокъ-Бартеневъ и иные многіе дворяне, чтобъ руда сыскать и намъ В. Государю и нашему государству прибыль учинить, и тѣ дворяне, не служа государю и не помня крестнаго цѣлованія, мѣдной руды не сыскали для своей бездѣльной корысти и имали отъ того многіе посулы и поминки (взятки). А онъ окольничій, служа В. Государю... Божіею милостію и Государя и чадъ его... счастьемъ мѣдную руду у Соли Камской въ Григоровѣ горѣ, да въ Чердынскомъ уѣздѣ, да на Романовѣ и въ иныхъ во многихъ мѣстѣхъ мѣдную руду сыскалъ, а на посулы и на многіе поминки не прельстился и тѣмъ В. Государю многую безчисленную прибыль учинилъ“.

Открытіе мѣдной руды въ разныхъ мѣстахъ и, повидимому, въ значительномъ количествѣ въ дѣйствительности было великимъ дѣломъ для государства, потому что требовалось лить во множествѣ пушки и колокола, а доставляемая изъ-за границы мѣдь была дорога. Взятки давали и тѣ люди, которые боялись завода рудниковъ, какъ и самые иноземцы — рудознатцы, сохранявшіе выгоды своей же заграничной торговли.

Послѣ этой государственной заслуги, въ теченіе 12 лѣтъ (1634—1645 гг.), Стрѣшневъ нерѣдко исполнялъ дипломатическія порученія,

встрѣчая иноземныхъ пословъ и ведя съ ними переговоры о посольскихъ дѣлахъ. Такъ, онъ бывалъ въ *отвѣтѣ*, то есть на такихъ переговорахъ съ послами Шведскими, Голштинскими, Персидскими и Датскими.

При самомъ вступленіи на царство царя Алексѣя Мих., въ день царскаго вѣнчанія 28 сент. 1645 г., онъ былъ пожалованъ въ бояре и затѣмъ черезъ мѣсяцъ былъ отправленъ посломъ къ Польскому королю Владиславу. Послѣ того мы уже не встрѣчаемъ его у какихъ-либо важныхъ государственныхъ дѣлъ. Но какъ *ближній* бояринъ, онъ по прежнему пользовался особымъ вниманіемъ государя до своей кончины въ 1661 году.

Первая супруга В. И. Стрѣшнева Орина Прокопьевна скончалась еще при его жизни, и онъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на Евдокіи Андреевнѣ, занимавшей тѣ же почетныя мѣста въ пріемахъ и на выходахъ царицъ Евдокіи Лукьяновны, а потомъ Марьи Ильиничны. Она пережила своего супруга и упоминается въ числѣ боярынь въ сентябрѣ 1668 года.

Быть можетъ до ея кончины, послѣдовавшей, по всему вѣроятію, въ 1669 г., за нею оставался и большой дворъ Стрѣшнева, на которомъ въ этомъ году уже жилъ Касимовскій царевичъ Михайло Васильевичъ, вѣроятно, родственникъ Стрѣшневу по супругѣ. Умирая, Стрѣшневъ благословилъ его нѣсколькими иконами своего моленія изъ церкви влмч. Ирины. Въ іюлѣ 1670 г. церковному причту этого двора отъ церкви влмч. Ирины назначена была государева руга въ томъ окладѣ, какъ выдавалась руга причту церкви Похвалы Б—цы, находившейся на Кремлевскомъ дворѣ государева тестя боярина И. Д. Милославскаго. Назначеніе изъ Дворца руги показываетъ, что церковь переходила въ дворцовое вѣдомство и, несомнѣнно, со всѣмъ дворомъ Стрѣшнева, какъ и свидѣтельствовалъ причтъ, что „тотъ дворъ былъ взятъ на имя Государя отъ Тайныхъ Дѣлъ", то есть въ вѣдомство Тайнаго Приказа, при чемъ и церковь была описана и запечатана въ іюлѣ 1672 г., а потомъ въ декабрѣ отдана со всею утварью на храненіе священнику [10]).

О постройкѣ церкви при Опричномъ Дворцѣ, какъ мы видѣли, не упоминается, а объ этомъ лѣтописецъ не преминулъ бы помянуть, еслибъ такая постройка существовала. Поэтому должно полагать, что церковь во имя влмч. Ирины была построена Стрѣшневымъ и его первою супругою Ириною Прокопьевною во имя ея тезоименитства. При Стрѣшневѣ церковь стояла отдѣльно отъ хоромъ и соединялась съ

[10]) Переписныя Книги города Москвы 1665—1676 г., М. 1886 ст. 88.—Свѣдѣнія о домовой церкви при М. Г. Архивѣ Минис. Иностран. Дѣлъ, собр. И. Токмаковымъ. М. 1882 г., XXII, III, V.

нимъ посредствомъ особыхъ переходовъ, какъ это видно на современномъ планѣ двора.

Послѣ В. И. Стрѣшнева прямыхъ наслѣдниковъ не оставалось, но у него было много родственниковъ, Стрѣшневыхъ, (изъ ближнихъ государю людей окольничіе Иванъ Ѳед., Родіонъ Матв.), къ которымъ по пожалованію государя могъ бы перейти и его обширный дворъ, еслибъ этотъ дворъ не составлялъ старинной собственности Государева Дворца, отданной и Стрѣшневу изъ особой царской милости какъ бы въ пожизненное владѣніе. Память объ этой старой дворцовой собственности побудила государя возвратить его снова во Дворецъ съ тѣмъ, чтобы передать его во владѣніе новому близкому къ государевой особѣ человѣку.

Въ это время, съ 1671 г., старыхъ ближнихъ людей Стрѣшневыхъ, а за ними и Милославскихъ смѣнили новые ближніе люди—Нарышкины послѣ брака царя Алексѣя Михаиловича на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной.

Въ сентябрѣ 1674 г. Богъ даровалъ государю отъ этого брака царевну Ѳеодору, третье рожденіе послѣ царевича Петра Алексѣевича (1672 г.) и царевны Наталіи Алексѣевны (1673 г.). Обрадованный государь 1 октября 1674 г. давалъ торжественный *родинный* столъ у себя въ Грановитой палатѣ для всѣхъ властей, и духовныхъ, и боярскихъ, и у царицы въ Золотой палатѣ для боярынь и женъ ближнихъ людей. У стола царицы стояли и принимали ѣствы и ставили передъ ней ея отецъ бояринъ Кирило Полуехтовичъ Нарышкинъ и окольничій знаменитый Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Въ тотъ же день государь пожаловалъ дворъ В. И. Стрѣшнева Кириллѣ Полуехтовичу Нарышкину съ *дѣтьми* [11]).

Такимъ образомъ государь, уже съ 1672 г., со времени рожденія царевича Петра, повидимому, готовилъ этотъ знаменитый дворъ для достаточнаго устройства своего счастливаго тестя.

Послѣ Кирилла Полуехтовича домомъ владѣли его вдова Анна Левонтьевна съ сыномъ Львомъ Кирилл., который потомъ владѣлъ одинъ и скончался въ 1705 г., оставивъ малолѣтнихъ сыновей (Александра, Ивана, Евграфа), изъ которыхъ домъ перешелъ во владѣніе къ Александру Львовичу, († 1745), а потомъ къ его вдовѣ Еленѣ Александровнѣ (Апраксиной).

Затѣмъ домъ перешелъ къ ихъ дѣтямъ Александру Александр. и Льву Александр. которые, получивъ это наслѣдство, вѣроятно, пожелали раздѣлиться и потому порѣшили продать свой дворецъ. Въ Моск.

[11]) Дворцовые Разряды III, 1059.

Вѣдомостяхъ 1766 г. № 54 они объявили, что „желающіе купить домъ, состоящій на Моховой улицѣ, въ приходѣ церкви Николая чуд., что у стараго Каменнаго мосту, съ каменнымъ и деревяннымъ строеніемъ, съ регулярнымъ садомъ и оранжереею, о цѣнѣ освѣдомиться могутъ въ ономъ же домѣ, у служителя Василья Агѣева или Василья Воронина". Но или не нашлось покупателей, или владѣльцы раздумали продавать, только домъ остался во владѣніи старшаго брата Александра [12]), а послѣ него († 1795) перешелъ къ Льву Александр. († 1799) и затѣмъ къ его сыну Александру Львовичу († 1826 г.), который, живя постоянно заграницею, успѣлъ его продать генеральшѣ отъ инфантеріи Софьѣ Петровнѣ Свѣчиной, вѣроятно, уже обгорѣлый въ пожаръ 1812 г. За нею домъ числился еще въ 1818 г., а потомъ былъ купленъ въ казну для Горнаго Правленія, которое и помѣщалось въ немъ до 1865 г., когда оно было упразднено.

Въ 1868 г. вся эта достопамятная мѣстность со всѣми ея постройками по Высочайшему повелѣнію была передана для помѣщенія Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Послѣ того домъ и церковь и вокругъ двора ограда на мѣстахъ старыхъ зданій были построены вновь.

Предположеніе о томъ, что эта мѣстность могла принадлежать Опричному Дворцу Ивана Грознаго, сколько намъ извѣстно, впервые было высказано однимъ изъ горячихъ любителей Московской старины и неутомимымъ разсказчикомъ о ея достопамятностяхъ М. Макаровымъ въ его статьѣ: „Воспоминаніе о домахъ и дворахъ нѣкоторыхъ князей, бояръ и другихъ именитыхъ лицъ Московскихъ", помѣщенной въ прибавленіи къ Губернскимъ Вѣдомостямъ 1841 г., № 36.

Авторъ, безъ особыхъ разысканій и справокъ, написалъ слѣдующее: „За-кремлевскій дворецъ Іоанна Грознаго устроился близь урочища *Сапожка*, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Горное Правленіе; послѣ этотъ же Дворецъ былъ собственностью Царицы Натальи Кирилловны и переходилъ въ родѣ Нарышкиныхъ".

Надо замѣтить, что Макаровъ писалъ свои разсказы о старыхъ Московскихъ домахъ и дворахъ по слухамъ и по разсказамъ старожиловъ, конечно, невсегда вѣрнымъ. И объ Опричномъ Дворцѣ онъ записалъ предположеніе, давно уже ходившее между людьми, которые интересовались этою стариною, и прочитавши у Карамзина примѣчаніе 138 къ IX тому его Исторіи, иначе и не могли указать себѣ мѣстность Опричнаго Дворца, какъ именно во дворѣ тогдашняго Горнаго Правленія,

---

12) Указатель Москвы, 1793 г., ч. II, 80.

обнесеннаго старинною каменною оградою со старинными каменными же воротами въ лицѣ двора съ Моховой улицы. Какъ мы видѣли, другой мѣстности невозможно и указать, поэтому и В. Пассекъ въ своей Московской справочной книжкѣ (М. 1842 г.), слѣдуя за Макаровымъ, тоже отмѣтилъ: „Полагаютъ, что здѣсь былъ домъ Іоанна Грознаго". Онъ прибавилъ къ этому, что въ немъ жила царица Наталья Кирилловна, а Макаровъ упомянулъ, что домъ былъ собственностію царицы. Но царица Наталья Кирилловна не только никогда не владѣла этимъ домомъ и не жила въ немъ, но едва ли когда и бывала въ немъ у своего роднаго отца. Быть можетъ, уже въ Петровское время она посѣщала въ этомъ домѣ свою родную мать Анну Левонтьевну и брата Льва Кирилловича.

Каменная ограда, простиравшаяся по улицѣ Воздвиженкѣ на 70 с., могла бы также служить однимъ изъ доказательствъ, что здѣсь именно и существовалъ Опричный Дворецъ, о постройкѣ ограды для котораго упомянуто и въ первомъ лѣтописномъ извѣстіи о его устройствѣ: „и ограду камену вокругъ добру повелѣ сдѣлати". Но при Стрѣшневѣ объ оградѣ по случаю пожара въ 1629 г. высказано только, что *столбы* и *заметы* его двора уцѣлѣли, не горѣли, хотя эта ограда находилась только въ 4 саж. отъ горѣвшихъ дворовъ. Были ли эти столбы и заметы каменные, объ этомъ не помянуто.

Однако, ни Стрѣшневъ, ни Нарышкинъ, хотя и были по царской милости людьми достаточными, не могли построить такую обширную, въ своемъ родѣ монастырскую, ограду безъ повелѣнія государя, а для такого повелѣнія въ ихъ время не существовало особаго или вообще разсудительнаго повода. Можно предполагать, что ограда построена уже при сынѣ Кир. Пол. Нарышкина, при Львѣ Кир., или при его дѣтяхъ, въ началѣ XVIII ст., если она не существовала изстари.

Само собою разумѣется, что каждый новый владѣлецъ для удобства своего житья что-либо передѣлывалъ и перестраивалъ въ зданіи самаго дворца, но, повидимому, такія передѣлки ограничивались только нѣкоторыми пристройками и не касались основныхъ частей зданія, такъ что оно сохраняло до послѣдняго времени свое старое мѣсто и свой основной корпусъ. Это видно изъ прилагаемаго здѣсь стариннаго плана двора, начерченнаго по всему вѣроятію, въ то время, когда дворъ былъ пожалованъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Кириллу Полуехтовичу Нарышкину. Планъ этотъ (см. уменьш. рис. 23) находится въ Сборникѣ Чертежей къ дѣламъ Тайнаго Приказа, хранящемся въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и былъ изданъ В. И Ламанскимъ въ „Сборникѣ Чертежей Москвы, ея Окрестностей и города Пскова," въ видѣ приложенія ко 2 тому Записокъ Славяно-Рус-

скаго Отдѣленія Спб. Археологическаго Общества, Спб. 1861 г., см. планъ № XIV. Въ подлинникѣ нѣтъ обозначенія, кому именно принадлежалъ этотъ дворъ, но по нашимъ изысканіямъ и по сравненію съ

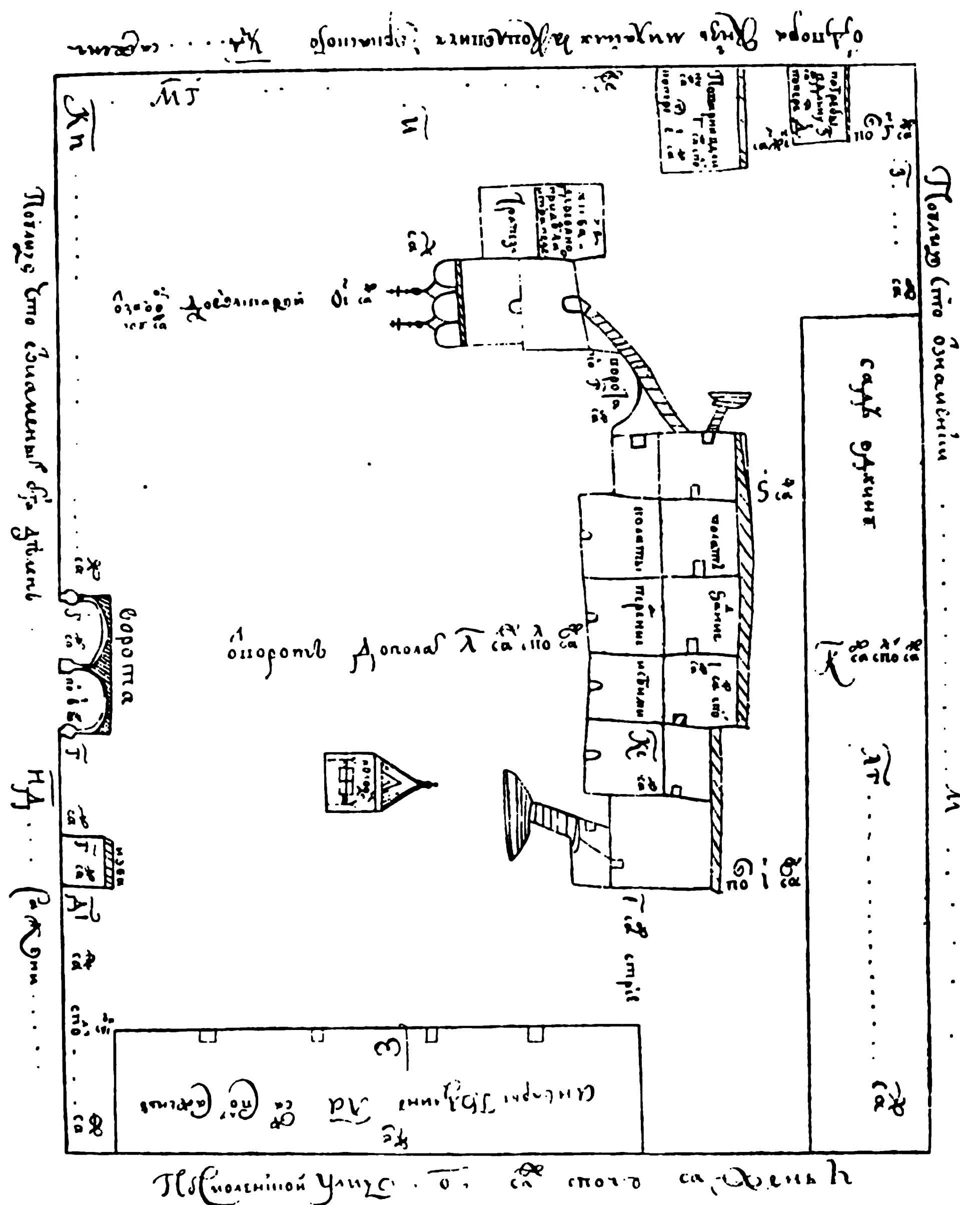

Рис. 23

планомъ двора XVIII ст. не представляется сомнѣнія, что это чертежъ достопамятнаго двора Стрѣшнева и Нарышкиныхъ.

Нельзя не выразить должной признательности начальству Московскаго Архива, что оно при возведеніи новыхъ строеній сохранило ста-

ринное устройство этого двора, такъ что въ общихъ основныхъ его чертахъ этотъ новый Дворецъ древнихъ грамотъ и хартій по своему мѣстоположенію вполнѣ можетъ напоминать старый Опричный Дворецъ Грознаго царя.

Что касается упомянутаго М. Макаровымъ урочища *Сапожка*, къ церкви котораго во имя Николая чуд., *что на Сапожкѣ*, былъ прихожаниномъ и домъ Нарышкиныхъ, то надо замѣтить, что имя этого урочища принадлежитъ не древнему времени, но уже XVIII ст., когда здѣсь неподалеку отъ башни Кутафьи существовалъ казенный питейный домъ *Сапожокъ*, отъ котораго въ народѣ и вся мѣстность стала прозываться *Сапожкомъ*, какъ прозваны были точно также по именамъ питейныхъ домовъ многія другія мѣстности Москвы [13]).

Ив. Забѣлинъ.

II

Вновь открытая фреска въ Софійскомъ соборѣ, въ Новгородѣ.

Въ настоящее время въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ богослуженіе прекратилось на все время начавшейся уже реставраціи собора, которая производится подъ надзоромъ архитектора В. В. Суслова. Мѣсяца два тому назадъ въ этомъ соборѣ при отбитіи штукатурки въ предѣлѣ, гдѣ помѣщается рака съ мощами новгородскаго князя Владиміра Ярославича, строителя собора, на ближайшей къ ракѣ стѣнѣ открыта случайно древняя фреска, изображающая въ ростъ фигуру князя или царя, въ византійскомъ царственномъ одѣяніи—съ довольно неяснымъ предметомъ въ лѣвой рукѣ (см. поясн. изоб. на рис. 24). Намъ лично пришлось увидать эту интересную фреску, прекрасно сохранившую краски, и только рисунокъ ея въ немногихъ мѣстахъ попорченъ. Фигура написана на свѣтло-синемъ фонѣ съ преобладаніемъ въ платьѣ красновато-кирпичныхъ тоновъ. Въ лицѣ преобладаютъ желтовато-коричневые тона; волосы свѣтло-каштановаго цвѣта, а борода и усы небольшіе свѣтлые, глаза большіе темные и носъ длинный,

[13]) См. наши Опыты изученія Русскихъ Древностей II, 219 и сл.

слегка выгнутый. Одежда состоитъ изъ далматика, украшеннаго „лоромъ“ — въ его болѣе позднемъ покроѣ; корона въ формѣ широкой діадимы, съ привѣсками по сторонамъ изъ жемчужныхъ нитей; башмаки пурпуровые, украшенные жемчугомъ. Одежда, тонъ красокъ, техника указываютъ несомнѣнно на византійское мастерство; по стилю эта фреска подходитъ къ фрескамъ Спасо-Нередицкой церкви и относится, по всему вѣроятію, къ древнѣйшей росписи предѣла,—не позднѣе XII в. Къ сожалѣнію, надписи надъ фигурой мы не замѣтили, такъ что опредѣленіе сюжета нужно искать въ области болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній. Если предположить, что на стѣнѣ, образующей уголъ со стѣною фрески, по снятіи штукатурки, могла-бы оказаться фигура царицы, то вся композиція могла быть пріурочена тогда къ изображенію свв. Равноап. Константина и Елены, и тогда предметъ въ лѣвой рукѣ фигуры означалъ-бы крестъ. Этому предположенію однако противорѣчитъ, по нашему мнѣнію, размѣръ и форма предположеннаго въ лѣвой рукѣ креста, неуказывающіе на реальность этого изображенія, хотя окраска его въ сѣрый цвѣтъ и намекаетъ на дерево; непонятной также остается продольная линія посрединѣ перекрестія. Если-же предположить этотъ крестъ какъ символъ, а не изображеніе реальное, то тогда нельзя не замѣтить, что при отсутствіи какихъ либо украшеній онъ находится въ прямой дисгармоніи съ изображенной фигурой. Въ силу этихъ соображеній мы скорѣе склонны видѣть въ этомъ предметѣ никакъ не крестъ, а какой либо инструментъ, въ родѣ отвѣса или линейки, какая употребляется при каменныхъ работахъ, и въ такомъ случаѣ этотъ предметъ можетъ представлять символъ строительной дѣятельности царя или князя, быть можетъ, Владиміра Ярославича, хотя въ послѣднемъ случаѣ обычнѣе было бы встрѣтить въ лѣвой рукѣ изображеніе храма. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ можетъ выясниться при открытіи фресокъ на сосѣднихъ стѣнахъ и при спеціальномъ ихъ изслѣдованіи. Намъ остается закончить наше краткое извѣстіе о весьма любопытномъ откры-

Рис. 24

тіи пожеланіемъ, чтобы фрески немедленно по открытіи снимали и посредствомъ кальпъ и посредствомъ фотографіи, одинъ экземпляръ которой можно было-бы изготовить въ краскахъ. Вообще, снятіе фотографій возбудило-бы интересъ къ ново-открытымъ фрескамъ и могло-бы содѣйствовать скорѣйшему рѣшенію вопроса о значеніи этихъ фресокъ и о времени ихъ изготовленія.

В. Сизовъ.

III

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ, пріобрѣтеній древностей музеями и разныя извѣтсія.

—— Н. О. Криштафовичъ, производившій въ теченіе послѣднихъ лѣтъ подробную геологическую съемку Московскаго уѣзда, встрѣчался при своихъ экскурсіяхъ съ образованіями, обязанными своимъ происхожденіемъ человѣку въ древнѣйшія времена. Наблюденія свои г. Криштафовичъ сообщилъ редакціи „Арх. Изв. и Зам.“ въ надеждѣ, что его указанія послужатъ къ дальнѣйшему изученію Московскаго уѣзда въ археологическомъ отношеніи:

„Дюны не только Московскаго уѣзда, но и губерніи, до сего времени оставались совершенно не изслѣдованными. Не вдаваясь въ разборъ причинъ этого, укажу на одну, болѣе вѣроятную, изъ нихъ: не всѣ дюны Московск. уѣзда (въ долинахъ рѣкъ, а онѣ-то по преимуществу и интересны) оказываются задернованными и поросшими не только травой, но часто кустарниковой и древесной растительностью; послѣднее обстоятельство, конечно, защищаетъ поверхностныя образованія дюнъ отъ разрушенія и скрываетъ культурные остатки отъ случайнаго взгляда наблюдателя. Я, производя искусственные разрѣзы дюнъ (въ долинахъ рѣкъ) и выясняя геологическое отношеніе ихъ къ прочимъ образованіямъ данной долины, встрѣтилъ *) въ пескахъ, на поверхности дюнъ, и въ культурныхъ наслоеніяхъ выше песковъ: массу черепковъ глиняной посуды очень при-

*) Н. О. Криштафовичъ спеціальныхъ археологическихъ разслѣдованій и раскопокъ не дѣлалъ; всѣ культурные остатки найдены при производствѣ геологическихъ изслѣдованій.

митивнаго обжига, грубой работы и орнамента (неправильный ручной штрихъ); глина, изъ которой сдѣлана эта посуда, содержитъ зерна и кусочки кварца, примѣшавшагося къ ней, очевидно, при работѣ. Кромѣ обломковъ посуды, найдены: кости различныхъ млекопитающихся, птицъ и рыбъ; обломки раковинъ unio pictorum, обожженный камень, уголь и цѣлыя кострища, углубленныя въ дюну на подобіе котла (діаметръ до $1 \frac{1}{2}$ арш.); наконецъ, наиболѣе интересная находка—обломокъ оббитаго кремневаго орудія (наконечникъ дротика). Эти остатки были найдены на дюнахъ въ долинѣ р. Москвы: 1) между с. Троицкимъ и дер. Щукиной на правомъ берегу и 2) между дер. Луки и селомъ Павшино на лѣвомъ берегу, близъ старицы „Кружокъ"; въ настоящее время рѣка даетъ разрѣзъ одной изъ большихъ тамошнихъ дюнъ. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ большая дюна на правомъ берегу, крайняя внизъ по рѣкѣ, какъ по своему положенію, топографіи мѣстности, такъ и по многочисленности вышеуказанныхъ остатковъ. Разрѣзъ ея представляется въ слѣдующемъ видѣ: 1) почвенно-растительный современный слой; 2) культурный темно-сѣрый песчаный слой съ углемъ (найдено цѣлое кострище), черепками посуды, обломками костей животныхъ, птицъ, и тамъ же найденъ обломокъ кремневаго орудія; толщина слоя до 8 верш.; 3) темножелтые и желтые пески, въ которыхъ изрѣдка встрѣчаются черепки глиняной посуды; толщина его до 12 в.; 4) ниже желто-сѣрые пески и т. д. Кромѣ вышеуказанныхъ древнихъ культурныхъ остатковъ и наслоеній, на этихъ же дюнахъ встрѣчаются остатки болѣе позднихъ культуръ, особенно на дюнахъ между Луками и Павшинымъ, гдѣ мною встрѣчены остатки и наслоенія, относящіеся, по крайней мѣрѣ, къ тремъ эпохамъ заселенія, судя, главнымъ образомъ, по характеру и типу глиняной посуды и ея обработкѣ, а именно: въ нижнихъ культурныхъ слояхъ, черепки типа вышеуказаннаго; въ слояхъ надъ ними—черепки изъ лучше обожженной и обработанной глины съ участіемъ гончарнаго круга; но къ глинѣ все же оказываются примѣшанными зерна кварца, хотя меньше какъ по количеству, такъ и по самой величинѣ зерна; еще выше и на самой поверхности—черепки посуды безъ кварца и, повидимому, мало отличаются отъ современной; съ этими послѣдними черепками находятся куски обоженнаго кирпича. Нѣтъ сомнѣнія, что тщательное изслѣдованіе указанныхъ мѣстъ дастъ много интереснаго въ археологическомъ отношеніи.

Городищъ, древнихъ поселеній и другихъ древнихъ наслоеній городищенскаго типа мною лично открыто нѣсколько по теченію р.р. Москвы, Пехорки, Клязьмы и Учи. Моимъ товарищемъ В. А. Городцевымъ, во время нашей общей геологи-

ческой экскурсіи, также замѣчено неизвѣстное до сего времени въ литературѣ городище на лѣвомъ берегу р. Москвы у с. Капотня (ниже г. Москвы); въ настоящее время это городище занято сельскимъ кладбищемъ.

Изъ открытыхъ мною городищъ или другихъ наслоеній этого типа назову находящееся почти у самой Москвы за Серпуховской заставой и Даниловской слободой, возлѣ дер. Нижніе Котлы, на правомъ берегу небольшой рѣчки-ручья, впадающаго по близости въ р. Москву. Это городище (?) находится на высокомъ и крутомъ выступѣ, господствующемъ надъ долиною рѣчки-ручья; окружено съ боковъ рвами, изъ которыхъ одинъ несомнѣнно искусственный, другой, размытый дождями, требуетъ болѣе тщательнаго изслѣдованія. Площадь городища имѣетъ общій наклонъ къ рѣчкѣ; длина его отъ материка къ рѣчкѣ= 70 шагамъ, въ поперечникѣ=46—50 шагамъ. Толща культурнаго слоя у стороны, обращенной къ устью рѣчки, имѣетъ $2^1/_2$—3 арш., къ материку постепенно выклинивается; на сторонѣ, обращенной къ верховью рѣчки, очень неравномѣрна; съ боковъ и къ рѣчкѣ городище представляетъ обрывъ, и культурный слой, разрушаясь, осыпается внизъ. Послѣдовательность наслоеній разрѣза выступа на сторонѣ, обращенной къ рѣчкѣ, слѣдующая: 1) современный почвенно-растительный слой съ черепками современной посуды, стекла и пр.; иногда встрѣчаются предметы нижележащихъ слоевъ, съ которыми этотъ слой тѣсно связанъ; 2) неравномѣрная толща древнихъ культурныхъ наслоеній. Не произведя археологическихъ изслѣдованій, я не могу указать возрастные горизонты наслоеній; но на основаніи случайныхъ, номногочисленныхъ находокъ, я полагаю, что со временемъ и можно будетъ различить указанные горизонты. Въ самомъ верхнемъ горизонтѣ этихъ наслоеній встрѣчаются черепки глиняной посуды болѣе древняго типа, чѣмъ современный, но значительно болѣе новаго, чѣмъ въ изобиліи попадающіеся глиняные черепки въ нижележащей толщѣ, сдѣланные изъ глины, сравнительно плохаго обжига, съ примѣсью зеренъ и кусочковъ кварца; работа и орнаментація посуды грубы, сдѣланы безъ помощи гончарнаго круга, отъ руки; нѣкоторые горшки имѣютъ у верхняго края по одной и по 3 дырочки для подвѣшиванія. Въ верхнихъ наслоеніяхъ этой толщи мною найдена бронзовая, витая изъ проволоки, шейная гривна, длиною въ окружности 5 вершк. (дѣтская?); на одномъ концѣ проволока завернута глухимъ крючкомъ. Въ нижнихъ наслоеніяхъ найдено костяное остріе, заостренное съ одного конца, длиною въ $3^1/_2$ в. Во всей культурной толщѣ встрѣчаются въ большомъ количествѣ кости, часто расколотыя и разбитыя, млекопитающихъ, птицъ и рыбъ. Также часто

встрѣчается уголь, полуобоженное дерево и т. д. Между культурными наслоеніями иногда наблюдается вклинивающійся желтовато-сѣрый суглинокъ; въ немъ мною найдено нѣсколько наземныхъ раковинъ современныхъ моллюсковъ и полуобожженные стебельки травянистыхъ растеній. Слѣдующіе слои состоятъ изъ 3) желто и буровато-сѣраго суглинка въ 1 $^1/_2$—2 арш. и 4) песка. Съ поверхности городища *), почти по срединѣ его, мѣстные крестьяне копаютъ культурные слои и переносятъ землю на сосѣдніе огороды; берутъ землю они не глубже 1 $^1/_2$ арш. и при этомъ обнажаютъ массу человѣческихъ костяковъ, которые и не закапываются ими, и потому масса костей разбросана какъ по всей площади городища, такъ и въ окружающихъ его рвахъ. При моихъ посѣщеніяхъ этого городища я встрѣтилъ на поверхности не менѣе двухъ десятковъ череповъ. Наблюдающіяся здѣсь погребенія принадлежатъ ли ко времени отложенія здѣшнихъ древнихъ культурныхъ наслоеній, или къ болѣе позднему времени, можетъ рѣшить только археологическая раскопка.

Изъ другихъ городищъ, открытыхъ мною въ Московскомъ уѣздѣ, упомяну еще о находящемся на правомъ высокомъ, берегу р. Клязьмы, близъ с. Большево; теперь это городище поросло лѣсомъ и застроено дачею; другое — на лѣвомъ берегу р. Цехорки, немного выше села Краскова".

—— По словамъ „Либ. Газеты", въ окрестностяхъ Либавы сдѣланы въ послѣднее время интересныя археологическія находки. Въ Нидербартауской волости найдены крестьяниномъ въ большомъ количествѣ древне-греческія серебряныя монеты. Затѣмъ, когда копали въ Капзейденѣ грунтъ для строющагося военнаго порта, то наткнулись на предметы украшенія и утварь бронзоваго вѣка. Газета справедливо замѣчаетъ, что слѣдовало бы кому-нибудь озаботиться, чтобы найденныя вещи были скуплены и отданы въ музей. (Нов. Вр. № 6335, 1893 г.). Находка греческихъ монетъ въ районѣ бассейна Балтійскаго моря не первая: въ 1824 году около Шубина, близь Бромберга, найдены были монеты въ количествѣ 36 экземпляровъ, относимыя къ числу древнѣйшихъ греческихъ (см. Friedlaender und Sallet, Das koenigl Münzkabinet, стр. 24). Въ высшей стпени важно было бы знать, какія монеты найдены въ Либавѣ; надобно надѣяться, что Археологическая Коммиссія не оставитъ безъ вниманія эту находку.

—— Недавно Московскимъ Публичнымъ и Румянцевскимъ Музе-

*) Болѣе опредѣленное археологическое названіе описываемой мѣстности можно дать только послѣ тщательнаго изслѣдованія.

ями было пріобрѣтено рукописное евангеліе, представляющее собою одинъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ древнерусской письменности. По имени писца можно назвать это евангеліе Евсевіевымъ, какъ ранѣе прозваны были другія евангелія Добриловымъ, Поликарповымъ. Евсевіево евангеліе принадлежитъ къ числу памятниковъ письма галицко-волынскаго и среди датированныхъ евангелій этого рода займетъ весьма почетное мѣсто: его слѣдуетъ поставить тотчасъ за галицкимъ евангеліемъ 1266 года Императорской Публичной Библіотеки или даже передъ нимъ, такъ какъ время написанія послѣдняго опредѣляется лишь приблизительно, по времени княженія Льва Даниловича Галицкаго (1266—1301 г.), Евсевіево же евангеліе писано въ то же княженіе и имѣетъ опредѣленную дату—1282 г.

Особенности древняго галицко-волынскаго нарѣчія указаны и научно объяснены проф. С. П. Б. университета А. И. Соболевскимъ въ Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка (Кіевъ, 1884 г.), гдѣ изслѣдовано болѣе пятнадцати рукописей, писанныхъ въ Галицко-Русскомъ княжествѣ. Не перечисляя всѣхъ отличительныхъ чертъ правописанія этихъ памятниковъ, мы укажемъ на нѣкоторыя, наиболѣе замѣтныя при чтеніи Евсевіева евангелія. Это, во-первыхъ, употребленіе буквы *ѣ* въ такихъ случаяхъ, гдѣ въ древнеславянскомъ языкѣ стоитъ *е*: поклонѣнье, знамѣнье, оучѣнье, камѣнь, голѣнь, коупѣль, погыбѣль, оутѣшитѣль, о нѣмъ, о нѣй, вашѣмь и т. п. 2) особенно частая замѣна *ъ* и *ь* чрезъ *о* и *е* и обратно, преимущественно въ окончаніяхъ словъ: пророко, Петро, Филипо, рѣхо, ихо, наше, есте *(вм.* есть*)*; вы не вѣсть *(вм.* вѣсте), живьши, Никъдимъ, словъ, въ наръдѣ; иногда эти *ъ* и *ь* стоятъ вмѣсто *а*: глаголы животъ вѣчнаго, отвѣщьвъ. 3) употребленіе *ѣ* вмѣсто *и* и наоборотъ: дѣтѣ, свѣдитѣльство. 4) замѣна окончаній на *іе*, *ія*, *ію* и тѣхъ же слоговъ въ срединѣ словъ чрезъ *ье*, *ья*, *ью*: людье, божья, въ Вифаньи, оубьють, змью; наоборотъ, окончанія глаголовъ на *ть* передъ *и* измѣняются въ *ти*: моляхоути и, почтети и; подобно этому: вѣми и, *вм.* вѣмь и. 5) *у* и *в* въ предлогахъ и приставкахъ взаимно замѣняютъ другъ друга: въ *вм.* у и у *вм.* въ, оупросиша; въ началѣ словъ, начинающихся съ *о* и *у* и въ срединѣ между гласными, гдѣ есть одна изъ этихъ гласныхъ, ставится эвфоническое *в*: оува *вм.* оуа, Ивоне *вм.* Іоне, воужасъ, вовца. Всѣ эти фонетическія особенности, равно какъ и другія, о которыхъ мы для краткости не упоминаемъ, не обычны въ памятникахъ нарѣчія галицко-волынскаго. Но въ Евсевіевомъ евангеліи встрѣчается въ рядѣ примѣровъ такая черта, которая, повидимому, составляетъ индивидуальную особенность писца этой рукописи и въ другихъ не попадается; это перемѣна мѣста двухъ согласныхъ, стоящихъ рядомъ въ

словѣ, въ началѣ или срединѣ его, преимущественно *в* и *с*: сви, свьго, свѣхъ *вм.* вси, всего, всѣхъ; всязаша *вм.* связаша, всыше; *также*: ветроградъ, о прадвѣ, рханяще *вм.* вертоградъ, о правдѣ, храняще.

Евангеліе писано на пергаментѣ, въ листъ, въ два столбца, на 140 листахъ; палеографическія его особенности обычны для памятниковъ русскаго письма того времени. По типу евангеліе Евсевіево относится къ числу евангелій апракосъ, т. е. такихъ, гдѣ чтенія евангельскія расположены по порядку не евангелистовъ, а недѣль года. Начинается оно, какъ и всѣ такія евангелія, съ Пасхи; затѣмъ слѣдуютъ ев. чтенія на каждый день недѣли до Пятидесятницы. Послѣ сего вставлено ев. чтеніе „новому лѣту“, потомъ евангелія субботнія и недѣльныя до Воздвиженія, послѣ котораго новый счетъ недѣлямъ до сыропустной. Недѣли Великаго Поста сочтены особо; особый же счетъ евангеліямъ въ великій пятокъ и воскреснымъ. Въ концѣ помѣщенъ мѣсяцесловъ, начиная съ сентября, куда внесены еванг. чтенія на праздники не переходящіе и на дни памяти особо чтимыхъ святыхъ. Изъ русскихъ святыхъ занесены въ мѣсяцесловъ только свв. Борисъ и Глѣбъ подъ 24 іюля.

Весьма замѣчательна запись на 62 листѣ евангелія, открывающая намъ имя писца и время написанія. Позволяемъ себѣ привести ее дословно, измѣнивъ лишь непередаваемыя гражданскимъ шрифтомъ начертанія и означивъ скобками вставленные нами слоги въ словахъ, написанныхъ въ рукописи подъ титломъ: „Въ лѣт(о) 6791 (=1282). Сконечашася книги сия м(ѣся)ца октяб(ря) 15 д(е)нь с(вята)го Люкияна прозвютора. Бл(а)гословить а нѣ кленѣть, а кеде боудоу исекривило исправляте. Си же писало Евсивии поповиче с(вя)таг(о) Иоана, азъ грѣшнии — Г(оспод)и помози рабоу своему! — Коли ся женило Горгии князе, а о(те)цъ ему в Оугры ходило, тогды скончашася книги сия“. Историческія данныя, заключающіяся въ этой записи, подтверждаютъ и дополняютъ свѣдѣнія, занесенныя продолжателемъ Ипатьевской лѣтописи, этого почти единственнаго источника для исторіи Галицкой Руси XIII-го вѣка. Около 1282 г., по свидѣтельству лѣтописи, татарскіе ханы Ногай и Телебуга, по просьбѣ Куманскаго князя Олдамура, двинулись чрезъ Галицко-Владимирскую землю и вторглись въ Венгрію. Всѣ почти князья галицкіе должны были присоединиться къ татарскому войску; былъ въ томъ числѣ и кн. Левъ Даниловичъ, сынъ знаменитаго Даніила Романовича Галицкаго и отецъ того князя Юрія, о которомъ говорится въ нашей записи. Нѣсколько ранѣе Ипатьевская лѣтопись упоминаетъ и о намѣреніи князя Юрія Львовича жениться. Именно подъ 1281 годомъ тамъ разсказывается слѣдующее: Кондратъ, князь Черско-Мазовецкій, просилъ помощи у Владимира, кн. Владимирскаго, противъ

Болеслава Плоцкаго; тотъ согласился и въ свою очередь просилъ о томъ же „сыновца“ своего Юрія, а Юрій ему отвѣтилъ такъ: „Строю мой, радъ быхъ и самъ съ тобою шелъ, но нѣколи ми: ѣду господине, до Суждаля жениться“. Женитьба эта состоялась въ 1282 году, какъ свидѣтельствуетъ наша запись.

Закончивъ этими историческими припоминаніями наше краткое сообщеніе объ Евсевіевомъ евангеліи, укажемъ на дальнѣйшую судьбу этого драгоцѣннаго кодекса. Вскорѣ по написаніи евангеліе было куплено нѣкимъ Константиномъ Манойло, повидимому, молдаваниномъ. Въ 1600 году оно было пожертвовано воеводою Стефаномъ въ какую-то церковь (надпись вытерта); затѣмъ находилось въ старообрядческомъ монастырѣ въ Слатинѣ, откуда, быть можетъ, было продано за начертаніе „Іисусъ“, которое встрѣчается въ немъ. Теперь послѣ трудной многовѣковой службы православію, оно вернулось на Русскую землю, словно заслуженный воинъ, украшенный почетными ранами, чтобы своимъ видомъ и своими повѣствованіями воскрешать дѣянія старины далекой! *(Сообщ. С. О. Доловъ).*

—— Въ № 7—8 „Арх. Изв. и Зам.“, на стр. 269, между прочимъ, упомянута шиферная плита съ греческой надписью изъ Херсона. Въ настоящее время, благодаря любезности г. секретаря Херсонскаго статистическаго комитета В. И. Гошкевича, редакція получила эстампажъ надписи и препроводила его В. В. Латышеву, съ обязательностью сообщившаго редакціи воспроизведенный ниже текстъ съ примѣчаніемъ. По словамъ г. Гошкевича„ плита найдена въ г. Херсонѣ, вблизи греческой церкви, по Богородицкой улицѣ, въ усадьбѣ Гнилосарова. Рабочіе, найдя плиту, отпилили часть ея на брусокъ“. Судя по эстампажу, бо́льшая часть плитки *(а)*, выш. 0,17 м., шир. 0,13, обломана со всѣхъ сторонъ, кромѣ правой, съ которой отпиленъ брусокъ *б;* послѣдній имѣетъ правильную четырехугольную форму. Текстъ надписи см. на прилагаемомъ рисункѣ 25-мъ.

Рис. 25

По характеру письма надпись можно отнести къ раннимъ византійскимъ временамъ. Къ сожалѣнію текстъ ея не можетъ быть возстановленъ. Въ стр. 3 было или *καλουμέν* (*η*) или *καλούμεν*(*οι*), въ стр. 4 —]*Σεπτε*]*μβρίου ιθ' καὶ*, въ стр. 5 — [*Εὐ*] *φροσύν*(*η*).

—— По словамъ „Русскаго Листка“ (отъ 10 окт. 1893 г.) по Бердичевскому уѣзду разъѣзжаетъ житель Кіева, нѣкто Теленковъ, или Теликовъ, бывшій, какъ онъ говоритъ, подрядчикъ по постройкѣ церквей, и занимается скупкою старинныхъ церковныхъ вещей и книгъ,

или обмѣниваетъ ихъ на новыя. По его словамъ, онъ побывалъ уже почти во всѣхъ уѣздахъ Кіевской губерніи: былъ въ Каневѣ, Черкасахъ, Умани, Таращѣ, мѣстечкѣ Бѣлиловкѣ, Бердичевскаго уѣзда, и во многихъ другихъ мѣстахъ и пріобрѣлъ массу старинныхъ, весьма цѣнныхъ вещей, сложенныхъ имъ въ разныхъ пунктахъ, преимущественно на желѣзнодорожныхъ станціяхъ. Въ каждой церкви есть много старыхъ вещей, лежащихъ безъ употребленія, уже замѣненныхъ новыми. Вещи эти пережили не одно поколѣніе. Спрятанныя по шкафамъ и ящикамъ, они не обращали и не обращаютъ на себя ничьего вниманія. Церковные старосты смотрятъ на нихъ, какъ на ненужный хламъ, и рѣдкіе священники серьезно присматриваются къ нимъ, а еще рѣже оцѣниваютъ ихъ по достоинству. Неудивительно послѣ этого, если на предложеніе продать такія вещи или промѣнять на новыя соглашаются очень скоро и дѣйствительно промѣниваютъ какую-нибудь старую драгоцѣнность на новую, мишурную, грошевую вещь или продаютъ за безцѣнокъ. Присмотрѣвшись къ такимъ стариннымъ предметамъ церковной утвари въ бытность свою строителемъ церквей, г. Т. въ пріобрѣтеніи ихъ указаннымъ способомъ составилъ для себя весьмо выгодную профессію. Пользуясь небрежнымъ отношеніемъ къ нимъ и отчасти невѣжествомъ церковныхъ старостъ, онъ пріобрѣлъ не мало археологическихъ рѣдкостей. По его разсказамъ, онъ купилъ въ г. Таращѣ старую плисовую плащаницу, шитую золотомъ, съ такою же бахрамою, при чемъ шитье вокругъ головы Спасителя было унизано жемчугомъ. Эта плащаница досталась ему очень дешево, такъ какъ церковный староста и священникъ приняли жемчугъ за бисеръ. У одного священника онъ купилъ два старыхъ Евангелія, изъ которыхъ одно писано на пергаментѣ. За эти Евангелія священникъ запросилъ 9 руб. (пять за печатное и четыре за писанное), а продалъ дешевле, такъ что писанное обошлось Т. въ три рубля. За послѣднее Евангеліе, высланное имъ въ Петербургъ, въ музей, онъ получилъ тысячу двѣсти руб. Въ другомъ мѣстѣ онъ вымѣнялъ старое уніатское архіерейское облаченіе, которое продалъ потомъ какому-то ксендзу за 600 рублей. При поѣздкѣ его по Бердичевскому уѣзду при немъ было нѣсколько цѣнныхъ вещей: серебряная чаша старинной чеканки съ драконами, которую онъ вымѣнялъ за подризникъ; старая, прекрасной старинной серебряной парчи, риза, риза прекрасной узорчатой турецкой парчи, риза французской шелковой старинной ткани, воздухи съ золотыми галунами и другія вещи. Перечисленныя вещи — это только весьма незначительная часть всѣхъ тѣхъ, которыми владѣетъ и владѣлъ Т.

IV

Засѣданія Обществъ.

19 мая 1893 года происходило въ Славянской Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества засѣданіе, посвященное реферату заслуж. проф. и академика Н. С. Тихонравова, сообщившаго объ открытіи имъ неизвѣстнаго доселѣ русскаго паломника Варсонофія, ходившаго во св. Землю въ 1456 г.. *) Непосредственно за этимъ хожденіемъ въ Іерусалимъ въ сборникѣ помѣщено второе хожденіе тогоже Варсонофія, которое начинается такъ: „Сотворихъ другое путшествіе ко святому граду Ерусалиму по шти лѣтехъ прихода моего на Русь". Къ сожалѣнію, въ рукописи недостаетъ конца этого путешествія. Предметомъ реферата Н. С. Тихонравова было первое хожденіе Варсонофія. Въ рукописи памятникъ озаглавливается такъ: „Изволеніемъ Отца и поспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ св. Духа, милостію Божіею и пречистыя Богоматере Хожденіе странническое исмиреннаго священнаго инока Варсонофія ко св. Граду Иерусалиму".

Рукопись (она составляетъ собственность Н. С. Тихонравова) писана твердымъ и красивымъ полууставомъ; въ бумагѣ знакъ похожій на № 420, по Тромонину—(1625 г.); она относится къ первой четверти XVII в. Въ языкѣ замѣтны черты говора сѣверо-западнаго и принадлежатъ оригиналу, а не писцу рукописи.

Путь Варсонофія былъ таковъ: изъ Кіева онъ отправился чрезъ Бѣлградъ въ Царьградъ, отсюда на Критъ, Родосъ, Кипръ, въ Лаодикію, Триполь, Бейрутъ, Дамаскъ; идучи отъ Дамаска, Варсонофій *„видѣлъ"* Тиверіадское море, Генисаретское озеро, Іорданъ, Ѳаворъ, Хоразинъ, Виѳсаиду, какое-то село Легіонъ (идѣже, прогна Христосъ *легіонъ* бѣсовъ...), затѣмъ Наинъ, Лидду, Рамлю, *видѣлъ* Еммаусъ. „Есть (разсказываетъ В.) отъ града Елмауса вдали яко едина миля есть церковь святыхъ апостолъ Луцѣ и Клеопѣ, идѣже явися имъ Христосъ въ преломление хлѣба; тутожъ есть близъ церкви Кинба сарай, въ немъ же начевахъ, противу града Елмауса". Это свидѣтельство важно для рѣшенія вопроса: гдѣ находился новозавѣтный Еммаусъ. Варсонофій пришелъ въ Іерусалимъ „на память иже во св. отца нашего Аѳанасія, арх. Александрійскаго, и св. мучениковъ новоявленныхъ Бориса и Глѣба, рус. князей, мѣсяца мая во 2 день въ лѣто 6964-е" (1456).

Въ церкви Воскресенія пробылъ Варсонофій четыре ночи. Описаніе свое

*) Помѣщаемое здѣсь изложеніе доклада сдѣлано самимъ г. референтомъ.

онъ начинаетъ съ западной стороны храма,— съ ротонды (Гроба Господня), потомъ переходитъ на южную сторону, далѣе на востокъ и возвращается сѣверною стороною храма. Описаніе Варсонофія отличается простотой, правдивостью и точностью.

Это описаніе, прежде всего, подтверждаетъ мнѣніе Вогюэ, что главная часть храма (куполъ надъ гробомъ Господнимъ) въ существенныхъ своихъ частяхъ со временъ крестоносцевъ и Даніила Паломника не измѣнилась, дополняясь только пристройками. Сравнительно съ другими русскими паломниками одинъ только Варсонофій опредѣляетъ приблизительный размѣръ отверстія въ ротондѣ (окно велико яко 3 саженъ), указываетъ точно сюжеты мозаикъ въ куполѣ часовни Гроба (херувими, и серафими, и ангели и архангели).

Замѣчательно также указаніе числа паникадилъ на Гробѣ—14, число среднее между извѣстіемъ Аркульфа (670) и Виллибальдомъ (721); этой цифры не даетъ ни одинъ изъ паломниковъ. Мѣры Гроба нѣтъ, потому что его тогда нельзя было и измѣрить.

„Снятіе со креста" отмѣчено кратко, но точно, какъ ни у одного изъ паломниковъ: „10 пядей въ длину и вкругъ его 17 пядей кладено разными мраморы: червлеными и черными и бѣлыми"; мраморная доска, на которой несли Христа по снятіи, „среди подошвы церковныя".

Описаніе Голгоѳы точнѣе, чѣмъ у другихъ паломниковъ русскихъ, и представляетъ частности, у послѣднихъ не встрѣчающіяся: двѣ лѣстницы, одна въ 11, другая въ 8 ступеней; такую *двойную* лѣстницу русскіе паломники не знаютъ, опредѣляя общее число ступеней 18 — 20 (Греѳеній); у западныхъ же паломниковъ старше XVI в. свидѣтельствъ о двойной лѣстницѣ нѣтъ: Варсонофій даетъ свидѣтельство и для XV-го.

Крестъ Господень, по Варсонофію, стоялъ лицомъ на востокъ (по І. Дамаскину и западнымъ паломникамъ—на западъ).

„Идучи ко кресту Господню, есть двѣ лѣстницы камены, идѣже обрѣте св. Елена царица три креста": здѣсь церковь Іакова, брата Господня, съ тремя источающими воду (яко жь и слеза) столпами. Это такъ называемый ὁ θρόνος (т. е. Іакова, перваго епископа Іерусалимскаго); съ именемъ Іакова связываютъ церковь нѣкоторые западные путешественники, изъ русскихъ же, кромѣ Варсонофія, никто. Легенда о „плачущихъ" столбахъ церкви уже въ XIV ослабѣвала, въ концѣ XV уже была забыта: Позняковъ даже не обратилъ вниманія на эти столбы.

Точно также правильно раздѣляетъ Варсонофій „судище Пилатово *и другое мѣсто*, идѣже Пилатъ умы руцѣ": рус. паломники обыкновенно оба мѣста смѣшиваютъ, считая ихъ за одно (такъ и Даніилъ).

Затѣмъ Варсонофій посѣтилъ „темницу", видѣлъ доску съ двумя „дырами": „и воскорѣ тотъ камень продѣлали нози Господни". Обыкновенно происхожденіе этихъ отверстій объяснялось иначе: въ нихъ видѣли родъ колодки, надѣваемой на ноги осужденнаго (Греѳеній, Коробейниковъ).

Одинъ Варсонофій сходится въ объясненіи отверстій, сдѣланныхъ якобы колѣнями упавшаго Христа, съ западными паломниками.

Столбъ мученій Христа по Варсонофію *аспиденъ*; съ нимъ согласенъ Греееній *(червленъ)*; позднѣйшіе русскіе и западные паломники видѣли колонну бѣлаго мрамора.

Согласно съ Грееененіемъ приводитъ и Варсонофій легенду о кузнецѣ, ковавшемъ гвозди на Христа, но никто кромѣ него не указываетъ при этомъ на „кладезь сладкіе воды“ (близь мѣста явленія Христа Маріи Магдалинѣ); колодезь же дѣйствительно существовалъ.

Выйдя изъ церкви Воскресенія, Варсонофій обратилъ вниманіе на великолѣпную колокольню храма съ южной его стороны.

Всего пробылъ Варсонофій въ Іерусалимѣ два мѣсяца, посѣщая отсюда всѣ святыя мѣста окрестностей. Онъ началъ свой обходъ съ Сіона, и описывалъ св. мѣста въ порядкѣ своихъ обходовъ, каждый обходъ отдѣльно.

Путь его отъ Сіона шелъ на СВ. отъ Іерусалима въ Геѳсиманію, потомъ на ВЮВ. на Елеонъ, далѣе въ Виѳанію и Лавру св. Саввы, отсюда на ЮЗ. въ мон. Ханенъ и закончился Иверскимъ мон. Крестъ.

Въ краткомъ описаніи Сіона есть подробности, не находимыя у русскихъ паломниковъ: топографія отличается точностью, мѣста не только перечислены, но и описаны; отмѣчены драгоцѣнности (миса, изъ которой вкушали на тайной вечери); въ этомъ случаѣ Варсонофій сходится съ древнѣйшими западными паломниками, тогда какъ позднѣйшіе русскіе ограничиваются простымъ перечисленіемъ отдѣльныхъ частей Сіона. Такъ у Варсонофія „келія“ Богородицы отдѣлена отъ „дома“ Іоанна Богослова; параллель этому извѣстію находимъ только у венеціанца Марина Сануто (1310 г.): церковь Успенія описана подробнѣе, чѣмъ у всѣхъ русскихъ паломниковъ; особенно важно указаніе кладезя въ церкви, подтверждающее показаніе Тоблера, который относитъ церковь на основаніи присутствія колодца къ VII в. Также замѣчательны описанія Геѳсиманіи, Вертограда, пещеры Отче нашъ. Варсонофій не упоминаетъ о лабиринтѣ гробовъ пророковъ и царей, но приводитъ, указавъ на гробъ Ровоама, преданіе, не упомянутое ни у русскихъ паломниковъ, ни у западныхъ—о пророкѣ Софоніи, „егожъ Юдѣи свергоша з горы и умре, и ангели божіи взяша тѣло его, и божіимъ повелѣніемъ разступися каменная гора, и положиша ангели святыя мощи его въ гору, и опять сступися гора вмѣсто, и ту есть разсѣлина знати и донынѣ, а длина ей есть 5 пядей“.

Въ описаніи Елеонской горы также нѣсколько новыхъ чертъ: „Идучи на Елеонскую гору ко св. церкви—къ Вознесенію Христову, ту есть лѣстница предъ церковію—ступеней 20 (такъ и у Теодорика, 1172 года; у Даніила паломника—22). Около стопы Христовы обмуровано какъ теремецъ островерхъ. И близь теремца въ церкви стоятъ 4 столпы мраморныи—толико

хороши на единомъ камени поставлены! И во странѣ во другой стопы Господня отдѣлано дощечками древяными". Подробно описана церковь св. Пелагеи, точно опредѣлено положеніе ея гроба; легенда о покаяніи у гроба передана полнѣе и яснѣе, чѣмъ у другихъ паломниковъ: „и входящи человѣцы поклонницы первіе каются Богу всѣхъ грѣховъ своихъ у гроба ея, и тако единъ по единому обходитъ три краты вкругъ гроба св. Пелагеи; преподобная же чудотворица инова человѣка за тяжескія грѣхи притиснетъ и держитъ единъ часъ или два часа и отпуститъ". Легенда о покаяніи у гроба св. Пелагеи восходитъ къ весьма древнему времени, и обрядъ, съ нею связанный, существовалъ еще въ XVII в.. Варсонофій еще вѣрилъ въ это сказаніе, но уже въ XV в. въ концѣ оно утратило свое значеніе и стало простой формальностью, лишенной внутренняго содержанія (Грееенiй); въ XVI в. церковь была запечатана Турками.

„Идучи на гору Кано-Галилейскую", Варсонофій „видѣлъ ту кладезь, отъ негоже воду черпаютъ на бракъ: а полаты жъ развалишася, токмо кучи велики каменія того лежатъ—тѣхъ полатъ".

Очень своеобразно опредѣленіе мѣста встрѣчи Маѳы съ Іисусомъ Христомъ: здѣсь Варсонофій нашелъ т. н. „Маѳину воду",—указаніе, неизвѣстное ни у насъ, ни на западѣ: обыкновенно это мѣсто отмѣчается камнемъ или столпомъ; хотя намеки на присутствіе здѣсь воды есть у Даніила и Грееенія, но нигдѣ не сказано, что она текла „поперекъ пути и глаголется Маѳина вода".

Описаніе лавры св. Саввы у Варсонофія точнѣе, чѣмъ у Грееенія и другихъ паломниковъ: послѣдніе обыкновенно болѣе занимаются топографіей Лавры, Варсонофій одинъ изъ всѣхъ паломниковъ отмѣтилъ „лѣстницу, ряжену по подземелью".

Мон. Ханинъ (Беджальскій) Варсонофій посѣтилъ уже послѣ возвращенія въ Виѳлеемъ, откуда онъ совершилъ свои послѣдніе обходы.

Передъ церковью Р. Х. видѣлъ Варсонофій большую площадь, обнесенную стѣной, съ тремя колодезями; изо всѣхъ паломниковъ одинъ только Даніилъ Ефесскій (40 лѣтъ послѣ Варсонофія) видѣлъ только уже ея остатки *), а въ XVI в. ея уже не существовало. Описаніе верхняго храма Р. Х. кратко, мозаики указаны точно; за то нижняя часть церкви описана подробно и также точно: отмѣчены двѣ лѣстницы въ 16 и 13 ступеней, ведущія въ пещеру Р. Х.,—подробность, неизвѣстная ни одному изъ русскихъ паломниковъ: Даніилъ считаетъ 7 ступеней въ каждой лѣстницѣ, остальные паломники или знаютъ *одну* лѣстницу, или вовсе не отмѣчаютъ лѣстницъ. Реставрація храма въ 1842 г. подтвердила показаніе Варсоноѳія. Также точно и ясно отмѣчены и

*) Это извѣстіе Варсоноѳія оправдываетъ и реставрацію плана Виѳл. храма Вогюэ

святыни подземной церкви Р. Х.: престолъ, ясли, камень со звѣздой, камень у яслей, оконце, мозаика Р. Х., гробы младенцевъ, избіенныхъ Иродомъ, престолъ св. Георгія.

Посѣтивъ мон. Ханинь, Варсонофій особенно подробно описываетъ церковь Георгія, къ которому съ особенною любовію относился паломникъ: онъ нарочно у Бейрута остановился, чтобы видѣть мѣсто, гдѣ Егорій убилъ змія; въ Лиддѣ онъ посѣщаетъ церковь, гдѣ хранилась глава Егорія; поэтому онъ посѣтилъ и Ханинь, мѣсто мученія Егорія: здѣсь онъ видѣлъ колесо, на которомъ мучили „Егоргія", цѣпь съ ошейникомъ („огорлокъ"), исцѣляющую изступленныхъ, видѣлъ иконы: Георгія на конѣ, побивающаго змѣя, и Георгія *Гамлейскаго*, мучимаго на колесѣ.

Интересенъ внѣшній видъ памятника: при перепискѣ текста произошла путаница; нѣкоторыя строки поставлены не на мѣстѣ: это, очевидно, позднѣйшія приписки Варсонофія *). Нужно думать, что первоначальныя записи велись на хартіяхъ (отдѣльныхъ листкахъ). Все описаніе носитъ характеръ неотдѣланнаго литературно дневника и потому сохраняетъ свѣжесть и т. ск. теплоту перваго впечатлѣнія. Варсонофій записываетъ то, что видѣлъ, для себя, а не для назиданія читателей, какъ Даніилъ Паломникъ. Поэтому онъ не пускается въ историческія подробности, не дѣлаетъ выписокъ и ссылокъ на св. Писаніе и апокрифы, не предлагаетъ символич. сопоставленія мѣстностей. Замѣтки Варсонофія лежатъ передъ нами въ сыромъ видѣ, не обработанными литературно.

Такіе же наброски, несомнѣнно, составляли канву „Странника" и Даніила Паломника. Непосредственность неукрашеннаго разсказа составляетъ особенное достоинство „Хожденія" наблюдательнаго и добросовѣстнаго іеромонаха. Оканчиваетъ свой разсказъ Варсонофій словами „Се первое хоженіе мое во св. градъ Іерусалимъ ермонахъ воскоро Варсонофей. И азъ же не трудихся послѣдуя тебѣ Господи. адна наслажденіе человѣческіе не взыскахъ, Святый Царѣ, Сыне Божій. Господи Ісусе Христе, Сыне Божій помилуй насъ".

Интересное сообщеніе Н. С. Тихонравова вызвало живую бесѣду по поводу подробностей и характера путешествія Варсонофія. Въ бесѣдѣ приняли участіе: Н. В. Рузскій, М. В. Веневитиновъ, С. О. Долговъ и др.

*) На стр. 4—6 вставлено 29 стр.
6-й пять начальныхъ строкъ отнесены въ конецъ.
9-й одна строка принадлежитъ къ стр. 11-й; около 4-хъ строкъ къ 4-й.

V

Библіографія.

Историческое описаніе московскаго ставропигіальнаго Донскаго монастыря Составилъ И. Забѣлинъ. 2-е изданіе, исправленное и дополненное. Москва, 1893 г. (192 стр.).

Многіе старые русскіе монастыри и церкви сосредоточивали на себѣ вниманіе государей и зажиточныхъ людей, обогащавшихъ ихъ вкладами, и храмы дѣлались хранилищемъ памятниковъ вещественныхъ и рукописныхъ, которые въ церковныхъ постройкахъ, скорѣе, чѣмъ въ частныхъ, могли сохраниться отъ пожаровъ и непріятельскихъ нашествій и, такимъ образомъ, описанія нашихъ монастырей и церквей, а тѣмъ болѣе такихъ, которые созидались въ память какихъ либо историческихъ событій или которые имѣли значеніе въ исторіи русскаго государства, всегда должны представлять интересъ для историка и археолога.

Образцемъ подобной монографіи, безукоризненной во всѣхъ отношеніяхъ, можетъ служить „Описаніе Донскаго монастыря" И. Е. Забѣлина. Авторъ въ „приложеніи" (книга состоитъ изъ 2-хъ отдѣловъ: собственно описанія и приложенія, заключающаго матеріалы) собралъ всѣ рукописные документы, касающіеся монастыря: описи, грамоты, челобитныя, подрядныя, записи, лѣтопись монастырскую (съ 1693 г. по 1750 г.) и т. д., изъ которыхъ извлекъ богатый матеріалъ, послужившій основаніемъ „Описанію". Монастырь основанъ около 1593 г. въ память избавленія Москвы отъ нашествія крымскаго хана Казы-Гирея въ 1591 г. и каменная церковь въ имя Богоматери была построена повелѣніемъ царя Θеодора Ивановича на томъ мѣстѣ, гдѣ въ Обозѣ стояла походная церковь во имя преп. Сергія съ иконою Донской Божьей Матери и, начиная съ этого времени и до позднѣйшаго, И. Е. Забѣлинъ излагаетъ всю исторію монастыря. Описывая древнѣйшіе монастырскіе храмы—соборъ и церковь Донской Божьей Матери, авторъ даетъ цѣлую страницу изъ исторіи русскаго зодчества и рѣзнаго мастерства XVII и XVIII ст., при чемъ сохраняетъ и поясняетъ старинную терминологію нашихъ зодчихъ и сообщаетъ не мало именъ художниковъ и мастеровъ, прикосновенныхъ къ монастырю. Особыя главы посвящены вкладамъ въ монастырь (вотчинами, кормовыми окладами и вещественными вкладами), описанію ризницы, не особенно богатой старинными вещами, но среди нихъ авторъ отмѣчаетъ рукописныя Евангелія XV и XVI ст. съ прекрасными заставками, и кладбищу съ переименованіемъ наиболѣе выдающихся лицъ, погребенныхъ тамъ, съ описаніемъ нѣкоторыхъ намогильныхъ памятниковъ. Къ книгѣ приложена фототипія съ иконы Донской Божіей Матери и 4 вида монастыря и его храмовъ.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи (при **Казанскомъ** университетѣ). *Т. XI (1893 г.), вып. 4-й.*

Тубулгу-тау и неопредѣленные города Волжской Булгаріи. ***П. А. Пономарева.***—Владѣнныя граматы Спасскаго Казанскаго монастыря. ***Еп. Никанора.***—Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества **инородцевъ** Волжско-Камскаго края. I. Мелодіи чувашскихъ пѣсенъ **(окончаніе).** ***В. А. Мошкова.***—*Матеріалы*: Еще о слѣдахъ древняго населенія **близъ Спасска.** *Обрѣзкова.*—Пребываніе Екатерины II въ Чебоксарахъ. **Вѣрованія и культъ** Мордвы с. Сабанчеева Алатырск. у., Симб. губ. *Бутузова.*—**Постройки с.** Талызина Курмышск. у., Симб. губ. *Постникова.* — *Хроника.* **На текущія** темы. *И. Н. Смирнова.*—*Музеографія.* Списокъ антропологи., **археологическ.** и этнографическ. предметовъ Барнаульскаго горнаго **музеума.** ***П. Чупина.***—*Библіографія. И. Н. Смирнова.* — *Приложенія*: 1) **Черемисско-русскій словарь.** *В. П. Троицкаго.* 2) Мѣдный вѣкъ въ Европѣ. ***М. Мухъ*** **(перев. съ нѣм.).**

Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи. № 18 **(подъ ред** прав. дѣлъ Арс. Маркевича). *Симферополь, 1893 г.*

Реестръ II Крымскаго двора старыхъ лѣтъ дѣламъ въ столпахъ **содержащимся** съ 1579 по 1700 г. (продолженіе). *Сообщ. Ѳ. Ѳ. Лашковъ.*—**Реестръ** III Крымскаго двора новыхъ лѣтъ дѣламъ съ 1700 по 1779 г. ***Сообщ. Ѳ. Ѳ.*** *Лашковъ.* — Реестръ адресамъ, уполномочіямъ, актамъ, нотѣ, **письмамъ и** копіямъ писемъ Крымскихъ вельможъ и татарскихъ ордъ **хана Крымскаго** въ царствованіе имп. Екатерины II. *Сообщ. Ѳ. Ѳ. Лашковъ.* — **Ордера кн.** П. А. Зубова правителю Таврической области за 1794 годъ **(продолженіе).** *Сообщ. Г. К. Кирѣенко.*—Къ нумизматикѣ Гиреевъ (описаны монеты **Хаджи**-Гирея, 1440—1466 г., Менгли-Гирея I, 1468—1515 г., **Девлетъ-Гирея I,** 1550 — 1577 г., съ 4-мя табл. рис.) *О. Ф. Ретовскаго.* — **Памяти П. И.** Кеппена. *Арс. И. Маркевича.* — Отчетъ о дѣятельности **Тавр. Уч. Арх.** Комм. за 1892 г. — Протоколы засѣданій Тавр. Учен. Архивной **Комм. 28** янв., 19 февр. и 7 мая 1893 г.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго **Общества, на** основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель гр. ***Уварова.***

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ 12 разъ въ годъ и составятъ томъ въ 25 листовъ. Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою ТРИ (3) рубля въ годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Историческомъ Музеѣ, на Красной Площади, у Алексѣя Васильевича Орѣшникова ежедневно (кромѣ субботъ и праздниковъ), отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня.

2) Въ антикварной книжной торговлѣ П. П. Шибанова, Москва, Петровскія линіи.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные ТРИ рубля исключительно на имя Московскаго Археологическаго Общества (Москва, Берсеневская набережная, у Каменнаго моста, собств. домъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности — церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльные №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа; особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы въ Москву, въ Историческій Музей, на Красной Площади, Алексѣю Васильевичу Орѣшникову.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки

издаваемыя

Императорскимъ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

[illegible]

А. В. ОРѢШНИКОВА.

№ 12

МОСКВА
Товарищество типографіи А. И. Мамонтова
(Леонтьевскій пер., д. Мамонтова).
1893

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ
ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

дѣйствительнаго члена

А. В. ОРѢШНИКОВА.

Съ 4-мя таблицами и 27 рис. въ текстѣ.

Томъ I.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.
1893

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ, пріобрѣтеній древностей музеями и проч. въ Россіи и за границею.

Стр.

Разныя извѣстія.

Стр.

Засѣданіе IX Археологическаго съѣзда въ Вильнѣ.

Общія собранія.

1-е отдѣленіе (первобытныя древности).

2-е отдѣленіе (исторія, географія, этнографія).

Засѣданія Обществъ

Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: 6 октября 1892 г. (докладъ гг. Куликовскаго и Сысоева о поѣздкѣ на Кавказъ (стр. 41). Демонстрація Д. А. Анучинымъ бронзовыхъ предметовъ, найденныхъ въ Казанской губ. (стр 42)—1 ноября 1892 г. Торжественное засѣданіе, въ которомъ чествовалось 50-лѣтіе учено-литературной дѣятельности И. Е. Забѣлина (стр. 42).—17 ноября 1892 г. Засѣданіе Славянской Коммиссіи. Докладъ И. А. Линниченко. О новыхъ теоріяхъ происхожденія польскаго государства и сословій въ Польшѣ (стр. 44). — 28 ноября 1892 г. Засѣданіе Восточной Коммиссіи. Сообщеніе В. К. Трутовскаго о проектѣ упрощенія Арабскаго алфавита (стр. 83). Доклады А. С. Хаханова о поѣздкѣ въ Эриванскую губ. и М. В. Никольскаго о клинообразной надписи изъ Сардарабада (стр. 84).— 15 января 1893 г. Докладъ К. М. Быковскаго о Съѣздѣ Зодчихъ (стр. 85). Докладъ Д. Я. Самоквасова о центральныхъ архивахъ (стр. 87).—26 января 1893 г. Доклады А. М. Павлинова объ искусствѣ у Татаръ, В. А Уляницкаго о полукопкѣ Сигизмунда Августа и Д. Н. Анучина объ остяцкомъ идолѣ-слонѣ и объ амулетѣ изъ кости человѣческаго черепа (стр. 137).—16 января 1893 г. Доклады Д. И. Иловайскаго объ Ильѣ Муромцѣ, В. И. Сизова о раскопкахъ въ Московск. губ. и И. В. Цвѣтаева объ юбилеѣ де-Росси (стр. 138).—28 января 1893 года. Засѣданіе Восточной Коммиссіи. Доклады М. П. Сабинина „О грузинскомъ описаніи страданій армянск. мучениковъ“ и А. Е. Крымскаго: „Очеркъ исторій суфизма въ I и II в. Гиджры“ (стр. 139).—26 февраля 1893 г. Засѣданіе Восточной Коммиссіи. Отчетъ Н. Н. Пантусова о при-Пишпекскомъ кладбищѣ (стр. 141). Сообщеніе X. И. Кучукъ-Іоаннесова о путешествіи Белька (стр. 142).—2 марта 1893 года „Дополнительная замѣтка объ историческихъ наслоеніяхъ былинъ“, Д. И. Иловайскаго (стр. 187). Доклады Н. П. Лихачева: „О разрѣшительныхъ грамотахъ“ и А. М. Фетисова о раскопкахъ въ Семирѣченской области (стр. 188). 19 марта 1893 г. Докладъ И. А. Линниченки: „Десятинная организація древней Руси“ (стр. 188) 9 апрѣля 1893 г. Доклады А. Н. Шварца „Гермесъ Праксителя на монетѣ Анхіала“, В. И. Сизова: „О раскопкахъ г. Фурсова въ Могилевской губ.“ и Н. Ѳ. Бѣляшевскаго: „О раскопкахъ на Княжей Горѣ“ (стр. 191). Засѣданіе Славянской Коммиссіи 29 окт. 1892 года, 20 янв., 23 февр., 13 марта и 16 апрѣля

1893 г. Докладъ М. Н. Сперанскаго: „О славянскихъ библіотекахъ Австріи и Сербіи", „Правила Слав. Коми" (стр. 192). Рефераты: В. М. Истрина „Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ" (стр. 193). В. В Богданова „О звуковой транскрипціи русскаго языка", С. О. Долгова. „Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ" (стр. 195). Л. Г. Нидерле „О трудѣ Пича „Археол. изысканія въ средней Чехіи" (стр. 195). А. С. Хаханова „О грузинскомъ переводѣ Александріи (стр. 196). 4 мая 1893 г. Засѣданіе Восточной коммиссіи. 4 мая 1893 г. Доклады А. С. Хаханова. „О Нинопминдскихъ актахъ" и А. Е. Крымскаго „о суфизмѣ III в. Гиджры" (стр. 224 — 225). 19 мая 1893 г. Засѣданіе Славянской Коммиссіи. Докладъ Н. С. Тихонравова: „О вновь открытомъ хожденіи русскаго паломника Варсонофія во св. землю въ 1456 г." (стр. 426).

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ: 18 марта 1893 г. Новые документы о Крижаничѣ.—С. А. Бѣлокурова (стр. 227). 24 апрѣля 1893 года. О междукняжескихъ отношеніяхъ московскаго государства въ XIV—XV вв.—В. А. Уляницкаго (стр. 228). Возраженія В. О. Ключевскаго (стр. 228).

Антропол. отд. Общ. Люб. Естествознанія: 18 января 1883 г. Къ вопросу о національности европейскихъ макрокефаловъ.—П. П. Мельгунова (стр. 89).

Московскаго Архитектурнаго Общества: 11 февраля 1893 г. О реставраціи Варварской башни—Н. В. Никитина. 25 февраля 1893 г. (стр. 143). Реставрація иконостаса Успенскаго собора въ Москвѣ 1892 г.—Д. Н. Чичагова (стр. 144).

Московскаго Нумизматическаго Общества. Доклады гг. Трутовскаго, Уляницкаго Жизневскаго, Деммени. О монетахъ и новыхъ книгахъ по нумизматикѣ (стр. 143).

Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 25 сентября 1892 г. Описаніе монетъ Черноморскихъ колоній А. А. Бертье-Делагарда (стр. 45). 2 марта 1893 г. Новый документъ о взятіи Кафы Турками (стр. 234). Греческія надписи (стр. 235). 24 марта 1893 г. О древнемъ кладбищѣ въ Тирасполѣ (стр. 285). Греческія надписи и монеты (стр. 286).

Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: (Общія собранія) 1 дек. 1892 г. О теоріяхъ бронзовой и желѣзной культуръ, Ѳ. А. Брауна (стр. 91). 18 января 1893 г. О раскопкахъ кургановъ подъ Симферополемъ, Н. И. Веселовскаго (стр. 146). 3 ноября 1893 г. О перстнѣ XI—XII в., П. И. Хрущова (стр. 45). (Слав.-русск. отд.). 9 дек. 1892 г. О костеносномъ городищѣ въ Пермской губ., В. Г. Дружинина (стр. 92). О вновь открытомъ памятникѣ русскаго письма XI в. и о похвалѣ ц. Симеону въ Изборникѣ Святослава, А. И. Соболевскаго (стр. 92). О древнихъ урочищахъ въ Бессарабіи, Е. Е. Замысловскаго (стр. 92). 5 февраля 1893 г. Новый документъ о Константинѣ Философѣ, В. И. Ламанскаго (стр. 146). Столица гетмановъ Батуринъ, А. В. Половцева (стр. 146) 31 марта 1893 г. Осмотръ древн. въ Арх. Комм. (стр. 197). 15 апр. 1893 г. О мордовскихъ могильникахъ IX—XVII в., А. А. Спицына (стр. 198). О пещерныхъ жителяхъ южной Европы, кн. П. А. Путятина (стр. 198).—(Класс. отд.). 20 ноября 1892 г. Замѣчанія на сочиненіе Аристотеля, Ѳ. И. Соколова (стр. 46). Вопросъ о львахъ въ Греціи, В. К. Ернштеда (стр. 46). 12 февр. 1893 г. Нумизматическій комментарій на одно мѣсто изъ Лукана, А. К. Маркова (стр. 147). О народѣ Кефтъ, Б. А. Тураева (стр. 147). 26 февр. 1898 г. О гражданской присягѣ Херсонесцевъ, А. Ѳ. Семенова (стр. 148). Объ арх. и топогр. данныхъ въ соч. Аристотеля объ Аѳинск. госуд., А. II. Покровскаго (стр. 148). 19 марта 1893 г. О сибирск. древн. временъ Петра I, Г. Е. Кизерицкаго (стр. 197). Объ именахъ Эллада и Еллины, А. Ѳ. Энмана (стр. 197). 8 апр. 1893 г. О путешествіи въ Палестину св. Виллибальда, И. В. Помяловскаго (стр. 198). О греческихъ надписяхъ съ береговъ Пропонтиды, А. М. Щукарева (стр. 198). 18 окт. 1893 г. О раск. Американцевъ въ Аргосѣ, С. А. Жебелева (стр. 457). О Зевсѣ Сирійскаго Геліополя, Я. И. Смирнова (стр. 457)—(Восточн. отд.). 30 окт. 1892 г. О турецкихъ лубочныхъ картинахъ, В. Д. Смирнова (стр. 46). 16 февр 1893 г. О турецк. легендѣ, В. В. Бартольда (стр. 148). О древностяхъ Кашгара, Н. Ѳ. Петровскаго (стр. 148).

18 марта 1893 г. Предположенія мусульманъ объ упоминаніи имени Мухамеда въ Пятикнижіи, А. Я. Гаркави (стр. 196). Слѣды новаго иранско-инд. сказочнаго цикла, В. Р. Розена (стр. 196). 6 мая 1893 г. Объ образцахъ персидскаго базарнаго творчества, В. А. Жуковскаго (стр. 230). 30 октября 1893 г. Татарская версія легенды о 7 спящихъ отрокахъ, Н. Ѳ. Катанова (стр. 458).

Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности: 27 ноября 1892 г. Сербское соч., посвящ. царевнѣ Софьѣ, П. А. Сырку (стр. 91). Неизд. памятн. литературы XII в., Хр. М. Лопарева (стр. 91). 22 янв. 1893 г. О житіи св. Питирима, И. А. Шляпкина (стр. 149). 12 марта 1893 г. Объ иллюстраціи Козьмы Индикоплова, Е. М. Гаршина (стр. 231). О рукоп. Вологодск. семинаріи, И. А. Шляпкина (стр. 231). 19 марта 1893 г. Царская библіотека въ XVI ст., Н. П. Лихачева (стр. 232). 9 апрѣля 1893 г. О житіи пр. Ромила, П. А. Сырку (стр. 233). 7 мая 1893 г. Объ Арсеніи Мацѣевичѣ, Т. И. Филиппова (стр. 234).

Археологическаго Института: 15 января 1893 г. Обзоръ дѣятельности Архивныхъ Коммиссій въ 1891 г., А. Н. Труворова (стр. 145). О раскопкахъ близь Симферополя, Н. И. Веселовскаго (стр. 145). 17 мая 1893 г. Актъ въ Институтѣ (стр. 230).

Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ: 13 апрѣля 1893 г. О памятникахъ древности близь Спасска, Обрѣзкова (стр. 199). О памятникахъ древности у с. Муранки, В. Н. Поливанова (стр. 200). О раскопкахъ въ Казанск. губ., И. Н. Смирнова и П. А. Пономарева (стр. 460).

Кіевскаго Общества Естествоиспытателей: 16 октября 1893 г. О нахожденіи костей мамонта и кремневыхъ орудій, П. Я. Армашевскаго и В. Б. Антоновича (с. 458).

Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества: 28 октября 1893 г. Объ археологической находкѣ въ Изюмскомъ уѣздѣ, свящ. Спѣсивцева (стр. 459). О рукописномъ сборникѣ XVIII в., проф. Багалѣя (стр. 460).

Философско-Историческаго отд. Вѣнской Академіи: О вновь найденныхъ глаголическихъ отрывкахъ, И. В. Ягича (стр. 149).

Библіографія.

Некрологи.

№ 12 1893 г.

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I

Клинообразная надпись Русы I въ Келаны-Кирланы (Алучалу) на берегу Гокчи въ Эриванской губерніи.

(Съ приложеніемъ текста съ транскрипціей и переводомъ надписи Келаны-Кирланы и другихъ 4-хъ надписей).

Лѣтомъ 1893 года Императорское Московское Археологическое Общество командировало меня и А. А. Ивановскаго на Высочайше дарованныя средства въ Эриванскую губернію со спеціальною цѣлію изслѣдованія клинообразныхъ надписей, найденныхъ въ предѣлахъ этой губерніи. Полный отчетъ объ экспедиціи съ приложеніемъ новыхъ снимковъ съ надписей и обзоромъ добытыхъ вещей будетъ напечатанъ въ „*Матеріалахъ по Археологіи Кавказа*“*). Но въ виду интереса, какой возбужденъ въ настоящее время изслѣдованіемъ этихъ надписей, особенно въ Германіи и Англіи, считаю долгомъ опубликовать текстъ наиболѣе интересныхъ надписей впервые нами снятыхъ во время экспедиціи, равно какъ переиздать по оргиналамъ и лучшимъ снимкамъ нѣкоторыя изъ

*) Всего вышло 3 выпуска: 1888, 1889 и 1893 г. подъ редакціей гр. Уваровой.

уже изданныхъ надписей. По отношенію къ издаваемымъ здѣсь вновь 4-мъ надписямъ я продолжаю счетъ, принятый мною въ моей статьѣ: „*Клинообразныя надписи Ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи*“ (III вып. „Трудовъ Восточной Коммиссіи Имп. М. А. О.“), т. е. XVIII—XXI. Надпись, найденная въ Захалу (№ XV моего счета), издается здѣсь вторично.

Однимъ изъ важныхъ результатовъ экспедиціи было пріобрѣтеніе эстампажа съ надписи *Келаны-Кирланы*, до сего времени извѣстной подъ именемъ *Алучалу* [1]), на южномъ берегу Гокчайскаго озера. Она извѣстна съ 1862 года по снимку, снятому Архіепископомъ Месропомъ и помѣщенному въ 1863 году въ издававшемся въ Москвѣ на армянскомъ языкѣ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“. Проф. *Сэйсъ (A. H. Sayce)* въ своемъ обширномъ изслѣдованіи: *The cuneiform inscriptions of Van*, помѣщенномъ въ Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Jreland, Vol. XIV, Part 3—4, подъ № LV отзывается объ ней такъ: „Unfortunately his copy, published in *le Nouvellist russe*, is so hopelessly bad that hardly a word in it is recognizable“. Только по догадкѣ онъ относитъ эту надпись къ Сардури II (около 750 г. до Р. Х.). Въ послѣднее время было много попытокъ снять эту надпись (по предположенію Сэйса она должна имѣть большую историческую важность), но эти попытки были неудачны, такъ какъ надпись находится на высокой отвѣсной скалѣ, образующей берегъ Гокчи, такъ что видѣть ее и подойти къ ней можно только со стороны озера на лодкѣ или въ водѣ. Въ 1889 году нѣмецкій изслѣдователь *Вольдемаръ Белькъ* сдѣлалъ отчаянную попытку снять эту надпись: онъ простоялъ 3 часа по поясъ въ водѣ и въ состояніи былъ снять всего $^1/_6$ надписи (т. е. 3 строки изъ 19). Скопированная имъ часть, по его словамъ, даетъ точное указаніе, что надпись принадлежитъ Сардури II, какъ именно предполагалъ Сэйсъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ утвердительно говоритъ, что фотографія или эстампажъ съ этой надписи не могутъ имѣть значенія для публикаціи и только отъ тщательнаго изученія *оригинала* можно ожидать ея дешифрированія [2]).

Однако же моему сотоварищу по экспедиціи, А. А. Ивановскому удалось осуществить то, что считалось невозможнымъ т.е. подступить къ надписи и снять эстампажъ, который представляетъ вполнѣ точное и ясное воспроизведеніе того, что находится на самой надписи.

---

[1]) Армянское селеніе *Келаны-Кирланы* находится около самаго берега Гокчи, вблизи надписи, между тѣмъ какъ селеніе *Алучалу* отстоитъ отъ надписи на гораздо большее разстояніе. На этой перемѣнѣ названія настаиваетъ А. А. Ивановскій, снимавшій надпись.

[2]) Verhandlungen der Berliner anthropologischen Gesellschaft, 1893, S 217. Anm. 3.

Тѣмъ важнѣе наша побѣда надъ препятствіями, что надпись представляетъ весьма большой интересъ по своему содержанію. Она принадлежитъ не Сардури II, какъ думали Сэйсъ и Белькъ, а *Русѣ*, но не тому Русѣ II, отъ котораго осталась надпись въ Армавирѣ (она издается здѣсь подъ № XIX) и на мѣдныхъ щитахъ, найденныхъ около Вана. Послѣдній Руса былъ современникомъ Ассурбанипала (668—626 до Р. Х.), между тѣмъ какъ наша надпись принадлежитъ *Русѣ* I, тому знаменитому современнику Саргона царя Ассирійскаго (722 — 705 г. до Р. Х.), который велъ съ этимъ послѣднимъ отчаянную борьбу на жизнь и смерть во главѣ всѣхъ народовъ сѣвера [1]). Анналы царствованія Саргона изобилуютъ описаніемъ этой исполинской борьбы, при чемъ герой ея называется большею частію не Руса, а съ перестановкою звуковъ *Урса*, хотя и первое имя встрѣчается [2]). Отъ Русы I до сего времени не было найдено ни одной надписи, какъ и вообще отъ его преемниковъ до Русы II, жившаго около 100 лѣтъ спустя. Сэйсъ даже полагалъ, что политическое положеніе Урарту во время борьбы и послѣ разгрома при Саргонѣ не благопріятствовало сооруженію монументальныхъ надписей и поэтому ихъ не слѣдуетъ и ожидать. Руса II въ надписяхъ называется сыномъ Эримена, а Руса I въ нашей надписи—сыномъ Сардури. Такимъ образомъ разрѣшается вопросъ объ отношеніи Урсы ассирійскихъ надписей къ Сардури II. Естественно было предположить по чисто хронологическимъ основаніямъ, что Урса былъ сыномъ Сардури, но только теперь это является вполнѣ доказаннымъ историческомъ фактомъ, и къ 5 царямъ ванской династіи, преемственно отъ отца къ сыну царствовавшимъ въ Ванѣ и оставившимъ намъ клинообразныя надписи, мы должны присоединить 6-го, притомъ такого, который игралъ самую важную роль въ исторіи Ассиріи.

Надпись, къ сожалѣнію, не вполнѣ сохранилась. Нижняя ея часть находилась въ древнее время подъ прибоемъ волнъ, такъ какъ вода въ озерѣ стояла выше нынѣшняго уровня. Но и теперь, при сильномъ волненіи, волны могутъ достигать нижняго конца надписи. Тѣмъ не менѣе большая часть ея сохранилась и часть утраченнаго можетъ быть возстановлена. По содержанію она рѣзко отличается отъ обыкновеннаго типа монументальныхъ надписей Урарту и поэтому нѣкоторыя слова и выраженія не могутъ быть вполнѣ точно объяснены. Однако же главное содержаніе надписи вполнѣ ясно и очень важно. Въ ней Руса повѣствуетъ о завоеваніи 23 странъ, имена которыхъ находятся въ надписи. Все это такія страны, которыя очевидно лежали поблизости отъ Гокчи т. е. принад-

[1]) См. мою статью: «Клинообразныя надписи Ванскихъ царей», стр. 412—414.

[2]) См. анналы Саргона л. 58 и 75 у *Hugo Winckler*, Die Keilschrifttexte Sargons, Band I, стр. 13 и 16—17.

лежали къ составу сѣверной провинціи Урарту и находились вѣроятно въ нынѣшнихъ предѣлахъ русской Арменіи. Одна изъ этихъ странъ *Ширикукини* упоминается въ надпис и Захалу (см. Прил. № XV лин. 2. 4.), также на южномъ береги Гокчи. Далѣе, одна изъ странъ называется *Еріаини* (лин. 11),—это вѣроятно нынѣшняя Эривань [1]). Наши познанія въ древней географіи русской Арменіи значительно должны расшириться, благодаря этой надписи, особенно когда удастся установить тожество этихъ названій съ болѣе поздними географическими названіями или по другимъ соображеніямъ пріурочить эти названія къ опредѣленнымъ мѣстностямъ. Вмѣстѣ съ покореніемъ странъ Руса сдѣлалъ своими вассалами 23 царя этихъ странъ. Далѣе онъ говоритъ о добычѣ и взаключеніе о построеніи храма урартскому божеству, но не *Халди,* главному божеству, а *Теишба*, занимающему 2-ое мѣсто въ урартской троицѣ *(Халди, Теишба* и *Ардини)*. Идеограмма Теишба тожественна съ идеограммою ассирійскаго божества *Раммана*, бога атмосферы, грома и молніи и вообще водной стихіи. Нѣтъ сомнѣнія, что характеръ урартскаго Теишба былъ одинаковъ съ Рамманомъ. Такъ какъ храмъ этотъ долженъ былъ находиться гдѣ нибудь по близости отъ Гокчи, то является понятнымъ, почему онъ былъ посвященъ спеціально этому божеству. Большое озеро Гокча съ его дикими скалами, съ его вѣтрами и бурями, съ его красивыми голубыми волнами и богатствомъ животнаго царства могло считаться между прочимъ жилищемъ бога водной стихіи.

Двѣ издаваемыя здѣсь армавирскія надписи: *Русы II* (№ XIX) и *Сардури II* (№ XX) находятся въ настоящее время въ Эчміадзинѣ. Съ надписи, найденной въ Сарыкамышѣ (Карсской области) и стоящей на дворѣ Кавказскаго музея въ Тифлисѣ, нельзя было сдѣлать удовлетворительнаго эстампажа, такъ какъ камень стоитъ въ сыромъ мѣстѣ, но по сличеніи оригинала съ фотографіей мнѣ удалось возстановить большую часть надписи, хотя многое только предположительно. Она издается здѣсь подъ № XXI. Надписи №№ XIX и XX представляютъ только фрагменты, у Саракамышскаго же камня не имѣется начала надписи и съ лѣвой стороны въ началѣ строкъ недостаетъ по одному знаку.

Текстъ изданной уже мною надписи Захалу (№ XV) былъ не полонъ; теперь онъ возстановленъ сполна по новому снимку, а потому онъ издается здѣсь вторично. Въ ней интересно названіе страны *Urṭaḫini* (лин. 5). Если отбросить суффиксы *ḫi-ni*, то *Urṭa* будетъ совпадать съ *Urṭu*

---

[1]) Клинообр. надписи ванскихъ царей, стр. 428.

одной древне-вавилонской двуязычной таблички [1]), — названіе, которое можно считать за болѣе древнюю форму Урарту [2]).

Многочисленныхъ поправокъ и дополненій, сдѣланныхъ мною въ другихъ надписяхъ по оргиналамъ, по недостатку мѣста, я не могу здѣсь представить. Ограничусь указаніемъ на тотъ важный фактъ, что въ 1-й Ташбурунской надписи (№ I моего счета) имя города, завоеваннаго царемъ Менуа, во всѣхъ 5 мѣстахъ, а именно на лин. 3, 9, 13, 14 и 19 надобно читать не *Lununini*, какъ читали до сего времени, а *Luḫiunini*, т. е. точно такъ, какъ оно было прочитано въ Ташбурунской надписи № II (лин. 3).

М. Никольскій.

II

Матеріалы для византійской и древне-русской иконографіи.

3.

Притча о сладости сего міра.

Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ ведетъ свое происхожденіе съ Востока; полагаютъ, что она впервые составлена въ Египтѣ и въ настоящемъ своемъ видѣ явилась не ранѣе VIII вѣка. Изъ Египта черезъ Малую Азію она проникла въ Византію; отсюда — къ южнымъ Славянамъ, а отъ послѣднихъ перешла въ Россію; вошла въ Прологи, Минеи, Сборники. Повѣсть извѣстна на Руси въ рукописяхъ XV – XVIII ст. (Хлудовская XVII ст., съ миніатюрами), но отдѣльныя ея притчи начинаютъ встрѣчаться гораздо раньше; такъ, притча о Ковчегахъ извѣстна по рукописи XIV в., притча о трехъ друзьяхъ — также по рукописи XIV в. и др. [3]). Насколько притчи этой повѣсти были популярны на Руси, можно судить на основаніи того, что онѣ проникли въ народные стихи, а также, что болѣе важно — нѣкоторыя изъ нихъ попали даже въ роспись церквей.

Въ памятникахъ византійскаго искусства, а также русскаго встрѣчаемся преимущественно съ притчею о сладости сего міра, какъ очевидно, наиболѣе отвѣчающею поучительной цѣли. Вотъ содержаніе этой

---

1) II Rawl. 48, 13 cd.

2) Zeitschrift für Assyriologie, VI Band (1891), 1 и 2 Heft, S. 65, Anm. 2.

3) А. И. Кирпичниковъ. *Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ.* Харьковъ 1874, стр. 181

притчи: „Людей, непрестанно пребывающихъ въ тѣлесныхъ сластяхъ, — говорилъ Варлаамъ, — а души оставляющихъ томиться голодомъ, я полагаю подобными человѣку, который бѣжалъ отъ страшнаго единорога, и вдругъ съ разбѣгу упалъ въ глубокую пропасть, и на вѣтвяхъ утвердилъ свои ноги. Взглянувъ внизъ, увидѣлъ онъ двѣ мыши, одна бѣлая, другая — черная, непрестанно подгрызаютъ корень того дерева; посмотрѣвъ на дно пропасти, увидѣлъ страшнаго змія, дышащаго огнемъ и готоваго пожрать его. Взглянувъ на вѣтви, на которыхъ онъ утвердилъ свои ноги, увидѣлъ отъ стѣны четыре головы аспидовъ, а отъ вѣтвей тѣхъ капало немного меду; и забывъ всѣ грозящія ему опасности, онъ устремился *ко сладости малаго меда онаго*. Эту притчу Варлаамъ объясняетъ своему ученику такъ: *Единорогъ* — смерть, гонящаяся за человѣкомъ, *пропасть* — міръ сей, исполненный всяческихъ золъ и смертоносныхъ сѣтей; *дерево*, за которое, ухватившись, мы держимся, — временная жизнь каждаго человѣка; *мыши бѣлая* и *черная* — день и ночь. *Четыре аспида* — четыре стихіи, изъ которыхъ составленъ человѣкъ, *огнеобразный и неистовый змій* — утроба адская; *медвяныя же капли* — сладость міра сего, прельщаясь которою человѣкъ оставляетъ заботу о спасеніи". (Буслаевъ, Сбор. общ. древне-русскаго иск. на 1866 г., стр. 83, Кирпичниковъ, l. с, приложеніе, 87—89).

Въ памятникахъ византійскаго искусства встрѣчаемъ впервые изображеніе этой притчи въ XI в., какъ иллюстрацію къ 143 псалму, 4 стиху: „Человѣкъ подобенъ дуновенію; дни его какъ уклоняющаяся тѣнь". Такъ въ псалтыри библ. Барберини въ Римѣ (по старому кат. № 217, по новому III, 91), XI в., л. 182 она изображена такимъ образомъ: представлено древо *житія человѣческаго*; внизу отъ единорога бѣжитъ человѣкъ къ древу; тотъ-же человѣкъ стоитъ на вѣтвяхъ дерева съ каплями меда на нихъ *(ἡ τρυφή ἐξ ἡ ἀπάτη)*, какъ подобіе прельщающагося прелестями міра сего. Корень дерева подъѣдаютъ двѣ мыши — бѣлая и черная (соотвѣтствующія подписи *ἡμέρα νύξ*); ниже — пропасть, изъ которой подымаетъ свою пасть драконъ; сбоку стоитъ старецъ, также смотрящій вверхъ. Совершенно тождественное изображеніе находилось, какъ можно судить по надписямъ [1]) и слабымъ сохранившимся очеркамъ, въ псалтыри Британскаго Музея XI в., № 19325, л. 182. Сходныя же изображенія притчи имѣются и въ другихъ болѣе позднихъ иллюстраціяхъ псалтыри, какъ Супральской (XIV в.), Угличской (XV в.) [2]), Ко-

[1]) Эти надписи называютъ изображенный предметъ и предлагаютъ объясненіе его значенія. См. Н. П. Кондаковъ, *Исторія Византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей*. Одесса 1876, стр. 124.

[2]) Буслаевъ, *Историческіе очерки* II, 207.

стромскаго Ипатьевскаго монастыря (XVI в.) [1]. Во всѣхъ этихъ иллюстраціяхъ нѣтъ, какъ видно, изображенія четырехъ аспидовъ; изображеніе же старца въ двухъ раннихъ псалтыряхъ не находитъ себѣ объясненія въ самой притчѣ. Въ византійскихъ-же памятникахъ, но уже не псалтыряхъ, а сборникахъ, физіологахъ—притча эта дана съ большими под эбностями, о которыхъ не говорится въ притчѣ, и которыя, быть може , изобрѣтены художниками или же имѣются въ другихъ версіяхъ притчи. Такъ, въ рукописи „физіологъ Симеона и индійскія басни" Барберинской библіотеки конца XIV в., № I, 172, л. 15, справа изображенъ домъ и два дерева; единорогъ бѣжитъ къ дереву, у корня котораго чудище, извергающее пламя; далѣе второе дерево, въ вѣтвяхъ котораго сидитъ юноша, приложившій правую руку къ головѣ (жестъ печали); внизу дерева, съ одной стороны бѣлая мышь (съ другой стороны черной нѣтъ); ниже четыре чудища (аспида) смотрятъ вверхъ съ открытой пастью.

Въ другой греческой рукописи, собраніи притчъ Соломона съ отрывками др. сочиненій,—XIV—XV в. Парижской Національной Библіотеки, № 36, л. 203 -(см. рис. 26) изображено дерево съ красными плодами, на немъ между двухъ вѣтвей, срывая плодъ, стоитъ юноша; на верху дерева сидятъ два попугая, ниже стоитъ по сторонамъ по аисту, еще ниже слѣва--единорогъ, а справа—левъ; ниже подтачивающія стволъ мыши черная и бѣлая; еще ниже—четыре дракона (аспида) и у корня, въ темной пропасти чудище, разверзшее пасть. [2])

Въ греческой-же рукописи житія Варлаама и Іоасафа № 1128, XIV в., л. 68 - юноша изображенъ стоящимъ не на деревѣ, а возлѣ него, ухватившись за его вѣтви; внизу мыши и одно чудовище.

---

[1]) Покровскій, *Древности Костромскаго Ипатьевскаго монастыря*, стр. 31, табл. VIII, р. 1. Изображеніе притчи въ данной Псалтири соединено съ иллюстраціей 9 - 10 стиха того-же 143 псалма: — „Боже! новую пѣснь воспою тебѣ,... дарующему спасеніе царямъ и избавляющему Давида, раба Твоего, отъ лютаго меча". Въ углу миніатюры на облакахъ изображены Господь Саваоѳъ, благословляющій, ниже нѣсколько воиновъ, преслѣдующихъ царя Давида, обратившагося въ ихъ сторону съ мечемъ у плеча. Эта часть миніатюры полагаемъ, стоитъ въ связи съ той, что даетъ изображеніе притчи, какъ противупоставленіе съ одной стороны человѣка, обращающагося въ несчастіи къ Богу, а съ другой,—забывающаго о Немъ.

[2]) Нѣкоторымъ поясненіемъ къ данному изображенію притчи можетъ, вѣроятно, служить осложненный пересказъ ея въ такъ называемой „притчѧ о богатыхъ ѿ болгарьскіхъ книгъ", извѣстной въ Измарагдѣ Румянцевскаго музея, XIV в. (А. Л. Историческое и археологическое описаніе первокласснаго Успенскаго женскаго монастыря въ городѣ Александровѣ, Москва. 1891, стр. 102), въ рукоп. XV в. Публ. библ. Толст. № 214 (А. И. Кирпичниковъ, l. c., 181), По этому пересказу человѣка преслѣдовали *левъ* и верблюдъ; къ пропасти, у которой онъ находится, прилетаютъ *горлица* и *воронъ*. Въ 3-й главѣ арабской передѣлки Панчатантры, съ тою-же отмѣной, что и въ мусульманской редакціи „Варлаама" вмѣсто единорога за человѣкомъ гонится слонъ. который въ переводѣ Іоанна Капуанскаго замѣненъ *львомъ* (А. И. Кирпичниковъ, l. c , 232).

Въ произведеніяхъ западнаго искусства древнѣйшее изображеніе притчи извѣстно въ барельефахъ южнаго портала Пармскаго Бапти-

Рис. 26.

стерія (1196—1283 г.), гдѣ посреди также представлено дерево съ плодами, котораго корень подгрызаютъ двѣ мыши; на вѣтвяхъ дерева стоитъ безбородый юноша, протягивая лѣвую руку къ улью съ медомъ; внизу дерева извивается крылатый змѣй, извергая изъ пасти пламя; по

сторонамъ, въ кругахъ, изображены по два раза день и ночь въ видѣ Аполлона и Діаны, и четыре вѣтра [1]).

Въ барельефахъ прекрасной работы в. XIII—XIV, хранящихся во дворѣ Феррарскаго университета притча изображена въ простой композиціи. Вверху барельефа стоитъ единорогъ, смотрящій внизъ на юношу, стоящаго на деревѣ, ухватившись за вѣтвь, внизу дерева—двѣ мыши и чудище съ открытой пастью, изъ которой пышетъ пламя; надъ изображеніемъ полукругомъ надпись: unicornis sic insequitur anima hominum.

Насколько популярна была повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ на Руси, какъ мы уже сказали выше, видно изъ того, что нѣкоторыя притчи ея проникли въ роспись церквей, въ украшеніе иконостаса.

Въ Звенигородскомъ соборѣ (выстроенъ въ концѣ XIV в.) внутри на столбахъ изображена бесѣда царевича съ Варлаамомъ объ истинахъ Христовой вѣры: царевичъ Іоасафъ изображенъ въ царскомъ одѣяніи съ зубчатой тіарой на головѣ предъ старцемъ Варлаамомъ, на свиткѣ котораго сдѣлана надпись: „повѣда отрочати, бисеръ безцѣнный еже есть Христосъ и зрю тя глубину внимательною вѣрою Христу“ [2]). Сходное изображеніе имѣется на предъалтарной стѣнѣ Московскаго Успенскаго собора (XV—XVI в.); на свиткѣ у Варлаама такая надпись: „повѣдаи ти чадо бисерь бесцѣны̆ еже ест Х҃с по игу его лехкому ходи“ [3]).

Съ древнѣйшимъ изображеніемъ притчи о сладости сего міра въ памятникахъ древне-русскаго искусства мы встрѣчаемся на Васильевскихъ дверяхъ Новгородскаго происхожденія, хранящихся нынѣ въ г. Александровѣ, Владимірской губ., въ Успенскомъ женскомъ монастырѣ; двери эти, судя по надписи на нихъ, принадлежатъ къ 1336 году [4]). Она изображена здѣсь такъ: на деревѣ съ плодами стоитъ человѣкъ; по сторонамъ дерева два животныхъ, одно единорогъ, а другое, вѣроятно, левъ; дерево подгрызаютъ двѣ мыши, изъ которыхъ одна названа въ надписи *бѣлая мышъ*, а другая *черная мышъ*; внизу дерева, повидимому, адское чудище съ открытой пастью; общая для всего изображенія надпись: *въ сладость сего міра* [5]).

[1]) Буслаевъ „*Сравненіе одного ре..ᴗфа на порталѣ Пармскаго баптистерія съ миніатюрой Углицкой псалтыри*“ въ Сборникѣ, изд. Обществомъ древне-русскаго искусства на 1866 г., стр. 82. См. также Evangelische Kalender за 1866, издаваемый Пиперомъ и его статью о Пармскихъ скульптурахъ.

[2]) Арх. Леонидъ: „*Звенигородъ и его соборный храмъ съ фресками*“. Сборникъ на 1873 г., изданный Общ. древне-русск. иск., стр. 115.

[3]) Мансветовъ: *По поводу недавно открытой стѣнописи въ Московскомъ и Владимірскомъ Успенскихъ соборахъ*. Москва 1883, стр. 12.

[4]) Разборъ иконографическій нѣкоторыхъ изображеній позволяетъ относить двери къ болѣе позднему времени.

[5]) Описаніе вратъ см. у Мурзакевича въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1837 г., октябрь,

Изображеніе притчи встрѣчаемъ затѣмъ на двухъ сѣверныхъ (такъ называемыхъ пономарскихъ) дверяхъ въ росписи иконостаса—церквей Новгорода: св. Софіи и Дмитрія Солунскаго, относящихся, повидимому, къ XVI в. [1]).

На первыхъ—въ верхней лѣвой части дверей изображены сидящими—сты҃и іѡасафъ цревич, подпирающій подбородокъ лѣвой рукой, а препо҃д варлаа҃м пусты҃н мнді, держащій въ правой рукѣ восьмиконечный крестъ, а въ лѣвой—книгу съ надписью: градъ великій нѣкій слышахъ.

Ниже — въ другомъ квадратѣ: „притча: дрѣво подобно житію чл҃вѣческому. Прологъ". [2]). На деревѣ, въ вѣтвяхъ котораго видны три желтыхъ квадрата (соты), стоитъ юноша, простирая къ нимъ руки; къ дереву слѣва устремляется единорогъ, а справа—левъ; у корня черная и бѣлая мыши; ниже четыре красныхъ чудища (аспиды), а подъ самыми деревьями—темная пещера, въ которой трудно различимая фигура адскаго чудища.

На другихъ дверяхъ изображенія почти тождественны: сидящіе Варлаамъ и Іоасафъ, у перваго крестъ и книга, на которой написано: „слово крестъное погибающимъ юродство есть"... Надписи надъ ними: прп҃одобный Варлаамъ пустынникъ бесѣдуетъ по иоасафу царевичю.

Надъ нижнимъ же изображеніемъ, надъ деревомъ: „дрѐво сиѐ подобно есть человѣческому житию̀".

Нельзя не отмѣтить ближайшаго сходства изображенія всѣхъ указанныхъ примѣровъ въ памятникахъ древне-русскаго искусства съ изображеніемъ въ Парижскомъ сборникѣ византійской рукописи XIV—XV в., № 36.

Какъ на наиболѣе ясное доказательство популярности у насъ исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ, можно указать, наконецъ, еще на то, что изображеніе жизни Іоасафа и отдѣльныхъ притчей изъ исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ встрѣчаются въ народныхъ картинахъ; такъ въ изданіи этихъ картинъ у Ровинскаго № 1398 даетъ въ центрѣ изобра-

въ статьѣ «Васильевскія двери въ городѣ Александровѣ», стр. 600 622. Это описаніе повторено въ Древностяхъ Россійскаго Государства, отд. VI (Москва 1853, стр. 72—84), гдѣ изданы и рисунки съ нихъ—Атласъ, № 33. Описаніе ихъ также дано въ указанной выше книгѣ А. Л. „Историческое и археологическое описаніе..." стр. 97 - 107, съ приложеніемъ рисунка, столь же неяснаго, безъ иконографическаго разбора, какъ и въ Атласѣ „Древностей".

1) На основаніи данныхъ, приведенныхъ Арх. Макаріемъ, можно первыя двери относить равно какъ къ XIV, такъ и къ XVI в. *Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ.* Москва, 1860, ч. I, стр. 47 и 48. Соловьевъ. *Описаніе Новгородскаго Софійскаго собора.* Спб. 1858, стр. 45, относитъ иконостасъ къ XIV в. Сравненіе даннаго иконостаса съ иконостасомъ ц. Дмитрія Солунскаго позволяетъ скорѣе отнести ихъ къ XVI в.

2) Притча эта, какъ извѣстно, помѣщается въ Прологѣ подъ 19 ноября.

женіе бесѣдующихъ Варлаама съ Іоасафомъ, а кругомъ—въ шестнадцати малыхъ отдѣленіяхъ—исторія обращенія Іоасафа въ христіанскую вѣру и смерть его [1]); № 1398—картина, упоминаемая Снегиревымъ, притча *о временнемъ семъ вѣцѣ* [2]) № 717 (гравюра первой половины XVIII в.)—притча о богатыхъ и убогихъ [3]); № 717—притча яко не по внѣшниимъ подобаетъ судити [4]).

Е. Рѣдинъ.

III

Къ легендѣ о смерти Каина.

Въ замѣткахъ по поводу статьи Е. Male (въ Revue archéologique, Mars-Avril, 1893, р. 186 sq.), помѣщенныхъ въ „Археол. Изв. и Зам.“ (№ 7—8, стр. 257—259), приведена Е. К. Рѣдинымъ *византійская* миніатюра XI—XII в., изображающая этотъ сюжетъ, при чемъ замѣчено, что „легенда нашла отраженіе и въ памятникахъ искусства, но, повидимому, не ранѣе XI—XII в.“. Именно къ этому времени (XII в.) относится и старѣйшее, сколько мнѣ извѣстно, *западное* по происхожденію изображеніе этой легенды въ искусствѣ. [5]) Это – барельефъ на главномъ фасадѣ романскаго храма въ Моденѣ. Храмъ начатъ постройкой въ 1099 году (см. *W. Lübke*. Gesch. der Architektur (Leipz. 1870) I, р. 419). Помѣщенъ барельефъ надъ правой входной дверью; авторомъ его, какъ и другихъ барельефовъ, украшающихъ фасадъ храма, былъ довольно извѣстный въ XII в. художникъ по имени Viligelmus, какъ это указано было Seroux d'Agincourt'омъ (см. Sammlung von Denkmälern der Architektur, Sculptur u s. w., 2. Abth. № 6 (Text, р. 16); также: *Vedriani*. Paccolta de' Rittori, Scultori et Architetti Modenesi. 1662, р. 17—18).

Въ виду не совсѣмъ яснаго прилагаемаго рисунка барельефа (см. рис. 27) привожу краткое его описаніе, сравнительно съ легендой [6]):

---

1) Русскія народныя картинки, кн III, 561—563.

2) Ib. IV, 738—739.

3) Ibid., III,60—66.

4) Ib. IV, 534.

5) Къ этому же времени относится и византійская мозаика Монреале, о которой говорятъ Е. Male. (р. 193) и Е. К. Рѣдинъ (стр. 258).

6) Греч. легенда приведена въ Anecdota Graeco-byzantina (М. 1893) А. В. Васильева; (стр. 194); въ слав. переводѣ—въ «Историч. Палеѣ» (М. 1881), стр. 10—12; здѣсь легенда, буквально совпадая съ указаннымъ греч. текстомъ, ближе къ своему первоначальному виду. нежели въ «Толковой Палеѣ», откуда она приведена Е. К. Рѣдинымъ.

Налѣво въ высокой остроконечной шапкѣ, съ лукомъ, на который наложена стрѣла, стоитъ слѣпой Ламехъ (слѣпота, согласно легендѣ, ясно выражена въ оригиналѣ: у Ламеха глаза закрыты), далѣе

Рис. 27

слѣдуетъ дерево (какъ и въ византійской миніатюрѣ, по легендѣ означаетъ мѣсто, поросшее лѣсомъ и тростникомъ), за нимъ находимъ Каина, упавшаго на колѣно и пораженнаго въ горло, съ закинутой головой (поза соотвѣтствуетъ легендѣ: „возстенавъ горько, Каинъ издше"). Средина барельефа занята домомъ, изъ двухъ крайнихъ оконъ котораго выглядываютъ двѣ головы: изображаютъ ли онѣ двухъ женъ, ожидающихъ возвращенія Ламеха, который по легендѣ былъ первымъ двоеженцемъ, или тотъ градъ съ бесѣдующими двумя юношами, что мы видимъ на византійской миніатюрѣ, рѣшить не берусь, такъ какъ для меня не вполнѣ ясенъ и градъ, о которомъ упоминаетъ Е. К. Рѣдинъ, и юноши: рѣшить же положительно, мужскія ли это фигуры, или женскія, трудно въ виду плохэго состоянія этой части барельефа. На юношей же легенда указаній не даетъ. За домомъ видимъ Ламеха, ведомаго домой нашедшимъ его въ пустынѣ, что вполнѣ совпадаетъ съ легендой, передавая ее точнѣе, нежели византійское изображеніе, гдѣ или взятъ иной моментъ (напр. Ламехъ, уже стоящій передъ женами и кающійся), или не помѣщены тѣ „нѣціи", которые привели его домой. Наконецъ, двѣ женскія фигуры: это жены Ламеха, предъ которыми онъ совершилъ покаяніе. Думаю, такъ надо понимать эти двѣ фигуры и на византійской миніатюрѣ: легенда подчеркиваетъ извѣстія о женахъ Ламеха: „поя себѣ Ламехъ слѣпый двѣ жены, имя единой Адда, имя второй Селла... Ламехъ же плачъ великъ въспріемый рече: Адда и Селла, слышите гласъ мой, жены Ламеха... [1]) Такимъ образомъ, разница въ изображеніи сюжета въ византійской и западной обработкѣ ничтожна: на византійской мы не видимъ Каина (если только мы не должны пред-

[1]) Кромѣ того, и подпись (вторая) на византійской миніатюрѣ, мнѣ кажется, не допускаетъ колебанія на счетъ этихъ двухъ фигуръ: *ἔχθιστα τ' ἔργα ταῖς γυναιξί πως λέγει.*

полагать его въ неясной лежащей фигурѣ, считаемой Е. К. Рѣдинымъ за юношу—наставника). Въ этомъ отсутствіи опять таки можно предполагать желаніе слѣдовать легендѣ: мальчикъ — наставникъ видитъ только „колеблющееся тростіе". Западный художникъ изображаетъ и Каина. Эта особенность западнаго изображенія повторилась и позднѣе, въ XIII в., на мозаикѣ флорентійскаго баптистерія, гдѣ точно также въ изображеніи смерти Каина находимъ лицо его, обрамленное пышными волосами и бородой, въ кустахъ, соотвѣтствующихъ тому же „тростію". Но кромѣ этого, въ работѣ Вильгельма есть еще отличіе отъ византійской легенды и миніатюры: мы не находимъ „мальчика—наставника". Была ли эта подробность художнику извѣстна и опущена имъ по какимъ нибудь (м. б. чисто техническимъ) соображеніямъ, или нѣтъ, — сказать трудно. Но первое предположеніе подтверждается, м. б., той же флорентійской мозаикой, гдѣ находимъ мальчика — наставника держащимъ стрѣлы и стоящимъ около самого Ламеха (м. б. направляющимъ даже его руку [1]), и затѣмъ его же (второй моментъ) лежащимъ уже убитымъ, т. е. опять по легендѣ и по византійской миніатюрѣ. Это сопоставленіе позволяетъ намъ видѣть, что въ основѣ византійскаго памятника и западнаго XII в. (а также и XIII в., въ мозаикѣ баптистерія) лежитъ одна и та же легенда въ одинаковомъ для того и другаго развитіи подробностей: приведенная у E. Male легенда „въ полномъ развитіи" (по Walfried'у Strabo, IX в.), не объясняетъ подробностей западныхъ изображеній XII и XIII в., какъ легенда греческая, находимая нами въ этомъ видѣ въ Палеѣ, памятникѣ приблизительно X в. [2]) Т. о. общій выводъ можетъ быть таковъ: или Вильгельмъ работалъ подъ вліяніемъ греческой легенды, въ чемъ нѣтъ ничего невѣроятнаго для XII в., или же легенда была извѣстна на западѣ въ болѣе полномъ видѣ, нежели у Strabo. Во всякомъ случаѣ мнѣніе Male, что у Strabo легенда достигла „полнаго развитія", едва-ли можетъ быть принято.

М. Сперанскій.

---

[1]) Мозаика реставрирована.

[2]) См. Историч. Палею, введеніе, стр. 29.

IV.

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ и разныя извѣстія

—— А. К. Жизневскій въ письмѣ на имя Предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества, гр. П. С. Уваровой, сообщаетъ о находкѣ въ нынѣшнемъ, 1893-мъ, году въ селѣ Дягунинѣ, Зубцовскаго уѣзда, Тверской губ., клада, выпаханнаго на берегу Волги. Кладъ, помѣщавшійся въ мѣдномъ, сильно окислившимся, ящикѣ, покрытомъ сковородкою, состоялъ изъ трехъ серебряныхъ монетныхъ слитковъ, такъ называемаго кіевскаго типа, серебряныхъ дутыхъ бусъ, серебрянаго, свитаго жгутомъ, шейнаго обруча, пары подобной же формы браслетовъ, двухъ колецъ также витыхъ и нѣсколькихъ височныхъ колецъ, частью въ обломкахъ; височныя кольца имѣютъ форму соединенныхъ четырехугольныхъ пластинокъ, покрытыхъ нарѣзнымъ орнаментомъ. Кладъ поступилъ въ Тверской музей.

—— Систематическія раскопки въ Могилевской губерніи были впервые произведены въ 1892 году, по распоряженію г. Губернатора. Районъ раскопокъ обнималъ тѣ 5 уѣздовъ, которые расположены между рѣками Днѣпромъ и Сожемъ и по берегамъ ихъ. Эти 5 уѣздовъ (Быховскій, Рогачевскій, Чериковскій, Климовичскій и Мстиславскій) занимаютъ центральную площадь губерніи, наиболѣе протяженную съ запада (отъ Днѣпра) на востокъ (къ Сожу). На югъ отъ означенныхъ уѣздовъ тянется уѣздъ, Гомельскій, примыкающій къ губерніямъ Черниговской и Минской. Сѣверную же окраину губерніи занимаетъ Сѣнненскій уѣздъ, граничащій съ Витебскою губерніею, а ниже его расположены уѣзды: Оршанскій, сопредѣльный съ Минской и Смоленскою губерніями, Могилевскій, примыкающій отчасти къ Минской губерніи и Чаусскій съ Горецкимъ, составляющіе сѣверную часть центральной полосы Могилевской губерніи.

Въ 4-хъ уѣздахъ—Оршанскомъ, Могилевскомъ, Чаусскомъ и Горецкомъ, систематическія раскопки кургановъ, на сколько мнѣ извѣстно, никѣмъ еще не были сдѣланы, въ уѣздахъ же Сѣнненскомъ и Гомельскомъ въ 1893 году раскопки производились г. Романовымъ (въ первомъ) и проф. В. Б. Антоновичемъ (во второмъ) по порученію Археологической Комиссіи. Въ 1893-мъ же году были сдѣланы дополнительныя раскопки и въ 5 центральныхъ уѣздахъ г. Чоловскимъ, по порученію Могилевскаго Губернатора.

О нихъ мы и будемъ говорить далѣе, руководствуясь отчетомъ г. Чоловскаго и другими, имѣющими офиціальный характеръ, свѣдѣніями.

1) Въ Климовичскомъ уѣздѣ, на землѣ крестьянъ дер. Волынижи роднянской волости, вблизи фольварка Тупичинъ раскопанъ курганъ, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ Волотова могила.

Форма этого кургана овальная: 9 саж. въ длину и 3 саж. въ ширину, высота отвѣсная 2 сажени. При раскопкѣ на глубинѣ $^1/_4$ арш. найдена небольшая кучка пережженыхъ костей животнаго. У подошвы насыпи, на глубинѣ $5^1/_2$ арш. — крупные угли и черепки горшка перемѣшанные съ золою. Костяка не найдено. Въ народѣ существуетъ легенда, что тутъ жили 2 брата и что младшій убилъ великана — старшаго по неосторожности, во время игры топорами. Замѣтимъ, кстати, что игра топорами (перебрасываніе ихъ изъ рукъ въ руки) была вѣроятно во время пляски, которая и доселѣ въ Бѣлоруссіи сохранила названіе топорикъ. (Подобная пляска, только съ кинжалами, существуетъ на Кавказѣ).

Вблизи кургана находятся 2 городища, въ 2-хъ верстномъ разстояніи одинъ отъ другого, на берегу небольшой рѣчки, впадающей въ р. Бесѣдь. Они окружены валами, окружностію отъ 130 до 150 саженей.

Невдалекѣ отъ кургана ,на берегу р. Бесѣди, найдены случайно и разновременно каменный молотъ изъ отшлифованнаго порфира и хорошо отдѣланный кремневый ножъ, въ 2 вершка длиною (донесеніе исправника).

Раскопки при селеніи Кулишовкѣ по р. Остру (притокъ р. Сожа), въ Хотовижской волости, (сѣв. часть Климов. уѣзда), оказались болѣе содержательными. Здѣсь, среди лѣсистой мѣстности, находится до 60 кургановъ, въ 100 саженяхъ отъ Бесѣди, между селеніями Кулишовка и Ходунь.

На разстояніи $^1/_4$ версты отъ группы кургановъ находятся развалины какого - то зданія изъ дикаго камня, гдѣ, по словамъ крестьянъ старожиловъ, въ былое время, находили много топоровъ, ножей и перстней съ каменьями. Мѣстность носитъ названіе Хрестъ.

Два старыхъ большихъ кургана, окруженныхъ глубокими рвами, и 2 среднихъ были раскопаны г. Чоловскимъ, при чемъ оказалось:

Курганъ № 1 имѣетъ въ окружности 22 сажени, высота—5 арш., форма конусообразная, съ провалами на срѣзанной вершинѣ, насыпь-песчаная, поросшая молодымъ лѣсомъ, но встрѣчаются и пни старыхъ, вѣковыхъ сосенъ. Вокругъ подошвы кургана толстый слой черной глины (глея), положенный, вѣроятно, для воспрепятствованія осыпки песчаной

курганной насыпи. На глубинѣ 1 арш.—мелкіе угли, на глубинѣ 5 арш. супесь, перемѣшанная съ берестою, и остатки дубовыхъ колодъ вокругъ костяка. Гробъ былъ сбитъ гвоздями по угламъ. Костякъ истлѣлъ, у головы, обращенной на В., и у правой, протянутой вдоль туловища руки—черепки горшковъ и угля. Вещей при костякѣ не найдено.

Курганъ № 2—по близости № 1. Окружность 27 саж., высота 5 ½ арш., форма — усѣченный конусъ, насыпь песчаная, въ глубинѣ которой много старыхъ сосновыхъ пней. При рытьѣ траншеею, въ 8 арш. шириною, стали оказываться, по всей насыпи, мелкіе угли въ разбросѣ на незначительной глубинѣ. Скелетъ находился въ центрѣ кургана, на глубинѣ 5 ½ арш., слѣдовательно, лежалъ на грунтѣ, головой на В., руки вдоль туловища. При скелетѣ, у поясничныхъ частей костяка, найдены 3 мѣдныхъ предмета, 2 — въ формѣ якорей, и 1— узорчатая бляшка. Предметы имѣютъ съ внутренней стороны скобочки или ушки для прикрѣпленія къ ремню или, вообще, къ поясу. Костякъ оказался положеннымъ на толстый (около ½ аршина) слой золы, вѣроятно, взятой съ кострища, которое оказалось рядомъ со скелетомъ, на СВ. отъ него. Въ кострищѣ найдены обгорѣлыя человѣческія кости и половинка проволочнаго браслета, также перегорѣвшая.

Курганъ № 3 расположенъ рядомъ съ предыдущимъ. Окружность до 12 саж., высота—2 аршина. Форма конуса, сильно попорченная, насыпь песчаная. На глубинѣ ¼ арш. мелкіе угли. Въ центрѣ, на грунтѣ подошвы кургана, найденъ небольшой горшокъ черной глины, наполненный углями. Въ В. части кургана, на грунтѣ—большое кострище съ крупными углями и головешками. Костяка не оказалось.

Курганъ № 4 имѣетъ въ окружности 14 саж., высоты—1 саж. Форма усѣченнаго конуса, насыпь песчаная. Костякъ—головою на западъ, руки протянуты, въ головахъ горшечекъ изъ черной глины, съ отбитымъ краемъ.

2) По Мстиславскому уѣзду произведена раскопка при фол. Печковка помѣщика Зарембо, въ 2-хъ верстахъ отъ гор. Мстиславля. Группа состояла изъ 8 кургановъ; прежде они были окружены вѣковымъ дубовымъ лѣсомъ, нынѣ подвергаются распашкѣ. Раскопка 2 кургана конусообразной формы. Окружность 1-го кургана — 11 саж., высота—2 арш. Насыпь песчаная, съ примѣсью камней. Скелетъ находился въ центрѣ, на глубинѣ 2 арш., головою на западъ, лицо повернуто къ югу, ноги согнуты въ колѣнахъ, руки вдоль туловища, на пальцѣ прав. руки — серебрянный, связанный узломъ перстень, около шеи — бусы изъ пасты, и круглая, металлическая бляха спереди. Въ ю-з. части кургана рядъ камней. Угли въ разбросѣ по всей поверх-

ности, но въ маломъ количествѣ. Курганъ — на лѣвомъ берегу рѣки Вѣхры.

Курганъ № 2 меньше предыдущаго, почва каменисто-песчанная. По всей поверхности — мелкіе угли, въ центрѣ, ближе къ подошвѣ — темный слой земли. Костяка не оказалось. Четыре пробныхъ колодца, прокопанныхъ ниже грунта, не показали ничего, кромѣ материка.

Въ имѣніи помѣщика Подобѣда *Вѣхраны* раскопанъ курганъ въ полуверстѣ отъ впаденія р. Вѣхры въ Сожъ. Окружность кургана до 30 саж., форма конусообразная, насыпь черноземъ съ примѣсью песку. Высота до 6 арш. На глубинѣ 3 арш. стали встрѣчаться мелкіе угли и черепки, въ разбросъ, отъ горшковъ изъ черной глины весьма грубой работы. Скелетъ оказался на глубинѣ 5 арш., головою на западъ; положеніе ногъ значительно выше — головы. Вокругъ скелета много черепковъ отъ разбитыхъ горшковъ.

Затѣмъ г. Чоловскимъ осмотрѣны курганы при селеніяхъ: Клюкино, Суздалевка и Городище, Соинской волости. Они оказались сильно изрытыми кладоискателями, поэтому къ раскопкѣ ихъ приступлено не было.

3) *Въ Чериковскомъ уѣздѣ*, въ 7 верстахъ отъ Краснополья, вокругъ котораго въ 1892 году произведены были значительныя раскопки, сдѣланы были дополнительныя изслѣдованія при *д. Клясинъ*, расположенной въ глухой мѣстности. Изъ 9 кургановъ раскопанъ одинъ, форма погребенія въ которомъ нѣсколько уклоняется отъ прочихъ. Здѣсь найдены, во первыхъ, два костяка на разстояніи 4-хъ аршинъ одинъ отъ другаго; во вторыхъ, костяки лежали отъ поверхности насыпи менѣе, чѣмъ на 1 аршинъ, и въ третьихъ, при одномъ изъ костяковъ найдены украшенія отъ головного убора, чего ни разу не было встрѣчено при раскопкахъ какъ 1892 года, такъ и въ 1893 году.

Клясинскій курганъ имѣетъ окружность въ 14 саж., высоту 2 арш. Форма кургана не указана, относительно состава почвы въ дневникѣ также нѣтъ указаній. Не обозначено также, какимъ способомъ раскопанъ курганъ и до какой глубины доведена раскопка.

Мужской скелетъ лежитъ головою на востокъ; руки были протянуты вдоль туловища. У ступней ногъ найденъ совершенно истлѣвшій ножъ, около праваго колѣна еще какая-то желѣзная вещица истлѣвшая. Положеніе втораго костяка — женщины то же самое. Около черепа найдены бусы разной формы; около ступней найдены по 2 кольца изъ согнутой проволоки.

Въ селеніи Палужъ раскопанъ курганъ вблизи волостного прав-

ленія, на церковной землѣ. Курганъ принадлежитъ къ большему могильнику, который въ настоящее время распаханъ и занятъ подъ огороды. Изъ всей группы сохранились кое-какъ только 7 кургановъ среди огородовъ. Одинъ изъ нихъ раскопанный—имѣетъ коническую форму, окружность въ 29 саж. и отвѣсную высоту въ 2 саж. Насыпь песчаная съ примѣсью чернозема. На глубинѣ 1 аршина стали попадаться мелкіе угли и пережженныя кости животныхъ. На глубинѣ 5 арш. въ СВ. части кургана оказался слой бересты, прикрывавшій углубленіе (яму), приблизительно, $^3/_4$ арш. въ діаметрѣ. Внутри — яма тщательно выложена берестой. Въ ямѣ ничего, кромѣ пепла и нѣсколькихъ небольшихъ углей не оказалось. Береста замѣчена была и въ ЮЗ. части кургана въ значительномъ количествѣ и на $^1/_2$ аршина отъ его подошвы. Курганъ былъ раскопанъ траншеею въ 7 арш. ширины, костяка не найдено, но на высотѣ $1^1/_4$ арш., почти въ центрѣ, замѣчены кости мелкаго животнаго.

Изъ числа случайныхъ находокъ текущаго 1893 года слѣдуетъ упомянуть о 92 слиткахъ серебра, вѣсомъ въ 38 фунтовъ. По формѣ (однообразной для всѣхъ слитковъ) это гривны кіевскаго типа, вѣсомъ отъ 26 до 28 золотниковъ каждая. Поверхность слитковъ ноздреватая, верхняя сторона выпуклая у 42 слитковъ, у остальныхъ 50 шт. плоская. На задней сторонѣ—продольное углубленіе. Въ одномъ слиткѣ острый край отсѣченъ. Кладъ найденъ крестьянскимъ мальчикомъ д. Задрутье, Луковской волости, Рогачевскаго уѣзда, въ землѣ на глубинѣ 1 арш.

Вторая случайная находка — палеонтологическая близь мѣстечка Сухари, Чаусовскаго уѣзда: въ болотѣ лѣсистой мѣстности найдены кости (а по другимъ извѣстіямъ остовъ) мамонта. Въ Могилевскій музей доставлена только часть бивня. Остальныя кости растасканы крестьянами.

Находки костей мамонта не рѣдкость въ Могилевской губерніи. Прежнія находки были по берегамъ р. Днѣпра и Сожа. Нынѣшняя въ болотѣ и на дальнемъ разстояніи отъ Сожа, въ районѣ рѣчки Баси, впадающей въ Проню (Сообщилъ М. В. Фурсовъ).

— Г. Духовниковымъ въ Саратовскомъ листкѣ (№ 200, 1893 г.) напечатана слѣдующая замѣтка: Въ № 6295 „Новаго Времени“ напечатана слѣдующая телеграмма:

„*Козловъ*, 6 октября. При археологическихъ раскопкахъ въ окрестностяхъ Саратова найдены двѣ древнія могилы, масса татарскихъ вещей, предметовъ глубокой древности“. Сообщеніе это нуждается въ большихъ исправленіяхъ. Археологическихъ раскопокъ въ окрестностяхъ

Саратова въ нынѣшнемъ году не было, а производится лишь, по порученію Императорской Археологической Комиссіи, археологическія наблюденія на Набережномъ Увекѣ и въ окрестностяхъ его при производствѣ земляныхъ работъ строящейся рязанско-уральской желѣзной дороги. По обѣимъ сторонамъ дороги на 435 верстѣ, противъ усадьбы А. Х. Ефремова, обнаружено цѣлое кладбище уже извѣстное археологамъ. На этомъ кладбищѣ замѣтили, что человѣческія кости лежали въ такомъ же положеніи, въ какомъ хоронятъ русскихъ.

Рядомъ съ этой мѣстностью, чрезъ овражекъ, по которому проложены нефтяныя трубы, противъ конторы подрядчика Петриченки, тоже было кладбище, только для очень знатныхъ лицъ. Тутъ отрыты два небольшіе склепа (1 арш 7 верш. вышины), изъ которыхъ одинъ совершенно цѣлъ. Склепы сдѣланы изъ $5^1/_2$-вершковаго квадратнаго татарскаго кирпича Въ уцѣлѣвшемъ склепѣ въ деревянномъ гробу похоронено было, безъ сомнѣнія, знатное лицо,—въ азіатскомъ шелковомъ костюмѣ, у котораго сохранились цвѣтъ и рисунокъ, но погребеніе христіанское.

Изъ другой гробницы рѣшительно все было вывезено на насыпь и исчезло для науки.

Что же касается до вещей, собранныхъ въ нынѣшнемъ году на Увекѣ, какъ-то: бусъ, серегъ, колецъ, татарскихъ зеркалъ, пикъ, топоровъ, формъ для отливки вещей, различныхъ сосудовъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, котловъ, ручныхъ жерновов и др, — то всѣ онѣ не глубокой древности, а относятся, вѣроятно, къ XIII или XIV вѣку, и найдены рабочими въ пластахъ земли съ культурными остатками.

—— Г. Кибальчичъ сообщаетъ въ „Кіевлянинѣ“ (№ 283, 1893 г.) о находкѣ въ Очаковѣ мраморной головы Геракла, найденной при слѣдующихъ случайныхъ обстоятельствахъ: осенью прошлаго года одной домовладѣлицѣ на Лоцманской улицѣ, въ Очаковѣ, потребовалась глина для обмазки ново-построенной избы. Для этого она вырыла яму, глубиною приблизительно въ двѣ сажени, въ которой неожиданно нашла большое количество камня отъ старыхъ крѣпостныхъ сооруженій. Найденный въ ямѣ строевой матеріалъ, заключавшій часть древней мраморной статуи, былъ сложенъ во дворѣ до первой въ немъ надобности. Спустя нѣкоторое время, домовладѣлицѣ потребовался пресъ для квашенія капусты. Она вспомнила при этомъ о подходящемъ матеріалѣ, находившемся подъ рукою, на дворѣ; выбравъ подходящій для указанной надобности камень и обмывъ его отъ грязи, домохозяйка впервые увидала въ немъ изображеніе головы съ бородою. Мраморная голова Геракла носитъ на себѣ слѣды варварскаго уничтоженія, на ней

видно нѣсколько ударовъ тяжелыми орудіями, отдѣлившими ее отъ туловища, носъ, уши и затылокъ попорчены также ударами, тѣмъ не менѣе, она, сравнительно, хорошо сохранилась въ ряду подобныхъ памятниковъ и составляетъ драгоцѣнную археологическо-художественную находку. Выраженіе головы, даетъ ясное представленіе о всей статуѣ Геракла; типичныя черты лица, въ общемъ выражающія могучую силу, въ отдѣльности надбровный мускулъ, глубокіе глаза, чрезвычайно изящный ротъ, полузакрытый усами, курчавая, густая, раздѣленная на двое борода, характерныя очертанія щекъ, небольшія уши, толстая шея, короткіе волосы на головѣ съ повязкою—даютъ типъ Геракла, выработку котораго историки приписываютъ Лисиппу. Голова составляетъ собственность г. Кибальчича.

—— Въ Тобольскій губернскій музей доставлено нѣсколько старинныхъ серебряныхъ вещей, найденныхъ въ Тарскомъ округѣ, Тобольской губ., а именно: 1) два сосуда, въ формѣ ковшей, съ тисненными на днѣ изображеніями неизвѣстнаго звѣря (похожаго на лисицу), съ такой же узорчатой каймой по краямъ и ручками, въ видѣ головы грифа, съ кольцомъ въ клювѣ, вѣсомъ каждый сосудъ по 33 золотника; 2) два сосуда, въ формѣ гладкихъ полукруглыхъ чашъ, или ковшей безъ ручекъ, вѣсомъ каждый въ 34 золотника, по краямъ чашъ рѣзьба подъ чернью; 3) два слитка, въ формѣ продолговатыхъ, неправильно и округлотрехгранныхъ полосъ, длиною каждая въ три вершка, вѣсомъ обѣ, приблизительно, въ 92 золотника, и 4) двадцать мелкихъ серебряныхъ бухарскихъ монетъ. Вещи найдены 29 іюня, вблизи деревни Тереховой, Логиновской волости, на склонѣ горы, по спуску съ яра на лугъ. Одна изъ мѣстныхъ крестьянокъ, спускаясь съ горы, замѣтила торчавшій изъ земли черепокъ, потянула его и вытащила вмѣстѣ съ нимъ двѣ серебряныхъ чаши безъ ручекъ, вложенныя одна въ другую, и двѣ чаши съ ручками, лежавшія опрокинутыми и тоже вложенными одна въ другую, сверху на первыхъ двухъ. Въ верхней чашкѣ безъ ручки, внутри ея лежали монеты, завернутыя въ истлѣвшую бересту, и два слитка, не завернутые и высунувшіеся изъ чаши концами. Всѣ вещи прекрасно сохранились и вѣсятъ всего около 2 фунт. 41 золотн. Одинъ изъ слитковъ съ одного конца размѣченъ чертами на равныя дѣленія и по крайнему изъ нихъ надрубленъ; видимо, что слитки эти служили матеріаломъ для изготовленія монетъ—ихъ рубили и отрубленные куски штамповали. (Свѣтъ, № 264, 1893 г.)

—— Изъ Аѳинъ телеграфируютъ въ „Standard“: при раскопкахъ близъ того мѣста, гдѣ нѣкогда находился Дельфійскій оракулъ, французскіе археологи сдѣлали важное музыкально-литературное открытіе, а

именно, — нашли гимнъ Аполлону, написанный на камнѣ. Каждый слогъ помѣченъ нотнымъ знакомъ для пѣнія. Надпись эта относится ко II вѣку до Р. Х. Полагаютъ, что она доставитъ еще не вполнѣ извѣстный ключъ въ древне-греческой музыкѣ. Ноты принадлежатъ композитору Аристоксену, ученику Аристотеля. (Нов. Вр. № 6351, 1893 г.

—— Въ 1893 году, весною, директоръ бернскаго археологическаго музея, пользуясь низкимъ уровнемъ воды, извлекъ изъ тины, по близости острова Сенъ-Пьерра, доисторическую ладью, замѣчательно сохранившуюся. По внѣшнему виду, она мало отличается отъ подобныхъ ей лодокъ, найденныхъ на днѣ нѣкоторыхъ французскихъ озеръ и, въ свою очередь, принадлежавшихъ доисторическимъ предкамъ нынѣшнихъ французовъ. Извлеченная недавно ладья, выдолблена изъ цѣльнаго дуба и имѣетъ въ длину до пяти саженъ. Отъ кормы, шириною въ 1 аршинъ съ четвертью, ладья эта постепенно съуживается къ носу, ширина котораго нѣсколько болѣе полъ-аршина. На бокахъ ея имѣются заплаты, прикрывающія квадратныя отверстія, вырубленныя, какъ должны полагать, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ изъ ствола выступали сучья. Для предохраненія ладьи отъ разрушенія, подъ вліяніемъ воздуха и свѣта, ее смочили смѣсью керосина съ политурнымъ лакомъ, стянули обручами и положили на время въ холодное и сырое мѣсто. Благодаря этимъ предосторожностямъ, ладья могла быть доставлена въ цѣльномъ видѣ въ бернскій археологическій музей. (Пр. В.).

—— Въ „Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи“, изд. Археологическимъ Институтомъ, вып. II (1885 г.) приложенъ хромолитографическій снимокъ съ иконы св. Николая Зарайскаго, также португальскаго „золотаго“ короля Эммануила *) и золотой дощечки съ надписью, о которой упоминалось на стр. 158 „Арх. Изв. и Зам.“ Судя по снимку, надпись пластинки, сдѣланная чернью на обѣихъ сторонахъ (снизу она немного обломана), нѣсколько разнится отъ транскрипціи, приведенной Писаревымъ, поэтому исправляемъ ее согласно рисунку: Лѣта ҁрнıг. Генваря в кҁ д гдрь црь и великій князь Василеи Ивановичъ всея Русіи приложилъ кчюдотворному ѡбразоу великог чютворца Николы Заразского как Бгъ ѡсвободил град его ѿ воровскихъ людей его чюдотворцевою млтвою и добили челом гдрю.

—— На стр. 319 „Арх. Изв. и Зам.“, стр. 11-я сверху, на-

*) Въ приложенномъ на таблицѣ объясненіи золотой монеты сказано, что она прислана Ивану Грозному королемъ португальскимъ Эмануиломъ въ началѣ XV вѣка (?)

печатано ошибкою Мозырскихъ могилъ, слѣдуетъ читать: Мозыкскихъ могилъ. Урочище Мозыки находятся въ Могилевской губ., Мстиславскаго у., Ослянской волости.

V.

Библіографія.

Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1890 годъ. Съ 91 политип. СПБ. 1893 г. Цѣна 2 р.

Раскопки Археологической Коммиссіи производились въ 1890 г. въ 11 губерніяхъ и областяхъ Россіи: въ Таврической губ., области Войска Донского, Бессарабской и Кіевской губ., Сѣверо-Западномъ краѣ, Казанской губ., Восточной Сибири, Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской обл., Закаспійскомъ краѣ и на Кавказѣ. Перечислить весь богатый матеріалъ, доставленный раскопками, нѣтъ возможности, поэтому здѣсь будутъ отмѣчены только наиболѣе выдающіяся раскопки и находки. Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, Тавр. губ., проф. Н. И. Веселовскимъ изслѣдованъ курганъ „Красныя могилы", или „Каменный", гдѣ обнаружены были пещеры, одна изъ нихъ подъ громаднымъ камнемъ; на потолкахъ нѣкоторыхъ находились искусственно сдѣланныя линіи и высѣченные вглубь изображенія козловъ и лошадей; назначеніе пещеръ г. Веселовскій не опредѣлилъ. Въ Симферопольскомъ уѣздѣ г. Веселовскій раскопалъ цѣлый рядъ кургановъ, изъ которыхъ нѣкоторые представляютъ выдающійся интересъ по находкамъ; такъ, въ одномъ обнаруженъ костякъ въ наклонномъ положеніи, на спинѣ, съ желѣзнымъ чешуйчатымъ панцыремъ подъ головою, золотымъ обручемъ на шеѣ; на груди лежала лошадиная лопатка, ниже—поясъ съ пряжками, въ видѣ орла; сбоку короткій мечъ, конецъ ноженъ котораго золотой съ финифтью, рукоятка меча—желѣзная изъ колецъ; кругомъ найдено много вещей: золотыя пуговицы, бронзовая, обтянутая листовымъ золотомъ, съ финифтяными украшеніями, фигура львицы, деревянный колчанъ со стрѣлами и проч.; на ногахъ покойника кожаные сапоги. Въ другомъ курганѣ той же мѣстности, разореномъ, найденъ костякъ съ сохранившимися *рыжими* волосами.

Ѳ. А. Браунъ занимался отыскиваніемъ готскихъ поселеній въ Крыму, и въ этомъ году раскапывалъ только Манкупъ; развалины крѣпости находятся на горѣ; въ цитадели г. Брауномъ найдены остатки древней церкви, въ нижней части города остатки другой, богатой, на что указываютъ найденные обломки орнаментовъ, мозаики и остатки фресковой живописи. Но самая инте-

ресная находка была сдѣлана случайно: въ стѣнѣ одной башни г. Браунъ нашелъ мраморную плиту съ 8-ми строчною византійскою надписью, содержащею свидѣтельство объ основаніи какого-то храма, имя его основателя и упоминаніе имени Тохтамыша. Другая еще болѣе важная надпись, вдѣланная также въ одну изъ башенъ, но на такой вышинѣ, что ее трудно было достать и г. Брауну удалось только прочесть слова *ΚΑΣΤΡΟΥ ΘΕΟΔΟΡΟΥ;* этой надписью рѣшается вопросъ, что Θеодоро находился на мѣстѣ Манкупа, но не Инкермана.

Раскопки въ Керчи и ея окрестностяхъ, произведенныя проф. Кулаковскимъ, дали интересные результаты: открыто нѣсколько катакомбъ; стѣны одной покрыты фресками, изображающими Гермеса, Сатира, мужчины въ скиѳскомъ костюмѣ, сидящей женщины и раба съ сосудомъ; на одной изъ стѣнъ той-же катакомбы находится греческая надпись, носящая характеръ заклинанія и имя соорудившаго гробницу (Соракъ сынъ Сорака). Другая катакомба замѣчательна надписями, которыми почти сплошь покрыты стѣны. Надписи, сдѣланныя красною краскою на глинѣ, содержатъ: молитву, псаломъ 90-й до 12 го стиха включительно, славословіе, заключеніе 90-го псалма, конецъ 120-го псалма и 2 первые стиха 26-го псалма; кромѣ того, нѣсколько изображеній крестовъ (подробное описаніе этой интересной катакомбы, сооруженной, судя по имѣющемуся на стѣнѣ ея 788 году мѣстной эры, т. е. 401 г. по Р. Х., находится въ № 6 „Матеріаловъ, издав. Арх. Комм.“). На Глинищѣ, около Керчи, найдено нѣсколько могилъ, изъ которыхъ наибольшій интересъ представляетъ склепъ съ деревяннымъ саркофагомъ, въ которомъ была погребена женщина, лежавшая во гробу, обитомъ матеріей, имѣвшей видъ бархата.

Въ Херсонесѣ сдѣлано, благодаря раскопкамъ, открытіе, важное для топографіи города: найдены стѣны, упоминаемыя въ VII кн. гл. 4, § 7 Географіи Страбона; на городищѣ Херсонеса открыто нѣсколько остатковъ христіанскихъ храмовъ, надписей, нѣсколько отдѣльныхъ предметовъ, между которыми интересна мраморная подставка въ видѣ головы льва, стоящей на одной лапѣ.

Въ Обл. Войска Донскаго раскопки производилъ В. Н. Ястребовъ, разрывшій близь Новочеркаска и въ юртѣ Голубинской станицы 14 кургановъ. Близь Азова, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1889 г. была найдена надгробная плита венеціанскаго консула и посла Джікомо Корнаро, г. Ястребовъ произвелъ раскопку, при чемъ найдено было кладбище и остатки зданія.

Д. Я. Самоквасовъ раскопалъ нѣсколько кургановъ Звенигородск. уѣзда, Кіевской губ., около м. Рыжановки, гдѣ въ 1878 г. были найдены въ курганѣ замѣчательныя древности, поступившія въ Краковскій Музей, но предметы, добытыя раскопками Д. Я. Самоквасова, далеко уступаютъ поступившемъ въ Краковъ; крайне интересна обстановка погребеній и положеніе костяковъ (напр. опис. на стр. 59).

Въ Витебской губ. г. Романовымъ начато изслѣдованіе интереснаго могильника, находящагося около г. Люцина на Комаровой горѣ. Подробности

о Люцинскомъ могильникѣ, относимымъ г. Романовымъ къ IX—X в., имѣютъ быть напечатаны въ особомъ изслѣдованіи.

Изъ археологическихъ изслѣдованій въ другихъ мѣстахъ, особый интересъ представляютъ раскопки г. Клеменцомъ большаго кургана въ могильникѣ Чаа-Таасъ, Минусинскаго округа, Енисейской губ.; хотя курганъ оказался расхищеннымъ, но изслѣдователю, тѣмъ не менѣе, удалось выяснить подробности погребенія: въ материкѣ была выкопана яма, дно которой выстлано обрубками дерева и прикрыто берестой, туда поставлено нѣсколько гробовъ изъ плитъ и помѣщено нѣсколько труповъ, которые были прикрыты берестой, хворостомъ землей, скрѣпленной бревнами и плитами, а надъ всѣмъ сооружена берестяная двухкупольная юрта, опиравшаяся на столбы. Въ разныхъ мѣстахъ кургана найдены предметы изъ золота (аграфъ, пуговки, пластинки), бронзы и остатки глиняныхъ масокъ, которыя накладывались на лица умершихъ. Въ приложеніяхъ къ Отчету помѣщены: перечень древностей изъ гробницъ Херсонеса, открытыхъ въ 1890 г.; списокъ фотографическихъ снимокъ видовъ и памятниковъ Средней Азіи (24 снимка) и таблица распредѣленій древностей между различными учрежденіями.

Ѳ. И. Буслаевъ. Нѣсколько замѣтокъ при чтеніи одного церковно-археологическаго труда (Христіанское Чтеніе 1893 г., вып. I, 211—220).

Небольшая статья нашего маститаго ученаго, кромѣ очень лестнаго отзыва о трудѣ Н. В. Покровскаго „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи", заключаетъ рядъ замѣтокъ, въ которыхъ, съ одной стороны, подчеркнуты особенно удачныя наблюденія автора книги, съ другой же стороны—указаны промахи и пропуски его, преимущ. въ области раннихъ памятниковъ западнаго искусства.

Н. В. Покровскій. Памятники православной иконографіи. — Памятники живописи древне-христіанскаго періода.—Памятники византійской иконографіи и искусства (Христіанское Чтеніе 1893 г., вып. I, 38—73; III, 426—477; IV, 13—45; V, 185—221; VI, 385—404).

Новый трудъ профессора Н. В. Покровскаго имѣетъ характеръ общедоступный: назначеніе его, какъ указано самой редакціей журнала,—познакомить съ результатами изысканій и трудовъ въ области церковной археологіи и дать для начинающихъ руководство къ самостоятельнымъ работамъ въ этой области. Въ настоящемъ году мы имѣемъ начало труда: первыя его главы. Планъ автора таковъ: во введеніи указана литература предмета, матеріалы (музеи, собранія вещей), намѣчено въ общихъ чертахъ даже практическое значеніе церковной археологіи (напр., въ вопросахъ раскола); излагается затѣмъ, какъ видно уже изъ выписанныхъ заголовковъ, сперва исторія памятниковъ въ первое время христіанства (катакомбы), затѣмъ начало византійскаго искусства (вѣкъ Константина В. и Юстиніана), главн. образомъ мозаики. До сихъ поръ трудъ доведенъ до обозрѣнія мозаикъ византійскихъ на почвѣ Италіи и южной Греціи. Въ дальнѣйшемъ обѣщаетъ авторъ изложить исторію памятниковъ, какъ византійскихъ, такъ и рус-

скихъ. Т. о. мы будемъ имѣть довольно полную исторію иконографіи, начиная съ древне-христіанской и кончая русской. Если и остальная, еще не изданная, часть труда будетъ отличаться тѣми же достоинствами, что и вышедшая, то цѣль, поставленная авторомъ — популярность и подготовка для начинающихъ,— будетъ достигнута; изложеніе отличается и доступностью и серьезной постановкой вопросовъ. Къ тексту приложены и рисунки (въ прорисахъ), если не особенно изящные, то во всякомъ случаѣ удовлетворительно иллюстрирующіе текстъ сочиненія.

VI.

Засѣданія Обществъ.

18-го октября 1893 г. состоялось засѣданіе классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго. Въ рѣчи, которою вновь избранный управляющій этимъ отдѣленіемъ открылъ собраніе, И. В. Помяловскій, отъ лица отдѣленія высказалъ благодарность Н. И. Стояновскому, исполнявшему обязанности управляющаго въ теченіе 19 лѣтъ; за этотъ періодъ времени отдѣленіе значительно разрослось и сильно развило свою дѣятельность. Въ настоящее время Н. И. Стояновскій, сложивъ съ себя обязанности управляющаго классическимъ отдѣленіемъ, избранъ его представителемъ въ совѣтѣ Общества. Въ томъ же засѣданіи прочитаны были рефераты: С. А. Жебелевымъ „О раскопкахъ американцевъ въ Аргосѣ“ и Я. И. Смирновымъ „О Зевсѣ Сирійскаго Геліополя и его идолѣ“. С. А. Жебелевъ въ своемъ рефератѣ сообщилъ подробныя свѣдѣнія о раскопкахъ, произведенныхъ въ Аргосѣ въ 1892 г. Американской Школой въ Аѳинахъ, которыя опредѣлили расположеніе древняго храма Геры и дали драгоцѣнные архитектурные и скульптурные обломки, среди которыхъ наиболѣе замѣчательнымъ памятникомъ древне - греческаго искусства временъ Поликлита и его школы является женская голова, относимая къ V-му вѣку до Р. Х.

Я. И. Смирновъ исходной точкой своего обширнаго изслѣдованія сдѣлалъ открытый имъ во время послѣдней экспедиціи, организованной Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ, рельефъ съ изображеніемъ божества, сохранившійся въ стѣнѣ одной православной церкви (употребленный въ дѣло какъ строительный матеріалъ) въ деревнѣ Ниха, на мѣстѣ древняго Геліополя. Этотъ рельефъ даетъ типичное изображеніе того божества Сиріи (Ададъ), которое, со временъ покоренія Сиріи Александромъ Македонскимъ,

превратилось въ мѣстнаго Зевса, культъ котораго, въ послѣдовавшій затѣмъ періодъ римскаго владычества, разнесенъ былъ повсюду римскими солдатами. (Ист. Вѣстн., ноябрь, 1893 г., стр. 621).

---

30 октября 1893 г. состоялось, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, засѣданіе Восточнаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества. Собраніе было открыто рѣчью А. О. Ивановскаго, посвященною памяти скончавшагося члена Общества С. М. Георгіевскаго, экстраординарною профессора Петербургскаго университета по каѳедрѣ китайской словесности. А. О. Ивановскій представилъ обзоръ трудовъ покойнаго синолога, какъ ученаго и популяризатора свѣдѣній о Китаѣ (въ книгѣ „Принципы жизни Китая"). Собраніе почтило память усопшаго вставаніемъ. Затѣмъ доложено было о новой присылкѣ Н. Ѳ. Петровскаго, нашего консула въ Кашгарѣ, доставившаго коллекцію снимковъ съ портретными изображеніями. Въ томъ же засѣданіи были прочтены рефераты Н. Ѳ. Катановымъ — „Татарская версія легенды о семи спящихъ отрокахъ" и барономъ В. Р. Розеномъ—„Труды доктора Гольдцигера по исторіи развитія ислама. (Нов. Вр. № 6320, 1893 г.).

3-го ноября 1893 г. состоялось общее собраніе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ августѣйшаго предсѣдателя Общества, его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича. Выслушавъ докладъ коммиссіи по присужденію медалей Общества за представленныя на соисканіе медалей сочиненія, собраніе присудило золотую медаль Н. В. Покровскому за его сочиненіе „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи" (изд. Московск. Арх. Общ.) и серебряныя медали: г. Преображенскому за его сочиненіе „Памятники древняго русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи" и профессору Мальмбергу за его сочиненіе „Метопы въ древне-греческихъ храмахъ". Членами новой коммиссіи по присужденію медалей избраны: Н. И. Веселовскій, В. Г. Васильевскій, баронъ В. Р. Розенъ, Л. Н. Майковъ и В. В. Латышевъ. Въ томъ же засѣданіи Н. И. Веселовскій сдѣлалъ докладъ „Объ археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ" и И. П. Хрущовъ—о перстнѣ XI — XII в., найденномъ въ м. Бѣлгородкѣ, близъ Кіева, мѣстнымъ священникомъ о. Модестомъ Чечотомъ.

Въ засѣданіи Кіевскаго Общества Естествоиспытателей, 16 октября 1893 г., между прочимъ, профессора П. Я. Армашевскій и В. Б. Антоновичъ сдѣлали совмѣстное сообщеніе „О нахожденіи костей мамонта и кремневыхъ орудій въ Кіевѣ". Мѣстность, гдѣ были найдены интересные остатки орудій первобытнаго человѣка и современной фауны, была изслѣдована въ геологическомъ отношеніи профессоромъ Армашевскимъ. Ему принадлежитъ

первая часть сообщенія. Въ началѣ референтъ иллюстрировалъ сдѣланное имъ описаніе характера мѣста находки картой профиля напластованій и снятыми съ натуры видами этой мѣстности, исполненными лаборантомъ университета св. Владиміра, г. Ноллейномъ. Упомянутые остатки найдены на Подолѣ, за Іорданской церковью, въ 40 саженяхъ отъ Кирилловской улицы, въ двухъ усадьбахъ, одной, принадлежавшей нѣкогда инженеру Струве, и въ усадьбѣ г. Багрѣева; въ этихъ двухъ усадьбахъ находятся обнаженія пластовъ земли. Во время земляныхъ работъ, производившихся недавно въ первой усадьбѣ подъ наблюденіемъ г. Хвойко, были найдены кости и кремни. Заинтересовавшись такой находкой, г. Хвойко обратился за разъясненіемъ къ профессору Антоновичу, который, въ свою очередь, пригласилъ проф. Армашевскаго для геологическаго изученія упомянутой мѣстности. Изслѣдованіе, произведенное референтомъ, и составляло предметъ сообщенія. Обнаженіе пластовъ земли въ усадьбѣ бывшей Струве показываетъ слѣдующее расположеніе ихъ: сверху покрытый растительностью лёссъ, мощностью до 3 саж., подъ лёссомъ желтовато - бурые глинистые пески до 3 аршинъ и, наконецъ, еще ниже—зеленовато и желтовато-сѣрые пески до $2^1/_2$ арш., гдѣ и найдены были шесть кучъ костей мамонта, а именно: два зуба, клыкъ, часть клыка, другой клыкъ въ $2^1/_2$ аршина и рядомъ кость лопатки съ лежащимъ на ней кремневымъ ножомъ и бедряная кость. Въ усадьбѣ же г. Багрѣева обнаженіе показало слѣдующіе пласты: сверху лёссъ, толщиною до 3-хъ саж., подъ нимъ желто-бурые песчаные суглинки до 3-хъ аршинъ и, наконецъ, сѣрые пески до 3 хъ саж., съ прослойками бураго угля (культурный слой), гдѣ на глубинѣ 5—6 саж. отъ поверхности и найдены были остатки кремневыхъ оббитыхъ орудій, кучи осколковъ кремней (такъ называемыхъ нуклеусовъ), кусочки угля и кусочки обожженныхъ костей. Отсутствіе на нѣжныхъ и острыхъ краяхъ оббитыхъ орудій слѣдовъ переноски ихъ водой съ мѣста на мѣсто показываетъ на то, что ихъ мѣстонахожденіе было и мѣстомъ ихъ изготовленія. Для референта нѣтъ сомнѣнія, что описанные остатки находятся въ *коренной* породѣ, принадлежащей къ послѣтретичнымъ или диллювіальнымъ образованіямъ, и представляютъ собою самыя древнія находки въ Россіи. Въ заключеніе П. Я Армашевскій указалъ на климатъ эпохи нахожденія остатковъ и на топографію прилежащей мѣстности.

Затѣмъ В. Б. Антоновичъ началъ свою часть сообщенія указаніемъ на большой интересъ описанныхъ проф. Армашевскимъ ископаемыхъ остатковъ для археологіи, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ *палеолитическимъ* періодомъ, такъ долго длившимся въ исторіи эволюціи человѣка. Попытки раздѣлить эту эпоху на части соотвѣтственно постепенному развитію человѣка породили такъ называемую археологическую классификацію, въ основу которой легли тѣ или другіе признаки орудій первобытнаго человѣка; но эта классификація представляла большой просторъ для произвольныхъ умозаключеній; пришлось обратиться, кромѣ того, къ другимъ даннымъ. Въ настоящее время каменный вѣкъ дѣлятъ на два періода: палеолитическій и неолити-

ческій; первый характеризуется нахожденіемъ *оббитыхъ* кремневыхъ орудій въ диллювіи, второй же—нахожденіемъ шлифованныхъ такихъ-же орудій въ аллювіи (новомъ диллювіи). Далѣе референтъ указалъ на шесть единственныхъ случаевъ нахожденія въ Россіи подобныхъ остатковъ, изъ которыхъ послѣдній имѣлъ мѣсто въ 1882 г. при размывѣ въ половодье оврага въ Подольской губерніи, Новоушицкаго уѣзда, въ м. Студеницы, гдѣ находился по другому поводу самъ референтъ. Вообще, наша находка, по мнѣнію В. Б. Антоновича, несомнѣнно убѣждаетъ насъ въ присутствіи человѣка въ мѣстѣ нахожденія остатковъ, гдѣ онъ, запасшись матеріаломъ для выдѣлки орудій, занимался ихъ изготовленіемъ, чему доказательствомъ служатъ нуклеусы; сюда же онъ собиралъ добытыхъ звѣрей; однимъ словомъ, здѣсь была стоянка первобытнаго человѣка. Находка остатковъ свидѣтельствуетъ, что наша страна была гораздо ранѣе заселена, чѣмъ до сихъ поръ предполагали. Сообщенія закончились демонстрированіемъ публикѣ ископаемыхъ остатковъ мамонта и коллекцій каменныхъ орудій, составленныхъ г. Хвойко и проф. Армашевскимъ. (Кіевлянинъ).

Въ засѣданіи Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, 28 октября 1893 г., былъ сдѣланъ свящ. Спѣсивцевымъ докладъ объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ имъ вблизи с. Райгородка, Изюмскаго уѣзда, и свое сообщеніе докладчикъ демонстрировалъ чертежами мѣстности, снимками съ находокъ и, наконецъ, самими находками. Находки эти — своего рода богатство, рѣдко выпадающее на долю отдѣльнаго археолога. Здѣсь встрѣчаются предметы разныхъ эпохъ и народовъ, начиная съ каменнаго періода. Докладчикомъ собрано множество кремневыхъ стрѣлъ, наконечниковъ копій, сѣкиръ и т. п. предметовъ, принадлежащихъ очевидно къ глубокой древности. Изъ металлическихъ вещей обращаетъ на себя вниманіе предметъ, напоминающій верхнюю часть булавы, металлическій крестикъ очень тонкой работы, пуговки, остатокъ какого-то орнамента, большое количество различнаго рода монетъ, татарскихъ золотоордынскихъ XIV вѣка, и т. п. При этомъ докладчикъ демонстрировалъ и образцы почвъ (глины), въ которыхъ найдены отысканные имъ предметы. Всѣ свои находки о. Спѣсивцевъ передалъ въ распоряженіе историко - филологическаго Общества; большая часть изъ нихъ поступитъ въ университетскій музей и только нѣкоторыя изъ монетъ—въ нумизматическій кабинетъ.

Значительнымъ интересомъ отличался также и другой докладъ—докладъ проф. Багалѣя о рукописномъ сборникѣ, принадлежавшемъ, по мнѣнію докладчика, фамиліи князей Куракиныхъ. Содержаніе сборника—историко-сатирическое. Отмѣчаемъ напр. сатирическія произведенія, имѣющія въ виду личность Черниговскаго архіерея Виктора Садковскаго (въ концѣ XVIII вѣка), составленныя очевидно въ средѣ епархіальнаго духовенства, можетъ быть въ кругу семинарской молодежи (на это соображеніе особенно наводитъ со-

поставленіе „епитафіи“ на смерть „архіерея и кавалера“ Виктора съ „отвѣтомъ“ того же Виктора „изъ царства мертвыхъ“: и „епитафія“, и отвѣтъ невольно напоминаютъ блаженной памяти семинарскія диспутаціи pro и contra, сочиняемыя однимъ и тѣмъ же студентомъ); такимъ же сатирическимъ характеромъ, хотя и въ болѣе широкомъ, политическомъ, такъ сказать, смыслѣ, отличается и „письмо съ Сатурна“, относящееся къ 1772 г. Наивнымъ, вполнѣ народнымъ юморомъ проникнуты помѣщенныя въ сборникѣ рождественскія и малорусскія вирши. Далѣе, въ сборникъ вошли: предсказанія Мартына Задеки, письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Великому Князю Константину, длинный документъ (1745 г.), относящійся къ вопросу объ избраніи послѣдняго гетмана, курьезное прошеніе къ Московскому градоначальнику и др. (Южный Край, № 4405, 1893 г.).

Въ засѣданіи общества археологіи, исторіи и этнографіи, при Казанскомъ Университетѣ, сдѣланы были И. Н. Смирновымъ и П. А. Понамаревымъ сообщенія о результатахъ раскопокъ, произведенныхъ референтами минувшимъ лѣтомъ въ селѣ Успенскомъ-Болгарахъ. Изъ этихъ изслѣдованій большіе, сравнительно, результаты, дала экскурсія г. Пономарева. Задачу, которую преслѣдовалъ г. Пономаревъ въ своихъ археологическихъ изысканіяхъ, должна была выразиться въ обзорѣ береговой линіи Волги отъ села Болгаръ до д. Булымеръ, съ цѣлью выяснить вопросъ о существованіи здѣсь слѣдовъ курганнаго погребенія древнихъ Руссовъ. Преслѣдуя эту цѣль, г. Пономаревъ раскопалъ семь кургановъ, изъ которыхъ только одинъ достаточно представилъ небезъинтересныя данныя. Подъ насыпью этого кургана найдено было кострище, состоящее изъ массы углей и пережженыхъ мелкихъ костей, между которыми находились и человѣческіе зубы. Кромѣ того на кострищѣ найдены: мѣдная бляха, глиняный сосудъ съ плоскимъ дномъ, поясной наборъ изъ мѣдныхъ пластинокъ и большой желѣзной мечъ съ широкимъ, изогнутымъ клинкомъ. Вообще, раскопка кургана, по словамъ г. Пономарева, дала довольно ясную картину погребенія съ трупосожженіемъ и опредѣленнымъ расположеніемъ вещей погребеннаго. А. А. Штукенбергъ, характеризуя булымерскій курганный мечъ, пришелъ къ заключенію, что онъ „представляетъ полное тождество съ скандинавскими мечами позднѣйшей эпохи желѣзнаго вѣка, продолжавшагося примѣрно отъ 700 до 1000 г. по Р. Х.“ Въ своемъ опредѣленіи, какъ замѣчаетъ П. А. Пономаревъ, г. Штукенбергъ оставилъ однако, открытымъ вопросъ—представлялъ ли изслѣдованный курганъ могилу пришельца съ далекаго сѣверо-запада или аборигена, владѣвшаго мечемъ скандинавскаго типа. Признавая соображенія г. Штукенберга весьма вѣроятными и устойчивыми, г. Пономаревъ вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ возможнымъ подойти и къ разрѣшенію поставленнаго имъ вопроса. Ссылаясь на нѣкоторые источники, г. Пономаревъ замѣчаетъ, что скандинавскій типъ меча не устраняетъ возможности считать его принадлежащимъ именно Руссу. Въ

виду этого г. Пономаревъ и допускалъ возможность искать погребальныхъ кургановъ Руссовъ именно въ окрестностяхъ Болгаръ. Но дальнѣйшіе поиски дали пока лишь отрицательные результаты.

Въ дальнѣйшемъ развитіи экскурсіи г. Пономоревъ изслѣдовалъ урочище, извѣстное подъ названіемъ „Царицыной могилы". По преданію, циркулирующему среди мѣстныхъ жителей, „царицына могила" находится въ лѣсу — „на этотъ бугоръ, какъ гласитъ преданіе, ханъ булгарскій ѣздилъ каждый день завтракать, и такъ полюбилось ему это мѣсто, что онъ тутъ и дочь свою схоронилъ,— оттого и зовутъ это мѣсто „царицыной могилой". Обслѣдованіе показало, однако, что урочище совсѣмъ не могила, а просто небольшой „городокъ", расположенный на выступѣ „Верхняго бора" и „Глубокаго оврага". Поверхность городка и склонъ его поросли лѣсомъ, культурный слой незначителенъ, кухонныхъ остатковъ такъ мало, что пробная раскопка, произведенная на площадкѣ и склонахъ, дала въ результатѣ одинъ небольшой черепокъ отъ глинянаго сосуда съ плоскимъ дномъ. Наконецъ, г. Пономареву удалось обслѣдовать такъ называемый „Стромиловскій городокъ", расположенный въ 6 верстахъ отъ д. Булымеръ вверхъ по Волгѣ. Культурный слой этого городка оказался также очень незначительнымъ и небогатымъ кухонными остатками. Но содержаніе одного изъ кругообразныхъ бугорковъ оказалось довольно оригинальнымъ. Подъ внѣшнимъ землянымъ покровомъ была обнаружена цѣлая куча черепковъ отъ глиняныхъ сосудовъ, между которыми оказалась одна оловянная бляха. Характеръ посуды и строеніе описанныхъ городковъ не представляютъ ничего общаго съ болгарской культурой. Характеръ посуды не позволяетъ даже утверждать, что Стромиловскій городокъ имѣетъ значительную древность. Если принять во вниманіе — говоритъ г. Пономаревъ,—что въ этой мѣстности и теперь еще есть нѣсколько мордовскихъ дворовъ, а по преданію—все населеніе дер. Арчиловки и булымеръ былъ мордовскимъ, то можно придти къ заключенію, что Стромиловскій городокъ и Царицына могила представляютъ собой слѣды финскихъ укрѣпленій и поселковъ сравнительно недавней эпохи. (Волж. Вѣст., № 278, 1893 г.).

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Приложенiе къ статьѣ: ***„Клинообразная надпись Русы I въ Келаны-Кирланы (Алучалу)“.***

ТЕКСТЪ,

ТРАНСКРИПЦІЯ и ПЕРЕВОДЪ

КЛИНООБРАЗНЫХЪ НАДПИСЕЙ

Келаны-Кирланы (Алучалу) № XVIII, Армавиръ №№ XIX и XX, Сарыкамышъ № XXI и Захалу № XV.

М. В. НИКОЛЬСКАГО.

МОСКВА,
Типографія и Словолитня О. О. Гербека, Чернышевскій пер., № 5.
1893.

XVIII. НАДПИСЬ РУСЫ I въ КЕЛАНЫ-КИРЛАНЫ [АЛУЧАЛУ].

1. *(d.) Ḫal - di - ni - ni uš - ma - ši - ni si - ni (d.) Ru - sa - a - še*
Халдиніямъ милостивымъ Руса,

2. *(d.) Sari - du - ri - ḫi - ni - še i - e - še i - ni - li e - ba - ni - li*
сынъ Сардури я эту область

3. *šu - si - ni - e uš - ti - ib - ti - ni ma - gu - u (d.) Bu - ra - aš - tu - li*
твердынь, которая называется округомъ (?) города Бураштули:

4. *(d.) A - da - ḫu - ni (d.) U - e - li - da (d.) Ku - me - ru - ḫi - e*
страну Адахуни, страну Уелида, страну Кумерухи,

5. *(d.) Ši - ri - ku - ki - i - ni IV i - pa - ni ab - ti - ni (d.) La - i - ni - e*
страну Ширикукини, 4 царей провинціи (?), называемой страною Ланни;

6. *(d.) U - bi - me - ni (d.) Ša - ma - ṭu - a - i - ni (d.) Te - ri - u - i - ša - i - ni*
страну Убимени, страну Шаматуани, страну Теріуишанни,

7. *(d.) Ri - šu - a - i - ni (d.) Zu - a - i - ni (d.) A - ku - a - ni (d.) A - ma - ni - ni*
страну Ришуанни, страну Зуанни, страну Акуани, страну Аманини,

8. *(d.) Ir - ki - ma - i - ni (d.) E - la - i - ni (d.) E - ri - el - tu - a - i - ni*
страну Іркиманни, страну Еланни, страну Еріельтуанни,

9. *(d.) A - i - da - ma - ni - u - ni (d.) Gu - ri - a - i - ni (d.) Al - ẓi - ra - ni*
страну Аидаманіуни, страну Гуріанни, страну Альзирани,

10. (d.) Pi - ru - a - i - ni (d.) Me - la - a - i - ni (d.) U - še - du - i - ni
странy Пируаини, странy Мелаини, странy Ушедуини,

11. (d.) A - ṭa - ẓa - a - i - ni (d.) E - ri - a - i - ni (d.) A-ẓa-me - ru - ni - ni
странy Атазаини, странy Еріаини, странy Азамеруинини,

12. XIX i - pa - ni ab - ṭi - ni (d.) . . . i - du - a - i - ni (d.) ba - ba - ni - a
19 царей провинціи (?), называемой страною . . . идуаини, [страною] отдаленною,

13. ku - ru - ni - e XXIII šu - si - ni - i aš - gu - bi
данниками всего 23 царя твердынь я взялъ,

14. 'a - še (d.) (d.) Bi - a - i - na - di pa - ru - bi me - ši - ni ša - a - li
мужей, женщинъ въ странy Біайна [Ванъ] я отвелъ въ этотъ (?) годъ

15. na - a - ab ši - di - iš - tu - u - bi (d.) Ru - sa - a - še
я возстановилъ, Руса, дворцы

16. man-ku (d.) e - ba - a - ni
области

17. (d.) Teišbaše i - ni ba - du - si - i - e ši - di - iš - tu - bi
богy Теиша этотъ дворецъ разрушенный я возстановилъ,

18. (d.) Teišbaše i a-na - i
богъ Теиша страны

19. *Вся строка стерта.*

XIX. НАДПИСЬ РУСЫ II изъ АРМАВИРА.

1. *(d.) Ru - sa - še (d.) E - ri - me-na - ḫi - ni - še*
Руса, сынъ Еримена,

2. *i - ni ḫi - ši - ri*
этотъ домъ

3. *I M IV C XXXII ka*
1432

XX. НАДПИСЬ САРДУРИ II изъ АРМАВИРА.

1. *(d.) Ḫal - di - e e - u - ri - e i - ni (d.) Sari - du - ri - še*
Халди, господину, этотъ домъ Сардури,

2. *(d.) Ar - giš - ti - ḫi - ni - še ši - di - iš - tu - ni*
сынъ Аргишти возстановилъ, дворецъ

3. *ba - du - u - si - e ši - di - iš - tu - ni*
разрушенный возстановилъ

4. *ku - u*

5. *(d.) Sari - du - ri - še (d.) Ar - giš - ti - ḫi - ni - še*
Сардури, сынъ Аргишти

6. *ša - ta*

7. *i*

8. *te - ku*

9. }
10. } *Эти строки совершенно стерты.*

XXI. НАДПИСЬ АРГИШТИ изъ САРЫКАМЫША.

1. *al ḫa - u - bi (d.) A - ḫu - ri - a - ni*
я завоевалъ городъ Ахуріани,

2. *(d.) Aš - ṭu - ḫi - ni - e - i - ni*
города Аштухини страну,

3. *(d.) Me - a lu - . . . . ḫi ar u i - ni*
страну Меалу . . . . хи,

4. *(d.) Aš - ṭu - a - ḫi - ni - e ḫa - u - bi*
городъ Аштуахини я завоевалъ;

5. *(d.) E - ti - u - ni (d.) I - bi - ra - ni*
страну Етіуни, страну Ибирани

6. *na - a - li a - nu - i a ni*

7. *ri - e (d.) (d.) E - ti - u - ni*
царя страны Етіуни.

8. *(d.) Ar - gi - iš - ti - še a - li - e*
Аргишти говоритъ:

9. *ḫu - ti - a - di (d.) Ḫal - di - e - di*
по приказанію (бога) Халди,

10. *(d.) - di (d.) - di - aš - te*
(бога) Теншба, (бога) Ардини, боговъ, —

11. *ḫa - ši - a - al- me - e*
да пошлютъ успѣхъ (мнѣ) боги. —

12. *II u i bi lu ši - u - bi*
локтей я отнялъ

VI.

13. ri (d.) Ḳa - al - ra - ḫi pa - ri
городъ Кальрахи отъ

14. (d.) E - ti - u - ni ḫa - ṭu - bi me - ti ni
(страны) Етіуни я отдѣлилъ

15. C XX C bi
100 20 100

16. C L VI M C
150 6000 100

17. (d.) Ḫal - di - ni - ni al - su - u - ši - ni
Халдиніямъ великимъ.

18. (d.) Ar - gi - iš - ti - ni (d.) Me - nu - a - ḫi - ni
Аргишти, сынъ Менуа,

19. - - - (d.) Bi - a - na - u - e
царь могущественный, царь страны Біайна (Вана)

20. a - lu - si (d.) Ṭu - uš - pa (d.)
живущій въ городѣ Тушпа.

21. (d.) Ar - gi - iš - ti - še a - li - e
Аргишти говоритъ:

22. a - lu - še i - ni tu - li - e
кто эту надпись удалитъ,

23. a - lu - še pi - tu - li - e tu - ri - ni - ni
кто сотретъ, то лицо

24. (d.) Ḫal - di - še (d.) - še (d.) - še
(богъ) Халди, (богъ) Тешба, (богъ) Ардини

Послѣднія двѣ строки неразборчивы.

XV. НАДПИСЬ САРДУРИ II въ ЗАХАЛУ

(въ исправленномъ и дополненномъ видѣ[1]).

---

1. *(d.) Ḫal- di - ni uš - ta - bi ma - si - ni* [2] *šu - ri - e*
(Богу) Халди я молился, властителю могущественному,

2. *ka - ru - ni (d.) Ši - ri - ḳu - ḳi - ni - - ni - e*
который далъ Ширикукини - землю;

3. *(d.) Sari - du - ri - še a - li uš - ta - di*
Сардури говоритъ: при приближеніи

4. *ḫa - u - bi (d.) Ši - ri - ḳu - ḳi - ni - ni - e*
я покорилъ Ширикукини - землю,

5. *ḫa - ṭu - bi pa - ri (d.) Ur - ṭa - ḫi - i - ni*
я отдѣлилъ отъ страны Уртахини

6. *(d.) Ḫal - di - ni - ni al - su - i - ši - ni*
(бож.) Халдиніямъ великимъ,

7. *(d.) Sari - du - ri - ni (d.) Ar - giš - ti - ḫi*
Сардури, сынъ Аргишти,

8. *- ni*
царь могущественный, царь великій, царь странъ, царь царей

9. *a - lu - si (d.) Ṭu - uš - pa - a - e (d.)*
живущій въ городѣ Тушпа.

[1] См. *Клинообразныя надписи Ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи* въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи», Вып. III, стр. 448.

[2] Знака *giš* въ подлинникѣ *нѣтъ*.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.
Москва, 18 Декабря 1898 года. Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ 12 разъ въ годъ и составятъ томъ въ 25 листовъ. Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою ТРИ (3) рубля въ годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Историческомъ Музеѣ, на Красной Площади, у Алексѣя Васильевича Орѣшникова ежедневно (кромѣ субботъ и праздниковъ), отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня.

2) Въ антикварной книжной торговлѣ П. П. Шибанова. Москва, Петровскія линіи.

Иногороднiе подписчики благоволятъ присылать подписные ТРИ рубля исключительно на имя Московскаго Археологическаго Общества (Москва, Берсеневская набережная, у Каменнаго моста, собств. домъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности — церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа; особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы въ Москву, въ Историческій Музей, на Красной Площади, Алексѣю Васильевичу Орѣшникову.

